Библиотека
всемирной литературы

Серия первая *

Литература Древнего Востока
Античного мира
Средних веков
Возрождения
XVII и XVIII веков

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ
БИБЛИОТЕКИ
ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Абашидзе И. В.
Айтматов Ч.
Алексеев М. П.
Бажан М. П.
Благой Д. Д.
Брагинский И. С.
Бровка П. У.
Бурсов Б. И.
Бэкман В. Э.
Ванаг Ю. П.
Гамзатов Р.
Гафуров Б. Г.
Грабарь-Пассек М. Е.
Грибанов Б. Т.
Егоров А. Г.
Ибрагимов М.
Иванько С. С.
Косолапов В. А.
Лупан А. П.
Любимов Н. М.
Марков Г. М.
Межелайтис Э. Б.
Неупокоева И. Г.
Нечкина М. В.
Новиченко Л. Н.
Нурпеисов А. К.
Пузиков А. И.
Рашидов Ш. Р.
Реизов Б. Г.
Сомов В. С.
Тихонов Н. С.
Турсун-заде М.
Федин К. А.
Федоренко Н. Т.
Федосеев П. Н.
Ханзадян С. Н.
Храпченко М. Б.
Черноуцан И. С.
Чхиквишвили И. И.
Шамота Н. З.

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

АЛБАНИЯ
АНГЛИЯ
ВЕНГРИЯ
ГЕРМАНИЯ
ДАЛМАЦИЯ
ДАНИЯ И НОРВЕГИЯ
ИСЛАНДИЯ
ИСПАНИЯ
ИТАЛИЯ
НИДЕРЛАНДЫ
ПОЛЬША
ПОРТУГАЛИЯ
ФРАНЦИЯ
ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ
ШВЕЦИЯ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА»
МОСКВА · 1977

Вступительная статья Ю. Виппера

Сб3
Е 24

Составление И. Бочкаревой (Дания и Норвегия, Исландия, Швеция), Ю. Виппера (Франция), Е. Витковского (Нидерланды), Л. Гинзбурга (Германия), И. Ивановой (Чехия и Словакия), В. Муравьева (Англия), А. Романенко (Далмация), О. Россиянова (Венгрия), Т. Серковой (Албания), Б. Стахеева (Польша), Н. Томашевского (Италия, Португалия)

Е $\frac{70404\text{-}363}{028\,(01)\text{-}77}$ подписное

© Издательство «Художественная литература», 1977 г.

© *Скан и обработка: glarus63*

ПОЭЗИЯ БАРОККО И КЛАССИЦИЗМА

Художественное богатство европейской поэзии XVII столетия нередко недооценивают. Причина тому — предрассудки, продолжающие иногда все еще определять восприятие литературного наследия этого бурного, противоречивого, сложного времени. Принципиальному будто бы «антилиризму» XVII столетия ищут объяснения и в господстве нивелирующей человеческую личность придворной культуры, и в гнете абсолютизма, и во влиянии на умы метафизического склада мышления, рационалистической прямолинейности и просто-напросто рассудочности, и в склонности превращать поэзию в изощренную, искусственную формалистическую игру — склонности, отождествляемой, как правило, со стилем барокко. Однако попытки абсолютизма подчинить себе творческие силы нации отнюдь не определяют содержание духовной жизни европейского общества XVII столетия. Решающую роль здесь играют другие факторы. Не следует преувеличивать и значение метафизических и механистических представлений в культуре XVII века. Обостренный интерес к проблеме движения — одна из отличительных черт интеллектуальной жизни этой эпохи. Обостренный интерес к динамическим аспектам действительности, к преисполненному драматизма движению характеров, событий и обстоятельств, к осмыслению и воспроизведению противоречий, служащих источником этого неумолимо устремляющегося вперед жизненного потока, присущ и эстетическому мировосприятию эпохи, особенно его барочным формам.

Чуждый предвзятости, объективный взгляд на литературу барокко как на искусство, не лишенное острых противоречий, но отнюдь не однолинейное, а, наоборот, чрезвычайно многообразное, способное порождать ослепительные, непреходящие художественные ценности, и является одной из основных предпосылок для плодотворного восприятия европейской поэзии XVII века. Облегчают возможность такого подхода многочисленные работы, которые посвящены советскими учеными в последнее время изучению проблемы барокко.

Семнадцатый век выдвинул таких выдающихся поэтов, как Гонгора, Кеведо, Донн и Мильтон, Марино, Малерб, Ренье, Теофиль де Вио, Лафонтен и Буало, Вондел, Флеминг и Грифиус, Потоцкий, Зрини и Гундулич. Один уже перечень этих имен говорит о том, какое принципиально важное место занимает XVII век в истории европейской поэзии. Но это лишь перечень светил наивысшего ранга, да и то выборочный, неполный. Важно и другое: во всех странах Европы поэзия в XVII веке переживает бурный расцвет, находится на гребне литературной жизни, порождает поистине необозримое количество талантливых, незаурядных творческих личностей.

В художественной системе европейской поэзии XVII века немало черт, связанных с литературными традициями прошлого. К Возрождению восходят во многом и господствующая структура лирических и эпических жанров, и продолжающееся усиленное обращение к античной мифологии как к кладезю сюжетов и образов, и воздействие канонов петраркизма в любовной лирике, и влияние на развертывание поэтической мысли законов риторики. Барочные писатели к тому же широко используют восходящие к средневековой культуре символы, эмблемы и аллегории, воплощают свои умонастроения с помощью традиционных библейских образов, вдохновляются зачастую идеалами, почерпнутыми из рыцарских романов. Вместе с тем художественное мироощущение, которым проникнута поэзия XVII века, в своей основе глубоко оригинально, самобытно, принципиально отлично от эстетических концепций и идеалов как эпохи Возрождения, так и века Просвещения.

Речь здесь идет не только о весьма высоком и широко распространенном уровне технического мастерства (причину этого следует искать и в закономерностях становления национальных литературных языков; и в обостренно-утонченном стилевом чутье, присущем эпохе; и в месте, которое поэзия занимала в существовании просвещенных кругов того времени, составляя основной предмет занятий многочисленнейших салонов, объединений и академий и служа одним из главных средств украшения придворного быта). Определяющим же является другое: крупнейшие достижения европейской поэзии XVII века запечатлели в совершенной художественной форме духовные искания, страдания, радости и мечты людей этой эпохи, жестокие конфликты, очевидцами и участниками которых они были. Постичь своеобразие европейской поэзии XVII столетия, истоки ее жизненности (в том числе и тех ее аспектов, которые кажутся особенно близкими людям XX в.) нельзя, не восстановив хотя бы в самых общих чертах сущность тех исторических условий, в которых суждено было творить ее выдающимся представителям, и той культурной атмосферы, которая их окружала и созданию которой они сами способствовали.

«Семнадцатый век» как эпоха играет во многом узловую, критическую роль в развитии того процесса борьбы между силами, защищающими феодальные устои, и силами, расшатывающими эти устои, начальная стадия которого относится к эпохе Возрождения, а завершающая охватывает эпоху Просвещения. Эту роль можно назвать узловой потому, что именно в ожесточенных общественных схватках, происходящих в XVII столетии (будь то Английская

революция, Фронда или Тридцатилетняя война), во многом определяются темпы и характер дальнейшего развития, а в какой-то мере и будущего разрешения этого конфликта в отдельных странах Европы.

Повышенный драматизм XVII столетию как эпохе придает и то обстоятельство, что общественные столкновения разыгрываются в этот исторический период в условиях резкой активизации консервативных и реакционных кругов: они мобилизуют все свои ресурсы и используют все возможности с целью повернуть историю вспять или хотя бы приостановить ее поступательное движение. Усилия консервативных кругов принимают весьма различные формы. Это прежде всего такое широкое и многоликое общеевропейского характера явление, как контрреформация. Если во второй половине XVI столетия идеал, утверждаемый деятелями контрреформации, носит по преимуществу сурово аскетический характер, то с начала XVII века поборники этого движения (и в первую очередь иезуиты) прибегают ко все более разносторонним и гибким методам воздействия, охотно используя ради распространения своих идей и расширения сферы своего влияния пропагандистские и выразительные возможности стиля барокко, со свойственной ему пышностью, эмфазой и патетикой, тягой к чувственности. Одно из центральных событий в Западной Европе XVII столетия — это Тридцатилетняя война. И эта кровавая бойня, в которую оказались втянутыми европейские страны, была прежде всего следствием пагубных поползновений со стороны реакционных сил, их стремления к господству любой ценой.

Возросшая сложность условий, в которых в XVII столетии развертывается общественная и идеологическая борьба, наглядно отражается в художественной литературе эпохи. В литературе XVII века по сравнению с Возрождением утверждается более сложное и вместе с тем более драматическое по своей сути представление о взаимосвязи человека и окружающей его действительности. Литература XVII столетия отражает неуклонно возрастающий интерес к проблеме социальной обусловленности человеческой судьбы, взаимодействия во внутреннем мире человека личного и общественного начал, зависимости человека не только от своей натуры и прихотей фортуны, но от объективных закономерностей бытия и в том числе от закономерностей развития, движения общественной жизни. Литература XVII столетия, как и ренессансная литература, исходит из представления об автономной, свободной от средневековых ограничений человеческой личности и ее правах и возможностях как основном мериле гуманистических ценностей. Она рассматривает, однако, эту личность в более глубокой и одновременно более широкой с точки зрения охвата действительности перспективе, как некую точку преломления находящихся вне ее самой, но воздействующих на нее сил.

Замечательные ренессансные писатели Боккаччо и Ариосто, Рабле и Ронсар, Спенсер и Шекспир (в начале его творческого пути) в своих произведениях прежде всего с большой художественной силой раскрывали безграничные возможности, заложенные в человеческой натуре. Но их мечтам и идеалам был присущ утопический оттенок. В огне таких катаклизмов, как религиозная

война во Франции 60—90-х годов XVI века, как революции в Нидерландах и Англии или Тридцатилетняя война, в соприкосновении с такими общественными явлениями, как контрреформация и процесс первоначального накопления, особенно очевидно выявлялись призрачные, иллюзорные стороны этого идеала. Осознание жестокого разлада между возвышенными ренессансными идеалами и окружающей действительностью, в которой верх берут антигуманные общественные силы, нашло свое воплощение в творчестве выдающихся представителей позднего Возрождения (например, у Дю Белле, автора «Сожалений», и в целом ряде стихотворений, созданных Ронсаром в 70—80-х годах XVI в., в «Опытах» Монтеня, в творчестве Шекспира после 1600 г., в произведениях Сервантеса). Несомненна тесная органическая связь между преисполненным внутреннего трагизма периодом позднего Возрождения и процессами, характеризующими западноевропейскую литературу «семнадцатого века». Последняя утрачивает многие важные качества, отличавшие мироощущение людей эпохи, когда самоутверждение свободной, автономной человеческой личности было первоочередной исторической, а тем самым и общественной задачей. Одновременно литература XVII века подхватывает некоторые из тенденций, обозначающихся в творчестве ее великих предшественников, и развивает их по-своему в новых условиях.

В литературе XVII столетия, эпохи, когда писали Кеведо и Гевара, Мольер и Лафонтен, Ларошфуко и Лабрюйер, Батлер и Уичерли, Мошерош и Гриммельсгаузен, на первый план выдвигается изображение и осмысление изъянов и язв окружающей действительности; в ней нарастают критические и сатирические тенденции. В поэзии в этой связи к уже упомянутым Кеведо, Батлеру и Лафонтену следует добавить, как примеры, имена Тассони и Сальватора Розы, Ренье, Скаррона, Сирано де Бержерака и Буало, Логау, Чепко, Опалинского и Потоцкого. При этом необходимо отметить, что общественно-критические мотивы широко представлены и в наследии тех выдающихся поэтов XVII века, которые по природе своего творчества отнюдь не являются сатириками. Выразительным свидетельством тому служит, скажем, поэзия Гонгоры.

Для личности эпохи Ренессанса было характерно единство, слияние начала личного и общественного, обусловленное вместе с тем их нерасчлененностью. Для внутреннего мира человека, изображаемого литературой XVII столетия, показательно, наоборот, не только расчленение, обособление этих начал, но и их столкновение, борьба, зачастую прямой антагонизм.

Коллизии исторического процесса XVII столетия служили вместе с тем источником примечательных художественных открытий. Новое здесь заключалось прежде всего в остротрагическом и патетическом звучании, которое приобретало отображение этих коллизий и прежде всего глубокого разочарования, вызванного кризисом ренессансных идеалов. Достаточно вспомнить в этой связи поэзию Донна, Гонгоры, Флеминга, Грифиуса или Теофиля де Вио. При этом важнейшую роль и в литературе классицизма, и в поэзии барокко играет изображение силы человеческого духа, способности человека пре-

одолевать самого себя, находя во внутреннем мире оплот, позволяющий сохранять стойкость в самых страшных жизненных испытаниях.

Ярко выраженный драматизм жизненного восприятия и обостренное внимание к трагическим мотивам характерны в эту эпоху и для других видов искусства: например, для музыки (не случайно именно в XVII столетии возникает и получает развитие такой музыкально-драматический жанр, призванный сыграть очень важную роль в художественной культуре нового времени, как опера). В живописи воплощение трагического начала своей кульминации достигает у Рембрандта.

В западноевропейской литературе начала XVII столетия существуют явления, принадлежащие по своей природе позднему Возрождению (попытки Опица опереться на заветы Плеяды; «ученый гуманизм» и поэзия Арребо в Дании; нидерландская разновидность маньеризма, представленная Хофтом и Хёйгенсом; маньеристические тенденции в испанской поэзии времени Гонгоры). В конце века в целом ряде литератур Запада обозначаются приметы зарождающегося просветительского реализма или появляются предвестия стиля рококо (поэзия Шолье и Ла Фара во Франции, творчество «Аркадии» в Италии). Однако художественные стили, преобладающие в западноевропейской литературе XVII столетия,— барокко и классицизм.

Семнадцатый век — высший этап в развитии поэзии европейского барокко. Барокко особенно ярко расцвело в XVII столетии в литературе и искусстве тех стран, где феодальные круги в итоге напряженных социально-политических конфликтов временно восторжествовали, затормозив на длительный срок развитие капиталистических отношений, то есть в Италии, Испании, Германии. В литературе барокко отражается стремление придворной среды, толпящейся вокруг престола абсолютных монархов, окружить себя блеском и славой, воспеть свое величие и мощь. Очень значителен и вклад, который внесли в барокко иезуиты, деятели контрреформации, с одной стороны, и представители протестантской церкви — с другой (наряду с католическим в западноевропейской литературе XVII в. богато представлено и протестантское барокко). Этапы расцвета барокко в литературах Запада, как правило, совпадают с отрезками времени, когда активизируются церковные силы и нарастает волна религиозных настроений (религиозные войны во Франции, кризис гуманизма, обусловленный обострением общественных противоречий в Испании и Англии первой четверти XVII в., распространение мистических тенденций в Германии времени Тридцатилетней войны), или же с периодами подъема, переживаемого дворянскими кругами.

Принимая все это во внимание, необходимо, однако, учитывать, что возникновение барокко было обусловлено объективными причинами, коренившимися в закономерностях общественной жизни Европы во второй половине XVI и в XVII веке. Барокко было прежде всего порождением тех глубоких социально-политических кризисов, которые сотрясали в это время Европу и которые особенный размах приобрели в XVII столетии. Церковь и аристократия пытались использовать в своих интересах настроения, возникавшие как

следствие этих сдвигов, катастроф и потрясений. Однако это была лишь одна из тенденций, характеризующих в своей совокупности мироощущение барокко.

Поэзия барокко выражает не только нарастание иррационалистических умонастроений, не только ощущение растерянности, смятения, а временами и отчаяния, которые общественные катаклизмы конца XVI и XVII столетия и связанный с этими катаклизмами усиливающийся кризис ренессансных идеалов вызывают у многих представителей гуманистической интеллигенции (религиозная лирика барокко во Франции, творчество «поэтов-метафизиков» в Англии, мистическая поэзия в Германии и т. д.), не только стремление феодально-аристократических кругов убедить читателя в своем превосходстве и великолепии (прециозная поэзия и галантно-героический роман). Значение крупнейших произведений поэзии барокко прежде всего в том, что в них проникновенно и правдиво запечатлен сам этот кризис и его многообразные, зачастую преисполненные трагизма отзвуки в человеческой душе. В них воплощено и стремление отстоять человеческое достоинство от натиска враждебных сил, и попытки творчески переосмыслить итоги разразившегося кризиса, извлечь из него созидательные выводы, обогатить в свете его исторических уроков гуманистические представления о человеке и действительности, так или иначе отразить настроения и чаяния передовых общественных кругов.

Самый наглядный пример тому — поэма Мильтона «Потерянный Рай» (творчеству Мильтона посвящен специальный том БВЛ). Поэт Мильтон объективно пошел заметно дальше Мильтона — идеолога пуританства. Поэтическая философия истории, воплощенная в образах «Потерянного Рая», с ее гениальными озарениями и стихийной диалектикой, отразила не столько непримиримый, аскетический дух пуританства, сколько всемирно-исторический и общечеловеческий размах, а тем самым и народные истоки того общественного перелома, который произошел в Англии середины XVII столетия.

С другой стороны, поэты вроде Марино или Теофиля де Вио, близкие в той или иной степени аристократической среде, выходили в своем творчестве за узкие рамки дворянского гедонизма, развивая более далеко идущие материалистические тенденции. В их произведениях звучат отголоски передовых научных открытий своего времени, находят отражение пантеистические мотивы.

Для поэзии барокко характерно, с одной стороны, обостренное ощущение противоречивости мира, а с другой стороны, стремление воспроизводить жизненные явления в их динамике, текучести, переходах (это относится не только к восприятию природы и изображению внутреннего мира человека, но у многих выдающихся творческих личностей и к воссозданию процессов общественной жизни). Барочные поэты охотно обращаются к теме непостоянства счастья, шаткости жизненных ценностей, всесилия рока и случая. Бьющий ключом оптимизм людей Ренессанса, выдвинутый ими идеал гармонически развитой личности часто сменяется у поэтов барокко мрачной оценкой действительности, а восторженное преклонение перед человеком и его возможностями — подчеркиванием его двойственности, непоследовательности, испорченности;

обнажением вопиющего несоответствия между видимостью вещей и их сущностью; раскрытием разорванности бытия, столкновения между началом телесным и духовным, между привязанностью к чувственной красоте мира и осознанием бренности земного существования. При этом антитетичность, характерная для барочного мировосприятия, дает о себе знать и тогда, когда тот или иной писатель непосредственно в своем творчестве воспроизводит только одно из противостоящих друг другу начал, будь то, скажем, героические миражи прециозной литературы или натуралистическая изнанка действительности, возникающая нередко в сатирической поэзии барокко. Одна противоположность как бы подразумевает другую.

Литературу барокко отличает, как правило, повышенная экспрессивность и тяготеющая к патетике эмоциональность (в аристократических вариантах барокко они принимают нередко характер напыщенности и аффектации, за которыми скрывается, по-существу, отсутствие подлинного чувства, суховатый и умозрительный расчет).

Вместе с тем аналогичные тематические, образные и стилистические мотивы обретают у отдельных представителей литературы барокко несходное, а временами и прямо противоположное идейное звучание.

В литературе барокко обозначаются различные течения. Их связывают общие черты; между ними существует определенное единство, но и серьезные принципиального порядка расхождения. У этого обстоятельства, как уже отмечалось, есть свои показательные для XVII столетия общественные истоки.

Необходимо, наконец, иметь в виду и национальное своеобразие тех конкретных форм, которые присущи поэзии барокко в отдельных странах Европы. Это своеобразие наиболее отчетливо кристаллизуется в творчестве самых примечательных художественных индивидуальностей, выдвинутых в XVII веке литературой той или иной страны.

Итальянской поэзии барокко в целом чужды иррационалистические и мистические мотивы. В ней доминируют гедонистические устремления, увлечение виртуозными формальными экспериментами и изысканное риторическое мастерство. В ней много блеска, но блеск этот часто внешний. У этих противоречий есть свои объективные причины. Италия XVII века, страна раздробленная, страдающая от иноземного гнета, натиска феодальной реакции и контрреформации, переживала период общественного застоя. Вместе с тем художественная культура Италии, по крайней мере в первой половине столетия, полна жизненных сил, внутренней энергии, накопленной еще в эпоху Возрождения.

В этой связи становится особенно очевидной типичность фигур кавалера Марино — поэта, признанного первым писателем Италии, пользовавшегося в XVII веке всеевропейской славой, породившего огромное количество последователей и подражателей не только на родине, но и повсюду, где существовала литература барокко,— и его мнимого антагониста Кьябреры. Марино расширил тематические рамки поэзии. Он сделал ее способной изображать все, что в природе доступно чувственному восприятию человека и тем самым поэтиче-

скому описанию. Внес он новые краски и в любовную лирику. Образ возлюбленной у Марино конкретнее и полнокровнее, чем у петраркистов XVI века, поглощенных монотонным и условным обожествлением женщины. И все же поэзия Марино, при всей его языческой упоенности телесной красотой, не отличается глубиной. Марино прежде всего виртуоз, непревзойденный мастер словесных эффектов (в первую очередь, в сфере образов — метафор и антитез), чародей, создающий блистательный, но иллюзорный, эфемерный мир, в котором выдумка, остроумие, изощреннейшая поэтическая техника торжествуют над правдой реальной действительности. Как и зодчие барокко, Марино, стремясь к монументальности, одновременно разрушает ее изобилием и нагромождением орнаментации. Таково его главное произведение — поэма «Адонис». В ней сорок тысяч стихов, но вся она соткана из множества вставных эпизодов, лирических отступлений, утонченных стихотворных миниатюр.

Часто развитие итальянской поэзии XVII столетия представляют в виде единоборства двух линий: одной, восходящей к Марино, и другой, у истоков которой — Кьябрера. Но на самом деле у этой антитезы лишь весьма относительный смысл. Кьябрера не так уж далек от Марино. Его творчество не классицизм, принципиально противостоящий барокко, а скорее классицистическая ветвь внутри общего барочного направления. Анакреонтические мотивы, которые восходят к Ронсару, и жалобы по поводу упадка, переживаемого родиной, не перерастают у Кьябреры рамки поэтических «общих мест». Истинная же его оригинальность — в музыкальности, в неистощимой ритмической и мелодической изобретательности, ведущей к созданию и внедрению в итальянскую поэзию новых типов строф.

Были, конечно, в Италии XVII века и барочные поэты другого склада. Это прежде всего суровое, аскетическое творчество замечательного мыслителя Кампанеллы, автора социально-утопического романа «Город Солнца». В своих стихах, вдохновленных возвышенным примером Данте, он утверждал величие мыслящего человека, его неукротимое стремление к независимости и справедливости. Заслуживает внимания творчество итальянских сатириков XVII века. Блестящий остроумный представитель пародийной бурлескной поэзии — Алессандро Тассони, автор ирои-комической поэмы «Похищенное ведро». Сальватор Роза более решителен и беспощаден в отрицании господствующего уклада, но и более тяжеловесен и неуклюж (черты, свойственные и Розе-живописцу) в художественном воплощении этого отрицания.

В поэзии испанского барокко поражает ее контрастность, и в этой контрастности находит свое воплощение неотступное ощущение противоестественной дисгармоничности окружающего бытия. Контраст предопределяет само развитие поэзии в Испании XVII столетия; оно основано на столкновении двух различных течений внутри испанского барокко: культизма (или культеранизма) и консептизма. Квинтэссенция и вершина первого — поэзия Гонгоры. Наиболее яркое выражение второго — творчество Кеведо. В основе культизма лежит противопоставление искусства как некоей «башни из слоновой кости», символа красоты и гармонии,— уродству и хаосу, царящим в реальной дей-

ствительности. Но возвышенное царство искусства доступно лишь немногим избранным, интеллектуальной элите. «Темный» стиль Гонгоры чрезвычайно усложнен и прежде всего из-за всесилия загадочной метафористичности, нагнетения латинизмов, изобилия синтаксических инверсий, эллиптичности оборотов. «Темный» стиль Гонгоры сформировался не сразу. Ранние оды и сонеты поэта отличаются широтой тематики, доступностью слога. Его же летрильи и романсы родственно связаны с фольклорной традицией. Своей законченности «темный» стиль Гонгоры достигает в «Сказании о Полифеме и Галатее» и в поэме «Уединения». Мир, творимый изощреннейшим, волшебным художественным мастерством, здесь, как и у Марино, служит убежищем от нищеты реальной прозы жизни. Однако, в отличие от итальянского поэта, Гонгора с горечью осознает иллюзорность попыток ухода от яви.

В глазах консептистов стиль Гонгоры и его последователей был верхом искусственности. Однако их собственная творческая манера была также достаточно сложной. Консептисты стремились запечатлеть режущие глаз парадоксы современной жизни путем неожиданного и одновременно предельно лаконичного и отточенного по своей словесной форме сопряжения как будто далеко отстоящих друг от друга явлений. Консептизм, однако, значительно более непосредственно проникает в противоречия общественного бытия, чем культеранизм, и заключает в себе, несомненно, незаурядную разоблачительную и реалистическую потенцию. Последняя особенно выпукло выявилась в прозе Кеведо, сочетаясь там одновременно с глубоко пессимистической оценкой общественной перспективы. В поэтических сатирах Кеведо на первый план выступает комическое начало, нечто раблезианское в стихийной и неудержимой силе осмеяния. При этом чаще всего Кеведо прибегает к бурлеску, заставляя вульгарное торжествовать над возвышенным, выворачивая вещи наизнанку, демонстрируя блестящее остроумие в приемах внезапного преподнесения комического эффекта. Примечательна и любовная поэзия Кеведо. Поэту удается придать оттенок неподдельной рыцарственности стихам, в которых он разрабатывает традиционные мотивы петраркистской лирики, например, заверяя даму в беззаветной преданности, несмотря на жестокие страдания, которые она ему причиняет. Обязательная эпиграмматическая острота в заключительных стихах любовных сонетов у Кеведо основана не на простой игре слов, как это обычно в петраркистской и прециозной лирике, а обозначает резкий, но знаменательный поворот мысли.

Во французской поэзии барокко представлено особенно широко и многообразно вплоть до 1660 года, когда одновременно наступают этап решительного торжества абсолютизма над оппозиционными силами и период высшего расцвета классицизма. Бурная же, мятежная, преисполненная брожения первая половина века — благодатная пора для развития стиля барокко. Во французской поэзии обозначаются три основных его разновидности. Это, во-первых, религиозная поэзия. Ласепэд, Фьефмелен, Годо и другие обращаются к темам, распространенным в литературе барокко (бренность и слабость человека, обреченность на страдания, скоротечность жизни и ее никчемность перед

лицом вечности), но решают их однообразно, узко, следуя предписаниям ортодоксальной догмы, иллюстрируя Священное писание, прославляя творца и загробную жизнь.

Сходные же мотивы непостоянства, шаткости, тленности всего живого, но в сочетании с выражением жгучей привязанности к земному существованию, к плотским радостям, неуемной жажды наслаждений, и в силу этого эмоционально богаче, драматичнее, рельефнее, разрабатывают поэты-вольнодумцы. Этот пестрый круг эпикурейски, материалистически настроенных поэтов включает в себя и фаворитов знатных меценатов, и неприкаянных детей зарождающейся богемы и бесшабашных прожигателей жизни, кутил, и отчаянных искателей приключений. С легкой руки Теофиля Готье, литераторы этого круга получили наименование «гротесков». Французские историки литературы нередко называют их «романтиками времени Людовика XIII». И действительно, есть у этих очень неровных и вместе с тем еще недостаточно оцененных и, в частности, мало у нас известных поэтов художественные озарения, которые бросают свет куда-то далеко в будущее. Встречаются среди них сатирики, которые не только обладают даром разящего гротескового преувеличения, но и способностью создавать лирические шедевры. Таков, например, Мотен. В некоторых его стихах слышны какие-то художественно весьма смелые, почти «бодлеровские» ноты. А мелодика стихов Дюрана вызывает ассоциации с элегиями Мюссе. В его «Стансах Непостоянству» традиционные барочные мотивы преподнесены с подкупающей искренностью и непосредственностью. Оценить степень трагической и провидческой глубины этой искренности можно, лишь зная, что стихи эти были написаны пылким, страстно влюбленным 26-летним поэтом, который за участие в заговоре и за оскорбление его королевского величества был четвертован и сожжен на Гревской площади. Некоторые из «гротесков» (например, де Барро или одаренный огромным талантом забулдыга Вион д'Алибре) пережили истинно «барочную» эволюцию. В течение многих лет они вели себя как подлинные безбожники, сочиняли вакхические песни, озорные, изобилующие реалистическими и острыми зарисовками сатиры и эпиграммы, а на склоне лет, окидывая взором промелькнувшую как сон жизнь, стремились взволнованно передать нахлынувшие на них чувства смятения, раскаяния, разочарования и горечи.

Самые же значительные из поэтов-вольнодумцев первой половины XVII века — это Теофиль де Вио и Антуан де Сент-Аман. Кульминация их творчества падает на 20-е годы XVII столетия. Теофиль де Вио — идейный вождь бунтарского либертинажа этих лет. В его лирике (он был и прозаиком и драматургом) своеобразно сочетаются черты восходящей к ренессансным традициям реалистичности и чисто барочной утонченной чувствительности и изощренности. В отличие от большинства своих современников, поэтов, замыкающихся в атмосфере салонов и дворцовых покоев, Теофиль тонко ощущает природу. Он великолепно передает ее чувственную прелесть, то наслаждение, которое у него вызывают переливы света, игра водных струй, свежесть возду-

ха, пряные ароматы цветов. Он сердечно привязан и к сельским пейзажам родных мест, где его брат продолжает трудиться, возделывая землю («Письмо брату»).

Любовные стихи Теофиля необычны для его времени. Им чужда аффектация и манерность. В них звучат отголоски истинной страсти, горячих порывов воспламененной и упоенной красотой чувственности, неподдельных страданий. В 20-х годах лирика Теофиля все более интеллектуализируется, наполняясь философским и публицистическим содержанием. В ней находит захватывающее по своей эмоциональной силе выражение личная драма поэта. Он был брошен в тюрьму вождями католической реакции по обвинению в безнравственности и безбожии и сгноен там.

Лучшие стихотворные произведения Сент-Амана овеяны опьяняющим духом внутренней независимости, упоения жизнью, свободы следовать прихотям своей фантазии, капризным скачкам и переливам чувств. Именно в 20-е годы Сент-Аман создает такие шедевры барочной лирики, как ода «Уединение» или вакхический гимн «Виноградная лоза», как бурлескная импровизация «Арбуз» или серия блестящих караваджистских сонетов, жанровых картинок, в отточенной стихотворной форме фиксирующих причудливые и живописные моменты повседневного существования нищей, но неунывающей, беспечной литературной богемы.

В 40-е годы, в канун и в годы политических сотрясений Фронды, вольнодумный вариант барокко дает буйные побеги прежде всего в виде бурлескной поэзии. Ее самые яркие представители — Скаррон и Сирано де Бержерак. Бурлескные поэмы Скаррона («Тифон, или Гигантомахия» и «Вергилий наизнанку»), имевшие шумный успех, отражали недовольство существующими порядками, возбуждали дух неуважения к господствующим авторитетам. В «высокой» литературе того времени герои античных мифов служили воспеванию дворянской государственности. Скаррон, прибегая к бурлескной перелицовке, издеваясь над претензиями венценосцев и их подобострастных историографов, изображал этих героев в качестве вульгарных и мелких обывателей, движимых ничтожными и эгоистичными побуждениями. Постепенно в бурлескном жанре — например, в стихотворных очерках, получивших название «Парижские неурядицы» (к ним принадлежит и поэма «Смешной Париж» Клода Ле Пти, писателя, также окончившего жизнь на костре), возрастали черты бытовой достоверности. Этот тип бурлеска непосредственно перекидывает мост к ранним сатирам Буало.

Третья разновидность французского барокко — прециозная поэзия, культивировавшаяся завсегдатаями аристократических салонов. Когда-то эта поэзия пользовалась широким признанием, и одновременно к ней и сводилось представление о стиле барокко во французской литературе. Теперь она воспринимается из-за своей условности как наиболее обветшавшее ответвление этого стиля. Но и среди обильной продукции прециозных стихотворцев встречаются прелестные поэтические миниатюры. Таковы прежде всего произведения Венсана Вуатюра. Вуатюру в его стихах нередко удавалось освобождать-

ся от ухищрений риторики, от избитых прециозных штампов, добиваться чарующей естественности и легкости слога. В его поэзии наряду с воздействием барочной вычурности отчетливо дают о себе знать классицистические тенденции. В ней слышны поэтические ноты, предвосхищающие «Сказки» Лафонтена, они в какой-то мере прокладывают путь эпикурейским стихам Шолье и Ла Фара, «легкой», анакреонтической поэзии эпохи рококо, творчеству Вольтера-лирика.

Французскую поэзию барокко в целом отличают изящество, реалистические наклонности, чувство меры в воплощении эмоций, тонкая музыкальность. К тому же для Франции, где в духовной жизни XVII века сильно развиты рационалистические тенденции, характерно тяготение барокко к сочетанию с классицизмом. Впрочем, это — явление, нередко встречающееся в художественной жизни Европы XVII столетия. Аналогичное переплетение барокко с классицизмом показательно и для голландской литературы (Хейнсий, Вондел). Яркие примеры тому находим мы и на английской почве: например, у Геррика, Мильтона, Драйдена.

Поэзия барокко проходит в Англии те же три этапа, что и английская литература в целом: период кризиса ренессансных идеалов, участия в гуще революционных схваток, художественного отображения и осмысления их итогов. На всех этих трех этапах английскую поэзию барокко отличают две ведущие черты — творческая мощь и окрашенное разными оттенками ощущение ломки существующих устоев. Но претворяются эти черты поразному.

Центральная фигура первого периода, безусловно, Джон Донн. Донн прошел сложную и даже резкую эволюцию. Но он сразу же выступил как выразитель умонастроений, непривычных для ренессансных поэтических традиций, заговорил самобытным голосом. Донн не добивался мелодической певучести стиха. Поэт сам называет свой стих «грубым и диким». Но страшная, обжигающая внутренняя сила, с которой он выражал себя, сопутствовала ему на протяжении всего творческого пути. В более ранней поэзии Донна примечательна прежде всего склонность к острым контрастам, свобода, с которой совершаются переходы или, вернее, скачки из «высокого» в «низкий» план, от возвышенно-платонической к натуралистической трактовке любви, от экстазов и восторгов к проклятиям и едкой насмешке. Донна привлекали сложные чувства, преисполненные мучительных противоречий, их столкновение, переплетение, ожесточенная борьба. Художественные контрасты для Донна — отражение той парадоксальности, которая царит, согласно его убеждению, в жизни. Экзальтированность и всеразрушающий скепсис соседствуют в его сознании. Поэзия Донна порывает одновременно и с канонами петраркистской лирики, и с властью риторики над поэзией. Поэзия для Донна — единственное средство подойти к тому, что логически невыразимо, что относится к душевному состоянию и окутано покровом тайны. Композиция стихов у него строится не на логическом развертывании поэтической мысли, а на смене настроений и порождаемых ими образных ассоциаций.

Тот же принцип господствует и в окружении Донна, у представителей возглавляемой им «метафизической школы»: у эмоционально насыщенного, но поглощенного религиозным пафосом и поэтому более одностороннего Герберта и у несколько сентиментально-приторного Кэрью.

К указанным истокам восходит и избыточная метафоричность Донна. Вещи и явления не называются своими именами. Все в мире относительно и познается только через сопоставление, замещение и отождествление: одно через другое. Нередко метафоры становятся у Донна развернутыми, перерастают в аллегорию. Эмоциональные взрывы перемежаются философскими размышлениями, облеченными в сжатую и герметичную форму. Философски-медитативное начало получает выход на ранних этапах в виде отступлений. Затем оно выдвигается на первый план, приобретает все более отчетливо религиозный и вместе с тем поэтически отвлеченный характер.

Показательны темы, охотно разрабатываемые Донном: муки и противоречия любви; страдание, причиняемое разлукой; смерть и ее философский смысл; превосходство осени, символа зрелости и заката, над весной, олицетворением юности и неосознанного слепого бурления жизненных сил (решение, прямо противоположное ренессансной традиции). Сатиры Донна язвительны и желчны.

Титаническая напряженность и объективный исторически-философский смысл того грандиозного общественного переворота, каким являлась Английская революция, наиболее мощное отражение нашли, конечно, в поэме «Потерянный Рай» Мильтона (см. т. 45 БВЛ). Поэзия Мильтона, писателя, глубоко впитавшего в себя античное наследие, поставившего гуманистические традиции, унаследованные от Возрождения, на службу новым боевым общественным задачам, принадлежит в целом классицизму. Но в «Потерянном Рае» очень яркое и принципиально важное воплощение получили черты эстетики барокко. В этом произведении, в монументальных космических видениях, созданных воображением поэта, в преисполненных захватывающего драматизма картинах столкновения противоборствующих лагерей, в великолепных по своей выразительности лирических интермеццо привлекают внимание элементы героической романтики, обусловленной поэтически преображенными отголосками революционных событий середины века. «Потерянный Рай» Мильтона воочию свидетельствует, что барочная романтика (весьма характерная для этого художественного стиля) могла питаться не только аристократически-рыцарственными и пасторальными идеалами, но и пафосом революционной перестройки общества.

Бурные события, сотрясавшие Англию в середине и во второй половине XVII века, находят и иные поэтические отзвуки. Свидетельство тому — творчество Драйдена. Драйден — драматург, поэт, теоретик литературы — писатель очень широкого диапазона. Неоднороден и стиль его произведений. Барочное начало отчетливее всего проявилось в его «героических пьесах». В них бушуют страсти, низвергаются лавины событий; возвышенная экзальта-

ция и величественная риторика сосуществуют с неприкрытой чувственностью и натуралистической низменностью; пышность внешнего великолепия, обнажая суетность человеческих стремлений, оборачивается обманчивым миражем. Сходный пафос нередко одухотворяет и поэзию Драйдена. И здесь хвала пламенным, роковым страстям, героическим порывам и одновременное тревожное осознание шаткости бытия, зависимости человека от всесильной судьбы воплощаются темпераментно, патетически, в изощренной, выточенной рукой большого мастера форме. Печать особенного душевного подъема лежит, в частности, на стихах, в которых Драйден, тонкий критик и блестящий представитель эстетической мысли, воспевает чудодейственную, всепокоряющую силу искусства.

Если стихия Драйдена — патетика, то крупнейший поэт-сатирик Англии XVII столетия — Батлер. Его ирои-комическая поэма «Гудибрас», пожалуй, лучший образец этого жанра в европейской поэзии данной эпохи. Сатира Батлера направлена против пуритан. Но пороки, которые он разоблачает, создавая образы пресвитерианина полковника Гудибраса и его оруженосца, индепендента Ральфо,— жадность, стяжательство, лицемерие, нетерпимость, носили объективно более широкий, типический характер. Ими были отмечены нравы того буржуазного общества, которое вырастало, эгоистически пожиная плоды революционного перелома. Сила Батлера — в народных корнях его громогласного смеха, в той удивительной рельефности, с которой вылеплены основные персонажи его ирои-комической эпопеи.

В немецкой поэзии ярче, чем где бы то ни было, выражены трагические и иррационалистические аспекты барокко. Это становится понятным, если учесть, что XVII век был для Германии периодом Тридцатилетней войны, когда в стране хозяйничали свои и иноземные полчища, когда она стала ареной длительнейшей военной схватки, несшей с собой неимоверные опустошения и страдания, чреватой пагубными политическими последствиями. И вместе с тем это время народных бедствий, государственного упадка и политического застоя было эпохой поразительного расцвета поэзии. Именно литература стала в тяжелую пору оплотом и прибежищем лучших духовных устремлений передовых сил нации. В ней отразилась и трагедия, переживаемая народом, и его мечты о мире и единстве, и непреклонное желание сохранить от уничтожения высокие этические ценности, и неугасаемый порыв к красоте. XVII век закладывает фундамент национальной немецкой поэзии нового времени, создает предпосылки для ее дальнейших замечательных достижений.

Не удивительно, что в немецкой поэзии XVII века так часто всплывает тема смерти. В огне пожарищ Тридцатилетней войны человек соприкасался с ней ежедневно и ежечасно. Иногда смерть воспринимается как единственное возможное избавление от невыносимых страданий. Тогда благость вечной жизни в царстве небесном противопоставляется воображением поэтов юдоли земного существования. Религиозные настроения пронизывают поэзию немецкого барокко, но далеко не исчерпывают ее содержания. Религиозность слу-

жит нередко проводником дидактических намерений: общественные бедствия объявляются наказанием за прегрешения, пороки и преступления, которые и бичуются поэтами. В вере поэты барокко ищут утешение и источник надежд на лучшее будущее. Нередко воспевание творца как бы отодвигается на задний план хвалой сотворенной им вселенной, неотразимой прелести природы, матери всего живого (мотив, который звучит более непосредственно, задушевно и просто у поэтов-лютеран, например, у Даха и Риста, и более изощренно-манерно, с оттенком чувствительности, у поэтов-католиков, вроде Шпее). Веяние подлинного трагизма ощущается в немецкой поэзии барокко именно потому, что она, как правило, проникнута духом борьбы, столкновения противоположных начал — признания всесилия смерти и неистощимой светлой жажды жизни и счастья, воспарения в небесные высоты и привязанности ко всему земному, отчаяния перед лицом разразившейся катастрофы и стоической воли, не дающей себя сломить.

Важнейшее обстоятельство — изощренное и преисполненное блеска формальное мастерство, отличающее поэтов барокко. В этом отношении, следуя по пути, проторенному Опицем, они совершают переворот, открывающий по сравнению с тяжеловесным и архаическим стихотворством XVI столетия совершенно новый этап в развитии немецкой литературы. В стремлении к формальному совершенству, в подлинном культе формы как бы воплощается страстное желание найти противовес отталкивающей хаотичности и бесформенности, воцарившихся в реальной действительности. Поэты барокко виртуозно владеют ритмом, проявляют неиссякаемую изобретательность в создании разнообразнейших метрических и строфических форм; охотно прибегают к утонченным приемам звукописи; их стихи, как правило, привлекают своей музыкальностью. Образная насыщенность и выразительность лирики немецкого барокко подчинена определенной каноничности, характерной для барокко в целом. Но потребность следовать жанровым и стилистическим канонам отнюдь не мешает проявлению в поэзии XVII века неповторимо личностного, индивидуального начала.

Наиболее крупные и показательные ее представители в Германии — Опиц, Флеминг, Грифиус, Гофмансвальдау и Гюнтер. Опиц стоит у истоков ее расцвета. Без провозглашенной им литературной реформы (очищение и кодификация литературной речи; призыв использовать художественные достижения ренессансной культуры в других европейских странах во главе с Италией, Францией и Англией; обращение к античности как к примеру для «подражания»; решительное обновление системы поэтических жанров) не был бы возможен ее расцвет. Опиц был также объятым горестью очевидцем Тридцатилетней войны. В своих проникнутых патриотическим пафосом стихах (например, в «Слове утешения среди бедствий войны») Опиц разрабатывал темы, похожие на те, к которым обращались и многие его современники — барочные поэты. Но художественный ключ, в котором он их решал,— иной. Опиц во многом опирался на творческие уроки Ронсара и Плеяды. Он — зачинатель в Германии классицизма (так и не получившего в XVII в. в растерзанной войною

стране дальнейшего развития). Стиль произведений Опица прозрачнее, линеарнее, яснее, чем у поэтов барокко. Синтаксическое членение поэтической фразы у него подчинено законам симметрии и, как правило, совпадает с ритмическими единицами. Композиционное построение его стихов строго логично. Вместе с тем, Опицу чужды попытки барочных поэтов передать невыразимое, воссоздать ощущение таинственной непознаваемости бытия и одновременно чудовищной противоестественности творящегося вокруг. Опиц старался глядеть на все «очами разума». Его поэзия, пропитанная рационалистическим началом, одновременно и суше, прозаичнее творений Грифиуса или Гофмансвальдау.

Связь с ренессансными традициями ощущается и у гениального по своим задаткам Флеминга, но преломляется она своеобразно, сочетаясь с типично барочными чертами. Флеминг — поэт, одаренный мощным темпераментом, отличающийся многообразием эмоциональных регистров. Бурным кипением душевных сил преисполнены его стихи, воспевающие радости жизни, любовь, красоту, природу. Весьма примечательны философские стихи Флеминга. Глубокие мысли и мощные по накалу чувства в них как бы закованы в стальную броню лапидарных сентенций. Мировоззрение Флеминга питается традициями стоицизма. Его пафос — защита достоинства и автономности человеческой личности; твердое убеждение, что главная этическая задача, которую должен осуществлять человек,— утверждение цельности своего «я», верность индивидуума самому себе. Высшее художественное выражение этого круга идей Флеминга — сонет «К самому себе», один из шедевров мировой лирики. Барочной пышностью и торжественной приподнятостью слога отличаются стихи, посвященные Флемингом пребыванию в России: свидетельство того, какое значение он придавал этому путешествию по великой, но еще столь мало знакомой его соплеменникам стране.

Творчество Грифиуса — одухотворенная кульминация тех трагических и пессимистических настроений, которые порождались в сознании передовых людей Германии ужасами Тридцатилетней войны. Каждое его стихотворение— воплощение мучительной драмы, переживаемой кровоточащей душой. Жизнь в представлении Грифиуса — поэта и создателя трагедий,— вышла из своей колеи; воцарились мрак и хаос. Удел человека — печаль и страдание; все начинания человека суетны и тленны. Лейтмотивы поэзии Грифиуса — бренность, тщета, самообман, которому предается человек, игрушка судьбы, мимолетность жизни, сравнение ее с игрой, театральным представлением. Если жажда славы воспринималась людьми эпохи Возрождения как благороднейший стимул человеческого поведения, то для Грифиуса слава — ничто, клубы дыма, развеиваемые малейшим дуновением ветра. Один из любимейших образов Грифиуса — сравнение человека с догорающей свечой. Но все это лишь один из аспектов художественного мироощущения Грифиуса. В Грифиусе есть нечто родственное Паскалю, автору «Мыслей». Как для Паскаля, так и в глазах Грифиуса человек не только немощен и жалок, но одновременно и велик. Величие его — в непоколебимой силе духа. Грифиус воспевает

мучеников, которых пытают, но которые не сдаются, проявляя героическую стойкость и сохраняя верность идеалу. Вся поэзия Грифиуса с ее мощными антитезами, строгим лаконизмом стиха, сжатыми сентенциями, которые заключают сонет и в своей суровости звучат не столько как итог, сколько как беспощадный приговор, — величественный памятник мужеству, выдержке и силе человеческого духа, могуществу разума, способного постичь всю глубину человеческих страстей и страданий, но одновременно и подчинить их своему дисциплинирующему началу.

После окончания Тридцатилетней войны в немецкой поэзии барокко усиливаются светски-аристократические тенденции, близкие в какой-то мере французской прециозности. Показательна в этом отношении деятельность так называемой Второй силезской школы, во главе с Гофмансвальдау. Разработка привычных для немецкого барокко тем бренности и скоротечности живого лишается в руках Гофмансвальдау прежней идейной насыщенности и духовной напряженности, приобретает временами внешний характер, иногда оборачивается позой. И все же неверно было бы видеть в творчестве этого чрезвычайно одаренного поэта одно торжество условности и манерности. Лучшие любовные стихи Гофмансвальдау, при всей зависимости от прециозно-петраркистских канонов, преисполнены неподдельной страсти, бьющего через край, бурного по своему выражению упоения красотой. Виртуозное формальное мастерство Гофмансвальдау, его склонность к пышной образной орнаментации и ритмическим изыскам также обладают эмоциональным подтекстом, ибо основаны не на холодном расчете, а на взволнованном преклонении перед прекрасным.

Исключительно самобытна фигура Гюнтера, одновременно заключающего в Германии эру барокко и смело предваряющего век Просвещения. Этот обреченный на нищенское существование студент медицины скончался в двадцатисемилетнем возрасте. В стихах Гюнтера дань поэтическим традициям барокко сочетается с поразительными для его времени непосредственностью и свободой в выражении страданий и бурного протеста. Гюнтер сближает поэзию с повседневностью, превращает ее в сокровенный дневник души мятежного и гордого поэта-разночинца, преследуемого невзгодами. Создается впечатление, что перед нами предвестие грядущего периода «бури и натиска».

Принципиально существенное значение имеют те специфические черты, которые барокко приобрело в поэзии стран Центральной и Юго-Восточной Европы. И в Польше, и в Чехии, и Словакии, и в Венгрии, и в Далмации художественный стиль барокко получил широкое распространение и выдвинул целую плеяду примечательных имен. Барокко в этой культурной зоне (а также в Албании) складывалось под несомненным воздействием художественных импульсов, шедших с Запада, исходивших, например, от творчества Тассо, Марино и его школы, от французской прециозности или, местами, немецкой религиозной поэзии. Но преломлялись эти влияния своеобразно. Своеобразие это проявляется в каждой из только что упомянутых стран по-разному. (Так,

например, для польской поэзии барокко, даже для самых ее изощренно-условных представителей, характерно изобилие бытовых реалий, почерпнутых в гуще повседневной жизни, какая-то особая лихость тона, крепкий, соленый юмор.) Но присуще этому своеобразию и нечто общее, единое. В этой связи хотелось бы выделить два момента: роль фольклорного начала в поэзии и тяготение к созданию монументальных эпических произведений, проникнутых патриотическим духом. Таковы, например, поэмы «Османа» дубровницкого писателя Гундулича, «Сигетское бедствие» Зрини — крупнейшее произведение венгерской литературы XVII века, «Хотинская война» поляка Потоцкого. Все эти три замечательных поэмы порождены подъемом освободительного движения против турецкого гнета и прославляют героическую борьбу самоотверженных защитников независимости и чести отчизны. В «Османе» Гундулича звучит к тому же пламенный призыв к единению славянских народов во имя осуществления общей цели — освобождения от иноземного ига. Во всех трех поэмах традиционные приемы западноевропейской барочной эпической поэзии подчинены таким образом художественному решению самобытных идейных задач, остроактуальных по своему политическому содержанию и общенациональных по своему значению.

Семнадцатый век в странах, раздираемых жестокими военными конфликтами и охваченных пламенем национально-освободительных движений,— пора бурного расцвета, переживаемого фольклором. Свидетельством тому служат и многочисленные солдатские песни в Германии, и то бесшабашно удалые, то горестные песни куруцев — венгерских повстанцев, борцов против господства иноземных правителей — Габсбургов, и эпические циклы, воспевающие героизм сербских юнаков и гайдуков, и болгарские гайдуцкие песни. У некоторых народов Центральной и Юго-Восточной Европы (например, у сербов или болгар) фольклор из-за замедленного развития письменной литературы занимает в XVII веке, как выразитель дум и чаяний народных, центральное место в системе словесного искусства. В других литературах этой зоны он питает «высокую» поэзию, служит для нее плодотворным источником образов, ритмико-интонационной структуры, мелодики стиха. Яркие примеры тому можно почерпнуть и в любовных стихах мастера дубровницкой поэзии Ивана Бунича, и в лирических отступлениях у того же Гундулича, автора «Османа», и в задушевных хоровых песнях, которые распевают крестьянские девушки и юноши, герои «Роксоланок» Зиморовича, и в некоторых сатирических миниатюрах крупнейшего польского поэта XVII века Потоцкого.

Второй ведущий стиль в европейской поэзии XVII века — классицизм. Социальные корни классицистической литературы XVII столетия, овеянной духом рационалистической ясности, гармонии, меры, творческой дисциплины и душевного равновесия, были иными, чем у барокко. Особенно яркий расцвет классицизм пережил во Франции, и прежде всего в годы укрепления абсолютизма. Однако это отнюдь не означает, что следует прямолинейно сводить идейную сущность литературы классицизма к защите и прославлению абсо-

лютной монархии и утверждаемого ею порядка. Литераторы-классицисты отражают во Франции умонастроения очень широких и в первую очередь «срединных» общественных кругов — и подъем их самосознания в результате национального объединения страны и неуклонного роста ее государственной мощи, и их зависимость от аристократической цивилизации, и те рационалистические идеалы, которые они утверждали и в свете которых перерабатывали импульсы, идущие от господствующей среды, и серьезные колебания и сомнения, которые ими овладевали в моменты обострения общественных противоречий, и присущую им внутреннюю разнородность. Наличие подобной разнородности и создавало почву для существования принципиально отличных друг от друга течений внутри классицизма. Оно объясняет также, почему гражданственные идеалы, утверждавшиеся выдающимися писателями-классицистами, хотя и облекались в монархическую форму, но далеко не совпадали по своему содержанию с реальными политическими устремлениями абсолютной монархии, будучи гораздо шире и общезначимее последних.

Вклад буржуазных кругов и выдвинутой ими интеллигенции в развитие классицизма был принципиально существенным. В свете этого обстоятельства становится понятным, почему классицизм в XVII столетии не переживает яркого расцвета в Германии, Италии и Испании. Во всех этих странах, подвластных скипетру династии Габсбургов, буржуазия оказалась недостаточно сильной и была вынуждена капитулировать перед феодальным лагерем. В Германии и Италии так и не сложилось единое национальное государство. Испанский абсолютизм также не играл роли цивилизующего центра.

Иначе обстоит дело с Англией. Бурные общественные катаклизмы, ареной которых становилась страна, служили почвой для произрастания в художественной литературе не только разных по своей идейной направленности барочных тенденций. Классицизм также обильно представлен в английской литературе XVII столетия (особенно в годы республики). Самый яркий пример тому, как уже отмечалось, одухотворенная поэзия Мильтона. Нередки в английской литературе XVII столетия и случаи сложного переплетения барочных и классицистических тенденций. Последние наличествуют и в стихах Геррика, утонченного певца природы и радостей, даруемых сельской жизнью, и в сочинениях соратника Мильтона, пуританина Марвелла, испытавшего на себе одновременно влияние барочной «метафизической школы»; и в творчестве упоминавшегося ранее Драйдена.

Для классицистов характерна целеустремленная ориентация на античное наследие как некую художественную норму, широкое использование жанров, сюжетов и образов, воспринятых от древности, поиски значительных жизненных обобщений, рационалистические тенденции в художественном мироощущении, утверждение идеала душевной гармонии, равновесия, достигаемого ценой разумного самоограничения. Для последовательного классициста ценность художественного произведения в значительной мере определяется степенью его логической стройности и ясности, упорядоченностью его

композиционного членения, четкостью в отборе изображаемых жизненных явлений.

Существенным аспектом эстетики классицизма был принцип «подражания природе». Он имел для своего времени весьма прогрессивный смысл, ибо утверждал познаваемость действительности, необходимость обобщения ее характерных черт. Однако искусство, по мнению теоретиков классицизма, должно было «подражать природе» — то есть воспроизводить действительность — лишь в той мере, в какой она сама соответствовала законам разума. Таким образом, природа, будучи для классицистов основным объектом искусства, могла представать в их произведениях лишь в особом, как бы преображенном облагороженном виде, лишенная всего того, что не соответствовало представлениям художника и светской среды, с мнением которой он был обязан считаться, о разумном ходе вещей и о правилах «приличий», требованиях хорошего тона. Следует, однако, подчеркнуть, что выдающиеся мастера классицизма, хотя и считались в своем творчестве с теоретическими канонами, вместе с тем значительно преодолевали догматические рамки этих канонов и, проникновенно раскрывая душевные конфликты, переживаемые героями, обнажали сложную диалектику жизненных явлений.

К тому же в развитии классицистической поэзии во Франции сразу же обозначились принципиально отличные друг от друга тенденции. Первый значительный этап в истории классицизма — начало XVII века, годы царствования Генриха IV. Крупнейшие фигуры во французской поэзии этого времени — Франсуа Малерб, мастер торжественной оды, и сатирик Матюрен Ренье. Выступая пионерами классицизма во французской литературе, они вместе с тем представляли два разных течения внутри одного зарождающегося направления. В соперничестве Малерба и Ренье поэт-царедворец, создатель апофеозных од, считавший своим первейшим долгом прославление господствующей государственной власти, противостоял писателю, который, примиряясь с существующим порядком, высоко ценил вместе с тем внутреннюю независимость и стремился в своих произведениях обнажать социальные язвы окружающей его действительности. В сатирических характерах, созданных Ренье, сквозь классицистические по своей природе обобщения, проступают сильно выраженные реалистические тенденции, чуждые художественной манере Малерба.

Малерб-теоретик сыграл важную роль в кодификации французского литературного языка. Он был основателем поэтической школы, учителем таких талантливых поэтов, как Ракан и Менар. Центральное место в поэтическом творчестве самого Малерба занимает политическая лирика. Основная ее тональность — приподнятая торжественность. Однако в одах Малерба находят свое выражение и отзвуки затаенного трагизма, вызванного противоречиями, гложущими абсолютистскую Францию, и тревогой за будущее страны. В лучших произведениях Малерба-лирика история предстает в виде многотрудного пути, требующего жертв и сурового напряжения сил. В философской лирике поэта преобладает жанр так называемых «утешений». Характер-

ным его образцом являются знаменитые стансы «Утешение господину Дюперье» по поводу смерти его дочери. Избранная Малербом тема сознательно разрешалась поэтом в общей форме, как утешение по поводу утраты близкого человека вообще. Поэт стремится смягчить страдания друга с помощью логических доводов о необходимости подавить горе и вернуться к созидательной деятельности; композиция стихотворения также строго логическая. При всей своей рационалистичности, это стихотворение, как и другие поэтические шедевры Малерба, насыщено своеобразной эмоциональной энергией. Основной источник этой внутренней силы, поэтической мощи, как обычно у Малерба,— ритм, которым он владеет в совершенстве.

Сатиры Ренье можно разделить на две большие группы. В первой из них преобладает лирико-публицистическое начало; сатиры же второго типа, изображающие в поэтической форме социально-бытовые типы или жанровые сцены, называются обычно термином «бытовые». Тематика лирико-публицистических сатир Ренье многогранна, многоголоса. О чем бы, однако, ни говорил Ренье, на первый план в его произведениях, как правило, выступают размышления о природе и предназначении поэзии и о судьбе поэта. Это и есть главенствующая тема его лирико-публицистических сатир. В бытовых сатирах Ренье преобладает сатирическое изображение придворного дворянства эпохи Генриха IV и воспроизведение пагубных последствий крепнущей власти денег (отсюда и живой интерес поэта к оборотной стороне современной действительности, к нравам деклассирующихся низов).

В формирующемся направлении классицизма Ренье представляет то его течение, которое с мировоззренческой точки зрения было наиболее демократическим и наиболее тесно связанным с передовыми традициями эпохи Возрождения. В то же самое время Ренье был гениальным первооткрывателем, предвосхитившим многие из тенденций, которым было суждено обрести законченную форму позднее, в 60—70-х годах, в период наивысшего расцвета классицизма во французской литературе XVII столетия.

Именно в эти годы сложный синтез различных идейных веяний и эстетических устремлений (придворно-светских, учено-гуманистических и народных по своим истокам), которые лучшие представители этого литературного направления вбирали и творчески переплавляли, достигает своей максимальной полноты и зрелости. Изящество и блеск, воспринятые от светской среды, богатство гуманистической культуры с ее прекрасным знанием человеческой души, с ее тяготением к логической ясности и тонкой художественной гармонии, сочетаются со все более глубоким проникновением в противоречия современной жизни, иногда перерастающим в художественное осознание их непримиримости.

Проникновенные лирические стихи писали крупнейшие французские драматурги XVII века Корнель, Расин, Мольер. Созданные ими театральные произведения принадлежат к высочайшим достижениям поэтического искусства, но драматургия этих великих мастеров представлена в двух других томах БВЛ, и рассмотрение ее не входит в нашу задачу. Вершиной же фран-

цузской поэзии этого времени, в более узком и специфическом смысле этого слова, следует считать творчество Буало и Лафонтена.

Молодой Буало совсем не похож на того Буало-олимпийца, рассудочного и величественного законодателя французской литературы, образ которого запечатлела легенда, сложившаяся постепенно вокруг имени писателя после его смерти. В конце 50-х — начале 60-х годов это темпераментный и задорный публицист и поэт, охваченный духом фрондерства, непочтительно относящийся к господствующим авторитетам.

Самым значительным произведением Буало на первом этапе его литературной деятельности являются написанные им между 1657 и 1668 годами девять сатир. Вдохновляясь произведениями Ювенала, Буало в то же самое время насыщает свои сатиры животрепещущим и злободневным жизненным материалом. В своих ранних сатирах Буало обрушивается с резкими нападками на пороки дворянства, клеймит богачей, которые высасывают все живые соки из страны, позволяет себе довольно резкие выпады против самого Кольбера. Наряду с общественно-этической проблематикой ведущее место в сатирах занимает литературная критика: нападки на прециозных поэтов и на официозных литераторов, пользующихся покровительством государственной власти. В своих сатирах Буало, следуя за Ренье и писателями-вольнодумцами первой половины XVII века, проявляет живой интерес к изображению быта простого человека. Знаменательна в этом отношении шестая сатира, представляющая собой меткое описание различных злоключений, жертвой которых из-за неустроенности столичной жизни становится скромный разночинец, обитатель Парижа, города резких социальных контрастов.

Произведения молодого Буало, примыкая к сатирическим традициям французской литературы первой половины XVII века, вместе с тем заключают в себе много принципиально новых черт. Буало была чужда унаследованная от Возрождения громогласная раскатистость смеха М. Ренье, его склонность к эпическому размаху и причудливым гротескным преувеличениям. С другой стороны, Буало стремился освободить сатиру от того налета грубоватой натуралистичности и прямолинейной буффонады, который был присущ бурлескной поэзии. Сатиры Буало дышат темпераментом, в них ярко проявляется живописное мастерство поэта, его умение находить выразительные детали, в них доминирует стремление к бытовой достоверности и точности, иронический характер смеха, безупречная отточенность и изящество литературного слога.

Новый этап в литературной деятельности Буало начинается с 1668 года. И в ирои-комической поэме «Налой», филигранной по форме, но лишенной значительного идейного содержания поэтической шутке, и в своих «Посланиях» Буало выступает прежде всего как изощренный мастер поэтического воспроизведения внешнего мира. Особенно ярко художественный талант Буало выявляется здесь в жанровых и пейзажных вырисовках. Наиболее выдающееся из произведений, созданных Буало в этот период, бесспорно — его знаменитый стихотворный трактат «Поэтическое искусство». Сила его не в

оригинальности каких-то особенных теоретических откровений автора. Значение «Поэтического искусства» в ином. В нем впервые во французской литературе XVII столетия теоретические принципы классицизма систематически сведены воедино и обобщены всесторонне и полно. К тому же нормы и каноны классицизма изложены в «Поэтическом искусстве» в доходчивой и живой форме. Поэма Буало отточенна, совершенна по форме. Она написана чеканным языком, изобилует блестящими афоризмами, меткими и остроумными, легко запоминающимися формулами, крылатыми словечками, прочно вошедшими в обиход французской литературной речи.

Не случайно Буало, помимо всего прочего,— блестящий мастер эпиграммы. XVII век вообще время взлета и всесилия эпиграммы, причем не только во Франции. Если французскую классицистическую эпиграмму отличают изящество и тонкое остроумие концовки, то, скажем, в эпиграммах выдающегося немецкого поэта Логау глубокие и парадоксальные мысли облекаются чаще всего в предельно сжатую форму сентенций или поговорок.

Крупнейший французский поэт XVII века — Жан де Лафонтен. Творческое наследие Лафонтена многогранно. В своих жизнелюбивых, задорных «Сказках» Лафонтен предстает как выдающийся сатирик, вольнодумный мыслитель, продолжатель ренессансных традиций в литературе. «Сказки» Лафонтена не только свидетельствовали о тонкой наблюдательности и блестящем повествовательном стилистическом мастерстве писателя. Они подрывали уважение к церкви, порождали сомнения в безгрешности ее служителей, в святости сословных привилегий, в нерушимости патриархальных добродетелей. «Сказки» Лафонтена, пусть в игривой и фривольной форме, говорили о равных правах людей на наслаждение земными благами, независимо от их богатства и сословного положения.

Славой одного из величайших писателей Франции Лафонтен обязан прежде всего «Басням». Именно в «Баснях» особенно наглядно раскрылись отличительные черты художественного мироощущения поэта, многие из которых роднят его с Мольером и определяют его своеобразное место в классицизме: интерес к низшим, подчиненным с точки зрения эстетики классицизма жанрам, стремление опереться на народную мудрость и традиции фольклора, отразить взгляды простых людей, глубоко национальный характер творчества, сатирический склад ума, склонность к иносказанию и иронической усмешке.

«Басни» Лафонтена отличаются исключительной широтой в охвате современной французской действительности. Вся Франция второй половины XVII века, от крестьянина-бедняка, добывающего себе пропитание сбором хвороста, и кончая монархом и его аристократическим окружением, проходит перед глазами читателя в произведениях Лафонтена. При этом с годами сатира Лафонтена, направленная против сильных мира сего, приобретает все большую эмоциональность, социальную остроту, реалистическую конкретность. Повествование Лафонтена-баснописца отнюдь не безлично. Оно про-

низано переживаниями и настроениями самого автора. В баснях Лафонтена с особой силой раскрылось замечательное лирическое дарование писателя. Виртуозно реализуя ритмические возможности вольного стиха, Лафонтен передает в своих баснях многообразнейшую гамму переживаний, начиная от язвительной иронии и кончая высоким гражданственным пафосом.

В вводной статье намечены лишь некоторые основные ориентиры, призванные облегчить читателю знакомство с сокровищницей европейской поэзии XVII века. Следующие дальше переводы введут читателя непосредственно в эту сокровищницу и наглядно познакомят с ее богатствами.

Ю. ВИППЕР

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

ЛЕК МАТРЕНГА

ПОМИНАНИЕ

Всех сзываю, жаждущих прощенья,
Добрых христиан, и женщин и мужчин,
Слушать мессу, где господне поученье,
Ибо все мы люди, все грешим.
Тот блажен, кто знает: жизнь — мгновенье,
И умом достичь пытается вершин,
Для того местечко есть под райской сенью,
И Христу он станет брат иль сын.

1592

ПЬЕТЕР БУДИ

ЛЮДСКАЯ ГОРДЫНЯ

О род людской, многострадальный,
Ты все благое забываешь,
Гордыне предан изначальной,
Грехом опутан пребываешь.
Будь ты старик или юнец,
Будь полным сил или уставшим,
Несчастный, вспомни наконец
О господе, тебя создавшем.

Из черной грязи сделан ты,
А не из золота литого,
Не из небесной чистоты
И не из жемчуга морского.
Зачем, издревле и поныне,
Не устаешь ты похваляться,—
Набравшись спеси и гордыни,
Не хочешь богу покоряться?
Не возносись, не льстись, не хвастай,
Ведь тот, кто матерью оставлен
В сей жизни горькой и злосчастной,
Всегда заботами отравлен.
Не принесут тебе отрады
Ни мудрость, ни хитросплетенья,
Ни все прославленные клады,
Ни драгоценные каменья.
Величья ты не обретешь
Ни сведеньями, ни искусством,
Ни храбростью, ни мощью тож,
Ни ловкостью, ни безрассудством.
В сей жизни не приносят власти
Ни бег прекрасного коня,
И ни удачи, ни напасти,
И ни свойство́ и ни родня.
Ты, человек,— ты все пятнаешь,
Идешь ты по дурной дороге.
И мать родную обрекаешь
Рыдать в печали и тревоге,
Поскольку, весь в пустых заботах,
Своей жо пользе не внимаешь,
И все купаешь в нечистотах,
И сам себя не понимаешь.
И вот я вопию и плачу,
Воспомнив, как живешь впустую,
И не тебе, а наудачу
Об этом горько повествую.
Ведь беспрепятственно пришел
В земное ты существованье.
Откуда ж нынче столько зол,
Вражды, и плача, и страданья!
И ты, пришелец неудачный,
От бед лишившийся ума,
Готов уйти от жизни мрачной,
Но гонит жизнь тебя сама.

О спеси мы не размышляем,
Не рассуждаем, как нам быти,
И только одного желаем,
Чтоб в господá скорее выйти.
В сей жизни не противоречим
Им ни отвагой, ни войною,
Ни благородным красноречьем,
А все молчим любой ценою.
В сей жизни ценят лишь стальное
Оружье, да коней, да сбрую,
И не в цене все остальное,
Сулящее нам жизнь иную.
В сей жизни больше уж не гонят
Прочь богача и толстосума,
А все кругом в корысти тонет,
Подачек требуя угрюмо.
Глядите — сколько родовитых
И самых храбрых в этом мире,
Глядите — сколько знаменитых
Погребены в сырой могиле.
Где эти старики седые,
Что были сердцем благородны,
И где герои молодые,
Что быстрой молнии подобны?
Где юноши во цвете лет,
Где те красавцы в полной силе?
Ты видел их в глаза — их нет,
Тех, что прекрасно говорили!
И где они, те господа,
Что властвовали неустанно,
Которых жизнь текла всегда
Величественно или чванно?
Где императоры, которых
Так величали поколенья,
Цари, сидевшие в коронах,
В которых злато и каменья?
Где мудрецы и книгочеи,
Что прежде знаньями блистали,
Которые листы белее,
Чем снег, читали и листали?
Где девы в пышном одеянье,
Где недоступные матроны,
На коих гордое сиянье
Бросают отсветы короны?

Пришла к ним смерть и просвистела
Своим безжалостным булатом
И, выбирая, не глядела,
Кто бедным был, а кто богатым.
Она во всем равняет смертных —
И любомудра и профана,
Сокровищ не берет несметных
У господина и тирана.
Она и не посмотрит, кто он —
Юнец или старик почтенный.
И в час, который уготован,
Приходит им конец мгновенный.
И сколько люди ни являют
Сопротивленья и упорства,
Их от кончины не спасают
Ни храбрость, ни противоборство.
Но потому, что все вы жадны
И грубой завистью набиты,
Для вас поэтому наглядны
Лишь те, кто были имениты,
Которых прежде вы знавали,
С которыми вы говорили,—
Они теперь, забыв печали,
С землей во рту лежат в могиле.
Теперь одна лишь только ржа
Находится в протухшем теле,
Полуприкрытые глаза
На все взирают еле-еле.
Жди, смерти роковой удар
Тебя поставит на колени,
И кто б ты ни был — млад иль стар,—
Убьет тебя в одно мгновенье.
Ибо она повсюду рыщет,
Глаз днем и ночью не смыкает
И постоянно жертвы ищет,
И каждого она хватает
Там, где ты трудишься прилежно,
Как бессловесная скотина,
Где мыслишь ты, как безнадежна
Столетья нашего картина.
И как бы ты ни веселился,
Позабывая о кончине,
Как в хороводах ни резвился
В своем величье и гордыне,

Ты смерть словами не обманешь,
Она щадить тебя не станет,
А если откупаться станешь,
Любых сокровищ недостанет.
Нет, больше жизни мне не надо,
Где огорченья и печали,
Где мне одна была отрада —
Скоты, что мне принадлежали.
Но тем не менее, христьяне,—
Бог вездесущ! И в жизни страшной
Не полагайтеся заране,
Что выручит вас скот домашний.
Они, животные, понятны,
Им нужны лишь еда и угол.
И все-таки они приятны,
Хоть и темны они, как уголь.

О ГОСПОДИ, БЛАГОДАРЕНЬЕ

О господи, благодаренье
За все добро, что ты мне да́ришь,
За то, что ты свое творенье
Не по заслугам награждаешь;

За то, что я бывал утешен
На свете тварями земными,
Что Заной озарен, взлетевшей
Над рукописями моими.

О господи, будь мой водитель
И книги дай послать в Албанию,
Чтоб каждый храм или обитель
Усерднее стремились к знанию.

А коль вкрадется опечатка,
В том нету умысла и цели,
Ибо душа моя так сладко
Цветет, как дерево в апреле.

Когда поутру птичье пенье
В чащобе бога восхваляет,
Птиц голоса, как вдохновенье,
Меня всего переполняют.

ПЬЕТЕР БОГДАНИ

ДЕЛЬФИЙСКАЯ СИВИЛЛА

Оплакиваю я ужасные дела,—
Христа на крест воздели, и терзали,
И унижениям подвергли без числа,
И старцев семь его, еще живого, очерняли.
Сыны Израиля, вы, порожденье зла,
Отточенный клинок в распятого вогнали;
И матери глава в пыли пред ним легла,
И чернь в округе бесновалась, весела.

ПЕРСИДСКАЯ СИВИЛЛА

Ловлю благую весть и зрю дорогу в рай,
Мне слышен рокот гор, и слабый крик в пустыне,
И мощный глас веков: судьбе не уступай,
Пусть гнев небес крещеным будет страшен, ныне
В стране Париса оставайся, поступай
Как знаешь, но живи без кривды и гордыни,
Предательство, и страх, и зверство отвергай,
Ходи прилежно в храм и людям помогай.

ЛЮКА БОГДАНИ

* * *

Пьетеру Богдани, епископу Скопле,
моему любимому двоюродному брату

Гур выходит ланью — Заной,
Нет такого уголка
Ни в Венеции туманной,
Ни на склонах Пештрика.

Жены, юноши и девы
На него в поту лица
Трудятся, а их напевы
Ублажают все сердца.

Македонец строил рати,
Царь Саул погиб от скверн,
Скандербег страну утратил,
Был погублен Олоферн.

Где-то Зана распевает
На вершине, а под ней
Радость в сердце навевает
Равномерный бег коней.

С гиацинтом вместе розы
Собираются в пучки,
Розы скручивают косы
В благовонные венки.

Зана — горная пастушка
Подарила мне букет
И танцует, так воздушна,
Что повсюду льется свет.

Как пройдешь ты мимо рынков
И увидишь молодцов,
Что годны для поединков,
Ты восславишь край отцов.

Шкодер закрепил границы,
Горы-долы покорил
И под власть своей десницы
Леж с Задримой захватил.

Ловят в озере форелей
И огромных осетров.
Все умельцы в этом деле
Еле тащат свой улов.

Скопле — город епископский
И имперский — градам град.
И царицею Родопской
Назван он — Призрена брат...

Здесь епископом поставлен
Сын вардарских берегов.
Он обилием прославлен
Копей, руд, земель, лугов.

Он не распри собирает,
А меха, сафьян и мед.
Пчел по пущам рассылает
И от них подарка ждет.

Есть три города большие,
На морских они брегах,
Сербия и Арберия
Дружат в этих городах.

Арберешка с выси горной
На руках несет венок.
Турок ходит непокорный,
А при нем большой клинок.

Богоматерь из Призрена,
Патронесса этих мест,
Да пребудут неизменно
Знамя и господний крест.

Боже, пастухов спаситель,
Взором землю охвати
И людей своих обитель
Светом счастья освети!

НИКОЛЕ БРАНКАТИ

ТЕКЛА ТА СТРУЙКА

Текла та струйка,
Тонка, как струнка,
В траве бежала,
Цветок питала
И так премило
Заговорила:
«Благодаренье
Отцу творенья!»
И соловей
Среди ветвей
Не отдыхает,
А воспевает
Хвалу тому,
Кто дал ему
Крыла, и перья,
И жизнь, и пенье.
И ветр гудящий,
Над всем парящий,

Поет трубою
Над головою:
«Где ветер веет,
Нет травки лишней —
Всему всевышний
Благоволеет».
И эта роза
С росою вешней
Как бы сквозь слезы
Поет утешно:
«Весь небывалый
Наряд мой алый,
И цвет, и плоть
Мне дал господь».
И эти лилии,
Что на воскрылия
Надели жемчуг,
Безмолвно шепчут:
«Всю красоту,
Всю лепоту
И цвет наш млечный
Нам дал предвечный».
И даже солнце
На горизонте
Мир светом полнит
И так нам молвит:
«Лучистым златом,
Венцом богатым
Меня облек
Великий бог».
Теперь взгляни на
Скотов домашних —
И все едино
В лугах и пашнях
Своим наречьем
Нечеловечьим
Ревут, приветствуя
Отца небесного.
Любая птица,
Небес жилица,
Летает в небе том
С хвалебным щебетом:
«Бог дал обычай
И песнью птичьей

И шелком крыл
Нас одарил».
И вот, все сущее
И все живущее
Так на свободе
Поет о боге:
«Он созидает
И сострадает,
За все дела
Ему хвала».
Лишь человек
Грешит весь век
И, всюду скотствуя,
Не славит господа.
Глядел бы хоть —
Куда ступает,
И знать не знает,
Что есть господь.
Он горд собой,
Как вал морской,
Что бьет по скалам
Прибоем шалым.
Творит он грех
И хочет всех
Перебороть,
Но тверд господь.
Когда премного
Все славит бога,
Земли создателя
И благ подателя,
И все земное
Поет о чуде,
Одни лишь люди
Творят дурное.
Как мотылек
Сжигает крыльца,
Решив спуститься
На фитилек,
Так род людской
В огне измучится
Иль знать научится,
Кто он такой.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

РОБИН-ВЕСЕЛЬЧАК

Князь Оберон — хозяин мой,
Страны чудес верховный маг.
В дозор ночной, в полет шальной
Я послан, Робин-весельчак.
Ну, кутерьму
Я подыму!
Потеха выйдет неплоха!
Куда хочу,
Туда лечу,
И хохочу я: — Ха, ха, ха!

Промчусь я, молнии быстрей,
Под этой ветреной луной,
И все проделки ведьм и фей,
Как на ладони, предо мной.
Но я главней
И ведьм и фей,
Мне их приструнить — чепуха!
Всю суетню
Я разгоню
Одним внезапным: — Ха, ха, ха!

Люблю я в поле набрести
На припозднившихся гуляк,
Морочить их, сбивать с пути
И огоньком манить в овраг.
— Ау, ау! —
Я их зову.
Забава эта неплоха!
И, заманив,
На воздух взмыв,
Смеюсь над ними: — Ха, ха, ха!

Могу я подшутить и так:
Предстану в образе коня,
И пусть какой-нибудь простак
Вскочить захочет на меня —
Отпрыгну вмиг,
Он наземь — брык!
Клянусь, проделка неплоха!
И прочь скачу,
Куда хочу,
И хохочу я: — Ха, ха, ха!

Люблю я, невидимкой став,
На погулянки прилететь
И, со стола пирог украв,
Нарочно фыркать и пыхтеть.
Кого хочу,
Пощекочу —
Подпрыгнет девка, как блоха!
— Ой, это кто? —
А я: — Никто! —
И, улетая: — Ха, ха, ха!

Но иногда, хоть раз в году,
Чтоб тем же девкам угодить,
Чешу им шерсть и лен пряду,
Кудельку ссучиваю в нить.
И коноплю
Я им треплю,
Тружусь, покуда ночь тиха.
В окно рассвет —
Меня уж нет,
Простыл и след мой: — Ха, ха, ха!

Случись нужда, потреба в чем —
Мы можем одолжить на срок,
Лихвы за это не берем,
Лишь вовремя верни должок!
А коли взял
И задержал,
Да будет месть моя лиха:
Щипать, стращать,
И сон смущать
Ужасным смехом: — Ха, ха, ха!

И если мелют языком
Неугомонные ханжи,
Злословят на людей тайком
И упражняются во лжи,
Подстрою так,
Чтоб знал их всяк
И сторонился от греха!
Разоблачу
И улечу,
И пусть их злятся: — Ха, ха, ха!

Мы ночью водим хоровод
И веселимся, как хотим.
Но жаворонок запоет —
И врассыпную мы летим.
Детей крадем —
Взамен кладем
Мы эльфов — шутка неплоха!
Готов подлог —
И наутек!
Ищите ветра: — Ха, ха, ха!

С тех пор, как Мёрлин-чародей
На свет был ведьмою рожден,
Известен я среди людей
Как весельчак и ветрогон.
Но — вышел час
Моих проказ,
И с третьим криком петуха —
Меня уж нет,
Простыл и след.
До новой встречи: — Ха, ха, ха!

ТОМАС КЭМПИОН

* * *

Что из того, что день, а может, год
В чаду удач тебя кружмя закружит?
Всего лишь час, всего лишь ночь — и вновь
Вернутся беды, и тебе же хуже.
Деньги, юность, честь, краса
Бренны, что цветенье.
Жар желанья, пыл любви
Пронесутся тенью.
Злой обман — их дурман,
Суета пустая.
Пожил час — и погас,
Без следа растаял.

Земля лишь точка в мире; человек —
Прокол пера в полузаметной точке.
И точка точки тщится одолеть
Стезю, что не по силам одиночке?
Для чего копить добро,
Коль ничто не вечно?
Дни утех протекут
Речкой быстротечной.
Плачь не плачь, время вскачь
Мчит, листая годы.
Тайный рок нам предрёк
Радости-невзгоды.

* * *

Безгрешный человек,
В чьем сердце места нет
Для нечестивых дел
И всяческих сует,

Чьи дни текут в тиши
Спокойно и светло,
Кому не лгут мечты,
Кого обходит зло,—

Не строит крепостей
И не кует брони,
Чтоб от громовых стрел
Спасли его они,

Но может посмотреть
Без страха он один
На демонов высот,
На дьяволов глубин.

Отринув рой забот,
Чины и барыши,
Он к мудрым небесам
Возвел глаза души.

Молитва — друг ему,
А доброта — доход,
А жизнь — кратчайший путь,
Что к господу ведет.

* * *

Когда сбежишь под землю, в мир теней,
Спеша усопших восхитить собой,
Елена и другие дамы с ней
Придут, чтоб окружить тебя гурьбой
И о любви, угасшей миг назад,
Узнать из уст, пленявших самый ад.

Я знаю — ты начнешь им про пиры,
Турниры, славословия, цветы
И паладинов, павших до поры
Для полного триумфа красоты...
Но хоть потом, без пышных фраз и лжи,
Как ты меня убила, расскажи.

ДЖЕК И ДЖУН

Ни Джек, ни Джун не знают зла,
Заботы, шутки и дела
Привычно делят пополам,
Творят молитвы по утрам,

Весной на пашне в пляс идут,
Царицу лета шумно чтут,
Под праздник шутят не хитро
И ставят пени на ребро.

По праву им хороший эль
И сказка вечером в метель,
И сушка яблок,— свой чердак
Блюдут они не кое-как.
Отец в дочурку Тиб влюблен,
А мама — в Тома, младший он.
Их счастье — жить, и есть, и пить,
И ренту вовремя платить.

Лелеет Джун домашний кров,
Зовет по кличкам всех коров,
Умеет и плести венки,
И печь на свадьбы пироги.
А Джек в других делах знаток,
Он сам снопы кладет на ток,
Он чинит после всех охот
Плетни и никогда не лжет.

О госпожи и господа,
Вам не жилось так никогда,
Заморских тьма у вас утех,
Шелка и бархаты на всех,
Вы лгать привычны, но подчас
И ложь спасти не может вас.
Ни блеск, ни пышность не навек.
Спокойней быть — как Джун и Джек.

* * *

Вглядись — и станет ясно:
В оттенках красоты
По-разному прекрасны
Прекрасные черты.
Равно в преданиях нетленна
И Розамонда, и Елена.

Одним — проворство взгляда,
Другим — пунцовость губ.
А третьим третье надо:
Им томный облик люб.
И полевых цветов уборы
В соседстве розы тешат взоры.

Никто красу не может
Завлечь в свои края:
Она повсюду вхожа,
Во всех веках своя.
Но самым дивным чаровницам
С моей любимой не сравниться.

НОЧЬ, КАК ДЕНЬ, БОГАТА

Ночь, как день, богата, радостью полна,
Песнями и смехом пусть звенит она;
Словно перекинут мост
В алмазах и лучах —
Столько ярких звезд
На земле и в небесах!

Музыка, веселье, страсть и красота —
Истинные блага, а не суета.
Но с блистающих высот
Сорваться вниз легко,—
Трусость не дает
Воспарить нам высоко.

Радость — нянька духа, пéстунья добра,
Здравья и удачи светлая сестра;
До конца она верна
Избранникам своим,—
С кем она дружна,
Тот душой не уязвим.

* * *

Опять идет зима,
И ночи всё длинней.
Бураны и шторма
Приходят вместе с ней.

Так разожжем очаг,
Вином согреем кровь
И в пламенных речах
Благословим любовь!
Нам нынче не до сна:
От свеч бледнеет ночь,
Пирушки, шум, забавы допоздна
Прогонят дрему прочь.

Блаженная пора
Признаний затяжных!
Красотки до утра
Готовы слушать их.
А кто любви урок
Покамест не постиг —
Пускает в ход намек,
Зовет на помощь стих.
Хоть лето — мать утех,
Зиме свои под стать:
Любовь — игра, доступная для всех,
Чтоб ночи коротать.

* * *

Навсегда отвергни брак,
Коль не стерпишься никак
С недостатками мужчин,
Что ревнуют без причин
И подвергают жен обидам,
А сами ходят с хмурым видом.

У мужчины прав такой:
Он, молясь одной Святой,
Обожать готов хоть всех;
Но какой же в этом грех,
Раз увлеченье — не чрезмерно,
А сердце — преданно и верно?

У мужей свои дела:
Гончие и сокола́;
Неожиданный отъезд;
Коль тебе не надоест
Такая жизнь — не беспокойся:
Люби — и в брак вступать не бойся.

* * *

Все сплетни собирай,
Подслушивай, следи;
Где раньше был твой рай,
Там ад нагороди:
Когда Любовь сильна,
Ей Ревность не страшна.

Пустые слухи в явь
Старайся обратить,
Отжившим предоставь
О юности судить:
Когда Любовь сильна,
Ей Ревность не страшна.

Во всем ищи намек,
Толкуй и вкривь и вкось;
На золотой крючок
Уди,— что, сорвалось?
Когда Любовь сильна,
Ей Ревность не страшна.

* * *

Трижды пепел размечи древесный,
Трижды сядь в магическое кресло,
Трижды три тугих узла свяжи,
«Люб? Не люб?» — вполголоса скажи.

Брось в огонь отравленные зерна,
Перья сов и вереск непокорный,
Кипарис с могилы мертвеца,—
Доскажи заклятье до конца.

В пляску фей ввяжись козлиным скоком,
Чтоб смягчилось сердце у жестокой.
Но один ее небрежный взор —
И разбит никчемный заговор.

* * *

Я до спесивиц тощих
Охотник небольшой,
Мне с Амари́ллис проще —
С красоткой разбитной,
Чья прелесть без прикрас
Мне, в общем, в самый раз.
Чуть с поцелуем лезешь к ней,
Кричит: «Бесстыдник! Люди!»
А как пристроимся ладней,
Так обо всем забудет.

Подносит, не скупится,
Где грушу, где цветок.
А к дамам подступиться —
Берись за кошелек.
Непокупная страсть
Нам с Амариллис всласть.
Чуть с поцелуем лезешь к ней,
Кричит: «Бесстыдник! Люди!»
А как пристроимся ладней,
Так обо всем забудет.

Не дамские подушки,
Заморская постель,—
Мне мил матрас из стружки,
Трава, да мягкий хмель.
Да Амариллис пыл,
Избыток форм и сил.
Чуть с поцелуем лезешь к ней,
Кричит: «Бесстыдник! Люди!»
А как пристроимся ладней,
Так обо всем забудет.

К ЛЕСБИИ

О Лесбия! Ответь любви моей!
И пусть бранят нас те, кто помудрей,
Что нам за дело? Звезды на закат
Уйдут, погаснут — и придут назад;

Но не зажжется вновь наш слабый свет,
Мы канем в ночь, откуда вести нет.

Когда бы все, как я, могли любить,—
Кровавым распрям на земле не быть;
Из всех тревог, что будят среди сна,
Навек любовь осталась бы одна;
Безумство — в муках тратить этот свет,
Спеша в ту ночь, откуда вести нет.

Когда мой путь окончится земной,
Не надо слез и скорби надо мной,—
Но пусть влюбленные со всех сторон
Придут ко мне на праздник похорон!
Спрячь, сохрани тогда мой слабый свет,
В ночь отпустив, откуда вести нет.

* * *

Ты не прекрасна, хоть лицом бела,
И не мила, хоть свеж румянец твой;
Не будешь ни прекрасна, ни мила,
Пока не смилуешься надо мной.
С холодным сердцем в сети не лови:
Нет красоты, покуда нет любви.

Не думай, чтобы я томиться стал
По прелестям твоим, не зная их;
Я вкуса губ твоих не испытал,
Не побывал в объятиях твоих.
Будь щедрой и сама любовь яви,
Коль хочешь поклоненья и любви.

* * *

Взгляни, как верен я, и оцени;
Что выстрадал, в заслугу мне вмени.
Надежда, окрыленная тобой,
Летит домой, спешит на голос твой.
Великой я награды запросил;
Но много сердца отдано и сил.

Иные из былых моих друзей
Достигли и богатств и должностей;
Из жалости, в насмешку иль в упрек
Они твердят, что так и я бы мог.
О дорогая! полюби меня —
И стихнет эта злая болтовня.

* * *

Ждет Музыки мой изнуренный дух,
Но не мелодий на веселый лад:
Они сейчас не усладят мой слух,
Души взыскующей не утолят.
Лишь Ты, о Боже милосердный мой,
Отрадою наполнишь звук любой.

Блеск и красу земную воспевать —
Как на волнах писать, ваять из льда.
Лишь в Боге — истинная благодать,
Свет, что у нас в сердцах разлит всегда:
Лучи, которые от звезд зажглись,
Жар, возносящий над землею ввысь.

ДЖОН ДОНН

ПЕСНЯ

Падает звезда — поймай,
Мандрагору — кинь брюхатой.
Тайны прошлого прознай,
И давно ли Черт — рогатый,
Научи внимать сиренам,
А не зависти гиенам,
Дай силу
Кормилу,
Чтобы честный ум не закружило.

Если ты такой ловкач
И к безумствам тяготеешь —

Мчись десятилетья вскачь,
Мчись, пока не поседеешь,
А затем — сочти, припомни
Чудеса до одного мне,—
Не встречу
В той речи
Женщины, что честь смогла сберечи.

Есть такая — дай мне знать.
Я в паломничество ринусь.
Впрочем, можешь не писать —
С места я за ней не сдвинусь.
С верной вестью ты вернешься,
Но едва ты отвернешься —
Уж с тою
Златою
Погуляют двое или трое.

К ВОСХОДЯЩЕМУ СОЛНЦУ

Как ты мешать нам смеешь, дурень рыжий?
Ужель влюбленным
Жить по твоим резонам и законам?
Иди отсюда прочь, нахал бесстыжий!
Ступай, детишкам проповедуй в школе,
Усаживай портного за работу,
Селян сутулых торопи на поле,
Напоминай придворным про охоту;
А у любви нет ни часов, ни дней —
И нет нужды разменяться ей!

В твои лучи, хваленое светило,
Я верю слабо;
Моргнул бы и затмил тебя — когда бы
Мог оторваться я от взора милой.
Зачем чудес искать тебе далёко,
Как нищему, бродяжить по вселенной?
Все пряности и жемчуга Востока —
Там или здесь? — ответь мне откровенно.
Где все цари, все короли Земли?
В постели здесь — цари и короли!

Я ей — монарх, она мне — государство,
Нет ничего другого;
В сравненье с этим власть — пустое слово,
Богатство — прах, и почести — фиглярство.
Ты, Солнце, тоже счастливо отныне,
Что целый мир вместился в это ложе:
Остались только мы посередине,
Нас согревай — и мир согреешь тоже;
Свети лишь нам — и всюду будет свет,
Здесь полюс твой и сферы всех планет!

КАНОНИЗАЦИЯ

Уймись, завистник, не мешай любить!
Брани мою подагру, хвори,
Седую прядь, дела в разоре,
О музах выучись судить,
Возьмись за ум, а нет — служи:
Тут подольстись, там удружи,
Потрись в судах и над мошной дрожи —
Как порешишь, тому и быть,
Лишь не мешай любить!

Кому, кому во зло, что я влюблен?
Иль корабли от вздохов тонут?
От слез моих угодья стонут?
А равнодушье гонит лето вон?
Кого спалил в чумном огне
Зной, полыхающий во мне?
Ведь, как и прежде, стряпчие в цене,
Солдат войной не обделен —
А я всего влюблен!

Преображаясь волею любви,
Мы — мотыльки, и мы же — свечи.
Самим себе спешим навстречу.
Орел и голубь — всё в одной крови.
И феникс — это мы вдвоем.
Едины в тождестве своем,
Самих себя друг в друге познаём:
Восстал из пепла — и живи
Для таинства любви.

Ну, а умрешь, так смерти нет в любви.
Назло могильному покою
Мы станем, стих, твоей строкою.
Ты нас людскому слуху назови.
Коль нам в анналах места нет,
Мы под жилье возьмем сонет.
В его созвучьях сохранив наш след,
Навеки нас благослови
Войти в канон любви.

Взыскуйте все, кого любовь
В душе друг друга поселила,
Кому от мук ничто не мило,
Кто сокрушен, вселенной явь и новь
Вобрал в себя зерцалом глаз
(И потому она свелась
К размерам, осязаемым для вас):
И нам, о небо, уготовь
Такую же любовь!

БЕСКОНЕЧНОСТЬ ЛЮБВИ

Коль наше чувство звать нельзя любовью,
То, значит, между нами только связь.
Но я устал, залито сердце кровью,
А из любви бесстрастность родилась.
Опустошен я — просьбы, клятвы, взоры
Я не скупясь истратил на тебя,
Был верен букве договора
И ждал, надеясь и любя.
Но если вдруг — прости мне эту грязь —
Твоей любви делима ипостась,
То нет надежд на большее, чем связь.

А вдруг любовь меж нами — а не связь,
Тогда твоя любовь не безраздельна.
Быть может, кто-то, вкруг тебя виясь,
Слезой своей распорядившись дельно,
Смог вынудить тебя любить его;
Что делать нам тогда? Мы — жертвы рока:
Любить друг друга, больше никого —
Таков наш договор без срока.

И все же одарен я, словно князь:
Твой дар — земля; все, что живет, плодясь
И множась здесь, крепит меж нами связь.

Нет, безраздельности желать нельзя:
Настанет миг — ничто не будет ново,
Но не кончается любви стезя,
Мне нужно новое твое хоть слово.
Не суждено нам быть всечасно рядом,
Но мне спокойно, о любовь моя:
Не предпочту я никаким усладам
Сердец свиданье в море бытия.
Все ж мы должны, на щедрость не скупясь,
Один в другого преосуществясь,
Нерасторжимой сделать нашу связь.

ТВИКНАМСКИЙ САД

В тумане слез, от вздохов невесомый,
Я в этот сад вхожу, как в сон знакомый;
И вот — к моим ушам, к моим глазам
Стекается живительный бальзам,
Способный залечить любую рану;
Но монстр ужасный, что во мне сидит,
Паук любви, который все мертвит,
В желчь превращает даже божью манну;
Воистину здесь чудно, как в раю,—
Но я, несчастный, в рай привел змею.

Уж лучше б эти молодые кущи
Развеял холод мстительно-гнетущий!
Уж лучше б снег, нагрянув с высоты,
Оцепенил деревья и цветы,
Чтобы не смели мне в лицо смеяться!
Куда теперь укроюсь от стыда?
О Купидон, вели мне навсегда
Частицей сада этого остаться,
Чтоб мандрагорой горестной стонать
Или фонтаном у стены рыдать!

Пускай тогда к моим струям печальным
Придет влюбленный с пузырьком хрустальным:

Он вкус узнает нефальшивых слез,
Чтобы не все отныне брать всерьез
И заблуждаться менее, чем прежде;
Увы! судить о чувствах наших дам
По их коварным клятвам и слезам
Труднее, чем по тени об одежде.
А та — единственная, кто не лжет,
Правдивостью своей меня убьет!

РАСТУЩАЯ ЛЮБОВЬ

Я полагал: чиста, как идеал,
Моя любовь; а вышло, что она
Сезону и закону естества,
Как вешняя трава, подчинена.
Всю зиму клялся я, что невозможно
Любить сильней — и, вижу, клялся ложно.
Но если этот эликсир, любовь,
Врачующий страдание страданьем,—
Не квинтэссенция, но сочетанье
Всех ядов, горячащих мозг и кровь,
И власть его от солнца происходит,—
Тогда не столь абстрактною выходит
Любовь, как проповедует поэт —
Тот, у которого премного лет
Другой подруги, кроме Музы, нет.

Любовь — то созерцанье, то желанье!
Весной она не больше — но ясней:
Так солнце Весперу дарит сиянье,
Так зеленеют рощи от дождей,
Так сок струится к почкам животворней,
Когда очнутся под землею корни.
Растет любовь — и множатся мечты,
Как на воде круги от середины,
Как сферы птоломеевы, едины,
Поскольку центр у них единый — ты!
Как новые налоги объявляют
Для нужд войны, а после забывают
Их отменить,— так новая весна
К любви неотвратимо добавляет
То, что зима убавить не вольна.

ПРОЩАЛЬНАЯ РЕЧЬ О СЛЕЗАХ

Дозволь излить,
Пока я тут, все слезы пред тобой,
Ты мне их подарила и в любой
Отражена, и знаешь, может быть,
На них должна
Лишь ты одна
Глядеть; они плоды большой беды,
Слезинкой каждой оземь бьешься ты,
И рушатся меж нами все мосты.

Как геогра́ф,
Который сам наносит на шары
Границы океанов и держав,
Почти из ничего творя миры,
Наносишь ты
Свои черты
На каждую слезу мою, но вот
Вскипает слез твоих водоворот,
И гибнет все, и лишь потоп ревет.

Я утону
В слезах твоих, сдержи их поскорей,
Не стань дурным примером для морей,
Мечтающих пустить меня ко дну,
Вздыхать не смей,
Хоть онемей,
Но бурь вздыхать глубоко не учи,
Чтоб не смели́ они меня в ночи...
Люби и жди, надейся и молчи.

НОКТЮРН В ДЕНЬ СВЯТОЙ ЛЮСИ, САМЫЙ КОРОТКИЙ ДЕНЬ ГОДА

День Люси — полночь года, полночь дня,
Неверный свет часов на семь проглянет:
Здоровья солнцу недостанет
Для настоящего огня;
Се запустенья царство;

Земля в водянке опилась лекарства,
А жизнь снесла столь многие мытарства,
Что дух ее в сухотке в землю слег;
Они мертвы, и я их некролог.

Смотрите все, кому любить приспеет
При новой жизни, то есть по весне:
Любви алхимия во мне,
Давно усопшем, снова тлеет
И — что за волшебство —
Вновь выжимает сок из ничего,
Из смерти, тьмы, злосчастья моего;
Любовь меня казнит и возрождает
К тому, чего под солнцем не бывает.

Другие знают радость и живут
Телесной силой, пламенем духовным,
А я на таганке любовном
Кипящий пустотой сосуд.
Она и я в печали
Как часто мир слезами затопляли
Или в два хаоса его ввергали,
Презрев живых; и часто тот же час
Душа, как мертвых, оставляла нас.

Но если ныне рок ей смерть исчислил —
Господь, избавь! — я представлял бы суть
Шкалы земных ничтожеств: будь
Я человеком, я бы мыслил;
А был бы я скотом,
Я б чувствовал; а древом иль кремнём,
Любил и ненавидел бы тайком;
Да я не назовусь ничтожной тенью,
Зане за тенью — вещь и освещенье.

Я есмь никто; не вспыхнет мой восток.
Для вас, влюбленных, для хмельного пыла
Дневное скудное светило
Переступает Козерог:
Войдите в ваше лето;
Она ж уйдет, в державный мрак одета;
И я готовлюсь к ночи без рассвета —
Ее кануном стала для меня
Глухая полночь года, полночь дня.

ТЕНЬ

Убив меня предательством, узнай —
Твоя свобода мнима:
Ведь тень моя с упорством пилигрима,
О лжевесталка, в твой неверный рай
Придет, взыскующа и зрима;
Свеча от страха копоть изрыгнет,
А друг постельный, твой услыша лепет,
Подумает, что вновь его зовет
Твой похотливый трепет,
И оттолкнет тебя, да, оттолкнет.
И, словно сиротливый лист осины,
Ты задрожишь, и пота брызнет ртуть —
Но подождем чуть-чуть,
Не пробил час; твоей печальной мины
Знать не хочу; что́ мне твоя печаль;
Пусть над тобой предчувствий грозных сталь
Висит, как меч,— не жаль тебя, не жаль.

ПРОЩАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ

Души смиреннейшей в ночи
Ухода люди не услышат:
Так тих он, что одни «почил»
Промолвят, а другие — «дышит».

Расстаться б так вот, растворясь
Во мгле,— не плача ни о чем нам;
Кощунством было б тайны вязь
Предать толпе непосвященной.

Земли трясенье устрашит:
Обвалу каждый ужаснется,
Но если где-то дрогнет ширь
Небес, ничто нас не коснется.

Так и любовь потрясена
Земная — и не вспыхнет снова —
Разлукой: подорвет она
Ее столпы, ее основы.

А нам, которые взвились
В такую высь над страстью грубой,
Что сами даже б не взялись
Назвать... что́ нам глаза и губы?

Их тлен союз наш не предаст,
Уйдут *они*,— но не умрет он:
Как золота тончайший пласт,
Он только ширится под гнетом.

И если душ в нем две, взгляни,
Как тянутся они друг к другу:
Как ножки циркуля они
В пределах все того же круга.

О, как следит ревниво та,
Что в центре, за другой кружением,
А после, выпрямляя стан,
Ее встречает приближенье.

Пусть мой по кругу путь далек
И клонит долу шаг превратный,
Есть ты — опора и залог
Того, что я вернусь обратно.

ВОСТОРГ

Там, где фиалке под главу
Распухший берег лег подушкой,
У тихой речки, наяву
Дремали мы одни друг с дружкой.
Ее рука с моей сплелась,
Весенней склеена смолою;
И, отразясь, лучи из глаз
По два свились двойной струною.
Мы были с ней едины рук
Взаимосоприкосновеньем;
И все, что виделось вокруг,
Казалось нашим продолженьем.
Как между равных армий рок
Победное колеблет знамя,
Так, плотский преступив порог,
Качались души между нами.

Пока они к согласью шли,
Камней недвижных наподобье,
Тела застыли, где легли,—
Как бессловесные надгробья.
Тот, кто любовью утончен
И проницает душ общенье,—
Когда бы как свидетель он
Стоял в удобном удаленье,—
То не одну из душ узнав,
Но голос двух соединенный,
Приял бы новый сей состав
И удалился просветленный.
Да, наш восторг не породил
Смятенья ни в душе, ни в теле:
Мы знали, здесь не страсти пыл,
Мы знали, но не разумели,
Как нас любовь клонит ко сну
И души пестрые мешает,
Соединяет две в одну
И тут же на две умножает.
Одна фиалка на пустом
Лугу дыханьем и красою
За миг заполнит все кругом
И радость преумножит вдвое.
И души так — одна с другой
При обоюдовдохновенье
Добудут, став одной душой,
От одиночества спасенье
И тут поймут, что мы к тому ж,
Являясь естеством нетленным
Из атомов, сиречь из душ,
Невосприимчивы к изменам.
Но плоть — ужели с ней разлад?
Откуда к плоти безразличье?
Тела — не мы, но наш наряд,
Мы — дух, они — его обличья.
Нам должно их благодарить —
Они движеньем, силой, страстью
Смогли друг дружке нас открыть
И сами стали нашей частью.
Как небо нам веленья шлет,
Сходя к воздушному пределу,
Так и душа к душе плывет,
Сначала приобщаясь к телу.

Как в наших жилах крови ток
Рождает жизнь, а та от века
Перстами вяжет узелок,
Дающий званье человека,—
Так душам любящих судьба
К простым способностям спуститься,
Чтоб утолилась чувств алчба —
Не то исчахнет принц в темнице.
Да будет плотский сей порыв
Вам, слабым людям, в поученье:
В душе любовь — иерогли́ф,
А в теле — книга для прочтенья.
Внимая монологу двух,
И вы, влюбленные, поймете,
Как мало предается дух,
Когда мы предаемся плоти.

ЗАВЕЩАНИЕ

Пока дышу, сиречь пред издыханьем,
Любовь, позволь, я данным завещаньем
Тебе в наследство слепоту отдам
И Аргусу — глаза, к его глазам;
Язык дам Славе, уши — интриганам,
А слезы — горьким океанам.
Любовь, ты учишь службу несть
Красе, которой слуг не перечесть,
И одарять лишь тех, кому богатства не известь.

Кометам завещаю постоянство,
Придворным — верность, праведникам — чванство;
Иезуиту — лень и простоту,
Недвижность и задумчивость — шуту;
Объездившим полмира — молчаливость,
И Капуцину — бережливость.
Любовь, меня ты гонишь вспять
К любимой, что меня не жаждет знать,
И учишь одарять лишь тех, кто дар не в силах взять.

Дарю учтивость университетским
Студентам, добродетельность — немецким
Сектантам и отступникам; засим
Пусть набожность мою воспримет Рим;

Голодной солдатне дарю смиренье
И пьяным игрокам — терпенье.
Любовь, ты учишь круглый год
Любить красу, для коей я — урод,
И одарять лишь тех, кто дар насмешкою почтет.

Друзьям я имя доброе оставлю,
Врагов трудолюбивостью ославлю;
Философам сомненья откажу,
Болезни — лекарям и кутежу;
Природе — все мои стихотворенья,
Застолью — острые реченья.
Любовь, ты мнишь меня подбить
Любимую вторично полюбить
И учишь так дарить, чтоб дар сторицей возвратить.

По ком звонит сей колокол, горюя,—
Курс анатомии тому дарю я;
Нравоученья отошлю в Бедлам,
Медали дам голодным беднякам;
Чужбине кто судьбу свою поручит —
Английский мой язык получит.
Любовь, ты учишь страсти к ней,
Дарящей только дружбою своей,—
Так что ж, и я дарю дары, которых нет глупей.

Довольно! Смерть моя весь мир карает,
Зане со мной влюбленность умирает;
Красам ее цена отныне — прах,
Как злату в позабытых рудниках;
И чарам втуне суждено храниться,
Как солнечным часам в гробнице.
Любовь, ты приводила к той,
Что, презирая, нас гнала долой,
И учишь сразу погубить — ее и нас с тобой.

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Остерегись любить меня теперь:
Опасен этот поворот, поверь;
Участье позднее не возместит
Растраченные мною кровь и пыл,

Мне эта радость будет выше сил,
Она не возрожденье — смерть сулит;
Итак, чтобы любовью не сгубить,
Любя, остерегись меня любить.

Остерегись и ненависти злой,
Победу торжествуя надо мной:
Мне ненависти этой не снести;
Свое завоевание храня,
Ты не должна уничтожать меня,
Чтобы себе ущерб не нанести;
Итак, коль ненавидим я тобой,
Остерегись и ненависти злой.

Но вместе — и люби, и ненавидь,
Так можно крайность крайностью смягчить;
Люби — чтоб мне счастливым умереть,
И милосердно ненавидь любя,
Чтоб счастья гнет я дольше мог терпеть;
Подмостками я стану для тебя;
Чтоб мог я жить и мог тебе служить,
Любовь моя, люби и ненавидь.

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Она мертва; а так как, умирая,
Все возвращается к первооснове,
А мы основой друг для друга были
И друг из друга состояли,—
То атомы ее души и крови
Теперь в меня вошли, как часть родная,
Моей душою стали, кровью стали,
И грозной тяжестью отяжелили.
И все, что мною изначально было,
И что любовь едва не истощила:
Тоску и слезы, пыл и горечь страсти —
Все эти составные части
Она своею смертью возместила.
Хватило б их на много горьких дней;
Но с новой пищей стал огонь сильней!
И вот, как тот правитель,

Богатых стран соседних покоритель,
Который, увеличив свой доход,
И больше тратит, и быстрей падет,
Так — пусть кощунственно мое сравненье —
Так эта смерть, умножив мой запас,
Повысила безмерно потребленье;
И потому, мощней освободясь,
Моя душа опередит в полете
Ее; так ядра, выстреленные подряд,
Друг друга догоняют на излете,
Когда сильней пороховой заряд.

ИЗМЕНЧИВОСТЬ

Ты можешь силу, власть и все добро призвать
в свидетели любви и наложить печать,
ты можешь изменить, но это лишь сильней
укоренит любовь и страх мой перед ней.
Суть женская всегда уловками полна,
пока ты не познал ее, она сильна.
Коль птицу я поймал и вновь пустил летать,
найдутся на нее охотники опять.
Ведь женщины — для всех, не только для тебя,
ты видишь, все вокруг меняется любя,
и лисы превращаются в козлов,
когда того хотят, их нрав таков.
А женщина еще капризней и страстней,
и не для верности дано терпенье ей.
Оковы не себе, а нам кует она,
с галерой связан раб, галера же вольна.
Ты поле засевал, но кончилось зерно,
пусть сеет и другой, лишь бы взошло оно.
Пускай Дунай течет затем, чтоб в море впасть,
а морю Волгу, Рейн, все реки принимать.
Свободны по самой природе мы своей,
кому ж мне верным быть, природе или ей?
Уж лучше мне ее измены наблюдать,
чем также часто ей изменой отвечать.
Быть может, я ее сумею убедить,
что не годится всех и каждого любить.
В одном лишь месте жить — как будто жить в плену,
но как бродяга жить — всегда менять страну.

Завладевает гниль стоячею водой,
но и в широком море есть застой.
Целует берег легкая волна,
и к новым берегам бежит она,
тогда вода прозрачна и чиста...
В изменчивости — жизнь, свобода, красота.

ПОРТРЕТ

Возьми на память мой портрет; а твой —
В груди, как сердце, навсегда со мной.
Здесь только тень моя, изображенье,
Но я умру — и тень сольется с тенью.
Когда вернусь, от солнца черным став
И веслами ладони ободрав,
Заволосатев грудью и щеками,
Обветренный, обвеянный штормами,
Мешок костей,— скуластый и худой,
Весь в пятнах копоти пороховой,
И упрекнут тебя, что ты любила
Бродягу грубого (ведь это было!),
Мой прежний облик воскресит портрет,
И ты поймешь, в сравненье есть ли вред
Тому, кто сердцем не переменился
И обожать тебя не разучился.
Пока он был за красоту любим,
Любовь питалась молоком грудным;
Но, возмужав, теперь ей больше кстати
Питаться тем, что грубо для дитяти.

ОСЕННЯЯ ЭЛЕГИЯ

Весны и лета чище и блаженней
Представший предо мною лик осенний.
Как юность силою берет любовь,
Так зрелость — словом: ей не прекословь!
И от стыда любви нашлось спасенье —
Безумство превратилось в преклоненье.
Весной скончался ль век ее златой?
Нет, злато вечно блещет новизной.

Тогда стремилось пламя сквозь ресницы,
Теперь из глаз умеренность лучится.
Кто жаждет зноя — не в своем уме:
Он в лихорадке молит о чуме.
Смотри и знай: морщина не могила,
Зане Любовь морщину прочертила
И избрала ее, отринув свет,
Своим жилищем, как анахорет;
И, появляясь, не могилу роет,
Но памятник властительнице строит
Иль мир в почете объезжает весь,
Хотя притин ее исконный здесь,
Где нет дневной жары, ночного хлада —
Одна в тиши вечерняя отрада.
Здесь речь ее несет тебе привет,
На пир пришел ты или на совет.
Вот лес Любви, а молодость — подлесок;
Так вкус вина в июне дик и резок;
Забыв о многих радостях, потом
Мы старым наслаждаемся вином.
Пленился Ксеркс лидийскою чинарой
Не оттого ль, что та казалась старой,
А если оказалась молодой,
То старческой гордилась наготой.
Мы ценим то, что нам с трудом досталось;
Мы полстолетья добываем старость —
Так как же не ценить ее — и с ней
Перед концом златой остаток дней!
Но не о зимних лицах речь — с них кожа
Свисает, с тощею мошною схожа;
В глазах граничит свет с ночной душой,
А рот глядит протертою дырой;
И каждый зуб — в отдельном погребенье,
Чтоб досадить душе при воскрешенье.
Не причисляй сих мертвецов к живым:
Не старость ибо, дряхлость имя им.
Я крайности не славлю, но на деле
Всё предпочту гробницу колыбели.
Пусть, не гонясь за юностью, сама
Любовь неспешно спустится с холма
В густую тень, и я, одевшись тьмой,
Исчезну с теми, кто ушел домой.

ЭПИТАЛАМА ВРЕМЕН УЧЕБЫ В ЛИНКОЛЬНЗ-ИНН

Восток лучами яркими зажжен,
Прерви, Невеста, свой тревожный сон —
Уж радостное утро наступило —
И ложе одиночества оставь,
Встречай не сон, а явь!
Постель тоску наводит, как могила.
Сбрось простыню: ты дышишь горячо,
И жилка нежная на шее бьется;
Но скоро это свежее плечо
Другого, жаркого плеча коснется;
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

О дщери Лондона, о ангелки!
О наши золотые рудники,
Сокровища для женихов счастливых!
В день свадьбы вы, блюдя обычай свой,
Приводите с собой
Тьму ангелов, подружек хлопотливых.
Но да свершится в точности обряд!
Да обретет единственное место
Цветок и брошка; пусть ее наряд
Достоин будет Флоры — чтоб Невеста
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась!

А вы, повесы, гордые юнцы,
И знать разряженная, их отцы —
Бочонки, что чужим умом набиты;
Селяне — темные, как их телки́;
Студенты-бедняки,
От книг своих почти гермафродиты,—
Глядите зорче все! Вот входит в Храм
Жених; а вон и дева, очевидно,—
Ступающая кротко по цветам;
Ах, не красней, как будто это стыдно!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

Двустворчатые двери раствори,
О Храм прекрасный, чтобы там, внутри,

Мистически соединились оба;
И чтобы долго-долго вновь ждала
Их гробы и тела
Твоя всегда несытая утроба.
Свершилось! сочетал святой их крест,
Прошедшее утратило значенье,
Поскольку лучшая из всех невест,
Достойная похвал и восхищенья,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной отныне нареклась!

Ах, как прелестны зимние деньки!
Чем именно? А тем, что коротки
И быстро ночь приводят. Жди веселий
Иных, чем танцы,— и иных отрад,
Чем бойкий перегляд,
Иных забав любовных, чем доселе.
Вот смерклося, и первая звезда
Явилась бледной точкою в зените;
Коням полудня по своей орбите
И полпути не проскакать, когда
Уже ты в совершенство облечешься
И женщиной отныне наречешься.

Уже гостям пора в обратный путь,
Пора и музыкантам отдохнуть,
Да и танцорам сделать передышку:
Для всякой твари в мире есть пора,
С полночи до утра,
Поспать, чтоб не перетрудиться лишку.
Лишь новобрачным нынче не до сна,
Для них труды особые начнутся,
В постель ложится девушкой она,
Дай бог ей в том же виде не проснуться!
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

На ложе, как на алтаре любви,
Лежишь ты нежной жертвой; о, сорви
Одежды эти, яркие тенёты,—
Был ими день украшен, а не ты;
В одежде наготы,
Как истина, прекраснее всего ты!

Не бойся, эта брачная постель
Могилой — лишь для девственности стала;
Для новой жизни — это колыбель,
В ней обретешь ты все, чего искала.
Сегодня в совершенство облекись
И женщиной отныне нарекись!

Явленья ожидая Жениха,
Она лежит, покорна и тиха,
Не в силах даже вымолвить словечка,—
Пока он не склонится наконец
Над нею, словно жрец,
Готовый потрошить свою овечку.
Даруйте радость ей, о небеса!
И сон потом навейте благосклонно;
Желанные свершились чудеса:
Она, ничуть не претерпев урона,
Сегодня в совершенство облеклась
И женщиной по праву нареклась!

ЭДВАРДУ ГЕРБЕРТУ

Всех зверей совмещает в себе человек,
мудрость их усмиряет, сажая в ковчег.
Тот безумец, чьи звери друг друга грызут,
станет сам их добычей, его разорвут.
Он зверей не сдержал ослабевшим умом,
ибо суть человека нарушена в нем.
Пожирая друг друга там звери живут,
и плодятся, и новых зверей создают.
Счастлив ты, укрощающий этих зверей,
подчиняющий каждого воле своей.
Зерна правды умеешь ты сеять в умах,
можешь их отыскать и в глухих закромах.
Ты козлам и волкам применение нашел,
доказав, что притом — сам отнюдь не осел.
В человеке не только есть стадо свиней,
там и бесы, которые волей своей
в них вселяются, чтобы верней потопить.
Можно тяжесть проклятия утяжелить.
Говорят, что вкушаем мы с первым глотком
ядовитый настой с первородным грехом.
Тот смягчит наказания божьего гнет,

кто его с пониманьем смиренно несет.
Дал он этот напиток нам — детям своим,
мы ж к нему подошли с пониманьем людским.
Мы не знаем, что значит любой его дар,
что есть слабость и сила, что холод и жар.
Бог не мыслит нас ядом особым губить,
самый гнев его может добро приносить,
может дать он и благо великое нам,
исцеление душам и даже телам.
Кто собою доволен — себя наказал,
кто мог быть своим богом, тот бесом предстал.
Наше дело исправить и восстановить
все, к чему пониманья утрачена нить.
Суть его не подвластна людскому уму,
мы не можем подыскивать форму ему.
Человек может веру свободно принять
или разумом долго ее постигать.
Мир и все, что, его наполняя, живет,
на людей не ложится как тягостный гнет.
Не привносится в мир — в нем живет, растворясь,
то, в чем гибель, и то, в чем спасенье для нас.
Знанье пламенем жарким порой обдает,
а порой охлаждает и студит, как лед.
Сколь возвышенна вера и прост ритуал,
человеку поверив, его ты узнал.
Так из книг, что изучены нами до дна,
постепенно составится книга одна.
Нас дела создают, и по этим делам
мы всегда открываемся нашим друзьям.

ГРАФИНЕ БЕДФОРД НА НОВЫЙ ГОД

Тот год ушел, а новый не настал,
мы в сумерках на перепутье лет.
Как метеор, в пространство я упал,
все перепутано — что? где? вопрос, ответ,
все формы я смешал, и мне названья нет.

Я подвожу итог и вижу: ничего
я в прошлом не забыл и в новое не внес,
я благодарным был и, более того,
поверил в истину, молитву произнес,
Вам укрепить меня в надежде довелось.

Для Вас я обращусь к грядущим временам,
куда моя запущена строка.
Стихи хранят добро, как мумию бальзам,
пусть слава их сейчас случайна и хрупка,
они в надгробьях рифм переживут века.

Лишь Ваше имя создает, творит
и оживляет стих недолговечный мой,
но сила, что сегодня нас хранит,
вдруг завтра гибельной предстанет стороной,
так действует порой лекарственный настой.

Мои стихи живут, чтоб возвеличить Вас,
их основанье прочно, как гранит,
но вера в чудеса слаба сейчас,
появится — и снова улетит,
где много милости, там нам позор грозит.

Когда потом о Вас прочтут в моих стихах,
вдруг кто-нибудь подумает: как я,
ничтожнейший, пылинка, жалкий прах,
писал, мечты высокие тая,
стихами измерял безмерность бытия?

Мы с Вами не ответим ничего,
но можно, к богу обратясь, узнать
ту истину, что скрыта у него;
умеет он сердца заблудших врачевать
и на молитвы тех, кто просит, отвечать.

Научит он, как лучше расточать
запасы красоты и откровений клад,
сомненьем веру будет преграждать,
откроет смысл находок и утрат,
отнимет радость он и возвратит назад.

Он скажет: грани нет между добром и злом,
закон везде один, для келий и дворцов,
ты мир завоевал — заслуги нету в том,
и каплей жалости ты не качнешь весов,
она не может искупить грехов.

Он Вашей жизни установит срок,
где места нет для радостей земных,
вменит в вину и слабость и порок,
осудит тех, кто обманул других,
хотя пока не все потеряно для них.

Научит он правдиво говорить,
но усомниться даст в правдивости людей,
вручит ключи, чтоб все замки открыть,
избавит от врагов, и сделает сильней,
и знаньем наделит от истины своей.

Понятье чистоты он открывает нам
и учит избирать благоразумья путь,
даст силы победить и отомстить врагам,
покажет он, как сдерживать чуть-чуть
и радости побед, и поражений грусть.

Прощенье заслужить единою слезой
Вы можете, но он от слез убережет;
когда сознательно и с радостью живой
любой из нас к нему с надеждой припадет,
тогда воистину приходит новый год.

ИЗ «АНАТОМИЙ МИРА»

ПОГРЕБАЛЬНАЯ ЭЛЕГИЯ

Какой урон — столь редкую особу
Вверять как гостью мраморному гробу!
Ах, разве мрамор, яшма иль топаз
Ценней, чем хризолиты дивных глаз,
Рубины губ и теплый жемчуг кожи?
Обеих Индий нам сие дороже!
Да весь ее природный матерьял
Был что ни дюйм, то новый Эскурьял.
И нет ее. Так в чем искать спасенье —
В работе рук, в плодах воображенья?
Дано ль клочкам бумаги оживить
Ту, именем которой должно жить?
Увы, в недолгие зачахнут сроки
Ее души лишившиеся строки;
И та она, что больше не она,
Затем что скинией служить должна,—
Могла б она в бумагу обрядиться
И не в гробу, в элегии укрыться?
Да пусть живут стихи, доколе свет
В могилу не уйдет за ней вослед —

Не в этом суть! Помыслим: есть у света
Князь для войны, советник для совета,
Для сердца, нрава и души — монах,
Для языка — поверенный в делах,
Работник для горба, богач для брюха,
Для рук — солдат, купец для ног и слуха,
Сей поставщик чудес из дальних стран.
Но кто из них настраивал орган,
Поющий о любви и вдохновенье?
Столь тонкий труд содеян зыбкой тенью
Того, чем некогда была она;
Коль нет ее — Земля обречена:
Смерть, погубив Красу в ее величье,
Достойной боле не найдет добычи
И целый мир в отчаянье убьет.
Теперь Природа знает наперед,
Что новой смерти незачем страшиться:
Другой такой Красе не уродиться.
Но смерть ли сей удел? Не лучше ль нам
Его к разъятым приравнять часам —
Их части мастер вычистит и смажет,
И снова точный час они покажут.
А Нигер в Африке — на сколько лиг
Уходит он под землю, и велик —
Огромнее, чем был,— шумит волною,
Природный мост оставив за спиною.
Сказать ли, что дано из гроба ей
Вернуться краше, чище и мудрей?
Пусть небо скажет так! Мы здесь страдаем
И прибыль для нее не ожидаем.
Ужель себя мы тем возвеселим,
Что Ангел стал Престол иль Херувим?
Как держат в душах люди пожилые
Себе на радость радости былые,
Голодный так питаться должен свет
Той радостью, для нас которой нет.
Ликуй, сей Мир, ликуй, Природа: вами
Премудро предусмотрено, что в пламя
Последнего суда войти должна,
Опередивши вас и всех, она,—
Она, чье тонко и прозрачно тело,
Затем что тайных мыслей не терпело
И выдавало их, как шарф сквозной,
Иль выдыхало искренней душой;

Она, все люди коей любовались,
Достойные пред кем соревновались;
Ведь даже меж святых ведется спор,
Кто новый назовет собой собор.
Иль словно полночь новыми очами
Заблещет над учеными мужами,
И те о них дебаты поведут,
А звезды отпылают и зайдут,—
Так мир гадал, кто завладеет ею,
Она же стала хладной и ничьею;
Хоть брак на деву не кладет пятна,
Бежала женской участи она
И девой снежно-белою угасла:
В светильнике с бальзамом вместо масла
Зовущий к преклоненью огонек
Затеплится — увы — на краткий срок.
Мирского дабы избежать коварства,
Она вкусила смерти, как лекарства;
Нет, рук не наложила на себя —
Лишь приняла восторг небытия.
Кто грустной сей истории не знает,
Пусть в Книге Судеб истово читает,
Что совершенней, выше и скромней
В неполные пятнадцать нет людей;
И, в будущее глядя из былого,
Он лист перевернет — а там ни слова;
Дошла ль ее Судьба до пустоты,
Иль здесь из Книги вырваны листы?
Нет, нет: Судьба красавицу учила
Искусству разума и поручила
Ее самой себе, и та была
Столь вольной, что, размыслив, умерла;
Не то она почла б за святотатство
С Судьбой соревнованье или братство —
Затем и умерла. Возможно, тут
Родятся те, что Благо дерзко чтут,
И, как послы, явив свое раченье,
Исполнят все ее предназначенье
И, переняв Судьбы и Девы труд,
До завершенья Книгу доведут;
Сия же для потомков будет средство
Принять ее достоинства в наследство;
Воспрянь душой и небо восхвали:
Се окупилось Благо на Земли.

ИЗ «СВЯЩЕННЫХ СОНЕТОВ»

I

Ты сотворил меня — и дашь мне сгинуть?
Исправь меня, исход ко мне спешит.
Я к смерти мчусь — и встречу смерть бежит.
Приелось все, и пыл успел остынуть.
Взгляд с мертвой точки никуда не сдвинуть —
Там, за спиной, отчаянье страшит.
В цепях греха, слабея, плоть дрожит:
Столь тяжек груз, что ада ей не минуть.
Вверху — лишь ты. К тебе воздевши взгляд
По твоему наказу, распрямляюсь,
Но так силен наш старый супостат,
Что ежечасно ужасу вверяюсь.
От пут его лишь ты спасаешь нас:
На тверди сердца пишешь, как алмаз.

III

О, если бы могли глаза и грудь
Вернуть исторгнутые мной рыданья,
Чтоб я скорбел в надежде упованья,
Иных желаний презревая путь!
Где ливня слез моих предмет и суть?
За что страстям платил такую дань я?
Так вот мой грех — в бесплодности страданья.
Но ты мне, боль, во искупленье будь!
Полночный вор, запойный прощелыга,
Распутный мот, самовлюбленный плут
В годину бед хотя бы на полмига
В былых утехах радость обретут.
А мне в моих скорбях без утешенья —
Возмездие за тяжесть прегрешенья.

V

Я малый мир, созда́нный как клубок
Стихий и духа херувимской стати.
Но обе части тьмой на небоскате
Скрыл черный грех, на обе смерть навлек.
Ты, пробуравивший небес чертог,

Нашедший лаз к пределам благодати,
Влей мне моря в глаза, чтоб, слезы тратя,
Мой мир я затопить рыданьем мог —
Иль хоть омыть, коль ты не дашь потопа.
О, если б сжечь! Но мир мой искони
Жгли похоть, зависть, всяческая злоба
И в грязь втоптали. Пламя их гони,
Сам жги меня, господь, — твой огнь палящий
Нас поглощает в милости целящей.

X

Смерть, не кичись, когда тебя зовут
Тиранкой лютой, силой роковою:
Не гибнут пораженные тобою,
Увы, бедняжка, твой напрасен труд.
Ты просто даришь временный приют,
Подобно сну иль тихому покою;
От плоти бренной отдохнуть душою
Охотно люди за тобой идут.
Судьбы, Случайности, царей рабыня,
Ты ядом действуешь и топором,
Но точно так смежает очи сном
И опиум; к чему ж твоя гордыня?
Пред вечностью, как миг, ты промелькнешь,
И снова будет жизнь; ты, смерть, умрешь.

XII

Зачем вся тварь господня служит нам,
Зачем Земля нас кормит и Вода,
Когда любая из стихий чиста,
А наши души с грязью пополам?
О конь, зачем ты сдался удилам,
О бык, зачем под нож пошел, когда
Ты мог бы без особого труда
Топтать и пожирать двуногих сам?
Вы совершенней, вы сильнее нас,
Где нет греха — и страха кары нет..
Но трепещите: мы стоим сейчас
Над всем, что произведено на свет.
Ведь Он, кому мы дети и враги,
Погиб за нас, природе вопреки.

ЭПИТАФИЯ САМОМУ СЕБЕ,— КО ВСЕМ

Мой Жребий мне уклад сломать велит,
Когда мы, смолкнув, длимся в речи плит,
Но скажет ли моя — каким я был
Внутри моих прижизненных могил?
Сырою глиной мы ютимся тут,
Покуда Смерть не обожжет сосуд.
Рожденье — мрак, но спеет свет души,
Стать слитком золотым в земле спеши.
Грех вкрадчиво сверлит в душе ходы,
Полны червивой мякоти плоды,
Так просто исчерпать себя тщетой,
А здесь телам, с не меньшей простотой,
Дана удача высоты достичь,
Когда раздастся труб небесных клич.
Твори себя — твой свет меня спасет,
Пусть смерть моя — тебе добро несет.
Уже спокоен я — ведь я, живой,
Успел прославить час последний свой.

ДЖОРДЖ ГЕРБЕРТ

ИОРДАН

Когда стихи сравнялись с небесами
Таинственностью, нежно побежав
Причудливости пенными волнами,
Мой мозг стал пышен, буен, величав,
Метафор драгоценными камнями
Разубран и цветами запылав.

Вились, лились, переливались мысли,
На пиршество спеша, хоть я был сыт,
Иные я отбрасывал: прокисли,
Прогоркли или плакали навзрыд,
Но не было единственной — в том смысле,
Что солнце и судьбу она затмит.

Как буря ветра, пламени и пепла,
Меня завьюжил вихрь моих забот,

Но друг шепнул: «Рука твоя ослепла
И золота любви не признает.
Черпни! Любовь в поэзии окрепла,
А та пускай предъявит дивный счет!»

ЦЕРКОВНАЯ МОЛИТВА

До звезд молитва превознесена.
Стареют ангелы, а человек
Юнеет; пусть душа изъязвлена,
Но небо завоевано навек.

Машины против Бога. Власть греха.
Христовы раны вновь кровоточат.
Отброшен старый мир, как шелуха,
От стольких перемен трепещет ад.

Всё: нежность, радость, доброта и мир,—
Ждет манны с неба, славит чудеса,
Предвидя в будущем роскошный пир
И райских птиц. Ветшают небеса.

Над звездами гремят колокола.
Душа в крови, но разум обрела.

СУЩНОСТЬ

О Господи, мой грешный стих
Не пир, не сладостный напев,
Не милый абрис или штрих,
Не меч, не лютня и не хлев:

Он не испанец, не француз,
Он не скакун и не танцор,
Презрев забот житейских груз,
Он рвется на морской простор:

Не холст, не слов набор пустой,
Не биржа; он — мои крыла,
Он — способ пребывать с Тобой,
Тебе извечная хвала.

ТРУДЫ

Тот, кто устал, пусть отдохнет,
А ты, душа,
Отверзи кладезь тайных вод,
Пой не спеша —
Уставший силы обретет.

Как угль, пылает человек,
Он не звезда.
Желаньем сладострастных нег
Объят всегда,
Но вот в скорбях проводит век.

Он жаждет лучшего. В трудах
И в суете,
Забыв, что обратится в прах,
Плоды тщете
Приносит он — насилье, страх.

Жизнь — торжище, дом пыток, ад.
Здесь все товар.
Лучи ласкают спящий сад,
Полдневный жар,
А звезды заговор таят.

О, если б деревом я стал!
Мне б пел ручей.
Я странникам плоды б раздал,
А меж ветвей
Ночами б соловей свистал.

Покамест жив, не забывай —
Ты прах и тлен.
Коль одарен — трудись, дерзай,
Верь, что взамен
Погибели обрящешь рай.

ЧЕЛОВЕК

Кто б мог, но не в мечтах,
Здесь, на земле, воздвигнуть дивный храм
И пребывать привольно в нем?
Какой рукотворенный дом
Сравнится с храмом тела? Верь слезам:
Все обратится в прах.

Вокруг — цветущий рай!
Ты — яблоня под бременем плодов,
Но знай, что лишь тебе даны
И речь и разум. Попугай
Не ведает произносимых слов —
Его слова смешны.

Как ладно скроен, сшит,
Как крепко сделан человек! Рука,
Плечо — весь мир ему под стать!
И даль становится близка,
Когда шагают ноги, ум не спит,
На сердце благодать.

И пустоту сумел,
Как мышь, поймать всесильный человек,
Средь множества небесных тел
Узреть звезду, в песчинке — мир.
Нас травы лечат, продлевая век,
И радует эфир.

Ласкает ветерок,
Луг нежит, и слагает песнь поток,
Но мы спешим насытить чрево,
Наш бог — оно, ему каждень.
Давно утратив райские напевы,
Влечемся к наслажденью.

Слагает хор светил
Нам колыбельную, но поутру,
Когда ты бодр и полон сил,
Пусть устремится мысль твоя
К познанию законов бытия,
К извечному добру.

Природа наш должник:
Хлопочет, по весне ломая лед.
Она суда по рекам шлет,
Росой омоет утром лист,
Подарит дождь. О, как прекрасен лик
Природы, как он чист!

Повсюду столько слуг!
Взгляни, они таятся под листвой,
На тропке, мы же топчем их.
В лесу тоска стихает вдруг.
Мир в человеке! Рядом мир другой,
Он так послушен, тих.

О Господи, с тех пор,
Как Ты воздвиг сей храм, в нем чу́дно жить,
Вести с Тобою разговор,
Страдать, неистово любить.
С природою послушной наравне
Дай потрудиться мне!

ЖЕМЧУЖИНА

Матф., 13

Мне ведом путь познанья: почему
Бессонный ум печатным прессом движет;
Что от природы явлено ему;
Что сам открыл и домовито нижет
На нить законов; в чем секрет светил;
В чем пыл огня природу укротил;
Недавние и давние открытья;
Итог, в причине видящий себя,—
Все мне доступно, все могу открыть я.
Но я люблю тебя.

Мне ведом путь отваги, по душе
Задор и ум, схлестнувшиеся в споре,
Хоть разобраться — оба в барыше,
Когда влеченью к славе сердце вторит
И, в свой черед, ревнует к славе дел
Того, кто в мире славу углядел,
Плоды ее беря себе в заслугу.
В метаньях духа молодость губя,
Я доверялся недругу и другу.
Но я люблю тебя.

Мне ведом путь страстей, соблазн утех,
Блаженного восторга трепетанье,

Горячей крови неуемный бег,
Любви с рассудком вечное ристанье
На протяжении двух тысяч лет,
Музы́ка, мирт, призывный звон монет.
Я — только плоть, а плотью правят чувства.
Их целых пять, и я ропщу, скорбя,
Что тщетны воли воля и искусство.
Но я люблю тебя.

Я все постиг и все в себе ношу.
Не наобум — со знанием товара
И фурнитуры я к тебе спешу.
Платя по таксе, вовсе не задаром,
Твою любовь я, может, получу,
Хотя ручаться, право, не хочу.
Но мой рассудок слаб и безответен.
Лишь нить небес, тобою свитый шелк
Ведет меня сквозь лабиринты эти,
Чтоб я к тебе пришел.

ПРИРОДА

Я мог бы, как мятежник, пасть в бою
С оружием в руках,— но власть твою
И в смерти не признал бы над собой:
Мой дух смири!
Гордыню покори;
Все крепости падут перед тобой.

Но если затаится этот яд,
Перебродив он станет злей стократ;
И пузырями изойдет душа,—
И вихрь любой
Умчит ее с собой;
Так подави зародыш мятежа!

Страх и Закон свой сердцу передай;
Или, пожалуй, новое создай,
Раз прежнее так сделалось черство:
Ему под стать
Уж не тебя вмещать,
А урной быть для праха моего.

ЛЮБОВЬ

Меня звала Любовь; но я не шел,
Жгли душу грех и стыд.
Тогда Амур, поняв, как был тяжел
Мне первый мой визит,
Приблизился и ласково спросил,
О чем я загрустил.

«Я недостоин!» Но Амур в ответ:
«Входи и гостем будь». —
«Я? Злой, неблагодарный? Духу нет
В глаза твои взглянуть!»
Амур с улыбкой отвечал: «Мой взор
Ты помнишь до сих пор».

«Но мною суть его извращена;
Вели мне прочь идти».
В ответ Амур: «Так знаешь, чья вина?»
«Я отслужу — прости!»
«Сядь,— он сказал,— отведай яств моих!»
И я отведал их.

СМИРЕНИЕ

Боже, сдержи твой бич,
Кротость твою яви:
Возвеличь
Избранный путь любви!

Ты — моих дум оплот,
И к одному тебе
Сердце льнет
В чистой своей мольбе.

Видимым и мирским
Не обольстить мой взгляд —
Я твоим
Вечным заветам рад.

Сбившийся с ног, в бреду
Буду стенать и звать —
Я найду
Горнюю благодать.

Боже, сдержи твой гнев.
Милость яви, творец,
Одолев
Черствость людских сердец.

Свят ты в любви твоей,
Ибо любовь — солдат,
Сила в ней,
Стрелы ее разят.

Стрелы повсюду те.
Ты ради нас страдал
На кресте —
Ты нам спасенье дал.

Боже, сдержи твой бич.
Грешным любовь яви.
Возвеличь
Избранный путь любви!

ДОБРОДЕТЕЛЬ

Поют ручьи, шумят леса,
С землей пирует небосвод,
На травах искрится роса —
Но все умрет.

Недолго будет пред тобой
Та роза, что сейчас цветет.
Спеши, любуйся красотой —
Она умрет.

Все пробуждая ото сна,
Даря цветы, весна грядет.
Хоть радости душа полна,
Но все умрет.

Кто добродетель возлюбил —
Пройдет разливы бурных вод,
Рассеет козни темных сил,—
Он не умрет.

КРУГОМ ГРЕХИ

Помилуй, Боже мой, спаси меня!
Сомнениям моим предела нет.
Бушуют мысли реками огня,
Чудовищ выводя на белый свет.
Лишь завершит работу голова,
Как вмиг воспламеняются слова.

И вмиг воспламеняются слова.
Пронизанные мысленным огнем,
Они крушат окрест, как булава,
Дыханьем бурным полня все кругом.
Но что слова, где похоть, гордость, срам?
И волю я даю моим рукам.

И волю я даю моим рукам.
И множатся грехи мои, растут,
Так Вавилон вознесся к небесам
Перед рассеяньем. То там, то тут
Грехи плодятся — так день ото дня.
Помилуй, Боже мой, спаси меня!

* * *

Неужто лишь сурьма да парики
К лицу стиху, а истина убога?
Лишь винтовые лестницы легки?
Лишь стул с картины, а не от порога
Достоин песенной строки?

Неужто стих — лишь рощи шепоток
Да скок теней по вымученным строкам?
Лишь для влюбленных пенится поток?
А чтение — погоня за намеком
И ловля смысла между строк?

Пусть пастушки́ потешатся игрой:
Они не лгут, а смысл ищи, кто хочет...
Мне ни к чему их соловьев настрой.
О, мне б сказать всей простотою строчек:
«Блажен господь, владыка мой!»

ХРАМОВОЕ ПЕНИЕ

О нежное из нежных! Чуть отчаянье —
Исчадье тела — разум свяжет мой,
В тебе одном — мое святое чаянье
И щит души живой.

Плоть отряхая, тлению доступную,
Взмываю ввысь, свободен и велик,
В твою любовь и правду целокупную,
И — «бог хранит отринутых владык».

Да, я умру (и в этом — тайна малая),
Едва тебя, блаженное, лишусь,
Но, умерев, услышу: зазвучало — и
Опять проснусь.

МИР

Желанный, где ж ты? Я искать пошел
Тебя по свету.
Я в бездну потаенную сошел,
Но бездна вся в крови;
Подземный ветер хрипло стонет: «Нету,
И не зови!»

Я радуги увидел переливы.
«Я узнаю
Прообраз Мира — чистый и счастливый,
Сияющий добром!»
Но тучи скрыли радугу мою,
И грянул гром.

Я в сад вошел и там узрел цветок.
«О цветик дивный!
Ты — Мира благодатного росток!
Мир — в каждом лепестке!» —
Увы! из них тянулся червь извивный
К моей тоске.

И наконец я встретил человека!
«Ответь, старик,
Где Мир, который ищем мы от века?»

«Ступай, поэт, за ним
Туда, где он когда-то был велик,—
В Ерусалим!

В Ерусалиме правил мудрый Князь,
Но злостью вражьей
Замучен был, убит и втоптан в грязь.
Двенадцать колосков
Произрастают из могилы Княжьей,
В них — Мир Миров!»

«Произрастают? Разве все земное
Не подлежит
Перерожденью в страшное Иное,
Что означает смерть?
И те колосья разве охранит
От смерти Твердь?»

«Не веришь? Но найдешь в моем саду
Такие зерна.
Я лишь тебя, мой ревностный, и жду.
Тебе, кто слаб и сир,
Открою средство от напасти черной —
Извечный Мир!»

ПАЛОМНИЧЕСТВО

И я пошел, пошел я наугад
За идеалом.
И в жар пошел, и в хлад.
Я медлил над Отчаянья Провалом,
А наверху вздымалась, как беда,
Спеси Гряда.

И вышел я на Луг Воображенья.
Он весь в цветах.
О, дивное виденье!
Но тут же, рядом, в десяти шагах —
Врата Заботы. Я прокрался тенью
Под адской сенью.

И страсть легла пустыней предо мной!
В Пустыне Страсти,

Земной и неземной,
Лишился я последней жалкой части
Моих богатств, но ангела обрел,
Тот вдаль повел.

И вот он, вот он, Холм Святой Надежды!
Вот Холм Души!
Я открываю вежды —
Но мрак вокруг, и слышится в тиши
Лишь озерца замшелого шептанье.
О, упованье!..

И пали слезы из ослепших глаз!
И так воззвал я:
«Ах! И на этот раз
Я своего не вижу идеала!
Ужель моя заветная мечта —
Только тщета?»

Холм обойдя, я двинулся и дале...
Чу! Слышу крик:
«Идешь путем печали,
Идешь туда, где сгинешь через миг!»
«Что ж,— отвечаю,— смерть — в Юдоли Дрожи—
Лучшее ложе!»

РОБЕРТ ГЕРРИК

ТЕМА КНИГИ

Пою ручьи и гомон птичьих стай,
Беседки и цветы, апрель и май,
И урожай пою, и рождество,
И свадьбы, и поминки сверх того.
Пою любовь, и юность, и мечту,
И жарких вожделений чистоту,
Бальзам и амбру, масло и вино,
Росу и дождь, стучащийся в окно,
Пою поток быстротекущих дней,
И алость роз, и белизну лилей,
И сумрак, что ложится на поля,
И королеву фей, и короля,
И муки Ада, и блаженство Рая,
Побыть последним жаждую сгорая.

КОГДА СЛЕДУЕТ ЧИТАТЬ СТИХИ

С утра мы трезвы и разумны, поэтому срам —
Святые заклятья стиха повторять по утрам.
Лишь те, что свой голод насытят, а жажду зальют,
Слова колдовские пускай говорят и поют.

Когда рассыпает веселые блики очаг,
А в пламени лавра сгорает докучливый мрак,
И подняты тирсы, и песен вакхических зов
Кругами, кругами расходится до полюсов,
И властвует Роза, и каждый, кто зван, умащен,—
Пускай вам читает стихи мои строгий Катон.

ПЛЕНИТЕЛЬНОСТЬ БЕСПОРЯДКА

Как часто нам пленяет взор
Небрежно-женственный убор!
Батист, открывший прелесть плеч,
Умеет взгляд к себе привлечь;
Из кружев, сбившихся чуть-чуть,
Мелькнет корсаж, стянувший грудь,
Из-под расстегнутых манжет
Оборка выбьется на свет,
И юбок пышная волна
Под платьем дерзостно видна,
А распустившийся шнурок —
Для глаза сладостный намек.
По мне, так это во сто крат
Милей, чем щёгольский наряд.

ДИАНЕМЕ

Не льститесь блеском ваших глаз,
Подобных звездам в этот час;
Не льститесь, нас обворожив,—
Вам незнаком любви призыв;
Не льститесь, что влюбленным нам
Дыханье ваше — как бальзам.
Когда любимый ваш рубин,
Что оттеняет щек кармин,
Вдруг станет тусклым, как стекло,
То знайте — все для вас прошло.

КОРИННА ВСТРЕЧАЕТ МАЙ

Вставай, вставай, гони постыдный сон,
Парит на крыльях света Аполлон,
Аврора, радостно юна,
Мешает краски и тона.
Молю, коснись ногой босой
Травы, обрызганной росой.
Уж час, как солнцу молятся цветы,
Неужто до сих пор в постели ты?
Взгляни, сонливица, в окно,—
Пичуги славят день давно
И обещают счастье нам...
Проспать такое утро — срам.
Все девушки, хоть смейся, хоть вздыхай,
До жаворонка встали славить Май.

Не зря листва свежа и зелена,
В зеленое оденься, как весна.
Конечно, нет алмазов тут,
Зато тебя росинки ждут,
И может ласковый рассвет
Из каждой сделать самоцвет,
А кроме них, получишь нынче ты
Нить жемчуга волшебной красоты,
Коль отыскать успеем мы
Ее в кудрях росистых тьмы,
Покуда в дрему погружен
Сиятельный Гиперион.
Молитв сегодня долго не читай,—
Господь простит, ведь мы встречаем Май.

Смотри, дивись, не верь своим глазам,—
Подобны стали улицы лесам,
Гулянье на поле пустом,
Ветвями убран каждый дом,
Везде листва, любая дверь
Подобна скинии теперь.
Боярышник цветет, горяч и ал,
Как будто он и впрямь любовь познал...
Ужели этой красоты
Решишься не увидеть ты?

Скорей, ты знаешь, что указ
Спешить обязывает нас.
Прекрасен мир, как божий светлый рай,
Коринна, о, как сладко встретить Май!

И юноши и девушки теперь
О сне забыли, милая, поверь.
Цветет боярышник для всех,—
Не полюбить сегодня — грех.
Одни, едва уйдя в лесок,
Урвали сладкий свой кусок,
Другие обручились в этот день,
И лишь тебе одной подняться лень.
У всех под цвет листвы наряд,
У всех глаза огнем горят,
Не счесть спешащих под венец,
И ласк, и слез, и, наконец,
Ночных визитов в дом или в сарай...
Коринна, здесь умеют встретить Май!

И нам бы встретить Май в расцвете сил,
Чтоб он своим безумьем заразил
И сладко одурманил нас,—
Нельзя проспать рассветный час
И жизнь свою. Проходят дни,
За солнцем вслед спешат они
И в прошлое уходят навсегда,
Как дождь, как снег, как талая вода.
Уйдем когда-нибудь и мы
В рассказ, в напев, под полог тьмы...
Любви, что жжет и греет нас,
Беречь не стоит про запас,—
Пока мы не состарились, давай
Пойдем вдвоем встречать веселый Май.

ВЕСЕЛИТЬСЯ И ВЕРИТЬ ПРЕКРАСНЫМ СТИХАМ

Опять земля щедра,
Как пиршественный стол.
Раскрыть уста пора —
Час Празднества пришел.

Час Празднества пришел,
Всем деревам даря
Браслеты пышных Смол —
Густого Янтаря.

Час Розы наступил.
Арабскою Росой
Виски я окропил
И лоб смятенный мой.

Гомер! Тебе хвала!
Настой заморский смел!
Хоть чара и мала,
Ты б от нее прозрел.

Теперь, Вергилий, пей,
Пригубь хотя б глоток!
Один бокал ценней
Всего, чем щедр Восток.

Продли, Овидий, пир!
Так аромат силен,
Что Носом стал весь мир —
Недаром ты Назон.

Сейчас, Катулл, вина
Я выпью в честь твою.
Бутыль опять полна —
За Третью Музу пью.

О Вакх! Я пьян совсем.
Пожар свой охлади!
Не то Венок твой съем
И Жезл — того гляди!

От жажды чуть дышу —
На стену впору лезть.
Бочонок осушу
В твою, Проперций, честь.

Реку вина, Тибулл,
Я посвящу тебе...
Но в памяти мелькнул
Стих о твоей судьбе.

Что плоть, мол, сожжена,
Осталась лишь зола
И Урна не полна —
Так горсточка мала.

Но верьте: Жизнь — в стихах.
Их пламя пощадит,
Когда развеют прах
Людей и Пирамид.

Всех Живших Лета ждет,
Удел всего — Конец.
Лишь Избранных спасет
Бессмертия венец.

СОВЕТ ДЕВУШКАМ

Кто ценит свежесть нежных роз,
Тот рвет их на рассвете,
Чтоб в полдень плакать не пришлось,
Что вянут розы эти.

Сияньем солнце вас манит,
Светло оно и свято,
Но чем короче путь в зенит,
Тем ближе час заката.

Завидны юность и любовь,
Однако, недотроги,
Глаза тускнеют, стынет кровь,
И старость на пороге.

Вам надо замуж поскорей,
Тут нечего стыдиться,—
И роза, став на день старей,
В петлицу не годится.

ДИВЕРТИСМЕНТ, ИЛИ КОНЕЦ

Устав от ярости морской,
Баркас мой обретет покой,
Коль скоро я на берегу
Найти спасение смогу.

Хотя корабль подгнил слегка,
В цветы оденьте старика,—
На суше он пловец хороший...
Ликуйте, хлопайте в ладоши!
Был спорен первый акт и бурен,
Пусть будет хоть финал бравурен.

К ИВЕ

Любовь утративших лишь ты
Жалеешь искони.
Похоронив свои мечты,
Венки плетут они.

Когда надежда чуть жива,
А радость далека —
Вдвойне печальна голова
Без твоего венка.

И если кто-то, взяв свое,
Любимой пренебрег,
Одна утеха у нее —
Печальный твой венок.

В тени ветвей твоих любой,
Кому любить невмочь,
Укрыться может — и с тобой
Вдвоем проплакать ночь.

ГОСПОЖЕ ЕГО СЕРДЦА, АНТЕЕ

Велите жить — молясь на вас,
Приближусь к небесам;
Велите полюбить — тотчас
Дарую сердце вам.

За вашу щедрость — чистотой
И верностью воздам;
Все лучшее в том сердце — той,
Кого люблю я,— вам.

Велите сердцу вам служить —
Поверю ли словам?
Велите сгинуть — как мне быть? —
Уйду покорный вам.

Велите плакать — если слез
Не выдержать глазам,
То сердце тут же ливнем грез
Меня привяжет к вам.

Велите мне скорбеть — приду
Не к вашим ли стопам?
Велите умереть — паду
С восторгом, верен вам.

О, сердце, жизнь, любовь моя,
Души смятенной храм!
И смерть, и жизнь во мне, и я
Подклонны только вам.

ГОСПОДЕНЬ ВОИН

Готов он встретить бед грядущих рать,
Он не боится мучеником стать;
Очаг он оставляет и покой,
Заслышав хриплый вой волны морской;
В его руках всегда щедра земля,
А при дворе он — совесть короля,
И не прочтет в глазах его толпа,
Лицом или спиной к нему судьба.
Он сам себе надежная броня,
Ни ночи не боится он, ни дня,
Судьбе удары возвращает он,
Как будто впрямь из камня сотворен.
Другим он сострадает, но навряд
Прольет слезу, коль будет сам распят...
Чтоб не было для истины препон,
Он жизнь отдаст,— господень воин он.

НА МАСТЕРА БЕНА ДЖОНСОНА

Скончался Джонсон, лучший наш поэт,—
Сандалиям отныне места нет
Среди котурнов, и едва жива
Былая слава — нищая вдова.

Театр растлен, изящества лишен,
Не ходит, а вышагивает он,
Не говорит, а воет и пищит,—
Любое слово там по швам трещит.
Ни гений дерзкий, ни восторг святой
Не озаряют зал полупустой.
Грядет година горьких перемен —
Овации не сотрясают стен,
Зевотно, рвотно действие течет,
Зато везде невежеству почет.
Тебе знаком тупиц партерных пыл,
«Алхимик» твой освистан ими был;
Позор им! И молчать резона нет,
Ведь остроумье погасило свет,
И будет спать, не видя ничего,
Коль скоро не разбудишь ты его.

СВОБОДА

Людей от бед любого рода
Умеет исцелять природа,
Покуда есть у них свобода.
А отними ее — и что ж,
Весь мир погибнет ни за грош.

ПЕСНЯ БЕЗУМНОЙ ДЕВЫ

Ах, сэр, благослови Христос
И утро голубое,
И космы всклоченных волос,
Покрытые росою;

Благослови и первоцвет,
И каждую девицу,
Что от меня кладет букет
На милую гробницу;

И вас, мой добрый кавалер...
Но ах, какая жалость —
Вы упустили муху, сэр,
А с ней любовь умчалась.

Но муха укусила вас,
И взоры ваши дики...
Нет-нет, любовь лежит сейчас
Под грядкой земляники;

Томится холодом земли,
Недвижностью, молчаньем;
А вы бы оживить могли
Ее одним лобзаньем.

Но, сэр, помягче, понежней —
Не то ей будет больно;
Нельзя же обращаться с ней
Все время своевольно!

Оплел бедняжку первоцвет;
Эх, вам бы постараться
Ее вернуть... Но тут запрет,
И нам не увидаться.

СЕБЕ САМОМУ

Видно, не любил я сроду:
Не пришлось ни разу мне
Распинать себя в угоду
Девушке, вдове, жене.

Ни одной прекрасной даме
В жертву не принес я чувств,
С благородными цветами
Не сравнил желанных уст.

И не увядал в разлуке,
Подражая остальным,
Не ломал от горя руки,
Не был от любви больным.

Не носил я власяницы
И постов не соблюдал,
Не ходил во храм молиться,
Чтоб господь печаль унял.

И доволен тем, что страсти,
Оставаясь в стороне,
Ни всецело, ни отчасти
Не разбили сердца мне.

САВАН

Приди, в тебе вино и мед
Моих острот,
Очарованье, слава, честь
Всего, что есть,
Моих намерений венец
И мой конец.
Вся жизнь овеяна тобой,
О саван мой!
Я завершил безбрачный путь —
Женой мне будь.
В земле мы оба обретем
Покой и дом.
Там вожделения и страсть
Теряют власть,
И там никто не будет впредь
Желать и сметь,
Там боль забыта навсегда,
Там нет стыда,
Там нет ни тюрем, ни оков —
Там нет рабов,
И там над страждущей вдовой
Взойдет покой,
Там неудачника не ждут
Тюрьма и суд,
Там Лорда-канцлера дела
Сгорят дотла,
Там пэры— главари палат
Бездумно спят,
И суд по мелочным делам
Не нужен там,
Там все уравнены в правах:
Все тлен, все — прах,
Там всех вельмож смирит земля
И короля!
Фортуны там забыта роль,
Там всяк король,

Там каждому дана постель
И колыбель...
Как платья, сброшенные с плеч,
Должны мы лечь,
Чтоб неизношенными встать
В свой день опять.
Все скрытое да узрит свет,—
Гласит завет,
И нас однажды призовут
На божий суд.
Платон исчислил: час пробьет
В далекий год.

ЦВЕТАМ САДОВЫХ ДЕРЕВЬЕВ

Зачем отрадным обещаньям
Настоль вы неверны?
Кем вы принуждены
Пасть в юности с улыбкой нежной
На белоснежный
Алтарь весны?

Ужели нашим ожиданьям
Всегда такой исход —
Терять вас каждый год?
Как жаль, что вас само цветенье
В распад и тленье
Тотчас ведет.

Но вы нас подарили знаньем:
Поведали о том,
Что смерть во всем живом;
Как вы когда-то, листья ныне
Лежат на глине
В саду пустом.

К СУДЬБЕ

Круши меня — я, беспечален,
Усядусь посреди развалин.
Дери на клочья — все равно,
В беде терпенье мне дано.

Мой жалкий вид осмей победно;
Беги, как от заразы вредной;
Хоть сделай чучелом — а все ж
Меня ничем ты не проймешь.

К СВОЕЙ СОВЕСТИ

Могу ль я не грешить, когда
Ты — Главный секретарь суда?
Не умолять о снисхожденье
При легком правонарушенье?
Уж так тебя я улещу,
Так пыль в глаза тебе пущу,
Что сделается безобиден
Грешок мой — и совсем не виден.
Дар ослепляет мудреца;
Других свидетелей, истца
Не слушай, получивши взятку,
И Память призови к порядку.
И не скрипи своим пером
Во тьме, в безмолвии ночном;
Дай мне немного порезвиться,
Ведь я мужчина, не девица.
Нет, так не будет; это — гнусь!
Отныне я тебе клянусь
С пути благого не сбиваться,
Тебя, Судьи, не опасаться.

ПРОЩАНИЕ МИСТЕРА РОБЕРТА ГЕРРИКА С ПОЭЗИЕЙ

Так под луной любовники украдкой
Едва вкусят восторга страсти краткой,
Из милых уст опьянены на миг
Дыханьем роз, фиалок и гвоздик,
Едва пошлют воздушное лобзанье
Жемчужине ночного мирозданья,—
Как тут их друг у друга отнимать
Бежит жена ревнивая,— иль мать
С крыльца гремит ключей унылой связкой,—
И те, несчастные, поспешной лаской

Покажут вдруг, как туго им пришлось:
Вдвоем нельзя и невозможно врозь.
Вот так и мы перед разлукой хмурой;
Влюбленные нам родственны натурой —
Мы так же гнали прочь железный сон,
Когда в окно влетал вечерний звон —
Нет, полночь — нет! — мы были своевольней, —
Когда рассвет вставал над колокольней,
Мы, бодростью превосходя рассвет,
С восторгом слали солнцу дня привет
И пили, общим пламенем объяты,
За девять тех, которым Феб десятый;
В вакхическом безумстве мы несли
Сердца и души вихрем вкруг земли,
В венце из роз, в испуге, в изумленье
От своего хмельного исступленья;
Да, я ширял, как пламенный дракон,
Но к дому невредимым возвращен.
О наша всемогущая природа!
Ты даришь огнь сынам людского рода,
А с ним простор, насущный хлеб и честь,
И воскрешенье от греха, и весть,
Что воцарится над юдолью бренной
Всеобщий радостный апрель вселенной,
Когда все станут равными. Во прах
Какие тысячи б сошли в веках
И сколькие в грядущем миллионы —
Но души смертных, одухотворенны
Тобой, живут благодаря тебе
И не сдаются злобе и судьбе.
Гомер, Мусей, Овидий и Вергилий
Прозренья огнь поныне сохранили,
И наши барды, милостью твоей,
Тенями да не станут средь теней,
Доколе свет для славы или слуха
Хранит фанфару, и язык, и ухо;
Но сей удел не для меня, о нет:
Пред небом и душой я дал обет
Весь пламень чувств, все совести движенья
Вручить священническому служенью.
Не жупел человечества, нужда,
С тобою нас разводит навсегда,
Взывая к здравомыслию, но знанье,
Что я созрел для высшего призванья —

Иначе б я давно утратил пыл
И в сытом самомнении почил;
Нет, бог природы новые отличья
Готовит мне для вящего величья.
Ты поняла? Ступай же; нет, постой,
Ты слышишь речь, рожденную тоской,
Ты видишь лоб, тоской изборожденный,—
О, не таков ли на смерть осужденный,
Когда в слезах, печалясь о былых
И небывалых радостях земных,
С товарищами он бредет куда-то,
Откуда человекам нет возврата.
И менестрель такой же бросил взгляд
На Эвридику, шедшую сквозь ад,
Каким тебя я каждое мгновенье
Слежу с явленья до исчезновенья,
Каким вотще взываю о любви
И жажду удержать черты твои.
Так Демосфен, велением собранья
Навеки обреченный на изгнанье,
Глядел назад и видел за кормой
Дым очагов над Аттикой родной;
Так Туллий, не любовник, но свидетель
Времен, когда почила добродетель,
Глядел и тщился рок остановить
Иль падший город взором уловить.
Так, так я на тебя гляжу печально;
А что любовь моя материальна,
А не словесна лишь, то я принес
Жемчужины моих замерзших слез —
Бери, ступай неспешною стопою,
К Пегасову направься водопою
И на горе раздвоенной узри
Священных дев, которых трижды три,
И осуши стыда и гнева чашу
За братью прорицательскую нашу,
И, опьянев, кляни хромых, слепых
Балладников, коверкающих стих,
Присвоивших твои алтарь и имя;
О, преврати их чарами своими
Вон тех в лягушек, а вот этих в змей,
Таких-то — в крыс, а этаких — в свиней,
Чтоб их обличье стало так отвратно,
Что сущность даже глупому понятна.

Последний поцелуй! Теперь иди;
И я пойду, храня тебя в груди,
Хотя не ты даруешь вдохновенье
Для проповеди горнего ученья,
Но муза новая. А ты, мой друг,
Ей можешь пригодиться для услуг —
Так будь во мне готова к сим заботам,
Служанка, облеченная почетом.
Благотворящих благость вводит в рай;
Наш труд — венец земных трудов. Прощай.

ТОМАС КЭРЬЮ

НЕТЕРПИМОСТЬ К ОБЫДЕННОМУ

Дай мне любви, презренья дай —
Дай насладиться полнотой.
Мне надо жизни через край —
В любви невыносим покой!

Огонь и лед — одно из двух!
Чрезмерное волнует дух.

Пускай любовь сойдет с небес,
Как сквозь гранит златым дождем
К Данае проникал Зевес!
Пусть грянет ненависть, как гром,

Разрушив все, что мне дано.
Эдем и ад — из двух одно.

О, дай упиться полнотой —
Душе невыносим покой.

ПЕСНЯ

Не вопрошай, откуда нес
В июле я охапку роз.
В саду восточной красоты —
В самой себе их множишь ты.

Не вопрошай, где золотой
Крупинок солнца вьется рой,
Упав с надоблачных орбит,—
Им шелк волос твоих горит.

Не вопрошай, зачем с ветвей,
К кому слетает соловей.
Он ищет для своих рулад
То, чем твой голос так богат.

Не вопрошай, зачем, куда,
Откуда падает звезда.
Спроси глаза — в твоих глазах
И звезд не счесть, как в небесах.

Не вопрошай, в краю каком
Пред смертью Феникс вьет свой дом.
В благоухающую грудь
К тебе летит он, чтоб уснуть.

НЕБЛАГОДАРНОЙ КРАСАВИЦЕ

Нет, Селья, гордость успокой!
Моим пером ты знаменита,
Не то была бы ты с толпой
Красоток уличных забыта.
Мой каждый стих доро́гой роз
Тебя, чертенка, к славе нес.

Соблазна мощь — не твой удел,
Но я твой возвеличил жребий,
Твой стан, твой взор, твой голос пел,
Звезда в моем, не в общем небе.
И виден твой заемный свет
Тому лишь, кем он был воспет.

Так не грози! В единый миг
Тебя верну я в неизвестность.
Глупцу — мистический твой лик,
А мне нужна твоя телесность.
Все покрывала с Правды сняв,
Поэт лишь ею мудр и прав.

ЭЛЕГИЯ
НА СМЕРТЬ ДОКТОРА ДОННА

Когда, великий Донн, ты сбросил жизни узы,
Ужель не в силах мы у овдовевшей музы
Извлечь Элегию — тебе на гроб венок?
Как верить в эту смерть, хоть прах на прах твой лег
Унылой прозою, такой же скучной, серой,
Как та, что поп-лохмач сбирает полной мерой
С цветка Риторики, сухой, как тот песок,
Что мерит ей часы, тебе же — вечный срок
От часа похорон. Ужель нам изменили
И голос наш, и песнь, и если ты в могиле,
Так уж ни смысла нет у языка, ни слов?
Пусть Церковь плачется, ее прием не нов:
Уставы, догматы, в доктринах постоянство
И следованье всем заветам христианства.
Но пламенем души, отзывчивой всему,
Умел ты землю жечь, сияньем делал тьму,
Противодействовал насилующим волю
Священным правилам, но дал излиться вволю
Растроганным сердцам. Ты в истины проник,
Чей, только разумом постигнутый язык,
Для чувств непостижим и чужд воображенью.
Тот жар, что был присущ дельфийскому служенью
И хорам жертвенным, тот жар, что Прометей
Своим огнем зажег, в сумбуре наших дней
На миг сверкнул и что ж, потух в твоей могиле.
Сад муз очистил ты, что сорняки глушили,
И подражательство как рабство упразднил
Для свежих вымыслов. Тобой оплачен был
Наш век, скупой банкрот, лишенный постоянства:
Бесстыдный плагиат, восторги обезьянства,
Тот стихотворный пыл, что воровством силен,
Когда сподручно все — Пиндар, Анакреон,
И нет лишь своего, где всяческие штуки,
Двусмысленная смесь фиглярства и науки,
И все то ложное, что нам, куда ни кинь,
И греческий дает в избытке, и латынь.
Ты стал, фантазией неслыханной владея,
В мужской экспрессии соперником Орфея
И древних, кто ценней для наших дураков,
Чем золото твоих отточенных стихов.

Ты им богатства нес, чтобы для рифм унылых
Не тщились разгребать руду в чужих могилах,
Ты — первый навсегда, владыка меж владык,
Хотя б менялось все — и век наш, и язык,
Скорей для внешних чувств, и то лишь редко, стройный,
Еще тебя он ждет, венец, тебя достойный.
Лишь силою ума сумел ты, как никто,
Преобразить язык, пригодный лишь на то,
Чтоб косностью своей и грубостью корсета
Противиться перу великого поэта,
Который избегал аморфных, зыбких фраз.
Противники твои, явившись раньше нас,
И поле замыслов чужих опустошая,
Лишь тень оставили былого урожая.
Но и с пустых полей своей рукой, поэт
(И меж заслуг твоих заслуги меньшей нет!),
Ты лучшее собрал, чем были бы велики
Минувшие века и всех времен языки.
Но ты ушел от нас, и был безмерно строг
Для стихотворного распутства твой урок.
Теперь в их болтовню вернутся те же боги,
Которым ты закрыл в поэзию дороги,
Как справедливый царь. Начнут то здесь, то там
Стихи Метаморфоз мелькать по всем листам.
Запахнет все враньем, и новым виршеплетством
Заменится твой стих, рожденный благородством,
И старым идолам новейший ренегат
Поклонится, вернув забытый строй баллад.
Прости, что я прервал высоких строф подобьем
Молчанье скорбное перед твоим надгробьем,
Благоговейный вздох, что был — хвала судьбе! —
Скорей, чем слабый стих, элегией тебе,—
Безмолвным откликом души на увяданье,
На гибель всех искусств, чье позднее влиянье
Еще хранит мой стих. Уже, и хром и крив,
Он задыхается, себя же утомив.
Так колесо, крутясь, не прекратит движенье,
Когда отдернута рука, чье напряженье
Дало ему толчок,— его слабеет ход
И замедляется, а там, глядишь, замрет.
Так здесь, где ты лежишь, недвижный и суровый,
Я водрузил в стихах тебе венец лавровый,
И пусть позорит он, пусть будет он плевком
На тех, кто подползет, как тать ночной, тайком,

Чтоб обокрасть тебя. Но больше я не стану
Оплакивать твой прах, тревожить нашу рану,
Твоим достоинствам ведя хвалебный счет.
В одну элегию он просто не войдет,
И мне не выразить величие такое.
Ведь каждое перо найдет в тебе другое.
И где художник тот, иль скульптор, иль поэт,
Что в силах исчерпать такой, как ты, сюжет?
Для полноты похвал нужны другие сроки,
Я ж эпитафией закончу эти строки:
Здесь погребен король, кому судьба сама
Дала всемирную монархию ума.
Первосвященник здесь, вдвойне угодный Небу,
Двоим отдавший труд: Всевышнему и Фебу.

ВЕСНА

Зима прошла, и поле потеряло
Серебряное в искрах покрывало;
Мороз и вьюга более не льют
Глазурных сливок на застывший пруд;
Но солнце лаской почву умягчает,
И ласточке усопшей возвращает
Дар бытия, и, луч послав к дуплу,
В нем будит то кукушку, то пчелу.
И вот щебечущие менестрели
О молодой весне земле запели;
Лесной, долинный и холмистый край
Благословляет долгожданный май.
И лишь любовь моя хладней могилы;
У солнца в полдень недостанет силы
В ней беломраморный расплавить лед,
Который сердцу вспыхнуть не дает.
Совсем недавно влекся поневоле
К закуту бык, теперь в открытом поле
Пасется он; еще вчера, в снегах,
Любовь велась при жарких очагах,—
Теперь Аминта со своей Хлоридой
Лежит в сени платана; под эгидой
Весны весь мир, лишь у тебя, как встарь,
Июнь в очах, а на́ сердце январь.

РИЧАРД КРЭШО

ПОЖЕЛАНИЯ

(К воображаемой возлюбленной)

Где отыщу я ту,
Что претворит мою мечту
В реальную, живую красоту?

Пока она — увы —
В чертоге горней синевы
Укрыта сенью ласковой листвы.

Пока она Судьбой
Не призвана идти земной тропой,
Травы не смяла легкою стопой.

Ее доселе Бог
Кристальной плотью не облек,
Светильник гордый духа не возжег.

О грезы, в мир теней
Летите, прикоснитесь к ней
Воздушного лобзания нежней.

Что ей изделие ткача,—
Атлас, струящийся с плеча,
Шантильских кружев пена и парча?

Что — колдовской обман
Шелков, обвивших стройный стан,
Безжизненных улыбок и румян?

Что — веер, блеск тафты, —
Когда прекрасны и просты
Без ухищрений девичьи черты.

Вот образ, чья краса
Свежа, как вешняя роса,
Его омыли сами небеса,—

Твои черты легки,
Не нужен мел и парики
Творению божественной руки.

Твоих ланит цветы
Нежны, лилейны и чисты,
И легковейны дивные персты.

Румянец твой знаком
Скорее с маковым цветком,
Чем с пудрою и алым порошком.

А на устах чуть свет
Лобзание запечатлел поэт,
Но так же ярок их пунцовый цвет.

Глаза твои горят,
Как ватканный алмазами наряд,
Но драгоценен искренностью взгляд.

Мерцание очей
Затмит созвездия ночей,
Блеск благодатный солнечных лучей.

Златые волоса
Свила жемчужная лоза,
Рубинами разубрана коса,

Но прядей блеск сильней,
Чем своевольный свет камней,
Играющий среди златых теней.

Рубин играет и горит
В живом огне твоих ланит,
И свято каждый перл слезу хранит.

В душе покой, трикрат
Хранит он лучше звонких лат
От стрел любви, разящих наугад.

У лучезарных глаз
Опасных стрел велик запас,
Но лук любви достать — не пробил час.

Пленительно юна
Улыбка, что тебе дана,
И прелести таинственной полна.

И рдеет в розах щек
Не пламень грешный и порок,
А скромности летучий огонек.

Любуюсь простотой забав,
Где, незатейлив и лукав,
Проявлен твой невинно-милый нрав.

Я вижу трепетный испуг,
Тот нежный страх в кругу подруг,
Когда невесту ночь настигнет вдруг;

И каплею росы
Блеснувший след ее слезы
В прощальные предбрачные часы;

И утра пастораль,
Что не взяла полночную печаль
В блистающую завтрашнюю даль.

Тех ясных дней лучи,
Как пламень мысли, горячи,
Их лучезарный свет кипит в ночи.

Ее ночей сапфир
Еще прозрачней от любовных лир,
Еще синей во тьме, объявшей мир.

Я знаю, жизни круг
Замкнет душа ее без мук
И встретит Смерть словами: «Здравствуй, Друг».

Поток ее бесед,
Как Сидни солнечный сонет,
В седины зим вплетает майский цвет.

В домашней ли тиши,
В беседке ли, в лесной глуши —
Живителен покой ее души.

Когда от счастья ей светло,—
Небес озарено чело,
И ночь крылатой сенью гонит зло.

Вот облик твой, что мной воспет,
Дитя природы! Много лет
Пусть он корит естественностью свет.

Твоим поэтом и певцом,
Твоим единственным льстецом
Да внидет добродетель смело в дом.

Познай же благодать
Твоим достоинствам под стать,
А большего нельзя и пожелать.

ГИМН ВО СЛАВУ И ВО ИМЯ ВОСХИТИТЕЛЬНОЙ СВЯТОЙ ТЕРЕЗЫ, ОСНОВАТЕЛЬНИЦЫ РЕФОРМАЦИИ СРЕДИ БОСОНОГИХ КАРМЕЛИТОВ, МУЖЧИН И ЖЕНЩИН, ЖЕНЩИНЫ АНГЕЛЬСКОГО ПОЛЕТА МЫСЛИ, МУЖЕСТВА, БОЛЕЕ ДОСТОЙНОГО МУЖЧИНЫ, ЧЕМ ЖЕЩИНЫ, ЖЕНЩИНЫ, КОТОРАЯ ЕЩЕ РЕБЕНКОМ ДОСТИГЛА ЗРЕЛОСТИ И РЕШИЛАСЬ СТАТЬ МУЧЕНИЦЕЙ

Любовь вершит судьбу людей,
И жизнь и смерть подвластны ей.
И вот, чтоб это доказать,
Возьмем не тех, в ком рост и стать,
Не тех, кому ценою мук
Принять корону в лоно рук
И божье имя в смертный час
Произнести без лишних фраз,
Не тех, чья грудь как трон любви,
В поту омытой и крови;
Нет, мы возьмем пример иной,
Где храм воздушный, неземной
В душе у девочки возник,
Где юной нежности родник.
Умеет вымолвить едва
Ребенок первые слова,
Но мнит уже: что́ вздохи длить,
Дай смерти гордый лик явить!

Любовь со смертью — два крыла,
Но где ей знать — она мала,—
Что ей пролить придется кровь,
Чтоб проявить свою любовь,
Хоть кровью, что должна истечь,
Не обагрить виновный меч.
Ребенку ль разобраться в том,
Что предстоит познать потом!
Сердечко словно шепчет ей:
Любовь всех-всех смертей сильней.
Тут быть любви! Пускай шесть лет
Прошли под страхом разных бед
И мук, что всех ввергают в дрожь,—
На всех страдалец не похож,
Одной любовью создан он,
От прочих смертных отделен.
Любовь у девочки в душе!
Как жарко бьется кровь уже
Желаньем смерти и страстей!
Ей — кубок с тысячью смертей.
Дитя пылает, как пожар,
Грудь слабую сжигает жар,
И ласки, что ей дарит мать,
Никак не могут страсть унять.
Коль дома ей покоя нет,
То ей мирской оставить свет
И в мученичество уйти,
И нет иного ей пути.

НА ПОДНОШЕНИЕ ДАМЕ СЕРДЦА КНИГИ ДЖОРДЖА ГЕРБЕРТА ПОД НАЗВАНИЕМ «ХРАМ ДУХОВНЫХ СТИХОТВОРЕНИЙ»

Строки, что прельстят ваш взгляд,
Высшую любовь хранят.
Мысль о блеске ваших глаз
Герберта влекла не раз.
Пусть вам мнится: в томе этом —
Ангел, спрятанный поэтом.
Тот, кто пчелке малой рад,
Ловит утра аромат.

В церкви вас узря украдкой,
Всяк познает трепет сладкий.
Вам дарит цвет души поэт,
Чтоб вы узнали горний свет.
Вас он знакомит с высшей сферой,
Где всех одной измерят мерой.
Я б сказать вам смело мог:
В ткани гербертовских строк
Плод моих душевных мук
Вам кладу в святыню рук.

ПАСТУШЬЯ ПЕСНЬ СПАСИТЕЛЮ

«Ты — в сладостной тиши росток,
Повлекший вековечный день.
Ты засветившийся восток,
Рассеявший ночную тень.
Ты зрим,— и мы хвалу поем,
Ты зрим в сиянии своем».

Но что сия юдоль скорбей
Пришельцу звездному дала?
Пещеру в несколько локтей
И место около вола.
С небесною — земная рать
Воюет, чтоб у ложа встать.

ПЫЛАЮЩЕЕ СЕРДЦЕ

(Над книгой и изображением святой Терезы)

О Сердце благородное, живи
В словах неувядающей любви!
Всем языкам, народам, расстояньям
Явись одним слепительным пыланьем;
Гори — и жги; погибни — и восстань;
Скорби — и мучь; кровоточи — и рань;
В бессмертном ореоле вечно шествуй,
Зовя к страданию и совершенству;
Борись — и, умирая, побеждай;
И мучеников новых порождай.

О факел мой! примером светоносным
Восторжествуй над этим сердцем косным;
Разящей силой слов, лучами дня,
Прорвав броню груди, ворвись в меня
И унеси все то, что было мною,—
С пороками, с греховной суетою;
Как благо, я приму такой разбой,
Как щедрый дар, ниспосланный тобой.
Молю тебя и заклинаю снова —
Наитьем твоего огня святого;
Орлиной беспощадностью речей —
И голубиной кротостью твоей;
И всем, что претерпела ты во имя
Любви и веры, муками твоими;
Огромной страстью, жгущей изнутри;
Глотком последней, пламенной зари;
И поцелуем тем, что испытала
Душа, когда от тела отлетала,—
Его блаженством полным, неземным
(О ты, чей брат — небесный серафим!)
Молю тебя и заклинаю снова:
Не оставляй во мне меня былого;
Дай та́к мне жизнь твою прочесть, чтоб я
Для нового воскреснул бытия!

ГЕНРИ ВОЭН

ПТИЦА

Всю ночь со свистом буря продувала
Твой нищий дом, где вместо одеяла
Крылом ты прикрывался. Дождь и град
(Который и для наших крупноват
Голов) всю ночь по прутьям барабанил
И только чудом не убил, не ранил.

Но снова счастлив ты, и в упоенье
Слагаешь гимн благому Провиденью,
Чьей мощной дланью ветер усмирен,
А ты — живым и здравым сохранен.
И все, кому урок пришелся внове,
Сливаются с тобой в хор славословий.

Холмы и долы начинают петь,
Речь обретают листья, воздух, волны,
И даже камни вторят им безмолвно —
Не зная, как журчать и шелестеть.
Так, вместе с Утром, рассветают сами
Молитвы и хвалы под небесами.

Ведь каждый — малым небом окружен,
Душа — всегда подобие планеты,
Чей свет, хотя и свыше отражен,
Творит свои закаты и рассветы.

Но, кроме этих светлых, добрых птах,
Заутреню звенящих над полями,
Есть птицы ночи, сеющие страх,
С тяжелыми и мрачными крылами.

Когда заводят филин и сова
Зловещие ночные разговоры,
Золой и пеплом кроется трава,
И черной тиной — светлые озеры.

Ни радости, ни света, ни весны —
Пока Заря не брызнет с вышины!

ВЕНОК

О ты, чья жизнь блистает и цветет,
Над кем горит счастливая звезда,
Кого краса подруги хрупкой ждет,—
Ты мой рассказ запомни навсегда.

Когда в мой двадцать первый год
Свободу я обрел,—
Я был тогда игрок и мот,
И мрак в мой дом вошел.

Я жадно кинулся в разгул,
Я слушал страсти зов,
Я в наслажденьях тонул
Средь ярых игроков.

Но знал ли я, судьбу дразня,
Сомнения глуша,
Что может пламя сжечь меня
Иль так болеть душа?

И ложь, и гордой славы взлет,
И горький мой обман —
Таков был всех восторгов плод,
Мой золотой туман.

В своей груди весну я нес,
Ее цветы собрав;
Венчал себя гирляндой роз
Мой безрассудный нрав.

Уже я славой мог блеснуть,
Но встретил мертвеца,
Который знал мой грешный путь
С начала до конца.

Как глуп и безрассуден ты,—
Сказал мертвец в сердцах:
Те сорванные днем цветы
Истлеют ночью в прах.

О, мир цветов — он гибнет точно в срок.
И если хочешь ты иметь живой венок,
Не торопи цветов безвременный конец —
Тогда ты обретешь божественный венец.

УХОД

Благословенна память дней
Блаженной младости моей,
Когда я знать еще не мог,
Зачем живу свой новый срок;
Когда душа, белым-бела,
Была еще превыше зла;
Когда мой дух не позабыл,
Кого так трепетно любил,
Спеша хотя б на краткий миг
Узреть творца державный лик;

Когда душе светло жилось,
На злате облака спалось,
И в каждой малости земной
Являлась вечность предо мной;
Когда язык, рассудку нов,
Не испытал соблазна слов, —
И чувств моих немую речь
Я не умел на грех обречь,
Из плена плоти услыхав
Бессмертья зов, как голос трав:
О, мне б минувшее вернуть,
Опять вступить на древний путь!
Туда, к равнине, где впервой
Я бросил лагерь кочевой,
Туда, где видится вдали
Тот город Пальм моей земли!
Увы, пьяна вином невзгод,
Душа туда не добредет...
Другие пусть вперед спешат:
Мое «вперед» ведет назад.
Но все равно: пускай не я —
Мой прах вернется в те края.

МИР

1

Я видел Вечность в этот час ночной:
Сияющим Кольцом, где неземной
Блаженствовал покой,
Она плыла, и, сферами гонимы,
Дни, годы плыли мимо,
Как Тень, в которой мчался сквозь туман
Вселенский ураган;
И в Жалобе Влюбленного звучали
Мелодии печали,
Когда в мечтах из Лютни он исторг
Унылый свой восторг;
С ним бант, перчатки — глупые капканы
Для тех, кто непрестанно
Сжигал Себя в веселии шальном,
Чтоб слезы лить потом.

2

Правитель, помрачневший от забот,
Сквозь них, как сквозь густой туман, идет,
Не двигаясь вперед;
(И как Затменье) грозных мыслей рой
В его душе больной,
И даже без Толпы зевак они
Ему вопят: «Казни!»
Но Крот копал и, прячась от беды,
Под землю вел ходы,
Где жертву он сжимал что было сил,
Но дел своих не скрыл;
Его кормили церкви, алтари,
Клубились мух рои;
И кровь, которой землю он залил,
Он не смущаясь пил.

3

Трусливый скряга, сторожа свой хлам,
Ведет, вздыхая, счет унылым дням,
Себе не веря сам;
Воров пугаясь, над своей мошной
Дрожит он день-деньской.
Так тьма безумцев чахла взаперти,
Зажав металл в горсти;
Честнейший Эпикур велел искать
В усладах благодать,
И ни один из набожных ханжей
Не мог сказать умней;
Ничтожный трус, прослывший храбрецом,
Дрожал здесь пред Рабом,
И правда, что победою звалась,
Сидела притулясь.

4

Но те, кто пел и плакал без конца,
Достичь сумели светлого Кольца,
Чтоб обрести Отца.
О вы, глупцы, кому ночная тень
Затмила ясный день,

Кто ненавидит свет, как жалкий крот,
За то, что свет ведет
Из тьмы, из царства мертвого в чертог,
Где обитает Бог,
Где сможешь Солнце попирать ногой,
Его затмив собой.
Но, осудив так всех, презревших свет,
Услышал я в ответ:
Лишь та, кого Жених небесный ждет,
Достигнет тех Высот.

ВОДОПАД

Как сквозь укромно льющееся время
Прозрачно-хладное свергает бремя
Владыка вод!
Шумит, ревет,
Взывает к свите пенистой, кипучей,
От ужаса застывшей перед кручей,
Хоть все равно
Дано одно —
Могиле в пасть
С высот упасть,
Чтоб тот же час из глуби каменистой
Ступить на путь возвышенный и чистый.

О водопад, придя к тебе,
О нашей я гадал судьбе:
Раз каждой капле суждено
Достичь небес, упав на дно,
То душам, оставляя свет,
Страшиться тьмы причины нет;
А раз все капли до одной
Возвращены в предел земной,
Должна ли опасаться плоть,
Что жизнь ей не вернет Господь?
О очистительный поток,
Целитель от мирских тревог,
Мой провожатый в те края,
Где бьет источник Бытия!
Как сплетены восторг и страх
В твоих таинственных струях,

Как много здравых горних дум
Являет твой волшебный шум!
Но человека сонный дух
Дотоле к откровеньям глух,
Доколе их не явит Тот,
Кто устремил тебя в полет.
И се— я вижу по кругам,
Внизу плывущим к берегам
И замирающим навек:
Так, так преходит человек.
О мой невидимый надел!
Для славной воли я созрел,
И к небу льнет душа моя,
Как долу падает струя.

ОНИ УШЛИ ТУДА, ГДЕ ВЕЧНЫЙ СВЕТ

Они ушли туда, где вечный свет,
И я один тоскую тут;
Лишь в памяти остался ясный след,
Последний мой приют.

Сияет он во тьме груди моей,
Как звезды над горой горят,
Или как верхних вечером ветвей
Касается закат.

Они ступают в славе неземной
И отрицают жизнь мою,
В которой я, бессильный и седой,
Мерцаю и гнию.

Высокого смирения завет,
Святой надежды колеи
Они мне приоткрыли как секрет
Утраченной любви.

О смерть, о справедливости алмаз,
Ты блещешь только в полной мгле;
Но тайн твоих не проницает глаз,
Прикованный к земле.

Гнездо нашедший тот же миг поймет,
Что нет пичуги там давно;
Но где она и в чьем лесу поет —
Узнать не суждено.

И все же — как порой в лучистых снах
Мы с ангелами говорим,—
Так странной мыслью вдруг пронзаем прах
И долю славы зрим.

Да будь звезда во гроб заключена —
Она и под землей горит;
Но чуть ей дай свободу, как она
Возносится в зенит.

Создатель вечной жизни, ты Отец
Всех обитателей земли —
Неволе нашей положи конец
И волю вновь пошли!

О, сделай так, чтоб даль была видна,
Сними туман с очей раба —
Иль вознеси туда, где не нужна
Подзорная труба.

ЭНДРЬЮ МАРВЕЛЛ

САД

Сколь жалко человек устроен:
Чуть почестей он удостоен,
Как тут же, не щадя руки,
Деревья рубит на венки;
Потом под сенью их увечной
Вершится праздник быстротечный,
А между тем деревьев цель —
Творить отрады колыбель.

У них учился я покою
И простоте, хотя — не скрою —
Когда-то я искал покой
Средь суеты толпы людской;

Но нет, в глуши лесной пустыни
Сокрыты все его святыни,
Где не тревожит мира шум
Ничьих мечтаний или дум.

И только зелень, безусловно,
Одна воистину любовна;
Резцом влюбленным опален,
Лес шепчет сотни мне имен:
То юноши, в любви незрячи,
Здесь ждали милых и удачи.
О, мне бы сей жестокий пыл —
Я б имена дерев чертил.

Любовь прошла — мы ищем снова
Приют у леса векового;
Скрываясь от страстей богов,
Здесь люди обретали кров:
Вот вместо Дафны Аполлону
Лес предлагает лавра крону;
Вот Пану шелестит камыш —
Сиринги нет, свой бег утишь.

Нет жизни сладостней садовой!
Тут, что ни шаг, подарок новый:
То яблоневый камнепад,
То винотворец-виноград,
То нектарин, зовущий руку.
Здесь счастья познавать науку!
Иду я, наконец, к цветам
И в грезы погружаюсь там.

Не ведает мой разум горя
В пучинах лиственного моря.
О, разум! Лицедей, что вмиг
Представит мне вселенной лик,
Потом изобразит, играя,
Пещеры ада, кущи рая,
Но всем изыскам предпочтет
Зеленых волн зеленый свод.

Вблизи замшелого фонтана
Иль возле старого платана
Оставит плоть мою душа,
Под полог лиственный спеша;

Встряхнет сребристыми крылами,
Споет, уже не здесь, не с нами,
И будет радужно-пестро
Лучиться каждое перо.

Не стыдно ли так размечтаться?
Но нам, увы, нельзя остаться
Ни с чем, ни с кем наедине —
Сюда пришли, что делать мне!
Да, нам до смертного до часу
От любопытных глаз нет спасу;
Безлюдный и пустынный край
Для нас недостижим, как рай.

Грустя, стою я пред часами —
Изысканной красы цветами.
Одолевая зодиак,
Цветам пошлет светило знак,
А те — пчеле укажут время.
О, пчелы, суетное племя!
И разве для цветов сей труд —
Счет упоительных минут?!

КОСАРЬ — СВЕТЛЯКАМ

О вы, живые фонари,
Во мгле прислуга соловью,
Который учит до зари
Божественную песнь свою.

Кометы сельской стороны,
Явленьем не сулите вы
Ни смерти принца, ни войны,—
Но лишь падение травы.

О светляки, во тьме ночей
Вы стойко светитесь одни,
Чтобы с дороги косарей
Не сбили ложные огни.

Ах, вы сияете не в срок:
Се Джулиана здесь со мной,
И разум от меня далек,
И ни к чему идти домой.

РАЗГОВОР МЕЖДУ ДУШОЙ И ТЕЛОМ

Душа:

О, кто бы мне помог освободиться
Из этой душной, сумрачной Темницы?
Мучительны, железно-тяжелы
Костей наручники и кандалы.
Здесь, плотских Глаз томима слепотою,
Ушей грохочущею глухотою,
Душа, подвешенная на цепях
Артерий, Вен и Жил, живет впотьмах,—
Пытаема в застенке этом жутком
Коварным Сердцем, немощным Рассудком.

Тело:

О, кто бы подсобил мне сбросить гнет
Души-Тиранки, что во мне живет?
В рост устремясь, она меня пронзает,
Как будто на кол заживо сажает,—
Так что мне Высь немалых стоит мук;
Ее огонь сжигает, как недуг.
Она ко мне как будто злобу копит:
Вдохнула жизнь — и смерть скорей торопит.
Недостижим ни отдых, ни покой
Для Тела, одержимого Душой.

Душа:

Каким меня Заклятьем приковали
Терпеть чужие Беды и Печали?
Бесплотную, боль плоти ощущать,
Все жалобы телесные вмещать?
Зачем мне участь суждена такая:
Страдать, Тюремщика оберегая?
Сносить не только хворь, и бред, и жар,
Но исцеленье — это ль не кошмар?
Почти до Порта самого добраться —
И на мели Здоровья оказаться!

Тело:

Зато страшнее хворости любой
Болезни, порожденные Тобой;
Меня то Спазм Надежды раздирает,
То Лихорадка Страха сотрясает;

Чума Любви мне внутренности жжет,
И Язва скрытой Ненависти жрет;
Пьянит Безумье Радости вначале,
А через час — Безумие Печали;
Познанье скорби пролагает путь,
И Память не дает мне отдохнуть.
Не ты ль, Душа, так обтесала Тело,
Чтобы оно для всех Грехов созрело?
Так Зодчий поступает со стволом,
Который Древом был в Лесу густом.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ

Чудно́ Любви моей начало
И сети, что она сплела:
Ее Отчаянье зачало
И Невозможность родила.

Отчаянье в своих щедротах
В такую взмыло высоту,
Что у Надежды желторотой
Застыли крылья на лету.

И все же Цели той, единой,
Я, верится, достичь бы мог,
Не преграждай железным клином
К ней каждый раз пути мне— Рок.

С опаскою встречать привык он
Двух Душ неистовую Страсть:
Соединись они — и мигом
Низложена Тирана власть.

Вот почему его статутом
Мы на́век разъединены
И, се́рдца вскруженные смутой,
Обнять друг друга не вольны.

Разве что рухнут Неба выси
В стихий последнем мятеже,
Все сплющив, и, как точки, сблизят
Два полюса — на чертеже.

Свои в Любви есть *линий* ходы:
Косым скреститься привелось,
Прямые же, таясь, поодаль
Легли, чтоб в Вечность кануть врозь.

И мы — так. И Любви рожденье,
Чей Року ненавистен рост,
Есть Душ Взаимонахожденье
И Противостоянье Звезд.

К СТЫДЛИВОЙ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ

Сударыня, будь вечны наши жизни,
Кто бы подверг стыдливость укоризне?
Не торопясь, вперед на много лет
Продумали бы мы любви сюжет.
Вы б жили где-нибудь в долине Ганга
Со свитой подобающего ранга.
А я бы, в бесконечном далеке,
Мечтал о Вас на Хамберском песке,
Начав задолго до Потопа вздохи.
И вы могли бы целые эпохи
То поощрять, то отвергать меня —
Как Вам угодно будет — хоть до дня
Всеобщего крещенья иудеев!
Любовь свою, как дерево, посеяв,
Я терпеливо был бы ждать готов
Ростка, ствола, цветенья и плодов.
Столетие ушло б на воспеванье
Очей; еще одно — на созерцанье
Чела; сто лет — на общий силуэт;
На груди — каждую!— по двести лет;
И вечность, коль простите святотатца,
Чтобы душою Вашей любоваться.
Сударыня, вот краткий пересказ
Любви, достойной и меня и Вас.
Но за моей спиной, я слышу, мчится
Крылатая мгновений колесница;
А впереди нас — мрак небытия,
Пустынные, печальные края.
Поверьте, красота не возродится,
И стих мой стихнет в каменной гробнице;

И девственность, столь дорогая Вам,
Достанется бесчувственным червям.
Там сделается Ваша плоть землею,—
Как и желанье, что владеет мною.
В могиле не опасен суд молвы,
Но там не обнимаются, увы!
Поэтому, пока на коже нежной
Горит румянец юности мятежной
И жажда счастья, тлея, как пожар,
Из пор сочится, как горячий пар,
Да насладимся радостями всеми,
Как хищники, проглотим наше время
Одним глотком! Уж лучше так, чем ждать,
Как будет гнить оно и протухать.
Всю силу, юность, пыл неудержимый
Скатаем в прочный шар нерасторжимый
И продеремся, в ярости борьбы,
Через железные врата судьбы.
И пусть мы солнце в небе не стреножим,—
Зато пустить его галопом сможем!

БЕРМУДЫ

Далёко, около Бермуд,
Где волны вольные ревут,
Боролся с ветром утлый бот,
И песнь плыла по лону вод:
«Благодарим смиренно мы
Того, кто вывел нас из тьмы,
Кто указал нам путь сюда,
Где твердь и пресная вода,
Кто уничтожил чуд морских,
Державших на хребтах своих
Весь океан... Нам этот край
Милей, чем дом, милей, чем рай.
На нашем острове весна,
Как небо вечное, ясна,
И необъятно царство трав,
И у прелатов меньше прав,
И дичь сама идет в силки,
И апельсины так ярки,

Что каждый плод в листве густой
Подобен лампе золотой.
Тут зреет лакомый гранат,
Чьи зерна лалами горят,
Вбирают финики росу,
И дыни стелются внизу.
И даже дивный ананас
Господь здесь вырастил у нас,
И даже кедр с горы Ливан
Принес он к нам, за океан,
Чтоб пенных волн ревущий ад
Затих, почуяв аромат
Земли зеленой, где зерно
Свободной веры взращено,
Где скалы превратились в храм,
Чтоб мы могли молиться там.
Так пусть же наши голоса
Хвалу возносят в небеса,
А эхо их по воле вод
До самой Мексики плывет!»
Так пела кучка англичан,
И беспечально хор звучал,
И песнь суденышко несла
Почти без помощи весла.

НА СМЕРТЬ ОЛИВЕРА КРОМВЕЛЯ

Его я видел мертвым, вечный сон
Сковал черты низвергнувшего трон,
Разгладились морщинки возле глаз,
Где нежность он берег не напоказ.
Куда-то подевались мощь и стать,
Он даже не пытался с ложа встать,
Он сморщен был и тронут синевой,
Ну словом, мертвый — это не живой!
О, суета! О, души и умы!
И мир, в котором только гости мы!
Скончался он, но, долг исполнив свой,
Остался выше смерти головой.
В чертах его лица легко прочесть,
Что нет конца и что надежда есть.

ЭПИТАФИЯ

Довольно, остальное — славе.
Благоговея, мы не в праве
Усопшей имя произнесть,
Затем что в нем звучала б лесть.
Как восхвалить, не оскорбляя,
Ту, что молва щадила злая,
Когда ни лучший ум, ни друг
Не перечли б ее заслуг?
Сказать, что девою невинной
Она жила в сей век бесчинный
И сквозь зазнавшуюся грязь
Шла, не гордясь и не стыдясь?
Сказать, что каждую минуту
Душой стремилась к абсолюту
И за свершенные дела
Пред небом отвечать могла?
Стыдливость утра, дня дерзанье,
Свет вечера, ночи молчанье...
О, что за слабые слова!
Скажу одно: Она мертва.

ПЕСНЯ КОСАРЯ

Луга весною хороши!
Я свежим воздухом дышу,
До поздних сумерек в тиши
Траву зеленую кошу,
Но Джулиана, ангел мой,
Обходится со мною так, как я — с травой.

Трава смеется: «Плачешь ты!» —
И в рост пускается скорей.
Уже не стебли, а цветы
Трепещут под косой моей,
Но Джулиана, ангел мой,
Обходится со мною так, как я — с травой.

Неблагодарные луга,
Смеетесь вы над косарем!
Иль дружба вам не дорога?
Ваш друг растоптан каблуком,

Ведь Джулиана, ангел мой,
Обходится со мною так, как я — с травой.

Нет, сострадания не жди.
Ответа нет моим мечтам.
Польют холодные дожди
По мне, по травам, по цветам,
Ведь Джулиана, ангел мой,
Обходится со мною так, как я — с травой.

Трава, я выкошу тебя!
Скошу зеленые луга!
Потом погибну я, любя,
Могилой будут мне стога,
Раз Джулиана, ангел мой,
Обходится со мною так, как я — с травой.

СЭМЮЭЛ БАТЛЕР

САТИРА В ДВУХ ЧАСТЯХ НА НЕСОВЕРШЕНСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЕ УЧЕНОСТЬЮ

(Из I части)

Достойный подвиг разума и зренья —
Освободиться от предубежденья,
Впредь отказаться как от ложной дани
Ото всего, что приобрел с годами,
Но не от самого́ умодеянья
И не от дара первого познанья,
А их принять как данность непреложно,
Будь их значенье истинно иль ложно.
Но навык, хоть и плод того же рода,
Где душу с телом нянчила природа,
Имеет больше прав, как и влиянья,
На человека, данника сознанья,
Поскольку, в двух инстинктах воплощенный,
Одним рожденный, а другим взращенный,
Он, человек, воспитан поневоле
Скорей во мнимой, чем в природной, школе,
И вследствие того, что раньше тело,
А не душа в заботах преуспела,

Судить о человеке наперед
Нельзя, покуда он еще растет.
Без размышленья и усилий дети
Воспринимают все, что есть на свете,
Тьму знаний и рассудочного вздора
Усваивают чохом, без разбора,
И так же, как некоренные лица
Не могут от акцента отучиться,
Не может разум превозмочь наследства
Понятий, вдолбленных в сознанье с детства,
Но повторяет их в лета иные,
А потому понятья головные
Не впрок уму, и труд образованья
Для человека хуже, чем незнанье,
Когда он видит, что не в колыбели,
А в школе дураки понаторели,
Где аффектация и буквоедство —
Учености сомнительные средства,
Где учат поэтическому пылу
Детей, когда он взрослым не под силу,
И формы мозга не готовы к знаньям,
Убитые двусмысленным стараньем
Исправить вавилонское проклятье
И языкам умершим дать занятье,
Чтоб, про́клятые некогда в день Судный,
Они сушили мозг работой нудной,
А так как занесло их к нам с Востока,
Они во мненье ставятся высо́ко,
Хоть и в арабском залетев обличье
Крючков и палочек, как знаки птичьи;
И этот труд без пользы и без толка —
Потеря сил и времени, и только,
Как скупка экзотических сокровищ,
Тогда как тот, кто обладал всего лишь
Своим добром, надежней обеспечен,
Так и они с их бравым красноречьем;
Недаром, цель выхватывая разом,
Стрелок следит одним, но метким глазом,
А кто зараз на многое нацелен,
Тот ни в одном, пожалуй, не уверен,
Поскольку не безмерна трата сил:
Что взял в одном, в противном упустил.
Древнесирийский и древнееврейский
Отбрасывают разум европейский,

И мозг, который принял ум чужой,
Вслед за рукой становится левшой,
Однако тот, кто ищет мысль впотьмах,
Не находя во многих языках,
Сойдет скорей за умного, чем тот,
Кто на своем найдет и изречет.
Вот каково искусство обученья,
Все эти школы, моды, увлеченья
В умы внедряют с помощью узды,
Как навык в школах верховой езды;
Так взваливали римские рабы
Грехи чужие на свои горбы.
Когда искусство не имело цели,
Кроме игры, и греки не имели
Других имен для сцены или школы,
Как школа или сцена, их глаголы
«Быть праздным» и «раскидывать умом»
По первосмыслу были об одном,
Поскольку нет для здравого рассудка
Защиты большей, чем игра и шутка,
Возможность фантазировать свободно
И пробуждать, не столь уж сумасбродно,
Игру ума, уставшего от нудной
Обыденности и заботы будней,
Где, кто не черпает непринужденно
Его богатств, живет непробужденно
И если хочет преуспеть в ином
Умении, поступится умом,
Как те плоды учености, в угоду
Муштре, недоброй делают природу
И величайшие ее стремленья
Свободного лишают проявленья
И развернуться дару не дают,
Толкая на рутину и на труд;
А кто меж тем с живым воображеньем,—
Те на ученье смотрят с отвращеньем
И замки их воздушные нестойки
По недостатку знаний о постройке.
Но где даров счастливо совпаденье,
Включая прилежанье и сужденье,
Они стремятся превзойти друг друга,
И ни труда при этом, ни досуга,
В то время как ученые профаны
От сверхусердья рушат все их планы:

Те, чье познанье общества в границах
И компаса ручного уместится,
Туда, однако, простирают руки,
Куда нет доступа любой науке.
Пока к врагу не подойдут солдаты,
Они разумно берегут заряды;
Философы же простирают знанья
На вещи явно вне их досяганья
И помышляют в слепоте надменной
Лишить природу тайны сокровенной
И вторгнуться вульгарно в те владенья,
Куда вторгаться нету позволенья;
И все их знанья — ложь или рутина
Ввиду того, что нету карантина,
В итоге мир тем дальше был отброшен,
Чем больше узнавал, что знать не должен.

САТИРА НА ДУРНОГО ПОЭТА

Великого Поэта вдохновенье
Не ведает натуги и сомненья;
Из золота парнасских кладовых
Чеканит он свой точный, звонкий стих.
Баталий умственных воитель славный,
Как мысль ты миришь с мыслью своенравной?
В твоих стихах слова, равняясь в ряд,
Как добровольцы храбрые стоят,
Не суетясь и не ломая строя,—
Все на местах, все на подбор герои!
А я, несчастный (за грехи, видать,
Судьбой приговоренный рифмовать),
С упорством рабским ум свой напрягаю,
Но тайны сей — увы — не постигаю.
Верчу свою строку и так и сяк,
Сказать желаю *свет*, выходит *мрак*;
Владеет мною *доблести* идея,
А стих подсовывает мне *злодея*,
Который мать ограбил — и не прочь
Продать за деньги собственную дочь;
Поэта восхвалить случится повод,
Вергилий — ум твердит, а рифма — *Говард*.
Ну, словом, что бы в мысли ни пришло,
Все выйдет наизнанку, как назло!

Порой влепить охота оплеуху
Владеющему мною злому духу;
Измученный, даю себе зарок
Стихов не допускать и на порог.
Но Музы, оскорбившись обращеньем,
Являются назад, пылая мщеньем,
Захваченный врасплох, беру опять
Свое перо, чернила и тетрадь,
Увлекшись, все обиды забываю
И снова к Ним о помощи взываю.
Ах, где бы взять мне легкости такой,
Чтоб все тащить в стихи, что под рукой,
Эпитетом затертым не гнушаться,—
Жить, как другие,— очень не стараться?
Я воспевал бы Хлору, чья краса
Давала бы мне рифму *небеса*,
Глаза — *как бирюза*, а губки алы
Тотчас вели бы за собой *кораллы*;
Для прелестей бы прочих был готов
Набор из перлов, звездочек, цветов;
Так, лепеча, что на язык попало,
Кропать стихи мне б ни во что не стало;
Тем более — такая благодать —
Чужой заплаткой можно залатать!
Но вот беда: мой щепетильный ум
Слов не желает ставить наобум,
Терпеть не может пресные, как тесто,
Сравненья, заполняющие место;
Приходится по двадцать раз менять,
Вымарывать и вписывать опять:
Кто только муку изобрел такую —
Упрятать мысль в темницу стиховую!
Забить в колодки разум, чтобы он
Был произволу рифмы подчинен!
Не будь такой напасти, я б свободно
Дни проводил — и жил бы превосходно,
Как толстый поп,— чернил не изводил,
А лишь распутничал бы, ел и пил,
Ночами бестревожно спал в постели,—
И годы незаметно бы летели.
Душа моя сумела б укротить
Надежд и дум честолюбивых прыть,
Избегнуть той сомнительной дороги,
Где ждут одни препоны и тревоги,—

Когда б не Рока злобная печать,
Обрекшая меня стихи писать!
С тех пор как эта тяга овладела
Моим сознаньем властно и всецело
И дьявольский соблазн в меня проник,
Душе на горе, к сочиненью книг,
Я беспрестанно что-то исправляю,
Вычеркиваю здесь, там добавляю
И, наконец, так страшно устаю,
Что волю скверной зависти даю.
О Скудери счастливый, энергично
Кропающий стихи круглогодично!
Твое перо, летая, выдает
По дюжине томов толстенных в год;
И хоть в них много вздора, смысла мало,
Они, состряпанные как попало,
В большом ходу у книжных продавцов,
В большой чести у лондонских глупцов:
Ведь если рифма строчку заключает,
Не важно, что́ строка обозначает.
Да, тот несчастлив, кто по воле муз
Блюсти обязан здравый смысл и вкус;
Хлыщ, если пишет, пишет с наслажденьем,
Не мучаясь ни страхом, ни сомненьем;
Он, сущую нелепицу плетя,
Собою горд и счастлив, как дитя,—
В то время как писатель благородный
Вотще стремится к высоте свободной
И недоволен никогда собой,
Хотя б хвалили все наперебой,
Мечтая, блага собственного ради,
Вовек не знать ни перьев, ни тетради.
Ты, сжалившись, недуг мой излечи —
Писать стихи без муки — научи;
А коль уроки эти выйдут слабы,
Так научи, как не писать хотя бы!

* * *

Каких интриг не видел свет!
Причудлив их узор и след,
Но цель одна: упорно, рьяно
Служить желаньям интригана.

А тот, найдя окольный путь,
Всех одурачит как-нибудь!
Вот потому-то лицемеры
Слывут ревнителями веры,
И свят в молве прелюбодей,
И плут — честнейший из людей;
Под маской мудрости тупица
Глубокомыслием кичится,
И трус в личине храбреца
Грозит кому-то без конца,
И неуч пожинает лавры,
Каких достойны бакалавры.
Тот, кто лишился навсегда
Сомнений, совести, стыда,
Еще положит — дайте срок! —
Себе полмира в кошелек.

* * *

Им все труднее год от года,
Тем, кто живет за счет народа!
Еще бы! Церковь содержи,
И слуг господних ублажи,
Плати правительству проценты
За государственные репты,
Учти налоги, и акцизы,
И рынка частые капризы,
Расходы на войну и мир,
На книги божьи, на трактир;
И, адских мук во избежанье,
Щедрее будь на подаянье.
А если ты владелец стад
И убежденный ретроград —
Изволь за проповедь мученья,
Долготерпенья и смиренья
Сектантам щедрою рукой
Воздать землею и мукой.
Взимают тяжкие поборы
С тебя врачи, и крючкотворы,
И торгаши, и сутенеры,
Блудницы, сводницы и воры,
Грабители, и шулера,
И дел заплечных мастера;

А лорд и джентльмен удачи
Всё норовят не выдать сдачи
С той крупной суммы, что пошла
На их нечистые дела;
Все те бедняги, что богаты,
Несут огромные затраты
На подкуп города, страны,
Земли, Небес и Сатаны.

* * *

Когда бы мир сумел решиться
На то, чтоб глупости лишиться,
То стало б некого винить
И стало б не над кем трунить,
Дел бы убавилось настолько,
Что просто скука, да и только!

* * *

Лев — царь зверей, но сила этой власти
Не в мудрости, а в ненасытной пасти;
Так и тиран, во зле закоренев,
Не правит, а сжирает, словно лев.

* * *

Нет в Англии тесней оков,
Чем власть ленивых стариков!
Одна им ведома забота:
Латают до седьмого пота
Весьма дырявую казну,
Пока страна идет ко дну.
Когда ж их дело вовсе туго —
Спешат к врагу, предавши друга,
И попадаются впросак:
На них плюет и друг и враг.

* * *

У человека каждого во власти
Источник собственных его несчастий;
Но за устройством счастия его
Следит судьбы ревнивой божество;
И если не захочется Фортуне,
То все его старанья будут втуне;
Предусмотрительность — увы — слаба,
Когда распоряжается судьба.
Как разум свой заботами ни мучай,
Всегда найдется неучтенный случай,
И неким злополучным пустячком
Он опрокинет все — одним щелчком!

* * *

Вождь мира — Предрассудок; и выходит,
Как будто бы слепой слепого водит.
Воистину, чей ум заплыл бельмом,
Рад и собаку взять поводырем.
Но и среди зверей нет зверя злее,
Чем Предрассудок, и его страшнее:
Опасен он для сердца и ума
И, сверх того, прилипчив, как чума.
И, как чума, невидимо для глаза
Передается злостная зараза;
Но, в человека отыскавши вход,
До сердца сразу ядом достает.
В природе нет гнуснее извращенья,
Чем закоснелое предрассужденье.

ДЖОН ДРАЙДЕН

МАК-ФЛЕКНО

«Издревле род людской подвержен тленью.
Послушен и монарх судьбы веленью»,—
Так мыслил Флекно. Долго правил он,
Взойдя, как Август, в юности на трон.

Себе и прозой и стихами славу
Он в царстве Глупости снискал по праву
И дожил до седин, из года в год
Приумножая свой обширный род.
Трудами утомлен, бразды правленья
Он вздумал передать без промедленья:
«Из чад своих престол вручу тому,
Кто объявил навек войну уму.
Природа мне велит не первородством
Руководиться, но семейным сходством!
Любезный Шедвелл — мой живой портрет,
Болван закоренелый с юных лет.
Другие чада к слабому раздумью
Склоняются, в ущерб их скудоумью.
Но круглый дурень Шедвелл, кровь моя,
Не то что остальные сыновья.
Порой пробьется луч рассудка бледный,
На медных лбах оставив проблеск бедный.
Но Шедвеллу, в его сплошной ночи,
Не угрожают разума лучи.
Лаская глаз приятностью обличья,
Он создан для бездумного величья,
Как дуб державный, царственную сень
Простерший над поляной в летний день.
О гений тождесловья, ты им крепок,
А Шерли с Хейвудом — твой слабый слепок.
Превыше их прославленный осел,—
Тебе расчистить путь я в мир пришел.
Я, норвичской дерюгой стан и плечи
Одев, учил народ, под стать предтече!
Настроив лютню, о величье дел
Хуана Португальского я пел.
Но это лишь прелюдия звучала,
Вещая дня преславного начало.
Ты веслами плескал, держа свой путь,
И рассекал сребристой Темзы грудь
Перед монаршей баркою, раздутый
Сознаньем сей торжественной минуты.
Случалось ли глупцов, тебе под стать,
На одеялах Эпсома качать?
А струны лютни трепетным аккордом
Твоим перстам ответствовали гордым.
Ты славословьем переполнен был.
Казалось, новый Арион к нам плыл.

Писк дискантов и рев басов твой ноготь
Исторг, стремясь два берега растрогать.
Дошел до Писсинг-Элли твой глагол,
И эхом отозвался Астон-Холл.
А челн, плывущий по реке с рапсодом,
Так окружен был мелким рыбьим сбродом,
Что утренним казался бутербродом.
Стучал ты свитком в такт, как дирижер,
Азартней, чем ногой — француз-танцор.
Бессильны здесь балета корифеи,
Бессильна и стопа твоей «Психеи».
Обильный стих твой смыслом был богат.
В нем тождесловья упадал каскад.
Завистник Синглетон о славе пекся.
Теперь от лютни и меча отрекся,
Виллериуса роль играть зарекся».
Сморкаясь, добрый старый сэр умолк.
«Из мальчика,— решил он,— выйдет толк.
Мы видим по его стихам и пьесам,
Что быть ему помазанным балбесом».
У стен, воздвигнутых Августой (страх
Замкнул ее, прекрасную, в стенах!),
Видны руины. Помня день вчерашний,
Когда они сторожевою башней
Здесь высились, от них превратный рок
Одно лишь имя «Барбикен» сберег.
Из тех руин встают борделей стены —
Приют бесстыдных сцен любви растленной,
Пристанище разнузданных утех;
Хозяйкам стража не чинит помех.
Но есть рассадник возле мест отравных,
Плодящий королев, героев славных.
Смеяться и слезой туманить взор
Там учится неопытный актер.
Там юных шлюх звучит невинный хор.
В сандальях Джонсон, Флетчер на котурнах
Там не могли снискать оваций бурных.
Лишь Симкину доступен был сей храм,
Сей памятник исчезнувшим умам.
Двусмысленности по нутру предместью.
Словесный бой там вел и Пентон с честью.
Среди руин воздвигнуть сыну трон
Тщеславный Флекно возымел резон:
Сам Деккер предрекал: на этой куче,—

Рассудка бич и ненавистник жгучий,—
Успешно воцарится князь могучий,
Создаст «Психею»,— тупости пример,—
И не один Скупец и Лицемер,
Но Реймондов семейство, Брюсов племя
Сойдут с его пера, лишь дайте время!
Молва-императрица всем как есть
Успела раззвонить благую весть.
Узнав, что Шедвелл будет коронован,
Из Банхилла и с Ватлинг-стрит, взволнован,
Поток народ. Украсили отнюдь
Не Персии ковры монарший путь,
Но бренные тела поэтов павших,
На пыльных полках книжной лавки спавших
И жертвой груды «Проповедей» ставших.
На Шерли с Хейвудом свалился груз —
Творенья Шедвелла, любимца муз.
Лейб-гвардию,— мошенников, лукавцев,
Отъявленных лгунов-книгопродавцев,—
Построил Херингмен, их капитан.
Великий старец, думой обуян,
Взошел на трон из собственных созданий,
И, юный, одесную сел Асканий.
Надежда Рима и державы столп,
Он высился в виду несметных толп.
Над ликом брови сумрачно нависли,
Вокруг чела витала скудость мысли.
Как Ганнибал клялся у алтаря,
Враждою к Риму с юности горя́,
Так Шедвелл всенародно дал присягу
До гроба — Глупости служить, как благу,
Престол, отцом завещанный, блюсти
И с Разумом весь век войну вести.
Помазанье свершил святым елеем
Король, поскольку сам был иереем.
Избраннику не шар с крестом златым,
Но кружку с пивом, крепким и густым,
Вложил он в руку левую, а в правой
Был скипетр — атрибут монаршей славы,
«Страна Любви», владычества уставы,
Чем принц руководился с юных лет,
Когда «Психею» произвел на свет.
Помазанника лоб венчали маки.
Был в сем благословенье смысл троякий.

На левом рукаве уселись в ряд
Двенадцать сов,— так люди говорят.
Ведь ястребов двенадцати явленье
Вещало Ромулу судьбы веленье.
И, знаменье истолковав, народ
Слал восхищенья клики в небосвод.
В тумане забытья властитель старший
Затряс внезапно головой монаршей.
Его объял пророческий восторг.
Дар божества он из нутра исторг:
«О небо, с твоего благословенья,
Пускай мой сын вместит в свои владенья
Ирландию с Барба́досом. Пусть он
Превыше моего воздвигнет трон.
Пускай пером своим, набрав разгон,
Перемахнет «Страны Любви» пределы».
Король умолк. «Аминь!» — толпа гудела.
Он продолжал: — «Твой долг — достичь вершин
Невежества и наглости, мой сын!
Работая с бесплодным рвеньем отчим,
Успехам у других учись ты, впрочем!
Хоть «Виртуоза» ты писал пять лет,
Ума в труде твоем ни грана нет.
На сцене Джордж, являя блеск таланта,
Злит Ло́вейта, дурачит Дориманта!
Где Калли с Коквудом — там смех и шум:
Их глупость создал драматурга ум.
Твои ж глупцы, служа тебе защитой,
Клянутся: — «Автор наш — дурак набитый!»
Пусть каждый созданный тобой глупец
Найдет в тебе достойный образец.
Не копии,— твои родные дети! —
Они грядущих досягнут столетий.
Да будут умники твои, мой сын,
Точь-в-точь как ты, притом один в один!
Пусть не шпигует мыслью чужеродной
Сэр Седли прозы Эпсома голодной.
Риторики срывая ложный цвет,
Быть олухом — труда большого нет.
Доверься лишь природе,— мой совет!
Пиши — и красноречия цветочки,
Как Формел, ты взлелеешь в каждой строчке.
Он в «Посвященьях Северных» помог
Непрошеным пером украсить слог.

Искать враждебной Джонсоновой славы —
Худых друзей отринь совет лукавый,—
Чтоб зависть к дяде Оглеби зажгла
Твой дух, и папы Флекно похвала.
Ты — кровь моя! Ни родственные узы
Нас не связали с Джонсоном, ни музы.
Ученость он клеймит ума тавром,
На стих чужой обрушивает гром.
Как принц Никандр, любовью неуемной
Надокучает он Психее томной
И в прах напев ее разносит скромный.
Дешевку продает за чистоган;
Театр суля, готовит балаган.
У Флетчера накрал он отовсюду!
Так Этериджа ты в свою посуду
Сцедил, чтоб масло и вода текли
К тебе, а мысли чтоб на дно легли.
Обычай твой — не повторяя дважды,
Сплесть шутку новую для пьесы каждой.
Лишь в юморе я вижу цель и суть.
Мне предначертан скудоумья путь.
Писания твои перекосила
Влекущая в том направленье сила.
Равнять ты брюхо с брюхом не спеши:
Твое — тимпан возвышенной души!
Ты бочку бы в себя вместил с излишком,
Хоть полбочонка не займешь умишком!
В трагедии твой вялый стих смешон.
Комедия твоя наводит сон.
Хоть желчи преисполнен ты сугубой,
Твоя сатира кажется беззубой.
С пером твоим ирландским, говорят,
Соприкоснувшись, умер злобный гад,
Что в стих тебе вливал змеиный яд.
Не ямбов едких славою заемной
Прельщайся ты, но анаграммой скромной.
Брось пьесы! Вместо сих забав пустых
Ты облюбуй край мирный, Акростих.
Восставь алтарь, взмахни крылами снова,
На тысячу ладов терзая слово.
Своим талантам не давай пропáсть!
На музыку свой стих ты мог бы класть
И распевать под звуки лютни всласть».
Но люк открывшим Лонгвиллу и Брюсу

Совет певца пришелся не по вкусу.
Его спихнули вниз, хоть бедный бард
Пытался кончить речь, войдя в азарт.
Задул подземный вихрь, и седовласый
Певец расстался вмиг с дерюжной рясой,
Что осенила плечи лоботряса.
При этом награжден был сын родной
Ума отцова порцией двойной.

ГИМН В ЧЕСТЬ СВ. ЦЕЦИЛИИ, 1687

Из благозвучий, высших благозвучий
Вселенной остов сотворен:
Когда, на атомы разъят,
Бессильно чахнул мир,
Вдруг был из облаков
Глас вещий, сильный и певучий:
«Восстань из мертвецов!»
И Музыку приняли тучи,
Огонь и сушь, туман и хлад,
И баловень-зефир.
Из благозвучий, высших благозвучий
Вселенной остов сотворен
И Человек, венец созвучий;
Во всем царит гармонии закон,
И в мире всё суть ритм, аккорд и тон.

Какого чувства Музыка не знала?
От раковины Иувала,
Так поразившей вдруг его друзей,
Что, не стыдясь нимало,
Они молились ей,
Звук для людей — всегда богов начало:
Ведь не ракушка, словно жало,
Сердца людские пронизала.
Какого чувства Музыка не знала?

Звонкий возглас медных труб
Нас зовет на сечь;
Пред глазами бой, и труп,
И холодный меч.

Громко, грозно прогремит
Чуткий барабан:
«Здесь предательство, обман;
Пли, пли по врагу»,— барабан велит.

Про горе, про обиду
Сердечных неудач
Расскажет флейты плач;
Отслужит лютня панихиду.

Пенье скрипок — драма:
Жажда встречи, скорбь разлуки,
Ревность и страданье в звуке;
В вихре этой страстной муки
Скрыта дама.

Но в мире нет искусства,
Нет голоса, нет чувства,
Чтоб превзойти орган!
Любовь он воспевает к богу,
И мчит его пеан
К горнему порогу.

Мог примирить лесных зверей
И древо снять с его корней
Орфей игрой на лире.
Но вот Цецилия в своей стихире,
К органу присовокупив вокал,
Смутила ангела, который
За небо землю посчитал!

БОЛЬШОЙ ХОР

Подвластно звукам неземным
Круговращенье сфер;
Вняв им, господь и иже с ним
Нам подали пример.
Но помните, в последний час
Не станет Музыки для нас:
Раздастся только рев трубы,
Покинут мертвецы гробы,
И не спасут живых мольбы.

НА СМЕРТЬ МИСТЕРА ГЕНРИ ПЕРСЕЛЛА

Послушай в ясный полдень и сравни
Малиновки и коноплянки пенье:
Как напрягают горлышки они,
Соперничая искони
В своем весеннем вдохновенье!
Но если близко ночи наступленье,
И Филомела меж ветвей
Вступает со своей
Мелодией небесной,
Тогда они смолкают в тот же миг,
Впивая музыки живой родник
И внимая в молчанье, в молчанье внимая, внимая
Той песне чудесной.

Так смолкли все соперники, когда
Явился Перселл к нам сюда:
Они в восторге онемели,
И если пели —
То только славу дивного певца;
Не ждали мы столь скорого конца!
Кто возвратит нам нашего Орфея?
Не Ад, конечно; Ад его б не взял,
Остатком власти рисковать не смея.
Ад слишком хорошо узнал
Владычество гармонии всесильной:
Задолго до того
Проникли в царство тьмы мелодии его,
Смягчив и сгладив скрежет замогильный.

Но жители небес, услышав с высоты
Созвучия волшебной красоты,
К певцу сошли по лестнице хрустальной
И за руку с собою увели
Прочь от земли,
Вверх по ступеням гаммы музыкальной:
И все звучал, звучал напев прощальный.

А вы, шумливых музыкантов рать!
Пролив слезу, вам надо ликовать:
Дань Небу отдана, и вы свободны;
Спокойно можно жить да поживать.
Богам лишь песни Перселла угодны,
Свой выбор превосходный
Они не собираются менять.

СТРОКИ О МИЛЬТОНЕ

Родили три страны Поэтов трех —
Красу и славу трех былых Эпох.
Кто был, как Эллин, мыслями высок?
Мощь Итальянца кто б оспорить мог?
Когда Природа все им отдала,
Обоих в сыне Англии слила.

ПИР АЛЕКСАНДРА, ИЛИ ВСЕСИЛЬНОСТЬ МУЗЫКИ

Персов смяв, сломив весь мир,
Задал сын Филиппа пир —
Высоко́ над толпой
Богозванный герой,
Властелин и кумир;
Соратники-други — кру́гом у трона,
На каждом — венок, будто славы корона;
Розы кровавят бесцветье хитона.
А рядом с ним, как дар востока,
Цветет Таис, прекрасноока,
Царица юная порока.
Пьем за счастье этой пары!
Лишь герои,
Лишь герои,
Лишь герои могут все, не пугаясь божьей кары.

Искусник Тимофей
Чуть прикоснулся к лире,
И в тишине, при смолкшем пире,
Песнь полилась, и вняли ей
В заоблачном эфире.
К Юпитеру сначала
Небесная мелодия воззвала,
И вот явился он средь зала!
Из зрителей исторгнув вздох,
Драконом обратился бог,
К Олимпии проделал путь,
Нашел ее крутую грудь,
Свился вкруг талии кольцом
И лик свой начертал драконовым хвостом.

Тонули звуки в восхищенном гуде,
Благовестили своды зал о чуде;
«Кудесник Тимофей!» — кричали люди.
Проняло царя:
Милостью даря,
Он певцу кивнул,
И раздался гул,
Словно земли отозвались и моря.

Затем искусник Вакху спел хвалы,
Ему, чьи шутки вечно юны, веселы.
Барабаны зыблют пол,
Торжествуя, бог пришел:
Гроздья алые в венце,
Благодушье на лице;
А теперь пора гобоям: «Бог пришел, бог пришел!»
Он, чьи игры веселы,
Утешитель всякой боли,
Даровавший благодать,
Усладивший хмелем рать;
Благодать
Солдату внять
Зову сладкой, пьяной воли.

Сумрачно стало на царском престоле:
Вновь будет драться владыка, доколе
Вновь не полягут враги, как колоды, на поле.
Зарделись щеки, вызрел гнев,
Теперь пред Тимофеем — лев,
Но музыкант не о гордыне
Запел тотчас — среди пустыни
Раздался Музы плач:
Идти тропой удач
Сумел недолго Дарий —
Увы, всесильный рок
Погубил, погубил, погубил его;
Какой в величье прок,
Ведь мертвый ниже парий.
Вот он, призрак славы бренной:
Средь пустыни убиенный
Отдан коршунам и гадам,
А друзья... их нету рядом.
Понял великий воитель намек:
Изменчивый нрав у Фортуны,
И дар ее только ли розы?

Вздыхают, печалятся струны,
И катятся царские слезы.

Певец-волшебник уловил,
Что час любви теперь пробил;
Увы, бывают схожи звуки
Печали и любовной муки.
Лидийцев чувственных нежней
Играл великий Тимофей.
Война — он пел — одна тревога,
А честь — былинка-недотрога;
Войны пребесконечны беды,
И нет конца им, нет и нет,
Сегодня ты кумир победы,
Так отдохни же от побед.
Возвеселись — Таис прекрасна,
И не гневи богов напрасно!
Шум в небесах был знаком одобренья,
Любовь торжествовала, смолкло пенье.
Царь, не подняв склоненной выи,
Взглянул на ту,
Чью красоту
Он видел, да, конечно, видел,
Но видел словно бы впервые.
И тут вина и страсти внятен стал язык,
И властелин к своей возлюбленной приник.

Ударьте в лиры золотые,
Порвите струны их витые!
Разрушьте властелина сон,
Как громовержец, да восстанет он.

Громче, громче хор;
Барабаны, крики,
Суровеют лики,
Смутен царский взор.
Месть, месть, месть — крик, как вопль бури,—
Посмотри на Фурий!
В их власах, ты видишь,— змеи
Все сильней шипят и злее.
Видишь, пламя в их глазах — не до снов!
Факелы — певцам,
Отомстим врагам!

Слышишь, тени павших греков, как витии,
Говорят нам — вас, живые,
Ждут деяния святые:
Отомстите же за павших,
Славы так и не узнавших!
Смотрите, как пылают факелы,
Они нам указуют путь; смотрите — там
Уже горит богов персидских храм.
Бьют кулаками воины в колена,
Царь впереди и с ним Таис-Елена;
От этой новой Трои
Останется ль иное,
Чем запах гари, запустения и тлена?!

Вот так, давным-давно,
Когда в мехах хранилось лишь вино —
Не звуки для органа,
При помощи тимпана
И лиры Тимофей
Мог разъярять, мог размягчать сердца людей.
Открыта милостию бога
Была Цецилии дорога;
Столь сладкогласой мир не знал певицы,
К тому ж орган, ее творенье,
Так увеличил Музыки владенья,
Что Музыка смогла с Природою сравниться.
Двум Музыкантам по заслугам воздадим:
Он смертных возносил на небеса,
Она искусством неземным своим
Здесь, на земле, творила чудеса.

ПРЕКРАСНАЯ НЕЗНАКОМКА

Я вольным был, обрел покой,
Покончил счеты с Красотой;
Но сердца влюбчивого жар
Искал все новых Властных Чар.

Едва спустилась ты в наш Дол,
Я вновь Владычицу обрел.
В душе царишь ты без помех,
И цепь прочнее прежних всех.

Улыбка нежная сильней,
Чем Армия Страны твоей;
Войска легко мы отразим,
Коль не хотим сдаваться им.

Но глаз дурманящая тьма!
Увидеть их—сойти с ума.
Приходишь ты—мы пленены.
Уходишь—жизни лишены.

ПЕСНЬ

1

К Аминте, юный друг, пойди,
Поведай, что в моей груди
Нет сил на стон, на звук живой —
Но чист и ясен голос твой.
Чтоб горестный унять пожар,
Шлют боги нежных песен дар.
Пусть выскажет щемящий звук
Скорбь тех, кто онемел от мук.

2

Подарит вздох? Слезу прольет?
Не жалостью любовь живет.
Душа к душе устремлена,
Цена любви — любовь одна.
Поведай, как я изнемог,
Как недалек последний срок;
Увы! Кто в скорби нем лежит,
Ждет Смерти, что глаза смежит.

ПОРТРЕТ ХОРОШЕГО ПРИХОДСКОГО СВЯЩЕННИКА, ПОДРАЖАНИЕ ЧОСЕРУ, С ДОБАВЛЕНИЯМИ ОТ СЕБЯ

Священник тот был худощав и сух,
В нем различался пилигрима дух;
И мыслями и поведеньем свят,
И милосерден был премудрый взгляд.

Душа богата, хоть наряд был плох:
Такой уж дал ему всесильный Бог —
И у Спасителя был плащ убог.
Ему под шестьдесят, и столько ж лет
Еще прожить бы мог, а впрочем, нет:
Уж слишком быстро шли года его,
Посланника от Бога самого.
Чиста душа, и чувства как в узде:
Он воздержанье проявлял везде;
Притом не выглядел как записной аскет:
В лице его разлит был мягкий свет.
Неискренность гнезда в нем не свила,
И святость не назойлива была;
Слова правдивы — так же, как дела.
Природным красноречьем наделен,
В суровой проповеди мягок он;
Ковал для паствы правила свои
Он в золотую цепь святой любви,
Священным гимном слух ее пленял —
Мелодий гармоничней рай не знал.
Ведь с той поры, как царь Давид почил,
В дар от царя он лиру получил,
Вдобавок — дивный, сладкозвучный глас,—
Его преемником он стал сейчас.
Взор предъявлял немалые права,
Но были добрыми его слова,
Когда о радостях иль муках напевал,
На милосердье Божье уповал,
Хоть за грехи корить не забывал.
Он проповедовал Завет, а не Закон,
И не преследовал, а вел по жизни он:
Ведь страх, как стужа, а любовь — тепло,
Оно в сердцах и душах свет зажгло.
Порой у грешника к угрозам страха нет:
Грехами он, как в плотный плащ, одет,
Но милосердья луч блеснет сквозь тьму —
И в тягость плащ становится ему.
Грохочут громы в грозовые дни —
Вестовщики Всевышнего они;
Но гром умолкнет, отшумев вокруг,
Останется Господень тихий звук.
Священник наш налогов не просил —
Брал десятину с тех, кто сам вносил,

На остальных не нагонял он страх,
Не проклинал их с Библией в руках;
Был терпелив со злом: считал, что всяк
Свободен избирать свой каждый шаг,
И скряги местные, чья суть одна —
Поменьше дать, а взять всегда сполна,—
Ему на бедность не давали ничего
И за терпимость славили его.
А он из жалких выручек своих
Кормил голодных, одевал нагих;
Таков уж, видно, был зарок его:
«Бедней меня не будет никого».
Он всюду говорил: духовный сан
Нам Господом для честной службы дан;
Нет мысли «для себя», но лишь — «для всех»;
Богатства цель — улучшить участь тех,
Кто беден; если же бедняк украл,
Ему казалось, это сам он брал.
Приход его велик: не города́,
Но много малых ферм вошло туда,
И все же успевал он, день иль ночь,
Опасности отбрасывая прочь,
Помочь больным и страждущим помочь.
Добряк наш сам вершил всю уйму дел,
Помощников он вовсе не имел,
Ни у кого подспорья не просил,
Но сам трудился из последних сил.
Не ездил он на ярмарку в собор,
Там не вступал в торги и в разговор,
При помощи улыбок и деньжат,
Про синекуру и епископат.
Свое он стадо от волков стерег,
Их не пускал он близко на порог,
И лисам тоже это был урок.
Смирял он гордых, грешников прощал,
Обидчиков богатых укрощал;
Ну, а молитвой подтверждал дела
(Правдива проповедь его была).
Он полагал, и дело тут с концом:
Священнику быть нужно образцом,
Как золото небес быть должен он —
Чтоб сам Господь был блеском поражен.
Ведь если будут руки нечисты,
То даже соверéн окислишь ты.

Прелата он за святость одобрял,
Но светский дух прелатства презирал —
Спаситель суеты ведь не терпел:
Не на земле он видел свой предел;
Сносить нужду, смирять свой жадный пыл —
Так церковь Он и слуг ее учил,
При жизни и когда распятым был.
За то венцом терновым награжден;
В порфире Он распят, но не рожден,
А те, кто спорят за места и за чины,
Те не Его, а Зеведеевы сыны.
Когда б он знал, земная в чем игра,
Наследником святого б стал Петра —
Власть на земле имел бы и средь звезд...
Властитель суетен бывал, рыбак был прост.
Таким вот слыл священник в жизни сей,
Обличье Господа являя, как Моисей.
Бог порадел, чтоб ярким образ был,
И собственный свой труд благословил.
Но искуситель не дремал в тот час.
И он, завистливо прищуря глаз,
Над ним проделал то, что сатана
Над Йовом в былые времена.
Как раз в те дни был Ричард принужден
Счастливцу Генриху оставить трон;
И, хоть владыке сил не занимать,
Пред ним сумел священник устоять.
А новый властелин, пусть не чужак,
Но не был прежнему родней никак.
Своей рукой мог Ричард власть отдать:
Ведь бóльшего, чем есть, не потерять;
А был бы сын — и право с ним опять...
«Завоеванье» — слово здесь не то:
Отпора не давал вообще никто;
А льстивый поп сказал в ту пору так:
Династий смена — Провиденья знак.
Сии слова оправдывали тех,
Кто в будущем свершит подобный грех.
Права людские святы искони,
И судьями пусть будут лишь они.
Священник выбор тот принять не мог:
Знал — перемены не желает Бог;
Но не словам, а мыслям дал он ход,
Не изгнан, сам оставил свой приход

И по стране побрел — в жару ль, в мороз —
Апостольское слово он понес;
Всегда обетам верен был своим,
Его любили, знали, шли за ним.
Не для себя просил у Бога он —
Был даром милосердья наделен,
И доказал он на самом себе,
Что бедным быть — не худшее в судьбе.
Он не водил толпу к святым мощам,
По пищею духовной насыщал...
Из уваженья к образу его
Я не скажу о прочих ничего:
Брильянту ведь нужды в оправе нет —
И без нее он дарит яркий свет.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО МОЕМУ ДОРОГОМУ ДРУГУ, МИСТЕРУ КОНГРИВУ, ПО ПОВОДУ ЕГО КОМЕДИИ ПОД НАЗВАНИЕМ «ДВОЙНАЯ ИГРА»

Итак, в комедии взошло светило,
Что звезды века прошлого затмило.
Длань наших предков, словно божий гром,
Врагов мечом разила и пером,
Цвел век талантов до потопа злого.
Вернулся Карл — и ожили мы снова:
Как Янус, нашу почву он взрыхлил,
Ее удобрил, влагой напоил,
На сцене, прежде грубовато-шумной,
Верх взяли тонкость с шуткой остроумной.
Мы научились развивать умы,
Но в мощи уступали предкам мы:
Не оказалось зодчих с должным даром,
И новый храм был несравним со старым.
Сему строенью, наш Витрувий, ты
Дал мощь, не нарушая красоты:
Контрфорсами усилил основанье,
Дал тонкое фронтону очертанье
И, укрепив, облагородил зданье.
У Флетчера живой был диалог,
Он мысль будил, но воспарить не мог.

Клеймил пороки Джонсон зло и веско,
Однако же без Флетчерова блеска.
Ценимы были оба всей страной:
Тот живостью пленял, тот глубиной.
Но Конгрив превзошел их, без сомненья,
И мастерством, и силой обличенья.
В нем весь наш век: как Сазерн, тонок он,
Как Этеридж галантно-изощрен,
Как Уичерли язвительно-умен.

Годами юн, ты стал вождем маститых,
Но не нашел в соперниках-пиитах
Злой ревности, тем подтверждая вновь,
Что несовместны зависть и любовь.
Так Фабий подчинился Сципиону,
Когда, в противность древнему закону,
Рим юношу на консульство избрал,
Дабы им был обуздан Ганнибал;
Так старые художники сумели
Узреть маэстро в юном Рафаэле,
Кто в подмастерьях был у них доселе.

Сколь было б на душе моей светло,
Когда б мой лавр венчал твое чело!
Бери, мой сын,— тебе моя корона,
Ведь только ты один достоин трона.
Когда Эдвард отрекся, то взошел
Другой Эдвард, славнейший, на престол.
А ныне царство муз, вне всяких правил,
За Томом первым Том второй возглавил.
Но, узурпируя мои права,
Пусть помнят, кто здесь истинный глава.
Я предвещаю: ты воссядешь скоро
(Хоть, может быть, не тотчас, не без спора)
На трон искусств, и лавровый венец
(Пышней, чем мой) стяжаешь наконец.

Твой первый опыт говорил о многом,
Он был свершений будущих залогом.
Вот новый труд; хваля, хуля его,
Нельзя не усмотреть в нем мастерство.
О действии, о времени, о месте
Заботы пелегки, но все ж, по чести,
Трудясь упорно, к цели мы придем;
Вот искры божьей — не добыть трудом!

Ты с ней рожден. Так вновь явилась миру
Благая щедрость, с каковой Шекспиру
Вручили небеса златую лиру.

И впредь высот достигнутых держись;
Ведь некуда уже взбираться ввысь.
Я стар и утомлен,— приди на смену;
Неверную я покидаю сцену;
Я для нее лишь бесполезный груз,
Давно живу на иждивенье муз.
Но ты, младой любимец муз и граций,
Ты, кто рожден для лавров и оваций,
Будь добр ко мне: когда во гроб сойду,
Ты честь воздай и моему труду,
Не позволяй врагам чинить расправу,
Чти мной тебе завещанную славу.
Ты более чем стоишь этих строк,
Прими ж сей дар любви: сказал — как мог.

МИКЛОШ ЗРИНИ

ВРЕМЯ И СЛАВА

Время на крыльях летит,
Не ожидая, спешит,
Мчится, как бурный поток.

Ты его не повернешь,
Богатыря не найдешь,
Чтоб задержать его мог.

Бедного и богача,
Слабого и силача —
Всех победит оно в срок.

В мире не подчинено
Времени только одно,
Только одно перед ним,

Перед разящей косой,
Перед губящей красой
Не разлетится, как дым.

Только лишь слава одна,
Слава на свете вечна,
Трон ее неколебим.

Нет, я пишу не пером,
А обагренным мечом,

Нет, мне не надо чернил,
Кровью я здесь начертил
Вечную славу мою.

В гроб ли положат меня, солнце ли прах мой сожжет,—
Только бы не потерять честь, когда гибель придет.
Пусть меня ворон склюет, пусть загрызет меня волк,—
Будет земля подо мной, а надо мной небосвод.

СИГЕТСКОЕ БЕДСТВИЕ

(Из поэмы)

Фаркашича уж нет. Пришел его черед.
Пред господом душа героя предстает,
А Зрини горестный над гробом слезы льет
И, жалуясь на рок, такую речь ведет:

«О, переменчивый несправедливый рок!
Героя славного зачем от нас увлек?
Зачем для подвигов его не поберег?
Фаркашич храбрый мертв, а быть живым он мог.

О жизнь, ты коротка, ты молнии быстрей,
Пересыхаешь вдруг, как в жаркий день ручей,
От нас уходишь ты, когда всего нужней,
Бежишь в небытие, как росы от лучей.

Как росы от лучей, как сладкий сон от глаз,
Как дымы от костра, который вдруг погас,
Как стая облаков от ветра в бури час,
Как снег от пламени,— так жизнь бежит от нас.

Поганый змей ползет, шипя, на жаркий склон,
Угрюмой старостью ничуть не угнетен,
Не страшен для него жестокий бег времен,
Он шкуру сбросит прочь — и станет юным он.

А человек не то. Хоть создало его
Почти по своему подобью божество,
Ему не принесет спасенья ничего,
И ждет его в конце лишь смерти торжество.

Стареет вся земля осеннею порой,
Но молодеет вновь цветущею весной,
И солнце вечером уходит на покой,
Но ясным утром вновь сияет над горой.

И только мученик несчастный, человек,
Уходит навсегда, бросает мир навек.
Неиссякаемы, глубоки воды рек,
И невозвратен лишь горячей крови бег.

Да, вечны воды, лес, земля, и лишь один
Мгновенен человек, их царь и господин.
Создатель прочных стен, стоящих тьму годин,
Не доживает он порой и до седин.

Лишь добродетелям могила не предел,
Тот будет вечно жить, кто справедлив и смел,
Пребудет навсегда величье добрых дел,
Бессмертье славное — счастливый их удел.

Фаркашич, дел твоих векам не расколоть.
Пусть тяжкая земля твою укрыла плоть,
Но подвигами смерть умел ты побороть,
И правою рукой вознес тебя господь.

Ты будешь награжден за твой упорный труд,
Крылами ангелы кровь ран твоих утрут.
За то, что родине служил ты верно тут,
Там, в небесах, тебе блаженством воздадут».

ИШТВАН ДЁНДЕШИ

КУЗНЕЦЫ

(Из поэмы «Памяти Яноша Кеменя»)

И вот уже зовут искусных мастеров,
Не тех, что красят ткань во множество цветов,
Не тех, что создают изделья из шелков,
А Бронтов молодых, могучих кузнецов,

Сейчас покинувших угрюмой Этны свод,
Пещеру, где Вулкан по наковальне бьет.
Явились шестеро, шагнув из тьмы вперед,
Из их косматых ртов горячий дым идет,

Блестят железные опилки на щеках,
И угольная пыль лежит на их плечах,
Ожоги давние краснеют на локтях,
Большие молоты в могучих их руках.

От копоти они как дьяволы черны,
Концы усов, бород огнем обожжены,
Их брови пламенем давно опалены,
От жара лица их суровые красны.

Но богатырская и мощь у них, и стать,
Огромных гор хребты могли б они поднять,
Все, что задумают, по силам им создать,
Железу звонкому любую форму дать.

Железа фунтов сто тем кузнецам несут.
Пусть наколенники для Кеменя скуют —
Два панциря для ног. Они с размаха бьют.
О, как упорен их поспешный умный труд!

Дохнули в горн мехи дыханьем огневым,
Как будто над огнем Эуры крутят дым,
Как будто сам Вулкан бьет молотом своим,
Как будто трудятся циклопы вместе с ним.

Железо докрасна в огне накалено,
Освобождается от ржавчины оно.
Все шатким пламенем вокруг озарено,
Румяным отблеском огня напоено.

Один работает мехами, а другой
Мешает уголья огромной кочергой,
Тот брызжет в жаркий горн холодною водой,
А этот — длинный брус клещами гнет дугой.

Железный черный брус в зари окрашен цвет,—
Как будто ночи тьму вдруг озарил рассвет,—
На нем ни ржавчины, ни грязных пятен нет,
В податливых боках глубоких вмятин след.

Тяжелых молотов стремителен полет,
Кузнец за кузнецом по очереди бьет,
Большими каплями с их тел стекает пот,
Рой искр взлетающих блестит, жужжит, поет.

Уж солнце ясное давным-давно зашло,
А в старой кузнице по-прежнему светло.
И светится она, ночным теням назло,
Как Этны огненной бурлящее жерло.

Пучки горячих искр созвездиям сродни,
Как множество комет, они летят, взгляни,
Пронизывая тьму полуночи, они
Бесчисленнее, чем болотные огни.

У кузнецов ушло железа пять кусков.
Из наколенников один уже готов.
Мелькают молоты могучих молодцов,
Куются обручи из выгнутых брусков.

Готов уж и второй. Все кончено. И вот
На наколенники вода, шипя, течет,
И пара белый столб до потолка встает,
А кузнецы со лбов и шей стирают пот.

ИЗ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

ПЕСНЯ ЯКАБА БУГИ

— Что, земляк, печалишься, что глядишь с тоскою?
Бог-господь поможет — станет жизнь другою.
Солнышко пригреет — луг зазеленеет,
Мы по белу свету вновь пойдем с тобою.

— Как же не печалиться, коль печаль за мною
Днем и ночью ходит, друг ты мой желанный,
Коль такой мне выпал жребий окаянный,
Коль грызут заботы сердце беспрестанно?

Доломан мой порван — тело видно стало,
На штанах заплаты — не сочтешь, пожалуй,
Шляпа так свалялась, что пиши пропало,
Ветхий полушубок лоснится от сала.

Плащ мой износился на дожде, на стуже,
В тряпки превратился — ни на что не нужен,
Сапоги ж такие, что не сыщешь хуже,—
Вот дела какие, мой бесценный друже!

Корма нет, и лошадь в клячу превратилась,
На седле давно уж стерлись украшенья.
А на дом посмотришь — крыша провалилась,—
Всюду запустенье, всюду разрушенье.

Хлеб доеден, мяса ж вовсе не бывало,—
И в желудке пусто, и в кармане пусто:
Денег от работы достается мало,
А сказать по правде — их совсем не стало.

Конь пристал — подкова, видишь, оторвалась,—
Этакое горе, этакая жалость!
Подкуешь — поедешь. А не то — осталось
Пешему по свету поскитаться малость.

Мех на волчьей шкуре клочьями повылез,
На гвозде покрылась паутиной фляга.
Вся черна от грязи белая рубаха,
Вши по ней гуляют целою ватагой...

Ну, да ну их к черту, все невзгоды эти!
Как-нибудь, а все же проживу на свете.
Лягу брюхом к солнцу, если в брюхе пусто,
Трубку закурю я — дешево и вкусно.

КУРУЦ В ИЗГНАНИИ

На чужой, на неприютной,
На неласковой земле
Он — один в лесу дремучем
С горькой думой на челе.

На него деревья тихо
Осыпают желтый лист.
И, на скорбный плач похожий,
Раздается птичий свист.

Конь пасется, не расседлан,
У седла повис кинжал —
Тот, которым прямо в сердце
Куруц немцев поражал.

Белый плащ турецкий брошен
На помятую траву.
На него склоняет куруц
Непокрытую главу.

Все печальней птичье пенье,
Все тревожней лес шумит.
И одна на сердце дума —
Спит ли куруц иль не спит:

«Что за мир, когда в изгнанье,
В край чужой солдат идет.
Если мать о нем и плачет,
То народ его клянет.

Что за мир, коль нет приюта
Для солдата, для бойца.
Только горы, только скалы,
Только темные леса.

Нашу скорбную дорогу
Заметает листопад,
И оплакивают птицы
Нашу славу, друг-солдат.

Я уйду — и не узнать вам,
Где, в какой я стороне.
А узнали б, так, наверно,
Тоже плакали по мне.

Я возьму поводья в руки,
Ногу в стремя я вложу:
Из родного края в Польшу
Ухожу я, ухожу.

Бог с тобой, земля родная,
Что ты стала вдруг чужой.
Но одну тебя люблю я
Всею кровью, всей душой».

Так он с родиной простился,—
Нет ему пути назад.
Под печальный шум деревьев
Едет изгнанный солдат.

Пусть же тень его укроет,
Пусть тропа его ведет,
Пусть хотя б в воспоминаньях
Утешенье он найдет.

Эту песню мы сложили
Там — над Ужем, над рекой,
В час, когда мы уходили,
Покидая край родной.

ПАЛКО ЧИНОМ

Палко Чином, Янко Чином,
Карабин мой костяной.
Патронташ мой шелковистый,
Пистолет мой нарезной!

Выпьем, храбрые солдаты,
Для здоровья по одной,—
Выпьем, спляшем, погуляем —
Кто с невестой, кто с женой!

Для печали нет причины,—
Нынче в Альфельд мы идем,
Чванных немцев-иноземцев
Расколотим, разобьем!

Между Тисой и Дунаем
Путь свободен, друг-солдат!
Если ж немца повстречаем —
Значит, сам он виноват.

Мы покажем иноземцам,
Мы докажем им в бою
Силу нашего народа,
Честь солдатскую свою.

Улепетывает немец,
Даже бросил свой фитиль.
Шляпа — старый гриб осенний —
С головы слетает в пыль.

Храбрый куруц не боится,
Не страшится ничего.
Он — в богатом доломане,
Конь горячий у него.

У него сверкают шпоры
Да на красных сапогах.
Если ж он обут и в лапти,
То портянки — в жемчугах.

Сабля золотом покрыта —
Солнца ясного ясней.
Из куницы шапка сшита,
И звезда видна на ней.

Куруц — бархат драгоценный,
Изумруд — жена его.
Немец — тряпка. А с женою —
Лихорадка у него.

Пусть же немцы уберутся
Поскорее с наших глаз.
А не то — такое будет!
Не пеняют пусть на нас.

ЖЕНА КАМЕНЩИКА КЕЛЕМЕНА

Было их, было двенадцать по счету,
Каждый на крепости Дэва работал,—
Стены из камня они воздвигали.
Только те стены недолго стояли:
За день поставят — разрушатся ночью,
За ночь поставят — разрушатся утром.

Келемен дал нерушимое слово:
«Чья бы жена ни явилася первой,—
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем, чтоб, скрепленная кровью,
Наша твердыня стояла вовеки...»

Келемен видит: жена его первой
К крепости Дэва несет ему завтрак,—
На голове поместила корзинку,
А на руках ее — малый ребенок...

«Господи, господи! Лютого зверя
Ты перед нею поставь на дороге,—
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

«Господи, господи! Пусть ее лучше
Каменный дождь осыпает из тучи,—
Может, вернется...»
Но нет, не вернулась.

«Здравствуйте, здравствуйте, добрые люди!
Боже мой, боже мой! Что это значит?
Всем поклонилась, а вы — как немые...»

«Келемен — муж твой — дал клятву такую:
Чья бы жена ни явилася первой,—
Камнем обложим ее, замуруем
И обожжем...
Ты явилася первой».

«Что ж, если он меня так ненавидит,
Я соглашаюсь...»

Сняли корзинку и взяли малютку,
Стали закладывать женщину камнем:
Скрылись колени — считала за шутку,
Скрылся живот — почитала за глупость,
Грудь заложили — поверила: правда!

«Мальчик мой! Люди тебя не оставят:
Добрая женщина грудью накормит,
Добрые дети с тобой поиграют,
Птицы тебя убаюкают пеньем,
Мальчик мой милый!..»

«Где моя мама, отец мой, отец мой!»
«Полно, малютка, воротится к ночи».
Ночь наступила, а матери нету...

«Где ж моя мама, отец мой, отец мой!»
«Полно, сыночек, под утро вернется».
Утро проходит, а матери нету...
Умерли оба...

АННА МОЛНАР

В путь собрался Мартон Айго,
В путь — в далекую дорогу.
Повстречал он Анну Молнар
У домашнего порога.

— Не пойду я, Мартон Айго,
На кого я дом покину?
На кого оставлю мужа
И трехмесячного сына?
Будет плакать сын мой милый.

Не пошла. Похитил силой.
Двое скачут по дороге.
Друг за другом едут двое.
Под ветвистым старым дубом
Оба спешились от зноя.

— Посмотри в глаза мне, Анна.
Отчего лицо ты прячешь?
На щеках я вижу слезы,—
Ты о чем, голубка, плачешь?

Отвечает Анна Молнар:
— Что вы, сударь! Я не плачу,
То роса с вершины дуба
Пала каплею горячей.

По ветвям взобрался Айго
И с вершины на поляну
Уронил палаш свой острый...
— Подыми! — он просит Анну.

Но она швырнула метко
Тот палаш с такою силой,
Что и рыцаря и ветку
Пополам перерубила.

А потом, сорвав доспехи
С остывающего тела,
Доломан его широкий
На себя она надела.

Возвратилась Анна Молнар
Поздним вечером к воротам,
И знакомый голос мужа
Со двора окликнул: — Кто там?

— Приюти меня, хозяин,
Тьма спускается ночная!
— Не могу, почтенный рыцарь,
Как зовут тебя, не знаю.

— Приюти меня, хозяин.
Только ночь переночую.
— Не проси, любезный рыцарь,
Рад впустить, да не могу я.

— Не забуду я, хозяин,
Никогда твоей услуги! —
И впустил он Анну Молнар,
Не узнав своей супруги.

— Извини меня, хозяин,
Что не вовремя разбужен.
Не достанешь ли в деревне
Для меня винца на ужин?

А сама пошла к постели,
Где лежал младенец милый,
Доломан свой расстегнула,
Сына грудью покормила.

КАТА КАДАР

Мартон Дюла Кату Кадар —
Дочь родную крепостного,—
С первых встреч и с первых взглядов
Полюбил и дал ей слово.

«Мать родная, мать родная,
Дорогая!
Окажите, окажите
Милость мне большую:
Взять женою разрешите
Кату Кадар — крепостную».

«Не могу я дать такого
Позволенья сыну,—
Ты венчайся, Мартон Дюла,
С дочкой дворянина».

«Нет, не надо мне, не надо
Дочку дворянина:
Полюбил я Кату Кадар,—
Разве ж я покину?»

«Если так, то я отвечу —
Не раскаюсь:
От тебя я, Мартон Дюла,
Отрекаюсь...»

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
Готовь мне карету —
Поеду скитаться
По белому свету».

Отъезжает Мартон, Ката смотрит в очи
И ему на память
Дарит свой платочек:
«Если мой платочек цветом станет красный,—
Знай, что изменился жребий мой несчастный».

Едет Мартон Дюла,
Едет на чужбину —
Скачет днем и ночью.
Среди леса вынул
Мартон тот платочек.

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
Назад поскорее,
Назад побыстрее!

Мой бедный платочек —
Он сделался красным,—
Судьба изменилась
У Каты несчастной».

Мартон свинопаса встретил у деревни:
«Расскажи, поведай,
Новости какие?»

«Здесь у нас — хорошие,
У тебя ж — плохие:
По приказу матушки
Кату погубили,
В озере бездонном
Кату утопили.
Трижды на поверхность
Выплывала Ката,—
На четвертом разе
Сгибла без возврата».

«Кучер мой, кучер,
Кучер мой лучший!
К бездонному озеру,
Сил не жалея,
Гони побыстрее,
Гони поскорее!»

Кони прилетели к озеру поспешно,
И воскликнул Мартон, Мартон безутешный:

«Где ж ты, где — ответь мне,
Друг мой Ката Кадар?»

«Здесь я, здесь, любимый,
Друг мой Мартон Дюла!»

Слышит Мартон Дюла
И — как камень — в воду!
В воду, в вир бездонный!

В озере бездонном обнял Мартон Кату:
«Вместе, вместе будем!»
Но и там нашли их,
Разлучили люди:

Мартона зарыли впереди престола,
А ее зарыли позади престола.

Расцвели над ними два цветка пригожих
И обнялись крепко над престолом божьим.

Мать цветы сорвала,
Растоптала злобно.
И один ответил
Ей цветок надгробный:

«Будь ты проклята навеки!
Ты меня сгубила,
Принесла мне столько горя,
А теперь убила...»

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ВЕЧНОСТЬ

Ах, как же, вечность, ты долга!
Где рубежи? Где берега?
Но время, в коем мы живем,
Спешит к тебе, как в отчий дом,
Быстрей коня, что мчится в бой,
Как судно — к гавани родной.

Не можем мы тебя настичь,
Не в силах мы тебя постичь.
Тебя окутывает мгла.
Подобно шару, ты кругла.
Где вход, чтобы в тебя войти?
Вошедши, выход где найти?

Ты — наподобие кольца:
Нет ни начала, ни конца.
Ты — замкнутый навеки круг
Бессчетных радостей и мук,
И в центре круга, как звезда,
Пылает слово: «Навсегда»!

Тебе конца и краю нет.
И если бы в сто тысяч лет
Пичуга малая хоть раз
Могла бы уносить от нас
Хоть по песчиночке одной,—
Рассыпался бы мир земной.

И если бы из наших глаз
В сто тысяч лет всего лишь раз
Одна б слезинка пролилась,—
Вода бы в мире поднялась,
Все затопивши берега,—
Вот до чего же ты долга!

О, что перед числом веков
Число песчинок всех песков?
Сколь перед вечностью мало
Всех океанских брызг число!
Так для чего ж мы всё корпим
И вычислить тебя хотим?

Так знай же, смертный, вот — итог:
Покуда миром правит бог,
Навечно тьме и свету быть.
Ни пыток вечных не избыть,
Ни вечных не избыть услад...
Навечно — рай. Навечно — ад.

ГЕОРГ РУДОЛЬФ ВЕКЕРЛИН

К ГЕРМАНИИ

Проснись, Германия! Разбей свои оковы
И мужество былое в сердце воскреси!
От страшной кабалы сама себя спаси,
Перебори свой страх! Услышь свободы зовы!

Тиранов побороть твои сыны готовы!
Не снисхождения у недругов проси,
А подлой кровью их пожары загаси
И справедливости восстанови основы!

На бога положись и слушай тех князей,
Которых он послал для высочайшей цели:
Отмстить виновникам погибели твоей,

Заступникам твоим помочь в их правом деле!
Не медли! Поднимись! Зловещий мрак развей,
Чтоб разум и добро безумье одолели!

СОН

Увидел я во сне подобье божества:
На троне, в золоте, средь мраморного зала...
Толпа полулюдей, протиснувшись едва,
Молилась на него, тряслась и трепетала.

Меж тем фальшивый бог, исполнен торжества,
Казнил, и миловал, и, словно с пьедестала
Взирая на толпу, произносил слова,
Провозглашая в них высокие начала.

А небо зрело все... И в сумраке ночном
Сгущались облака, шло звезд перемещенье.
Лжебог торжествовал, но крепло возмущенье,
Лжебог подмял весь мир, и тут ударил гром.

Господь осуществил суровое отмщенье,
Власть, роскошь превратив в зловонный грязи ком.

НА РАННЮЮ СМЕРТЬ АННЫ АВГУСТЫ, МАРКГРАФИНИ БАДЕНСКОЙ

Угасла ты, как день короткий.
Как день весенний, ты цвела!
Звездой рассветной ты была
И людям свет дарила кроткий.
И ты нежна была, как сон,
Тиха, как еле слышный стон,
Слаба, как этот штрих нечеткий.

Теперь ты скорбным прахом стала,
И юная твоя краса,
Как обреченная роса,
Исчезла вдруг и отблистала.
Ты мир покинула земной,
Как с поля сходит снег весной,
Что ж, отдохни! Ты так устала.

Лед под нещадным солнцем тает,
Ломаясь, будто бы стекло.

Что делать? Время истекло!
Но как тебя нам не хватает!
Ах, ты умчалась навсегда,
Быстрей, чем ветер, чем вода!
Пусть среди нас твой дух витает!

Ты вознеслась, как струйка дыма,
Как эхо, отзвучала ты.
И, наподобие мечты
Прошедшей, ты невозвратима.
О, неужель злосчастный день
Сгубил, как солнце губит тень,
Тебя, что столь была любима?

Невосполнимая утрата!
Зачем же ты уходишь прочь,
Как дождь, как снег, как день, как ночь,
Как дым, пыль, прах, как луч заката,
Как зов, стон, крик, плач, возглас, смех,
Боль, страх, успех и неуспех,
Как жизнь, как время,— без возврата?!

ПИРУШКА

Достопочтеннейшие гости!
На время трапезы хотя б
Свои гадания отбросьте:
Силен противник или слаб?
Когда и где на бранном поле
Мы нанесем удар врагу?..
Ей-богу, слушать это боле
Я не могу.

Чем бесконечно тараторить:
Разбой, чума, беда, война —
Предпочитаю с вами спорить
О вкусе дичи и вина.
Вино взогреет кровь густую,
Дичь взбудоражит аппетит,
И ночью муж не вхолостую
С женой проспит.

О, гнет дворцового режима!
Набор ужимок, жестов, слов,
Которым чествовать должны мы
Монархов, канцлеров, послов!
О, тошнотворные беседы —
Неиссякаемый бассейн:
Валлоны, франки, немцы, шведы
И — Валленштейн!

Прочь с этой скучной дребеденью!
К нам в глотку просятся давно
Цыплята (что за объеденье!),
Жаркое, рыба, хлеб, вино!
Ну, господа, кто первым хочет
Обжечься сладостным огнем?
Хозяйка ждет. Вино клокочет.
Итак, начнем!

Перо мне отдавило ухо.
К чертям перо! Давайте нож!
Какая будет заваруха!
Война объявлена! Ну, что ж!
Мои отважные солдаты!
Здесь милосердью места нет!
Вперед! За мной! На штурм салата!
Громи паштет!

Врага мы с фланга бьем и с тыла.
Что говорить! Удар не плох!
Пока жаркое не остыло —
На приступ! Взять его врасплох!
Ваш час настал, мозги коровьи!
Опустошительный разгром!
Мы жаждем мяса! Жаждем крови!
Мы хлещем ром!

Зубами яростно впивайся
В телячью ногу и не трусь!
Эй, рябчик, плачь! Свинья, сдавайся!
А! Вот и ты! Попался, гусь!..
На дам вы начали бросаться!
Они милы, нежны, но все ж
Умеют драться и брыкаться!
Не подойдешь!

Когда б в Штральзунде, в Ла-Рошели
Стократ хваленные войска
Так штурмом брать форты умели,
Как мы берем окорока,
Когда могли бы те солдаты
Глушить врага, как мы — вино,—
Все укрепленья были б смяты
Давным-давно.

Подсыпь порохового перца!
Добавь-ка соли! Поживей!
Ага! Огонь допер до сердца!
Я ранен, кажется? Ей-ей!
О! Я гляжу, и вас задело?
Чем жженье раны утолить?
Давайте! Раз такое дело —
Налить! Налить!

Виват! Виктория! Победа!
Дымятся жерла жарких ртов.
Взята фортеция обеда!..
Ну, братцы, я совсем готов.
Хоть под столом, хоть под забором
Свалюсь до самого утра.
Но на прощанье грянем хором:
Ура!.. Ура!..

Ха-ха! Чудовище морское!
Ты слон! Нет, муха! Тсс... Молчу...
Гром! Ливень! Грохот! Что такое?
Гоните в окна саранчу!
Целуй! Люби! Терпеть нет мочи!
Я весь горю, как маков цвет...
Все это — вздор. Спокойной ночи!
Гасите свет!

...Когда к утру оплыли свечки
И уползла ночная тень,
Мои смиренные овечки
Встречали храпом новый день.
Что ж, коли так — пусть спят бедняги!
А пира дружеского хор
Увековечит на бумаге
Ваш Филодор.

ФРИДРИХ ШПЕЕ

КСАВЕРИЙ

Он решил уплыть к японцам,
Некрещеных просвещать.
И тогда под нашим солнцем
Все взялись его стращать:
«Ах, беда! Ах, горе, горе!
На себя ты смерть навлек!
Чересчур свирепо море!
Слишком этот путь далек!..»

Но в спокойствии суровом
Он собратьям отвечал:
«Верным рыцарям Христовым —
Не помеха грозный шквал.
Ветр огонь Любви раздует,
Предвещая ей успех.
Если ж море негодует —
Волны к небу ближе всех!

В ваших жалких уговорах —
Слабодушье и разврат.
Не страшны свинец и порох
Волевым сердцам солдат.
Эти ружья, пики, шпаги,
Этот хриплых пушек бас —
Возбудители отваги,
А не пугала для нас!

Пусть рога острей наточат
Волн громадные быки,
Море синее всклокочат
В беге наперегонки!
Все четыре части света
Окунутся в шквал морской.
Тишина — беды примета.
Грохот бурь сулит покой.

Кто страшится в ураганах
Все невзгоды претерпеть,
Пусть не тщится в дальних странах
В добром деле преуспеть.
Кто в волнах, вдали от суши,
В силах все перенести,—
Только тот способен души
Обездоленных спасти!

Эй, стони, свирепствуй, море!
Ветер, яростней реви!
Испытаете вы вскоре
Стойкость истинной Любви!
Души, верой воспылайте!
Буря воет все сильней!
Рвутся в бой ладьи... Седлайте
Деревянных сих коней!..»

ПРОШЛА УГРЮМАЯ ЗИМА...

Прошла угрюмая зима —
Трезвоном полон воздух.
И снова крик да кутерьма
В оживших птичьих гнездах.
Под звон и свист
Пробился лист
Из каждой почки клейкой.
В игре лучей
Бежит ручей
Серебряною змейкой.

Летит вода с отвесных скал,
Чтоб, рухнув, расколоться
На сотни крохотных зеркал,
На горные колодцы.
О, этот визг
Летящих брызг!
О, этот тихий лепет
Ручья сквозь сон!..
Как робок он
И как великолепен!

Ватагой нимф окружена,
Выходит из тумана,
В зеленый плащ обряжена,
Охотница Диана.
Колчан и лук...
Зовущий звук
Охотничьего рога.
Прыжок в седло,
И — понесло!
И не трудна дорога.

Дохнуло лето ветерком,
Досада в сердце тает,
И каждый юноша верхом
На облаке летает.
И тут и там —
Весенний гам,
Переизбыток смеха.
И даже зной
В тени лесной
Веселью не помеха.

Свирели трелится мотив!
Певцы в лесной капелле
Щебечут, ветви превратив
В поющие качели.
Крылом взмахнут,
Передохнут
И снова хороводят.
И, как смычком,
Любым сучком,
Волшебник ветер водит.

И, кажется, что естество
Земли преобразилось:
Беспечность... Хохот... Баловство...
Все в радость погрузилось.
Лишь я один
В кольце кручин
Гляжу на мир окрестный,
Судом времен
Приговорен
Навечно к муке крестной...

ЮЛИУС ЦИНКГРЕФ

ОБ ИЗМЕНЕ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Ах, что за времена!.. Смятенье и тревога!
Как в лихорадочном я пребываю сне.
Взбесились друг и враг. Отечество — в огне.
Все злее алчет Марс кровавого налога.

Но в эти дни терплю я от другого бога.
Не только Марс — Амур призвал меня к войне!
Моя возлюбленная изменила мне!
Проклятье двух богов! Нет, это слишком много!

Все отняла война. Но мы еще вернем
И дом и золото со временем обратно.
И лишь возлюбленной утрата безвозвратна.

Когда б Амур ее зажег былым огнем,
Я свыкся бы с бедой, смирился бы с войною,
И все, что хочет, Марс пусть делает со мною!

МАРТИН ОПИЦ

ПЕСНЬ ОБ ОТЧИЗНЕ

Вперед, сыны земли родимой,
Вперед, священный пробил час!
Отваги истинной — не мнимой
Свобода требует от вас!
Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать,
Нужны порыв, бесстрашье зренья,
Душа бойца, мужская стать!

При этом ведают герои,
Что вовсе не слепая месть
Умножит наши силы втрое,
А разум, искренность и честь.
И победит в бою кровавом
Не сабель большее число,
А убежденность в деле правом,
Чтоб дух к вершинам вознесло!

Свое мы видим превосходство
Не только в прочности кирас:
Ума и сердца благородство —
Оружье верное для нас.
И, направляючись в сраженье,
Мы трижды вознаграждены
Тем, что от бездны пораженья
Святым крестом ограждены!

Нет, нас всевышний не оставит!..
Но как еще ужасен гнет!
Какая боль нам сердце давит!
Как наша родина гниет!
Судьбе доверившись всецело,
Должны мы истину узреть:
Сметем все то, что перезрело,
И то, что не должно созреть!

Так в бой, сыны земли родимой!
Так в бой! Священный пробил час!
Отваги истинной — не мнимой
Свобода требует от вас!
Коль нет пути для примиренья,
Коль другом враг не может стать,
Нужны порыв, бесстрашье зренья,
Душа бойца, мужская стать!

БЕЗОТВЕТНАЯ ЛЮБОВЬ

Когда б вы повстречали
Под нашею луной
Страдальца, что в печали
Сравнился бы со мной
И был бы так обижен,—
Я молвил бы в ответ:
Здесь, средь прирейнских хижин,
Меня несчастней нет!

О, тяжкая невзгода!
Я свой удел кляну:
Уже не меньше года
Я у любви в плену.

Уже не меньше года,
Как с нею я знаком.
В тюрьме — души свобода,
Рассудок — под замком.

Так что же делать надо?
Где сил моих запас?
Где то овечье стадо,
Которое я пас?
Лишь я ее увидел,
Я отчий дом забыл
И все возненавидел,
Что некогда любил.

Я не пашу, не сею
И не пасу овец,
Я только брежу ею,
И скоро мне конец.
Себя грызу, терзаю,
Ее кляну в сердцах,
Чье имя вырезаю
В лесу на деревцах.

Забыв питье и пищу,
Как будто сам не свой,
Крадусь к ее жилищу,
Что к бездне роковой.
Злосчастная судьбина!
Погибла жизнь моя.
Мне край родной — чужбина,
И я — уже не я.

Но та, что истерзала
Больную грудь мою,
Ни разу не слыхала,
Как я о ней пою.
Меж тем — скрывать не буду —
Мой песенный укор
Давно звучит повсюду
Вплоть до Карпатских гор.

Куда ни привела бы
Меня моя тропа —
Выходят девки, бабы,
Сбегается толпа.

И дружно подпевает
Мне чуть ли не весь свет.
А сердце изнывает:
Ее со мною нет!..

Зачем мне песни эти?
Я лучше замолчу.
На целом белом свете
ОДНОЙ я петь хочу!
Смогла в нее вместиться
Вся божья благодать.
Любви ее добиться —
Вселенной обладать!..

К НОЧИ И К ЗВЕЗДАМ

Скажи мне, ночь, зловещей чернотою
Окутавшая долы и хребты,
Ужель пред этой юной красотою
Себя самой не устыдишься ты?!

Скажите, звезды, лунными ночами
Глядящие с заоблачных высот,
Что значит свет ваш пред ее очами,
Чей ясный свет до неба достает?!

От этого пылающего взора
Вы, с каждою минутой все бледней,
Погаснете, когда сама Аврора
Зардеется смущенно перед ней.

РОЕТА[1]

Кто со временем поспорит?
Не пытайтесь! Переборет!
Всех и вся в песок сотрет!
Рухнет власть и та и эта.
Но одно лишь: песнь поэта —
Мысль поэта — не умрет!

[1] Поэт *(лат.)*.

ОБРАЗЕЦ СОНЕТА

Вы, небеса, ты, луг, ты, ветерок крылатый,
Вы, травы и холмы, ты, дивное вино,
Ты, чистый ручеек, в котором видишь дно,
Вы, нивы тучные, ты, хвойный лес мохнатый,

Ты, буйный сад, цветами пышными богатый,
Ты, знойный край пустынь, где все обожжено,
Ты, древняя скала, где было мне дано
Созвучие вплести в мой стих витиеватый,—

Поскольку я томим любовною истомой
К прелестной Флавии, досель мне незнакомой,
И только к ней стремлюсь в полночной тишине,

Молю вас, небеса, луг, ветер, нивы, всходы,
Вино, ручей, трава, сады, леса и воды,
Всех, всех молю вас: ей поведать обо мне!

ПРЕСЫЩЕНИЕ УЧЕНОСТЬЮ

Я тоскую над Платоном
Дни и ночи напролет,
Между тем весна поет
За моим стеклом оконным.
Говорит она: «Спеши
Вместо шелеста бумаги
Слушать, как звенят овраги!
Ветром луга подыши!»

Многомудрая ученость!
Есть ли в ней хоть малый прок?
Отвратить никто не смог
Мировую обреченность.
Роем взмыленных гонцов
Дни бегут, мелькают числа,
Чтобы нам без чувств, без смысла
В землю лечь в конце концов.

Эй ты, юноша, глубоко
Объяснивший целый мир,
Объясни мне: где трактир
Тут от вас неподалеку?

До тех пор, покуда мне
Нить спрядет старушка Кло́то,
Утоплю свои заботы
В упоительном вине!

Вот оно — бурлит в кувшине!
Можно к делу приступить.
Да! Совсем забыл!.. Купить
Надо сахару и дынь.
Обладатель сундуков,
От сокровищ ошалевши,
В кладовых торчит не евши,
Наш обычай не таков!

Грянем песню! Выпьем, братья!
О стакан стакан звенит.
И пьянит меня, пьянит
Жизни светлое приятье!
Груды золота ценней
Провести с друзьями ночку!
Пусть умру я в одиночку —
Жить хочу в кругу друзей!

STA VIATOR[1]

Слепые смертные! Какая сила тянет
Вас в обе Индии? Что разум ваш дурманит?
Ах, если б знали вы, как много новых бед
И сколько новых войн сулит нам Новый Свет!
Отчизну променять на золотые слитки?!
Да вот же золото! Оно у нас в избытке!
Опомнитесь! — земля взывает к вам с тоской.
Добро, богатство, власть — здесь, дома, под рукой.

ЗЕРЦАЛО МИРА

Недаром человек умней любого зверя:
Потеря времени — тягчайшая потеря.
И, это осознав, стремится человек
В искусствах отразить свой слишком краткий век,

[1] Остановись, странник *(лат.)*.

Однако помнит он: зерцало есть иное,
Чтоб отразить его всевластие земное.
С надзвездной высоты недремлющим умом
Он озирает свой необозримый дом,
Посредством разума поняв его устройство,
Сокрытые от глаз чудеснейшие свойства.
И дивные дары земного естества
Воспринимает как частицу божества.
То небо, где звезда ночная замерцала,
Есть мира нашего вернейшее зерцало.
И мир, глядясь в него, немало поражен,
Хоть мудро он своим творцом сооружен.
Строение сие отмечено святою
Неприхотливостью, священной простотою.
Оно — законченной округлости пример,
Чего не подтвердит обычный угломер.
Сей беспредельный мир, бескрайнее пространство —
Есть дело божьих рук. В нем — свет, в нем — постоянство.
Так не к тому ль ведем сейчас мы речь,
Что надобно сей мир лелеять и беречь,
Где сонмы звезд — ночей краса и утешенье...

СВОБОДА В ЛЮБВИ

Зачем нам выпало так много испытаний?
Неужто жизнь в плену и есть предел мечтаний?
Способна птица петь на веточке простой,
А в клетке — ни за что! Пусть даже в золотой!

Люблю, кого хочу! Хочу, кого люблю я!
Играя временем, себя развеселю я:
День станет ночью мне, а ночь мне станет днем,
И сутки я могу перевернуть вверх дном!

Прочь рассудительность! Прочь постные сужденья!
В иных страданиях таятся наслажденья,
А во вражде — любовь. Ну, а в любви — вражда.
В работе отдых. Отдых же — порой трудней труда.

Однако, приведя столь яркие примеры,
Я остаюсь рабом и пленником Венеры,
И средь ее садов, среди волшебных рощ
Я чувствую в себе свободу, радость, мощь!

ПЕСНЯ

Любовь моя, не медли —
Пей жизни сок!
Повременишь — немедля
Упустишь срок.

Все то, чем мы богаты
С тобой сейчас,
В небытие когда-то
Уйдет от нас.

Поблекнет эта алость
Твоих ланит,
Глаза сомкнет усталость,
Страсть отзвенит.

И нас к земле придавит
Движенье лет,
Что возле губ оставит
Свой горький след.

Так пей, вкушай веселье!
Тревоги прочь,
Покуда нас отселе
Не вырвет ночь.

Не внемли укоризне —
И ты поймешь,
Что, отдаваясь жизни,
Ее берешь!

СРЕДЬ МНОЖЕСТВА СКОРБЕЙ

Средь множества скорбей, средь подлости и горя,
Когда разбой и мрак вершат свои дела,
Когда цветет обман, а правда умерла,
Когда в почете зло, а доброта — в позоре,

Когда весь мир под стать Содому и Гоморре,—
Как смею я, глупец, не замечая зла,
Не видя, что вокруг лишь пепел, кровь и мгла,
Петь песни о любви, о благосклонном взоре,

Изяществе манер, пленительности уст?!
Сколь холоден мой стих! Сколь низок он и пуст,
Для изможденных душ — ненужная обуза!

Так о другом пиши! Пора! А если — нет,
Ты жалкий рифмоплет. Ты больше не поэт.
И пусть тебя тогда навек отвергнет муза!

ЖАЛОБА

Любимая страна, где мера нашим бедам?
Какой из ужасов тебе еще не ведом?
Ответствуй: почему за столь короткий срок
Твой благородный лик так измениться смог?

Ты издавна была достойнейшей ареной
Для подвигов ума, для мысли вдохновенной.
Ах, не тебе ль вчера народы всей земли
Признательности дань восторженно несли?

Теперь восторг утих... Земле и небу на́зло
Ты предпочла войну, ты в грабежах погрязла.
Где мужество мужей? Где добродетель жен?
Безумием каким твой разум поражен?

Вглядись в толпу сирот: что горше их печали?
Не только от меча отцы несчастных пали:
Кто смерти избежал, не тронутый в бою,
В бараке для чумных окончил жизнь свою.

Да, самый воздух наш таит в себе отраву!
Болезнь и мор вершат повальную расправу,
Терзают нашу плоть, из сердца кровь сосут.
Увы! Ни меч, ни щит от них нас не спасут.

Злодейская война растлила мысль и чувство.
Так вера выдохлась, в грязи гниет искусство,
Законы попраны, оплеваны права,
Честь обесчещена, и совесть в нас мертва.

Мы словно отреклись от добрых нравов немцев,
Постыдно переняв повадки чужеземцев.
С нашествием врага из всех разверстых врат
К нам хлынули разбой, распутство и разврат.

Кто в силах вытерпеть падение такое
И угождать войне, себя не беспокоя,
Тот носит лед в груди, тот дьяволом влеком,
Тот вскормлен тиграми звериным молоком!

ВЕЗУВИЙ

Прошелся по стране — от края и до края —
Безумный меч войны. Позорно умирая,
Хрипит Германия. Огонь ее заглох.
На рейнских берегах растет чертополох.
Смерть перекрыла путь к дунайскому верховью.
И Эльба, черною окрашенная кровью,
Остановила бег своих угрюмых вод.
Свобода в кандалах. Над ней тюремный свод.
О помощи она, страдалица, взывает.
А между тем война все глубже меч вонзает
В грудь бедной родины. На запад, на восток
Вновь хлынул с трех сторон нашествия поток.
Мир, словно беженец, оставшийся без крова,
Приюта не найдет... А зарево — багрово,
И пепел над землей кружит, как серый снег.
О, где тот золотой, тот безмятежный век,
Когда не грабили друг друга и не гнали
Народы?.. Даже слов они таких не знали —
«Мое» или «твое», все поровну деля.
А ныне пиками щетинится земля,
Сокрыла свет дневной кровавая завеса...
Сравнится ль с этим злом гнев самого Зевеса,
Везувий может ли нанесть такой урон,
Когда он, словно вепрь, свиреп и разъярен,
Кидается на мир пылающею лавой,
Как бешенство людей, как меч войны неправой?!
Никто не причинял столь пагубных утрат!
Мы злее, чем вулкан. Коварней во сто крат:
Мы громы бередим и с молниями шутим,
Пугаем небеса и море баламутим,
Мы — смерти мастера. Нам славу принесло
Уменье убивать. Смерть — наше ремесло.
Мы разумом бедны и чувством оскудели,
Зато мечом, копьем и пикой овладели.

Огня любви в сердцах разжечь мы не смогли,
Зато в огне войны Германию сожгли,
Заткнули правде рот, и в исступленье диком
Мы огласили мир звероподобным рыком,
Сквозь горы мертвых тел прокладывая путь,
С преступного пути мы не хотим свернуть!
Мы в слепоте под стать циклопам одноглазым...
Когда же наконец восторжествует разум?
Когда вернется к нам любовь и честный труд?
О, наши имена потомки проклянут,
Поглотит нас вовек унылое забвенье!
В небесных знаменьях пылает откровенье:
Предвестник гибели — ночных комет полет!
Свирепая земля в нас пламенем плюет,
Природа адский жар вдохнула в грудь вулканам,
И мы обречены. Мы смяты великаном!
Ужель спасенья нет? И что нам предпринять?
На то один ответ: вулкан войны унять!
А иначе на жизнь мы не имеем права!
Одумайтесь! Хоть раз все рассудите здраво!
Ужель вас не страшит вид этих пепелищ,
Сознание того, что край наш гол и нищ,
Что храмы взорваны, что вечных книг страницы
Должны (о, варварство!) в прах, в пепел превратиться?..
О небо! Дай узреть нам сладостную явь!
От пагубы войны немецкий край избавь!
Во славу родины и господу в угоду
Дозволь нам утвердить на сей земле свободу,
Дабы, господнею спасенные рукой,
Внесли мы в каждый дом жизнь, счастье и покой!

ПРОГУЛКА

А радость-то какая!..
Среди долин и гор
Поет, не умолкая,
Веселый птичий хор.

Завидую вам, птички,
Что, радуя сердца,
В свободной перекличке
Вы славите творца!

Завидую вам, птахи,
Слагая этот стих:
Неведомы вам страхи
И вздор надежд пустых...

ПОГИБЛА ГРЕЦИЯ

Погибла Греция, в ничтожестве пропала.
Война сей гордый край пришибла, истрепала.
Есть слава, счастья — нет, хоть драгоценный прах
Прекрасной Греции народы чтут в веках.
Да что́! Что пользы им в том поклоненье громком
Руинам прошлых лет, безжизненным обломкам?!

СЛОВО УТЕШЕНИЯ СРЕДЬ БЕДСТВИЙ ВОЙНЫ

Опять пришла беда... Куда ж теперь податься,
Чтоб отдых отыскать и скорби не поддаться!
Да и о чем скорбеть? Ах, как тут ни крути —
Любой из нас уйдет. Все смертны. Все в пути.

Не лучше ль, отрешась от скорби узколобой,
Рассудком вознестись над завистью и злобой,
Чтоб нас не била дрожь, как маленьких детей,
Которых масками пугает лицедей?

Ведь все, что нас гнетет,— такие же личины:
Невзгоды, ужасы, болезни и кончины,
А счастье, из мечты не превратившись в быль,
Нахлынет, как волна, и — разлетится в пыль.

Все это — сон пустой!.. И до чего ж охота
Средь бренности найти незыблемое что-то,
Что не могло б уйти, рассыпаться, утечь,
Чего вовек нельзя ни утопить, ни сжечь.

Разрушит враг твой дом, твой замок уничтожит,
Но мужество твое он обстрелять не может.
Он храм опустошит, разрушит. Что с того?
Твоя душа — приют для бога твоего.

Пусть угоняют скот,— благодаренье небу,
Остался в доме хлеб. А не осталось хлеба —
Есть добродетели спасительная власть,
Которую нельзя угнать или украсть.

Преследованью, лжи, обиде и навету
Не одолеть, не взять святую крепость эту.
Она как мощный дуб, чья прочная кора
Способна выдержать удары топора.

На крыльях разума из темной нашей чащи
Она возносится над всем, что преходяще.
Бог чтит ее одну. Ей велено судьбой
Быть нам владычицей и никогда — рабой!

С чего же мы скорбим, неистовствуем, плачем,
Раз в глубине сердец сокровище мы прячем,
Что нам дано навек — не на́ день, не на час,
Что никаким врагам не отобрать у нас?!

РОБЕРТ РОБЕРТИН

ВЕСЕННЯЯ ПЕСНЯ

Сойдя с заоблачных высот
В круг бытия земного,
Весна-красавица несет
Свои услады снова.

И снова зелено в лесах,
Луг блещет пестротою,
А тучи светят в небесах
Каемкой золотою.

Цветная радуга горит,
И лед на реках сломан,
И в рощах праздничных царит
Счастливый птичий гомон.

Волшебной песнею своей
Мир веселят огромный
Днем ласточка, а соловей —
Прохладной ночью темной.

В лугах — стада, в садах — цветы,
В ручьях, в озерах — рыбки,
Весь мир исполнен доброты,
Надежды и улыбки.

Лишь человек, кого господь
Избрал венцом творенья,
В себе не может побороть
Неудовлетворенья!

Ничто его не тешит взор,
Дух не бодрит уставший...
Палач, себя казнивший! Вор,
Себя обворовавший!

Как голова его седа,
Как глубоки морщины!..
Он видит Страшного суда
Грядущие картины.

ФРИДРИХ ЛОГАУ

ИЗРЕЧЕНИЯ И ЭПИГРАММЫ

ЗНАТНОЕ ПРОИСХОЖДЕНИЕ

«Наши деды — паладины!»
«Наши предки — короли!»
В чем-то, впрочем, все едины:
Все — от матери-земли.

ОТВАЖНАЯ ЧЕСТНОСТЬ

Что значит в наши дни быть баснословно смелым?
Звать черным черное, а белое звать белым,
Чрезмерно громких од убийству не слагать,
Лгать только по нужде, а без нужды не лгать.

ДЕНЬГИ

И старец и юнец — все алчут золотых:
Один — чтобы копить, другой — чтоб тратить их.

ПРАВО И БЕСПРАВЬЕ

Служитель права прав, когда страшится права,
А то и на него отыщется управа:
Давно бы околел без жалованья он,
Когда бы все блюли порядок и закон.

НЕМЕЦКАЯ РЕЧЬ

Германия бедна... О, горестный удел!
Немецкий наш язык настолько оскудел,
Что у французского он занимает ныне.
(Неримский Рим погиб с погибелью латыни.)
В слабеющую речь, что теплится едва,
Испанские ползут и шведские слова.
Как признак тяжкого и злого нездоровья,
Немецкий сохранил одни лишь славословья.
Во всем же остальном — заемной речи груз.
Усильями почти немых немецких муз
Живой язык еще звучит в стихах поэтов,
Еще порой блеснет в строках иных сонетов,
Но оголтелый Марс, воздев кровавый меч,
Терзает нашу мысль, пытает нашу речь
И делает ее безликой, бездуховной
В разорванной стране, бесправной и бескровной.

ИСПОЛНЕНИЕ ЖЕЛАНИЙ

Всего, о чем мечтал, к чему всю жизнь стремился,
Посредством смерти я в конце концов добился:
Я умер на войне и приобрел свой дом,
И ни война, ни смерть меня не тронут в нем.

СТЫДЛИВЫЙ ВЕК

Наш славный век — венец времен —
Своей стыдливостью силен:
Бежит он, как от прокаженной,
От правды, слишком обнаженной.

ДРУЖБА И ВИНО

Дружба возле винной бочки
Не длиннее пьяной почки.

ВЛАСТЬ

Ты мог бы управлять провинцией любою,
Когда бы управлять ты мог самим собою.

ВОЙНА И МИР

Война — всегда война. Ей трудно быть иною.
Куда опасней мир, коль он чреват войною.

НАСТАВЛЕНИЕ

Как должен жить твой сын, мужчиной стать готовясь?
Сначала стыд забыть, затем отбросить совесть,
Лишь самого себя считать за человека —
И вырастет твой сын достойным сыном века.

НАШИ ПЕСНИ

Звучат в иной германской саге
Напевы дедовской отваги.
Но что к тебе, мой дальний внук,
Дойдет из бездны наших мук?
Вопль исступленья, посвист плети —
Вот песни нашего столетья.

ЖИТЕЙСКАЯ МУДРОСТЬ

Быть одним, другим казаться,
Лишний раз глухим сказаться,
Злых, как добрых, славословить,
Ничему не прекословить,
Притворяться, лицемерить,
В то, во что не веришь,— верить,
Чтоб не влипнуть в передряги,
О своем лишь печься благе,—
И, хоть время наше бурно,
Сможешь жизнь прожить недурно.

СЛУЖЕНИЕ МУЗАМ

Может быть, читатель мой, пожалев меня, беднягу,
Молвит: «Что за крест такой, день за днем марать бумагу!»
Ах, когда б он знал о том иль увидел бы воочью:
Все, что он читает днем, я мараю ночь за ночью!

Да, бой с собой самим — есть самый трудный бой,
Победа из побед — победа над собой.

СИМОН ДАХ

АНКЕ ИЗ ТАРАУ

Анке из Тарау — свет моих дней.
Все, чем я жив, заключается в ней:

Анке из Тарау — сердце мое,
Честь и богатство, еда и питье.

Пылким доверьем меня проняла,
Страсть мою, боль мою — все приняла.

Может весь мир провалиться на дно —
Мы порешили стоять заодно.

В муках, в тоске, средь тревог и утрат
Сила любви возрастет во сто крат.

Выдержав натиск несметных ветров,
Крепнет деревьев зеленый покров.

Так и любовь, закаленная злом,
Нас неразрывным связует узлом.

Если уйдешь ты однажды туда,
Где даже солнца не ждут никогда,—

Я сквозь беду побреду за тобой
Сквозь лед, сквозь железо, сквозь смертный бой:

Иль ты мне жизни самой не родней,
Анке из Тарау — свет моих дней?

ЦЕНА ДРУЖБЫ

Что нам всего присущей,
Что краше всех прикрас?
То дружбы свет, живущий
Вовек в сердцах у нас.
Какое это счастье —
Любви и дружбы жар,
Душевное участье,
Нам посланное в дар!

Нам речь для доброй цели
Дала природа-мать,
Чтоб мы всегда умели
Друг друга понимать.
В сердечном разговоре,
Что с другом друг ведет,
Любое стихнет горе,
Любая боль пройдет.

Нет проку веселиться
С собой наедине:
С друзьями поделиться
Отраднее вдвойне!
Кто этого не может,
Кто лишь с собой знаком,
Того печаль изгложет
Могильным червяком.

Друзья! Я рад безмерно,
Что есть вы у меня.
О, я без вас, наверно,
Не прожил бы и дня!
Любовью неизменной
Люблю друзей своих.
На золото вселенной
Не променяю их!

ПРИГЛАШЕНИЕ К ВЕСЕЛЬЮ

Мельканье дней, движенье лет...
Как будто бы крылаты,
Летят — и удержу им нет.
Эй, время, стой! Куда ты?!

Старуха-смерть, заждавшись нас,
Проворно косу точит...
Глупец лишь мнит, что смертный час
Тоска ему отсрочит!

ДАНИЭЛЬ ЧЕПКО

РАЗМЫШЛЕНИЯ

ОДНО — В ДРУГОМ

Мгновенье — в вечности, во тьме ночной — зарю,
В безжизненности — жизнь, а в людях — бога зрю.

ПРЕДАТЕЛЮ

Само предательство, боюсь, не слишком ценит
Того, кто предает: продаст или изменит.
Хоть, как предатель, он предательством любим,
Опасен он ему предательством своим.

ЗАТЯЖНАЯ ВОЙНА

Князья все новые кидают в битву рати,
Не думая о том, что будет в результате:
Властители без стран, а страны без господ,
И хлеба и жилья лишившийся народ.

НА ПОГРЕБЕНИЕ СВОЕГО ПЕРА

Любимое перо сегодня хороня,
Скажу: нет сил терпеть нам этих шведов боле!
Прощай, мое перо, и стань добычей моли,
Как мы становимся добычею огня!

ФРАГМЕНТ

Отчизна — там, где чтут законность и свободу.
Но этого всего мы не видали сроду.
Что там ни говори, окончивши войну,
Лжемиру продали мы отчую страну.

И погрузились в сон, и разумом ослепли.
Но все ж святой огонь свободы зреет в пепле,
Нет! Кровью никакой не погасить его,
Как бога не изгнать из сердца твоего!..

ПАУЛЬ ГЕРГАРДТ

ЛЕТНЯЯ ПЕСНЬ

Воспрянь, о сердце, выйди в путь,
Дабы восторженно взглянуть
На чудеса господни,
На зелень рощ, садов и нив,
На то, как этот мир красив,
Нам отданный сегодня!

О, как шумят над головой
Деревья пышною листвой,
Как солнечны поляны!
А как пылают и горят,
Надевши праздничный наряд,
Нарциссы и тюльпаны!

Привольно ласточка поет,
Свободен голубя полет
Высоко, над лесами!
А вот кудесник-соловей
Волшебной песнею своей
Роднит нас с небесами.

Полна природа дивных сил!
Гнездо прилежный аист свил,
Не ведающий лени.
Наседка вывела цыплят...
А как мне душу веселят
Проказники олени!

Между камней ручей бежит,
В воде колеблется, дрожит
Деревьев отраженье.

И даль прозрачна, даль тиха,
И только флейты пастуха
Вдали услышишь пенье.

А этих пчел жужжащий рой!
Ненастной зимнею порой
Познаем сладость меда!
И виноградный зреет сок...
Всех, всех, когда настанет срок,
Попотчует природа!

Ты посмотри: из-под земли
Колосья буйно проросли.
Знак — добрый, не случайный!
Возликовали стар и мал:
Всевышний людям даровал
Год сытный, урожайный.

И то, что вижу я вовне,
Все отзывается во мне
Единственным порывом:
Свершить достойное!.. Успеть
Мощь вседержителя воспеть
В стихе неприхотливом.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЬ

Леса, поля уснули.
Во сне глаза сомкнули
Скот, люди, города.
Лишь мысль, что ум тревожит,
Забыться сном не может:
Ей нет покоя никогда.

День суетный улегся.
Вновь звездами зажегся
Бескрайний небосвод.
Когда же из неволи,
Из сей земной юдоли,
Меня всевышний призовет?

Вновь после дня тревоги
Вкушают руки, ноги
Целительный покой.

Когда ж ты, правый боже,
И сердце мое тоже
Спасешь от суеты мирской?

Бесплодным занят делом,
Как изнемог я телом,
Когда б ты знал, творец!
Валюсь в постель, бессильный,
Когда же сон могильный
Меня охватит наконец?

Молю о сердцу милых,
Чтоб ты, господь, хранил их
От черных бед лихих!
Ночь пагубу рождает.
Так пусть нас ограждает
Сонм светлых ангелов твоих.

МОЛЕНИЕ О ДРУЖБЕ

В мире грязном и угрюмом
Дружбой мы не дорожим,
Водим дружбу с толстосумом,
Прочь от бедного бежим.
Ах, вы баловень удачи?
Что ж! Прекрасно!.. А иначе
Первый друг и брат родной
Повернутся к вам спиной...

Я охвачен думой грустной.
Бог, меня ты не оставь!
От расчетливости гнусной
Грешный разум мой избавь.
Если ж, небу в поношенье,
Впал я в злое искушенье,
Сбился с верного пути —
Образумь и просвети!

Дай мне сердце, чтоб пылало
Бескорыстной добротой,
Чтоб любить не уставало
Даже проклятых тобой,
Чтобы я их не чурался,
Чтобы истово старался

Быть опорою для них —
Угнетенных и нагих.

Встречу ль смертную обиду
Или хлынет кровь из ран,
Пусть мне будет, как Давиду,
Послан мой Ионафан.
Хоть судьба неумолима,
С другом все преодолимо.
Он — мне пастырь, он и врач
Средь удач и неудач.

Посох в жизненной дороге,
Богом данный для того,
Чтоб, когда слабеют ноги,
Опереться на него.
Тот, кто посох этот бросит,
Пусть о милости не просит,
До скончания времен
Одиночеством казнен!..

ПЕСНЬ УТЕШЕНИЯ

И все ж не бейся, не стони,
Не упивайся злобой,
В потоке слез не утони,
А выдержать попробуй
Среди потерь, среди тревог!
Пусть будет так, как хочет бог,
А он ведь зла не хочет!

Скажи, неужто в первый раз
Ты маешься в печали?
Иль каждый день и каждый час
Нам жизнь не омрачали?
В несчастьях тянутся года.
Но выпадают иногда
И светлые минуты.

Нам предназначив крестный путь,
Чтоб души нам исправить,
Господь не думает отнюдь
Навеки нас оставить.

Мученья наши — оттого,
Что *мы* покинули его!
И мы к нему вернемся!

В грехах погрязнув, наша плоть
Взыскует наслаждений,
И обойтись не мог господь
Без предостережений!
Земные, мы, забыв о нем,
Мечтаем больше о земном
И меньше — о небесном.

Напомнил божий приговор,
Что все мы преходящи,
Чтоб посему и к небу взор
Мы обращали чаще
И чтобы, будучи людьми,
Себя мы божьими детьми
При этом ощущали.

Так верь же, верь же в торжество
Его всесветной власти,
Чтоб милосердие его
Вкусить в лихой напасти.
Земля погибнет, мир падет,
Но только тот не пропадет,
Кто не утратит веры.

А если кажется порой,
Что не придет подмога,
Свой тяжкий грех молитвой вскрой
И уповай на бога.
Ведь он всесилен, а не мы,
И наши бедные умы
Всего не понимают.

Уверуй: там, среди небес,
Не дремлет наш Спаситель.
И полн таинственных чудес
Сей мир — его обитель.
С больной души он снимет гнет:
Возьмет, что дал, что взял — вернет,
Дарует утешенье!

ПЕРЕД РАСПЯТИЕМ

О, слабость, о, недужность,
О, муки без конца!
О, горькая ненужность
Тернового венца!
Мертвы глаза, любовью
Сиявшие светло,
И выпачкано кровью
Высокое чело.

О ты, чей голос вечен,
Источник доброты,
Как больно изувечен,
Распят, унижен ты!
Какая злая сила
В какой злочастный час
Преступно погасила
Свет, озарявший нас?

Горят кровоподтеки,
Над раною сквозной,
Покрыты эти щеки
Смертельной белизной,
Той бледностью смертельной
От долгих мук твоих.
И в скорби беспредельной
Ты навсегда затих...

Гляжу — и без боязни
Все сознаю сполна:
В твоей ужасной казни
Есть и моя вина.
Стою перед тобою,
О скорбный лик Христов,
И вынести любое
Возмездие готов.

Прими меня, Спаситель,
В раскаянье моем!
Твой рот меня насытил
Блаженнейшим питьем.

Небесную усладу
Твой дух мне ниспослал,
Хранил, лелеял, смладу
От пагубы спасал.

Поверь мне и отныне
С тобою быть дозволь.
Я при твоей кончине
Твою утишу боль,
Когда в последнем стоне
Ты встретишь смерть свою,
Я подложу ладони
Под голову твою.

То дело высшей чести,
То божья благодать —
Одним с тобою вместе
Страданием страдать.
Отрадна эта участь —
Твоим огнем гореть,
Твоею мукой мучась,
За правду умереть.

В деянии и в слове
Ты мне вернейший друг.
Лежит добро в основе
Твоих великих мук.
Ах, мужество и верность
Дай сердцу моему —
Я всех скорбей безмерность
Как должное приму.

Когда я мир покину,
Меня не покидай,
Когда навек остыну,
Свое тепло мне дай.
Своей незримой дланью
Тоску мою уйми,
За роковою гранью
К себе меня прими.

Пусть будет мне опорой
В смертельной маете
Тот чистый лик, который
Нам светит на кресте.

И этим светом чудным
Ты мне наполнишь грудь,
И станет мне нетрудным
Тогда последний путь.

ОДА
В ЧЕСТЬ ПРОВОЗГЛАШЕНИЯ МИРА

Итак, сбылось! Свершилось!
Окончена война!
Несет господня милость
Иные времена.
Труба, замри! Пусть лира
Ликует над толпой,
И песнь во славу мира,
Германия, запой!
Ты мерзла, ты горела,
Стонала на кресте —
И все же нет предела
Господней доброте!

Он пощадил неправых,
От кары грешных спас:
Ведь хмель побед кровавых
Доныне бродит в нас.
Мы, в муках задыхаясь,
Страдали поделом,
Но, исступленно каясь,
Мы одержимы злом
И на зверей похожи,
Во всем себе верны,
Так помоги нам, боже,
Избыть соблазн войны!

Пусть мир — глашатай счастья —
Стучит в любую дверь.
Какой он послан властью,
Мы поняли теперь.
Встречать его не выйдем,
В родство не вступим с ним —
Самих себя обидим,
Самих себя казним.

И подлым равнодушьем
Уже на сотни лет
Бессмысленно потушим
Любви и правды свет.

Ужель все было даром?
Стенанья наших вдов,
Объятые пожаром
Руины городов,
Разрушенные башни
Святых монастырей,
И выжженные пашни,
И пепел пустырей,
И рвы глухие эти —
Там, где погребены
Родные наши дети,
Любимые сыны?

Так оглянись, подумай,
Горючих слез не прячь.
Нет! Свой удел угрюмый
Безропотно оплачь!
Мы над судьбой, над богом
Глумились с давних пор.
Он в испытанье строгом
Нам вынес приговор,
Но изменил, прощая,
Тот приговор крутой,
К добру нас приобщая
Своею добротой.

Очнемся, пробудимся,
Переживем беду,
Навеки предадимся
Достойному труду.
Умолкни, глас гордыни!
Стремясь к иной судьбе,
Великий мир, отныне
Мы отданы — тебе!
Раскрой свои объятья
И страстно призови:
«Живите в мире, братья,
В покое и любви!»

ИОГАНН РИСТ

НА ПРИХОД ХОЛОДНОЙ ЗИМНЕЙ ПОРЫ

Oda jambica [1]

Зима суровая настала,
Промчалась летняя пора.
Седая вьюга разостлала
Подобье белого ковра.

Застыли сосны перелеска,
Мой бедный сад в снегах увяз.
От металлического блеска
Полян замерзших режет глаз.

Что ж, коли так, необходимо
Дров наколоть, огонь разжечь,
Чтоб из трубы — побольше дыма,
Чуть уголька подбросить в печь.

Опустошая погреб винный,
Поймешь, сколь сладко в час ночной
Сидеть в натопленной гостиной,
Стакан сжимая ледяной.

И, пальцами коснувшись клавиш,
Ты, милый, ты, сердечный друг,
Блаженной музыкой убавишь
Напор и натиск зимних вьюг.

Шутить и куролесить будем,
Снедь и питье боготворя.
Но и красавиц не забудем:
Кто не любил, родился зря!

Ведь не зима, а старость злая,
И с ней, глядишь, к нам смерть грядет!
И ныне мы живем, не зная
О том, что всех нас завтра ждет.

---

[1] Ямбическая ода *(лат.)*.

А если так, то выпьем, братья!
Веселью предадимся мы!
Богоугодней нет занятья,
Чем пировать среди зимы!

ЖАЛОБА ГЕРМАНИИ

Как быть, что делать мне? Решиться не пора ли?
Веселье, радость, смех — все у меня украли.
Мой помутился разум,
Мой голос — хриплый вой.
Уж лучше кончить разом —
О камень головой!

Бездушными детьми мне вырыта могила.
Неужто я сама презренных змей вскормила?
Мой лик слезами залит,
Мне боли не унять!
Как змеи жгут! Как жалят
Свою родную мать!

Из раны кровь — ручьем... Я столько лет терпела...
Не высказать тоски, что к сердцу прикипела.
Вот рана пламенеет,
А сердцу нет тепла...
Язык деревенеет...
Я кровью истекла...

Услышь, земная твердь! Услышь, морей пучина!
Раздоры и война — скорбей моих причина.
Бушующее пламя
Всех может сокрушить,
Но злобой и мечами
Его не потушить.

Где верность? Где любовь? Где праведность и вера?
Устои сметены, порядочность — химера.
Немецкой кровью пóлит
Простор земных широт...
О, как себя неволит
Мой собственный народ!

Долины и поля, под стать могильной яме,
Усеяны — увы! — немецкими костями.
Они снегов белее...
Усопшим не помочь.
Но я, о них болея,
Стенаю день и ночь...

Так чем нам заслужить господня милосердья?
Раскайся, мой народ! Плачь, не щадя усердья!
В слезах, забыв смущенье,
Раскрой свои сердца,
Чтоб выпросить прощенье
У нашего творца.

Вы ждете: я умру, не пересилив раны.
Но знайте, недруги: вам радоваться рано!
Для всех грядет конечный,
Неумолимый час.
Меня казнив, предвечный
Не пощадит и вас.

Но если вдруг господь мне ниспошлет свободу
И снова мир вернет немецкому народу,
Все сделаю, чтоб всюду
Свет кротости светил,
И жизнь лелеять буду,
Покуда хватит сил!

ВЕЧНОСТЬ

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца, ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

Всему свой срок и свой черед:
Ослабнет горе, боль замрет,
Смирится бессердечность.
Но день за днем, за веком век
Свой буйный, свой бесцельный бег
Не остановит вечность.

Ах, вечность! Ты страшишь меня!
Здесь, среди крови и огня,
Я ужасом охвачен.
Скажи, наступит ли предел?
Иль этот роковой удел
Навек нам предназначен?

Ах, слово «вечность»... Вникни в суть!
Оно, как меч, сверлит мне грудь,—
Нет ни конца, ни краю...
Ах, вечность! Время вне времен!
Бреду, бедой обременен.
Куда бреду — не знаю...

ХРИСТИАНСКИМ КНЯЗЬЯМ И ВЛАСТИТЕЛЯМ ГЕРМАНИИ, С ПРИЗЫВОМ ЗАКЛЮЧИТЬ ЧЕСТНЫЙ МИР И ВОССТАНОВИТЬ СПРАВЕДЛИВОСТЬ, ЛЮБОВЬ И ЕДИНСТВО

Когда же наконец война достигнет цели?
Когда ж в конце концов последует отбой?
Когда ж к нам здравый смысл вернется в самом деле?
Когда ж мы завершим убийство и разбой?
Когда ж мы сей пожар бессмысленный потушим?
Когда ж Германия развеет страшный сон?
Когда ж придет покой к измаявшимся душам?
Когда же, о, когда мы Марсу скажем: «Вон!»?
Ну, а покуда все покрыто мглой и дымом,
И в зелень волн морских вмешался крови цвет,
И пушки грохотом своим неумолимым
Вещают вновь и вновь, что избавленья нет!
Остановись, о Марс! Иль, полагаешь, мало
Мы крови пролили, той, что всего ценней?!
Посевы сожжены, дома войной сломало,
Земля истоптана копытами коней.
Несчастная страна, не ты ль была когда-то
Цветущею страной? И верно, не один
Здесь город высился, построенный богато,
Где ныне — пустота пожарищ и руин...

Приди, желанный мир! Мы ждем твоей защиты.
Уставши до смерти, когда ж мы отдохнем?
Все двери для тебя в Германии открыты,
Все окна для тебя мы настежь распахнем.
О, что произойдет, когда умолкнут пушки
И отгремит для нас военная страда?
Вновь песни запоют влюбленные пастушки
И тучные, как встарь, начнут пастись стада.
Появятся опять коровы, овцы, козы,
Средь зелени лугов — о, светлая судьба! —
Распустятся сады, в них запылают розы,
И, радуя селян, в полях взойдут хлеба!
Всего не перечесть, что мир нам предвещает,
Безмерна власть его, пленительна краса...
Как жаль, что землю он так редко навещает,
Что вечная его обитель — небеса!

Высокие князья, властители державы,
Той, что германскою и римскою зовут!
Верните людям мир! И дань бессмертной славы
Вам восхищенные народы воздадут!
Решайтесь! Пробил час! Господь повелевает
Раздоры, зависть, злость и алчность превозмочь.
Он вас, разрозненных, к сплоченью призывает,
Чтоб озверевший Марс в глухую канул ночь!
Родимая земля, отечество отваги!
Когда ж заблещет сталь, но не мечей, а кос,
Когда ж над головой не будут виться флаги,
Когда исчезнет страх? Ответь на сей вопрос!
Чтоб не были нужны ни панцири, ни пики,
Ни каски, ни картечь, ни пули, ни клинки,—
Об этом я молюсь всевышнему владыке,
Лишь в это верую, всем бедам вопреки!..

ГЕОРГ ФИЛИПП ГАРСДЁРФЕР

ДОЖДЬ

Если в редкость капля влаги,
Жухнут волосы земли.
О другом не просим благе,—
Небо! Дождь нам ниспошли!

Вот он! Движется! Все ближе!
Дождь! О дождь! Услышь! Приди же!
Разомлевшие сады,
Обмелевшие пруды
Ждут спасительной воды.

Мы не зря в слезах молили,
Чтоб нам ветер дождь принес:
Землю знойную умыли
Сто ручьев небесных слез.
Хлынул дождь — жара опала.
В небе светятся опалы.
Вы, кто так дождя просил,
Кто от жажды голосил,
Набирайтесь новых сил!

В черных тучах — накипь злобы,
Но зато светлы поля:
Веселятся водохлебы,
Жадно жажду утоля.
Эй, вина подать сюда нам!
Хорошо напиться пьяным!
Вся земля пьяным-пьяна.
Дождь идет? За дождь! До дна!
Что за дружба без вина?

На дожде листва трепещет,
Под дождем трава шуршит,
Вот он — блещет, плещет, хлещет,
Вот — журчит, ворчит, урчит.
Ах, в моих стихов звучанье
Перешло б его журчанье!
Внемля песенке моей,
Выпей, брат, да не запей,
Пей, да дело разумей!

ЗАГАДКИ

НУЛЬ, ИЛИ ЗЕРО

Одних мой вид страшит, других — весьма забавит.
Все дело в том, куда меня мой мастер ставит.
Вхожу я в миллион, и в тысячу, и в сто,
Хоть я, как весь наш мир, сам по себе ничто.

ВРЕМЯ

В пространство погружен шарообразный дом,
Что суще под луной,— все обитает в нем.
Вновь становлюсь порой, чем было я когда-то,
Утратившим меня придется туговато.

ЛАТЫНЬ

Рим был мне родиной. С приходом чужеземцев
Меня изгнали прочь. Теперь живу у немцев.

ПАУЛЬ ФЛЕМИНГ

К САМОМУ СЕБЕ

Будь тверд без черствости, приветлив без жеманства,
Встань выше зависти, довольствуйся собой!
От счастья не беги и не считай бедой
Коварство времени и сумрачность пространства.

Ни радость, ни печаль не знают постоянства:
Чередованье их предрешено судьбой.
Не сожалей о том, что сделано тобой,
А исполняй свой долг, чураясь окаянства.

Что славить? Что хулить? И счастье и несчастье
Лежат в тебе самом!.. Свои поступки взвесь!
Стремясь вперед, взгляни, куда ты шел поднесь.

Тому лишь, кто, презрев губительную спесь,
У самого себя находится во власти,
Подвластна будет жизнь, мир покорится весь!

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ВРЕМЕНИ

Во времени живя, мы времени не знаем.
Тем самым мы себя самих не понимаем.
В какое время мы, однако, родились?
Какое время нам прикажет: «Удались!»

А как нам распознать, что *наше* время значит
И что за будущее наше время прячет?
Весьма различны времена по временам:
То нéчто, то ничтó — они подобны нам.
Изжив себя вконец, рождает время время.
Так продолжается и человечье племя.
Но время времени нам кажется длинней
Коротким временем нам отведенных дней.
Подчас о времени мы рассуждаем с вами.
Но время это — мы! Никто иной. Мы сами!
Знай: время без времен когда-нибудь придет
И нас из времени насильно уведет,
И мы, самих себя сваливши с плеч, как бремя,
Предстанем перед тем, над кем не властно время.

ЗАЧЕМ Я ОДЕРЖИМ...

Зачем я одержим духовным этим гладом,
Пытаясь в суть вещей проникнуть алчным взглядом?
Зачем стремлением мой ум воспламенен
Прозреть событий связь и сложный ход времен?
Когда б постиг я все искусства и науки,
Все золото земли когда б далось мне в руки,
Когда бы я — поэт — в отечестве моем
Некоронованным считался королем,
Когда б (чего ни с кем доселе не бывало)
Не дух, а плоть мою бессмертье ожидало
И страха смертного я сбросил бы ярем,—
Могли бы вы сказать: «Он обладает *всем*!»
Но что такое «всё» среди земной печали?
Тень призрака. Конец, таящийся в начале.
Шар, полный пустоты. Жизнь, данная нам зря.
Звук отзвука. *Ничто*, короче говоря.

СПОР С САМИМ СОБОЙ

Напрасен весь мой труд, но, в исступленье страстном,
Я только и живу трудом своим напрасным,
Как если бы я был с рассудком не в ладу.
Так я с самим собой безмолвный спор веду.

С самим собой мирюсь и снова в бой вступаю,
Себя себе продав, себя я покупаю.
И мой заклятый враг в сей призрачной войне
То валит с ног меня, то поддается мне...
Я сам — свой друг и враг. Во мне ведут сраженье
Война и мир... Когда ж, устав, в изнеможенье,
Плоть просит отдыха, мой ошалевший дух,
Из тела вырвавшись, как молодой петух,
Кричит, беснуется и — неразумный кочет,—
Где надо бы рыдать, неистово хохочет.

ОЗАРЕНИЕ

Я жив. Но жив не я. Нет, я в себе таю
Того, кто дал мне жизнь в обмен на смерть свою.
Он умер, я воскрес, присвоив жизнь живого.
Теперь ролями с ним меняемся мы снова.
Моей он смертью жив. Я отмираю в нем.
Плоть — склеп моей души — ветшает с каждым днем.
Обманчив жизни блеск. Кто к смерти не стремится,
Тому под бременем скорбей не распрямиться!
Страшитесь, смертные, дух променять на плоть!
От искушения избавь меня, господь!
Постиг всем существом я высшую идею:
Все то, чего лишен, и все, чем я владею,
И смерть моя, и жизнь со смертью наравне,
Смысл и бессмыслица содержатся во мне!
Какое же принять мне следует решенье?
Я смею лишь желать. Тебе дано свершенье.
Освободив мой ум от суетной тщеты,
Возьми меня всего и мне предайся ты!

ВЕРНОЕ СЕРДЦЕ

Что ценней любого клада
Нам на жизненном пути?
Величайшая услада
Сердце верное найти.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Жизнь предаст, судьба обманет,
Счастье может изменить.
Сердце верное воспрянет,
Чтоб тебя оборонить.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Для него твоя удача —
Всех отраднее удач.
Загорюешь, горько плача,
И его услышишь плач.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Деньги тают, гаснет слава,
Дни уносятся гурьбой,
Старость мерзкая трухлява —
Сердце верное с тобой.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

И свиданье и разлуку —
Все оно перенесет.
Загрустишь — развеет скуку,
А отчаешься — спасет.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам.

Пусть вовек не расстаются
Двое любящих сердец,
В сладкой верности срастутся,
Как того хотел творец.
С сердцем близким, с сердцем милым
Все на свете нам по силам!

КАК БЫ ОН ХОТЕЛ, ЧТОБЫ ЕГО ЦЕЛОВАЛИ

Целомудренно-чиста,
Поцелуй меня в уста.
Робко, но не слишком вяло —
Чтоб до сердца доставало.

Наслаждения порой
Детской кажутся игрой,
Если дочери Венеры
Не имеют чувства меры.

Не кусай меня, не жги.
Страсть сперва убереги.
Округли сначала губки
В виде дружеской уступки.

Покуражься, а потом
Обхвати горящим ртом
Рот, подставленный влюбленным,
До предела распаленным.

Лишь простушка да простак
Льнут друг к другу просто так:
Вызывает трепет в теле
Самый путь к заветной цели.

С ходу или не спеша,—
Делай, как велит душа...
Ну, а что зовется раем,
Только мы с тобою знаем!

НА ЕЕ ОТСУТСТВИЕ

Я потерял себя. Меня объял испуг.
Но вот себя в тебе я обнаружил вдруг...
Откройся наконец, души моей обитель!
Сколь тяжко мучаюсь я — горестный проситель,
Сколь омрачен мой дух, вселившийся в тебя!..
Казнишь влюбленного?.. Что ж. Он умрет, любя...
Но от себя меня не отдавай мне боле!
Я пересилю смерть, твоей согласно воле!..
...Что́ спрашивать, куда заброшен я судьбой?
И нет меня во мне, когда я не с тобой.

ПОХВАЛЬБА ПЕХОТИНЦА

Я воин, я солдат, мой бранный дух велик.
Я не страшусь огня, я лезу напрямик.
Сыздетства я питал безмерную охоту
К геройским подвигам и вот — попал в пехоту.
Да, да! Не каждому предписано судьбой
Считаться воином!.. Кто обожает бой,
Кто шествует в строю, расправив гордо плечи,
Под ураганный вой взбесившейся картечи,
Кто доблестью своей врага бросает в дрожь,
Кто — баловень побед, тот на меня похож!
И если вражья рать повержена и смята
Могучим натиском бесстрашного солдата,
То знайте, это — я, сын войска своего!
Наш клич: «Один за всех и все за одного!»
Солдаты мужеством друг друга заражают,
Одни ведут стрельбу, другие заряжают.
Пускай презренный враг нас превзошел числом,
Мы во сто крат сильней военным ремеслом.
Мы выучкой сильны. Пусть к нашему редуту
Противник сунется,— мы с ним поступим круто:
Раздавим, разметем! Готов любой солдат
Скорее умереть, чем отойти назад.
Нет в мире ничего отрадней этой доли:
Достойно умереть в бою, по доброй воле.
А коль тебя убьют при этом наповал,
Ты, значит, вообще мучений миновал...
Что ж! С пулею в груди, я с честью мир покину,
Как мне велит мой долг. Но осмотрите спину —
Вы раны ни одной не сыщете на ней!..
Когда же, побросав оружье и коней,
Противник побежит с оставленных позиций,
Геройская душа взовьется вольной птицей.
Тогда гуляй и пей, приятель дорогой!
Карманы набивай добычей даровой!
Смотри, как воинство отважно атакует
Спасенных жителей! Отечество ликует:
Освободили мы любезных земляков
Сначала от врага, затем от кошельков.
На то ведь и война. Не трогает солдата
Вопрос: кому служить? Была б повыше плата!

Край мой! Взгляд куда ни кинь —
Ты пустыннее пустынь.
Милый Мейсен! Злобный рок
На позор тебя обрек.

Жмут нас полчища врага.
Затопили берега
Реки, вспухшие от слез.
Кто нам пагубу принес?

Наши села сожжены,
Наши рати сражены,
Наши души гложет страх,
Города разбиты в прах.

Если хлеба кто припас,
То давно проел припас.
Голод пир справляет свой
В опустевшей кладовой.

Так зачем и почему
Сеют войны и чуму?
Слушай, вражеская рать!
Может, хватит враждовать?

Жить в согласье — не зазор,
А война — для всех разор.
Разве стольких страшных бед
Стоят несколько побед?

Марс, опомнись! Не кичись!
Милосердью научись
И скажи: «На что мне меч?
Тьфу! Игра не стоит свеч!

Каску грозную свою
Певчим птахам отдаю,
Чтоб в канун весенних дней
Птицы гнезда вили в ней.

А кольчуги и клинки
Вам сгодятся, мужики!
Из клинков да из кольчуг
Будет лемех вам и плуг».

Не хотим военных свар!
Мир — вот неба высший дар!
Прочь войну, чуму, беду
В наступающем году!

ВЕЛИКОМУ ГОРОДУ МОСКВЕ, В ДЕНЬ РАССТАВАНИЯ

Краса своей земли, Голштинии родня,
Ты дружбой истинной, в порыве богоравном,
Заказанный иным властителям державным,
Нам открываешь путь в страну истоков дня.

Свою любовь к тебе, что пламенней огня,
Мы на восток несем, горды согласьем славным,
А воротясь домой, поведаем о главном:
Союз наш заключен! Он прочен, как броня!

Так пусть во все века сияет над тобою
Войной не тронутое небо голубое,
Пусть никогда твой край не ведает невзгод!

Прими пока сонет в залог того, что снова,
На родину придя, найду достойней слово,
Чтоб услыхал мой Рейн напевы волжских вод.

НА СЛИЯНИЕ ВОЛГИ И КАМЫ, В ДВАДЦАТИ ВЕРСТАХ ОТ САМАРЫ

Приблизьтесь к нам скорей! Причин для страха нет!
О нимфы пермские, о гордые княгини,
Пустынных сих брегов угрюмые богини.
Здесь тень да тишина. И солнца робок свет.

Вступите на корабль, дабы принять привет
От нас, кто на устах у всей России ныне,
Голштинии сыны, мы здесь — не на чужбине:
Незыблем наш союз и до скончанья лет!

О Кама, бурых вод своих не пожалей!
Ковшами черпай их и в Волгу перелей,
Чтоб нас песчаные не задержали мели.

И Волга, обновясь, свой да ускорит бег,
Призвавши благодать на тот и этот брег,
Чтоб глад, и мор, и смерть их ввек терзать не смели.

НА СМЕРТЬ ГОСПОДИНА МАРТИНА ОПИЦА

Так в Элизийские ушел и ты поля,
Ты, кто был наших дней Гомером и Пиндаром,
Кто, наделенный их необычайным даром,
Жил, с ними славу и бессмертие деля.

О герцог наших струн! Немецкая земля,
Привыкшая к скорбям, объятая пожаром,
Сотрясена досель невиданным ударом
И стонет, небеса о милости моля.

Вотще!.. Все сметено, все сломлено и смято.
Мертва Германия, прекрасная когда-то.
Мать умерла, теперь во гроб ложится сын.

Пал мститель, пал певец, пал праведник и воин!..
А вам-то что скорбеть? Из вас-то ни один
Подобного певца сегодня недостоин.

К ГЕРМАНИИ

Отчизна, справедлив твой горестный упрек:
Я молодость свою провел грешно и праздно,
Не исполнял твоих велений безотказно
И, вечно странствуя, был от тебя далек.

Мать-родина! Прости! Жар любопытства влек
Меня из края в край. Я не избег соблазна
И покидал тебя ни с чем несообразно,
Но ничего с собой поделать я не мог.

Я лодка малая, привязанная к судну.
Хочу иль не хочу, а следую за ним.
И все же навсегда я остаюсь твоим.

Могу ли я тебя отвергнуть безрассудно?
И в поисках пути, в далекой стороне,
Я смутно сознаю: я дома — ты во мне...

ЭПИТАФИЯ ГОСПОДИНА ПАУЛЯ ФЛЕМИНГА, Д-РА МЕД., КОЮ ОН СОЧИНИЛ САМ В ГАМБУРГЕ МАРТА 28 ДНЯ ЛЕТА 1640 НА СМЕРТНОМ ОДРЕ, ЗА ТРИ ДНЯ ДО СВОЕЙ БЛАЖЕННОЙ КОНЧИНЫ

Я процветал в трудах, в искусствах и в бою.
Избранник счастия, горд именитым родом,
Ничем не обделен — ни славой, ни доходом,
Я знал, что звонче всех в Германии пою.

Влекомый к странствиям, блуждал в чужом краю.
Беспечен, молод был, любим своим народом...
Пусть рухнет целый мир под нашим небосводом,
Судьба оставит песнь немецкую мою!

Прощайте вы, господь, отец, подруга, братья!
Спокойной ночи! Я готов в могилу лечь.
Коль смертный час настал, то смерти не перечь.
Она меня зовет, себя готов отдать я.

Не плачьте ж надо мной на предстоящей тризне.
Все умерло во мне... Все... Кроме искры жизни.

ИСАЙЯ РОМПЛЕР ФОН ЛЕВЕНГАЛЬТ

ВЗБЕСИВШАЯСЯ ГЕРМАНИЯ

(Фрагмент)

Из северных краев — пристанища медведей —
К нам ворвалась зима, пошла крушить соседей!
Неистовствует ветр, сшибая булавой
Дрожащую листву над нашей головой.

Стучит ветвями бор с морозом в поединке.
В заброшенных полях не сыщешь ни травинки.
Дороги замело. Ручей — под толщей льда...
Но речь не о зиме. Есть худшая беда,
Чем бешеной зимы разбойные повадки:
Германия лежит в смертельной лихорадке,
В горячечном бреду!.. Костлявою рукой
Ей горло сжала смерть. Надежды — никакой!

Лицо искажено. От ран гноится тело...
Германия! Сама ты этого хотела!
Клятвопреступница, ты бога своего
Постыдно предала, разгневала его,
Распяла гóспода!.. Чего ж ты плачешь ныне,
Когда, подобная разнузданной скотине,
Ты в грязной похоти бессмысленно жила,
В ничтожной роскоши, в разврате жизнь прожгла?
Не ты ль сама себе средь подлого разгула
Пеньковую петлю на горле затянула?..
О мире, о добре, презренная ханжа,
Кричать ты смела, нож за пазухой держа!
Ты господом клялась, а дьяволу служила!
Ты совестью своей ничуть не дорожила!
О, сколько страшных бед ты людям принесла!
Нет мерзостям твоим ни меры, ни числа.

За то тебя господь карает без пощады...
Твой черно-желтый мозг уже разъели яды.
Твой вялый рот истек кровавою слюной.
То жар тебя томит, то холод ледяной:
Отчаянье тебя бросает в жар и в холод!
Все яростней война, все ненасытней голод.
И, разум потеряв, ты в мерзостной божбе
Рычишь, стенаешь, рвешь одежды на себе,
Лицо распухшее царапаешь ногтями.
Твой каждый шаг ведет тебя к могильной яме.
Уже недолго ждать: ты свалишься туда
И в собственной крови утонешь навсегда!

Немецкая страна, ты не немецкой стала!
Как потускнело все, чем прежде ты блистала!..
Конец! Всему конец! Тебя поглотит мрак!
Но не чума, не мор, не озверевший враг,
Не дьявольских судеб безжалостная сила,—
Германию — увы! — Германия убила!..

АНДРЕАС ЧЕРНИНГ

ДЕВУШКЕ, ВЫХОДЯЩЕЙ ЗАМУЖ ЗА СТАРИКА

Да ты свихнулась, что ли?..
При облике твоем
Самой, по доброй воле,
Сойтись со стариком?!

Ужель его седины
Твоих волос светлей,
А ветхие руины,
Чем новый дом, целей?

О, сколь сей брак неравен!..
Стареющий баран
Ведь только шубой славен,
Хоть он и ветеран.

Гляди: в костре пылает
Пень, что давно иссох,
И понапрасну лает
Беззубый кабысдох.

Коробится с годами
И ржавеет металл.
Так ржавеем мы сами,
Когда наш срок настал.

Напрасно ищет сваху
Проворный старичок:
Смерть явится — и с маху
Подловит на крючок!

О, старость столь степенна,
Столь мудрости полна!..
Но истинно священна
Лишь молодость одна!

К ОТСУТСТВУЮЩЕЙ

Ни пастбищем, ни пашней,
Ни мраморною башней,
Ни роскошью дворца
Свой взор я не унижу,

Покуда не увижу
Любимого лица.

Мне самый воздух душен:
Нет никаких отдушин,
Когда тебя здесь нет!
Мое ты сердце съела,
В мозгу моем засела,
Очей затмила свет.

Я до того скучаю,
Что смерть не исключаю:
Я близок к ней весьма!..
Сие предупрежденье
Шлю как бы в подтвержденье
Вчерашнего письма.

ЮСТУС ГЕОРГ ШОТТЕЛЬ

ПЕСНЯ ГРОМА

Сера, пламень, дым, вода —
Началась меж них вражда.
В драку влезть туман решил,
Свет и воздух удушил.

Буйный ветер начал дуть,
Бить, швырять, ломать и гнуть.
Воет, ноет, стонет шквал.
Рек смятенье. Гор обвал.

С треском молния взвилась.
Страшно стало: мгла зажглась.
Серный ливень... Мир в чаду.
Чадно, дымно, как в аду.

Ухнул, бухнул, грохнул гром,
Бахнул, жахнул — все вверх дном.
Снова стукнул сгоряча
И утих, ворча, урча.

В черноте опять сверкнет,
Где-то глухо рокотнет...
Новый ветер-ветрогон
Учинил грозе разгон.

НЕПРЕРЫВНОСТЬ СТРАДАНИЙ

Хлещут волны, море стонет —
Бурю ветер урезонит,
Сгонит тучи с небосвода —
И уймется непогода.

Но навечно жить в заботе
Духу нашему и плоти.
Лишь одно избудешь горе,
Набежит другое вскоре.

Солнце сядет — солнце встанет,
За зимой весна нагрянет,
После ночи день начнется,
Дождь пойдет — земля напьется.

Нет скончанья нашим бедам.
За бедой — другая следом,
За невзгодою — другая,
Нас в отчаянье ввергая.

Вечно страждем, вечно злимся,
Жить стремимся, суетимся,
Вечно просим, сердце мучим,
То, что просим, не получим.

Наши скорби, наши муки,
Наши встречи и разлуки,
Взлеты, подвиги, соблазны —
Ах! — ни с чем не сообразны.

Наша жизнь вотще влачится.
Радость горем омрачится.
И на краткий миг услады —
Годы тягостной досады.

ИОГАНН КЛАЙ

АНАКРЕОНТИЧЕСКАЯ ОДА ОТ ЛИЦА МАРИИ МАГДАЛИНЫ

Огнями золотыми
Сияя в вышине,
Где рожками своими
Кивает месяц мне,
Вы, звездочки, скажите,
Зачем ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

Слабеючи на грани
Глухой поры ночной
И предрассветной рани,
О, сжальтесь надо мной
И посему скажите,
Когда ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

О вы, поля и чащи,
Вы, нивы и сады,
Что столь плодоносящи,
Вы, тучные плоды,
Узнайте, поищите,
Куда ушел от нас
Тот, к чьей святой защите
Прибегну в смертный час?

Вы, горы, вы, пустыни,
Весь мир я обойду,
Но верю и поныне,
Что я его найду!
Леса мои и реки,
Встречаючи зарю,
С ним буду я навеки,
С тем, коим я горю!

ПРАЗДНИЧНЫЙ ФЕЙЕРВЕРК ПО СЛУЧАЮ РОЖДЕНИЯ МИРА

Под грохот, под хохот, под клики, под крики
Летают, витают, пылают гвоздики.
И воздух весь в звездах, и в облаке дыма
Кометы, ракеты проносятся мимо.

Та-ра́-ра, тра-ра́-ра! Кларнеты и трубы
Играют, скликают вас в круг, жизнелюбы!
И ноги с дороги так в пляске топочут,
Как бой, как прибой, как грома не грохочут.

От градин-громадин, от ливневой бучи
Смят лад. Ах! В лесах переломаны сучья.
Но град — не снаряд! Вот загрохают пушки,
И ахнут, и лопнут, и хлопнут хлопушки!

Взвились, понеслись за ракетой ракеты,
Горят и парят огневые букеты.
Народ так и прет, разодетый красиво:
«Вот чудо так чудо! Вот диво так диво!..»

Неситесь! Светитесь! Чтоб тьма расступалась!
Земля чтоб, людей веселя, сотрясалась!
Война, чья вина не имеет предела,
Чадя и смердя, наконец околела!

АНДРЕАС ГРИФИУС

СЛЕЗЫ ОТЕЧЕСТВА, ГОД 1636

Мы все еще в беде, нам горше, чем доселе.
Бесчинства пришлых орд, взъяренная картечь,
Ревущая труба, от крови жирный меч
Похитили наш труд, вконец нас одолели.

В руинах города, соборы опустели.
В горящих деревнях звучит чужая речь.
Как пересилить зло? Как женщин оберечь?
Огонь, чума и смерть... И сердце стынет в теле.

О, скорбный край, где кровь потоками течет!
Мы восемнадцать лет ведем сей страшный счет.
Забиты трупами отравленные реки.

Но что позор и смерть, что голод и беда,
Пожары, грабежи и недород, когда
Сокровища души разграблены навеки?!

ВЕЛИЧИЕ И НИЧТОЖЕСТВО ЯЗЫКА

Венец творения, владыка из владык,
Ответствуй, в чем твое всевластье человечье?
Зверь ловок и силен, но, не владея речью,
Он пред тобой — ничто. А людям дан язык.
Груз башен каменных и тяжесть тучных нив,
Корабль, что входит в порт, моря избороздив,
Свечение звезды,
Течение воды,
Все, чем в своих садах наш взор ласкает Флора,
Закон содружества, которым мир богат,
Неумолимый смысл господня приговора,
Цветенье юности и старческий закат —
Все — только в языке! — находит выраженье.
В нем жизни торжество, в нем — смерти пораженье,
Над дикостью племен власть разума святого...
Ты вечен, человек, коль существует слово!
Но что на свете есть острее языка?
Что в бездну нас влечет с нещадной быстротою?
О, если б небеса сковали немотою
Того, чья злая речь развязна и мерзка!
Поля — в холмах могил, смятенье городов,
Пожар на корабле у мертвых берегов,
Вероучений чад,
Что разум наш мрачат,
Слепая ненависть, которая нас душит,
Вражда церквей и школ, обман и колдовство,
Война, растлившая сердца, умы и души,
Смерть добродетели, порока торжество,
Любви и верности ужасная кончина —
Всему виной язык, он здесь — первопричина.
И коли речь твоя — рабыня смысла злого,
Ты гибнешь, человек, убитый ядом слова!

СОЗЕРЦАНИЕ ВРЕМЕНИ

Не мне принадлежат мной прожитые годы,
А те, что впереди,— есть собственность природы.
Что ж мне принадлежит? Мгновение одно,
В котором годы, век — все, все заключено!

FORTIS UT MORS DILECTIO[1]

На день их бракосочетания

1

Что такое *быть любимым*?..
Пусть разверзнется земля
Иль огнем и черным дымом
Смерть окутает поля,—
Лютый страх неимоверный
Сникнет пред любовью верной.

2

Смерть стрелою в сердце метит,
Факел траурный чадит,
А любовь и не заметит,
Как злодейку победит.
Да останется нетленной
Лишь любовь во всей вселенной!

3

Не страшны ей муки ада,
Пыток дьявольский набор.
Раззадорясь, только рада
Жить, беде наперекор!
Как господь, что правит нами,
Вся она и свет и пламя.

---

[1] Любовь сильна, как смерть *(лат.)*.

4

Пусть прибой о скалы бьется,
Пусть беснуется метель,
Пусть свирепый норд ворвется
В океанскую купель,—
Все равно любовь живучей,
Чем вода, чем ветр могучий.

5

Не найти на свете гири,
Что так весит тяжело.
Даром, что ль, все злато в мире
С ней тягаться не смогло?
Подчинись ее условью:
За любовь плати любовью!

МЕРТВЕЦ ГОВОРИТ ИЗ СВОЕЙ МОГИЛЫ

Постой, прохожий! Не спеши!
Здесь, под плитой надгробной,
В немой кладбищенской глуши
Лежит тебе подобный.
Остановись! Со мной побудь!
И правды ты постигнешь суть.

Ты жив. Я мертв. Но ты и я —
Почти одно и то же.
Я — твой двойник. Я — тень твоя.
Во всем с тобой мы схожи.
Мне гнить в могильной глубине,
Но ты себя узри во мне.

Гость на земле, из всех гостей
Ты, человек, всех тленней.
Твой дух? — Игра слепых страстей.
Мысль? — Смена заблуждений.
Деянье? — Воздуха глоток.
Жизнь? — Безрассудных дней поток.

Ах, эта скорбная плита —
Как пограничный камень.

За ним угаснут красота,
Ума и сердца пламень.
Не протащить за этот круг
Меч, книгу, посох или плуг.

Нет! О пощаде не моли:
Не будет по-другому!
Как от подошвы до земли,
До мертвого — живому.
Так предназначено судьбой.
Твоя могила — под тобой.

О вы, творцы мудрейших книг,
Науки исполины,
Чей разум дерзостно проник
В познания глубины!
Я вас читал и почитал,
Но все равно сюда попал.

Будь именит и знаменит,
Стремись к высокой цели,—
Но слышишь? Колокол звонит!
По ком? Не по тебе ли?
Он вопрошает неспроста:
А совесть у тебя чиста?..

Твои угодья возросли,
Ты счастлив бесконечно,
Но много ль надобно земли,
Чтоб лечь в нее навечно.
И нужен смертнику навряд,
Помимо савана, наряд.

Ты брал, шагая напролом,
Услады жизни с бою,
Но титул, славу, двор и дом
Ты не возьмешь с собою.
И все, кто нынче слезы льет,
Тебя забудут через год.

Так думай о своей судьбе,
Поскольку жизнь — одна ведь!
Спеши хоть память о себе
Хорошую оставить...
Как ни молись, как ни постись —
Нельзя от смерти упастись!

Но там, в заоблачном краю,
Есть для души спасенье,
Кто честно прожил жизнь свою,
Дождется воскресенья!
От зла свой дух освободи!
Ты понял?.. А теперь — иди!

К ПОРТРЕТУ НИКОЛАЯ КОПЕРНИКА

О трижды мудрый дух! Муж, больше, чем великий!
Ни злая ночь времен, ни страх тысячеликий,
Ни зависть, ни обман осилить не смогли
Твой разум, что постиг движение земли.
Отбросив темный вздор бессчетных лжедогадок,
Там, среди хаоса, ты распознал порядок
И, высшее познав, не скрыл нас от того,
Что мы вращаемся вкруг солнца своего!..
Все кончится, пройдет, миры промчатся мимо,
Твое ж величие, как солнце, негасимо!

ГИБЕЛЬ ГОРОДА ФРЕЙШТАДТА

Что мне узреть дано среди руин и праха?
Глазницы голода, седые космы страха
И мертвый лик чумы... Грохочет пушек гром.
Вот солдатня прошла с награбленным добром,
Затем кромешный мрак заполонил всю сцену:
То ночь, нет, ночь ночей явилась дню на смену,
И Фрейштадт рухнул ниц. Так, вырванный из недр,
На землю валится, сраженный бурей, кедр.
И не поднять его... За лесом солнце скрылось,
Зажглись лампады звезд, и небо осветилось;
Морфей вступал в дома; тревоги враг — покой
Смежал глаза людей заботливой рукой,
Как вдруг раздался вопль!.. О, громовым раскатом
Звучал тот смертный крик в безумием объятом
Горящем городе!.. Огнем опалена,
Казалось, лопнула над Фрейштадтом луна.
И в посвисте ветров, казнен рукой железной,
Был город поглощен бушующею бездной.
Пожар не утихал... Пронзая ночи тьму,

Метались стаи искр в пороховом дыму,
Колонны и столбы лежали буреломом.
Вот обвалился дом, подмят соседним домом,
Все — пепел, прах и пыль. Белоколонный зал
Не выстоял в огне и грудой щебня стал.
Где ратуша? Где храм? Зубцы дворцовых башен
Пожаром сметены. Сожженный город страшен,
О бедный Фрейштадт мой! О край бездонных бед!
Неужто на тебе живого места нет?
Ужель тебя насквозь война изрешетила?
Ужель ничья рука тебя не защитила
И сам ты обречен исчезнуть без следа,
Как если б пробил час последнего суда?
Иль приближаемся мы к тем печальным срокам,
Когда сметет весь мир пылающим потоком?!
Вот толпы горожан сквозь ядовитый дым
С дрожащими детьми бредут по мостовым.
Вам, детям родины, вам, не видавшим детства,
Развалины и смерть достанутся в наследство!

Нет больше города... Все превратилось в тлен.
Из пепла и золы торчат обломки стен.
Но что дома?! Едва ль здесь люди уцелели!
Иных огонь застиг во время сна, в постели.
Быть может, кто-нибудь спустя десятки лет
Найдет здесь средь камней обугленный скелет...
Мы сострадаем, но — беспомощны при этом;
Погибшим не помочь ни делом, ни советом.
Ах, музы! Все, что вы послали людям в дар,
Безжалостно унес разнузданный пожар.
Над мраком пустырей, как огненные птицы,
Кружатся в воздухе горящие страницы.
Все то, чем человек бессмертия достиг,
Плод мудрости земной здесь погибает вмиг,
Сокровища искусств, хранимые веками,
Как уличную грязь, мы топчем каблуками!
О, знай, Германия! Из *твоего* кремня
Стихии высекли зловещий сноп огня.
И лишь когда в тебе погаснет эта злоба,
Несчастный Фрейштадт наш поднимется из гроба,
Подставив голову живительным ветрам.
Мы снова щебет птиц услышим по утрам,
И солнце в вышине засветится над нами,
Которое сейчас сокрыли дым и пламя.

Свершатся все мечты. Труды прилежных рук
Довольство создадут, украсят жизнь вокруг
И в город превратят немое пепелище,
Где будет свет светлей и воздух станет чище,
Чем был он до сих пор... В отстроенных домах
Не воцарятся вновь отчаянье и страх.
И горе и война вовеки их не тронут.
Где в муках и в крови сегодня люди стонут,
Ликующую песнь зачнет веселый хор.
Меч переплавят в плуг, перекуют в топор.
И, заново родясь, вернутся в нашу местность
Утраченный покой, согласье, честь и честность!..

НЕВИННО СТРАДАЮЩЕМУ

Огонь и колесо, смола, щипцы и дыба,
Веревка, петля, крюк, топор и эшафот,
В кипящем олове обуглившийся рот,—
С тем, что ты выдержал, сравниться не могли бы.

И все ж под тяжестью неимоверной глыбы
Твой гордый дух достиг сияющих высот.
О, сбудется! Молва тебя превознесет,
И лавровый венец смягчит твои ушибы!

За дело правое свою ты пролил кровь,
И, павши, ты воспрял, умерши, ожил вновь.
Ни в чем твоя душа святая не повинна!

Но разве наш господь не так же шел на казнь?
Свершив великое, преодолеть боязнь
Перед распятием — вот долг христианина!

ЗАБЛУДШИЕ

Вы бродите впотьмах, во власти заблужденья.
Неверен каждый шаг, цель также неверна.
Во всем бессмыслица, а смысла — ни зерна.
Несбыточны мечты, нелепы убежденья.

И отрицания смешны и утвержденья,
И даль, что светлою вам кажется,— черна.
И кровь, и пот, и труд, вина и не вина —
Все ни к чему для тех, кто слеп со дня рожденья.

Вы заблуждаетесь во сне и наяву,
Отчаявшись иль вдруг предавшись торжеству,
Как друга за врага, приняв врага за друга,

Скорбя и радуясь, в ночной и в ранний час...
Ужели только смерть прозреть заставит вас
И силой вытащит из дьявольского круга?!

СОНЕТ НАДЕЖДЫ

В дни ранней юности, в дни первого цветенья
Я встретиться с чумой успел лицом к лицу.
Едва начавши жить, я быстро шел к концу,
Исполнен ужаса, отчаянья, смятенья.

Болезни, бедствия, безмерность угнетенья
Порой не выдержать и стойкому бойцу,
А я бессилием был равен мертвецу...
Мне ль было превозмочь судьбы хитросплетенья?

Не видя выхода, я только смерти ждал...
И тут... бог спас меня. Господь мне сострадал!
С тех пор, обретши жизнь, усвоил я науку:

На грани гибели, в проигранной борьбе —
Невидимо господь печется о тебе
И в нужный миг подаст спасительную руку.

ВСЕ БРЕННО...

Куда ни кинешь взор — все, все на свете бренно.
Ты нынче ставишь дом? Мне жаль твоих трудов.
Поля раскинутся на месте городов,
Где будут пастухи пасти стада смиренно.

Ах, самый пышный цвет завянет непременно.
Шум жизни сменится молчанием гробов.
И мрамор и металл сметет поток годов.
Счастливых ждет беда... Все так обыкновенно!

Пройдут, что сон пустой, победа, торжество:
Ведь слабый человек не может ничего
Слепой игре времен сам противопоставить.

Мир — это пыль и прах, мир — пепел на ветру.
Все бренно на земле. Я знаю, что умру.
Но как же к вечности примкнуть себя заставить?!

ОДИНОЧЕСТВО

Я в одиночестве безмолвном пребываю.
Среди болот брожу, блуждаю средь лесов.
То слышу пенье птах, то внемлю крику сов,
Вершины голых скал вдали обозреваю,

Вельмож не признаю, о черни забываю,
Стараюсь разгадать прощальный бой часов,
Понять несбыточность надежд, мечтаний, снов,
Но их осуществить судьбу не призываю.

Холодный, темный лес, пещера, череп, кость —
Все говорит о том, что я на свете гость,
Что не избегну я ни немощи, ни тлена.

Заброшенный пустырь, замшелая стена,
Признаюсь, любы мне... Что ж, плоть обречена.
Но все равно душа бессмертна и нетленна!..

ПЛАЧ ВО ДНИ ВЕЛИКОГО ГОЛОДА

Вот — довершение к проклятью:
Мир в лютой жажде изнемог.
Колодцы скованы печатью,
И ливень заперт на замок.
Земли распластанное тело
Иссохло и окаменело.

Багровым жаром пышут тучи,
Шальное солнце жжет луга.
И медленно и неминуче
Сжимают реку берега.
По этим выгоревшим склонам
Она ручьем сочится сонным.

Дымится лес от перегрева,
Кряхтят деревья, облысев.
Во глубине земного чрева
Зачах и сморщился посев.
В полях колосья никнут вяло.
Черны цветы. Трава увяла.

Не выдавить, не выжать сока!
В какой из страшных небылиц
Зной столь бессмысленно жестоко
Душил людей, зверей и птиц?
Голодное мычанье стада...
Пустые села... Запах чада...

О нет, не в силах человека
Беду такую побороть —
Ей равной не было от века...
Но ты, всевидящий господь,
Предавший нас постыдной доле,
Казни — и не пытай нас доле!

Ты посмотри, как люди-тени,
Распухшим, изможденным ртом
Шепча молитвы в исступленье,
Лежат в пыли перед крестом,
Как тянут высохшие руки
К тебе, господь, в предсмертной муке!

Ужель не увлажнится взор твой
При этом зрелище?.. Гляди:
Оцепенел младенец мертвый,
Прильнув к безжизненной груди
Умершей матери!.. Немею...
О многом и сказать не смею.

Ах, господи, как бессердечно,
Как больно ты караешь нас!
Не может быть, чтоб вдруг навечно
Свет доброты твоей угас,

Чтоб ты возненавидел люто
Свои созданья почему-то.

Пора! Печальным стонам внемля,
Раскрой хранилища свои,
Утешь истерзанную землю,
Ее колосья напои,
Взбодри заждавшиеся недра,
Вознагради страдальцев щедро.

Кто, как не ты, в стремленье к благу
Поможешь ввергнутым в беду?
Услышь нас! Жаждущим дай влагу,
Дай голодающим еду!
Ты даровал нам жизнь — спасибо!
Так сделай, чтоб мы жить могли бы!

ГРОБНИЦА КЕСАРЯ

Воздвигнутую в знак посмертного почета,
На деньги бедняков, ценою слез и пота,
Гробницу кесаря солдаты разнесли.
Полуистлевший труп валяется в пыли,
А мрамор и кирпич прославленной гробницы
Порастаскал народ: в хозяйстве пригодится!
Ограбили того, кто всех ограбил сам...
Клеврет властителя взывает к небесам,
«Посмертно он казнен!» — вопит он в укоризне.
Я тоже сетую: «Да... Жаль, что не при жизни!»

К НАКРАШЕННОЙ

Ну, что в вас истинного, детище обмана:
Вставные челюсти или беззубый рот?!
О ваших локонах златых парик ваш врет,
А о румянце щек — дешевые румяна.

Набор густых белил — надежная охрана.
Но если невзначай их кто-нибудь сотрет,
Тотчас откроется — скажу вам наперед —
Густая сеть морщин!.. А это — в сердце рана!

Наружностью всегда приученная лгать,
Вы лживы и внутри, так надо полагать,
Фальшивая душой, притворщица и льстица!

О сердцем лживая! О лживая умом!
С великим ужасом я думаю о том,
Кто вашей красотой фальшивою прельстится!

СВАДЬБА ЗИМОЙ

В долинах и в горах еще белым-бело.
Теченья быстрых рек еще зажаты льдами.
Измучена земля стальными холодами.
Деревья замерли, и ветки их свело.

Еще седой буран разнузданно и зло
Бесчинствует, кружась над нашими садами,
И все ж огонь любви, сейчас зажженный вами,
Смог чудо совершить, что солнце не смогло!

Так розы расцвели, наперекор метели,
Воскресшею листвой леса зашелестели,
Воспрянули ручьи, отбросив тяжесть льдов...

О, больше чем хвала счастливым новобрачным!
Цветы для них цветут под зимним небом мрачным!..
Каких же осенью им сладких ждать плодов?!

К ЕВГЕНИИ

Я в одиночестве. Я страшно одинок.
Порой мне кажется, что бедствую в пустыне,
Которой края нет, как и моей кручине.
И одиночеством меня пытает рок.

А между тем настал давно желанный срок:
Народы дождались великой благостыни,
Окончилась война, и все ликует ныне.
Но без твоей любви мне даже мир не впрок.

Потерян, удручен, печален, как могила,
Отторгнут от тебя, той, без которой мне
Все тошно и ничто на всей земле не мило!

И проклинать судьбу, и злобствовать я вправе!
Но одинок ли я? Ты здесь — в мечте, во сне.
И пропадает боль... Так что ж ты значишь въяве?!

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1648

Уйди, злосчастный год — исчадье худших лет!
Страдания мои возьми с собой в дорогу!
Возьми болезнь мою, сверхлютую тревогу.
Сгинь наконец! Уйди за мертвыми вослед!

Как быстро тают дни... Ужель спасенья нет?
К неумолимому приблизившись итогу,
В зените дней моих, я обращаюсь к богу:
Повремени гасить моей лампады свет!

О, сколь тяжек был избыток
Мук, смертей, терзаний, пыток!
Дай, всевышний, хоть нена́долго дух перевести,

Чтоб в оставшиеся годы
Не пытали нас невзгоды.
Хоть немного радости дай сердцу обрести!

НА ЗАВЕРШЕНИЕ ГОДА 1650

Остались позади пожары, голод, мор.
Вложивши в ножны меч, свой путь закончив ратный,
Вкушает родина мир трижды благодатный.
И вместо хриплых труб мы слышим стройный хор.

Теперь нам щеки жжет любовь, а не позор...
Спадает с сердца гнет беды невероятный...
Все вынесло оно: разгул войны развратный,
И бешенство огня, и смертный приговор.

Боже, все мы испытали, все, что ты послал, снесли!
Кто знавал такие муки с сотворения земли,
Как народ наш обнищавший?

Мы мертвы, но мир способен снова к жизни нас вернуть.
Дай нам силу встать из праха, воздух мира дай вдохнуть,
Ты, спасенье обещавший!

ПОСЛЕДНИЙ СОНЕТ

Познал огонь и меч, прошел сквозь страх и муку,
В отчаянье стенал над сотнями могил.
Утратил всех родных. Друзей похоронил.
Мне каждый час сулил с любимыми разлуку.

Я до конца постиг страдания науку:
Оболган, оскорблен и оклеветан был.
Так жгучий гнев мои стихи воспламенил.
Мне режущая боль перо вложила в руку!

— Что ж, лайте! — я кричу обидчикам моим.—
Над пламенем свечей всегда витает дым,
И роза злобными окружена шипами,

И дуб был семенем, придавленным землей...
Однажды умерев, вы станете золой.
Но вас переживет все попранное вами!

ХРИСТИАН ГОФМАНСВАЛЬДАУ

ИСПОВЕДЬ ГУСИНОГО ПЕРА

В сей мир принесено я существом простым,
Но предо мной дрожат державные короны,
Трясутся скипетры и могут рухнуть троны,
Коль я вдруг окажусь неблагосклонным к ним.

Стихом своих певцов возвышен Древний Рим:
Великой доблести начертаны законы,
Увиты лаврами героев легионы,
А власть иных царей развеяна, как дым!

Звучал Вергилия божественного стих,
Священный Август льнул к его бессмертной музе...
Теперь, Германия, ты превосходишь их:
Твой мужественный дух с искусствами в союзе!

Так не затем меня возносят над толпой,
Чтоб шляпу украшать бездарности тупой!

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Поднявшись из-за кручи,
Рассвет раздвинул тучи
Единым взмахом крыл.
Поблекли звезды, вскоре
Луна скатилась в море.
И я глаза открыл.

Восстав от сна ночного,
Я жизнь вкушаю снова,
Вновь бодрствует мой дух.
К рукам вернулась сила,
И утро воскресило
Мне зрение и слух.

О, чудо пробужденья!
Господня снисхожденья
Ничем не заслужив,
Я — страшный грешник — все же
Живым проснулся!.. Боже,
О, как ты терпелив!

Средь злобы и гордыни
Я чахну, как в пустыне,
Не ведаю пути.
Мне без твоей подмоги
Спасительной дороги
Из скверны не найти.

Ты в доброте безмерной
Пошли мне свет твой верный,
Чтоб мир мне был открыт.
Снабди мой дух крылами —
И наравне с орлами
Он к солнцу воспарит!..

ПОРТРЕТ ВЛЮБЛЕННОГО

Больной, душевною томимый лихорадкой,
Лесных зверей ловец с охотничьей повадкой,
Как флюгер, всем ветрам покорствовать готов,
Морфей, владыка грез, властитель царства снов,
Осмеянный врагом и другом пленник страсти,
Корабль, несущийся вперед, сломавши снасти,
По вздыбленным морям, сквозь буйные валы,
Невольник, что влюблен в свои же кандалы,
А также в палача с намыленной веревкой,
Бедняк, измученный недельной голодовкой,
Вулкан, что лавою клокочет огневой,
Венеры паладин, едва-едва живой,
Адама истинный потомок, он недаром,
Как прародитель наш, подвластен женским чарам.
То с Демокритом схож, то—чистый Гераклит.
И если он — металл, тогда любовь — магнит.
Торговец, свой товар задешево продавший,
Все то, чем он владел, продувший, промотавший,
Судьбой обиженный, лишившийся всего...
Глаза возлюбленной — вот небеса его!
А что его земля? Как что?! — Ее объятья!
В них он покоится. О, до невероятья
Он счастлив тем, что здесь он бросил якорь свой,
На землю шлепнувшись с дурацкой головой!
Рассудок потеряв, лишившись чувства меры,
Свою простушку он счел женственней Венеры.
Не удивительно, что все ее чернят.
Пускай не гневается: сам же виноват!
Томления его бросают в жар и в холод.
Лобзаньями ее он усмиряет голод.
Чтоб жажду утолить — ее он слезы пьет,
Но в этом случае сам горько слезы льет.
Во сне его одно преследует виденье:
Сколь сладок сон его, столь горько пробужденье,
Целуя пустоту, он воздух обнимал,
И ветер-баловник речам его внимал.
Любовью усыплен, любовью он разбужен.
Будильщик никогда влюбленному не нужен.
Любовь свой острый шип ему вонзает в грудь.
Он как ужаленный! Он вскакивает: — В путь! —
Грохочет ураган. Гремят раскаты грома.
Он скачет. Он плывет. И... остается дома,

Не зная, как спастись и чем себе помочь.
И среди бела дня он призывает ночь...
Однако, полагаю, повсеместно
Все, что здесь сказано, давно и так известно.
Под занавес хочу лишь приоткрыть секрет:
Художник набросал здесь собственный портрет!

РАДОСТЬ

Мне радость масленицей кажется подчас.
Неделя праздника, а сколько разговору!
Ждешь, ждешь ее, и вот — все раздражает нас:
То приторна еда, то маска нам не впору.
А этот целый год готовил фейерверк —
Каскад огней и звезд, хитросплетенье линий,
Чтоб за какой-то миг с шипением померк
Предмет его трудов, восторгов и уныний.
Все относительно. Нет прочности ни в чем.
Что дорого отцам, над тем глумятся дети.
И с отвращением мы вечером плюем
На то, что нам святым казалось на рассвете.
Великое во сне — ничтожно наяву.
Наш собственный порыв рождает в нас презренье.
Кто знает: может быть, я завтра разорву
Сегодня созданное мной стихотворенье?
О, хрупкость бытия! О, ненадежный свет!
Зачем же нас влечет в людскую эту давку?
Что радость? Что восторг? Все суета сует.
Так вовремя успей на небо сделать ставку!

СЛАДОСТРАСТЬЕ

Ты, сладострастье,— сахар наших дней.
Чтоб усластить наш век, безрадостный и краткий,
Нам в жилы льется твой напиток сладкий —
И мир сверкает тысячью огней.
Ты лед и камень превращаешь в розу,
Декабрь — в апрель и в песнопенье — прозу.

Мы для природы — дети. И она,
Как мать, свои нам груди открывает,

Наш дух окоченевший согревает
Настоем страсти, пламенем вина.
И мы берем из материнских дланей
Изысканные лакомства желаний.

Унылый деспот, праведник Закон,
За нами следом ходит с гнусной миной.
Ах, отравляет яд его змеиный
Веселье и свободу сыспокон!
Он завязал глаза нам, чтоб мы слепо
Сияньем дня считали сумрак склепа!

Свою живую прелесть напоказ
Не выставляет роза безвозмездно:
Ей наше жизнелюбие любезно!
Она в уплату требует от нас —
Зажечься!.. Кто на это не решился,
Тот враг себе, тот разума лишился.

На что нам сила, молодость, задор,
Когда мы, утомительно невинны,
Страшимся жизнь прогрызть до сердцевины?
Жизнь есть алчба. Все остальное — вздор!
Так в плаванье пускайтесь дерзновенней
По радостному морю вожделений!
Кто Эпикура не избрал в друзья,
Утратил вкус пленительной свободы,
Тот изверг, мразь, тот пасынок природы,
И человеком звать его нельзя!
Докучливы труды ученого августа.
Но как щекочет нас ученье Эпикура!

НА КРУШЕНИЕ ХРАМА СВЯТОЙ ЕЛИЗАВЕТЫ

Колонны треснули, господень рухнул дом.
Распались кирпичи, не выдержали балки.
Известка, щебень, прах... И в этот мусор жалкий
Лег ангел каменный с отколотым крылом.

Разбиты витражи. В зияющий пролом,
Влетают стаями с надсадным воплем галки.
Умолк органный гул. Собор подобен свалке.
Остатки гордых стен обречены на слом.

И говорит господь: «Запомни, человек!
Ты бога осквернил и кары не избег.
О, если б знать ты мог, сколь злость твоя мерзка мне!

Терпенью моему ты сам кладешь предел:
Ты изменил добру, душой окаменел.
Так пусть тебя теперь немые учат камни!»

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ

Зачем вы, злые мысли,
Вдруг нависли?
Слезами не избыть беду!
Печаль помочь не может —
Боль умножит.
Нам с нею горше, чем в аду.

Воспрянь, душа! Учись во мгле кромешной
И безутешной,
Когда шальной ревет норд-ост
И мир накрыт, как покрывалом,
Черным шквалом,
Собою заменять свет звезд!

ЗЕМНАЯ ЖИЗНЬ

Что значит жизнь с ее фальшивым блеском?
Что значит мир и вся его краса?
Коротким представляется отрезком
Мне бытия земного полоса.
Жизнь — это вспышка молнии во мраке,
Жизнь — это луг, поросший лебедой,
Жизнь — скопище больных в чумном бараке,
Тюрьма, куда мы заперты бедой.
Все это лживой роскошью прикрыто,
Величьем разукрашено пустым.
На скорбных трупах созревает жито,
Вот почва, на которой мы стоим.
Но ты, душа, не уподобься плоти!
На жребий свой напрасно не ропщи.

Не в блестках, не в фальшивой позолоте,
А в истине спасение ищи!
Беги, беги от мишуры обманной,
Расстанься с непотребной суетой,
И ты достигнешь пристани желанной,
Где неразрывны вечность с красотой!

РАЗМЫШЛЕНИЯ В ДЕНЬ МОЕГО ПЯТИДЕСЯТИЛЕТИЯ

Сколь потускнел мой взор, светившийся так ясно!
Я сам не тот, кто был. Тоска сжимает грудь.
И что-то шепчет мне чуть ли не ежечасно:
Оставь земную жизнь и собирайся в путь!
Так эти — пятьдесят — безрадостная дата —
Куда бессильнее, чем двадцать пять когда-то.

Господь, ты зрел меня и в материнском лоне,
Где в полной темноте я трудно вызревал.
Ты для меня зажег звезду на небосклоне,
Ты сотворил меня и мир мне даровал.
Среди житейских бурь, средь ночи безысходной
Ты кормчим был моим, звездою путеводной.

Встречались тернии — ты превращал их в розы,
А глыбы тяжкие — в сверкающий хрусталь,
Бесплодный шлак—в руду, в покой блаженный—грозы
И в радость буйную — унылую печаль.
Я — нуль, приписанный тобой к высоким числам,
Питающийся их недостижимым смыслом.

Чем мне тебе воздать? Я чересчур ничтожен.
А чем владею я — не более чем хлам.
И все же выход есть, и он отнюдь не сложен:
Пусть дух мой воспарит к стареющим орлам.
И, ставши стариком серебряноволосым,
Я боле не примкну к юнцам звонкоголосым.

Дай приобщиться мне к божественным усладам,
Бедою не вспугни мой старческий покой,
И не спеши объять меня могильным хладом,
И силы мне прибавь всевластною рукой,
Чтоб над моей душой, где зло с добром смешалось,
Не плакал бы рассвет и ночь не потешалась.

О, дай мне в сладостями сдобренной полыни
Узреть врагов моих расчетливую лесть.
Пусть гибнут в ими же сплетенной паутине!
Пусть на обманщиков Обман обрушит месть!
Дай выстоять в борьбе, в благом и правом деле,
Чтоб ненависть и мрак меня не одолели.

Омолоди, взбодри слабеющую душу,
А дух мой преврати лишь в твоего слугу,
И в испытании не сникну я, не струшу,
И себялюбие свое превозмогу.
И, с завистью порвав, сам восприму я вскоре
Несчастье ближнего как собственное горе.

Сверши, чтобы мой дух к святыням приобщился,
Чтоб сердце чистое светилось изнутри.
Я приукрашивать себя так часто тщился!
Ты пятна подлые скорей с меня сотри!
Как ослеплен наш взор пустым, обманным светом!
И как мы немощны!.. Ты ведаешь об этом.

И, наконец, введи меня в свои владенья!
Ночь жизни коротка, бессмертья вечен свет.
Что громкие слова? Что пышность погребенья?
Тщеславье жалкое средь суеты сует.
Лишь надпись на плите не будет позабыта:
«Ядро исчезло прочь. Здесь скорлупа зарыта».

СТРОКИ ОТЧАЯНИЯ

Бессильный, я закрыл глаза,
Рукой холодной лба коснулся:
В меня ударила гроза,
Мой бедный разум пошатнулся.
И я то бодрствую, то сплю,
То смерть о помощи молю,
То, преисполнившись отваги,
Вновь жажду радости земной...
И вдруг гляжу: передо мной
Лежат перо и лист бумаги.

Проснись, рассудок мой, проснись!
О, все равно не будет чуда!..

Над жалким миром вознесись:
Давно пора нам прочь отсюда!
Плюю на золото, на власть,
Плюю на горечь и на сласть,
На то, что друг мне яму роет,
На то, что враг со мной хорош.
Отныне ни любовь, ни ложь
Дорогу мне не перекроют.

Признаюсь: мне смешна до слез
Та жизнь, что я доселе прожил.
Какой глупейший вздор я нес!
Чем, не стыдясь, людей тревожил!
Не мудрено, что, осознав,
Сколь был я темен, глуп, лукав,
Я цепенею, как от боли.
И мне себя не жаль ничуть...
Но, впрочем, в жалости ли суть?!
Спешим! И ни мгновенья доле!

Я тороплюсь в тот светлый склеп,
Где нет ни для кого различий,
Где человек, от смерти слеп,
Становится ее добычей.
Драконий дым, змеиный яд
Мой труп разложат, разъедят,
Глумясь над телом беззащитным.
А может статься, на беду,
Я вдруг за лакомство сойду
Драконьим детям ненасытным.

Однако мыслимо вполне,
Что ни драконы и ни змеи
И не приблизятся ко мне,
Над слабым тешиться не смея.
Тогда — боязни вопреки —
Уйду в горючие пески,
Где львы голодные блуждают,
Затем, чтоб, пищей став для них,
Я наконец навек затих:
Мученья смертью побеждают!

Но если ни клыки, ни яд,
Ни все, чего ни перечтете,

Как прежде, не разъединят
Союз души и бренной плоти,
Я сам, чтоб выклянчить покой,
Своей слабеющей рукой
Казню себя, проткнув кинжалом
Вот эту грудь, в чьей глубине,
Поддерживая жизнь во мне,
Струилась кровь потоком вялым.

Когда б вы знали, как я жил,
То волоса бы встали дыбом!
Кого лелеял, с кем дружил,
Каким подвергнут был ушибам!
Теперь я сам живой мертвец,
Ходячий призрак, не жилец,
Труп без укрытья гробового.
Я отвратителен во всем.
В существовании моем
Нет больше смысла никакого.

И хоть я вскорости умру,
Меня настолько гложет совесть,
Что даже этому перу
Велю на сем закончить повесть.
Обретши в радостях беду,
Отраду в гибели найду,
Прощаясь с вами, вас прощаю...
Спокойной ночи вам, родным
И милым... А врагам своим
Жизнь, что я прожил, завещаю!

ФИЛИПП ФОН ЦЕЗЕН

ОДА

Предрассветная звезда,
Не беда,
Если ты проспишь немного!
Ожидаючи зарю,
Говорю:
— Ну, помедли, ради бога!

Солнце, задержись в пути,
Не свети.
Дай понежиться влюбленным
Лишний час в ночном лесу
И росу
На ковре оставь зеленом.

Жарче всякого огня
Для меня
Тело дивное, родное.
И без хитрости скажу,
Что схожу —
Ах, с ума схожу от зноя!

Кто ее опишет взгляд,
Как велят
Мне мой дар и долг поэта?
Сердце, ты провозгласи:
— Не гаси
Эти звезды до рассвета!

Пусть сияют, пусть горят!
Говорят
(Сам господь тому свидетель):
Радость юности нужна,
И дружна
С пылким сердцем добродетель!

Ночь с любовью заодно!
И вино
В нас бурлит, к любви взывая,
Жар любви и огнь вина!
Рождена
Этой ночью жизнь живая.

К БОГОТВОРИМОЙ, РАВНЫХ СЕБЕ НЕ ИМЕЮЩЕЙ РОЗЕМУНДЕ

О Роземунда, ангел мой, души моей царица!
Когда б ты знала, что со мной, беспомощным, творится!
Но ты не видишь слез моих, а им потерян счет...
Ты спишь, должно быть... Что я?! Нет! Сон и к тебе нейдет!

Мерцают траурным огнем небесные светила.
Боль сострадания — увы! — все небо охватила.
И среди звезд переполох, и лунный слышен стон:
«Да как же так?! Неужто жив без Роземунды он?!»

В линялый кутается плащ сырая мгла почная.
Оцепенела ночь, своих коней не погоняя.
Они бредут едва-едва по Млечному Пути.
Они от жалости ко мне не движутся почти.

Чего-то медлит отпирать восток свои ворота.
В траве не блещут ни роса, ни солнца позолота.
Возможно, день целует ночь совсем в иных местах
И нас забыл. И оттого еще сильней мой страх.

О Роземунда, алый рот, ах, рот, что роза, алый!
Из-за тебя, ах, алый рот, мой ум мутится шалый.
Пошел паломничать мой рот, как некий пилигрим,
Чтоб, как к святыне всех святынь, припасть к губам твоим.

А как горят твои глаза, два дивных изумруда!
Их свет пронзил меня насквозь, свершив подобье чуда:
Я разглядеть тебя могу и в непроглядной тьме,
И сотни сотен тысяч раз лобзать тебя в уме!

В моей душе твой светит лик, и ты не удалишься.
Ты бесподобно хороша, когда ты веселишься.
Ни у кого я не встречал еще такой красы,
Такой каштановой, такой распущенной косы!

А твой зовущий голосок, как зво́нок он и сладок!
Я слышу зов самой любви! Меня трясет припадок!
Огонь мечу! Мечтой лечу под твой заветный кров.
Ах, будь я болен, у тебя как стал бы я здоров!

ИОГАНН ГЕОРГ ГРЕФЛИНГЕР

ПРАЗДНИК

Пойте, шутите!
Сердцем цветите!
Душу заселим
Буйным весельем!

Слышится клич нам
В пенье скрипичном:
Нуте-ка спляшем
Девушкам нашим!..

Пальцы сплетемте.
— Может, пойдемте?..
— Ну и намеки! —
Вспыхнули щеки.
Полно быть мрачной!
Стань новобрачной!..
Мрачен лишь олух
Среди веселых.

Мудрость природы —
Свадьбы да роды!
К играм весенним
Всех переженим:
Верное средство
Множить наследство!

Дай насладиться!..
Счастье плодится!
Благо всем людям!
Мудрыми будем!
Жар не тушите!
Пойте! Пляшите!..

ГАНС ГРИММЕЛЬСГАУЗЕН

ГИМН КРЕСТЬЯНСТВУ

На всей земле во все века
Клянут и давят мужика,
Но все, что пьем мы и едим,
Добыто не тобой, а им.

Чтоб род людской не подыхал,
Адам землицу распахал.
Считай: от пахаря пошли
Все — в том числе и короли.

Чем жизнь красна и мир велик —
Вскормил и выходил мужик.
Насущный хлеб — земную рожь —
Ты из мужицких рук берешь.

Король — отечества оплот,
Нам богом посланный, и тот
Спешит крестьянство обобрать:
Иначе как прокормишь рать?

Из тех полуголодных сел
Плывет еда на барский стол,
От тех крестьянских рук и спин
Течет нам в глотку сладость вин.

Кто сердцем землю возлюбил,
Во славу ей дома срубил?
Зачах бы мир наверняка,
Не будь на свете мужика!

Лишь одного я не пойму:
С чего б печалиться ему?
Хоть обделен мужик добром,
Зато весьма здоров нутром.

Он ладно скроен, крепко сшит.
Его подагра не страшит —
Болезнь, что часто сводит в гроб
Иных сиятельных особ.

При этом всём от чванства он
Господней волей защищен:
Тех, кто влачит свой тяжкий крест,
Вовек гордыня не заест!

Мужик сему душевно рад:
Вломился в дом к нему солдат,
Корову отнял, хлеб забрал,
Чтоб носа он не задирал!

АНГЕЛУС СИЛЕЗИУС

ИЗРЕЧЕНИЯ

Нет в мире ничего чудесней человека:
В нем бог и сатана соседствуют от века.

Как быть мне, если все во мне приют нашло:
Миг, вечность, утро, ночь, жизнь, смерть, добро и зло?!

Ты смотришь в небеса? Иль ты забыл о том,
Что бог — не в небесах, а здесь, в тебе самом?

Бог жив, пока я жив, в себе его храня.
Я без него ничто, но что́ он без меня?!

Постой! Что значит «бог»? Не дух, не плоть, не свет,
Не вера, не любовь, не призрак, не предмет,
Не зло и не добро, не в малом он, не в многом,
Он даже и не то, что именуют богом,
Не чувство он, не мысль, не звук, а только то,
О чем из всех из нас не ведает никто.

Спит праведник, во сне вкушая благодать.
А грешник молится и всем мешает спать.

Неутомимо то, что господом зовут:
Его покой — в труде, в его покое — труд.

Ты, грешник, сетуешь на то, что пал Адам?!
Не пал бы первым он,— ты б это сделал сам.

Когда богач твердит о бедности своей,
Поверь ему: он прав — он нищего бедней.

Как совершенно все, что вкруг себя мы зрим:
Стекляшка и алмаз, паук и серафим!

Ты царства божьего все требуешь от неба,
А сам для бедняка жалеешь корку хлеба!

Я, как господь, велик. Бог мал, что червь земной.
Итак: я — не под ним. И он — не надо мной.

Так кто же я такой, творенье чьих я рук,
Предмет, и не предмет, и точечка, и круг?

ЗИГМУНД ФОН БИРКЕН

МИР ГОВОРИТ

Ну что — дождали́сь? Веселитесь, герои!
Я ваше веселье удвою, утрою:
Конец наступил ненавистной войне!
Живите! Топите раздоры в вине!
Братайтесь! Бросайте мечи и пищали —
От них только беды одни да печали,
Забудьте сварливых соперниц громов,
Которые крыши срывали с домов,
Из жерл извергали ревущее пламя,
Могильные рвы понабили телами,
Корежили стены, посевы пожгли,
Изгрызли зеленое лоно земли.
Сегодня велим этим бестиям лютым
В честь мирного праздника жахнуть салютом.
Ракеты затеют такой фейерверк,
Чтоб звезды поблекли, чтоб месяц померк!
Друзья музыканты! На дудке, на флейте
Валяйте играйте, труда не жалейте!
С чего наша радость? С чего этот пир?
Война околела! Рождается мир!
В честь мира на свете, в честь мирного мира
Исходит небесной мелодией лира,
Басят барабаны в драгунском полку,
В харчевне взлетают смычки к потолку!

ОСЕННЯЯ ПЕСНЬ ФЛОРИДАНА

Загромыхали телеги, подводы.
Ну-ка! Живей! Начинáются роды!
Всё на сносях!.. И поля и сады
Ждут не дождутся мгновенья рожденья:
Сам Флоридан собирает плоды!

Лает, стреляет, гуляет охота.
Ну-ка, в леса, кому дичи охота!
Будет обед восхитительный дан!
И в упоенье мясо оленье
Жадно подносит к губам Флоридан.

Ну-ка, красотки — крестьянки, селянки,
Живо несите шесты да стремянки!
Яблоки, груши сшибайте с ветвей!
Ждет Флоридан их — спелых, румяных.
Но и орешки он любит, ей-ей!

Ну-ка, за дело, друзья рыболовы!
Сети да удочки ваши готовы?
Хоть не поспите вы целую ночь,
Стоит помаяться: рыбка поймается!
А Флоридан и до раков охоч!

Можно немало в течение суток
Понастрелять перепелок и уток.
Ну-ка! Живей! Не пропал бы запал!
Гляньте, ребятки: да там — куропатки!
А Флоридан в лебедицу попал!

Гнутся к земле виноградные лозы.
Будет вино, когда грянут морозы!
Будет веселье и будет гульба!
Давит давило. Чтоб грудь не давило,
Все обойдет Флоридан погреба.

Ну-ка! Живее! В поля! В огороды!
Пусть громыхают телеги, подводы!
Ну-ка, живее! В леса и сады!
В чаще целуйтесь, чем чаще, тем слаще,
Будьте здоровы! Не знайте беды!

Жарко пусть любится, сладко пусть спится,
Сладко пусть пьется (но так, чтоб не спиться!),
Пусть умножается ваше добро!
Вольно пусть дышится, складно пусть пишется!
Славьте мотыгу, клинок и перо!

Выпейте вдоволь и вдоволь поешьте!
Душу разгульною песней потешьте!
Дружно на праздник скликайте друзей!
Пляшет средь ора пьяного хора
Сам Флоридан с королевой своей!

КАТАРИНА РЕГИНА ФОН ГРЕЙФЕНБЕРГ

О ПРЕСЛЕДУЕМОЙ И ВСЕ ЖЕ НЕОДОЛИМОЙ ДОБРОДЕТЕЛИ

Нет большей радости, чем непреклонной быть
И, словно Геркулес, беде сопротивляться,
Перед могуществом во прахе не валяться,
Мужать в несчастии и тем его избыть,

В борении с огнем и громом лавр добыть!..
В страданиях — сердцам и душам закаляться!..
Тому, что говорю, не нужно удивляться:
Лишь тот, кто смерть познал, способен жизнь любить!

Сломив напор врагов, достиг победы Кир,
И Цезарь скипетр свой добыл в суровом споре,
Филиппа гордый сын завоевал весь мир
Ценой тяжелых войн на суше и на море.

Так что они для нас, опасности и беды,
Как не зарок небес, как не залог победы?

К НОЧИ

Звезды, свет моих очей,
И луна, венец ночей,
Осветите шар земной
Светом ярким, как дневной.

Тишина — гробница дум,
Поглоти мой алчный ум,
В буйном сердце жар утишь,
Избавительная тишь!..

В неподвижной тишине
Спят в надзвездной вышине
Песни те, что возношу
Все тому, кем я дышу!

Как бы ни был сон глубок,
Пусть в меня вольется сок
Благодати и любви,—
Зло во мне останови!

Снов ночных подруга — тень,
Ночь, сменяющая день,
Пусть вконец не скроет мгла
Свет, что совесть в нас зажгла!

Ты, кто ночью или днем
В сердце царствуешь моем,
Дай мне, милостью велик,
И во сне узреть твой лик.

Пусть натруженным глазам
Отдых будет, что бальзам,
Но пускай, повитый тьмой,
Только дух не дремлет мой!

ДАНИЭЛЬ КАСПЕР ЛОЭНШТЕЙН

ЛАБИРИНТ

Что кажется глупцу запутанным, обманным,
То в полной ясности доступно мудрецу.
Для зрячего простор отнюдь не скрыт туманом,
Затмившим солнца свет несчастному слепцу.
Кто праведен и мудр, вовек не ошибется,
Тропинку верную ища в кромешной мгле,
А дерзкий сумасброд и днем с пути собьется,
Найти небесный рай надеясь на земле.

По существу, мы все блуждаем в лабиринте,
Как в ранней юности, так и на склоне лет.
Куда же вы?.. Куда?! Мозгами пораскиньте!
Все ищут выхода. А выхода-то нет!
Влекут вас глупость, спесь, упрямство, похоть, злоба.
Своекорыстие, тщеславье, жадность, страх...
Каким вы способом дотащитесь до гроба?
Никто не ведает... А смерть-то — в двух шагах.

Вконец запутавшись, вы наконец умрете,
Едва успев шепнуть последнее прости.
Лишь пыль, труха и тлен останутся от плоти.
Ну, а душе куда прикажете брести?!
Блуждать ли в темноте по закоулкам смрадным
Иль, вознесясь, узреть в обители творца
Мир, оказавшийся воистину громадным,
Бездонный кладезь благ, жизнь, коей нет конца?

ВЕЛИЧИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ДУХА

На смерть господина Андреаса Грифиуса

Дух человеческий могуч и безграничен,
Охватывает он пространства и миры.
Им слабый ободрен, им смертный возвеличен,
И сам он дивный плод божественной игры.
В наш разум вложена таинственная сила.
Основу создал бог, все прочее — светила.

Да, тысячи чудес наш дух свершить способен,
В единстве с мудростью, в согласии с умом.
Не он ли знанием земли богоподобен,
Природу ощутив, как свой отцовский дом?
Да, знание найдет невидимые входы
В глубины бытия, в ядро самой природы!

Дух человеческий! Святой источник света!
Единственный творец истории земли!
Смолкает ураган пред лирою поэта,
Внимают струнам арф и чернь и короли!
Смягчи ж наш волчий нрав, открой дорогу праву,
Раздробленный наш мир сплоти в одну державу!

Порой томится дух в земном пространстве тесном.
Он, богом созданный, стремится к божеству,
Одушевляя связь житейского с небесным,
Давая высший смысл земному естеству.
Так в письменах святых он указует строки:
Бог — в вере и в любви, безбожие — в пороке.

Да, мастер Грифиус был воплощеньем духа,
Примером истины, прообразом добра.
Его могучий глас достиг господня слуха,
Мир заново восстал из-под его пера.
Он сам, исполненный великого дерзанья,
Был враг всезнайства, однобокости, незнанья.

Так неужели смерть подобный дух сломила?
Ужель бессмертнейший обязан умереть?
Иль у всесильнейшего вдруг иссякла сила,
Чтоб собственную смерть с лица земли стереть?
Ужели череп сей — вместилище вселенной —
Наполнится трухой, червями, гнилью тленной?

К несчастью, это — так. Он мертв, а смерть глуха.
Кто выбран в жертву ей, тот будет уничтожен.
Что ей могучий ум? Что дивный звук стиха?
Не все ли ей равно, велик ты иль ничтожен?
По звездам наши дни считает предсказатель,
Меж тем за ним самим спешит гробокопатель.

Треть Грифиуса — плоть — исчезнет без следа.
Но будут жить в веках две остальные трети.
Огонь его души, плоды его труда
Сквозь время пронесут земли немецкой дети!
И славе его жить! И имя его свято,
Пока отечество поэтами богато!

Он, редкой памятью когда-то обладавший,
Из памяти своих потомков не уйдет!
О, как же он богат, все людям раздававший!
Над ним не властны жар, гром, ужас, пламя, гнет.
Пусть триумфальные повалятся колонны!
Мы в душах строим храм. А души — непреклонны!

ДАНИЭЛЬ ГЕОРГ МОРХОФ

ЭПИГРАММЫ

ДОКТОРУ МАРТИНУ ЛЮТЕРУ

Рим покорил весь мир, а папство Рим сгубило.
Он силой действовал, оно коварством било.
Но Лютер папство смял и пересилил Рим,
Как лезвием меча разя пером своим.
Что́ боги Греции, что́ чудо-исполины,
Когда перо сильней Геракловой дубины?

ВИНОТОРГОВЦУ, УТОНУВШЕМУ В РЕКЕ

Он перепил вина и поглощен водою:
Такое плаванье кончается бедою.
Но он и трезвым бы отправился на дно:
О плут, с водой привык он смешивать вино!

СКРЯГА

Он ходит по земле, клад скрыт на дне оврага.
Клад вынут из земли, а в землю ляжет скряга.

ХРИСТИАН ВЕЙЗЕ

БЛАГИЕ МЫСЛИ ПРИ ВОСХОЖДЕНИИ ПО ЛЕСТНИЦЕ

Неблагодарный мир!.. По лестнице тащусь
И вправду всякий раз ее постигнуть тщусь,
Поскольку поражен ее долготерпеньем.
Все вверх и вверх иду я по ее ступеням,
А благодарность где? Ну, чем я ей плачу?
Не тем ли попросту, что я ее топчу
И причиняю ей одни лишь беспокойства?!
Так вот он — мерзостный закон мироустройства:
Чем мы услужливей, чем мы верней другим,
Чем безответнее, тем хуже нам самим.

Простите же меня, высокие ступени!
От вас не слышал я ни жалобы, ни пени.
Ведь я подобен вам: на службе у других
Я унижаюсь сам и возвышаю их.
Они по мне, спеша, на самый верх шагают.
Не то что жалуют, не то что помогают,
А топчут! Верите ли, втаптывают в грязь,
Не зная совести, расплаты не боясь!
Как быть, коль на земле попрали добродетель?
(Вы это знаете, и я тому свидетель.)
Я утешение иное нахожу:
Кому могу служить, тому я и служу,
Стараюсь не роптать на горестную долю
И в этом высшую усматриваю волю.

НЕОЖИДАННЫЕ РАЗМЫШЛЕНИЯ О НАСТУПАЮЩЕЙ СТАРОСТИ

Намедни заглянул в свой загородный дом.
Ах, что я там застал! Воистину — разгром!
Дверь с петель сорвана, пол всюду провалился.
Дождь-злоумышленник сквозь крышу просочился.
Я прибегаю к старосте.
А он: — Дом сгнил от старости!..—
Так, сразу истинной причины не найдя,
Беду я осознал немного погодя:
Мой дом состарился... так что же?
Я сам намного ли моложе?

Здесь чудо-яблонька мой радовала взор.
И что б вы думали? Ее срубил топор!
Аллеи поросли травою. И зачахли
Чудесные цветы, что так волшебно пахли.
Я вновь пеняю старосте.
А он: — Все дело в старости!..—
Так, стоя над давно увядшими цветами,
Подумал я о том, что вскоре будет с нами.
Мой сад состарился... Ну, что же?
Я сам намного ли моложе?..

Старушку я узрел, немало удивлен:
Чтоб время скоротать, она трепала лен.

Она была глуха, была подслеповата.
Невестой старости я знал ее когда-то.
И я, подобно старосте,
Вздохнул: — Проклятье старости!..—
За свадебным столом сидел я рядом с ними,
Кого с почтеньем величали «молодыми».
И вот они состарились... Ну, что же?
Я сам намного ли моложе?

Итак, прощай, мой сад, прощай, мой старый дом,
Прощай, моя земля!.. Я думаю о том,
Что долгих лет — увы! — нам время не дарует,
А все наоборот: остаток сил ворует.
Но надобно без ярости
Идти навстречу старости.
Чему бывать, того никак не миновать,
И посему, друзья, не надо унывать.
Состарившись, перед концом
Не будь хотя б несмысленным юнцом!..

ПОЭТАМ НАДОБНО ВЛЮБЛЯТЬСЯ

1

Не надо от меня
Любовных песен ждать.
Я с нынешнего дня
Их не могу создать.
В саду желта трава,
Мой тополь облетает,
Зима в свои права
Безжалостно вступает.

2

Охоты никакой
Писать о чем-нибудь.
Остужена тоской,
Заиндевела грудь.
Кто может серебро
Без пламени расплавить?
Как хладное перо
Пылать огнем заставить?

3

Я мрачен, хмур и стар.
Где вновь веселье взять?
Утратившему жар
Любовь не навязать.
Печаль как яд в крови.
Жизнь тусклым светит светом.
Зачахнет без любви
Тот, кто рожден поэтом.

4

Утратив жизни сласть,
Утратив жизни соль,
Что воспевать? Что клясть?
Отраду или боль?
Наверно, все равно!
Я знаю все уловки:
Любовь ли, кровь ли... Но
Мне тошно от рифмовки!

5

Смешон и жалок мне,
Кто, молодость сгубя,
Танцует в тишине,
Мурлыча про себя.
Смешон и жалок стих,
Возникший без команды
Восторгов, чувств моих:
Танцор без сарабанды!

6

Так навсегда прощай,
Любовной лиры глас!
Ах, не отягощай
Разлуки скорой час!
К стихам вернусь я вновь,
Связав иные нити...
Но песен про любовь
Вы от меня не ждите!..

АБРАГАМ А САНТА КЛАРА

ЭПИТАФИЯ СТАРУХИ

Костылик, палочка, клюка
Лежат со мною рядом.
Моя могила глубока,
Темна и пахнет смрадом.
Дожив до старости, увы,
Я все познала сроки:
Парик свалился с головы
И провалились щеки.
То жгло кишки, то ныла грудь,
То мучила простуда:
И головы не повернуть,
И горб, как у верблюда.
Тьфу! Право, оторопь берет,
Как вспомню гнусный кашель.
Пуст, что кошель, беззубый рот.
Чего он просит? Каши ль?
Горбушку три часа жуешь,
И то когда намочишь...
Вот так-то в старости живешь,
А умирать не хочешь!..
Судьбе покорные во всем
(«Си» жизнь сыграла в гамме),
Мы в такт мелодии трясем
Седыми головами.
Но, ощутивши ледяной,
Смертельный холод в теле,
Мы, старики, любой ценой
Отсрочить смерть хотели.
Я стала господа молить,
К нему вздымая руки:
Не для того, чтоб жизнь продлить,—
Из страха вечной муки!

ВОЙНА

Литавры бухают, и барабан рокочет,
Труба не устает надсадно завывать.
Кто дюжий меч вострит, кто с жаром саблю точит...
Вот если бы князьям самим повоевать!

Всех ненависть грызет и гложет, как вампир.
Народ — убойный скот, а бойня — целый мир.

Под шлемом — голова. Грудь давит сталь кирасы.
Железным пугалом стал ныне человек.
Железом чванятся мальчишки-лоботрясы.
В железе — старики... О, наш железный век!
Не от того ль нас бьет господь кнутом железным,
Что нас увещевать почел он бесполезным?!

НОЧНЫЕ МУЗЫКАНТЫ

По улицам почным,
По переулкам спящим —
Четыре дурака —
Мы инструменты тащим.

Почувствовав в груди
Любовную истому,
Мы с музыкой своей
Бредем от дома к дому.

Едва взойдет луна,
Мы серенаду грянем:
Пиликаем, бренчим,
Басим и барабаним.

«Прелестница, очнись
Скорее от дремоты!
Здесь, под твоим окном,
Мы разложили ноты.

Ах, осчастливит нас
Одна твоя улыбка!»—
Вздыхает барабан,
Тихонько просит скрипка.

«Твой взгляд дороже всей
Небесной благодати!» —
Поет гобой д'амур,
У лютни на подхвате.

«Мы будем здесь стоять
Хоть до восхода солнца,
Пока ты наконец
Не выглянешь в оконце!

Все арии тогда
Тебе споем мы хором,
С закатыванием глаз,
Со струнным перебором.

А коль ночной дозор
Пройдется по кварталу,
Мы ноги пустим в ход,
Чтоб шее не попало!

Вот так мы и живем,
Шатаясь где придется,
И пусть честной народ
Над дурнями смеется,

По улицам ночным
Мы с музыкой кочуем,
В надежде, что хоть раз
С тобой переночуем!»

ГАНС АСМАН АБШАТЦ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ К ГЕРМАНИИ

Немецкий дух подпал под гнет нововведений.
Мы наряжаемся, мы ходим, пьем, едим,
Фехтуем, странствуем, поем и говорим
На чужеземный лад... Взыскуешь восхвалений?
Так подчинись во всем дурацкой новой моде
Иль будешь высмеян при всем честном народе.

Что стало с нравами, которые исконны?
Усердье, преданность, честь немца — где они?
Все это, говорят, не модно в наши дни.
Все нынче новое: фасоны и законы.
Устои рухнули. Забыто постоянство.
И выскочки теснят старинное дворянство.

Презренье к старости... Зазнайство молодежи...
Но голове моей любезна седина.
Ведь чем древней вино, тем слаще вкус вина.
Монета, чем древней, тем ей цена дороже.
О нет, не торопись зачеркивать былое.
Миг — и отцвел тюльпан. Сто лет цветет алоэ.

ВРЕМЯ И ВЕЧНОСТЬ

В полночный час, повитый тьмой,
Тревога жжет рассудок мой.
Что значит время: краткий век,
В который втиснут человек?

Под гнетом дел, трудов, невзгод
Бывает день длинней, чем год.
Недели страха!.. Скорби дни!..
И все ж проходят и они.

Страшись! Коварен каждый час!
Как скоро смерть настигнет нас
И мы, покинув хрупкий дом,
Навечно в вечность перейдем?

С восходом солнца — день встает,
С заходом — вечер настает.
Но как измерить долготу
Дня, что не капет в темноту?

Луной, чей путь определен,
Год на недели разделен.
Но сколько лет в себя вберет
Бессчетных лун круговорот?

Друг друга месяцы сменить
Спешат — и жизни тянут нить.
Но вот один, подавшись вспять,
Истек и начался опять.

Двенадцать месяцев пройдет,
В году последний час пробьет.
Но где, когда раздастся звон,
Чтоб возвестить конец времен?

Всесильной мысли власть дана
Измерить глубь морского дна.
Но как безмерное обнять,
Непостижимое понять?

Труд проникает в недр нутро,
Кристаллы взяв и серебро.
В гор сердцевину путь прорыт,
И только в вечность вход закрыт.

Что — время, жизнь? Лишь краткий час.
Нещадно вечность гонит нас
И заставляет перейти
Туда, где нет конца пути.

КВИРИНУС КУЛЬМАН

ИЗМЕНЧИВАЯ СУЩНОСТЬ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Вот оно: мрак, чад, бой, хлад, юг, восток, запад, север,
Солнце, море, ветер, огонь и
Ужас: «Вдруг не помогут?!»
На это: свет, синь, кровь, снег, зной, жар, прохлада, мороз,
Сиянье, берег, затишье, пожар и
Гнусных издевок гогот.

Гнет, страх, крик «ах!», боль, вопль, яд, лесть, чернота коварства.
Но будет: гнет свобода согнет, страх — в прах! Боль обезболь!
Вот оно — от всех болезней лекарство!

Луна, огонь, алмаз, дым, овца, деревцо, аист, рыба.
Кому ночь нужна, кому печь нужна, кому оправа, кому труба,
Кому луг, кому сад, кому гнездо. Кто за озеро скажет спасибо!
Хлебу нужен желудок,
Мысли — рассудок.

Стрелок, человек, прилежанье, искусство, игра,
Рот, корабль, принц, горе, месть, верность, стяжанье,
Бог...
Каждому нужно свое:

Цель, место для сна, поощренье, награда, добрая ссора,
Поцелуй, возвращение в порт, трон, могила, убийство, любовь,
Святая молитва...
Что считается сильным, добрым, весомым, прямым, длинным,
Белым, большим, одиноким,
Что, как воздух, всесуще и высоко, как огонь,
Не сойдется со слабым, злым, легким,
Кривым и широким,
Черным, маленьким, с цифрами «девять» и «три».
И ни землю, ни воду они не приемлют!

Так, отвага, любовь, острословие, ум, слава, радость,
Красота и веселье покинут тотчас же края,
Где царят лицемерье, трусость, вражда,
Тугодумье, глупость, бесславье и скука,
Где уродство соседствует с тошнотворной тоской.

Все меняется в мире, все любит, и все ненавидит,
Тот, кто это поймет, кто воочию это увидит,
Тот узнает,
Как род наш устроен людской.

ОЧЕРТАНЬЕ ПРИМЕТ ПЛОТЬ

И очертанье да воспримет плоть!
В один народ сольются все народы.
В своем единстве триедин господь.
В зерне сокрыты триединства всходы.
Во мне самом воссоздан сын господень,
Пусть и у вас, в сердечной глубине,
Он вызреет, прекрасен и свободен.
Вы го́спода обрящете во мне.
Не тысячу дробить на единицы,
А в тысяче им воссоединиться!

Единой силой четырех ветров
Единозвучье держится земное.
В неисчислимом множестве миров —
Чертеж еще несозданного мною.
Мой разум размышленьем поглощен.
Смысл величайших истин мне открылся.

В дыханье сына дух мой воплощен,
Мной выплеснут, в любви он растворился.
И означало это вознесенье
Людского рода вечное спасенье.

Обожествленный, днесь являюсь к вам.
Я — господа вернейшее зерцало.
Я — как перед падением Адам:
В нем первое прозрение мерцало!
Что света свет, светильник светел мой.
И высшему добру во угожденье,
Мой сын, вступив в единоборство с тьмой,
Рождает свет, сам света порожденье.
И, светоносным наделенный даром,
Он огненным, отцовым пышет жаром.

Как знать, когда утратили меня
Народы, распыленные Адамом?
Но вас, от распыления храня,
К себе зову и к общности тем самым.
О вас печалясь, мы явились с сыном
Проклятье, что на вас, перебороть.
Да станет человечество единым!
И очертанье да воспримет плоть!
И в этом мы дотоле не смиримся,
Пока во всех сердцах не воцаримся!

ГОТФРИД АРНОЛЬД

МИР НА ЗЕМЛЕ

Как прохладный ветерок
Средь полуденного зноя,
Мир приходит в должный срок
К нам, измученным войною.
Мудрено ль меня понять?
Знают все, как сладко снова
Друга давнего обнять
После спора затяжного!
Ах, расти, расти во мне,
Дивный мир новорожденный,

Зрей в сердечной глубине,
Пой в душе освобожденной,
Высшим счастьем окрыленной!..
Возликуй, моя душа,
Королевою влюбленной!..

ИОГАНН ХРИСТИАН ГЮНТЕР

СТУДЕНЧЕСКАЯ ПЕСНЯ

Братья, братья, прочь тоску!
Вешний день ловите!
Солнце ластится к листку!
Радуйтесь! Любите!
Темен, слеп, бездушен рок.
Смерть близка... Так в должный срок
Розу жизни рвите!

Жизнь уносится стремглав,
Словно в небо птица.
Эту истину познав,
Нужно торопиться.
Ждет гробов разверстых пасть.
Поспешите ж, братья, всласть
Радостью упиться!

Ах, куда ушли от нас,
Кто совсем недавно
Молод был, как мы сейчас,
Веселился славно?
Их засыпали пески,
Их могилы глубоки.
Время так злонравно!

На погосте мертвецы
Под плитой глухою —
Наши деды и отцы,
Ставшие трухою.
Колокольный слышен звон.
Кто созрел для похорон?
Может, мы с тобою?..

Но в гаданьях проку нет.
Небо справедливо.
Мы же предков чтим завет:
Пьем вино и пиво!
Эй! От жажды сохнет рот!
Братья! Жизнь полна щедрот!
Наливайте, живо!

Поднимаю сей стакан
За свою отраду,
Ту, в чьем брюхе мальчуган
Зреет мне в награду.
Ну, так выпьем! А засим
Хором вновь провозгласим:
Слава винограду!

ПРОСНУВШАЯСЯ ПЕЧАЛЬ

Любовь сегодня пробудила
Печаль, что сердце бередила
И растравляла душу мне.
В груди проснулся стон протяжный,
Слеза дрожит росинкой влажной,
В сердечной вызрев глубине.

Тревога, спавшая доселе,
Вспугнула лень в моей постели
И не дала забыться сном,
Туда зовя меня всецело,
Где Одиночество воссело
На камень, на́ сердце моем.

Ах, чуя близкую разлуку,
Душа испытывает муку...
Ты рядом, за стеной, жила,
И то, бывало, как страдаю!
Теперь же Швейдниц покидаю,
Лишившись хлеба и угла.

Мольбы мои, упреки, грезы
Безмолвно б высказали слезы,

Но сушит их нещадный страх.
Кому печаль свою поверю?
Глухой стене? Лесному зверю?
Иль буре, воющей в горах?

Чем ты, дитя, добросердечней,
Тем злей, жесточе, бесконечней
Боль, что в груди своей таю.
О, неужель с себя не сброшу
Молчанья горестную ношу,
Поведав исповедь мою?

Но я страшусь!.. О, мир проклятый,
Где каждый встречный — соглядатай,
Где осторожность не спасет:
Дверь затворишь — подсмотрят в щелку,
А то, что скажешь втихомолку,
По свету эхо разнесет.

Одна лишь ты на целом свете
Надежно сохранишь в секрете
То, что тебе доверил друг:
Его понявши с полуслова,
Ты разделить уже готова
Его мучительный недуг.

Он обречен, он пропадает,
К твоей груди он припадает,
Изранен смертною тоской.
Так голубь, бурею гонимый,
Прильнувши к горлице родимой,
Найдет спасенье и покой.

УЖЕЛЬ, ПРЕЛЕСТНИЦА МЛАДАЯ...

Ужель, прелестница младая,
Твоей груди остынет зной,
Когда, как роза, увядая
За монастырскою стеной,
Недобрым людям на потребу,
Ты плоть свою подаришь небу?!

Ах, в тесной келье, в смертной скуке
Надежд на будущее нет.
Здесь дьявольские зреют муки,
Здесь жизни угасает свет.
И вина сладостные киснут,
Когда тебя в застенок втиснут.

От воздержанья печень пухнет,
Смерть наступает от тоски.
Покуда девственность не рухнет,
Мученья девы велики.
Так не лишай себя свободы,
Укрывшись под глухие своды!

Спеши! Найдем другую келью!
Амуром дверь отворена.
И пусть над нашею постелью
Он начертает письмена:
«Приют мой да послужит храмом
Прекраснейшим на свете дамам!»

Ведь грудь твоя — алтарь священный,
Ведь благовонье — запах твой.
В слиянье плоти сокровенной
Свершим молебен огневой,
Чтоб под «аминь!» прильнул к тебе я,
Блаженной слабостью слабея.

ВЕЧЕРНЯЯ ПЕСНЯ

Уже умолк вечерний звон.
Работа спит. Проснулся сон.
Ведомый солнцем заходящим,
Табун бредет на водопой.
День завершил свой круг земной,
И ночь глаза смежает спящим.

Твоя ничтожнейшая тварь,
Я сознаю, небесный царь,
Сколь нынче был мой путь греховен,
Сколь был я нагл, себялюбив,
Сколь мерзок, богу изменив,
И как я пред тобой виновен!

Но крохи милости твоей
Неизмеримо тяжелей
Грехов, что центнерами мерить!
И, как бы ни был дух мой слаб,
Молю тебя, твой жалкий раб,
В мое раскаянье поверить.

О, молви: «Сын мой, ты прощен!
Змей-искуситель укрощен.
Лишь бог живет в тебе отныне!»
И выйду я на верный путь,
Существованья смысл и суть
Познав в господней благостыне.

Я песнь вечернюю свою
Смиренно в жертву отдаю
Тебе, всех сущих повелитель.
В груди моей, небесный царь,
Сияет жертвенный алтарь:
Ты — душ истерзанных целитель!

О Иисусе, царь царей,
Всесильный в кротости своей,
Заступник мой, моя опора,
Явись ко мне и докажи,
Что я, отрекшийся от лжи,
Спасен от вечного позора.

Дух высшей истины! Гряди!
Затепли огнь в моей груди,
Чтоб средь кромешного тумана
И непроглядной темноты
Дорогу освещал мне ты —
Не жалкий луч самообмана.

Ты руку надо мной простер.
Но, глядючи в ночной простор,
Ищу твой лик тревожным взглядом.
И в одиночестве зову
Тебя во сне, как наяву:
«Отец мой! Будь со мною рядом!

Не покидай, великий бог,
Меня среди ночных тревог.

И пусть, едва сомкну я очи,
Твой ангел явится ко мне
И оградит меня во сне
От ненавистных чудищ ночи.

Тебе подвластный одному,
Я все бестрепетно приму
И все сочту веленьем божьим,
Пусть станет в бытии земном
Мне этот сон последним сном,
А ложе это — смертным ложем.

Но если пощадишь меня
И солнце завтрашнего дня
Я восприму, как дар волшебный,
То, отогнав недобрый рок,
Мне повели проснуться в срок
И дай пропеть свой гимн хвалебный!»

ТЕРПИМОСТЬ, СОВЕСТЛИВОСТЬ...

Терпимость, совестливость, миролюбье, честь,
Прилежность, набожность, усердие в работе...
Ну! Как вас там еще?.. Всех вас не перечесть,
Что добродетелями вечными слывете!
Клянусь вам, что не я — беда моя виной
Тому, что некогда вы овладели мной!
Но я служил вам и не требую прощенья!
Однако я постиг и понял вашу суть.
Спешите же других завлечь и обмануть:
Я вновь не попадусь на ваши ухищренья!

О, скопище лжецов, о, подлые скоты,
Что сладко о добре и кротости вещают!
Спасение сулят погибшим ваши рты,
А нищим вечное блаженство обещают.
Так где ж он, ваш господь? Где он, спаситель ваш,
Который все простит, коль все ему отдашь,
Как вы внушаете?.. Где сын его чудесный?
А где же дух святой — целитель душ больных?
Пусть явится! Ведь я больней всех остальных!
Иль маловато сил у троицы небесной?!

Личина сорвана, нелепых басен плод!
И все ж я сознаю: есть существо над нами,
Которое казнит, беду и гибель шлет,
И я... я избран им лежать в зловонной яме.
Порой оно спешит, чтобы меня поднять,
Но вовсе не затем, чтоб боль мою унять,
А смертных поразить прощением притворным,
То, указав мне цель, влечет к делам благим
И тут же мне велит сопротивляться им,
Чтоб счел меня весь мир преступником позорным.

Так вот он где, исток несчастья моего!
Награда мне за труд — нужда, обиды, хвори.
Ни теплого угла, ни денег — ничего.
Гогочут остряки, меня узревши в горе.
В бездушье схожие — заметь! — с тобой, творец,
Друг оттолкнул меня, отвергли мать, отец,
Я ненавистен всем и ничего не стою.
Что породил мой ум, то вызывает смех.
Малейший промах мой возводят в смертный грех.
Душа очернена усердной клеветою.

Когда бы я и впрямь хотя б кого-нибудь
Презреньем оскорбил, обидел нелюбовью,
Насмешкой дерзкою невольно ранил в грудь
Иль отдал бы во власть жестокому злословью,—
То, веришь ли, господь, я даже был бы рад,
Расплату понеся, навечно кануть в ад
Иль стать добычею тех самых темных духов,
О коих у твоих прилежных христиан
За десять сотен лет в пределах разных стран
Скопилось множество пустых и вздорных слухов.

О ты, который есть начало всех начал!
Что значит поворот вселенского кормила?
Скажи, зачем в ту ночь отец меня зачал?
Зачем ты сделал так, что мать меня вскормила?
Когда б тобой на жизнь я не был осужден,
Я был бы среди тех, кто вовсе не рожден,
В небытии покой вкушая беспредельный.
Но, созданный твоею властною рукой,
Вериги нищеты влачу я день-деньской,
И каждый миг меня колотит страх смертельный.

Будь проклят этот мир! Будь проклят свет дневной!
Будь трижды проклято мое долготерпенье!
Оставь меня, но вновь не тешься надо мной,
Не умножай мой страх! Даруй мне утешенье!
Христос, спаситель мой! Я вновь тебе молюсь.
В бессилии в твои объятия валюсь:
Моя земная жизнь страшней любого ада.
Я чую ад внутри, я чую ад вовне.
Так что ж способно дать успокоенье мне?
Лишь только смерть моя или твоя пощада!

К ОТЕЧЕСТВУ

Прощай, бесценная когда-то,
Меня родившая страна!
Ты смертным ужасом объята.
Будь в близкой буре спасена!
Тебя покинув, я оставлю
Позор, обиды, зависть, травлю,
Друзей предательскую спесь.
Страна разбойничьих законов!
Клянусь, что в обществе драконов
Я был бы счастливей, чем здесь.

Ты вся пропитана обманом.
Честь, совесть, вера — все труха.
К моим стенаньям непрестанным
Ты равнодушна и глуха.
Жестокосердная Леена!
Как из родительского плена
Твоим сынам свершить побег?
На что тебе их ум? Их знанья?
Чтоб скрыть иные злодеянья?!
О, лживый мир! О, подлый век!

Мать сына в горе не оставит,
А коли сбился он с пути,
На верный путь его наставит,
Поможет истину найти.
Но ты иначе поступала:
Мне яд в лекарства подсыпала

И не из праха подняла,
А, чтоб свои покрыть убытки,
Меня ограбила до нитки,
Убийц презренных наняла.

Ну, что ж! Неправда правит миром.
Вот пастыри твои стоят:
В пустых сердцах, обросших жиром,
Лишь похоть гнусную таят.
Тартюфы, трутни и мерзавцы,
Мздоимцы и христопродавцы,
Они не выпустят из лап
Страну, захваченную ими,
Задохшуюся в смрадном дыме,—
Кумиры толп, любимцы баб!

Здесь предрассудок мысль хоронит,
Богач пинает бедняка,
Лпкует гнет, свобода стопет,
Терзает ворон голубка.
Ростовщики — враги Христовы —
Скупить отечество готовы
И в роскоши проводят дни.
Своекорыстные злодеи —
По сути, те же иудеи,
Хоть не обрезаны они!

А на таможне, где граница,
Я только слышу что ни день:
Что стоит шерсть? Почем пшеница?
Какие цены на ячмень?
Мужи германские устали.
А чем же наши дамы стали?
Достаточно взглянуть на них:
Одни румяна да белила!
Давно их Женственность забыла,
И только Глупость любит их.

В таком безмерном запустенье
Я вижу родину свою.
Она — зачахшее растенье.
Ее с трудом я узнаю.
Ни вдохновения, ни мысли —
Они давным-давно прокисли

В удушье мерзостной тюрьмы.
Плоды искусства затерялись.
И тщетно мир спасти старались
Святые, светлые умы!

Страшусь! Гремят раскаты грома.
Холодный ветер тучи мчит.
Враги теснятся возле дома.
Рука расплаты в дверь стучит.
Что мне презренье? Что мне кара?
Стою, как Биант средь пожара,
Покорен року своему.
С тобой не свидимся мы снова.
Но даже воздуха родного
Глотка с собой я не возьму.

ПРИ ВРУЧЕНИИ ЕЙ ПЕРСТНЯ С ИЗОБРАЖЕНИЕМ ЧЕРЕПА

Сей дар любви, сей дар сердечный —
Грядущий образ мой и твой.
Да не страшится разум вечный
Бесплотной тени гробовой!
Но как сроднить вас, лед и пламень,
Любовь и надмогильный камень,
Вас, буйный цвет и бренный прах?
Любовь и смерть, равна их сила,
Что все в себе соединила,
И мы — ничто в ее руках.
Кольцо исполнено значенья.
В червонном золоте кольца —
Нетленность чувства, жар влеченья,
Друг другу верность до конца.
А бедный череп к нам взывает:
В гробу желаний не бывает,
Ни жизни нет там, ни любви.
Мы строим на песке зыбучем!
Так торопись! В лобзанье жгучем
Миг ускользающий лови!

ПАСКОЕ ПРИМОВИЧ

* * *

Фелуку послали ускокам навстречу,
плывет она в дали, в жестокую сечу.
И чтоб безрассудно не сгинуть в сраженье,
на Лóпуде судно возьмет подкрепленье.
Оттуда дорогу на Вратник проложит,
где вражью берлогу отряд уничтожит.
Как ядра фелуки — злосчастным ускокам,
так мне мои муки ниспосланы роком.
А радость былую верну я и силу,
когда поцелую тебя, мою вилу.

* * *

Фигли строила ты двум молодцам в сутанах.
Сколько мне пришло на ум мыслей нежеланных!
Или вправду промеж вас шашни? О, создатель!
Все проведает тотчас грозный настоятель.
Он таков, душа моя — все пред ним робеем,
словно малая змея перед лютым змеем.
Как ты терпишь, ангел мой, черноризцев рядом?
Уж меня ты удостой благосклонным взглядом.
А тебе я послужу честно, без обману,
днем и ночью госпожу ублажать я стану.

* * *

Фра Ма́ртин зазвонил в свои колокола,
денницу возвестил, и — светлая взошла.
Измученный тоской, сомкнуть я глаз не мог,
лишь утренней порой уснул без задних ног.
О, как был счастлив я, когда в чудесном сне
владычица моя пришла в постель ко мне.
Когда обнять хотел я несравненный стан,
вдруг сон мой улетел, растаял, как туман.
А мне опять страдать, смиряя горький стон.
О, если бы опять увидеть этот сон.

ХОРАЦИЕ МАЖИБРАДИЧ

* * *

Свет мой, сладостная вила
на восходе солнца,
сидя у оконца,
злато прядей распустила
вдоль прекрасной выи,—
грели душу мне не раз
косы золотые.
Ветер ласковый с Амуром
игрища затеял,
ей в лицо повеял,
липнут к прядям белокурым
бедокуры эти,
тонкой пряжей завладев,
мне сплетают сети.
Изловить хотят, как птицу,
милой на потеху,
мне же не до смеху,
о, за что меня в темницу?!
Нет, не уповаю
я на милость госпожи,
в пламени страдаю.
О, какая злая доля,
говорю по чести,
с этим ветром вместе

принесла мне столько боли,
что в слезах тоскую
и влачу большой валун
на гору крутую.

* * *

Как без сердца с жизнью слажу?
Я его оставил где-то.
Сердце! Сердце! — нет ответа.
Где же мне найти пропажу?

Ах, куда оно девалось?
Ждать ли встречи, боже правый?
Горечь дум страшней отравы,
жить не долго мне осталось.

Таковы причуды страсти,
что склонясь к ее приказам,
гибнет сердце, гибнет разум,
и душе грозят напасти.

Если кто-то в полной мере
жив без сердца, о мой боже,
сделай так, чтоб мог я тоже
пережить печаль потери.

С ОСТРОВА МЛЕТ

Отверженным я стал, наказан за грехи я,
живу средь голых скал в плену морской стихии.
Ревет прибой всю ночь и днем рыдает снова,
уходит радость прочь от прóклятого крова.
А для благих бесед на тихих побережьях,
к несчастью, места нет, поскольку нет заезжих.
Царящий надо мной закон жестокий рока
нас разлучил с тобой, унес меня далеко.
И твоему рабу влачить, увы, до гроба
злосчастную судьбу, чья непомерна злоба.
Отчаясь, восстаю и вслух кляну светила,
чья воля жизнь мою твоей красы лишила.

НА СМЕРТЬ ПОЧТЕННОГО ОТЦА МОЕГО, ГОСПОДИНА МАРОЕ МАЖИБРАДИЧА

Украшает кроной гордый дуб дубраву,
и пока — зеленый, он стяжает славу,
а когда повеет осенью ненастной,
крона поредеет — и забыт, несчастный.
Дерево родное, ты ласкало тенью,
всех во время зноя осеняло сенью,
высох ствол твой ныне, зелень быстро вянет,
мощи нет в помине — кто ж тебя помянет?
Слушай, мой хороший, что тебе открою —
твой листок, проросший вешнею порою:
никого не встретил я во всей округе,
кто б на этом свете погрустил о друге.
Где твой друг Бурина, столь тобой любимый?
Где собрат Ранина, столь тобою чтимый?
Где все остальные, что тебя любили?
Малые, большие — все тебя забыли.
В жизни ты на славу уповал едва ли,
но тебя по праву лавры увенчали.
С Джоре и Андрием вечность коротая,
ты теперь сродни им в горних кущах рая.
Пребывай же в небе с доблестными вместе,
твой высокий жребий дан тебе по чести.

СТИЕПО ДЖЮРДЖЕВИЧ

БЛАГОСЛОВЕНИЕ ЖЕНЩИНЕ НА СУПРУЖЕСКУЮ ИЗМЕНУ

— Уж не лучше ль на самом деле
мне дружка ласкать всю ночку,
чем нелюбленной, в одиночку,
спать в пустой своей постели?

— Эх, красотка молодая...
Муж твой где-то за́ морем бродит,
он, в разлуке не страдая,
время там с другой проводит.

Ты теперь его должница,
на неверность его не сетуй;
долг твой — щедро расплатиться
с мужем тою же монетой!

* * *

Если вздохи мои и взгляды,
полные любви, печали,
и страданья, и отрады,
для тебя не означали,
что дышу, себя сжигая,
лишь тобой, о дорогая,—

то поверишь ли песне этой,
тоже полной слез, мученья,
только для того и спетой,
чтоб постигла ты значенье
вздохов, страстью опаленных,
взглядов, пламенем рожденных?

О, если б смог я сердца пламя
засвидетельствовать песней —
я, сжигаемый мечтами,
раб твой верный, бессловесный!

МЕХМЕД

ИЗ ПОЭЗИИ АЛЬХАМЬЯДО

ХОРВАТСКАЯ ПЕСНЯ

Говорю своей невесте:
как же мне не быть веселым?
Пока дух и тело — вместе,
ты дозволь мне быть веселым.

Твоего дождусь лишь взгляда —
в сердце радость и услада,
ты — моя, других не надо,
как же мне не быть веселым?

Этот мир окутан тьмою,
но тебя от тьмы я скрою,
стану жить одной тобою,—
ты дозволь мне быть веселым.

И сама не будь угрюмой,
не терзайся грустной думой,—
лишь о счастье нашем думай,
чтоб не быть мне невеселым.

Сон любви — то сон не вечный
в нашей жизни быстротечной;
не хочу тоски сердечной,—
ты дозволь мне быть веселым.

Ты улыбкой озарилась,
свет ее — как дар, как милость,
у Мехмеда песнь сложилась,—
как же тут не быть веселым!

МУХАММЕД ХЕВАИ УСКЮФИ

ИЗ ПОЭЗИИ АЛЬХАМЬЯДО

* * *

Господи, смиренно просим:
смилуйся над нами.
Образ твой в себе мы носим,
смилуйся над нами.

Не даров с корыстью молим,—
ласки, как дождя над полем,
облегченья нашим болям,
смилуйся над нами.

Светлым сном умерь в нас муку,
возлюби нас, дай нам руку,
встречей увенчай разлуку,
смилуйся над нами.

Сколько нас к тебе стремилось!
Сердце в каждом истомилось,
веруем в твою к нам милость,
смилуйся над нами.

Жалок я, твой раб Хеваи.
Но, от всех к тебе взывая,
к небу возношу слова я:
смилуйся над нами!

* * *

В путь мой заветный, в эту дорогу
как мне решиться ныне пуститься?
Этой дороги к господу Богу
сердце страшится. Только б решиться...

Что мы для Бога? Глина сырая.
В жизни ваяет всех нас для рая,
нас же за грех наш грозно карая,
божья десница... Как мне решиться?

Власть надо мною в небе едина,
сзади давно уж дней половина,
разум и дух мой — все еще глина.
Как же решиться к Богу явиться?

Бога молил я с жаркою дрожью:
дай мне, земному, мысль свою божью,
чтоб разграничить истину с ложью,—
есть ведь граница! Только б решиться...

В рай твой, создатель, верю я свято,
что же смятеньем сердце объято?
Вот — я, Хеваи, ждущий заката:
суд да свершится! Только б решиться...

ИВАН ГУНДУЛИЧ

ИЗ ПАСТОРАЛИ «ДУБРАВКА»

* * *

В деревцах кудрявых ветры зашумели,
радостно в дубравах соловьи запели,
ручейков напевы ранний луч встречают,
и венками девы юношей венчают.
Дудочки пастушьи песнь слагают милым,
услаждая души ясноликим вилам.
Вилы голосисты водят хороводы
там, где брег тенистый и прозрачны воды.
Но к чему все это? Что́ мне ясны зори?
Не найти привета мне в любимом взоре.

Струи зажурчали, ветр вздохнул глубоко —
мне в слезах печали слышен рев потока.
В каждой песне — стоны, в мыслях — горечь яда,
сердце — луг зеленый, где моя отрада.
В этом ярком свете тьма слепит мне очи,
ничего на свете, кроме вечной ночи.

* * *

Цвет багряный на востоке,
вся земля в цветном уборе,
расцветает луг широкий,
расцветают в небе зори,
льется дождь цветов веселых,
будем рвать их дружно в долах!
Все бело, красно и сине,
всем цветам вокруг раздолье,
пышен цвет на луговине,
в темной чаще, в чистом поле.
Это время сердцу мило,
все цветами расцветило.

* * *

Свобода! Что́ краше тебя и дороже?
Ты — помыслы наши, ты — промысел божий,
ты мощь умножаешь, даруешь нам славу,
собой украшаешь всю нашу Дубраву.
Все жизни, все злато, все блага народа —
лишь малая плата за луч твой, свобода!

ИЗ ПОЭМЫ «ОСМАН»

ПЕСНЬ ПЕРВАЯ

О тщета людской гордыни,
Чем себя ты утешаешь?
Ввысь стремишь полет свой ныне,
Завтра долу ниспадаешь.

Перед тленом все повинны,
Все конец свой обретают.
А высоких гор вершины
Громы прежде поражают.

Если небо безучастно,
Все творенья быстротечны:
Без него и власть безвластна,
Царства сильные не вечны.

А фортуна беспрестанно
Колесо свое вращает:
Свергнет этого нежданно,
А другого возвышает.

Днесь над саблею корона,
Завтра — сабля на короне,
Ныне царь лишился трона,
Завтра — раб сидит на троне.

Сквозь несчастья — счастье блещет;
Трон из крови возникает;
Тот, пред кем весь люд трепещет,
Страх и сам претерпевает.

От главы царя отводит
Все измены трона сила,
Но нежданно происходит
То, что память позабыла...

ПЕСНЬ ВТОРАЯ

Юность! В дерзком устремленье
Ты не ведаешь боязни,
Даже смерть в лихом боренье
Видишь ты без неприязни.

И смела ты, и свободна,
Мысль тебя не утруждает,
Сложность дел тебе угодна,
Трудность жизни не пугает.

Если очень возгордишься —
Море синее утопит,
Если к солнцу устремишься —
Солнце в крыльях воск растопит.

А иной юнец в гордыне
Средь воды огнем пылает:
Пав с небес, в морской пучине
С колесницею сгорает.

Александр в лета младые,
В полноте великой славы,
Ведал, что еще иные
Есть и земли и державы.

Ныне младостью томится
Чадо буйное Османов:
Бедствий чадо не страшится,
Все в плену самообманов.

Ах, Осман! В предел восточный
Не спеши! Царю пристало
Верных слуг — совет урочный —
Всех заслушать для начала.

Мудры слуги в их сужденьях
О чертах, тебе присущих:
Своеволен ты в стремленьях
И не знаешь дней грядущих.

Где в твоих решеньях сила?
Мысль твоя еще незрела,
Опыт — жизнь не подарила,
Молод ты еще для дела.

За своей весной незрелой
Осень жди, ее урока,
Славы плод, еще неспелый,
Не губи ты раньше срока.

Победить врага в сраженье,
Покорить непокоренных —
Благородное стремленье
Славой всех мужей вспоенных;

Но кто бед не бережется
И коварства не страшится,
Безрассудным назовется,
В мненье общем умалится.

Так и лес в горах: для глазу
Он зеленый и прекрасный,
Но войди, увидишь сразу —
В нем и гад, и зверь опасный...

ПЕСНЬ ВОСЬМАЯ

Красота — благой природы
Дар счастливейший и сила;
Почитают все народы
В ней все то, что сердцу мило;

Луч, сравнимый с божьим взором,
Райский цвет красы прекрасный,
Благо, все дары в котором,
Образ неба вечно ясный;

В ней пред миром рай открыло
Бога славное деянье,
Где чело — восток; светило —
Локон; лик — зари сиянье;

Радость в ней, и наслажденье,
И сердец согласья мера,
Душ сладчайшее томленье,
Для очей предмет примера;

Сладкий мед, что грустью сладкой,
Раз вкушенный, отзывает,
Мир желанный жизни краткой
Душам всем она вещает.

Если мощь красы сумеет
С кровью знатной съединиться,
Вдвое в силе преуспеет,
И пред нею всяк склонится;

И тогда в великой славе
Та краса распространяет
Власть свою в любой державе,
Мир, чаруя, облетает...

ИВАН БУНИЧ

* * *

Ах, не верь, моя Любица,
ты воде озерной, чистой,
как в ней верно ни отразится
лик твой райский, взор лучистый,—
ибо вскоре отраженье
от тебя навечно спрячет
сладость уст, красу движений,
синеву двух звезд горячих.
В воду с гордостью ты глядишься,
но придет конец гордыне:
пораженно отстранишься
от воды, столь милой ныне.
Юность быстро убегает —
не от той ли тени черной,
что порой и тебя пугает
в тихой глубине озерной?
Время немо и сурово,
в нем дороги нет обратно,—
и, хоть день займется снова,
наше утро невозвратно.
Над своим ты не властна сроком,
тороплив он, ненасытен:
губы, взгляд, златой твой локон —
все отнимет, как грабитель.
Не смотри ж с такой любовью
на свое изображенье
и моей проникнись болью,
о мой свет, мое утешенье!

НЕ ОТРИНЬ МЕНЯ, ХОТЬ Я И НЕ МОЛОД

Меня все корит моя юная вила:
мол, я уж старик — не вернуть то, что было...
Скажу ей в ответ: укоряешь напрасно,
я пепельно сед, но ведь страсть не угасла —

как огненный жар в груде белого пепла,
любовь, хоть я стар, возгорелась, окрепла;
я схож с той горой, что покрыта снегами,
но к небу порой извергает и пламя.
Любовь — словно голод. Умру, не насытясь.
Пускай я не молод, но чем я не витязь!
Я полон огня,— не отринь, не разжалуй,
ты возле меня блещешь розою алой —
иль плох наш венок, где сплелась воедино
с тобой, мой цветок, белоснежность жасмина?

* * *

Ах, если б вечно в очи эти
мне смотреть влюбленным взглядом,
я б тогда, с тобою рядом,
стал счастливейшим на свете,—
лишь твое лицо мне снится,
жизнь моя, моя царица!

Лишь об одном могу мечтать я:
дни и ночи быть с тобою,
юной тешиться красою,—
и, в твои попав объятья,
восхищенно в них забыться,
моя жизнь, моя царица!

Ах, если б мог я, дорогая,
каждый миг, зимой и летом,
упиваться твоим светом,
от восторга умирая,—
если б нам соединиться,
жизнь моя, моя царица!

О, эту близость райским даром
называл бы я по праву;
я тогда, тебе во славу
отпылав сплошным пожаром,
и со смертью б рад смириться,
моя жизнь, моя царица!

* * *

О, глаза любимой,
огнь мой неугасимый,
очи-зарницы,
звезды-денницы!
Пламень небесный
с вешнею песней
не вы ли, не вы ли
в сердце мое влили?

О ласковые взгляды,
родники отрады,
счастья истоки!
Свет свой глубокий
дайте мне, дайте,
не покидайте
души моей влюбленной,
вами вдохновленной.

Вы — мое спасенье,
рассвет мой весенний.
Луч ваш волшебный,
чистый, целебный
сжег тьму и холод,
снова я молод —
душу воскресила
ваша дивная сила.

* * *

Вила мне все перечит, что поделать с нею.
Я — утесов крепче, она — скал прочнее.
Каменною стала она, молодая:
мучит, и немало,— все сношу, страдая.
Коль к моей заботе приглядится кто-либо,
скажет: я не из плоти,— просто камня глыба...
Мы с моею гордой друг на друга похожи:
она — камень твердый, я из камня тоже;
из мрамора — вила, сам я — из гранита,
она лед в себе скрыла, во мне пламя скрыто.

ЗДРАВИЦА

Цвет-чародейка,
в кубки налей-ка
светлого зелья
нам для веселья;
видишь? — тут каждый
мучится жаждой,
все — в одно слово:
«Будь же здорова!..»

Ой, молодая,
пью за тебя я —
и, не ревнуя,
жду поцелуя:
дай, чаровница,
нам убедиться —
слаще ли кубок
этих вот губок;
винная ль чарка
жжет нас так жарко,
чары твои ли
нас распалили.

* * *

Дорожи годами — мимолетно их бремя:
вихрь, да тень, да пламя; сон, и мгла, и время.
Вихрь ворваться может в день твой тихий, летний:
все вокруг встревожит — и замрет, бесследный.
Тень — твой провожатый; но сгустится темень —
и обочь себя ты уж не сыщешь тени.
Пламя будет живо, пока ест солому,
и умрет в порыве к небу голубому.
Сон, тебя желанным помапив виденьем,
кончится обманом — грустным пробужденьем.
Мягко мгла укрыла путь твой утром рано,
но встает светило — и уж нет тумана.
Время — это версты на твоей дороге:
осени да весны, и — ничто в итоге.
Наши годы — с нами, но не вечно их бремя:
вихрь, и тень, и пламя; сон, туман и время.

* * *

Господи мой боже, как мне тяжко, трудно!
Жизнь моя похожа на жалкое судно:
мечется средь моря суденышко это,
ночной ветер черен, в небе нет просвета.
А волна все круче, нет ветрил, нет весел,
вот ладью до тучи вал морской подбросил —
и обрушил с громом, обдавая хладом,
в пропасть, к хлябям темным, что разверзлись адом.
Бездна меня жадно поглотить готова,
море беспощадно, и небо сурово.
Глубь глядит могилой зыбкой и безвестной...
Господи, помилуй! Мрак развей небесный,
успокой ты ветры, волны усмири ты,—
мой бог безответный, жду твоей защиты!

ПОМРАЧЕНИЕ ДНЯ И ВСЕ ЖЕ ПРОСВЕТЛЕНИЕ 17 ДЕКАБРЯ 1631

Вот они воочию, чудеса господни!
Стал внезапно ночью белый день сегодня:
солнышко пропало в черноте зловещей,
но с тьмой совладало — и уж снова блещет...
Боже всемогущий! Ты землю и звезды,
весь мир этот сущий из хаоса создал.
В свете ли денницы, в сумраке ль бездонном,
все с тех пор вершится по твоим законам.
Всюду — твоя сила, рук твоих творенье:
тверди и светила, мрак и просветленье.

ЮНИЕ ПАЛМОТИЧ

СКОЛЬКИМ КАЖДЫЙ ОБЯЗАН РОДНОЙ ЗЕМЛЕ

Нет земли на свете равной
той земле, где ты рожден,—
чтить ее — твой самый главный,
самый праведный закон.

Для тебя да будет свято,
как семья, отец и мать,
место в мире, где когда-то
начал ты существовать.

У земли родимой много
сильных, смелых сыновей,—
все мы преданы, как богу,
общей матери своей.

На ее защиту встанем,
жизнью мы не дорожим,—
хоть сейчас существованьем
ей пожертвуем своим.

Ею мы живем и дышим,
бережем, как мать свою;
чести нет святей и выше —
пасть за родину в бою.

Нет на свете большей славы,
всем пожертвовать, что есть,
для родной своей державы,
за ее святую честь.

Тщетно счастья добиваться,
дорожить добром своим,
если общие богатства
мы не ценим, не храним.

Как мы плачем, как мы ропщем,
вдруг теряя свой кусок,
но ведь только во всеобщем
и свое бы ты сберег.

Если б край родной великим
не связал единством нас,
мы зверям подобны диким
оставались бы сейчас.

Все и почести и блага
только тем всегда желай,
кто с бесстрашьем и отвагой
защищал родимый край.

Славой вечною покроем,
что небесных звезд светлей,
мы того, кто пал героем
ради родины своей.

Жить рабом, с петлей на шее,
принимая зло за власть,—
это в сотни раз страшнее,
чем в бою свободным пасть.

ВЛАДИСЛАВ МЕНЧЕТИЧ

СТРАСТЬ ВСЕГДА СИЛЬНА ОБМАНОМ

Я в огне, моя царица.
Кто узнает, что — причиной?
В тайнике души хранится
страсть моя к тебе единой.

Я не выдам даже взглядом,
как люблю, как сердце жалишь.
Сотни вил со мною рядом,
в жизни, в сердце — ты одна лишь.

На других гляжу упорно,
вздохи шлю, шепчу признанья,
стражду, гибну — все притворно,
ты одна — мое страданье.

По тебе одной скучаю,
постоянство паче плена.
Многим вздохи расточаю,
только сердце неизменно.

Страсть всегда сильна обманом,
завлекал я многих в сети,
но в любви был постоянным,
но люблю одну на свете.

ВИЛАМ, КОТОРЫЕ НЕ ВЕДАЮТ ЛЮБВИ

Если любви предается вила,
только милого не любя,—
значит, она красоту осквернила
и убивает сама себя.

* * *

До тебя ей что за дело?
Ты страдаешь,— ну и что ж?
Сердце в ней окаменело,
И его не разобьешь.

АНТУН ГЛЕДЖЕВИЧ

СТИХИ О ЛОПУЖАНКАХ

Мара в поселке Игало
сеть для угрей расставляла,
как их вернее поймать,
знает умелая мать.
Лопуд им стал тесноват,—
в город на Плаце спешат,
может быть, выпадет счастье,
рыбу поймать позубастей.
Но неприятно смотреть, —
что попадается в сеть?
Пригоршни грязного ила...
Удочка сеть заменила.
Удочкой цепкой и меткой
в двери попали к соседке.
Эта соседка была
женщиной их ремесла.
Щедрый улов был нежданным,—
с чисто французским приданым...
Что же поделаешь тут?
Сети, конечно, сгниют.

ГОВОРЯТ, ЧТО НЕ ПРИСТАЛО ПОЖИЛОЙ ЖЕНЩИНЕ ЗАНИМАТЬСЯ ЛЮБОВЬЮ

Эта старческая проседь
обличает возраст твой,
и тебе пора бы бросить
притворяться молодой.

Тусклый взор остекленелый
холодней потухших свеч,—
мечет смерть амура стрелы,
чтобы страсть в сердцах зажечь.

Не надейся,— ни единый
в целом мире не придет
целовать твои морщины
и вкушать увядший плод.

Кто целуется с тобою?
Впалых губ ужасен вид,
а за пазухой такое,
что посмотришь — и стошнит.

Для былой твоей гордыни
оснований нет,— не ты ль,
дорогая, любишь ныне,
опираясь на костыль?

Пламя то, что отгорело,
не согреет никогда.
Для тебя, окостенелой,
страсть — великая беда.

Безрассудная, когда же
ты поймешь, что лишь одно
для тебя — кудель и пряжа,
нить с иглой, веретено...

ПОБАСЕНКА О ТЫКВЕ И КИПАРИСЕ

Тыква, чьи всегда унылы
и безрадостны пути,
неожиданно решила
кипарис перерасти.

Ствол его,. что ввысь нацелен,
стройность этого ствола
и невянущую зелень
тыква жадно обвила.

Тот смеется: планы чьи-то,
вероятно, не сбылись,—
и с насмешкой ядовитой
тыкве молвит кипарис:

«Ты спесива и надменна,
но зима придет — и что ж?
Ты погибнешь и мгновенно
вновь на землю упадешь...»

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ТОРГОВКИ-ХЛЕБНИЦЫ

С юных лет нам, как известно,
должность эту приписали:
сами в печи ставим тесто —
и торгуем хлебом сами.
Мы для города — торговки.
Но в одном ли торге дело?..
Поначалу, без сноровки,
ломит с устали все тело.
Долго спишь — терпи убытки.
Значит, отдых нам заказан.
Хочешь, нет ли,— станут прытки
руки, ноги, да и разум!
Чтоб спорее шла работа,
надо сразу приучиться
все мешки, совки, решета,
сита, противни, корытца
в чистоте держать, в порядке,
и всему — свое чтоб место.
Вот тогда в скобленой кадке
и меси на совесть тесто!..
А надзор ведут мужчины —
как торгуем, проверяют:
с нас, от имени общины,
знай динары собирают.

Постоят перед весами,
поглядят сурово этак
и сгребут с лоточка сами —
кто две-три, кто шесть монеток.
Кое-что опять же надо
сунуть писарю под башней:
он бумагу даст — и к складу
совершим свой путь всегдашний.
Там, в скале, где закром главный,
пред зерном с мешками станем...
Наполняют их исправно —
так, что еле-еле тянем.
Все провеем над лоханью —
ни остипочки, ни пыли!
А потом, чтоб горожане
с голодухи не вопили,
мелем быстро, мерим быстро,
дважды, трижды просеваем —
и муку в кадушках чистых
тут — к хлебам, там — к караваям,
не присев, готовим сразу,
да при этом так искусно,
что приятно будет глазу,
а уж рту — куда как вкусно!
Понимать тут нужно тоже
вещь такую вот, к примеру:
и вода, и соль, и дрожжи —
все должно быть точно в меру.
Тесто долго мнем и давим,
сил на это не жалея.
Чуть муки в замес добавим —
сразу туже он, белее...
Замесив, формуем тут же:
вот вам пышный хлеб, вот плоский,
этот круглый, тот поуже,—
и кладем их все на доски.
Сверху — либо покрывало,
либо теплую тряпицу,
чтобы тесто доспевало.
Надо ждать, не торопиться.
Глядь — оно и поднялося!
Тут взошедшую опару
без задержки мы относим
прямиком к печному жару.

Кочергой в печи шуруя,
смотрим, чтоб не подгорело.
А коль хлебину сырую
проглядим, то плохо дело:
мало ль склочного народца
в достославном нашем граде?
Целый бунт, поди, начнется,
даже стража с ним не сладит!..
Подвергают хлеб наш пробам
должностные прежде лица.
Впрочем, с этим-то народом
можем мы договориться:
им, для их же интересу,
носим яйца по-французски,
чтоб, коль в хлебе мало весу,
не томили нас в кутузке.
Но к мздоимству всяк ведь лаком —
и хлебнуть беды мы можем,
если стражникам-собакам
что-то в лапы не положим:
оклевещут нас, известно,
перед теми, должностными!
Так что заработок честный
делим мы еще и с ними.
Ладно, с нас печник да мельник
непомерной просят платы.
А ведь стражник-то — бездельник!
Так за что ж берет, проклятый?
Хоть сожрали б, что ли, черти
всех таких! А их немало:
Горлопан, Пузанчич, Фертик,
Кровосос, Храпун, Воняла...
Самый вредный прозван Дошлым:
он одну из нас, бесстыжий,
еще летом позапрошлым
обобрал и с торга выжил!
При труде вседневном тяжком
да с такими наглецами
не прожить бы нам, бедняжкам,
не свести концы с концами:
мы, доход свой раздавая,
прогорели все давно бы,
каб — лишь хлеб да караваи,
каб — ни кренделя, ни сдобы.

Но на то ты и торговка!
с калачей, с рожков, с пирожных,
если ты печешь их ловко,
и разжиться даже можно.
Есть у нас лепешки, сласти —
ешьте, коль монет не жалко!
Всех ловчей по этой части
Образина и Давалка.
Кто ж из двух-то — знаменитей?
Кто в заглавном-то почете?
Со второй пример возьмите —
всё, сударушки, поймете...
Люди! Ласкового слова
просим нынче, как награды.
Похвалите ж нас! И снова
вам служить мы будем рады.

ИГНЯТ ДЖУРДЖЕВИЧ

ЛЮБОВНАЯ ИСТОРИЯ

Ночь сиянье небосклона
тенью легкой обовьет,
и, любовью вдохновленный,
звезд заблещет хоровод.

Дом любимой очень близко,
вдруг раскрылась дверь впотьмах —
и любовная записка
у меня уже в руках.

Развернул ее поспешно,
но прочесть не мог никак,—
все объято тьмой кромешной,
все покрыл тяжелый мрак.

Ночь, как черная завеса,
я не вижу ни строки,—
месяц прячется за лесом,
звезды слишком далеки.

Я бы мог, любовью полный,
все понять в ее словах
и при жутком блеске молний,
отогнав ненужный страх.

Вдруг сверкнул в траве за домом
очень маленький предмет,—
и в крылатом насекомом
я нашел желанный свет.

Огонек живой и милый
поднял я, в руке храня,—
не любовь ли научила
этой хитрости меня?

Света крохотный кусочек,
золотистый светлячок
в содержанье милых строчек
разобраться мне помог.

Друг, тебе я благодарен,
так, мой светлый, и живи,—
словно звезды, лучезарен,
словно искорка любви.

Я тебя прославлю песней,
золотое существо!
Кто помог бы мне чудесней
в миг смятенья моего?

Златокрылым, златоглавым
ты и создан, может быть,
чтобы ночью темным травам
каплю солнца приносить.

Меркнет золото мгновенно
рядом с золотом твоим,—
и, как камень драгоценный,
ты ничем не заменим.

Ты — земли живое око,
ты, как эльфов светлый рой,
что в полночной тьме глубокой
пролетают над землей.

Вечно, с лаской и заботой,
окрыляя, веселя,
пусть тебе свои щедроты
дарят небо и земля!

В ЧЕСТЬ ПРИХОДА ВЕСНЫ

Радостный час —
весна началась,
настало цветенье
природы весенней.
Все солнцем согрето.
Венки до рассвета
будут опять
пастушки сплетать,
чтоб золото кос
венком оплелось.
Здесь юная зелень,
покой колыбелен,—
прохлада сладка
у родника.
Юноши тут
возлюбленных ждут,
и наши свирели
вновь зазвенели —
в царстве лесном
пляшем, поем.
Сменит все это
знойное лето —
в поле пшеница
заколосится...
А каждую осень
мир плодоносен.
Возлюбленной виле
нарвет в изобилье
яблок с айвой
пастух молодой,
осенних щедрот
сладостный плод,—
еще ей даруя
и мед поцелуя...

СЛУШАЙТЕ СЛЕПОГО, ДАМЫ

Женщины, песнь мою
вам я, слепец, пою.
Страсти храните пламя —
юность не вечно с вами.

Та, в ком она зачахла,
станет седой и дряхлой,
алые сменит губы
старческий рот беззубый.
Больно понять в бессилье:
молодость упустили...
Старость от злых обид
охает и кряхтит,
мучаясь от желаний,
неутоленных ране.
Помню, в расцвете сил
как я жадно любил,
помню, плясали где-то
с вилами до рассвета.
Молодость коротка,—
гонят прочь старика.
Кто одряхлел, остыл,
тот никому не мил.
Женщины, вам пою,
вы же в шапку мою
бросьте за добрый совет
пару медных монет.

ЛЮБИМАЯ СОЛНЦУ ПОДОБНА

Неба утреннего алость,
светлый солнечный восток,
и повеял, мне казалось,
ароматный ветерок.

Но твои я слышу речи,
вижу блеск твоих очей,—
это ты идешь навстречу,
солнца ярче и светлей.

Это ты, моя царица,
на пути моем взошла —
здесь не трудно ошибиться:
словно солнце, ты светла.

Так огромно чувство было,
так я встречи ждал, любя,—
что от яркого светила
отличить не смог тебя.

АНДЕРС АРРЕБО

СЕВЕРНЫЙ ОЛЕНЬ

(Из «Гексамерона»)

Олень, ты серебрист, как горные вершины;
Рогатым скакуном тебя прозвали финны.

Ни Новая Земля, ни Кольские хребты
Не знают существа прекраснее, чем ты.

Как прожил человек без пищи и приюта
Среди отвесных скал, в метель и холод лютый,

Когда морской прибой, взметнувшись до высот,
В полете застывал и превращался в лед?

Густая шерсть твоя охотника согрела;
На лыжах он бежал, проверив лук и стрелы,

Наряженный тобой от головы до ног,
От шапки меховой до кожаных чулок.

Ты одеялом стал, от стужи спас в бураны,
Лопарь тебя доил для сыра и сметаны.

Ты мясом накормил семью у очага
И теплый кров ей дал, когда мела пурга.

И ты приданым был для девушки богатой,
Корову заменив, и серебро, и злато.

Когда в стоянку друг позвал за сотни миль,
Лопарь собрался вмиг — и, взвихривая пыль,

Ты, за день по три бло одолевая, мчался,
Чтобы хозяин твой с друзьями повстречался.

А содержать тебя не стоило труда:
Лишайник на камнях — вот вся твоя еда.

Зимой, взрывая наст раздвоенным копытом,
Ты пищу находил на камне, мхом покрытом.

Долготерпенья дар тебе природой дан —
И ты снискал любовь у северных датчан;

Полузасохший мох — твоя скупая пища,
Не просишь ты себе ни корма, ни жилища.

Пока в твоем краю вершины гор в снегах,
Достоинства твои я буду петь в стихах.

ТОМАС КИНГО

УСТАВШИЙ ОТ МИРА, ВЗЫСКУЮЩИЙ НЕБА

Прощай, о земля!
Служив тебе долго, измучился я.
И бремя, что мне этот мир навязал,
Теперь я отброшу, теперь я устал.
Я рву свои узы, здесь все маета,
И все суета,
И все суета.

Что, в сущности, мир
Поставил пред нами как цель и кумир?
Не больше, чем тень и сверканье стекла,
Чем тонкая наледь над глубями зла,
Чем мыльный пузырь. А внутри — пустота,
И все суета,
И все суета.

Что́ годы и дни?
Хитро, незаметно проходят они,
Хитро, незаметно за ними уйдут
И радость, и плач, и заботы, и труд,
Роскошество мыслей, ума острота,
И все суета,
И все суета.

О смертных фетиш,
Телец золотой, ты в подлунной царишь,
Но непостоянство — натура твоя,
На непостоянство прельстилась земля,
В тебе воплощается жизни тщета,
Сама суета,
Сама суета.

Ах, власть и почет!
Сиянье короны, жужжанье забот.
А зависть у власти сидит за спиной,
Посеет тревогу, развеет покой,
И радость не в радость, а лишь тягота,
И все суета,
И все суета.

Ах, милость владык!
Неверный, стоглазый, слепой временщик!
Ведь ты помогаешь пустым пузырям
Раздуться, взметнуться, взлететь к небесам.
Но с солнцем в сравненье твоя щедрота —
Одна суета,
Одна суета.

Ах, дружба, друзья!
По опыту знаю — вам верить нельзя.
Вы горечь умножите в чаше обид,
Вы — флюгер, вас только удача манит,
Обманчива ваших словес теплота,
И все суета,
И все суета.

Ах, плотских услад
Горячая топка, искристый каскад!
Потянется смертный за этим теплом,
Да в вечном огне будет греться потом!
Пригубишь твой мед — не отмоешь уста:
Одна суета,
Одна суета.

Прощай же, прости,
И душу мою на покой отпусти.
Хочу я откланяться, лживый мирок.
Могила забвенья — вот жизни итог.
А мне воздадут за голгофу мою
В господнем раю,
В господнем раю.

И дни и года
Средь вечной весны растворятся тогда,
Там солнцу нет ну́жды по небу брести,
Нет ну́жды луне убывать и расти,
Там лик Иисуса являет зарю
В господнем раю,
В господнем раю.

Я буду богат,
Зовут постоянством незримый тот клад,
Грабитель не сможет его отобрать,
Пройдоха не сможет его оттягать,
Никто не подстроит уж мне западню
В господнем раю,
В господнем раю.

И там меня ждет
У престола господня неложный почет,
Корона моя будет сутью ценна —
Ведь кровию Агнца сияет она.
Так будет — пусть я Сатану разъярю —
В господнем раю,
В господнем раю.

Вот милость владык —
Мне ангельский внятен блаженный язык.
Отныне, незрим для завистливых глаз,
Я божью улыбку увижу не раз,
И злобную смерть я тогда осмею
В господнем раю,
В господнем раю.

И друга навек
В Иисусе достойный найдет человек.
Увижу я истинный облик Христа,
Любовь его вечна, щедра и свята,
И Дух и Любовь я в единстве узрю
В господнем раю,
В господнем раю.

Нет выше услад,
Чем ангельских песен узывчивый лад.
Но общая радость у нас — это бог.
Забудь же, душа моя, землю тревог,
Но помни, что радость обрящешь свою
В господнем раю,
В господнем раю.

ПЕДЕР ДАСС

НУРЛАННСКИЕ ТРУБЫ

(Фрагмент)

Я жителю Ну́рланна шлю свой поклон —
Хозяин ли он, подмастерье ли он,
Крестьянин в сермяжном уборе,
Идет ли на промысел он за треской,
У чанов солильных стоит день-деньской,
Живет он в горах ли, у моря.
И пасторам в каждом приходе привет —
Да будет сиять им божественный свет
В почтенных трудах каждодневных;
И тем, кто сжимает судебник и меч,
Кто должен от зла и насилья беречь
Бесхитростных и смиренных.
Поклон арендаторам, ху́сманам; вам,
Живущим по прадедовским хуторам,
Что в скалах прибрежных мостятся;
Отшельникам, лавочникам и другим,
Которым помог я советом моим,
Хоть в стих они мой не вместятся.
Прекрасному женскому полу поклон,
Помянем хозяек, крестьянских матрон,
Мамаш и на выданье дочек.
А доброму нраву — особый почет.
На помощь тому, кто достойно живет,
Отправлюсь я без проволочек.
Вот время к полудню идет на часах,
И солнце высоко стоит в небесах.
Прошу вас с глубоким почтеньем
Прийти отобедать, как гости, со мной,
Отведать, что есть у меня в кладовой,
И трапезы быть украшеньем.

Изысканных блюд я к столу не подам,
Желе золотое мне не по зубам:
Безденежье вечное нудит.
Я вас не прельщу необычным питьем,
Подам только то, что и в будни мы пьем,
Но Бахус в обиде не будет.
На кухне дворцовой ведь я не бывал,
И повар-француз меня не обучал,
Как суп иностранный готовить.
Простецкой покажется пища моя
Иным грамотеям, но вы-то, друзья,
Не станете, знаю, злословить.
Готовится здесь не блестящий банкет,
И здесь сервировки особенной нет,
Я новой не следую моде.
Каплун, куропатка, индейка, фазан,
Конечно, прекрасны, да пуст мой карман
И жалованье на исходе.
Изысканных пряностей нет на столе,
Какие растут лишь в индийской земле —
К чему нам такие присыпки?
Но если жаркое из свежей трески
Вам будет по нраву, друзья-едоки,
Прошу вас, отведайте рыбки.
Пшеничный поставлю на стол каравай,
Съедите — поставлю другой, налегай!
Гостей накормлю до отвала.
Не стану, друзья, экономить на вас,
В кладовке имею запасы колбас
И выпивки тоже немало.
Кто хочет ветчинки — вот вам ветчина,
Девятую осень коптится она,
Прозрачна до самой середки.
В бочонке моем прошлогодний улов
Засолен и нынче, должно быть, готов.
Друзья, не подать ли селедки?
Ни вам патиссонов, ни вам огурцов,
Капуста не хуже в конце-то концов.
Чтоб каждый доволен остался,
И репы нарежу — вот вам и салат,
А если бы я обещал виноград,
Сказали бы мне, что заврался.
Ни в сыре, ни в масле отказа вам нет,
Глазуньей, как должно, закончим обед.

Конечно, убыток карману,
Но я приглашаю и ныне и впредь
Со мною, друзья, за столом посидеть —
Припасов жалеть я не стану.
Для вас, земляки, я свой начал рассказ,
На славу я вас угостил, а сейчас
Иные пойдут разговоры:
Хочу написать я прилежным пером
О Нурланне нашем, поведать о том,
Какие тут реки и горы,
О долах глухих и о скалах седых,
О вечных снегах, покрывающих их,
О чащах лесных, о погоде,
Какая рыбалка, охота и лов,—
Подробно об этом поведать готов,
И кроме того — о народе.

ЛАУРИДС КОК

ПЕСНЯ О КОРОЛЕВЕ ТЮРЕ ДАНЕБОД

«Дания — сады и нивы,
голубой прибой.
Наши мóлодцы ретивы,
так и рвутся в бой
на славян, на вендов, немцев —
только кликни одноземцев.
Но приманчивому саду
нужно бы ограду.

Слава богу, что омыта
Дания водой.
Море — славная защита
для страны родной.
Здесь разбойному соседу
не сыскать вовек победу.
Мы блюдем свои границы,
не сомкнем зеницы.

Берег Фюна крутосклонный
Мелфором омыт,
незаметно ворог конный
в Гедсер не влетит.

Гульдборг путь закрыл на Лолланн,
Эресунн — закрыл на Шелланн,
все затворено от вора,
Юлланн — без затвора.

Люнеборжцы, и голштинцы,
и фаперцы тож —
все на Юлланн прут, бесчинцы,
падки на грабеж.
Наши деньги, скот, усадьбы
нужно, да́тчане, спасать бы.
Луки есть у нас и стрелы.
Так за чем же дело?»

Так отважно призывала
Тюре Данебод:
«Чтобы Дания не знала
горя и забот —
мы запрем свои владенья
от внезапного вторженья.
На себя пускай пеняет
тот, кто нас пугает.

От Моратсета к закату,
к Мёсунну у Сли
мы протянем, как заплату,
насыпь из земли.
Будет труд наш совокупен,
будет вал наш неприступен,
не проскочит тать глумливый
через вал с поживой».

Тюре доблестным воззваньем
тронула сердца.
Король Га́рольд шлет с посланьем
за гонцом гонца,
чтоб везде его читали,
чтобы да́тчане узнали:
их с телегами, с конями
ждут на стройке днями.

Сконцы двинулись с востока,
шелланнцы идут,
едут лолланнцы сдалека,
фюнцы тут как тут.

Дружно юлланицы спешили —
все заботы отложили.
Кто радел об общем деле —
все туда поспели.

Тюре сердцем веселится —
поднялся народ!
«Об заклад могу побиться —
дело тут пойдет!
Юлланицы, гостей кормите,
пироги, сыры несите.
Все пойдет само собою
с доброю едою».

Сконцы, взявшись за лопаты,
к Холлингстеду шли.
Начали от Калегата,
вырыли, взвели
в тридцать футов — ров глубокий,
в сорок восемь — вал высокий.
Ниже, чем по сорок футов,
не было редутов.

Шелланицы и фюнцы славно
помогли трудам.
Юлланицы носили справно
снедь своим гостям.
Башен вывели без счета,
как сто фавнов — так ворота.
Лютый враг теперь не страшен —
всё мы видим с башен.

Вот великое строенье
кончено вчерне.
Королева в нетерпенье
едет на коне.
Хочет глянуть — что поправить
или что-нибудь добавить,
хочет видеть свежим глазом
все огрехи разом.

«Даневирке» — так назвали
укрепленный вал.
Долго нас от всякой швали
он оберегал.

Тюре молвит: «Вот ограда
божья пастбища и стада.
От врага, злодея, вора
крепче нет затвора.

Ныне Дания — цветущий,
огражденный луг.
Пособи, господь могущий,
в дни тревог и мук
вырастать, как рожь, солдатам,
храбро биться с супостатом,
Тюре вспоминать всечасно
в Дании прекрасной!»

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ИЗ «ПЕСНИ НОЧНЫХ СТОРОЖЕЙ»

9 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Уходит день багровый,
Сгустился тьмы поток.
За твой венец терновый
Прости нас, кроткий бог.
Храни дом короля!
Пусть отчий край
От вражьих стай
Длань защитит твоя!

10 ЧАСОВ ВЕЧЕРА

Ты хочешь знать, мирянин,
Который пробил час?
Девица, муж, хозяин,
Ждут сон и отдых вас.
Вверяй себя Христу.
Огонь и свет
Храни от бед!
Бьет десять в темноту.

3 ЧАСА НОЧИ

Туман поднялся млечный,
Рассветный близок час.

Ты устрани, предвечный,
Все, что печалит нас.
Часы пробили три.
О кроткий бог,
Зажги восток
И милость нам яви.

5 ЧАСОВ УТРА

Иисус, взойди над нами
Рассветною звездой
И ниспошли лучами
Щит королю святой!
На башне било пять.
Свет, приходи,
Нас пощади
Нам день яви опять!

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

СИНЯЯ ФИАЛКА

Чуть свет я с радостью
Пустился в путь,
Чтоб роз дыхание
В благоухании
Полей вдохнуть.

Вдали жнец складывал
Последний воз,
А мальчик нежные
Бутоны снежные
Срывал у роз.

Полоской алою
Горел восток,
И отсвет рдяною
Зарей багряною
На иней лег.

Когда-то радостный
Я здесь блуждал,
Здесь в рощах лиственных,
Во мхах таинственных
Цветы срывал.

И с тихой радостью
Здесь встретил я
Мою невинную
Фиалку синюю
В сиянье дня.

Фиалка синяя,
Как был я рад
Цветов пустынности,
Плодов невинности
Пить аромат!

Среди пунцовых роз
Она росла,
Но спорить свежестью
С их яркой нежностью
Одна могла.

Ее прекраснее,
Милее нет,
Цветов дурманнее,
Плодов желаннее
Не знает свет.

Гвоздики пряные
Карминные,
Мелиссы бледные,
Душицы бедные,
Невинные;

Самоуверенный
Густой анис,
Янтарно-радостный
Подсолнух сладостный
И кипарис —

Фиалку синюю
Не затемнят,
Пусть всех смиреннее
Сие творение
И прост наряд.

И вот случилось так:
Не стало дня,
Чтоб не был тягостным,
Желаньем сладостным
Истерзан я.

Я запер жалкое
Свое жилье,
И в долах низменных,
Во мхах таинственных
Нашел ее.

Боль улеглась моя,
Играл пастух,
Все ночи был я там,
Служа ее цветам,
К рассудку глух.

Покоен, волен был
Недолго я,
Беда нахлынула,
И вновь отринула
Судьба меня.

Зима коварная
К нам подошла
Сперва с угрозами
И вот морозами
Все отняла.

Ах, лето, полное
Былых отрад!
Морозы властные
И дни ненастные
Твой губят сад.

Долины низкие
Уже в снегу,
Цветок блистающий,
Неувядающий
Сражен в пургу.

Фиалка синяя,
Цветок простой!
Я плачу о тебе,
Доверившись судьбе,
С немой тоской.

Ах, лето, приходи —
Я так продрог,—
Чтобы невинную,
Фиалку синюю
Я видеть мог.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

БАЛЛАДА О ТРИСТРАМЕ

1. Как с язычником-собакой
в бою Тристрам,
много ран кровавых сам
получил там.
(Им судьба судила разлучиться.)

2. Был он в скорби, юный воин,
внесен в дом,
много лекарей сошлось к нему,
пеклось о нем.
(Им судьба судила разлучиться.)

3. Не от вас я жду спасенья,
скажу без лжи,
жду лишь от Изоты светлой,
госпожи.
(Им судьба судила разлучиться.)

4. И послал Тристрам гонцов,
три ладьи,
мол, изранен я, Изота,
спаси, приди.
(Им судьба судила разлучиться.)

5. Вот пришли послы к Изоте
и тот же час
молвят, мол, Тристрам желал бы
увидеть вас.
(Им судьба судила разлучиться.)

6. Тут же светлая Изота
пошла к королю:
отпусти лечить Тристрама,
родную твою.
(Им судьба судила разлучиться.)

7. Отвечал король на это,
был в гневе он:
кто Тристрама исцелит?
Он обречен.
(Им судьба судила разлучиться.)

8. Отпустить тебя к Тристраму
я был бы рад,
кабы знал, что ты вернешься
живой назад.
(Им судьба судила разлучиться.)

9. Бог да поможет мне вернуться,—
молвит жена,—
господину ведь должна я
быть верна.
(Им судьба судила разлучиться.)

10. Подымайте-ка вы паруса
на древе вод,
если буду я с Тристрамом,
он не умрет.
(Им судьба судила разлучиться.)

11. К морю черная Изота
пришла тогда,
молвит: черный должен парус
приплыть сюда.
(Им судьба судила разлучиться.)

12. Муж Тристрам послал Изоту,
мол, погляди,
не вернулись ли мои
три ладьи.
(Им судьба судила разлучиться.)

13. К морю черная Изота
вновь вышла тут:
паруса, я вижу, черные
сюда плывут.
(Им судьба судила разлучиться.)

14. Подскочил Тристрам от боли,
сердце с тоски —
слышно было за три мили —
разбилось в куски.
(Им судьба судила разлучиться.)

15. Вы скорей, ладьи, причальте
к сырым пескам,
прежде всех сошла Изота
по мосткам.
(Им судьба судила разлучиться.)

16. К дому с берега Изота
спешила, шла,
всю дорогу ей звучали
колокола.
(Им судьба судила разлучиться.)

17. К дому с берега Изота
пошла скорей,
колокольный звон и пенье
слышались ей.
(Им судьба судила разлучиться.)

18. К церкви подошла Изота,
а там народ,
и над мертвым отпеванье
причет поет.
(Им судьба судила разлучиться.)

19. Очень много в этом мире
горя и зла,
припала к мертвому Изота
и умерла.
(Им судьба судила разлучиться.)

20. Клир церковный схоронил бы
вместе их,
но в душе Изоты черной
гнев не утих.
(Им судьба судила разлучиться.)

21. Сделать так Изоте черной
удалось:
схоронили их пред церквью,
да только врозь.
(Им судьба судила разлучиться.)

22. На могилах их два древа
взросли тогда,
они встретились пред церквью
навсегда.
(Им судьба судила разлучиться.)

БЬЯРНИ ЙОУНССОН

НЕСКЛАДУХИ

Троллей челн я оседлал —
рифмую в непогоду,
хоть в глаза я не видал
божественного меду.

Уж коль скоро сдуру сел
в песенную лодку,—
чтобы я изящней пел,
промочу-ка глотку.

Видел я, как в небесах
тролль плясал с овцою,
лошадь шла на парусах,
лодка шла рысцою.

Был младенец стар и сед,
падок волк на ласку,
тьма светла и темен свет,
Рождество — на Паску.

Снег подкидывай в огонь —
пламя будет сыто.
Коль стеклом подкован конь,
не скользят копыта.

Лед горяч — он плавит медь,
стрелы дали колос,
а молитвы надо петь
кротко — во весь голос.

Рыбий суп песком приправь,
соль насыпь на рану,
по горам пускайся вплавь,
пешком по океану.

Хорошо поет треска
по весне на взгорье.
Овцы ловятся, пока
не иссякло море.

Был стрижом зажжен костер,
а форель тушила.
Мухой выкован топор,
коза его купила.

Там же ворон табаку
покупал три пачки —
табачок-то старику
продавали крачки.

Кот на память пел псалтырь,
лен тюлени пряли,
скат штаны протер до дыр,
зуйки чулки вязали.

ХАДЛЬГРИМУР ПЬЕТУРССОН

НРАВЫ ВЕКА

Предки, ушли вы!
Вы были правдивы,
могучи и правы,
в труде не ленивы,
в суде справедливы,
и жили для славы.
Были кони ретивы,
были звонки тетивы,
были битвы кровавы,
и в морские разливы
вели корабли вы
для-ради забавы.

И, как дети, как други,
скача по округе,
ристались солдаты
или, сидя на луге
близ милой подруги,
играли в шахма́ты.
Были копья упруги,
были крепки кольчуги,
но дробились и латы.
Славлю ваши досуги:
из досугов — заслуги
вырастали стократы.

Вот конь мореходный
от пристани ро́дной —
таков был обычай —
над бездной холодной
в край чужеродный
плывет за добычей,
но ветр непогодный,
но брег мелководный —
и всех родовичей
в битве голодной
враг благородный
крушит без различий.

Над бортом изъянным,
над парусом рваным
валькирии вьются;
на поле бранном
стрелы — бураном,
и копья гнутся.
Кровь льется по ранам,
по телам бездыханным —
живые дерутся.
Лишь смелым и рьяным,
судьбою избранным
победы даются.

Тот был не мужчина,
кто жил бесчинно
и помер в бесчестье;
лишь тот молодчина,
чья доблесть — причина

и славы и мести;
там, где битвы пучина,
где конь троллей, волчина,
кружит на месте,
там смерть не кручина,
но благая кончина,
дело славы и чести.

Мудрецы и пророки,
вы ведали сроки,
и знали о многом,
и без лишней мороки
споры и склоки
решали пред богом;
помня предков уроки,
были духом высоки
в благочестии строгом —
вас бежали пороки,
вашей чести зароки
были славы залогом.

В годы напасти
исландские власти
не знали нехватки
в тех, кто на счастье
примет участье
в смертельной схватке;
и пели снасти
в бурю-ненастье,
и войск порядки
шли к смертной части —
у битвы в пасти
гибли десятки.

Из рода в роды
законов своды
чтились когда-то;
в те давние годы
для-ради свободы,
не ради злата,
шли мореходы
в ненастные воды
и верили свято,
что битвы, походы

важней, чем доходы:
слава — высшая плата!

Мы же сбились с дороги,
забыли о боге,
о славе, о благе.
При первой тревоге
давай бог ноги!
В нас нет отваги.
Но с тех, кто убоги,
дерут налоги
сквалыги и скряги,
а люди в итоге,
что звери в берлоге,
сиры и наги.

А юным все спать бы —
прежде на рать бы
шли, кто не слабы!
Им лишь бы гулять бы
до самой свадьбы —
трусливы, как бабы.
Землю пахать бы,
строить усадьбы
да малость ума бы
у древних занять бы,
на ус намотать бы
юность могла бы.

Ни в море, ни в поле
не слышно боле
битвы напева —
без сил, без воли
живем в неволе,
как праздная дева.
Сидит на престоле
владыка голи —
владелец хлева,
и в нашей юдоли
все стонут от боли,
но терпят без гнева.

В стихах нет склада,
ни древнего лада —
искусство в разрухе.

Тлетворнее яда
скучища, досада,
и девы — старухи,
что листья сада
в дни листопада,
серы и сухи.
Семья — что стадо,
дом — заграда,
люди дохнут, как мухи.

Нет в жизни цели,
души нет в теле,
в башке ума нет;
кто друг в похмелье,
тот недруг в деле —
предаст и обманет.
Пустое веселье,
пивное безделье
в кабак нас манит.
Давно истлели,
кто в битве пели —
и слава вянет.

Меч древней ковки
лежит в кладовке,
а воина внуки
в одном лишь ловки —
достигли сноровки
в подлой науке,
в искусстве издевки,
лжи и уловки —
бранятся от скуки,
но из потасовки
без остановки
бегут — ноги в руки.

Врать-то мы гожи,
мол, видели тоже
кровавые схватки,
а во́ронам что же?—
ни мяса, ни кожи —
брехни остатки;
увидим нож — и,
помилуй боже,

сверкают пятки —
вот так, похоже,
тюлень от мережи
бежит без оглядки.

Славных начатий
победами ратей
у нас не венчают,
лживых объятий
от жалких проклятий
не отличают;
тут братья братий,
как тати татей,
во лжи уличают,
а воинских статей
и честных занятий
не привечают.

Муж отважный
сидит в каталажной
без вины виноватый,
а судит продажный
закон и присяжный—
вор толстопятый,
свидетель же важный —
червь бумажный,
трус-соглядатай,—
вот век наш сутяжный,
праздный, бражный,
лживый и клятый.

Все было, да сплыло!
Мужество, сила,
знанье, уменье —
все нам постыло,
живем уныло
в тоске и сомненье.
В нас сердце остыло,
нас ждет могила,—
а есть ли спасенье?
Верю и чаю!
На этом кончаю
стихотворенье.

ПСАЛОМ XXXVI
О НЕПРАВЕДНОМ СУДЕ ПИЛАТА

Пилату стало ясно тут,
сколь власть его невластна тут,
и, перед мятежной толпой дрожа,
он, убоявшийся мятежа,
дабы народ утишить свой,
Иисуса выдал им с головой,—
суд неправый совершая, он
попрал и правду и закон.

И руки свои омыл Пилат,
и сказал иудеям: не я виноват,
карая смертью не по вине,
и кровь безвинного не на мне,—
я сделал то, что просил народ,
и пусть эта кровь на вас падет,
на ваших детей в грядущие дни,
на вас, вопиющих: «Распни! Распни!»

Воистину, истину знал Пилат,
что был господь наш не виноват,
судья неправедный, ведал он,
что без вины Иисус казнен,
но там, в судилище, совесть поправ,
зная правду, он был неправ.
И видит бог, что сей урок
нашим властям пошел не впрок.

Хоть в наше время и там и тут
все осуждают Пилатов суд,
зато и пример берут всегда
в суде с Пилатова суда:
неправда царствует в судах,
а приговоры выносит страх,—
поскольку черни власть дана,
на воле злобствует она.

Купить неподкупных наших судей
воистину может любой злодей,
даже убийцу отпустят они,
как было с Варравой в Пилатовы дни,

и был бы чист нечестивец Ахан,
когда бы куш был приличный дан,—
ведь взятки такие брал навряд
даже во сне прокуратор Пилат.

В чем причина, спросят меня,
что падают нравы день ото дня?
Отвечу: нравы должны упасть,
когда в государстве безнравственна власть:
нет милосердия — взятки есть,
нет благородства — есть ложь и лесть,
нет законов — есть только страх,
не право — бесправье правит в судах.

Руки свои омывая, Пилат
знал, однако, что виноват,
что перед богом грешен он,
ибо нарушил людской закон,—
и это урок для наших судей,
ибо легко обмануть людей,
но — помни! — божий всевидящий глаз
легко читает в сердцах у нас.

Хочешь омыться — прежде омой
сердце свое покаянной слезой!
Таким омовеньем очисть себя,
в слезах об Иисусовой крови скорбя,
дабы душа не погрязла в грехах
и вера окрепла в божьих сынах,—
отвергни зло, добро преумножь,
и помни вовеки Пилатову ложь.

О кровомщении вновь и вновь
к небу взывает невинная кровь,
и наших детей, коли не нас,
кара настигнет в урочный час,
поэтому скромен и стоек будь,
гнев усмири, и того не забудь,
что зло проклятья не гаснет век,
и в детях проклятье найдет человек.

Так был Иисус на казнь обречен,
пошел на крест из судилища он,

хотя судья и пытался тут
свершить справедливый, законный суд.
Слезами омыты наши сердца.
Дай, боже, нам чистыми быть до конца,
дабы наша вера была чиста,
как кровь твоя, что текла со креста.

ПЕСНЯ СИРЕН

Как в поле над поживой
грызутся насмерть с волком волк,
так ради славы лживой
грызутся люди — какой в том толк?
На слове нас ловит ворог,
нам голос лести дорог,
а поглядишь — нет ничего, один лишь морок.

Мы правду встречаем смехом,
у нас лишь подлость хороша;
подбиты лисьим мехом
и душегрейка и душа.
Нынче такие порядки:
с правдой играем в прятки
и прячем кошачьи когти в бархатные перчатки.

Кто лести верит сдуру,
большой беды не чуя в том,
тому с телячью шкуру
весь мир покажется потом:
обласкан словом и взглядом,
представлен быв к наградам,
он стал не нужен — тут к нему повернулись задом.

Дурак лишь верит свету!
Презренье — честь, насмешка — лесть,
за чистую монету
готов дурак фальшивку счесть.
Стала божба безбожна,
всякая клятва ложна:
вчера был друг, сегодня враг — это у нас не сложно!

Смейся, коли охота:
безделье стало ремеслом,
волотом — позолота,
а добродетель — великим злом.
Зато и веселье знатно,
просто глядеть приятно,
как лгут, льстят, врут, мстят — гляди себе бесплатно.

Лишь тот благоуспешен,
кто сам с собой не лжив,
тот и умрет безгрешен,
кто не грешил, покуда жив.
Что пользы от соседства
в дни бедства и мироедства!
В тебе самом твоя душа — спасительное средство.

СТИХИ О ГЛИНЯНОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Ведь мы родня! И кровь и плоть
у нас с тобой едины:
меня из праха слепил господь,
тебя — гончар из глины.

Нас замесили на одном
весьма непрочном тесте:
коли мы об пол брякнем лбом —
развалимся на месте.

Еще нас признаком родства
наградили боги:
у нас большая голова
и тоненькие ноги.

Коль мы вином до горла́ полны,
в питье перестарались,
нести нас бережно должны,
чтоб мы не расплескались.

Но есть различие одно:
разбившись грешным делом,
я исцелюсь, быть может, но
ты уж не станешь целым.

ПИВНАЯ ПЕСНЯ

Ныне я весел затем, что пью,—
счастье в вине!
Господа славлю и благодарю
того, кто чарку подносит мне.

Вот оно, пиво,— дойдет до нутра
то, что теперь вовне.
Приятно малость хлебнуть с утра
с тем, кто чарку подносит мне.

Коли что я скажу не так —
не по своей вине:
в том виноват — но это пустяк!—
тот, кто чарку подносит мне.

Люблю бутылку! Пока полна,
я счастлив вполне.
Я знаю меру — и пью до дна
с тем, кто чарку подносит мне.

Лишь бы препорцию не забыть!
Хоть счастье в вине,
но тот, кто вовремя кончит пить,
тот воистину счастлив вдвойне.

Конец-то любому делу венец —
и питью и войне.
Пора бы и нам по домам наконец.
Спасибо всем, подносившим мне!

ВЕЧЕРНИЕ СТИХИ

Солнце зашло вдруг,
сразу померк день,
гор потемнел круг,
в долы легла тень.

Как же тропу найти —
сразу утратил след.
Но светит мне на пути,
господи, твой свет.

СТЕФАУН ОУЛАФФСОН

ПИВНАЯ ПЕСНЯ

Вот названья для вина:
«водка», «пиво», «брага»,
«море чаши», «сладость дна»,
«мед», «сивуха», «влага»,
«пир», «пирушка», «выпивон»,
«винолитье», «кружек звон»,
или просто — благо.

Как нальют тебе ерша,
чуть хлебнешь на пробу —
к небу воспарит душа,
язык пристанет к нёбу;
грех не грех для тех, кто пьет,
тот и в море брод найдет,
кто ублажил утробу.

Горя нет в помине здесь,
бровь никто не хмурит.
Умник здесь, забывши спесь,
мозги сивухой дурит.
Зато дурак, пивца испив,
становится красноречив —
поет и балагурит.

Бедняка мытарит власть,
но здесь над ним невластна:
он мед забвенья глушит всласть —
и все ему прекрасно!
Но утром, глядь, он трезв опять,
опять готов долги считать,—
значит, и пил напрасно.

Коль ты спьяну по злобе
стал свинье подобен,
сам не зная о себе,
сколь ты пьян и злобен,
худо, братец,— божий гнев
ты узнаешь, протрезвев.
Бог и карать способен.

Разум в нас вложил господь,
силу дал и здравье,
оттого-то нашу плоть
портить мы не в праве.
Худо поступает тот,
кто, как сивый мерин, пьет,—
то неблагонравье.

Не таков сегодня наш
пир честной и славный:
льются водопады чаш,
с равным сидит равный.
Есть что пить и есть что есть —
воздадим же богу честь,
подымем тост заздравный!

ВОРОНИЙ ГРАЙ

Ворон, чернокрылый вестник,
хоть все веси облетай ты,
в лесе побывай и в поле,
на равнинах, на вершинах,
толстоклюв, на тучных пашнях
добывай себе червей,
набивай себе утробу —
все равно не будешь сыт.

ЛУИС ДЕ ГОНГОРА

* * *

Ты, что целишься так метко,
Озорной слепец-стрелок,
Ты, меня продавший в рабство,
Древний маленький божок,
Мстишь за мать свою, богиню,
Что должна была свой трон
Уступить моей любимой?
Пощади! Услышь мой стон:
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Преданно тебе служил я,
А какой был в этом толк?
Ветреный военачальник,
Покидаю я твой полк.
Хоть давно завербовался
Я под сень твоих знамен,—
До сих пор ничем за службу
Не был я вознагражден.
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Войско горемык влюбленных
Верит в разум твой и мощь,
Но беда солдату, если
У него незрячий вождь.

Где у полководца стойкость,
Если с крылышками он?
И как с голого получишь
Свой солдатский рацион?
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Труженик любовной нивы,
Жил я только для нее,
Десять лучших лет ей отдал,
Все имение свое.
Я пахал морские волны,
Засевал песчаный склон —
Урожай стыда и скорби
Я собрать был обречен.
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

Башню в пустоте возвел я
Из неисполнимых снов —
Кончилось, как с Вавилоном,—
Страшной путаницей слов:
Стала желчь там зваться «медом»,
«Стрекозою» — скорпион,
Зло преобразилось в «благо»,
Беззаконие — в «закон»...
«Не терзай меня, не мучай,
Купидон!»

* * *

Где башня Ко́рдовы гордой,
по пояс в реке и в небе,
купает в Гвадалквивире
короны гранитной гребень,
там правит в стремнине синей
челном Алкион влюбленный,
пуская в пучину невод
и ввысь испуская стоны.
А нимфа с надменным взглядом
терзаньям страдальца рада.

И в жадном пожаре страсти
сгорают жалкие стоны,
а тонкие сети с плеском
в бездонном затоне тонут.
Как весла взрезают воду,
так душу стенанья режут,
и частые вздохи чаще
тончайших рыбачьих мрежей.
А нимфа с надменным взглядом
терзаньям страдальца рада.

Так близко глядят с утеса
глаза ее злым укором,
но так далека свобода,
плененная этим взором.
Весло Алкиона рубит
волны́ голубые грани,
и сам он лучистой мукой
лазурных очей изранен.
А нимфа с надменным взглядом
терзаньям страдальца рада.

И он, из сил выбиваясь,
торопится к ней, как будто
взметнулись над сердцем крылья
и парус над лодкой утлой.
А нимфа ничуть не дальше,
а нимфа ничуть не ближе...
В пяти шагах недоступна,
она его песню слышит:
«Разверзнись, прими, пучина,
меня и мою кручину.

Взвиваясь на крыльях ветра,
взгляните, стенанья, сверху,
как вами пронзает смертный
небес голубую сферу.
Ступайте, милые сети,
на дно голубого плеса,
где вас в тишине отыщут
страдальца скупые слезы.
Разверзнись, прими, пучина,
меня и мою кручину.

И тем отомсти жестокой,
к которой взывал я тщетно,
хотя и служил всем сердцем
ей верно и беззаветно.
У вас узелков так много,
мои любимые сети,
и все же отныне больше
причин у меня для смерти.
Разверзнись, прими, пучина,
меня и мою кручину».

ПАСХА ДЕВУШКАМ МИЛА, ДА ПРОШЛА!

Хохотуньи, попрыгуньи
из квартала моего,
бойтесь Времени — юницам
только горе от него.
Как бы вас не усыпила
пышной молодости лесть!
Из цветов увядших Время
норовит гирлянды плесть.

Пасха девушкам мила,
да прошла!

Годы легкие несутся,
простирают к нам крыла, —
словно гарпии, уносят
наши яства со стола.
Не на это ли пеняет
ароматный чудоцвет,
растерявший на закате
то, что дал ему рассвет?

Пасха девушкам мила,
да прошла!

Вам заутреней казался
вешней жизни перезвон,
а уже вечерним звоном
душу вам печалит он,—

обесцветил ваши щечки,
отнял блеск и легкий шаг,
срок пришел, и ветхость ваша
вас лишает юных благ.

Пасха девушкам мила,
да прошла!

Та, чьи очи голубели,
а коса златой была,
нынче злится, желтолица,
не глядится в зеркала,
потому что лоб атласный
и младая кожа щек,
как епископская ряса —
в складках вдоль и поперек.

Пасха девушкам мила,
да прошла!

А другая, у которой
лишь один остался зуб
(да и этому могилой
стал намедни жидкий суп),
так воскликнула, рыдая:
«Мой единственный зубок!
Ты ли белизной жемчужной
женихов ко мне не влек!»

Пасха девушкам мила,
да прошла!

И поэтому, глупышки,
прежде, чем придет пора
разменять златые косы
на кудель из серебра,—
любят вас — и вы любите,
навострите зоркий глаз:
иль не видите, что рядом
кое-кто проворней вас?

Пасха девушкам мила,
да прошла!

ИСПАНЕЦ ИЗ ОРАНА

Из коней из мавританских,
Что, утративши владельцев,
Средь кровавых луж искали
Незатоптанную зелень,
Выбрал дворянин испанский
Скакуна,— своих собратьев
Заглушал он громким ржаньем,
Затмевал могучей статью.
И того коня испанец
Нагрузил двойною ношей:
Сел с ним вместе им плененный
Мавр, начальник конной сотни.
Всадники четыре шпоры
Скакуну в бока вонзили,
И ретивый конь понесся
Птицею четверокрылой.
Мавру скрыть не удавалось,
Что тоской он злой измучен:
Ноет грудь от жарких вздохов,
Слепнет взор от слез горючих.
И, оглядываясь часто,
В изумленье был испанец:
Тот, кто столь бесстрашно бился,
Ныне жалостно так плачет.
И тогда спросил у мавра
Он с участием учтивым:
Может быть, для этой скорби
Есть особые причины?
Тронутый его участьем,
Не отнекивался пленник,
И такими он словами
Вопрошавшему ответил:
«Доблестный военачальник!
Столь же добр ты, сколь отважен;
И мечом и добротою —
Покорил меня ты дважды.
Я рожден,— в тот год, в котором
Берберийцы вас разбили,—
От воинственного турка
И от знатной берберийки.

Вождь флотилии корсарской,
Мой отец погиб в сраженье;
С матерью, с ее родными
Рос я и мужал в Тлемсене.
И жила в соседстве с нами —
Мне, видать, для муки смертной —
Девушка, чьи предки были
Знатные мелионезцы.
Отличалась и красою,
И жестокостью своею
Дочь песчаной той долины,
Где всегда плодятся змеи.
Так была она прекрасна,
Так уста ее алели,
Что цветущий луг весною
Был гвоздиками беднее.
Стоило в лицо ей глянуть —
Мнилось мне, что вижу солнце,
Волосы же обрамляли,
Как лучи, лик светоносный.
Так росли мы с нею вместе,
И Амур нас в детстве раннем
Уязвил стрелой,— однако
Нас по-разному он ранил.
Золотой стрелой во мне он
Верность породил и нежность,
В ней, свинцовою стрелою, —
Гордость и пренебреженье.
Все призвал я красноречье,
Весь свой разум к соучастью,
Чтоб разжалобить жестокость,
С красотой прийти к согласью.
Но едва лишь я заметил,
Что смягчился нрав змеиный,
Как, тобою полоненный,
Должен кинуть край родимый.
Горьких слез моих причину
Знаешь ты теперь, испанец;
Можно ли не плакать, ставши
Жертвой стольких испытаний?»
Был испанец тронут этой
Злой печалью, мукой смертной,
Шаг он скакуна умерил,—
Так бы мавра скорбь умерить.

«Храбрый мавр,— сказал он,— если
Одержим такой ты страстью,
Уязвлен такой любовью,
В горести самой ты счастлив.
Ты столь яростно сражался, —
Разве мог бы кто поверить,
Что в груди твоей могучей
Бьется любящее сердце?
Если пленник ты Амура,
Я тебя держать не буду:
Покушаться недостойно
На добычу на чужую.
За тебя у твоей милой
Выкупа просить не стану:
Драгоценной кошенили
И ковров узорнотканых.
Бог с тобой, живи и стражди,
Счастлив будь нелегкой долей,
А как свидишься с любимой,
Обо мне добром ты вспомни».
Тут коня остановил он,
И освобожденный пленник,
Спрыгнув, на песке простерся,
Всаднику целуя стремя.
«Тыщу лет живи,— он молвил,—
Доблестный военачальник,
Ты возьмешь великодушьем
Больше, чем мечом разящим.
Пусть Аллах всегда победу
Шлет тебе на поле брани,
Дабы ты и дальше множил
Славные свои деянья!»

РОМАНС ОБ АНХЕЛИКЕ И МЕДОРО

В бедной хижине пастушьей,
чьи война простила стены
(то ли их дубы укрыли,
то ли были столь презренны),
где пастуший мир в овчине
гонит в предрассветной рани

в горы с поля козье стадо
или в поле с гор — баранье,—
гостем отрок, чья удача —
излеченье от увечий,
и кого Амур сподобил
не стрелой, а доброй встречей:
жилы, в коих крови мало,
очи, в коих ночи много,
в поле узрила младая
участь племени мужского.
Знать не зная сарацина,
сходит наземь с иноходца,
видя, сколькими цветами
свежей крови воздается.
Гладит лик его и чует
жар Амура в розах кожи,
чьи от смертного дыханья
лепестки на снег похожи.
В розах он за тем таится,
чтоб стрела его литая
юной кровью благородной
доняла алмаз Катая.
И уже — божок проворный —
взор ей дарит, душу тронув
жаркой жалостью, рожденной
среди нежных скорпионов.
Так ее кремень рассыпал,
ощутив удар нежданно,
искры влажные — о жалость,
дочь измены и обмана!
Язвы травами врачует,
пусть пока и без успеха,
кои в этих дивных дланях —
ранам лестная утеха.
Ей Амур повязку дарит,
но она, порвав одежды,
раны юноше бинтует:
прикрывает Солнце вежды!..
Был последний узел стянут
в миг, когда — хвала Зевесу! —
селянин на лошаденке
появляется из лесу.
И ему препоной стало
девы горькое стенанье —

оторопь стволов могучих
и глухих камней вниманье.
Та, для чьих копыт уместней
лес, чем площади дворцовы,
добротою отвечает
на отчаянные зовы.
Селянин на лошадь робко
помещает иноверца,
в коем стало крови мало,
но взамен нее — два сердца,
и тропу (хотя Светило
и рассталось с окоемом)
к дому ищет, не по стрелке —
по дымку над милым домом,
где учтивая селянка
незнакомцев приютила
(в нем два сердца еле живы,
слепы два ее светила).
Не пером, а мягким сеном
ровно устилает ложе —
не оно ли для счастливца
брачным сделается позже?
Пальцы, божества земные,
в ту же ночь легко и споро,
силы юные удвоив,
возвращают жизнь Медоро
и вручают с целым царством
красоту, стократ милее
первой страсти Адониса
и второй тщеты Арея.
И уже бесстыдным роем
купидончики над кровом
разжужжались, точно пчелы
у дупла в стволе дубовом.
(Сто узлов завяжет Зависть
на хвосте змеи для счета:
сосчитать все поцелуи
голубей — ее забота,
но Любовь исхлещет Зависть,
как бичом, хвостом змеиным,
дабы грязь не приставала
к белым перьям голубиным!)
От его одежд струится
дивное благоуханье,

он забросил лук и стрелы,
позабыл о ятагане.
Он теперь не трубам внемлет,—
а призывным птичьим стонам,
шарф кисейный Афродиты —
вместо стяга над влюбленным.
А у девы грудь открыта,
и на ней — волос лавина
(брошь нужна — сорвет гвоздику,
шпилька — веточку жасмина).
Пав к ее ногам, колосья
снег ее обули в злато,
дабы ноги не исчезли
под лучами супостата.
Поутру раскрыт над ними
веер стаи быстрокрылой,
ветерки им слух ласкают
лестью или сплетней милой.
Нивы им ковер подносят,
лес — прохладные палаты,
ключ поющий — сновиденья,
соловьи — свои кантаты,
а деревья имена их
на кору свою стяжали
в пику мраморной колонне,
к сраму бронзовой скрижали.
Каждый ясень, каждый тополь —
их имен лесная веха,
клич «Анхе́лика» кочует
по долинам, словно эхо.
Даже гроты, где безмолвье
мраку не уступит бездны,
их объятьями обжиты,
коим страхи неизвестны...
Дом, чье ложе стало брачным,
вы, селяне-хлебосолы,
воздух, ключ, дубы и нивы,
птицы, луч, цветы и долы,
ясень, тополь, гроты, кручи,—
этой неги очевидцы, —
да хранит вас Громовержец
от Орландовой десницы!..

* * *

Поет Алкиной — и плачет.
И плач потому так горек,
что радости скоротечны,
зато вековечно горе.
Поет Орфей Гвадианы;
рокочут на цитре струны,
и в лад им вершины тают,
и стынет поток бурунный.
Как сладко он славит счастье!
Как горько клянет невзгоды!
И слушают завороженно
вершины его и воды.
«И брезжит надежда, да время не ждет:
Добро за горами, а смерть у ворот...»

Добро — цветок однодневка;
распустится он под утро,
да в полдень уже увянет,
совсем и не цвел как будто.
А горе могучим дубом
упрямо вздымает крону;
его бороды зеленой
века сединой не тронут.
Жизнь мчится, как лань-подранок,
а смерть ей под сердце метит...
Удача ползет улиткой,—
успеть ли ей раньше смерти?
«И брезжит надежда, да время не ждет:
Добро за горами, а смерть — у ворот...»

* * *

Девица, и статью
и ликом красна,
вдова не вдова
и жена не жена,
свой светоч в слезах
провожая на рать,
пеняла, печальная,
глядя на мать:
«Пойду на откос,
ослепну от слез!

За что мне, родная,
в поре молодой,
не ведая счастья,
познаться с бедой
и с тем обручиться,
кто за семь морей
увозит ключи
от свободы моей!
Пойду на откос,
ослепну от слез!

Слезами застлало
очей торжество,
лишилась я радости
видеть его,
зачем мне глаза,
раз ушел на войну
мой мир ненаглядный,—
оставил одну!
Пойду на откос,
ослепну от слез!

Корите вы ту,
что несчастнее всех,
я плачу, но разве
страдание — грех?
Добра мне желая,
не делайте зла,
я слез не лила бы,
когда б умерла!
Пойду на откос,
ослепну от слез!

Будь сердце холодным,
да хоть из кремня,—
кто плакать не станет,
взглянув на меня,—
не горько ли видеть,
как вянет живьем
пунцовая роза
в расцвете своем!
Пойду на откос,
ослепну от слез!

Так сгиньте же ночи,
в которых нет глаз,
чей свет и в моих
до рассвета не гас!
Как жить мне, что делать
с моей однотой,
в постели с одной
половиной пустой!
Пойду на откос,
ослепну от слез!»

ФОРТУНА

Фортуна дары
раздает как придется:
когда улыбнется,
когда отвернется.
По-быстрому делит,
и все шито-крыто:
кому — куча денег,
кому — санбенито.
Дает и не знает,
кого награждает:
и верно, и скверно,
и всяко бывает.

Лишит козопаса
и стада и крова,
захочет — с лихвою
вернет ему снова.
С лихвой — не с лихвой,
а такое случится:
у хро́мой козы
два козленка родится.
Дает и не знает,
когда награждает:
и густо, и пусто,
и всяко бывает.

Бродяга яйцо
из курятника свистнет,
и вот он, как персик,
на солнышке виснет.

А этот — почище
любого бандита—
ворует и грабит,
и все — шито-крыто.
Фортуна на это
глядит как придется:
когда улыбнется,
когда отвернется.

ЛЕТРИЛЬЯ

(Фрагмент)

Что скорлупки заменили
туфли моднице Мингилье,—
что ж,
но что Менга без помоги
в два корыта вгонит ноги,—
ложь.

Что женился дон Бездельник
на красавице без денег,—
что ж,
но что он не пустит смело
красоту супруги в дело,—
ложь...

Что нарядов у красотки
тьма и муж отменно кроткий,—
что ж,
но что муж не знает, скаред,
кто жене обновы дарит,—
ложь.

Что старик седым ложится,
а наутро — как лисица,—
что ж,
но что луковый отварец
на себя не вылил старец,—
ложь.

Что клянется дон Подонок
будто вкусным был цыпленок,—
что ж,

но что мы от зубочистки
не узнали о редиске,—
ложь...

Что для бледности невинной
дама лакомится глиной,—
что ж,
но поверить, что сеньора
не страдает от запора,—
ложь.

Что, молясь о сыне в храме,
дева сохнет над свечами,—
что ж,
но не знать, какая свечка
принесет ей человечка,—
ложь...

Что внимает серенаде
Менга со слезой во взгляде,—
что ж,
но что ей не снится проза
вроде денежного воза,—
ложь...

Что гитара до рассвета
может тренькать то да это,—
что ж,
но что нас не доконали
упражнения канальи,—
ложь...

Что от скромного поэта
по два года ждут сонета,—
что ж,
но что чванный нескладеха
в день не сложит двух и плохо,—
ложь...

Что дублоны к скупердяге
приплывают по сотняге,—
что ж,
но что сын, гуляка тонкий,
их не спустит по тысчонке,—
ложь.

Что Нарцисс главой своею
что ни день в раю по шею.—
что ж,
но что зад его прекрасный
не терзает ад ужасный,—
ложь.

* * *

Рыдала девица,
стирая белье:
ее ненаглядный
оставил ее.
В ту пору ей было
четырнадцать лет;
но весны проходят,
а милого нет.
Сияет ли солнце,
горит ли луна,
о горькой измене
все плачет она.
И множит ей памяти
едкая соль
на слезную муку
сердечную боль.
Милая, плачь:
вылечит плач.

Но мать ее просит:
«Дочурка моя,
утешься, иначе
не выдержу я»,—
а та отвечает:
«Ах, матушка, нет,
мне горя не выплакать
за десять лет.
Не хватит очей мне,
не хватит и слез —
такую обиду
мне милый нанес.
Пусть слезы струятся
соленым ручьем,

смывая с души моей
память о нем.
Я петь разучилась,
а если пою,
зовут все рыданием
песню мою.
Мой милый с собою
мой голос унес,
оставив молчание,
полное слез».
Милая, плачь:
вылечит плач.

БЫЛ БЫ В СЫТОСТИ ЖИВОТ, А МОЛВА НЕ В СЧЕТ

Про монархов рассуждаем,
про раздел всея земли,
а меня — не обдели
маслом, свежим караваем,
дай зимой варенья с чаем,
водки, чтоб согреть живот,
а молва не в счет.

Пусть на серебре и злате
принц снедает целый куль
позолоченных пилюль,—
чтобы трапезу прияти,
мне и шкварки будут кстати:
прямо с противня да в рот,
а молва не в счет.

В январе, когда на склоны
снег покровом хладным лег,—
мне бы жаркий камелек,
да орешки раскалены,
да про дни седые оны
поскладнее анекдот,
а молва не в счет.

У купца к монетам рвенье,—
чтоб звенели в кошелю,

я же поутру люблю
блеск ракушек в белой пене
и внимаю Филомене
там, где ива воду пьет,
а молва не в счет.

Юный грек в порыве смелом
к жрице Геро ночью плыл,
а меня в давильню пыл
к струям гонит алым, белым,
где блажен душой и телом
посреди пьянящих вод,
а молва не в счет.

Тисба и Пирам влюбленный
острым венчаны мечом,
кровью, хлынувшей ручьем;
мне по сердцу — торт слоеный,
мой резец, в него вонзенный,
поострей меча сечет,
а молва не в счет.

* * *

Куль я видел у менялы,
полный спелых фиг и дуль.
Разошелся быстро куль:
знать, на дули спрос немалый.
«Но тебе,— сказал он,— малый,
буде в чем соврешь хоть раз,
дулю я одну припас!»

Начинаю. Есть в Мадриде
дурень. Он и вам знаком:
тлю узрит в глазу чужом,
у себя слона не видя!
Чтобы не был он в обиде,
я бы дал ему за дурь
пару дуль.

Старый хрыч, собою горд,
под венец идет с девицей.

Простофиле и не снится,
что невеста—первый сорт:
трижды делала аборт.
Поделом его надули!
Три дули.

Вышел порох весь в расход
у преклонного супруга,
а исправная супруга
каждый год дает приплод.
Может быть, она дает
как предписано ей браком?
Дуля с маком!

Дон Безродный ходит франтом,
самомнением томим:
дескать, обращайтесь с ним,
словно он рожден инфантом,
хоть по крови маркитант он,
по уму же — круглый нуль.
Пять дуль.

Хвастал дон Бахвал досужий
зубочисткою с утра:
мол, фазана ел вчера.
По усам же обнаружил
я, что дичь ему на ужин
поставляет зеленщик.
Шесть фиг.

Спеленал себя шелками
хлыщ, собравшийся на рать,
так что и не разобрать,
ратник это или знамя,
и куда идет он: к даме,
на бульвар ли, на войну ль?
Семь дуль.

Расфуфыренные хваты
разодеты в прах и дым:
предков, мол, не посрамим.
Те и впрямь аристократы,
но носили чаще латы,
чем крахмальный воротник.
Восемь фиг.

В битве с одного удару
сей храбрец сражает трех.
Только этот пустобрех
брешет с винного угару:
мастер петь он под гитару,
но не слышал пенья пуль.
Девять дуль.

Дон Обманутый Вздыхатель
не получит ни черта.
Вроде б истина проста,
но не внемлет ей мечтатель.
Незадаром, знать, приятель
заработал целый куль
дуль.

* * *

Над рекой горянки пляшут
среди сосен поутру,
Хукар на камнях играет,
ветер — на ветвях в бору.
Не из водной колыбели
стая белая наяд
и не спутницы Дианы,
коим лес покорный рад,—
а горянки, свет Куэнки,
чье подножье среди трав
две реки целуют нежно,
ноги им поцеловав.
Как венок, сплели веселый
хоровод из белых рук,
чтобы переменой в танце
не порушить дружный круг.

Славно пляшут поутру
девушки в бору!

Аравийским златом блещут,
множат Фебовы лучи
косы их,— всех роз пышнее,
ослепительней парчи.

Их Куэнка облачила
в цвет небес и цвет надежд —
ни сапфирам, ни смарагдам
не унизить их одежд.
Ножка (если только юбка
отворит лазок для глаз)
на снегу жемчужно-белом
бантом очарует вас —
так в круженье соразмерном,
скромной копией колонн,
на нежнейшем пьедестале
столп хрустальный вознесен.

Славно пляшут поутру
девушки в бору!

Черноту агатов звонких
ранит пальцев белизна,—
инструмент слоновой кости,
что и Муз лишает сна:
молкнут птицы, стынут листья,
и река смиряет ход,
чтоб услышать, как юница
поутру в бору поет:

«Горянки с гор Куэнки
в бору чаруют вас,
те — собирая шишки,
а те — пускаясь в пляс».

Бьют шишкою о шишку,
орешки шелушат,
а то и жемчугами
их вылущить спешат,
смеются, отвергая
любовных стрел алмаз,
те — собирая шишки,
а те — пускаясь в пляс.

Слепой божок у Солнца
глаза занять бы рад,
чтоб улучить горянок,
которые летят

по Солнцу, что под ноги
им стелет сотни глаз,—
те — собирая шишки,
а те — пускаясь в пляс.

* * *

О влага светоносного ручья,
бегущего текучим блеском в травы!
Там, где в узорчатой тени дубравы
звенит струной серебряной струя,

в ней отразилась ты, любовь моя:
рубины губ твоих в снегу оправы...
Лик исцеленья — лик моей отравы
стремит родник в безвестные края.

Но нет, не медли, ключ! Не расслабляй
тугих поводьев быстрины студеной.
Любимый образ до морских пучин

неси неколебимо, и пускай
пред ним замрет коленопреклоненный
с трезубцем в длани мрачный властелин.

* * *

Как зерна хрусталя на лепестках
пунцовой розы в миг рассветной рани
и как пролившийся по алой ткани
искристый жемчуг, светлый и впотьмах,

так у моей пастушки на щеках,
замешанных на снеге и тюльпане,
сверкали слезы, очи ей туманя,
и всхлипы солонили на устах;

уста же были горячи как пламень
и столь искусно исторгали вздохи,
что камень бы, наверно, их не снес.

А раз уж их не снес бы даже камень,
мои дела и вовсе были плохи:
я — воск перед лицом девичьих слез.

* * *

От горьких вздохов и от слез смущенных,
исторгнутых душой, лишенной сна,
влажны стволы, листва сотрясена
седых дерев, Алкиду посвященных.

Но заговором ветров возмущенных
листва от гнета вздохов спасена,
и влага слез в стволах потаена —
уже ни слез, ни вздохов укрощенных.

Мой нежный лик и тот расстался с данью
очей моих — она бесплотной дланью
тьмы — или ветра — стерта потому,

что ангелица, дьявольски земная,
не верит мне: горька тщета двойная —
вздыхать на ветер и рыдать во тьму!

* * *

Я пал к рукам хрустальным; я склонился
к ее лилейной шее; я прирос
губами к золоту ее волос,
чей блеск на приисках любви родился;

я слышал: в жемчугах ручей струился
и мне признанья сладостные нес;
я обрывал бутоны алых роз
с прекрасных уст и терний не страшился,

когда, завистливое солнце, ты,
кладя конец любви моей и счастью,
разящим светом ранило мой взор;

за сыном вслед пусть небо с высоты
тебя низринет, если прежней властью
оно располагает до сих пор!

* * *

Пока руно волос твоих течет,
как золото в лучистой филиграни,
и не светлей хрусталь в изломе грани,
чем нежной шеи лебединый взлет,

пока соцветье губ твоих цветет
благоуханнее гвоздики ранней
и тщетно снежной лилии старанье
затмить чела чистейший снег и лед,

спеши изведать наслажденье в силе,
сокрытой в коже, в локоне, в устах,
пока букет твоих гвоздик и лилий

не только сам бесславно не зачах,
но годы и тебя не обратили
в золу и в землю, в пепел, дым и прах.

* * *

В озерах, в небе и в ущельях гор
зверь, рыба или птица — тварь любая,
заслышав плач мой, внемлет, сострадая,
беде, меня томящей с давних пор,

и даже если горе и укор
вверяю я ветрам, когда сухая
жара придет, всю живность увлекая
в тень рощ, в глубины рек, в прохладу нор,

то всякий зверь, в окрестности живущий,
бредет за мной, дыханье затая,
оставив лоно вод, луга и кущи,

как будто эти слезы лил не я,
а сам Орфей — настолько всемогущи
его печаль и нега, боль моя.

* * *

Кость Ганга, мрамор Пароса, блестящий
эбен и золотую филигрань,
сапфир, с Востока привезенный в дань,
мельчайший бисер и рубин горящий,

диковинный янтарь, хрусталь слепящий
и тонкую серебряную скань
если бы взял в божественную длань
ваятель, в благодатный век творящий,

и, воедино сплавив их, достиг
неслыханных красот в своем дерзанье,
то разве б он сумел их сплавить так,

чтоб, как под солнцем воск, не сникло вмиг
под взглядом глаз твоих его созданье,
о Клори дивная, мой сладкий враг?

* * *

Зовущих уст, которых слаще нет,
их влаги, обрамленной жемчугами,
пьянящей, как нектар, что за пирами
Юпитеру подносит Ганимед,

страшитесь, если мил вам белый свет:
точно змея меж яркими цветами
таится между алыми губами
любовь, чей яд — источник многих бед.

Огонь пурпурных роз, благоуханье
их бисерной росы, что будто пала
с сосцов самой Авроры,— все обман;

не розы это — яблоки Тантала,
они нам дарят, распалив желанье,
лишь горький яд, лишь тягостный дурман.

* * *

Не столь смятенно обойти утес
спешит корабль на пасмурном рассвете,
не столь поспешно из-под тесной сети
на дерево пичугу страх вознес,

не столь — о Нимфа! — тот, кто вышел бос,
стремглав бежит, забыв про все на свете
от луга, что в зеленом разноцветье
ему змею гремучую поднес,—

чем я, Любовь, от взбалмошной шалуньи,
от дивных кос и глаз ее желая
спастись, стопам препоручив испуг,

бегу от той, кого воспел я втуне.
Пускай с тобой пребудут, Нимфа злая,
утес, златая сеть, веселый луг!

* * *

Вы, о деревья, что, над Фаэтоном
еще при жизни столько слез пролив,
теперь, как ветви пальм или олив,
ложитесь на чело венком зеленым,—

пусть в жаркий день к тенистым вашим кронам
льнут нимфы любострастные, забыв
прохладный дол, где, прячась под обрыв,
бьет ключ, и шелестит трава по склонам,

пусть вам целует (зною вопреки)
стволы (тела девические прежде)
теченье этой вспененной реки;

оплачьте же (лишь вам дано судьбой
лить слезы о несбыточной надежде)
мою любовь, порыв безумный мой.

* * *

О Ко́рдова! Стобашенный чертог!
Тебя венчали слава и отвага.
Гвадалквивир! Серебряная влага,
закованная в золотой песок.

О эти нивы, изобилья рог!
О солнце, источающее благо!
О родина! Твои перо и шпага
завоевали Запад и Восток.

И если здесь, где средь чужого края
течет Хениль, руины омывая,
хотя б на миг забыть тебя я смог,

пусть грех мой тяжко покарает рок:
пускай вовеки не узрю тебя я,
Испании торжественный цветок!

* * *

Величественные слоны — вельможи,
прожорливые волки — богачи,
гербы и позлащенные ключи
у тех, что так с лакейским сбродом схожи,

полки девиц — ни кожи и ни рожи,
отряды вдов в нарядах из парчи,
военные, священники, врачи,
судейские,— от них спаси нас, боже! —

кареты о восьмерке жеребцов
(считая и везомых и везущих),
тьмы завидущих глаз, рук загребущих

и веющее с четырех концов
ужасное зловонье... Вот — столица.
Желаю вам успеха в ней добиться!

НА ХРИСТОВО РОЖДЕНИЕ

Повиснуть на кресте, раскинув длани,
лоб в терниях, кровоточащий бок,
во славу нашу выплатить оброк
страданьями — великое деянье!

Но и твое рождение — страданье
там, где, великий преподав урок —
откуда и куда нисходит бог,—
закут не застил крышей мирозданье!

Ужель сей подвиг не велик, господь?
Отнюдь не тем, что холод побороть
смогло дитя, приняв небес опеку,—

кровь проливать трудней! Не в этом суть:
стократ от человека к смерти путь
короче, чем от бога к человеку!

НА ПОГРЕБЕНИЕ ГЕРЦОГИНИ ЛЕРМСКОЙ

Вчера богиня, ныне прах земной,
там блещущий алтарь, здесь погребенье.
И царственной орлицы оперенье —
всего лишь перья, согласись со мной.

Останки, скованные тишиной,
когда б не фимиама воскуренье,
нам рассказали бы о смертном тлене,—
о разум, створы мрамора открой!

Там Феникс (не Аравии далекой,
а Лермы) — червь среди золы жестокой —
взывает к нам из смертного жилья.

И если тонут корабли большие,
что делать лодкам в роковой стихии?
Спешить к земле, ведь человек — земля.

* * *

Вальядолид. Застава. Суматоха!
К досмотру все: от шляпы до штиблет.
Ту опись я храню, как амулет:
от дона Дьего снова жду подвоха.

Поосмотревшись, не сдержал я вздоха:
придворных — тьма. Двора же нет как нет.
Обедня бедным — завтрак и обед.
Аскетом стал последний выпивоха.

Нашел я тут любезности в загоне;
любовь без веры и без дураков:
ее залогом — звонкая монета...

Чего здесь нет, в испанском Вавилоне,
где как в аптеке — пропасть ярлыков
и этикеток, но не этикета!

ПОСЛАНИЕ ЛОПЕ ДЕ ВЕГА

Брат Лопе, погоди писать коме...:
и так известно всем, какой ты вру...
Зачем берешь Евангелие в ру...?
Ведь ты же в этой книге ни бельме... .

И вот тебе еще один нака...:
когда не хочешь выглядеть крети...,
«Анхéлику» спали как ерети...,
и разорви в клочки свою «Арка... .

От «Драгонтеи» впору околе...
Добро еще, что мягкая бума...!
На четырех наречьях околе...
несешь ты, а тебе и горя ма... .

Намедни, говорят, ты написа...
шестнадцать книг, одна другой скучне...
и озаглавил их «Иеруса...
Назвал бы лучше честно: «Ахине...!

* * *

В могилы сирые и в мавзолеи
вникай, мой взор, превозмогая страх —
туда, где времени секирный взмах
вмиг уравнял монарха и плебея.

Нарушь покой гробницы, не жалея
останки, догоревшие впотьмах;
они давно сотлели в стылый прах:
увы! бальзам — напрасная затея.

Обрушься в бездну, пламенем объят,
где стонут души в адской круговерти,
скрипят тиски и жертвы голосят;

проникни в пекло сквозь огонь и чад:
лишь в смерти избавление от смерти,
и только адом истребляют ад!

НАДПИСЬ НА МОГИЛУ ДОМЕНИКО ГРЕКО

Сей дивный — из порфира — гробовой
затвор сокрыл в суровом царстве теней
кисть нежную, от чьих прикосновений
холст наливался силою живой.

Сколь ни прославлен трубною Молвой,
а все ж достоин вящей славы гений,
чье имя блещет с мраморных ступеней.
Почти его и путь продолжи свой.

Почиет Грек. Он завещал Природе
искусство, а Искусству труд, Ириде
Палитру, тень Морфею, Фебу свет.

Сколь склеп ни мал,— рыданий многоводье
он пьет, даруя вечной панихиде
куренье древа савского в ответ.

* * *

Сеньора тетя! Мы стоим на страже
в Маморе. К счастью, я покуда цел.
Вчера, в тумане, видел сквозь прицел
рать мавров. Бьются против силы вражьей

кастильцы, андалузцы. Их плюмажи
дрожат вокруг. Они ведут обстрел —
затычками из фляжек. Каждый смел —
пьют залпом, не закусывая даже.

Один герой в бою кровавом слег —
и богатырским сном уснул. Бессменно
другой всю ночь точил кинжал и пику —

чтобы разделать утренний паек,
А что до крепости, она отменна —
у здешних вин. Мамора. Хуанико.

* * *

Доверив кудри ветру, у ствола
густого лавра Фи́лис в дреме сладкой
на миг забылась; золотистой складкой
волна волос ей плечи оплела;

и алая гвоздика расцвела
в устах, сомкнув их тишиною краткой,
чьей свежести вкусить решил украдкой
сатир, обвивший плющ вокруг чела,

но не успел — нежданно появилась
пчела, и в нежный, пурпурный цветок
пронзительное жало погрузилось;

был посрамлен бесстыдный полубог:
прекрасная пастушка пробудилась
и он настичь ее уже не смог.

О СТАРЧЕСКОМ ИЗМОЖДЕНИИ, КОГДА БЛИЗИТСЯ КОНЕЦ, СТОЛЬ ВОЖДЕЛЕННЫЙ ДЛЯ КАТОЛИКА

На склоне жизни, Лиций, не забудь,
сколь грозно семилетий оскуденье,
когда любой неверный шаг — паденье,
любое из падений — в бездну путь.

Дряхлеет шаг? Зато яснее суть.
И все же, ощутив земли гуденье,
не верит дом, что пыль — предупрежденье
руин, в которых он готов уснуть.

Змея не только сбрасывает кожу,
но с кожей — оболочку лет, в отличье
от человека. Слеп его поход!

Блажен кто, тяжкую оставив ношу
на стылом камне, легкое обличье
небесному сапфиру отдает!

НАИСИЯТЕЛЬНЕЙШЕМУ ГРАФУ-ГЕРЦОГУ

В часовне я, как смертник осужденный,
собрался в путь, пришел и мой черед.
Причина мне обидней, чем исход,—
я голодаю, словно осажденный.

Несчастен я, судьбою обойденный,
но робким быть — невзгода из невзгод.
Лишь этот грех сейчас меня гнетет,
лишь в нем я каюсь, узник изможденный.

Уже сошлись у горла острия,
и, словно высочайшей благостыни,
я жду спасения из ваших рук.

Была немой застенчивость моя,
так пусть хоть эти строки станут ныне
мольбою из четырнадцати мук!

О ДОЛГОЖДАННОЙ ПЕНСИИ

Свинец в ногах у пенсии моей,
а я одной ногой ступил в могилу.
О беды, вы мне придаете пылу!
Наваррец — наилучший из друзей!

В рагу я брошу лук и сельдерей!
Мне даже *фига* возвращает силу!
Мой ветхий челн доверю я *кормилу*!
Мне снится славный *Пирр*, царь из царей!

Худые башмаки, зола в печурке,—
неужто дуба дам, дубовой чурки
не раздобыв, чтобы разжечь очаг!

Не медли то, о чем я так мечтаю!
Сказать по чести, я предпочитаю
успеть поесть — успенью натощак.

ТЩЕСЛАВНАЯ РОЗА

Вчера родившись, завтра ты умрешь,
Не ведая сегодня, в миг расцвета,
В наряд свой алый пышно разодета,
Что на свою погибель ты цветешь.

Ты красоты своей познаешь ложь,
В ней — твоего злосчастия примета:
Твоей кичливой пышностью задета,
Уж чья-то алчность точит острый нож...

Увы, тебя недрогнувшей рукой
Без промедленья срежут, чтоб гордиться
Тобой, лишенной жизни и души...

Не расцветай: палач так близко твой,
Чтоб жизнь продлить — не торопись родиться,
И жизнью смерть ускорить не спеши.

КРИСТОБАЛЬ ДЕ МЕСА

* * *

Гонясь за счастьем, уделил я прежде
пустой придворной жизни много лет,
в которой правдолюбцу места нет,
но дверь открыта чванному невежде,

где фаворит в сверкающей одежде
роскошеством своим прельщает свет,
где познает немало горьких бед
простак, наивно верящий надежде;

пускай смеется чернь, но во сто крат
блаженней тот, кто на клочке земли,
хваля судьбу, живет себе в усладу,

кто мир вкушает, кто покою рад
от балагана этого вдали,
от мерзости его, подобной аду.

БАРТОЛОМЕ ЛЕОНАРДО ДЕ АРХЕНСОЛА

* * *

Вот, Нуньо, двух философов портреты:
один рыдал и хохотал второй
над бренною житейскою игрой,
чьи всюду и во всем видны приметы.

Когда бы я решил искать ответы
вдали от этой мудрости и той —
чье мненье мне служило бы звездой?
Из двух — какая сторона монеты?

Ты, видящий повсюду только горе,
мне говоришь, что в трагедийном хоре
пролить слезу — утеха из утех.

Но, зная, что слезами не поможешь
добру и зла вовек не изничтожишь,—
я, не колеблясь, выбираю смех.

* * *

Сотри румяна, Ла́ис, непрестанно
их кислый запах выдает обман.
А если въелся в щеки слой румян,
потри их мелом — и сойдут румяна.

Хотя природа и в руках тирана
и сталь кромсает сад, где сплошь бурьян,
но разве хоть один найдешь изъян
в глухом лесу, чья прелесть первозданна?

И если Небо коже подарило
правдивых роз румяна и белила,
зачем же пальцем в щеки грим втирать?

Красавица моя, приди же в чувство!
Для совершенной красоты — искусство
не в том ли, чтоб искусство презирать?

ХУАН ДЕ АРГИХО

ВРЕМЕНА ГОДА

Рассыпав щедро в чистоте простора
свой свет и блеск, весна приходит к нам;
полянам зелень, радость пастухам
за долгое терпенье дарит Флора;

но солнце переменчиво, и скоро
оно сместится, оказавшись там,
где жгучий Рак погибель шлет цветам,
лишая землю яркого убора;

и вот уж осень мокрая, она
плодами Вакха скрасит свой приход,
а после зимний холод воцарится;

чередованье, смена, новизна —
какой страдалец горький вас не ждет?
Какой счастливец гордый не страшится?

* * *

Карают боги гнусного Тантала,
чья низость на пиру ввела их в гнев.
Своим обманом мудрость их презрев,
изведал он, что значит их опала:

к воде ладони тянет он устало,
почти касается рукой дерев,
но Эридан уходит, обмелев,
и дерево ему плода не дало.

Ты удивлен, страдальцу сострадая,
что плод, в его уста не попадая,
приманкой служит для его очей?

Ну что ж, окинь округу трезвым взглядом,
и ты увидишь сто Танталов рядом —
несчастных, средь богатства, богачей.

О ТЕСЕЕ И АРИАДНЕ

«Кому пожаловаться на обман?
Молчат деревья, слез не понимая,
здесь небо слепо, а земля чужая,
любовь обманна, как морской туман.

Уплыл — один — любви моей тиран,
и плачу я, тоски не утоляя,
надеюсь исцелиться, понимая,
что исцеленья нет от этих ран!

О боги, если кто-нибудь когда-то
вас холодностью ранил,— пусть расплата
на моего обидчика падет!»

Так Ариадна небо молит в горе,
а слезы между тем уносит море,
а ветер вздохи горькие крадет.

* * *

Покорная напевам Амфиона,
сама росла Троянская стена,
его хранила нежная струна
в подземном царстве ужаса и стона.

Не от ее ли отворялись звона
алмазные врата, дабы она
спасала, волшебством наделена,
страдальцев из жестокого полона?

И если столь волшебно лиры пенье,
смиряющее бурных рек кипенье
и самых необузданных зверей,—

то тщетны почему мои старанья,
и то, что всех спасает от страданья,
лишь множит тяготы души моей?

РОДРИГО КАРО

РУИНАМ ИТАЛИКИ

Оплачем, Фабьо, сей, застывший сонно,
увядший холм, среди полей пустынных —
Италикой в иные времена,
колонией победной Сципиона
была сия, сокрытая в руинах,
суровая и славная стена,
так сделалась она
реликвией слепою.
Печальною тропою
герои в царство теней отошли,
их даже память видеть перестала.
Здесь храм стоял, там площадь клокотала,
чей контур еле различим в пыли.
Гимназия искрошена веками,
от дивных терм остались только камни,
а шпили башен, ранившие высь,
ее покою вечному сдались.

Амфитеатра рухнувшие стены,
богов жестоких славившие ране,
унизил беспощадно желтый дрок.
В безмолвии трагической арены
струится время, как напоминанье,
сколь жалок давней пышности итог.
Все поглотил песок.
Умолк народ великий,
в столетьях стихли крики.
Где тот, который на голодных львов
шел обнаженным? Где атлет могучий?
Здесь превращен судьбою неминучей
в безмолвие многоголосый рев.
Но до сих пор являют нам руины
былых ристаний страшные картины,
и чудится душе в седых камнях
предсмертный хрип, звучавший в давних днях.

Здесь был рожден сын молнии военной —
Траян, отец испанского народа,
воитель доблестный и честь страны,
пред кем земля была рабой смиренной
от колыбели алого восхода
до побежденной кадикеской волны.
О славные сыны,—
здесь Адриан и Силий,
и Теодосий были
детьми: слоновая сияла кость
на колыбелях, облаченных в злато,
жасмин и лавр венчали их когда-то
там, где былье глухое разрослось.
Дом, сложенный для Кесаря,— глядите,—
сегодня гнусных ящериц укрытье.
Исчезли кесари, дома, сады
и камни, и на них имен следы.

Коль ты не плачешь, Фабьо,— долгим взглядом
окинь умерших улиц вереницы,
разбитый мрамор арок, алтарей,
останки статуй, ставших жалким сором,
все — жертва Немезидовой десницы
там, где безмолвье погребло царей
в столетней тьме своей.
Так Троя предо мною
встает с ее стеною,

и Рим, чье имя только и живет
(где божества его и властелины?!),
и плод Минервы — мудрые Афины
(помог ли им законов честных свод?!).
Вчера — веков соперничество, ныне —
ленивый прах в безропотной пустыне:
ни смерть не пощадила их, ни рок—
и мощь, и разум спят в пыли дорог.

Но почему фантазии неймется
искать в былом пример для состраданья?
И нынешних не счесть: то там, то тут
заблещет огонек, дымок пробьется,
то отголосок прозвучит рыданья:
душа — видений призрачных приют —
томит окрестный люд,
который изумленно
вдруг слышит отзвук стона
в ночи немой — немолчный хор кричит:
«Прощай, Италика!», и эхо плачет:
«Италика!», и слово это прячет
в листве, но и в листве оно звучит:
«Италика!» — так имя дорогое
Италики, не ведая покоя,
в руинах повторяет теней хор...
Им сострадают люди до сих пор!

Гость благодарный,— этим славным теням
я краткий плач смиренно посвящаю,
Италика, простертая во сне!
И если благосклонны к этим пеням
останки жалкие, чьи различаю
следы в стократ печальной тишине,—
открой за это мне
в любезной благостыне
таящийся в руине
приют Геронсия,— направь мой шаг
к могиле мученика и прелата,
пусть я — слезами горестного брата —
открою этот славный саркофаг!
Но тщетно я хочу разжиться частью
богатств, присвоенных небесной властью.
Владей своим богатством, дивный храм,
на зависть всем созвездьям и мирам!

АНТОНИО МИРА ДЕ АМЕСКУА

ПЕСНЬ

Веселый, беззаботный и влюбленный,
щегол уселся на сучок дубовый
и крылья отряхнул, собой гордясь:
над белой грудкой клюв его точеный
сверкал, как иней на кости слоновой,
желтела, в перья нежные вплетясь,
соломенная вязь;
и, облекая в сладостные звуки
любовь свою и муки,
защебетала птичка: все вокруг
внимало ей — цветы, деревья, луг...
Но вдруг, ее рулады
прервав, охотник вышел из засады,
и острая стрела
пронзила сердце бедного щегла —
замолкший, бездыханный,
упал певец на луг благоуханный...
Ах, жизнь его — портрет
моих счастливых дней и тяжких бед!

Стремясь в луга, в раздольные просторы,
шалун ягненок вырвался на волю
из-под родного крова, променяв
живительный и чистый сок, которым
его вспоила мать, любя и холя,
на запахи цветов и свежесть трав,
на множество забав
в долинах пышных, где светлы и новы
весенние покровы,
где можно мять зеленый шелк полей,
вкушая сладость молодых стеблей.
Но счастье так недолго!..
И вот уже ягненок в пасти волка,
чьи хищные клыки
его порвали в мелкие куски,
и, кровью залитая,
пурпурной стала шерстка золотая.
Как высока цена
тех радостей, что дарит нам весна!

Кичась своим роскошным опереньем,
задумала напыщенная цапля
достичь досель невиданных высот,
и распластала крылья с упоеньем,
и взмыла вверх, и в блеске звезд, как сабля,
сияет хохолок ее; и вот,
под самый небосвод
взлетев, она в безудержной гордыне
решила стать отныне
царицей птиц и рвется дальше ввысь,
где не страшна ей никакая рысь.
Но недреманным оком
узрел ее на облаке высоком
орел, и в небо вмиг
вспарил, и птицу гордую настиг:
остались пух и перья
от цапли и ее высокомерья.
Ах, горький сей исход —
портрет моих несчастий и невзгод!

Гудит тугая кожа барабана,
поют призывно боевые горны,
построен эскадрон за рядом ряд;
пришпоренный красавцем капитаном,
храпя, летит галопом конь проворный
и увлекает за собой отряд;
уже рога трубят
желанный клич к началу наступленья,
вперед без промедленья
отважный капитан ведет войска:
победа, мыслит он, уже близка...
Но что там? Строй расколот!
Был капитан неопытен и молод
и вел на бой солдат
без должного порядка, наугад;
и в схватке той кровавой
простился он и с жизнью и со славой.
О, как изменчив лик
фортуны, чью вражду и я постиг!

Красотка дама в зеркало глядится
и мнит себя Венерой в упоенье;
безмолвное стекло — искусный льстец;
но впрямь не зря прелестница гордится:

в игре любовной, в сладостном сраженье
немало ею пленено сердец;
и старец и юнец
под взглядом глаз ее прекрасных млеет,
и перед ней бледнеет
самой Дианы девственной краса,
за что кокетка хвалит небеса...
Но ах! — какое горе:
откуда ни возьмись — недуги, хвори,
нет больше красоты,
искажены прелестные черты,
и на лице у дамы
сплошь оспины, рубцы, морщины, шрамы.
О, горестный итог —
сник луч, затмился свет, увял цветок!

Влекомый ветром, парусник крылатый
скользит, качаясь, по равнине пенной;
на судне том, своей добычей горд,
из Индии плывет купец богатый,
тростник бенгальский, перламутр бесценный,
духи и жемчуг погрузив на борт;
родной испанский порт
блеснул вдали — корабль уже у цели,
все флаги ввысь взлетели,
и щедрые дары купец раздал
тем, кто отчизну первым увидал.
Но... рулевой небрежный,
в тумане не приметив риф прибрежный,
наткнулся на утес,
который в щепу парусник разнес,
и поглотили воды
купца, его надежды и доходы.
Все кануло на дно,
где счастье и мое погребено!

К вершинам ваших совершенств, сеньора,
веселый, беззаботный и влюбленный
мечты моей заоблачный полет
победой славной был увенчан скоро —
ей удалось, любовью окрыленной,
развеяв холод и расплавив лед,
достигнуть тех высот,
где красоты слепящее светило

мне душу озарило,
и радостный поток
понес по морю страсти мой челнок...
Ах, в этот миг победный
я, как щегол и как ягненок бедный,
как цапля в вышине,
как капитан на резвом скакуне,
как дама и как судно,
играл своей удачей безрассудно.
Так, жизнь сгубив себе,
я сплавил судьбы их в своей судьбе.

Та прочная колонна,
что жизнь мою держала неуклонно,
подточена, и вот
лишь женщина — последний мой оплот.
Судьбы моей твердыня,
ты на песке построена отныне!

ОРТЕНСИО ПАРАВИСИНО

ПОСЛАНИЕ ЧЕРНЫМ ОЧАМ

О дивные черные очи!
Ваш раб, нарушая молчанья смиренный обычай,
Мысль, сердце, а молвить короче—
Себя целиком объявляющий вашей добычей,
Почтет за безмерное счастье,
Коль встретит у вас он к его вдохновенью участье.

Подобные звездам лучистым,
Что вкраплены в черную неба ночного порфиру,
Мерцаньем высоким и чистым,
Сулящим бессмертие света померкшему миру,
Вы блещете, дивные очи,
Похитив сиянье у дня, цвет похитив у ночи.

Два зеркала — верх совершенства
(Любовь да послужит для вас драгоценной оправой),
Смягчите бальзамом блаженства
Страданья мои, причиненные сладкой отравой;
Надеяться небо велит нам,—
Иль могут быть очи хрустальными, сердце гранитным?

О вы, ледяные озера,
Где тонет мой дух, захлебнувшись бездонною жутью!
Точь-в-точь как в забаву для взора
Стекло покрывают с изнанки сверкающей ртутью,
Так вас небеса зачернили,
Дабы там свой образ узреть в полной славе и силе.

Из Индии нам мореходы
Привозят алмазы и жемчуга скатного груды,
Лишенья терпя и невзгоды,
Везут из Китая песок золотой, изумруды,
Однако в их грузе богатом
Сокровищ нет равных двум этим бесценным агатам.

Вы, очи, две черные шпаги,
Подобны клинкам вороненым толедской работы,—
Коль метите в сердце бедняге,
Спасения нет ему, с жизнью покончены счеты,
И, черным покорствуя чарам,
Он падает, насмерть поверженный первым ударом.

Любуюсь я, сколь грациозно
Врага вы слепите каскадами выпадов ложных;
Оружие ваше столь грозно,
Что ранит смертельно оно и тогда, когда в ножнах,
А раненый враг поневоле
Скрывает свое упоенье от сладостной боли.

Как жизнь холодна и бесцветна
Для тех, кому сердце не жжет ваше черное пламя;
Неволю сношу безответно,
Не ропщет мой дух, он простерся во прахе пред вами,
Но жду я с терпеньем упорным:
Любовь да воздаст мне за все этим счастием черным.

ФРАНСИСКО ДЕ КЕВЕДО

НА ТОГО ЖЕ ГОНГОРУ

Брат Гонгора, из года в год все то ж:
бог побоку, за церковь — дом игорный,
священник сонный, а игрок проворный,
игра большая, веры ни на грош.

Ты не поклоны бьешь, а карту бьешь,
не требник теребишь, ругатель вздорный,
а те же карты, христьянин притворный,
тебя влечет не служба, а картеж.

Твою обнюхав музу через силу,—
могильщики поставят нечто вроде
доски надгробной в пору похорон:

«Здесь капеллан трефовый лег в могилу,
родился в Кордове, почил в Колоде,
и с картою козырной погребен».

РЕПЛИКА КЕВЕДО ДОНУ ЛУИСУ ДЕ ГОНГОРЕ

Сатиры ваши, трубные стишата,
дошли, бедовый ко́рдовец, до нас—
друзья мне принесли в недобрый час
творений ваших кипы в два обхвата.

Наверное, у вас ума палата,
раз их коснулось столько рук и глаз,
хоть и замечу, что грязца как раз
вся стерлась, не достигнув адресата.

Я не решился их читать, страшась
не остроты,— нужна была отвага,
чтобы руками трогать вашу грязь.

Но стерлась грязь, и я почту за благо,
когда мою чувствительную часть
сия обслужит чистая бумага.

ЭПИГРАММА НА ГОНГОРУ

Я слышал, будто дон Луисом
написан на меня сонет:
сонет, быть может, и написан,
но разве рождено на свет
то, что постигнуть мочи нет?

Иных и черт не разберет,
напишут что-нибудь — и вот
себя поэтами считают.
Увы, еще не пишет тот,
кто пишет то, что не читают.

ЛИКОВАНИЕ ДУШИ, ПЛЫВУЩЕЙ ПО ЗОЛОТЫМ ВОЛНАМ ВОЛОС ВОЗЛЮБЛЕННОЙ ЛИ́СИ

По золоту клубящихся волос
плыву, сражаясь с пламенной пучиной,
слепым рабом твоей красы невинной,
твоих на волю выпущенных кос.

Леандром новым в огненный хаос
бросаюсь, опаленный гривой львиной.
Икар, довольный славною кончиной,—
я крылья в золотой пожар понес!

Как Феникс, чьи надежды стали прахом,
наперекор сомнениям и страхам,
из пепла я живым хотел бы встать.

Бедняк, разбогатевший небывало,
Мидас, познавший горести Тантала,
Тантал — Мидасу глупому под стать.

ПОСТОЯНСТВО В ЛЮБВИ ПОСЛЕ СМЕРТИ

Пусть веки мне сомкнет последний сон,
Лишив меня сиянья небосвода,
И пусть душе желанную свободу
В блаженный час навек подарит он.

Мне не забыть и за чертой времен
В огне и муке прожитые годы,
И пламень мой сквозь ледяные воды
Пройдет, презрев суровый их закон.

Душа, покорная верховной воле,
Кровь, страстью пламеневшая безмерной,
Земной состав, дотла испепеленный

Избавятся от плоти, не от боли;
В персть перейдут, но будут перстью верной;
Развеются во прах, но прах влюбленный.

ПРИМЕР ТОГО, КАК ВСЕ ВОКРУГ ГОВОРИТ О СМЕРТИ

Я стены оглядел земли родной,
которые распались постепенно,
их утомила лет неспешных смена,
и доблесть их давно в поре иной.

Я в поле вышел: реки выпил зной,
сбежавшие из ледяного плена,
и жалко рощет стадо среди тлена
в горах, чьи тени застят свет денной.

Я в дом вошел: он обветшал, бедняга,
и комната — вся в рухляди и хламе,
и посох высох, стал старей стократ,

от дряхлости совсем погнулась шпага,
и что бы я ни вопросил глазами —
все вещи лишь о смерти говорят.

О ВСЕСИЛИИ ВРЕМЕНИ И НЕУМОЛИМОСТИ СМЕРТИ

О жизнь моя, мне душу леденя,
Как ты скользишь из рук! И нет преграды
Шагам твоим, о смерть! Ты без пощады
Неслышною стопой сотрешь меня.

Ты наступаешь, молодость тесня,
Все туже с каждым днем кольцо осады,
Все ближе тень кладбищенской ограды,
Отлет последнего земного дня.

Жить, умирая,— горше нет удела:
Торопит новый день моя мечта,
Но с каждым днем мое стареет тело...

И каждый миг — могильная плита
Над кем-то, кто уже достиг предела,—
Мне говорит, что жизнь — тлен и тщета.

О ДЕЛИКАТНОСТИ, С КОЕЙ ПРИХОДИТ СМЕРТЬ, ПОЛАГАЯ УВЕРИТЬСЯ В УМЕСТНОСТИ СВОЕГО ПРИХОДА, ДАБЫ РАСПОРЯДИТЬСЯ ЭТИМ

Уже мой смертный день звучит во мне
манящим и пугающим призывом,
и час последний сумраком тоскливым
распространяется в моем окне.

Но если смерть — покой в нежнейшем сне,
и счесть ее участие учтивым,—
зачем бледнеть перед ее наплывом?
Нет, не печаль, а нега в этом дне.

К чему страшиться вкрадчивого шага
той, что приходит вызволить из плена
дух, изнуренный нищетой земной?

Прииди званной вестницею блага,
не проклята — стократ благословенна,
открой мне вечность, век похитив мой.

ОБМАННАЯ ВИДИМОСТЬ И ПРАВДИВАЯ СУЩНОСТЬ

Смотри, как тучен грозный исполин,
как тяжело ступает он и чинно.
А что внутри? Лишь тряпки да мякина.
Ему опорою — простолюдин.

Его трудами жив он, господин,
суровая и пышная махина.
Но сумрачная отвращает мина
от пышности и стати в миг един.

Вот мнимое величие тиранов,
мираж обманных голубых кровей,
холодный пепел огненных вулканов.

Их мантий алых не сыскать алей,
в алмазных перстнях руки великанов.
Внутри — лишь гниль, скудель и скоп червей.

ИСТОЧАЯ СКОРБНЫЕ ЖАЛОБЫ, ВЛЮБЛЕННЫЙ ПРЕДОСТЕРЕГАЕТ ЛИ́СИ, ЧТО ЕЕ РАСКАЯНИЕ БУДЕТ НАПРАСНЫМ, КОГДА ЕЕ КРАСОТА УВЯНЕТ

О смерти я давно судьбу молю:
Жизнь, Ли́сида, мне смерти тяжелее.
Любимым не был я, но не жалею,
Что без надежд любил я и люблю.

Сирена, я твой нежный взгляд ловлю:
Чем бездна сумрачней, тем он светлее...
Меня напрасно привязали к рее —
Ты напоешь погибель кораблю.

Погибну я. Но каждое мгновенье
Твою весну пятнает поступь дней.
Когда же не оставит разрушенье

И памяти от красоты твоей,
Тогда былое возвратить цветенье
Ничья любовь уже не сможет ей.

ПУСТЬ ВСЕ УЗНАЮТ, СКОЛЬ ПОСТОЯННА МОЯ ЛЮБОВЬ

Излиться дайте муке бессловесной —
Так долго скорбь моя была нема!
О, дайте, дайте мне сойти с ума:
Любовь с рассудком здравым несовместны.

Грызу решетку я темницы тесной —
Жестокости твоей мала тюрьма,
Когда глаза мне застилает тьма
И снова прохожу я путь свой крестный.

Ни в чем не знал я счастья никогда:
И жизнь я прожил невознагражденным,
И смерть принять я должен без суда.

Но той, чье сердце было непреклонным,
Скажите ей, хоть жалость ей чужда,
Что умер я, как жил, в нее влюбленным.

ОБРЕЧЕННЫЙ СТРАДАТЬ БЕЗ ОТДЫХА И СРОКА

Еще зимы с весной не кончен спор:
То град, то снег летит из тучи черной
На лес и луг, но их апрель упорный
Уже в зеленый облачил убор.

Из берегов стремится на простор
Река, став по-апрельски непокорной,
И, галькой рот набив, ручей проворный
Ведет с веселым ветром разговор.

Спор завершен прощальным снегопадом:
По-зимнему снег на вершинах бел,
Миндаль весенним хвастает нарядом...

И лишь в душе моей не запестрел
Цветами луг, любовным выбит градом,
А лес от молний ревности сгорел.

АКТЕОН И ДИАНА

Эфесская охотница роняла
в лесной купальне свой жемчужный пот
в ту пору, когда знойный небосвод
на Пса направил солнечные жала.

Она глядела, как Нарцисс, в зерцало,
рисуя свой портрет на глади вод.
Но нимфы, чуя чужака приход,
ей из воды соткали покрывало.

Они слепят водою Актеона,
но на богиню он глядит влюбленно,—
не слепнет тот, кто этот свет следит.

Уже украшен он рогами зверя,
и псы бегут к оленю, зубы щеря,
но пыл его сильней ее обид.

* * *

Слова твои, Хербнимо,— обман!
С Хинесой сделал ты меня рогатым?
Нет, не рогатым — сытым и богатым
я стал, благодаря тебе, болван.

Ты лоб украсил мне? В сырой туман
ты дом украсил мне ковром мохнатым.
Рогами стан мой отягчен? Куда там!
Скорей деньгами отягчен карман.

Поэтому смешны твои попытки
прозвать меня рогатым, да к тому ж
ты мной обобран до последней нитки.

Не тот рогатый, кто срывает куш,
а тот, кто рад платить, неся убытки,
за те объедки, что оставил муж.

СРАВНЕНИЕ ЛЮБОВНОЙ РЕЧИ С РЕЧЬЮ РУЧЬЯ

Изменчив, звонок, витьеват и юн,
ты меж цветов крадешься по полянам,
от зноя прячась в беге неустанном,
златой — посеребренный пеной — вьюн.

Алмазами соря, пернатых струн
своим касаясь влажным плектром пьяным,
ты кружишь голову младым селянам,
но злит меня смешливый твой бурун!

Звеня стеклом в своем порыве льстивом,
ты обмираешь над крутым обрывом —
седеешь от предчувствия беды!..

Не так ли кровь, горячая вначале,
охладевает в омуте печали?..
О, смех самонадеянной воды!

ДРУГУ, КОТОРЫЙ, ПОКИНУВ ДВОР ЮНОШЕЙ, ВОШЕЛ В ПРЕКЛОННЫЙ ВОЗРАСТ

От юности до старости, дыша
чистейшим воздухом, в лачуге милой
ты жил, где колыбелью и могилой —
кров из соломы, пол из камыша.

В тиши спокойной солнце не спеша
тебя целебной наделяет силой,
здесь день просторней темноты постылой,
и прозревает в немоте душа.

Ты не по консулам считаешь годы,
твой календарь — весенних пашен всходы,
от веку благостны твои края.

Здесь воздержанье служит к пользе поздней,
и если нет наград, то нет и козней,
и чем скромней, тем ярче жизнь твоя.

О КРАТКОСТИ ЖИЗНИ И О ТОМ, НАСКОЛЬКО НИЧТОЖНЫМ КАЖЕТСЯ ТО, ЧТО ПРОЖИТО

Кто скажет, что такое жизнь?.. Молчат!
Оглядываю лет моих пожитки,
истаяли времен счастливых слитки,
сгорели дни мои — остался чад.

Зачем сосуд часов моих почат?
Здоровье, возраст — тоньше тонкой нитки,
избыта жизнь, прожитое — в избытке,
в душе моей все бедствия кричат!

Вчера — ушло, а Завтра — не настало,
Сегодня — мчать в былое не устало,
Кто я?.. Дон Был, Дон Буду, Дон Истлел...

Вчера, Сегодня, Завтра,— в них едины
пеленки и посмертные холстины.
Наследовать успенье — мой удел.

О ПРЕЛЕСТЯХ ВОЗЛЮБЛЕННОЙ, КОТОРЫЕ ЯВЛЯЮТСЯ ПРИЧИНОЙ ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ОДНО И ТО ЖЕ ВРЕМЯ

Лилейной кожи розовый налет,
и гордый взгляд, лучащийся забавой,
рисунок смелый шеи величавой,
рубиновый — жемчужин полный — рот,

рук алебастровых спокойный гнет,
смиряющий врага Любви лукавой
своею полновластною управой,
освобожденьем от иных забот,

вся эта пышность на пиру весеннем,
которой не послужит оскорбленьем
ни ветер своенравный, ни дожди,—

мое существованье и кончина,
начало и конец, судьба, причина,
утеха чувству нежному в груди.

МСТИТЕЛЬНЫЙ СОНЕТ В ФОРМЕ СОВЕТА КРАСАВИЦЕ, УТРАТИВШЕЙ БЫЛУЮ ПРЕЛЕСТЬ[1]

Какая тягостная тишина
теперь, Лаура, под твоим балконом,
где так недавно голосам влюбленным
гитары томной вторила струна!

[1] В этом лукавом сонете содержится намек на обычай стареющих красавиц посвящать свои зеркала Венере.

Но что поделать? Бурная весна
впадает в осень, и по всем законам
мертвеет свет зари в стекле оконном,
а кровь и кудри метит седина.

Препоручи же зеркало Венере,
красавица, сводившая с ума,
и не сходи теперь с ума сама,

разглядывая в нем свои потери,—
увы, весна ушла, и ныне в двери
стучит не осень даже, а зима.

САТИРИЧЕСКИЙ РОМАНС

Я пришел к вам нынче сватом,
Анхела де Мондракон.
Скажем прямо: предостойный
кабальеро в вас влюблен.
По порядку опишу вам,
что за птица ваш жених.
Он, во-первых, добрый малый,
добрый лекарь — во-вторых.
Добрый, ибо врачеваньем
нажил множество добра
(всем известно, как добреют
на хворобах доктора).
Ну, а ваш-то в этом деле
в самом деле молодец:
если он вошел к больному,
то больной уж не жилец.
Люди врут, что трусоват он,
но не верьте вы вранью:
истребил он больше смертных,
чем воитель Сид в бою.
Из любого вынет душу
мановеньем он руки.
Рядом с этим эскулапом
остальные — сопляки.
Всем известно: раз в деревне
больше мертвых, чем живых,

значит, там бушует оспа
или... лечит ваш жених.
Вот таких бы костоправов
да в гвардейский эскадрон!
То-то был бы супостату
сокрушительный урон!
Ну, а если по оплошке
выживает вдруг больной,
ваш жених просчет исправит
дозой снадобья двойной.
И кого б ни отпевали,
под рыданья хороня,
лекарь наш в тетради пишет:
«Он лечился у меня...»
Ни один больной доселе
у него не умирал:
не дает он им усопнуть —
убивает наповал.
Сколько раз судью просил он:
«Не платите палачу!
Лучше висельников ваших
я задаром полечу!»
Дон-Погибель — так в народе
в основном его зовут,
но иные не согласны:
он-де — *Доктор-Страшный-Суд.*
Душегуб по убежденью,
не проглотит он куска,
не воскликнув перед этим:
«*Заморю-ка* червячка!»
Он лишь из любви к убийству
убивает время за
тем, что мечет кости — или
режет правду за глаза.
Я портрет его рисую
вам, ей-богу, без прикрас.
Что же сей любитель смерти
насмерть вдруг влюбился в вас?
Он узнал, что красотою
вы разите наповал,
и сказал: «Как раз такую
пару я себе искал!»
Что ж! Идите замуж смело,
и ручаюсь головой,

что, поскольку смерть бессмертна,
вам вовек не быть вдовой.
Ну, а если не по нраву
все же вам такой жених,
то не знайтесь с докторами —
и останетесь в живых.

ЛИРИЧЕСКАЯ ЛЕТРИЛЬЯ

Будь кумиром у толпы,
но и в миг апофеоза
помни: тó, что нынче — роза,
завтра — голые шипы.
Роза, ты ли не красна?
Только что ж красой кичиться:
ведь она едва родится,
как уже обречена.
Так какого же рожна
хвастать тем, что утром рано
всех румяней в мире ты,
коль с приходом темноты
осыпаются румяна,
как осколки скорлупы?!
Будь кумиром у толпы,
но и в миг апофеоза
помни: тó, что нынче — роза,
завтра — голые шипы.
И какой, скажи, резон
похваляться в час рассвета,
что пришла пора расцвета
и раскрылся твой бутон?
Тем скорей увянет он!
Помни, чванная дуреха:
за зарей грядет закат;
краше розы во сто крат
станет куст чертополоха
по капризу злой судьбы.
Будь кумиром у толпы,
но и в миг апофеоза
помни: тó, что нынче роза,
завтра — голые шипы.

ЛУИС КАРРИЛЬО ДЕ СОТОМАЙОР

ОБ ОСТАНКАХ ДЕРЕВА, ИСПЕПЕЛЕННОГО ЮПИТЕРОМ

Смотри, как ствол могуч и величав,
он горд — сторукий! — молодым цветеньем,
и, даже рухнув, он глядит с презреньем
на небо, распростертый среди трав.

Но Громовержец, гордеца поправ,
уже карает дерево смиреньем:
цветение унижено гниеньем —
где гордой кроны непокорный нрав?

Смотри, что сотворяет луч разящий,
подумай о Юпитеровой власти,
о том, как ствол печально наземь лег.

Умерь гордыню и для пользы вящей
открой глаза, чтоб на чужом несчастье
усвоить жизни горестный урок.

ПРИМЕР ТОГО, КАК ИСЧЕЗАЕТ ТО, ЧТО БЫЛО

Тот, кто Пегасом был во время оно,
покорно сносит гнев хозяйских рук,
дрожит, едва заслышит окрик слуг,
уже на нем дырявая попона.

Он, попиравший злато, смотрит сонно,
состарившись в ярме, на все вокруг,
униженный — тяжелый тянет плуг,
снося удары плети удрученно.

Когда-то пролетал он ветром быстрым,
с дыханьем состязаясь норовистым,
а ныне — самый дряхлый из коней.

Он гордым был в свое младое время,
но на его хребет легло, как бремя,
седое время, всех времен сильней.

О ЛЕГКОСТИ ВРЕМЕНИ И ЕГО УТРАТЕ

О суетное время, ты как птица,
как молодая лань среди полян,
ты дней моих и радостей тиран,
судьбой моей вершит твоя десница!

Поймать ли то, что так привольно мчится,
лукаво ускользает, как туман?
Приманка дивная, чья суть — обман!
Мой свет, в конце которого темница!

Твой гнев изведав, я смирился разом,
сбирая крохи за косой твоею,—
о просветленье, горькое стократ!

Я был слепцом, стал Аргусом стоглазым,
я вижу, как ты мчишь — и цепенею!
Как таешь ты, утрата из утрат!

О ПРИГОВОРЕ, ВЫНЕСЕННОМ САМСОНУ СУДЬЯМИ

На путы в удивленье зрит Самсон,
и путы в удивлении: что стало
с тем, кто, как нити, их срывал, бывало?
Они дрожат, но ведь дрожит и он.

Тот, что врата вознес на горный склон,
гигант, неистощимых сил зерцало,—
перед врагами клонится устало,
коварно взятый хитростью в полон.

Судья жестокий входит, обрекая
его глаза на смерть, а он, вникая
в обман, с улыбкой молвит палачам:

«Коль я не мог увидеть, что Далила
меня, могучего, перехитрила,—
я сам проклятье шлю моим очам!»

К БЕТИСУ, С ПРОСЬБОЙ ПОМОЧЬ В ПЛАВАНЬЕ

О светлый Бетис, весла пощади,
не будь хрустальной кораблю препоной,
остепенись, приют в тиши зеленой
дай путнику и гавань для ладьи.

Поющий у Леванта на груди
(он скуп на злато в щедрости хваленой),—
чело укрась коралловой короной
и бисерной росою остуди.

Но только, царь с трезубцем, сделай милость —
не сдерживай ладью, чтобы сравнилась
с крылатою стрелою на ветру!

Коль ты не внял моей мольбе унылой,
царь седовласый, внемли зову милой:
он и моря смиряет поутру.

МОЛЬБА К АМУРУ О МИЛОСЕРДИИ

Амур, покинь меня! Да пропадет
дней череда, истраченных на страсти,
когда, страдая от слепой напасти,
душа в слезах явленья милой ждет.

Пусть выжгло мне глаза огнем забот,
пусть я все слезы истощил в несчастье,
пусть сердце разрывается на части,
не вынеся любовной пытки гнет,—

лишь дай восстать душе испепеленной
из пепла, мальчик со стрелой перенной,
все остальное — унеси с собой!

Дитя Амур, услышь мой голос слабый,
я знаю, ты бы мне помог, когда бы
меня увидеть мог!.. Но ты слепой...

ВЯЗУ, В УТЕШЕНИЕ

Когда-то, полноводный Эбро зля,
ты возвышался гордым исполином —
под кружевным зеленым балдахином
ты нежил Бетис и его поля.

Но время сокрушило короля,
и плачешь ты на берегу пустынном,
и горько плачет, разлученный с сыном,
широкий Бетис и его земля.

Грозила небу вздыбленная крона,
но и тебя земли сокроет лоно —
и в этом так похожи мы с тобой.

Тебя оплакивает Бетис ясный,
но кто оплачет мой удел злосчастный?
Я даже в этом обойден судьбой.

* * *

На побелевший Тисба смотрит лик
любимого, сраженного судьбиной,
она в слезах — любовь тому причиной,
а он в крови — слепой любви должник.

И меч в себя вонзает в тот же миг
несчастная, сочтя себя повинной,
но боль не чувствует: с его кончиной
иссяк обильных чувств ее родник.

Она упала, кровь ее струится
к его, остывшей,— так отроковица
в объятия любимого легла.

Так смерть свела два стылых тела властно,
которые любовь, трудясь напрасно,
соединить живыми не смогла.

ХУАН ДЕ ТАССИС-И-ПЕРАЛЬТА, ГРАФ ВИЛЬЯМЕДИАНА

ПОКИДАЯ ПРИДВОРНУЮ СУЕТУ СУЕТ

Коль есть святой среди тщеты оплот,—
пусть будет им души покой смиренный
в уединении, где дух согбенный —
добыча мудрости, а не забот.

Пускай в ладони алчные течет
металла золотого ливень бренный,
и лестью тешится глупец надменный
среди дворцовых суетных щедрот.

Тщета манит сиреной лицедея:
ключами от его души владея,
она замкнет все чувства на замок.

А я у тихих волн, под птичьи трели,
свободные от льстивой канители,
остыну от печали и тревог.

ХУАН ДЕ ХАУРЕГИ

О ВРЕМЕНАХ ГОДА

В блаженном детстве, принимая в дар
мхи, травы и цветы, земля одела
в их блеск и свежесть девственное тело,
украсив лоб ярчайшей из тиар.

Став женщиной, она познала жар
безбрежной страсти неба и, несмело
прильнув к нему, в его объятьях млела,
и плыл, как вздохи, над лугами пар.

Потом она плодами разрешилась,
отверзли чрево щедрые долины,
стал нрав ее суровей и грубей.

И вот она морщинами покрылась,
увяла, в кудрях — снежные седины:
все губит время в ярости своей.

О РАЗБИТОМ СУДНЕ, ВЫБРОШЕННОМ НА БЕРЕГ

Погиб корабль, который не пугали
ни Эвр, ни Нот, ни штормы, ни туман;
с презреньем созерцает океан
его обломки, полные печали.

Он грезил о сверкающем металле,
раб кормчего, гордыней обуян,
везя сокровища индейских стран
в Иберию сквозь пенистые дали.

Он сгнил, с родимой рощей разлучен,
где мог бы зелень сохранять и ныне
верней, чем сохранить богатства смог.

Кто алчен и наживой увлечен,
погибнет точно так же на чужбине,
отвергнут всеми, нищ и одинок.

ДИАЛОГ ПРИРОДЫ, ЖИВОПИСИ И СКУЛЬПТУРЫ, В КОЕМ ОСПАРИВАЮТСЯ И ОПРЕДЕЛЯЮТСЯ ДОСТОИНСТВА ДВУХ ИСКУССТВ

(Фрагменты)

Посвящается практикам
и теоретикам этих искусств

Скульптура

Ты, наставница и гений
Всех искусств и всех творений,
Мы две дочери твои,
Будь же нам взамен судьи —
Кто из нас всех совершенней?
Возникая из сумбура,
Хочет Живопись, чтоб ей
Поклонялся род людей.

Живопись

Превзошла меня Скульптура
Только тем, что тяжелей.

Но граненый монолит
Матерьялен лишь на вид.
Во сто раз хитрей работа —
Превратить Ничто во Что-то,
Чем мой труд и знаменит.
. . . . . .

Скульптура

Пусть в начале бытия
Идолов творила я,—
Ныне же резцами строго
Сотворяет образ бога
Длань умелая моя!
Ты — обманный облик в раме,
Я — объем, живая стать.
И различье между нами —
Суть различье меж словами
«Быть» и лишь «Напоминать».
. . . . . .

Живопись

Но главнейшее уменье —
В подражанье естеству.
А твои, увы, творенья
Я лишь камнем назову.
На моих холстах родится
Из тончайших красок лес.
А попробуй ты, сестрица,
Чтобы воспарила птица,
Гром с небес метал Зевес!

Скульптура

Все же мой резец умелей:
И без красок может он
Передать объем и тон
Воскресающих моделей,
Так что зритель потрясен.
Грубый камень нежным чувством
Сердце скульптора ожег,
Этот миф — тебе упрек:
Ты холста с таким искусством
Не напишешь, видит бог.
. . . . . .

Природа

Я хотела бы унять
Ваши яростные споры,
Не обидев вас, сеньоры;
Мастер истинный принять
Может правду и без ссоры.
Раз уж я вам за судью,
То обеим вам даю
Первенство в главнейшем деле:
В том, как служите вы цели —
Сущность отражать мою.
Но, о средствах говоря,
Мастерице светотени —
Живописи — предпочтенье
Я отдам (Скульптура зря
Смотрит на меня в смятенье).
Ибо в мире все подряд,
Что увидеть может взгляд,
Совершенным колоритом
И умением маститым
Только кисти повторят.
Краски, в тонком сочетанье,
На эскиз, готовый ране,
Мой пейзаж наносят так,
Что в него поверит всяк,
Не подумав об обмане.
А резец создаст едва ли
На природном матерьяле
Луч, огонь костра, волну,
Звезды, полевые дали,
Небо, солнце и луну.
Но и труд повыше есть —
Человека превознесть,
Чей прообраз — сам Создатель:
И художник и ваятель
Борются за эту честь.
Живопись сильна и в этом,
Удается цветом ей
И обличие людей
Передать, и тем же цветом —
Мир их мыслей и страстей.
Разве сердцу не отрада —
Живость благородных лиц,
Кожа нежная девиц,

Блеск потупленного взгляда
И живая тень ресниц?
Живопись и тем славна,
Что придумывать должна
То, чего и нет порою,
Что единственно игрою
Гения творит она.
Если ж скульптор скажет мне,
Будто устает втройне,
Значит, труд его от века —
Труд жнеца иль дровосека,
И в такой же он цене.
Это значит, что работа
Кисти и резца — всего-то
Плод физических потуг,
Дело не души, а рук,
Грубый труд, лишенный взлета.
Но главнейшее уменье
И важнейшая черта
В этом деле — вдохновенье,
Ликов мира сотворенье
Из гранита и холста.
В миг высокого порыва
Скульптор, в рвении своем,
В грубой массе, всем на диво,
Форму обнажит правдиво,
И движенье, и объем.
А художник — ни движенье,
Ни объем не передаст,—
Он потерпит пораженье,
Если кисть его предаст
И покинет вдохновенье.
Все останется мертво:
Ни обмер, ни глаз, ни руки,—
А чутье спасет его,
Мастера лишь мастерство
Охранит от смертной муки.
Живописец перспективой
Может делать чудеса:
Чистой ложью, в миг счастливый,
Он вместит в пейзаж правдивый
Дальний лес и небеса.
Этим овладев секретом,
Может тенью он и цветом

В редком ракурсе предмет
Показать, в уменье этом
Поразив ученый свет.
Скульпторы таких забот
Знать не знают, что дает
Всем художникам по праву
Пальму первенства, почет
И немеркнущую славу.
Изучивши беспристрастно
Все, что истинно прекрасно,
Кто из вас велик и чем,—
Вас обеих громогласно
Я хвалю пред миром всем.

ФРАНСИСКО ДЕ РИОХА

* * *

Я полон самым чистым из огней,
какой способна страсть разжечь, пылая,
и безутешен — тщится зависть злая
покончить с мукой сладостной моей.

Но хоть вражда и ярость все сильней
любовь мою преследуют, желая,
чтоб, пламя в небо взвив, сгорел дотла я,
душа не хочет расставаться с ней.

Твой облик — этот снег и розы эти —
зажег во мне пожар, и виновата
лишь ты, что, скорбный и лишенный сил,

тускнеет, умирая в час заката,
а не растет, рождаясь на рассвете,
огонь, горящий ярче всех светил.

* * *

В тюрьме моей, где в скорбной тишине
лишь вздохи раздаются одиноко
и цепь звенит, сдавив меня жестоко,
я мучаюсь — и мучаюсь вдвойне

из-за того, что по своей вине
я променял покой на чад порока,
на жар страстей, чтобы сгореть до срока
в оковах тяжких, жгущих тело мне,—

как бурная волна в спокойном море,
отвергшая родные воды ради
чужой земли, блеснувшей вдалеке,

и к берегу, взбив пенистые пряди,
бегущая, чтобы, себе на горе,
окончить жизнь, разбившись на песке.

* * *

Уже Борея гневные порывы
утихли, и холодная зима
сошла в глубины, где гнездится тьма,
и залил нежный свет луга и нивы.

В листву оделся тополь горделивый,
избавившись от снежного ярма,
и обвела зеленая кайма
Гвадиамара светлые извивы.

Вы счастливы, деревья: сбросив гнет
застывшей влаги, под лучами Феба
искрятся ваши пышные венки.

А я грущу: хотя жестокий лед
по-прежнему сжимает мне виски,
затерян светоч мой в просторах неба.

К РОЗЕ

Пылающая роза,
соперница пожара,
что разожгла заря!
Ты счастлива, увидев свет,— но зря:
по воле неба жизнь твоя — мгновенье,
недолгий взлет и скорое паденье;

не отвратят смертельного удара
ни острые шипы,
ни дивный твой цветок —
поспешен и суров всесильный рок.

Пурпурная корона,
что нынче расцвела
из нежного бутона —
лишь день пройдет — в огне сгорит дотла.
Ты — плоть от плоти самого Амура,
твой венчик — золото его волос,
а листья — перья легкого крыла;
и пламенная кровь, что полнит вены
богини, из морской рожденной пены,
свой алый цвет похитила у роз.

Но солнце жжет, и никакая сила
смягчить не властна ярости светила.
Ах, близок час, когда
в лучах его сгорят
дыханье нежное, роскошный твой наряд;
и лепестки, обугленные крылья,
на землю упадут, смешавшись с пылью.
Жизнь яркого цветка
безмерно коротка;
расцветший куст едва омоют росы,
Аврора плачет вновь — о смерти розы.

ЛУИС ДЕ УЛЬОА-И-ПЕРЕЙРА

* * *

Божественные очи! Не таи́
Вулканов своего негодованья,
Отриньте страсть мою без состраданья,
Чтоб горечь мук познал без меры я.

Коль ваша гордость и любовь моя,
Как равный грех, заслужат наказанья,
Нас в темной бездне будет ждать свиданье
Там, далеко, за гранью бытия...

Но если вы за нрав, что столь надменен,
А я за страсть, которую кляну,
В аду должны попасть в два разных круга,

Останется удел наш неизменен:
Мы будем в муках искупать вину,
Ни здесь, ни там не обретя друг друга.

ПРАХУ ВОЗЛЮБЛЕННОГО, ПОМЕЩЕННОМУ ВМЕСТО ПЕСКА В ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Струится, сокращая ежечасно
Нам жизни срок, отпущенный в кредит,
И о печальном опыте твердит
В сосуде крохотном сей прах безгласный.

То прах Лисардо, кто любим был страстно
И ветреностью был столь знаменит...
Сон жизни завершив, сном смертным спит
Источник горьких мук, к ним безучастный.

Огнем любви он обращен был в прах,
И ввергло в сей сосуд его отмщенье
За то, что предал он любви закон.

За то, что жил он с ложью на устах,
Ему и после смерти нет прощенья,
И в смерти не обрел покоя он.

ПЕДРО СОТО ДЕ РОХАС

АД ЛЮБВИ В СЕРДЦЕ

В груди моей — кромешный ад: вражда
зловещих фурий, жар ослепшей страсти,
мучительная грусть —
ничьей печали не сравниться с нею.

Я страх и ужас сею,
я приношу отчаянье. И пусть
нет утешенья для моих несчастий,—
в чужую память, как в речную гладь,
вглядевшись, их вовек не увидать;
как в зеркале, беда
в реке забвенья моего всегда.

ЭСТЕБАН МАНУЭЛЬ ДЕ ВИЛЬЕГАС

К ЗЕФИРУ

Сапфические строфы

Рощи зеленой постоялец нежный,
Вечный любимец младости цветущей,
Друг и сопутник матери — Киприды,
Зефир приятный;

Если б ты ведал все мои томленья,
Ты, доносящий вздохи всех влюбленных,
Плач мой услышав, расскажи ты нимфе,
Что умираю.

Филис когда-то я поведал душу.
Тронулась Филис тайной скорбью сердца,
Даже любила! Но бегу я ныне
Гнева прелестной.

Вечные боги с преданностью отчей,
Небо благое так с любовью кроткой
Да остановят в дни, когда блажен ты,
Снежные вихри!

Да не заденет пасмурная туча
В пору рассвета на вершине горной
Плеч твоих хрупких; град да не поранит
Ввек твоих крыльев!

ПЕДРО КАЛЬДЕРОН

* * *

Нет, меня не веселит
Волн и сада состязанье,
Бурной зыби в океане,
Зыблющихся веток вид.
Для меня не развлеченье,
Что увлечены борьбой
Моря пенного прибой
И земля в цветочной пене.
У стихий старинный счет:
К морю сад давно завистлив;
Морем сделаться замыслив,
Раскачал деревьев свод.
С подражательностью рабьей
Перенявши все подряд,
Он, как рябью волн, объят
Листьев ветреною рябью.
Но и море не внакладе:
Видя, как чарует сад,
Море тоже тешит взгляд
Всей расцвеченною гладью.
Воду бурно замутив
Тиною со дна пучины,
Выкошенной луговиной
Зеленеется залив.
Друг для друга став подспорьем
И держась особняком,
Море стало цветником,
А цветник — цветочным морем.
Велика моя печаль,
Раз не облегчают горя
Небо мне, земля и море.

НАСТАВЛЕНЬЯ ПЕДРО КРЕСПО СЫНУ ИЗ ДРАМЫ «САЛАМЕЙСКИЙ АЛЬКАЛЬД»

А пока сеньор дон Лопе
Собирается в дорогу,
Пред Инес и Исавелью
Слушай то, что я скажу.

Божьей милостью, Хуап,
Из семьи ты вышел чистой,
Чище солнца, но крестьянской.
Ты в себе не унижай
Гордость духа и отвагу
И стремленья не теряй
Выше стать, а вместе с тем
Бойся гордости чрезмерной.
Будь всегда во всем смиренным,
И тогда ты победишь
То, что в гордых иногда
С здравым смыслом несогласно.
Сколько есть людей таких,
Кто, имея недостатки,
Их стирал своим смиреньем!
И у скольких находили
Недостатки (а они
Не имели их) затем,
Что о них судили плохо!
Будь изысканно любезен,
Щедрым будь, великодушным;
Помни: шляпа и кошель
Нам друзей приобретают;
И не столько ценно злато,
Что в земле родит индийской
Солнце и везут моря,
Сколько быть для всех приятным.
Никогда не говори
Ты про женщину дурное:
Знай, достойна уваженья
И скромнейшая из них.
Не от них ли мы родимся?
Не дерись по пустякам;
Если кто-нибудь при мне
Учит драться, я стократно
Повторяю: «Эта школа
Не по мне...» Я разумею,
Что не нужно человека
Обучать уменью драться
С пылом, ловкостью, искусством,
Но должны мы научить
Познавать его, за что
Он дерется. Утверждаю:

Объявись средь нас учитель
И задайся целью мудрой
Научить нас не тому,
Как нам драться, а за что —
Все б к нему детей послали.
С наставленьями моими
И с деньгами, что берешь
Ты в дорогу (их вполне
Хватит на обмундировку),
С покровительством дон Лопе
И с моим благословеньем,
Я уверен, что тебя,
С божьей помощью, увижу
Я другим. Прощай же, сын мой,
Я растрогался совсем!

СЛЕПЕЦ

Слепца я знал одного,
что и средь солнца сиянья
не различал очертанья
собеседника своего.
Нынче я встретил его
(было пасмурно, вечерело):
он по улице шел несмело,
и, путь осветив незнакомый,
немного стеблей соломы
в руках у него горело.
Кто-то спросил, проходя:
— На что тебе этот свет,
раз в глазах твоих света нет? —
И услышал под шум дождя:
— Коли света не вижу я,
то, увидев меня, другой
избежит столкновенья со мной;
так что свет, что увидел ты,
не рассеяв моей темноты,
осветит для людей меня.

ЩЕДРОСТЬ

Оборванным, бедно одетым
предстал ученый Терпандр,
когда послал Александр
за венчанным славой поэтом.
И кесарь, стремясь благородно
примирить богатство и гений,
наградил (хоть и нет сомнений:
таковое стремленье бесплодно)
поэта дарами такими,
что рассеют тщеславье любое,
даже если б тщеславье людское
было атома неразделимей.
Мудрец в испуге застыл,
подобную щедрость видя,
и, бесстрастьем монарха обидя,
молчал. Александр спросил:
— Ты даруешь забвенье добром,
а память — презреньем коварным?
Но будучи неблагодарным,
можно ли быть мудрецом?
— Но если благо рождает
рука того, кто дает,
а не того, кто берет,—
Терпандр ему отвечает,—
То не я благодарен тебе
должен быть за щедрость твою,
а ты за бедность мою
должен быть благодарен мне:
ты щедрость свою проявил,
бедность мою награждая,
и, щедрость твою вызывая,
воистину щедр я был!

ПРЕЗРЕНЬЕ К СЛАВЕ

Подумай над этим примером:
философ, что жил когда-то
на горé иль в долине (не важно
для завязки, высоко иль низко),
встретил однажды солдата,

что шел по дороге мимо;
философ заговорил с ним,
и, после беседы долгой,
воин спросил: — Возможно ль,
что ты никогда не видел
Великого Александра,
кесаря, чье величье
увенчано громкой славой
властителя шара земного? —
И философ ему ответил:
— Не человек он разве?
Так почему важнее
не тебя, а его мне видеть?
А коль я не прав, то внемли:
чтоб отучиться от лести,
цветок, что растет у канавы,
сорви и снеси Александру,
и скажи, что его просил я
сделать другой такой же.
И тогда ты увидишь, приятель,
что трофеи, триумфы и лавры,
что хвала, и величье, и слава
не превышают предела
человеческой сути, ибо
после стольких побед великих
не сумеет твой Александр
сделать цветка полевого,
что растет у любой канавки.

УТЕШЕНИЕ

Я слышал про одного
мудреца: он был нищ настолько,
бедняк, что трава лишь только
была питаньем его.
На свете нет никого
беднее, он был убежден.
Но как он был удивлен,
когда увидал случайно
мудреца другого, что тайно
ел траву, что выбросил он!

РАССКАЗ ФАБЬО О МАРТЫШКАХ

Один испанец жил в Оране,
Он мастер был стекольных дел,
И закадычного имел
Приятеля он в Тетуане.
Влюбившись в юную испанку,
Узнал стекольщик от своей
Возлюбленной, что, дескать, ей
Иметь угодно обезьянку.
Влюбленный пишет сим же часом
Посланье другу в Тетуан,—
А там ведь пропасть обезьян,—
И просит трех прислать, с запасом.
Но вышел в том письме изъянец:
«Три» — римской цифрой он проставил,
Три палки (был он старых правил).
И вот читает тетуанец:
«У вас полно мартышек, друг;
К тебе я с просьбою немалой,—
Пришли. Достаточно, пожалуй,
Мне... *ста одиннадцати* штук».
В заботах о такой поставке
Приятель бедный сбился с ног,
Но что, спустя известный срок,
Творилось в той стекольной лавке,
Где сотня с лишним чертенят
Проказничала с диким гамом,
В воображенье пылком самом
Нельзя представить, как бог свят!

РАССКАЗ ФАБЬО О БЛОХЕ

Раз некий щеголь своей крале
Любовную плел чепуху,
И тут голодную блоху
Мечты о крови обуяли.
«При даме,— думает она,—
Он не посмеет почесаться,

И кровушки я насосаться
Смогу досыта, допьяна!»
Извелся бедный франт от зуда
И, улучив удобный миг,
Залез к себе за воротник,—
Попалась наконец, паскуда!
Была та схватка коротка,
Но не укрылось от красотки,
Что держит что-то он в щепотке —
Как бы понюшку табака.
Смутился бедный воздыхатель,
Когда сеньора на весь зал
Спросила: «Значит, смертью пал
Ваш кровожадный неприятель?»
Однако, поборов смущенье,
Врага еще сильней сдавив,
Он отвечал: «Пока он жив,
Но в безысходном положенье».

К ЦВЕТАМ

Казались сада гордостью цветы,
Когда рассвету утром были рады,
А вечером с упреком и досадой
Встречали наступленье темноты.

Недолговечность этой пестроты,
Не дольше мига восхищавшей взгляды,
Запомнить человеку было надо,
Чтоб отрезвить его средь суеты.

Чуть эти розы расцвести успели,—
Смотри, как опустились лепестки!
Они нашли могилу в колыбели.

Того не видят люди-чудаки,
Что сроки жизни их заметны еле,
Следы веков, как миги, коротки.

* * *

Рассыпанные по́ небу светила
Нам темной ночью поражают взгляд
И блеск заемный отдают назад,
Которым солнце их, уйдя, снабдило.

На вид цветы ночные так же хилы.
Нам кажется, не дольше дня стоят
Горящие цветы садовых гряд,
А звезды выживают ночь насилу.

И наши судьбы — зданья без опор.
От звезд зависит наша жизнь и рост.
На солнечном восходе и заходе

Основано передвиженье звезд.
На что же нам, затерянным в природе,
Надеяться, заброшенным в простор?

* * *

Взглянув на кудри, коим ночь дала,
рассыпавшимся по плечам, свободу,
вздохнула Синтия и вновь в угоду
тирану-дню их строго прибрала.

Но царственность ее волос, чела
обязана не холе, не уходу.
Краса, что составляет их природу,
не послушаньем модному мила.

Лик, чистый, как снега вершины горной,
где отразился заревом восток,
не возвеличить модою притворной.

Прикрасы хитроумные не впрок
той красоте, природной и бесспорной,
что расцветает в свой заветный срок.

ХУАН ПЕРЕС ДЕ МОНТАЛЬВАН

О РАКОВИНЕ

Ты видел раковину в море:
вбирая дивный пот зари,
она с невиданным усердьем
жемчужину творит внутри
и вырастает с нею вместе,
и — связи родственной залог —
их трепетно соединяет
едва заметный узелок.
Из раковины материнской
ее попробуй извлеки,—
не раньше створки покорятся,
чем разлетятся на куски.
Так и мое немое сердце,
под стать затворнице морей,
годами пестовало нежно
жемчужину любви моей,
росло, соединяясь с нею,
пока не сделалось одной
нерасторжимою душою,
соединив ее со мной.
Попробуйте проникнуть в сердце
и вырвать с корнем то, что в нем
я нежно пестовал,— и слезы
жемчужным истекут ручьем.
От вас не сможет скрыть печали
несчастная душа моя:
мне истерзают грудь нещадно
ее обломков острия.

* * *

Идет Ревекка, ливнем золотым
волос тяжелых плечи отягчая,
одной тесьме их груз препоручая,
и дразнит мир сокровищем своим.

К источнику придя, играет с ним,
хрусталь певучий на руке качая,
и он, с ее красой свою сличая,
печально ропщет, завистью томим.

Глаза подняв, Ревекка над собою
увидела глядящего с мольбою
и огненной водой его поит.

Уже сыграли свадьбу Исаака —
Любовь, чья сущность дерзкая двояка,
начав с воды, огнем сердца казнит.

* * *

Не поборов сомненьями томленье,
младая Дина, изменив свой вид
нарядами, в чужих глазах спешит
увидеть собственное отраженье.

Спасая честь, чтоб скрыть свое волненье,
она лицо под кисеей таит,
но это красоту ее ланит
лишь умножает, взглядам в искушенье.

Навстречу Сихем! Красные гвоздики
еще прекрасней на девичьем лике —
любовь свой нежный промысел вершит.

И плачут очи о погибшей чести,
ну что ж: поддавшимся коварной лести,
им первым сокрушаться надлежит.

САЛЬВАДОР ХАСИНТО ПОЛО ДЕ МЕДИНА

РОМАНС

Ах, как мчится по полянам
ручеек в стремленье рьяном,—
травы пышные колебля,
спотыкается о стебли;
меж гвоздик и белых лилий,
средь душистых изобилий,

меж цветов благоуханных,
меж препон блаженно-пряных
вьется, светлый, прихотливый,
мужественно-горделивый!
Приближаясь, углубляясь
и хрустально убыстряясь
(вдруг — задержано движенье,
чтоб затмилось отраженье,—
помутилось и затмилось,
чтобы впал Нарцисс в немилость!).
И, в цветов изящной рамке,
он, спеша, обходит ямки
и колдует, не спокоен,
в царстве радужных промоин!
Он течет, листву листая,
где алеет пышность мая,—
он, грустя, выводит трели
в царстве белого апреля,
где пастух любовью призван,
и в прелестнице капризной
вдруг испуг сменил отвагу,
право, к твоему же благу,
Сильвио!
Обозначали
мы обманами печали,—
но ручей, бегуч и весел,
хрустали вдруг поразвесил.
Меж камней в стеклянном блеске
он выводит арабески
и течет, в веселье рьяном,
по лугам благоуханным!
В нем полей святая треба
и совсем немного неба,—
и все небо, все — в полмира,—
и лазурь, и блеск сапфира!
Здесь, в долине вешних жалоб,
нам склониться надлежало б
над его, меж здешних кущей,
светлокрылостью бегущей!
Ах, ручей, ручей нарядный,
до всего цветенья жадный
и до головокруженья
в непрестанности движенья!

ГАБРИЭЛЬ БОКАНХЕЛЬ-И-УНСУЭТА

РАЗМЫШЛЕНИЯ НАД МАСЛЯНОЙ ЛАМПАДКОЙ, ВДЕЛАННОЙ В ЧАСЫ

Вот облик нашей жизни, он двулик:
в часах горящих, в цифровой лампадке,—
под ветром времени мгновенья кратки,
как трепетные лепестки гвоздик.

С восходом солнца мечется ночник,
как мотылек в предсмертной лихорадке,
и обреченный круг играет в прятки
со смертью, умирая каждый миг.

Не прячься, Фабьо, от живых сравнений,
все хрупко, мига краткого мгновенней —
и красота и время канут в ночь.

Разумная пружина круговерти
дана лишь солнечным часам, но смерти
и солнцу вечному не превозмочь.

ФРАНСИСКО ДЕ ТРИЛЬО-И-ФИГЕРОА

* * *

Надежда, ты подвох и суета,
виновница горячки и печали,
тобою подслащенная вначале,
кончается оскоминой мечта.

Меня подобьем легкого листа
ты словно ветер, уносила в дали
к другой, обратной стороне медали,
будь проклята святая простота!

Оставь меня! Любовь и рок злосчастный
не раз срезали твой бутон прекрасный —
что пользы от засохшего цветка?

Не дав плода, ты вянешь до расцвета,
а если даришь плод — то пища эта
для горькой жизни чересчур сладка.

* * *

Уже она, попав под острый плуг,
душистый пурпур ветру подарила —
та, что яснее вешнего светила
своим сияньем озаряла луг.

Отрада глаз,— она исчезла вдруг,
услада сердца,— землю обагрила.
Красу — железа ярость покорила,
а трепет — бессердечность грубых рук.

Отпущено ей было наслаждений
не больше, чем простым цветам, чьи глазки
навек смыкает меркнущий Восток.

А ты, всех роз прекрасней и надменней,—
ты знаешь, что краса — всего лишь краски,
что смерть всему невечному итог?

* * *

Щедра на воду гордая река,
когда в Египте небо жарче ада
и моря необъятная громада
от брега собственного далека.

Слезами горькими моя тоска
уберегает твой поток от спада,
и зною вопреки течет прохлада,
обильно заливая берега.

Сжигает Солнце шапки гор лучами,
вода в иссякший Нил течет ручьями,
чтоб снова сделать пашню молодой.

При виде Солнца моего я тоже
рыдаю, только слезы эти схожи
с бесплодною горячею водой.

БЕРНАРДО ДЕ БАЛЬБУЭНА

МЕКСИКАНСКАЯ ВЕСНА

Зажжет лучами гордый Фаэтон
Колхиды златорунные просторы,—
И мертвый мир вновь к жизни возрожден.

Извечной щедростью прекрасной Флоры
Вновь зацветают нива, луг и сад,
И одеваются цветами горы.

Шлейф Амальтеи розами богат,
И ветер полн любовного привета,
И гиацинтов прянен аромат,

И слышится во всем дыханье лета,
Чья сладость легкая напоена
Благоуханьем нового расцвета.

Повсюду на зе́мле царит весна,
Но мнит себя лишь в мексиканском рае
Властительницей истинной она,

Как, если бы творец, сам выбирая,
Где на земле быть перлу красоты,
Садовником трудился в нашем крае...

Весь год здесь полн весенней теплоты:
Умерен зной, и холода не злые,
И воздух свеж, и небеса чисты.

ХУАН ДЕЛЬ ВАЛЬЕ-И-КАВЬЕДЕС

СЛАДОСТНАЯ КАТАЛИНА

Сладостная Каталина!
Смерть моя в тебе. И все же —
Незачем кривить душою:
Знай, ты жизни мне дороже.

Страсть, сей дротик Купидопа,
Что метнул он для потехи,
Расколола, как скорлупку,
Крепкие мои доспехи.

Твои очи мечут стрелы,
Где, скажи, от них защита?
Градом смертоносных взоров
Сердце на куски разбито.

За удар плачу ударом,
Не страшусь смертельной схватки.
И хотя горька погибель,
Но зато сколь раны сладки.

От тебя не жду смиренья,
Но и ты не жди,— напрасно!
Впрочем, знает ли смиренник,
Сколь во гневе ты прекрасна?

Что ж, сдаюсь. Ты одолела.
Радостный триумф изведай.
Но пожду: вдруг обернется
Поражение — победой.

ПРЕИМУЩЕСТВА БЕДНЯКА

Бедняк молчит, твердят — «тупица»,
Заговорит — он «пустозвон»,
Коль сведущ он, зовут зазнайкой
И хитрецом, когда умен.
Общителен — зовут втирушей,
Учтив — зовут его льстецом,
Коль скромен — называют мямлей,
А коль отважен — наглецом.
Коль независим — он «невежа»,
Почтителен — он «лизоблюд»,
Заспорит — назовут мужланом,
Уступит — трусом назовут.
Коль в старом платье он — ухмылки,
А если в новом — град острот,
Его оплошность — преступленье,
Его достоинства — не в счет.

Когда он трудится,— «стяжатель»,
Когда не трудится,— «лентяй».
Бедняк, вот сколько преимуществ
Есть у тебя,— лишь знай считай!

О БЛИЗКОЙ МОЕЙ СМЕРТИ

Мне отнюдь не угрожает
Злая участь старика:
Хором лекари пророчат,—
Не дожить до сорока.
Говорят, от несваренья
Отойду я в мир иной:
Лопнув, зазвенит утроба
Перетруженной струной.
Это для меня не новость,
Знаю, срок мне краткий дан;
Но не мните, что со страху
Перейду во вражий стан.
Жил с презреньем к медицине,
С ним же встречу смерть свою:
Точно так, как у лафета
Падает пушкарь в бою.
Пусть словами убивают,
Но микстурами — ни-ни!
Отравлять им не позволю
Считанные мои дни.
Не поддамся сводням смерти,
Всеученейшим глупцам!
Кыш, стервятники! Сумею
Помереть без вас я сам.
От «Зубастого Парнаса»
Чтоб отрекся я? Ну нет!
Пусть потомки посмеются,—
Им оставлю свой завет.
Иисус свое ученье
Крестной мукой подкрепил;
Буду тверд, не опорочу
Обличительный свой пыл.
Я умру? Что ж, слава богу!
Я умру? Что ж, в добрый час!

Лекари, я стану пищей
Для червей,— но не для вас.
Пусть придет со мной проститься
Друг (коль сыщется такой),
Да монашек-францисканец
Стих прочтет за упокой,
И — туда, где будет каждый
(Жил он впроголодь иль всласть),
Где и без меня, должно быть,
Негде яблоку упасть.

ХУАНА ИНЕС ДЕ ЛА КРУС

ДЕСИМА
ВОИНУ-СОЧИНИТЕЛЮ

На твой плюмаж смотрю теперь я
Без удивления, затем
Что и чернильницу и шлем
Равно увенчивают перья.
Могу сказать без лицемерья —
Таких достоинств нет ни в ком:
В сраженьях блещешь ты умом,
В своих писаниях — отвагой;
Как перышком, владея шпагой,
Как шпагой, ты разишь пером.

СОНЕТ,
В КОТОРОМ СОДЕРЖАТСЯ РАССУЖДЕНИЯ О ПРИХОТЯХ ЛЮБВИ

Его люблю я, но не любит он,
Безмерна скорбь моя, мне жизнь постыла,
А тот, кого презреньем я дарила,
Увы, в меня без памяти влюблен.

Сносить любимого надменный тон,
Быть может, сил бы у меня хватило,
Но день и ночь в моих ушах уныло
Звучит немилого докучный стон.

Его влюбленность я ценю так мало:
Ведь я другого о любви молю,
Но для него любимой я не стала...

Двух безответных чувств я муки длю:
Я от любви немилого устала,
От нелюбви любимого скорблю.

СОНЕТ,
В КОТОРОМ ВООБРАЖЕНИЕ ТЩИТСЯ УДЕРЖАТЬ УХОДЯЩУЮ ЛЮБОВЬ

Виденье горького блаженства, стой!
Стой, призрак ускользающего рая,
из-за кого, от счастья умирая,
я в горести путь продолжаю свой.

Как сталь магнитом, нежностью скупой
ты сердце притянул мое, играя...
Зачем, любовь забавой полагая,
меня влюбленной сделал ты рабой!

Но ты, кто стал любви моей тираном,
не торжествуй! И пусть смеешься ты,
что тщетно я ловлю тугим арканом

твои неуловимые черты,—
из рук моих ты вырвался обманом,
но ты навек — в тюрьме моей мечты!

СОНЕТ,
В КОТОРОМ СОДЕРЖИТСЯ СУЖДЕНИЕ О РОЗЕ И СОЗДАНИЯХ, ЕЙ ПОДОБНЫХ

Богиня-роза, ты, что названа
цветов благоуханною царицей,
пред кем заря алеет ученицей
и снежная бледнеет белизна!

Искусством человека рождена,
ты платишь за труды ему сторицей...
И все ж, о роза, колыбель с гробницей
ты сочетать в себе осуждена.

В гордыне мнишь ты, пышно расцветая,
что смерть твоей не тронет красоты...
Но миг — и ты, увядшая, больная,

являешь миру бренности черты...
Нам жизнью праздной ложь надежд внушая,
нас мудрой смертью поучаешь ты.

СОНЕТ, КОТОРЫЙ УТЕШАЕТ РЕВНИВЦА, ДОКАЗЫВАЯ НЕИЗБЕЖНОСТЬ ЛЮБОВНОГО НЕПОСТОЯНСТВА

Любовь приходит, унося покой,—
с бессонницей, горячкой и томленьем,
растет с тревогами и подозреньем,
питается слезами и мольбой.

Потом она ведет неравный бой
с уловками, обманом, охлажденьем,
потом даст ревность волю оскорбленьям,
и жар любви угаснет сам собой.

Любви закономерность такова.
Угаснувшие чувства не воспрянут.
И мнить меня неверной — есть ли прок?

Ведь скорбь твоя, поверь мне, не права,
и вовсе ты любовью не обманут,
а просто срок любви уже истек.

СОНЕТ, В КОТОРОМ ПОЭТЕССА ОПРОВЕРГАЕТ ВОСХВАЛЕНИЯ, РАСТОЧАЕМЫЕ ЕЕ ПОРТРЕТУ ПРИСТРАСТНОЙ ЛЕСТЬЮ

Портрет мой не хвали — он не похож:
Здесь чванного искусства ухищренья
И красок хитроумное сплетенье
Глазам внушают вкрадчивую ложь.

Не льсти мне, лесть, ведь все равно ты лжешь:
Неумолимо времени теченье,
Непобедимы старость и забвенье,
От них, как ни надейся, не уйдешь.

И твоему усердью я не рада:
Ты — слабый ветер в мертвых парусах,
От рока ненадежная ограда,

Блуждающее в немощных мечтах
Желание. И беспристрастье взгляда
Здесь обнаружит призрак, тленье, прах.

ДЕСИМЫ, В КОТОРЫХ БЛАГОРОДНЫЕ УСИЛИЯ РАЗУМА ПРОТИВОБОРСТВУЮТ ТИРАНИЧЕСКОМУ ИГУ СТРАСТИ

Скажи, Амур, мальчишка злой,
моим упорством побежденный,
зачем, гордыней упоенный,
ты возмущаешь мой покой?
Я знаю, ты своей стрелой
пронзишь любое сердце разом,
столь метким наделен ты глазом,—
но есть ли толк в твоей стрельбе,
коль, сердце подчинив себе,
в живых ты оставляешь разум?

Ты власти сказочной достиг,
и велики твои владенья,
но все же камень преткновенья
мой разум пред тобой воздвиг,
и пусть ты в сердце мне проник,
пусть я люблю тебе в угоду,
насилуя свою природу,—
не вечно будет длиться плен —
я вырвусь из тюремных стен
и возвращу себе свободу.

Моя душа разделена
на две враждующие части:
одна, увы,— рабыня страсти,
другая — разуму верна.

И не потерпит ни одна,
чтоб верх взяла над ней другая,—
нет распре ни конца, ни края...
Но им — ни той и ни другой —
не выиграть смертельный бой:
обеих ждет погибель злая.

С Любовью шутим мы, доколе
мы близко не знакомы с ней...
Но коль она в душе моей,
то с нею справиться легко ли?
И все ж, Любовь, ты, в ореоле
своих бесчисленных побед,
меня не завоюешь, нет.
Душа не пленена тобою,—
лишь замок ты взяла без боя,
владельца же простыл и след.

Войска, овеянные славой,
мой разум кликнет, и с тобой
на бранном поле сердца — в бой
он вступит, долгий и кровавый.
Напрасно в ярости неправой
меня стремишься, злой божок,
ты у своих увидеть ног.
Я крикну и на смертном ложе,
что ты убил меня, но все же
ты победить меня не смог.

ДЖОРДАНО БРУНО

* * *

Любви своей неся высокий стяг,
Я то в ознобе, то горю от страсти,
Воплю, безгласен, от такой напасти,
Дрожу в огне, смеюсь от передряг.

Я слезы лью, но пламень не иссяк.
Я жив, я мертв, я у страстей во власти.
Над морем слез пожары скалят пасти,
Вулкан и Тейя — кто мне худший враг?

Но я в самом себе люблю другого:
Кремня он крепче, я — летучий пух.
Он рвётся ввысь, а мой порыв потух.

Зову его — в ответ хотя бы слово.
Бегу за ним — его же нет как нет.
Чем я упорней, тем слабее след.

* * *

Даруя высшей истины прозренье
И отверзая темь алмазных врат,
Любовь прокралась в душу через взгляд —
Пришла, царит, и тяжко с ней борень̀е.

В ней прошлое находит повторенье,
В ее раю неистовствует ад.
Она сражает сердце наугад,
И жжет ее бессрочное горенье.

Но все ж, толпа, как истинного блага
Взыскуй ее и голос мой услышь:
Прозрей и зри, пред нею глаз не пряча —

Любовь не побирушка-бедолага,
И не она, а ты ее бежишь,
Бесчувственна, упряма и незряча!

ТОММАЗО КАМПАНЕЛЛА

О СЕБЕ

Свободный и влекущий груз оков,
Затерянный в толпе и одинокий,—
Ввысь из низин стремлюсь. Мой ум высокий
Меня вздымает к полюсу веков.

Поверженных сзываю, поборов
Печаль души, хоть этот мир жестокий
Меня гнетет. Лечу! Настали сроки
Взорлить над сонмом скал и бугорков!

В стремительных бореньях бытия
Вновь добродетель обретаю я,
Исполнен благородного страданья.

Любви я на челе ношу печать,
В свой час вкушу я сладости молчать
В стране безмолвного всепониманья!

БЕССМЕРТНАЯ ДУША

Впитала сколько книг посредством взора
Ничтожная! Не все ль, что создал свет,
Мной прочтено? Но насыщенья нет:
Поститься стану я еще не скоро!

Прочла я Аристарха, Митродора,—
Но голодна я, вечный книгоед:
Держала я с премудрыми совет,
Мой вечный голод — знанию опора.

Я — образ бесконечного Отца,
Держателя всех сущих; им живится
Одним — влюбленный разум мудреца.

Авторитет — рука чужая, мнится,
Сорит — стрела; познает до конца
Его лишь тот, кто с Ним отождествится.

О КОРНЯХ ВЕЛИКИХ ЗОЛ ВСЕЛЕННОЙ

Родился я, чтоб поразить порок —
Софизмы, лицемерие, тиранство,
Я оценил Фемиды постоянство,
Мощь, Разум и Любовь — ее урок.

В открытьях философских высший прок,
Где истина преподана без чванства,—
Бальзам от лжи тройной, от окаянства,
Под коим мир стенящий изнемог.

Мор, голод, войны, козни супостата,
Блуд, кривосудье, роскошь, произвол,—
Ничто пред тою тройкою разврата.

А себялюбье — корень главных зол —
Невежеством питается богато.
Невежество сразить я в мир пришел.

О ПРОСТОМ НАРОДЕ

Огромный пестрый зверь — простой народ.
Своих не зная сил, беспрекословно
Знай тянет гири, тащит камни, бревна —
Его же мальчик слабенький ведет.

Один удар — и мальчик упадет,
Но робок зверь, он служит полюбовно,—
А сам как страшен тем, кто суесловно
Его морочит, мысли в нем гнетет!

Как не дивиться! Сам себя он мучит
Войной, тюрьмой, за грош себя казнит,
А этот грош король же и получит.

Под небом все ему принадлежит,—
Ему же невдомек. А коль научит
Его иной, так им же и убит.

* * *

Горечь этого существованья,
Омраченного тысячью тысяч смертей,
Передать не сумеет язык мой бессильный:
Сколько лет, сколько лет в этой яме могильной,
Меж погибших людей, жалких божьих детей!
Быть беспомощным, вольным не в жизни, а в смерти,—
Вот удел мой! Поверьте
Погребенному заживо в средоточье всего удрученного бремени
И, увы, в этом гибельном времени,
Где справляю свое торжество
На развалинах мира сего!

ЖАЛОБНАЯ, НО И ПРОРОЧЕСКАЯ МОЛЬБА ИЗ ГЛУБИН МОГИЛЬНОЙ ЯМЫ ИЛИ ЖЕ УЗИЛИЩА, В КОТОРОЕ Я ВВЕРГНУТ

Господи, к тебе взываю,
Изведи свое творенье,
Из пучины злой напасти!
Я рыдаю дни и ночи,
Влагой слез мутятся очи,
Неужели ты не хочешь выслушать мои моленья?
Так поверь мне вновь и снова,
Чтоб решетки, и оковы,

И цепей тяжелых звенья,
Вперекор их лютой силе,
Не стыдили, не срамили
Пусть и тщетного моленья!
Чтоб, угрюмо и бесслезно,
Все к тебе взывал я грозно!

К ВЕШНЕМУ СОЛНЦУ, УМОЛЯЯ О ТЕПЛЕ

Не к Янусу Двуликому, а к Фебу
я обращаюсь с искренней мольбою:

вступая в знак Овна, вздымаясь к славе,
о Солнце, ты субстанция живая,

ты оживляешь заспанных, ленивых,
величишь всех и всех зовешь на праздник!

Ах, если б моему предстало взору
возлюбленное божество рассвета!

Тебя я чту всех остальных ревнивей,
так почему дрожу в промерзлой яме?

Ах, выбраться б на волю, чтоб увидеть,
как гонишь ты из темных корней стрелы

нежнейшей зелени, как силы будишь,
дремавшие под грубою корою,

и разбухают на деревьях почки,
в листву живую перевоплощаясь.

И тает лед, и вешних вод ручьистость
весельем новым землю орошает.

Сурки и барсуки от зимней спячки
проснулись. В почве пробудились черви.

И весь угрюмый мир ползучих гадов
в многоразличьях мелюзги незримой!

А птицы, что в ирландской мгле озябли,
спустя полгода расправляют крылья.

Все это ты своей святою силой
творишь. Внемли, я твой поклонник пылкий!

Мне верить хочется: еще до пасхи
живым я выйду из могильной ямы!

Взгляни: и ветвь масличная сухая
весной ростки зеленые пустила!

Я жив, не мертв,— подобен вешней ветви,—
пусть погребен я заживо, пусть скован!

Нет жизни, нет в тебе и смысла, хуже
ты мухи — про тебя не раз писали;

неблагодарный бунт клеймил и ересь,
им за тебя я мстил, и вот — в оковах.

К тебе льнут недруги мои на воле,—
к теплу и к свету. Им живется краше.

Но я и в этом склепе не угасну,
когда со мной твой светоносный титул!

Ты — храм живой, ты образ благородства,
великолепье истинного Бога!

Тобой Природа рождена и звезды,
всего Творенья жизнь, душа и чувства.

И под твоей широкошумной сенью
процвел первейший философский разум.

Ты согреваешь ангельские души
во храминах величья и отрады.

Вокруг меня (едва ли по заслугам!)
твоя пусть воцарится осиянность!

О, попроси, чтоб Высший Разум милость
мне даровал и спас от злобы Рока!

Христа молите, ангельские души,
да светом озарит меня во мраке!

О, Всемогущий Боже, обвиняю
служителей безбожных, что лишили

меня всего, что ты ниспосылаешь
не по заслугам людям,

все озаряющий своим величьем,
неизреченной милостью твоею.

Господь, влекущий горние светила,
метни во мглу мою хоть проблеск света!

ГАБРИЭЛЕ КЬЯБРЕРА

ШУТЛИВЫЕ КАНЦОНЕТТЫ

СИРЕНА

Там, где волны плещут пеной,
Я бродил под гнетом горя.
Вдруг заслышалась из моря
Песня, петая сиреной:

— С горем, смертный, нету сладу?
Неразумный! Жизнь — что птица:
Миг — и прочь на крыльях мчится.
Лишь любовь дарит усладу
Жизни горькой, жизни бренной.

Дабы нечто осветило
Мрак людских предрассуждений,
Купидон, ваш добрый гений,
Путеводное светило
Красоты зажег нетленной.

Смех ли уст услышишь милых
Иль поймаешь взгляд влюбленный,—
И, желаньем окрыленный,
Чувствуешь, как бьется в жилах
Ток амврозии блаженной.

Не стремись к иной отраде,
Утешайся стройным станом,
Щек цветением румяным
И в сетях кудрявых прядей
Дай душе остаться пленной!

Тут сирена с пеньем нежным
Погрузилась в море снова,
Ветеркам доверив слово,
Я же на песке прибрежном
Начертал его смиренно.

СМЕХ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Розы алы, словно пламя,
Над шипами,—
Но Амур взрастил другие,
Дав блюсти чете румяной
Под охраной
Зубы — перлы дорогие.

Вы, что краше всех на свете,
Мне ответьте:
Почему, едва потонет
Взор влюбленного в пучине
Взора синей,
Вас улыбка тотчас тронет?

С тем ли, чтоб меня опала
Не терзала,
Бренной жизни не губила,
Иль затем, что вам по нраву
И в забаву,
Коль близка моя могила?

Тут жестокость ли причиной,
Иль кручиной
Одолел я нрав надменный,
Вас я славлю непрестанно,
Неустанно,—
Вы ж смеетесь неизменно.

Если по траве росистой
Струйкой чистой
Ручеек, сверкая, вьется,
Если тихий ветер реет,

Луг пестреет,—
Говорят: земля смеется.

Если в полдень зыбь искрится,
Серебрится
В пенном кружевном уборе,
По волнам Зефир играет
И ныряет,—
Говорят: смеется море.

Коль Заря встает под алым
Покрывалом
Предвозвестницею Феба
И, влекомая Зефиром,
Мчит над миром,—
Говорят: смеется небо.

Пусть смеется в миг блаженный
Всей вселенной
Голубой простор бездонный,
Пусть смеются неба своды,
Земли, воды,—
Все затмит улыбка донны.

ПОЭТ ВОСХВАЛЯЕТ ЛАНИТЫ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

На заре ветерками
Овевается пламя
Роз, росой окропленных
Средь шипов потаенных.
Но красою затмит их
Пурпур роз на ланитах,
Что ланиты Авроры
Посрамляют без спора.
Нимфа дней благодатных
И цветов ароматных,
О Весна, о богиня,
Что в тебе нам отныне?
Пусть цветами в апреле
Все луга запестрели,
Но красою затмит их
Пурпур роз на ланитах,
Что ланиты Авроры
Посрамляют без спора.

ПОЭТ ЗАЩИЩАЕТСЯ ОТ АМУРА ПОСРЕДСТВОМ ЛИРЫ

Коль моими насладиться
Песнями Амур желает,
То, сокрывшись за ресницы,
Стрелы взглядов посылает,
Для засады выбрав око
Амари́ллиды жестокой.

И, стрелою уязвленный,
Лук другой беру я в руки,
Наущеньем Аполлона
Нахожу отрадны звуки,
Чтобы ранили напевы
Неприступной сердце девы.

Жгучих ран не заживляют
Ни бальзам, ни заговоры,
Если сердце уязвляют
Девы огненные взоры,
И утешится несчастный
Только лирой сладкогласной.

ПОЭТ НЕ ЖЕЛАЕТ БОЛЕЕ ЛЮБИТЬ ПРЕКРАСНУЮ ДАМУ

Лестью пленяться ли,
Гнева страшиться ли
Сына Венерина,
Иго носить его
Сладостно-горькое
Полно уж мне.

Чудище адское,
Исчадие Тартара,
Змееволосою
Вспоенное Фурией,
Иго носить твое
Полно уж мне!

Может бродить теперь
Дева жестокая,

Где ей захочется:
Больше не буду я
Искать следы ее,
Гнаться за ней.

Утром и вечером
Денницей — Геспером
Хочу любоваться я:
Долго в тумане слез
Очи не видели
Звездных огней.

Пусть вероломная
Дух сокрушила мой,—
В пепел сожженное
Сердце, учись опять
Счастью и вольности
Радостных дней!

ФУЛЬВИО ТЕСТИ

ЕГО ВЫСОЧЕСТВУ ГЕРЦОГУ САВОЙСКОМУ

Карл, доблесть сердца твоего — порука:
Пробьет свободы италийской час!
Но медлит что? Что ждет оно? Для нас
Досуг твой и покой — страстная мука.

Да узрит мир твои победы ныне,
Взвей знамена, зови отважных в строй!
Тебе союзник — Небо, пред тобой
Судьба склонилась — мужества рабыня.

Царица моря пусть покоит тело,
Румянит щеки, мягкий локон вьет,
Пусть Франк следит, как близкий бой идет,
В застолье вечном позабыв про дело.

И пусть товарища на бранном поле
Тебе все нет и меч твой одинок,
Препебреги, о Государь, и в срок —
Вся честь — тебе, ни с кем ты не был в доле.

Великого твоя душа взыскует,
И, мощная, великих тягот — длань,
Но трусу не дарит победы брань,
И робкий — век в бесславии векует.

Дороги славы не благополучны,
Путь почестей — обрывы, бурелом,
Успех берется жертвой и трудом,
Победа и опасность — неразлучны.

Кто, как не ты, собьет засов темницы:
Давно тюрьма — для Гесперии дом,
Ты узы разомкнешь своим мечом,
Ее свобода — дар твоей десницы.

Карл, Гидра новая страшнее видом
Той, древней,— если ты ее сразишь,
Трехглавого Тирана победишь,—
Я первый нареку тебя Алкидом.

Не отвергай сейчас мольбы и оды,
До времени — о, долго ли терпеть! —
Когда воздвигнем мраморы и медь
Тебе — восстановителю свободы.

ГРАФУ ДЖ.-Б. РОНКИ О ТОМ, ЧТО НЫНЕШНИЙ ВЕК РАЗВРАЩЕН ПРАЗДНОСТЬЮ

Быть может, у подножья Авентина
Ты бродишь. В разноцветье диких трав
Великолепия латинских слав
Останков гордых пред тобой картина.

С презрением и скорбью ты взираешь:
На месте храмов, царственных палат —
Скрип плуга и мычанье нищих стад;
И ты в сердечной глубине вздыхаешь.

Что славная сейчас во прахе древность —
В том буйство злое времени вини;
Другим пред ней повинны наши дни:
В нас древним подражать угасла ревность.

Столпов и врат еще немало стройных
Величат доблести старинных лет,
И оглянись — между живыми нет
Врат и столпов, воздвиженья достойных.

Италия, отваги неуклонный
Дух — ленью сладострастною прельщен,
И ты не видишь — разум твой пленен,—
Что выродился в мирт — твой лавр исконный.

Прости мои слова. Но было ж время —
В палестре ежедневной крепость рук
Ты тешила и гнуть могучий лук
Любила и щитов и копий бремя.

А ныне? Ты выпытываешь средства
Не состариться — у верного стекла;
В кичливые одежды заткала
Все золото прапращуров наследства.

Благоухают перси ароматом
Бесценнейшим сабейских берегов;
И плечи — словно в пене облаков,
В голландском льне, воздушном и хрущатом.

В твоих застольях кубки золотые
Хиосской влагой полны золотой;
Смирят — надменную годами — в зной
Струю Фалерно волны ледяные.

Колхиды и Нумидии дичина —
Спесь расточительных твоих пиров,
И в туках духовитых свой улов
Тебе подносит дальняя пучина.

Иной была, когда на Капитолий
Ты земледельца консулом вела,
Когда средь фасций Города дела
Вершил диктатор-пахарь властной волей.

Рукою, гладившей воловьи шеи,
До света, медленных, спеша запречь,
Твоя держава создана, и меч,
Послушный ей, везде стяжал трофеи.

Одна преданья славы сохраняет
Молва. И варварская мощь хулит
Честь стародавнюю могильных плит
И, дерзкая, тобою помыкает.

И если, Ронки, ввек неодолима
Италии дрема (хочу солгать!),
Поверь, увидишь: станом станет рать —
Фракийца, Перса ли — на стогнах Рима.

ТОММАЗО СТИЛЬЯНИ

ПРОСЬБА К ЦЫГАНКЕ

Не знает страха прямота твоя,
Ты вещую освоила науку,
Кому свиданье, а кому разлуку
Ты предрекаешь, правды не тая.

Владычице моей, ворожея,
Скажи: «Вы обещали эту руку
Тому, кто, не дождавшись, терпит муку,—
Рука не лжет, но ней читаю я».

Скажи, что бог неверную накажет,—
И если верит госпожа в судьбу,
То в милости сердечной не откажет.

Я похвалю тебя за ворожбу
И, зная, что́ язык тебе развяжет,
Вознагражу с лихвой твою алчбу.

ПОДАРЕННЫЙ ЦВЕТОК

Все прелести земные заслоня,
Прекрасное лицо предстало взору
В окне высоком, юную Аврору
Напоминая на балконе дня.

И вдруг она заметила меня —
Не прятаться же мне, подобно вору! —
И поспешила ускользнуть за штору,
Зардевшись от любовного огня.

И уронила, как бы ненароком,
Цветок к моим ногам,— каков расчет! —
И, воодушевленный тем намеком,

Я новых жду, неведомых, щедрот
В грядущем — и, надеюсь, недалеком,—
Ведь должен из цветка родиться плод.

РЕВНОСТЬ

Любовь мою ревнуя,
Не только всех кляну я,
С кем говорит она
И кем окружена:
Меня и к тени зыбкой зависть гложет,
Что рядом с нею может
Быть сколько хочет, вдоволь, целый день,
Тогда как я не смею
Не расставаться с госпожой моею.

ЧИРО ДИ ПЕРС

КРАСАВИЦА С РЕБЕНКОМ НА РУКАХ

Ты на руках у божества сидишь,
Прелестная малютка, и, играя,
То алых губ коснешься — розы мая,
То грудь моей богини теребишь.

При этом жара ты не ощутишь,—
Ни ада ты не ведаешь, ни рая,
На лоне наслажденья пребывая.
Как я тебе завидую, малыш!

Твоей счастливой, безмятежной доле,
Неопытности детских чувств и рук
Завидую — завидую до бо́ли.

И если волей рока нет вокруг
Несчастнее меня, в его же воле
Несчастному помочь не слышать мук.

ЛИДИЯ, СТАРЕЯ, ХОЧЕТ ВЫГЛЯДЕТЬ МОЛОДОЙ

Ты время не обманешь — не сумеешь,
Лишь время тратишь. Ну зачем, скажи,
Твои ланиты от румян свежи,
Когда ты не свежеешь, а стареешь?

Ты над сердцами власти не имеешь,
Не то что прежде. Был бы смысл во лжи!
Нет, Лидия, оружие сложи:
Летучего врага не одолеешь.

Он празднует победу — торжество
Над красотой, не знающей охраны,
Не знающей защиты от него.

На жирный слой белил кладя румяны,
Ты, Лидия, добилась одного:
Я исцелился от любовной раны.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Еще одно мгновенье истекло,
В песчинках мелких — роковая сила:
Она мой день на доли поделила,
Все меньше в верхней склянке их число.

Песок течет сквозь узкое жерло,
Вот склянка — колыбель, а вот — могила;
Правдиво нашу долю отразило,
Наш век недолгий хрупкое стекло.

В часах водою пользовались греки,
Однако с неких пор песчаный ток
Напоминает нам о кратком веке.

Вода, песчаной струйки волосок...
Часы — от века в каждом человеке:
Жизнь — слезы, после жизни — прах, песок.

КОЛЕСНЫЕ ЧАСЫ

Зубцы колес терзают день всечасно,
На части, на часы его дробят;
На циферблате надпись: «Все напрасно.
Дни прожитые не вернуть назад».

Металл предупреждает громогласно,
Что близок, что неотвратим закат,
Загробный голос рока слышу ясно
В звучанье бронзы, властной, как набат.

Чтоб я себя не обольщал покоем,
Мне предостереженье звучит
Трубою, вечным барабанным боем.

И град ударов громко нарочит:
Он вдалбливает мне, чего мы стоим,
И в двери гроба что ни час стучит.

СЛАВИТ НЕУСТАННЫЕ ТРУДЫ

По рекам плыть, пересекать дубравы,
Всходить на склон, отвесный как стена,
Обуздывать лихого скакуна,
В чужой земле искать чужие нравы;

Сквозь тернии спешить, через канавы,
Следя медведя или кабана,
Вонзать в пучину моря киль челна,
За дерзкий вызов не боясь расправы;

Стихии противостоять в борьбе,
Потеть с ливийцем, мерзнуть с московитом,
Что б ни случилось — не пенять судьбе;

Пить из ручья и быть дубравой сытым,—
О, если только крепок дух в тебе,
Ты этот путь всегда найдешь открытым!

АВТОР, КОЕМУ ИСПОЛНИЛОСЬ ШЕСТЬДЕСЯТ ЛЕТ, СТРАДАЕТ КАМЕННОЙ БОЛЕЗНЬЮ

Я изнемог: изводят болью почки.
Что делать! Камни появились там,
И смерть уже крадется по пятам
И, судя по всему, не даст отсрочки.

Иной по белым камешкам денечки
Благие помнит, я же по камням
Веду отсчет своим несчастным дням
И жду обрыва каменной цепочки.

От боли чуть ли криком не кричу,
Таская днем и ночью груз подобный,
Который старику не по плечу.

Я знаю — смерть о камень мой утробный
Вострит косу, и знаю, что влачу
Во внутренностях камень свой надгробный.

ОХОТНИК С АРКЕБУЗОЙ

Ночной охотник, птицелов гремучий,
Собаку поманил, пеньку зажег,
И вот уже через камыш дремучий
Во мгле дорогу щупает сапог.

Укрытье выбрать и еще разок
Проверить снасть свою на всякий случай.
И ждать. И вот порозовел восток —
И показался караван летучий.

Юпитер мечет роковую сеть —
И хлопает она, и в изобилье
Крылатую ему приносит снедь.

Не стоит ни малейшего усилья
Заставить гром греметь, свинец лететь
И падать в воду птиц, топорща крылья.

ДЖАМБАТТИСТА МАРИНО

К СВОЕЙ ДАМЕ, РАСПУСТИВШЕЙ ВОЛОСЫ НА СОЛНЦЕ

И золото кудрями посрамит,
Взойдя, моя прекрасная денница:
Власы распустит — словно поделиться
Сияньем пышным с юным днем спешит.

Атлас, пушистым золотом омыт,
Живой волною по плечам струится,
И мягко золотая прядь змеится
В цветах прелестных персей и ланит.

Амура в этой золотой дуброве
Я видел: он среди густых ветвей
Держал крючки и сети наготове;

И, пойманное солнцами очей,
Я видел солнце в сказочном улове,
Подсолнухом тянувшееся к ней.

К СНУ

Безмолвия и Полночи дитя,
Отец воздушных, трепетных видений,
Любезный сон, влюбленных добрый гений,
Что счастливы, тебе вослед летя,

Ты добр ко всем, любому сердцу льстя,
Лишь моему не спать на лоне тéней.
Оставь пещерный мрак твоих владений,
Откликнись, перемену возвестя.

Забвеньем тихим подарив, и миром,
И образом цветущей красоты,
Утешь меня в моем желанье сиром.

Я должен видеть милые черты...
Но пусть ты не придешь с моим кумиром,—
Приди обличьем смерти. Где же ты?

ПРИГЛАШАЕТ СВОЮ НИМФУ В ТЕНЬ

Сейчас, когда над ширью раскаленной
Ни ветерка, и летний зной все злей,
И океан все ярче, все светлей
Сверкает, солнца стрелами пронзенный,

Сюда, где дуб, закрыв полнеба кроной,
Любуется красой своих ветвей —
Густой копной смарагдовых кудрей,
В расплавленных сапфирах отраженной,

Сюда, мой друг, приди, где на песке
Отпечатлелась крона, и со мною
Укройся в благодатном холодке.

Отсюда, где прохладно, как весною,
Я покажу тебе, как на реке
Играет рыба с птицей, тень — с волною.

ОПИСЫВАЕТ ПЕНИЕ РАЗНЫХ ПТИЦ, КОИМ ВОСХИЩАЕТСЯ БЛИЗ ФЛОРЕНЦИИ, НА ВИЛЛЕ, ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ ГОСПОДИНУ ДЖАКОПО КОРСИ

Я внемлю пенье трепетного хора:
Струится трель, созвучная ручью,
И Прокна отвечает соловью,
Не поминая давнего позора.

Щегол ликует, что пришла Аврора,
И прячется, окончив песнь свою;
Я нежный голос горлиц узнаю,
Как бы поющий: «Май цветущий скоро».

И певчий дрозд из глубины листвы
Пеняет птицелову справедливо,
Что прячет самолов среди травы.

Да остаются щедры лес и нива
На сладкий корм! Нет, не пичуги вы,
Вы ангелы — лесов тенистых диво.

* * *

«Зачем, скажи, о Дафна,
Ты от меня бежишь
И верностью моей не дорожишь?
Ты нимфа? Или дерево над кручей,
Не знающей тропы?
Ты дерево — и потому молчишь?
Но, если так, откуда
Для бегства эти легкие стопы?
Быть может, все стыдливости причуда?»
Она к молитве жгучей
Глуха — и вдруг увидел Аполлон:
Она остановилась
И деревцем над берегом явилась.

ПОЦЕЛУИ

Лобзанья, поцелуи,
Волшебных нег истоки,
Вы сердце нежным тешите нектаром,
Живительные струи,
Питательные соки,
Как дивно упиваться вашим жаром!
И в ваших я недаром
Люблю тонуть пучинах,

Когда сама Любовь безумный трепет,
И восхищенный лепет,
И властное влеченье,
И страстное томленье
Соединяет в чувственных рубинах
И прячет две души в устах единых.

Убийственные губки,
За коими природа
Жемчужное оружие сокрыла,
Готовые к уступке,
Отраду слаще меда
И горький пыл любовного горнила
Сулят, надувшись мило.
Сплелись в любовной схватке
Два языка — и каждый
Одною движим жаждой.
Уста моей бесценной —
Трибуна и арена,
И раны глубоки, и муки сладки,
И новой боли жаждешь без оглядки.

О, мирный поединок,
Где яростная нежность
Над ненавистью восторжествовала,
Где бьются без заминок,
И гибель — неизбежность,
И пораженье не страшит нимало.
Язвящего коралла
Мне мил укус горячий,
И ранящие зубы
Врачебным свойством любы.
Лобзания волшебны —
Смертельны и целебны:
Жизнь обретаю в смерти — и тем паче
Стараюсь ранить в предвкушенье сдачи.

То легкое дыханье,
То тихий смех, то шепот
Лобзанье прерывают; правда, чаще
Всего одно лобзанье,
Как подтверждает опыт,—
И вздох смолкает, речь и смех звенящий.
О, поцелуй пьянящий!

Неутолимым мнится
И утоленный голод зачастую.
Уста взасос целую,—
Чуть поцелуй прервется,
Тотчас другой начнется.
Где между первым и вторым граница?
Один не умер — как другой родится.

Сухой — сердцам отраден,
Но каждый испытавший,
Сколь сладок сочный, непременно знает:
Всех более отраден
Амброзию впитавший
Любовный знак. Увы, не так лобзает
Та, что меня терзает,
Хотя сама, по чести,
Мечтает, молит о лобзанье влажном,
Столь сладостном и важном.
Но чувство торжествует —
Она меня целует,
И сердце дарит с поцелуем вместе,
И вновь берет — и сердце не на месте.

Гляжу влюбленным взглядом,
Лобзаю, бездыханный,
Целую и гляжу, благоговея.
Амур все время рядом,
Затейник неустанный.
Ну, и шалун! И та, на чьей руке я
Лежу, от счастья млея,
Невинно сладострастна,
Целует мне глаза и, два словечка
Шепнув: — Мое сердечко! —
Без устали готова
Свои лобзанья снова
Лобзать, будя меня к утехе властно,
В которой тело с телом так согласно.

Душа в истоме счастья
Вздыхает, покидая
Приют, природой ей определенный.
Но, полная участья,
Ее душа родная

Ждет на дороге и душе влюбленной,
Уже изнеможенной,
Усладу благостыни
Дарует из рубинового чуда —
Волшебного сосуда;
Душе другая сладость
Была бы и не в радость.
Душа целует душу — и отныне,
Погибнув, обретает жизнь в кончине.

Молчи, язык, ни слова,
Иль не услышишь зова
Сладчайших уст, зовущих: — Тсс! Молчанье! —
Удвоив, лишь бы ты молчал, лобзанье.

РОДИНКА НА ЛИЦЕ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Над родинкой прелестной —
Пушок манящим чудом на ланите.
Златые эти нити —
Коварный лес любви.
Ах, в нем цветов не рви —
Окажешься в плену, в любовной свите!
В лесочке этом бог любви засел
И души ловит в сеть и на прицел.

ПОДВЕСКИ В ФОРМЕ ЗМЕЙ

Златые кольца змей,
Сверкая переливами эмали,
Свисают из ушей.
Красавица, нельзя ли
Узнать, что знаменуют эти гады?
В них тайный знак жестокий вижу я:
Кого сия змея
Ужалит, тем пощады
Не ведать,— это ты язвишь сердца,
И мукам нет конца.

ЖЕНЩИНА С ШИТЬЕМ

Стрела, а не игла
В перстах Арахны новой,
Для рукоделья все забыть готовой.
Льняную ткань пронзает острие —
И тает сердце бедное мое.
В судьбу мою вошла
Игла в руке прекрасной
Стежками, узелками, нитью красной,
И все отдам я ради
Искусной сочной глади.

РАБЫНЯ

Поистине черна ты, но прекрасна!
Ты чудо, ты румяней, чем заря,
Сравнение со снегом января
Для твоего эбена не опасно.

Подобные красы искать напрасно.
Где видано, чтоб угли, не горя,
Рождали пламень, свет и жар даря?
Где слыхано, чтоб тьма сияла ясно?

Я раб рабыни, пленник черных пут,
Которые меня в неравном споре
Объятьям белых рук не отдадут.

Ты родилась на солнечном просторе,
Ты солнце, здесь нашедшее приют,
Ты ночь в лице несешь и день во взоре.

РАССТАВАНИЕ

Пора! Уже денница над волнами
Ретивых погоняет лошадей.
Не надо плакать, Лилла, слез не лей,
Ведь будут вздохи нашими гонцами.

Как, пробираясь тайными путями,
Вновь с Аретузой встретился Алфей,
Так недоступных мыслям нет путей,
Когда в разлуке мы томимся сами.

Две нежные звезды разлучены
Нередко на дорогах небосклона,
Но свету дружбы и вдали верны.

Порой стоят деревья отрешенно,
Но корни крепко переплетены —
И тайну их хранит земное лоно.

ДАМА, РАСЧЕСЫВАЮЩАЯ ВОЛОСЫ

Златые волны — шелковые пряди...
Слоновой кости легкая ладья
По ним плыла, скользя,— и колея
Ложилась безупречно ровно сзади.

В пленительно трепещущей прохладе
Сверкала раздвоённая струя,
И бог любви ловил ее, куя
Златые цепи тем, кто с ним в разладе.

Среди роскошных золотых зыбей
Я сердцем плыл, иллюзий не питая,
Навстречу верной гибели своей.

Я потерпел крушенье, утопая
В богатстве, в самом бурном из морей,
Где риф алмазный, пристань золотая...

НОЧНОЕ ПРОИСШЕСТВИЕ

Дверь скрипнула, собака зарычала,
Вонзились в ногу злобные клыки,
И где-то застучали башмаки,
И ночь светла,— хорошее начало!

Прозрачное мелькнуло покрывало —
И шею мне обвили две руки,
И тут, крича, вбежали старики,
Я задрожал, и хладом грудь сковало.

Я не могу очнуться до сих пор!
Должно быть, все ослепли: так светился
Ее очей — двойного солнца — взор.

Вокруг меня туман любви сгустился,
Иль надо мной Амур крыло простер,—
Я словно в невидимку превратился.

НЕСОВЕРШЕННАЯ РАДОСТЬ

Из бездны мук, уже почти нежданно,
Она мои надежды подняла
И обещает, что не ведать зла
Отныне мне — и я не жду обмана.

Но, словно солнце, что клубы тумана
К себе поднимет — и в лучах тепла
Расплавит, так она меня звала,
Звала — и прогоняет непрестанно.

Зачем она попутный ветерок
Дарит усталым парусам на рее,
Когда я в бурю снова одинок?

Казалось, что судьба ко мне добрее...
Так в нетерпенье ждет мяча игрок,
Чтобы отбить его — да поскорее.

МАДОННА РАФАЭЛЯ ИЗ УРБИНО

Где ангелу земному краски взять,
Чтоб красоту прославить неземную?
Он должен был, покинув мастерскую,
На небе — в царстве божьем — побывать.

Он светлой сделал вьющуюся прядь,
Заняв у солнца краску золотую,
Он горних духов благодать живую
Сумел во взгляде ясном передать.

Он сделал взор божественный открытым,
Зарю и млечность звездного пути
Соединил и подарил ланитам.

Помог лучу улыбки расцвести —
И навсегда пребудет знаменитым,
Дерзнув на землю рай перенести.

АДОНИС

(Фрагменты)

Улыбка страсти, роза, горний цвет,
Снег, обагренный роковою раной,
Рожденный солнцем и землей на свет,
Природы гордость, свет зари румяной,
Что нимфою и пастухом воспет,
Краса и честь семьи благоуханной,
О роза, пальму первенства держа,
Ты всем цветам навеки госпожа!

Как на престоле гордая царица,
Ты на родном сияешь берегу.
Зефиров стайка вкруг тебя роится —
В любом из них признаешь ты слугу.
Колючей ратью можешь ты гордиться,
Всегда готовой дать отпор врагу.
И о державном говорят величье
Корона, пурпур, все твое обличье.

Жемчужный ореол, весны глазок,
Лугов убранство и садов порфира,
Для Граций, для Амуров твой венок
Великолепней всех сокровищ мира.
Когда пчела и нежный ветерок
Летят к тебе для сладостного пира,
Их чаша ждет — рубиновый фиал
С питьем росистым, чистым, как кристалл.

Тщеславиться перед звездою малой
Должно ли солнце тем, что верх берет?
Не так ли твой убор сверкает алый
Среди других, среди меньши́х красот?
Красою озаряешь небывалой
Ты этот берег, солнце — берег тот.
В тебе весны томительная греза,
Ты — солнце здесь, а солнце — в небе роза.

Желаний вам согласных и отрад,
Вы созданы, чтобы любить друг друга:
Зарю оденет солнце в твой наряд,
И в этом — солнца и твоя заслуга;
Распустишь кудри ты — и заблестят
В огне его лучей они средь луга.
Счастливая, в себе его найди,
Неся по праву солнышко в груди.

. . . . . .

На древнем дубе, чей зеленый кров
Ее приют, пернатая черница
Поет, подруга вольных пастухов,
Зовя касатку присоединиться.
И горлица, услыша этот зов,
Не на высокий вяз — на куст садится,
Где дом ее и где поет она
В уединении, но не одна.

Щегол щебечет, прыгая на ветке,
И прячется, внезапно онемев,
Рискуя оказаться в ловчей сетке,
Канцоны дрозд читает нараспев.
И гимн Амуру и любовной клетке
Выводит канарейка, засвистев.
И чечевица вторит зеленушке,—
Все для себя поют и друг для дружки.

Чекан поет и золотистый чиж,
Ласкает слух садовая овсянка,
И голос реполова различишь,
Откликнулись крапивник и просянка;

За ней — вьюрок, полуручной глупыш,
И за вьюрком вступила конопляика.
Поет синица, луговой конек,
И жаворонок устоять не смог.

Рябинник вторит сарке суетливой,
И зяблику — прожорливый скворец.
Красивый голос и убор красивый
У всех — как на подбор, к певцу певец.
Вступить не может в этот хор счастливый
Дубравы сонной или гор жилец,
Который голосом своим и платьем
Уступит многочисленным собратьям.

И есть большая птица среди тех,
Кто в хоре,— величава, белокрыла,
Чей крик предсмертный поражает всех —
Такая в нем всегда звучала сила;
Чье покрывало величайший грех —
Небесное прелюбодейство — скрыло:
Ведь если бы не ловкий маскарад,
Пожар троянский не был бы зачат.

Серебряная вытянута шея,
Пока еще молчит открытый клюв,
Но вот певец, дыханием владея,
Запел, в трубу гортанную подув.
Дрожа, змеится голос чародея,
Который плачет, шею изогнув,
И, полные неисцелимой муки,
Отрадны слуху сладостные звуки.

Но и очам и слуху всех милей,
Всех грациозней в песне и в полете —
Природы чудо, звонкий соловей.
Какое совершенство в каждой ноте!
Он как бы учит музыкой своей
Других певцов, у каждого в почете.
Сирена рощ прохладных и садов,
Он может петь на тысячи ладов.

Нельзя не восхищаться этим дивом:
То слышен голос, то смолкает вдруг,
Чтоб разделить мгновенным перерывом
Насыщенный и самый тонкий звук,

То льется перелив за переливом,
То цепь прервется — разомкнется круг.
Каким бы звуком он ни начал фразу,
Он музыкален — это видно сразу.

О, как искусно, грустно как звучат
Его стихи! Какой в них смысл глубокий,
Когда печаль, которой он объят,
Он вкладывает в свой напев жестокий!
То пауза, то фугам нет преград,
И разный стиль — то низкий, то высокий.
Дар подражанья музыканту дан:
Он — флейта, лютня, лира и орган.

Его очаровательное пенье
Порой подобно лестнице витой:
Мелодия, лаская дуновенье,
По лесенке легко взбегает той,
Чтоб сверху, задержавшись на мгновенье,
Низринуться — расстаться с высотой.
За трелью чистой следует другая,
Двойного контрапункта достигая.

Поверишь, будто в горле у певца
Стремительное колесо кружится.
Язык певца — как быстрый меч бойца,
Чья устали не ведает десница.
Начав, допеть он должен до конца,
И кажется подчас — поет не птица,
Не соловей,— но ангел, горний дух
Чарует модуляциями слух.

Откуда в этом малыше крылатом,
В столь крошечном созданье столько сил?
И кто представит, что певучий атом
В себе так много нежности вместил?
И кто другой звучанием пернатым,
Дыханием живым эфир будил?
И есть ли в мире кто-нибудь известней
Крылом поющим и крылатой песней?

Меркурий на Адониса глядит,
Который пеньем поглощен прелестным.
— Ну, как тебе? Что скажешь,— говорит,—
Об этом диве, о певце чудесном?

Ужели ты поверил бы на вид,
Что столько жизни в этом теле тесном?
Поверил бы, что музыка его —
Гармонии великой торжество?

Природа (можно ль усомниться в этом?)
Своим искусством вправе быть горда;
Но, как художник небольшим портретам
Таланта дарит больше и труда,
По отношенью к маленьким предметам
Она щедрей бывает иногда,
И это чудо певчее по праву
Других ее чудес затмило славу.

Прелестная история была
Однажды с этим пеньем — грустный случай,
Которым бы растрогалась скала,
Огромная гора, утес могучий.
Звенели струны, музыка текла,
Рассказывая о печали жгучей:
Любовник некий, одинок и юн,
В ночном лесу касался легких струн.

В безмолвной роще музыкант бессонный,
Струна́ми даже Сон околдовав,
На лютне пел. Но вот певец влюбленный,
От города бежавший в сень дубрав,
Остановился как завороженный,
Лесного виртуоза услыхав,
Остановился — ближе не подходит
И шепотом напев воспроизводит.

Несчастный соловей, восприв от сна,
Пел в тишине, моля зарю зачином,
Чтобы скорее в мир пришла она,—
Пел на своем наречье соловьином,
Как вдруг заметил, смолкнув,— тишина
Нарушена в ночном лесу пустынном,
Куда влюбленный юноша принес
Отчаянье невыплаканных слез.

Пичужка, любопытству уступая
Или призыву этих скорбных нот,
Гнездо покинув и перелетая
На ветку с ветки, с легкостью берет

Чужую ноту, на лету вступая,
И, словно нового примера ждет
И в пенье хочет с юношей сравниться,
Летит к нему — и на плечо садится.

А тот, в свои печали погружен,
Не обращает на нее вниманья:
Все жалобнее, все быстрее звон,
Все громче струн мучительных звучанье.
И соловей запел страдальцу в тон,
Он вкладывает в пенье все старанье.
Тот плачет, этот, сидя на плече,
Заливисто поет в его ключе.

Один, понурясь, на струнах унылых
Тоскливо за строфой строфу поет,
Другой, как будто боль сдержать не в силах,
От первого певца не отстает.
Отзывчивость будя в ночных светилах,
Звучит согласно сочетанье нот
И в темной роще музыкою нежной
Покой лелеет Ночи безмятежной.

Певец влюбленный было пренебрег
Соперником, приняв игру сначала,
И, чтобы соловей ответить мог,
Он взял аккорд — и лютня замолчала.
Он за уроком задавал урок,
И птица в лад пассажам отвечала.
Он выжидал — и начинал опять,
Но клюв руке не думал уступать.

И музыкант едва ли не растерян,
Победы не добившись до сих пор,
Он в превосходстве больше не уверен,
Он получил решительный отпор.
Но юноша сдаваться не намерен,
Он ищет звук, которым кончить спор,—
Увы! какую ноту ни предложит,
Всё язычок пропеть проворный может.

Пришлец краснеет: с кем скрестил клинки —
И уступил! А впрочем, почему же?
Нет, он решает подвернуть колки
И жилы струн натягивает туже.

Но клюв, не отставая от руки,
Берет любой аккорд ничуть не хуже
И повторяет каждый звук шутя,
Звонкоголосый лабиринт плетя.

Тот, леденея, молвит, полон гнева:
«Сейчас тебе такое пропою,
Что ты не сможешь повторить напева,
А если сможешь — в щепки разобью
Бессмысленное дерево о древо!»
И тут же предлагает соловью
Ряды восьмых, стремительную фугу
Обруша на несчастную пичугу.

То наверху, то возле деки гриф
Он то сожмет, то отпускает снова:
Он, все свое искусство приложив,
Запутать норовит певца меньшого.
Берет за нотой ноту, в ход пустив
Все пальцы — от мизинца до большого.
Бежит октава вверх и снова вниз:
Триумф любой ценой — его девиз.

Как птица,— нет, быстрее,— неустанно
Его рука летает по струна́м,
По грифу пальцы пробегают рьяно —
Такого он не ожидал и сам.
Подобно звукам воинского стана
Звучание неповторимых гамм,
В бряцанье струн оружия бряцанье
Звенит, как боевое восклицанье.

Тимпаны, трубы, все, чем бог войны
Бойцов зовет на ратном поле к бою,
В искусной песне юноши слышны,
Воссозданы уверенной игрою,
А он торопит бурные струны́,
А он волну вздымает за волною,
И сложная мелодия звучит;
Соперник внемлет — внемлет и молчит.

И тот умолк — ответа ждет: не шутка
Все это горлом воспроизвести.
Силенки, сколько их вмещает грудка,
Собрал певец, чтоб дальше спор вести.

Но слишком путь велик, чтобы малютка
Сумел добраться до конца пути.
Простое и естественное пенье
Не знает, что такое ухищренье.

Предела, мнилось, поединку нет,
Все продолжался спор — открытый, страстный,
И пробил час — и замолчал дуэт:
Охрип и лопнул соловей несчастный.
Как меркнет, исчезая, слабый свет
При ярком свете — немощный, неясный,
Так язычок певучий онемел,
Отвергнув побежденного удел.

Сколь сладостно лесное чудо пело,
Чаруя пеньем слух ночных светил!
От звезд печальных небо опустело,
И небеса восход позолотил.
Безжизненное крохотное тело
Слезами скорби музыкант омыл,
Не сваливая только на судьбину
Внезапной этой гибели причину.

И, дарованьем щедрым восхищен,
Принявшим гордый спор без тени страха,
Похоронить решил беднягу он
И лютню сделать пребыванием праха.
Певец в могиле звонкой погребен —
Сподобилась высокой чести птаха.
Про этот спор и про ее талант
Ее пером поведал музыкант.

ФРАНЧЕСКО БРАЧЧОЛИНИ

О ЖЕЛАНИИ СЛАВЫ

Меня желанье почестей не гложет,
Немного пользы в шепоте похвал.
Они звучали искренне, быть может,
Но я значенья им не придавал.

Когда твой бренный век навеки прожит,
Что слава? Ветер, мимолетный шквал.
Нет, пусть она другого обнадежит,
Кто на нее мечтою уповал.

И если кто-нибудь меня помянет,
Чтобы восславить иль хулам обречь,
Когда меня уже в живых не станет,

Мой сон молве посмертной не пресечь:
Под землю гром небесный не достанет —
Не то что человеческая речь.

УТРЕННИЕ КОЛОКОЛА

Звени, труба сердец празднолюбивых,
Что для дневных занятий будишь нас
И, отбивая, отпеваешь час
Глухим раскатом вздохов сиротливых.

В тональности твоих басов тоскливых —
Зари предвестье и призывный глас,
Но я пока не открываю глаз,
Еще держусь моих теней пугливых.

В звучании твоих державных нот,
Щемящих сердце мерным скорбным ладом,
Я внемлю зов сияющих высот,

Напоминанье, что со смертью рядом
Холодный сон — и смерть не подождет,
Успев дохнуть на нас могильным хладом.

ТРУДНОСТЬ И ДОСТОИНСТВО СОНЕТА

Как взаперти огонь сильнее пышет,
Где углей жар и ярок и глубок,
Так пламенем, так вдохновеньем дышит
Любая из четырнадцати строк.

Тебя, твой голос чистый сердце слышит,
Звени, труба! Умолкни, хриплый рог!
Сонет поэту свой закон предпишет:
Теснее бой — искуснее клинок!

Идет на малом поле бой кипучий,
И для победы полной должен быть
Крылатым разум и рука летучей.

И нанизать на мысленную нить
Необходимо череду созвучий —
И в истину неправду претворить.

КЛАУДИО АКИЛЛИНИ

БЕЛОКУРАЯ ЖЕНЩИНА С РАСПУЩЕННЫМИ ВОЛОСАМИ

Между прелестных персей — этих скал —
Роняет пышный дождь моя Юнона,
И вихрь пушистый волны расплескал,
Увидишь — и вздыхаешь обреченно.

И если взору все же взор предстал
Иль грудь ее — пленительное лоно,
Пучину краше делает коралл,
И звезды — украшенье небосклона.

Но как сегодня бурю подстегнуть,
Чтоб сердцу волей страстного порыва
Бесстрашно плыть, припав на эту грудь?

Пускай она вздымается, бурлива!
Чем выше волны, тем отрадней путь:
Мне буря — штиль, мне рифы — гладь залива.

МИНА

В безвестной пасти черного колодца
Под стену ловко прячет злой тиран
Немой огонь и, свой исполнив план,
Спешит наружу — и в душе смеется.

Но скоро искра легкая коснется
Горючего обмана — и обман
Заговорит внезапно, как вулкан:
Грохочет небо и земля трясется.

Я нес в холодном сердце семена
Губительного пламени, рискуя
Узнать, какая власть Любви дана.

Свершилось! Яркой искрой поцелуя
Невидимая мина зажжена —
И бог любви сияет, торжествуя.

ДЖИРОЛАМО ПРЕТИ

РАЗВАЛИНЫ ДРЕВНЕГО РИМА

Увенчанная лаврами побед,
Стояла здесь империи столица.
Вот это место. Рима больше нет.
Он под землею, он не возродится.

Травой покрыт его печальный след.
Где Рим сверкал — теперь его гробница.
Он властвовал над миром столько лет
И должен перед временем смириться.

Нет Рима в Риме. Рухнул исполин.
Величье Рима отняли у Рима
Вулкан и грозный брани властелин.

К вершителю судеб неумолима
Была судьба — и вот среди руин
В себе самом лежит он недвижимо.

В СЕЛЬСКОМ УЕДИНЕНИИ ПОРИЦАЕТ ДВОР

Зеленый склон, лавровые кусты,
Ключи прозрачны, волны говорливы,
Зефир игривый, птичьи переливы,
Душистый мирт, воздушные листы;

Прохлада гротов, полных немоты,
Лесные своды, трепетные ивы,
Пустынный берег, бледные оливы,
Луга безлюдны — и на них цветы...

Что мне придворный блеск в глуши глубокой!
Его бы и сегодня отдал я
За тень живую кроны одинокой.

Какое счастье! Вольные края,
Где я живу не кабалой высокой,
Не жаждой чести — жаждою ручья.

ПЬЕР ФРАНЧЕСКО ПАОЛИ

ОБУЧЕНИЕ АЗБУКЕ

Ко мне учиться грамоте приходит
Та, чьи глаза читают без труда,
Что́ в безутешном сердце происходит,
Хотя не могут заглянуть туда.

За мною каждый звук она выводит,
Вздохну — не отвечает никогда
И откликом безмолвным грусть наводит,
Моя отрада и моя беда.

Порой, оставя грамоты начала,
«Люблю»,— шепчу, она — в ответ: «Люблю».
О, если бы и сердце отвечало!

Я недоволен — мол, ответ нечеткий —
И локон на ее щеке треплю,
Учитель строгий и любовник кроткий.

ПРЕКРАСНАЯ ИСПАНКА

Где умирает солнце,
Там родилась она, у солнца взяв
Его красу — и как бы солнцем став:
Когда пора светилу
По вечерам в могилу,
Оно скрывается, не обделя
Лучами иберийские поля.

ЗАНОЗА В ПАЛЬЦЕ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Занозу я извлек — ничтожно
Соринка малою была:
И поступил неосторожно —
Впилась мне в сердце, как стрела!
Надежду возлагать мне можно ли большую
На ручку, что разит, пока ее врачую?!

НА ТОТ ЖЕ СЛУЧАЙ

Оставь колючая заноза,
Мизинца нежного надоблачные страны
И снизойди до сердца раны,
Здесь язву смертоносную свою удвой:
Оно — его спасенью жертвует собой.
Се, слава ждет тебя двойная —
Ей пальчик вылечишь, мне сердце прободая.

МАРЧЕЛЛО ДЖОВАНЕТТИ

ХВАЛА ЧЕРНЫМ КУДРЯМ

Когда, о кудри, черный ваш поток
Стремится вниз, закрыв мое Светило,
Подобен туче каждый завиток,
Глухая ночь — и та не так уныла.

Зато когда вы собраны в пучок,
Вы для Амура — черный круг точила,
Где стрелы точит роковой стрелок,
Чтоб ваша смоль янтарь легко затмила.

Показывая путь моей мечте,
Как вспышки в небе, сумраком одетом,
Горят зарницы в вашей темноте.

Природа, сочетая тень со светом,
Как живописец на своем холсте,
Лилейный черным подчеркнула цветом.

ПРЕКРАСНАЯ ДАМА НАБЛЮДАЕТ УЖАСАЮЩУЮ КАРТИНУ ПУБЛИЧНОЙ КАЗНИ

Где взор пугала жуткая картина,
Где смерть свое вершила торжество,
Амур, я видел ту, из-за кого
Для тысяч стала горькою судьбина.

Взирая на загубленных безвинно,
Не доказавших судьям ничего,
Безжалостное это существо,
Сердца пронзая, восседало чинно.

Что было делать сердцу моему?
Здесь — тучи стрел, с их сладостной отравой,
Там — мертвецы. Куда бежать ему?

Бессилен я перед двойной расправой:
Ведут краса и ужас к одному,
И плавает Амур в реке кровавой.

ПРЕКРАСНАЯ НИМФА — УТЕХА ГРУБОГО ПАСТУХА

Синьору Антонио Риччи

Ах, недотрога! Кто имел понятье,
Что Кинтия притвора из притвор?
Летит к простому пастуху в объятья,
А ведь посмотришь — сфинкс! Холодный взор!

Она лобзает, чувствам дав простор,
Филена (больше не могу молчать я).
Слепец, встречая у нее отпор,
Я ничего не ведал. О, проклятье!

Я видел, как под сенью лозняка
Она резвилась, как ее красоты
Рвала бесстыдно грубая рука.

Так выбирает место для охоты
Змея вблизи прекрасного цветка,
Так жемчуг портят грязные налеты.

ДЖОВАН ЛЕОНЕ СЕМПРОНИО

ТАНЕЦ СЕЛЯНОК

Пастух обвил подруги стан покорный —
И юные селянки в пляс пошли.
Куда до них красавице придворной!
Всё, кроме танца, разом отмели

И, словно оторвавшись от земли,
Сердца пленяли пляскою задорной,
И ярче на лугу цветы цвели
Под их стопою, легкой и проворной.

Одна в цветастой шали на груди
Вдруг под рукой моею с колдовскою
Улыбкою скользнула. Погоди!

Я удивлен ошибкою такою.
Нет, от меня подобного не жди:
Хочу на ручках быть — не под рукою!

РЫЖИЕ ВОЛОСЫ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Сама любовь, насмешливость сама,
Она распустит волосы игриво —
И огненная эта бахрома
Охватит душу пламенем разлива.

Но, воздыхая томно и стыдливо,
Я чувствовал, что скоро — и весьма —
Не ветер вздохов, дующий тоскливо,
Дождь огненный сведет меня с ума.

Амур, она сверкает, как комета,
С ее небесным шлейфом, не щадя
Очей, что не выдерживают света;

Иль красит кудри, с солнцем спор ведя,—
И потому они того же цвета,
Что и светило, над землей всходя.

НАКЛАДНЫЕ ВОЛОСЫ КОВАРНОЙ ДАМЫ

Да не прельстит ни одного срамница,
Да не зажжет она безумных грез
В груди слепца, готового прельститься
Сияньем золотым ее волос!

Как? Неужели можно усомниться
В химической природе этих кос?
Как? Неужели можно в них влюбиться —
Обманный этот блеск принять всерьез?

Поддельно злато! Прежде это было
Жилище мрака, яма, грот, рудник,
Колодец черный, хладная могила.

Поддельно злато! Что обман велик,
Проверка пробным камнем подтвердила:
Он почернел, изобличив парик.

QUID EST HOMO?[1]

Что человек? Картина, холст — лоскут,
Который обветшает и истлеет,
Нестойкая палитра потемнеет,
Искусные прикрасы опадут.

[1] Что есть человек? *(лат.)*

Что человек? Он расписной сосуд:
Изображенье на стекле тускнеет,
А урони стекло — никто не склеит,
Толкнут — и что ж: руками разведут.

Я тополиный пух, морская пена,
Стрела — пронесся вихрем и исчез,
Туман, который тает постепенно.

Я дым, летящий в глубину небес,
Трава, что скоро превратится в сено,
Убор осенний жалобных древес.

ПРЕКРАСНАЯ ДЕВА, УМЕРШАЯ ОТ ОСПЫ

Итак, в груди, где, бог любовных чар,
Амур лелеял сладостные грезы,
Горячкой вспыхнул вдруг несносный жар,
Завелся злой недуг, тая угрозы?

Итак, на щечках, где весенний дар
Амур лелеял — две апрельских розы,
Жизнь погасил мучительный удар,
Смертельный град не растопили слезы?

Но если отцвести осуждена
Любимая, как это ни ужасно,—
Естественно, что пала днесь она:

Когда, как роза, женщина прекрасна,—
И жить, как роза,— столько же, должна,
Закону непреложному подвластна.

ВОДЯНЫЕ ЧАСЫ, У ЛАТИНЯН НАЗЫВАВШИЕСЯ КЛЕПСИДРОЙ

В две склянки небольшой величины,
В плену стекла не ведая свободы,
И воды Стикса, и забвенья воды
Искусным Временем заточены.

И, канув навсегда, из глубины
Бессильны всплыть былые дни и годы.
В тех склянках слезы — плата за невзгоды,
Которым в мире мы обречены.

От жаждущего сердца радость пряча,
По капельке, невидимой почти,
Ее дарует редкая удача.

И трудно передышку обрести
Меж днями слез, между часами плача,
Сочащимися в склянках, взаперти.

ДЖАНФРАНЧЕСКО МАЙЯ МАТЕРДОНА

ПРЕПОДНОСИТ СВОЕЙ ДАМЕ «АДОНИСА»

Страницы эти вознесла молва,
Прими их в дар, но будь к тому готова,
Что о любви в них правды нет ни слова
И лгут о муках за главой глава.

Моя любовь — не громкие слова,
Моя печаль сердечная правдива,
Там боль — картина, тут страданье живо,
Здесь — чувства, там — речений кружева.

Но ты прочти — и о моей судьбине
Тебе расскажет гибелью герой;
Учись добру, пример беря с богини.

Прочти — ведь и обман правдив порой —
И правду там, где нет ее в помине,
Найди и в сказках мой удел открой.

ИГРА В СНЕЖКИ

Не чувствуя ладонью жаркой хлада,
Она проворно лепит белый шар —
Игрушечный снаряд, счастливый дар
Ниспосланного небом снегопада.

И в грудь удар шутливого снаряда
Приходится — забава, не удар,
Но от него меня бросает в жар
И хочется взмолиться: «Стой! Не надо!»

Не шутка это. Не на шутку бой,
Должны ведь и у шуток быть пределы.
Как можно ранить шуточной стрельбой?

Нельзя от правды отличить обман,
Когда летят из туч любовных стрелы
Холодные — причина жгучих ран.

КРАСАВИЦА ПЕРЕПЛЕТЧИЦА

Она, пример волшебной красоты,
С каким изяществом, с какой сноровкой
Соединяет плотною шнуровкой
Моих стихов заветные листы!

Потом на них железо с высоты
Она рукой обрушивает ловкой
И прикрепляет с двух сторон бечевкой
Пергамент — кожи тонкие пласты.

Как мне с обманом вкрадчивым бороться,
Любовной силе противостоя?
Звезда моя суровой остается.

Жестока переплетчица моя:
Бьет по листам она — и сердце бьется,
Сшивает их — и так же связан я.

ФОНТАН НА ПОНТЕ СИСТО В РИМЕ

Как будто с неба не переставая
Не дождичек, не дождь, а ливень льет,
Ласкает слух и око водомет,
Восторженное сердце согревая.

Волна повисла, словно неживая,
Струя, скорей напоминая лед,
О мрамор разбивается — и вот
Впадает в море, пеной обдавая.

Как будто лед пробили родники,
Волна кипит — и россыпью жемчужной
Сверкают ледяные черепки.

И под немолчный звон семьею дружной
Бесчисленные пляшут пузырьки,
Веселие будя в душе досужной.

ПОЦЕЛУИ НЕМОЙ ДАМЫ

Целуя вас, я знаю,
Медовые уста,
Что ваша немота —
От веры, от счастливого сознанья:
Вы рождены, чтоб лепетать лобзанья.

АНТОНИО ГАЛЕАНИ

* * *

Я столько раз взывал к тебе сквозь слезы,
И ты опять, Дамон, меня довел:
Ты видишь, где пасется твой козел?
Он беспощадно пожирает лозы.

Для урожая нет страшней угрозы,
И ты не знаешь, до чего я зол!
Ты лучше бы козла на травку свел,
Или теперь ее не любят козы?

Быть может, ты чураешься вина,
Что часто голову твою туманит,
Которая от роду не ясна?

Когда хоть раз еще сюда потянет
Твою скотину, так и знай: она
От рук моих, Дамон, безрогой станет.

АНТОН МАРИЯ НАРДУЧЧИ

КРАСАВИЦА, ИЩУЩАЯ ВШЕЙ

О, как плутает в золотом лесу
Твой частый гребень из слоновой кости;
Уязвлены блуждающие гости,—
Им не дано затмить твою красу!

Сколь чист твой труд! Ты держишь на весу
Расческу,— и, в сетях любви и злости,
Злодеи гибнут, словно на помосте...
Я этого блаженства не снесу!

Меж трав златых и золотых ветвей
Бредет амуров ласковое стадо,
Упитанное сладостью твоей.

Ах, стать бы жертвою твоих затей!
Порой немного мне для счастья надо:
Так притчу ты мою и разумей!

ДЖИРОЛАМО ФОНТАНЕЛЛА

К ЖЕМЧУЖИНЕ

Прибоем эритрейским рождена,
Ты горней красотой чаруешь око,
Бесценный дар богатого востока,
Ты из росы природой создана.

Твоим лучом озарена волна,
Тебя на дне таившая до срока,
Твой мягкий свет богиня чтит высоко,
В твою улыбку нимфа влюблена.

Сверкающую белизной росистой,
Рожденную подводной темнотой,
Тебя нельзя представить водянистой.

Без пятнышка, сияя красотой,
На суд небесный ты приходишь чистой,
Невеста под воздушною фатой.

ВООБРАЖАЕМАЯ ЛЮБОВЬ

Я у Амура не был школяром,
Но, словно мне вполне любовь знакома,
Я описать могу любой симптом,
Не испытав ни одного симптома.

Я говорю и словом и пером
О молниях очей, не зная грома,
Я слезы лью — но это лишь прием,
И в горле ком — и никакого кома.

Пишу — и не боюсь впросак попасть:
Я столько слышал о любовной доле,
Что как бы сам изведал эту часть.

Я не учился у Амура в школе —
И пел в своих стихах чужую страсть,
Чужие радости, чужие боли.

К ЛУНЕ

Волшебная звезда
Над царством тишины в ночном эфире,
Ты всходишь — и тогда
Редеют тени в просветленном мире.
Наперсница живительного сна,
Ты входишь в ночь, величия полна.

Ты светом благодатным
Окутываешь сумрачную тишь,
В противоборстве ратном
Стрелами тени с высоты разишь
И, раздвигая светлые границы,
Объемлешь мир, соперница денницы.

Серебряной узде
Покорны в колеснице звездной кони,
И не найти нигде
Такого хора, как на небосклоне,—
И вторит звездным колокольцам нощь,
Благодаря тебе, царица рощ.

Росистой кормишь манной
Ты, щедрая кормилица, цветы,
Из россыпи стеклянной
Сокровища извлечь умеешь ты,
Рассеиваешь тучи ты — и это
Ночь делает соперницей рассвета.

Чиста и весела
Небесных рек живительная влага,
Поящая тела
Весеннему цветению во благо,
Чтоб на лугах из края в край земли
Несметные сокровища цвели.

То бледный источая,
То излучая красноватый свет,
Ты что ни час другая —
И действие меняется, как цвет,
И в появлении твоем во мраке —
Грядущего таинственные знаки;

То круглолицей нам
Ты предстаешь в безоблачном просторе
И не даешь волнам
Ни на мгновенье передышки в море,
То превратишься в серп — а он погас,
И ты — другая в следующий раз;

То, как в могиле, глухо
Ты в тучах скрыта, то, от сна воспряв,
Свой свет белее пуха
Льешь на поля и в глубину дубрав.
Восстав из пепла фениксом крылатым,
Ты вновь восходишь месяцем рогатым.

БЕРНАРДО МОРАНДО

ПРЕКРАСНАЯ КУПАЛЬЩИЦА

Кристалл воды, звездáми осиян,
Светлел, когда купальщица ночная
Над отражением небес нагая
Склонялась, в море погружая стан.

Она обогащала океан,
Кораллами и жемчугом сверкая,
Каких не знает глубина морская
У дальних берегов восточных стран.

Когда она, струям неуловимым
Отдавшись, в холод погружала грудь,
Он вспыхивал огнем неукротимым.

Кому дано огонь любви задуть?
Нет, из него не выйти невредимым,
В воде и то его не обмануть.

КРАСАВИЦА, ИГРАЮЩАЯ В ТРАГЕДИИ

Когда звучал, красавица моя,
Твой голос раздирающий на сцене,
Все, кто внимал мучительные пени,—
Все замерли, дыханье затая.

Никто из моряков — уверен я —
Охотней слух не преклонял к сирене,
И сладостнее вековые сени
Не оглашала мука соловья.

И тысячи, покорные обману,
С тобой рыдали,— я из их числа,
Я тоже плакал, отрицать не стану.

И лицедейских мук твоих стрела
Влюбленным тысячам двойную рану —
Любви и состраданья — нанесла.

ОБРАЩЕНИЕ К ДРУЗЬЯМ В НАЧАЛЕ ЛЕТА С ПРИГЛАШЕНИЕМ ПИСАТЬ СТИХИ

Поэтом солнце к цитре небосвода
Подносит яркий плектр своих лучей,
Поет эфир — и в глубине ночей
Скользят светила в вихре хоровода.

Многоголосая поет природа
Все слаженней, все слаже, все светлей,
И музыкой скрипучею своей
Цикада славит это время года.

Журчит хрустальным голосом струя
Бегущего по камешкам кристалла —
Стихийная поэзия ручья.

Ужели нам стихи презреть пристало,
Когда и небо и земля, друзья,
Нас петь зовут во что бы то ни стало?

ПАОЛО ДЗАДЗАРОНИ

ВЛЮБЛЕННЫЙ, НАМЕРЕВАЮЩИЙСЯ ДЕЛИТЬ СВОЮ ЛЮБОВЬ МЕЖДУ ДВУМЯ ЖЕНЩИНАМИ

Что делать? Рок! Двойная западня!
И госпожа прекрасна, и служанка:
Одна — черноволосая смуглянка,
Другая златокудра. Два огня!

Та — светоч ночи, эта — светоч дня,
Равно и в той, и в этой все — приманка:
И волосы, и взоры, и осанка.
И обе жить не могут без меня.

Ужель служанкой пренебречь придется,
Тем самым отказавшись от одной?
Но ведь тогда она к другой наймется.

Чтобы довольны обе были мной,
По-видимому, сделать остается
Подругой эту или ту женой.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ БЛОХИ

Я в наступленье шла, не зная страха,
Воительница гордая, пока
Не пала жертвой страшного хлопка.
Здесь погребен мой прах под слоем праха.

Меня застал врасплох удар с размаха,
Стрела неумолимого стрелка,
Немилосердной ратницы рука,
Чья грудь уже не грудь, а как бы плаха.

Меня забыть не властны перси дам:
Бывало, где стрелы любовной жало
Затупится, там жару я поддам.

У Клори на груди бы я лежала
В могиле, но лежать нескромно там,
Где лавры я укусами стяжала.

ЭПИТАФИЯ НА МОГИЛЕ КОТА И ПСА

Моргант и Аквилон лежат в могиле,
Царапался один, другой кусался.
Они до гроба недругами были,
Теперь конфликт смертельный рассосался.

ЛЕОНАРДО КВИРИНИ

ПОКОЙНОЙ НОЧИ

Покойной ночи, ангел мой.
Ты спишь давно, и пышные подушки
На лоне сна лелеют твой покой,
А я, несчастный, плачу, я в ловушке
И рвусь к тебе плененною душой.
Покойной почи, ангел мой.

Покойной ночи, ангел мой.
Твой верный друг томится, сна не зная,
И если бог любви очам порой
Дает просохнуть, то судьбина злая
Верна себе — и остается злой.
Покойной ночи, ангел мой.

Покойной ночи, ангел мой.
Ты сон вкушаешь — отдых благотворный,
Лекарство от усталости дневной,
А я не устаю, судьбе покорный,
Вздыхать все время о тебе одной.
Покойной ночи, ангел мой.

Покойной ночи, ангел мой.
И да откроет сон свои владенья
Перед Амуром, как перед тобой,
И светлыми пребудут сновиденья —
Без ужасов, без печисти ночной.
Покойной ночи, ангел мой.

ИГРА В СНЕЖКИ

Серебряные хлопья
По воздуху летели,
Белили землю, покрывали крыши,
Когда моя царица
Пустила в ход не копья,
Избрав меня мишенью:
Не копья и не стрелы
Она в меня метала,—
Снаряды были белы
И холодней разящего металла.
Хотел я уклониться,
Но тщетно, к сожаленью,
И разуменья моего превыше,
Что ледяная сила
Огонь в груди моей не погасила.

ДЖУЗЕППЕ БАТТИСТА

ОБМАНЩИЦА

Как только Ниче открывает рот,
Я слышу ложь. Обман — любое слово:
Она добра со мной, когда сурова,
Гоня меня, она меня зовет.

То благостна, то холодна, как лед,
То оставляет, то помочь готова,
То истязает, то лелеет снова
И делает неощутимым гнет.

Изолгалась— и этим побуждает
Забыть ее, себе не портить кровь.
Забуду! Гнев по праву побеждает...

Но скоро передумываю вновь:
Коль скоро правда ненависть рождает,
Должна неправда порождать любовь.

РУЖЬЕ

Немецких рук работа, сей снаряд
Чуть запалит селитру в смеси с серой,
Узду свинцу ослабит, птице серой,—
Что твой перун из громоносных гряд!

Пусть зверь резвей парфянца во сто крат,
А не уйдет от смерти огнеперой;
Горошины мгновенною холерой
Обрушат стаю птиц, как страшный град.

Он изрыгает молнии и громы
И рыцарей умеет уложить
Стогами окровавленной соломы.

Так что же, Смерть, косой тебе косить,
Орудья новые тебе знакомы,
Учись у мира — мир перуном бить.

ЧЕЛОВЕКУ ДОЛЖНО БЫТЬ МИРНЫМ

Чтобы в смертельной схватке уцелеть,
Клыки и лапы служат псу защитой,
Сражается рогами бык сердитый,
Врага стараясь на рога поддеть.

Свой коготь точит в зарослях медведь.
Гирканский хищник — зуб свой ядовитый,
И дикобраз, иголками покрытый,
Спокоен: ведь его не одолеть.

Других примеров под луной немало:
Бесстрашный клюв — оружие орла,
Пчеле дано игольчатое жало...

И только нам природа не дала
Оружия. Разумное начало —
Чтоб люди людям не чинили зла.

ОСУЖДАЕТ СООРУЖЕНИЕ РОСКОШНЫХ ЗДАНИЙ

Поветрие! Не счесть глубоких ран,
Оставленных на теле гор металлом,
И на судах настало время скалам
Пересекать волнистый океан.

И в центр земли безжалостный таран
Упорно острым проникает жалом,
И царь аида — в страхе небывалом,
Что солнце озарит подземный стан.

Роскошные дома растут все выше,
Все больше заслоняя белый день,—
Вот-вот Юпитер крикнет: «Эй, потише!»

Все выше... А зачем — подумать лень.
Порою царства гибнут ради крыши,
А что подарит крыша? Только тень.

ДЖУЗЕППЕ АРТАЛЕ

БЛОХА НА ГРУДИ ПРЕКРАСНОЙ ДАМЫ

Всего лишь пятнышко, но как проворна!
Ты отыскала сладостное лоно,
И там, где солнца луч скользит влюбленно,
Ты тьмы крупица, жалящей, тлетворной.

На перламутре белом точкой черной
Несешь в ложбинке караул бессонный,
Собой являя образ воплощенный
Стихии малой, но, увы, бесспорной.

Неуловима и едва заметна —
Смущать покой — твое предназначенье.
Ты черный атом страсти безответной.

Ты боль мне предвещаешь и томленье
И призвана быть вестницей секретной
Души неверной, что сама — смятенье.

МЕЧТА

Взойдет мечта, лишь солнце канет в море —
На море слез нисходит, боль смягчив.
Горю любовью к Лидии, но горе
Во сне безмолвствует, и я счастли́в.

На стрелы гнева не скупятся зори.
Я обретаю мир, глаза смежив.
Презренье, что ловлю я в каждом взоре,
Ночами гаснет, и опять я жив.

Истома, ночь мечты неодолимой
Одна мне утешение несет,
Но боль к утру вдвойне невыносима.

О боже, смилуйся! Пусть боль невзгод
В груди растает; пусть любовь незримо
Живет лишь в грезах иль навек заснет.

ДЖАКОМО ЛУБРАНО

КОМАРУ, МЕШАВШЕМУ ЛИТЕРАТУРНЫМ ЗАНЯТИЯМ АВТОРА

Ты будишь ярость, круг чертя за кругом,
И сплы нет терпение напрячь,
Твои уколы, маленький палач,
Мешают образованным досугам.

Твоей трубы в звучании упругом
Триумф звенит, безжалостный трубач,
Ты ранишь веки сонные — хоть плачь,
Ты заставляешь сон бежать с испугом.

Гудящий атом, ты снискал хулу,
Вонзая жало и в лицо и в руку,
Гул превращая в звонкую стрелу.

По вкусу кровь кусающему звуку,
На горе нам. Проклятие теплу!
Терпеть — и от кого — такую муку!

ФАНТАСТИЧЕСКИЕ БЕРГАМОТЫ, В ИЗОБИЛИИ ПРЕДСТАВЛЕННЫЕ В САДАХ РЕДЖО-ДИ-КАЛАБРИИ

Каприз природы, буйных снов расцвет,
Фантазии причуда воспаленной,
Ветвистые Протеи, вздор зеленый,
Кошмары, бергамоты, зримый бред,

Подобье рати Кадма,— разве нет? —
К осеннему турниру снаряженной,
Или уроды, ветреной Помопой
Из-под земли рожденные на свет.

Перед тобой химеры, мир звериный,
Медвежья морда, щупальца медуз,
И лапа тигра, и клубок змеиный.

И в страхе ты предчувствуешь укус...
А вот рога торчат густой щетиной...
Но и у страха запах есть и вкус.

МОЛЬ

Подумать только, сколько зла от моли!
Страницы просвещенные грызя,
Моль обрекает книги жалкой доле,
Посмертной жизни мудрецов грозя.

Она для распри расчищает поле,
Дух разума безжалостно разя:
Как можно рассуждать о некой школе,
Коль половины букв прочесть нельзя?

Кем рождена, того злодейка гложет,
К наследию духовному глуха,
Прожорливости утолить не может

И, призрак первородного греха,
Страницы искалеченные множит:
Где проползла она — лежит труха.

ФЕДЕРИКО МЕНИНИ

СУЩНОСТЬ БЫТИЯ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО

Страницы, из которых узнаю
Так много я, бросают вызов Лете
И дальше мудрость понесут свою —
Тем, кто нуждаться будет в их совете.

Обитель эту, где себе даю
Я от радений отдых, стены эти
Другой другому предпочтет жилью,
Когда пребудет все, как есть, на свете.

На этом ложе, где в объятьях сна
Я от себя как будто отлучаюсь,
Другой уснет в другие времена.

Я неотступной думой огорчаюсь:
Безжизненным предметам суждена
Большая жизнь, а я, увы, скончаюсь!

ЛОЖЬ, ЦАРИЦА МИРА

И разумом и взором разумею,
Что в мире ложь царит, и только ложь.
Придворную увидишь галерею —
Не лица у людей, личины сплошь.

Когда брожу порою по музею,
Приукрашеньем каждый холст хорош.
Я перед лжекрасавицею млею:
Обман — однако глаз не отведешь.

Студенты изучают небылицы,
И небо лжет, воздушную дугу
Деля на разноцветные частицы.

Но разве я другим пенять могу,
Что нет превыше лжи для них царицы,
Когда я сам, учась у Феба, лгу?

ТОММАЗО ГАУДЬОЗИ

УПОТРЕБЛЕНИЕ ТАБАКА

Уже, казалось, исчерпал до дна
Спесивый смертный море наслаждений,
В пирах и на одре любовных бдений
Дань роскоши платить любя сполна.

Все, что земля приносит и волна,—
Все наше, все для наших вожделений,—
Вот главное из общих заблуждений
И в прежние и в наши времена.

И наконец изысканное блюдо
Ноздрям голодным бренный мир принес —
Индийский дым из малого сосуда.

Что дальше? Мир катится под откос!
Табак — его последняя причуда —
Усладою мирскою тешит нос.

ИГРА В КАРТЫ

Фортуна шутит. Для нее игра —
Дарить и отнимать одновременно,
То вознося, то ставя на колена,
И счетом битва — цифрами хитра.

Сверкает злато, груда серебра,
Влечет несметных воинов арена.
Фортуна к ним скупа попеременно
И — столь же неожиданно — щедра.

Ты видишь, как своей беды грядущей
Виной рука бывает: риск велик,
И жребий в ней самой — в руке сдающей.

Я на примере карточном постиг,
Что в жизни все решает миг бегущий,
Один короткий неделимый миг.

СМЕРТЬ СГЛАЖИВАЕТ ВСЕ РАЗЛИЧИЯ

Добычу Марса, алчного жнеца,
Я озирал, на поле сечи стоя, —
На этом лоне жуткого покоя,
Где спал мертвец в объятьях мертвеца.

Белели кости павших в гуще боя,
И труса отличить от храбреца,
Безродных — от рожденных для венца
Пытался я, догадки втуне строя.

И я подумал: если всех одна
Материя для жизни породила,
И смерть должна рожденью быть равна.

Коль скоро смертным суждена могила,
Возьмет и роскошь бренную она.
Людскому веку — краткий миг мерило.

БАРТОЛОМЕО ДОТТИ

МЕЛЬНИЦА

Синьору Камилло Барньяни

Волне послушны, лопасти стучат
Стоящего над берегом колосса,
И медленно тяжелые колеса
Вращаются, одно другому в лад.

И каменные жернова скрипят,
И торопливою стопой с откоса
Церера сходит, золотоволоса,
И камни злато в белый снег мельчат.

Так Время крутит нас, мой друг Камилло,
Обруша на людей свою реку:
Минуло детство — юность наступила;

Проходит зрелый век — и старику
Не за горами видится могила,
Чей камень в прах стирает нас, в муку.

МУРАВЬИ

Ты видишь — по земле живые точки,
Как бы живые атомы, снуют,
Согласно, дружно, не поодиночке,—
То здесь они, то там, то снова тут?

Цепочкою ползут — и все в цепочке
По зернышку не без труда влекут,
Чтобы добычу закопать в лесочке
И продолжать неутомимый труд.

Понаблюдай за этой канителью,
Ты, что, алчбою душу распаля,
Богатства копишь пóтом, чужд веселью.

Так и умрешь, алчбы не утоля,
Ты, сделавший стяжанье главной целью,
Тогда как цель стяжания — земля.

БЕДНЫЙ ЧЕЛОВЕК И МОГУЩЕСТВЕННЫЕ ВРАГИ

Враги, я принимаю бой, тем паче
Что спор — о том сегодня, кто сильней,
А не о том, кто баловень удачи.
Я не слабее вас, хоть вас бедней.

Я травли не боюсь. Будь я богаче,
Сложи Фортуна у моих дверей
Свои дары, все было бы иначе,
Вы милости искали бы моей.

Лишен богатства я, но не булата,
Не так ли? Землю я не упрекну
В том, что она щедрей для супостата.

Я перед вами шеи не согну:
Чтоб мир купить, я не имею злата,
Но меч имею — продолжать войну.

НЕ НАМЕРЕВАЯСЬ ВОЗВРАЩАТЬСЯ НА РОДИНУ

Я на тебя смотрю прощальным взглядом,
Земля моя. Ты мачеха, не мать.
Чужим я стану воздухом дышать,
Чужбина для меня не будет адом.

Меня сочла ты недостойным чадом,
На мне — проклятья твоего печать.
Чего другого от отчизны ждать,
Что за любовь всегда платила ядом?

Приют найду я в стороне любой,
Где слава звуком лиры вдохновенной
Опередить приход сумеет мой.

Таков скитальца жребий неизменный:
Безвестный — он в отечестве чужой,
Прославленный — он гражданин вселенной.

ДОНУ ЧЕЗАРЕ ПАГАНИ, СЕНАТОРУ МИЛАНА

Punitis ingeniis gliscit auctoritas [1]

Тацит. Анналы, 4

Неимоверной тупости плоды!
Какая глупость — верить твердолобо,
Что дикая сегодняшняя злоба
Навеки может скрыть свои следы!

Пускай в огонь цензурные суды
Швыряют кипы книг, пусть смотрят в оба,
Доводят сочинителей до гроба,
Пусть консулы, как никогда, тверды,—

Помилуй, *Цезарь*, ведь они не правы:
Безумие — на книги класть запрет
И требовать над автором расправы!

Писателей бранить — себе во вред:
Творенью только прибавляют славы,
Когда его не выпускают в свет.

САЛЬВАТОРЕ РОЗА

ПРОРОЧЕСТВО РИМСКОМУ ВАВИЛОНУ

Настанут времена: в своем просторном храме
Услышишь кубков звон, и ты тогда прильнешь
К вину пурпурному священными устами;

И блуд увидишь ты, скопленье пьяных рож,
Краев святых одежд коснется грязь разврата,
И тот же самый рок, тебя ввергавший в дрожь,

Теперь уже грозит печальною утратой
Венца бесценного, что верою благой
На голову твою возложен был когда-то;

[1] Вы караете дарования, а их авторитет растет *(лат.)*.

И лишь постигнет хлад и голод моровой
Шутов, что здесь, глумясь, хохочут до рассвета,—
Ты их в смятении увидишь пред собой.

Начнут смущать твой ум зловещие приметы;
Ты тщетно вечного блаженства будешь ждать,
И ужас за тобой пойдет бродить по свету.

АЛЕССАНДРО ТАССОНИ

ПОХИЩЕННОЕ ВЕДРО

(Фрагмент)

Молва, меж тем, крылами шумно бьет,
Неся известья в царские хоромы;
И вот Юпитер грозный узнает,
К какому небывалому погрому
Пустая распря смертных приведет —
Ему-то их неистовства знакомы!
Он, дабы избежать грядущих бед,
Зовет богов Гомера на совет.

В конюшнях Неба началось движенье —
Впрягают мулов в легкие возки,
Их сбруи вызывают удивленье,
Изысканны их седла и легки,
А конюхи — уж вовсе загляденье!
Красуются на мулах седоки,
За ними слуг в ливреях ярких стая
Спешит, расшитым золотом блистая.

Князь Делоса на бричке первым был,
Его испанских скакунов копыта
Топтали небеса что было сил —
Шестерка эта всюду знаменита! —
Себя он красной мантией укрыл,
Которая руном была подбита,
Две дюжины девиц ему вослед
Бежали, словно бабочки на свет.

Паллада с яростью во взоре мчалась
Верхом на иноходце молодом,
Богиня очень странной представлялась
В обличии причудливом своем:
Испанская мантилья сочеталась
На ней с туникой греческой, притом
Был у нее — читатель знать обязан —
Турецкий ятаган к седлу привязан.

Любви богиня в двух возках неслась,
В одном три грации сидели с нею
И сын-красавец, в пурпур разрядясь,
А во втором от быстрой скачки млея,
Наставник сына, рядом, развалясь,
Сидел мужчина, вряд ли я сумею
Присутствие его вам объяснить,
Но вы уж догадались, может быть?

Старик-Сатурн, простуженный и хилый,
К скамейке был привязан ремешком,
Клистир — эмблема старости унылой —
Был около него с ночным горшком,
Зато на Марса любо глянуть было —
Он по картинкам каждому знаком —
Скакун был полон сил, доспехи рдели
И перья шлема по ветру летели.

Богиня злаков с Бахусом вдвоем
В карете очень весело болтали.
Нептун в повозке ехал нагишом,
Лишь водоросли старца прикрывали,
Зато дельфин служил ему конем,
Которого и тучи не пугали.
Роптала мать, вздыхая: «Как же так?
Он все же бог, а поглядишь — рыбак!»

Диана лишь на зов не появилась,
Она чуть свет ушла стирать белье
В тосканские болота, так случилось,
Что не было досуга у нее,
Старуха-мать за дочку извинилась
И вновь за дело принялась свое —

В ее руках легко мелькали спицы,
Она чулок вязала для девицы.

Юнона просто мылась, в полдень жаркий
Не дал бы ей прохлады сам Эреб,
Меницпу в кухне помогали Парки,
Для небожителей готовя хлеб,
А после паклей занялись кухарки —
Прясть нити человеческих судеб,
Силен у погреба стоял, вздыхая,
Для слуг вино водицей разбавляя.

Ключи блеснули, загремел запор,
Засовы золотые заскрипели,
И боги, перейдя широкий двор,
В огромном зале с гордостью воссели.
Искрился златом мощных стен узор,
И фризы самоцветами блестели —
В подобном зале мог любой наряд
Казаться как бы вроде бедноват.

Вверху, где все рассвечено звездами,
Сидит героев славных длинный ряд,
Вот загремели трубы, вносят знамя,
Великий начинается парад:
Идут три сотни стольников с пажами,
Угодливые слуги семенят,
Алкид, являясь гвардии главою,
Колонну замыкает с булавою.

Поскольку он от буйства своего
Еще не излечился в полной мере,
Давил он, не жалея никого,
Зевак, вокруг теснившихся как звери,
Швейцарца он напоминал того,
Который, предан христианской вере,
Так путь во храм для папы расчищал,
Что не один хребет, поди, трещал.

В больших очках и в головном уборе
Юпитера Меркурий шел с мешком,
Все изъявленья просьб, обид и горя
На множестве бумаг хранились в нем,

Для смертных сам он — не судья в раздоре,
А посему мешок сей целиком
От относил в уборную владыки,
Где дважды в день вершился суд великий.

. . . . . .

ФРАНЧЕСКО РЕДИ

ВАКХ В ТОСКАНЕ

(Фрагменты)

Взял привычку
Пить водичку —
Нет тебе благословенья.
Будь вода свежа, прозрачна,
Будь из омута, черна,
Я смотрю на воду мрачно,
Не по вкусу мне она.
Я смотрю на воду хмуро:
Брызжет злобою вода,
И нередко эта дура
Небо путает и землю.
Воду сроду не приемлю!

И с мостами и с плотинами
Счеты сводят наводнения,
Над цветущими долинами
Проносясь рекой забвения,
Над стенами-великанами,
Над стенами-исполинами,
И от волн зияют ранами
Стены, ставшие руинами.

Пусть по нраву будет Нил
Мамелюкскому султану,
Я из Нила пить не стану.
Пусть испанцу Тахо мил,
Я из Тахо пить не стану.
И от тех не потерплю,
Кто меня, казалось, любит:
Пусть хоть капельку пригубит —
Сам на месте удавлю!

Не хочу меняться шкурами
С докторишками худущими,
Корешки и травки рвущими,—
Дескать, можно от всего лечить микстурами.
Ну их всех,
С корешками!
Просто смех!
Столько выпили воды, а сами
Круглыми остались идиотами,
И мозги их круглые, болваньи,
Выправить не смог бы и Вивьяни,
С гениальными его расчетами.

С морсом кадка —
И подумать гадко!
С морсом бочка —
Прочь катись, и точка!
Для моей оравы
Нет страшней отравы,
Чем сироп.
Не терплю хваленого
Я питья лимонного
И весной цветочки
Рву не для питья,
Из цветов веночки
Для кудрей плетя.
Пить кандьеро? Пить алошу?
Ради них вино не брошу.

Нет, водичка не для пьяниц,
Объявляю всем открыто,
А для барышень-жеманниц
И людей без аппетита.
Бахус на своем стоит упорно:
Лишь вино прогонит всякую беду,
И нисколько не зазорно
Пьяным быть шесть раз в году...

. . . . . .

Что за странная напасть!
Что со мною происходит?
Из-под ног земля уходит—
Так недолго и упасть!

Раз на суше началось землетрясение
И опасно оставаться на земле,
Значит, в море я найду спасение.
Если сделаны запасы
И вместительна гондола,
Снимем лодочку с прикола.
Распрекрасно
На стеклянном том челне,
Безопасно
Плыть, качаясь на волне.
Встречу остров —
Стороною обхожу,
В город тостов —
Путь я в Бриндизи держу.
Был бы челн
Тостоянно
Груза полн!
Погрузили —
И поплыли:
Город Бриндизи желанный ищем жадно,
Город тостов. Будь здорова, Ариадна!
Нет светлее благодати,
Чем весною на закате
На волнах качаться,—
Я готов ручаться.
Ветерки, зефиры пляшут
На полу лазурном
И в веселье бурном
Крылышками машут —
Мореходов под журчание хрустальное
В настроение приводят танцевальное.
Погрузили —
И поплыли:
Город Бриндизи желанный ищем жадно,
Город тостов. Будь здорова, Ариадна!
Налегай на весла дружно:
Отдыхать гребцам не нужно,
Прохлаждаться недосужно
Тем, кто Бриндизи желанный ищет жадно,
Город тостов. Будь здорова, Ариадна!
Помогает мне питье
За здоровье за твое.
Ариадна, спой, краса моя, красавица,
На мандоле спой любезному дружку,

Спой-сыграй кукареку,
Спой дружку,
Спой дружку,
Спой-сыграй кукареку.
Налегай,
Наливай,
Налегай на весла дружно:
Отдыхать гребцам не нужно,
Прохлаждаться недосужно
Тем, кто дружно
Ищет Бриндизи желанный, ищет жадно
Город тостов. Будь здорова, Ариадна!
Помогает,
Помогает мне питье
За здоровье,
За здоровье,
За здоровье за твое,
За твое.
Кто сыграет мне, краса моя, красавица,
Кто сыграет,
Кто сыграет,
Кто споет-сыграет милому дружку
На виоле,
На виоле кто споет кукареку?
Спой мне, что ли,
На виоле спой-сыграй кукареку.
Но завесами тяжелыми и мглистыми
Буря дали неожиданно завесила,
Град разбавила туманом, громы — свистами,
И не по себе уже, не весело.
Рулевой, ты живой?
Не впервой тебе такое,
Правь подальше от напасти.
Весла — в щепки? Рвутся снасти?
Непохоже, что в покое
Скоро буря нас оставит...
Слушай, кормчий, кто так правит?
Эй, сатиры,
Пассажиры,
Эй, сатиры, кто бы мог
Поднести хмельной глоток?
Кто бездонную посуду
Мореходу поднесет,
Век того я не забуду!

Из какого матерьяла
Кубок сделан — все равно:
Лишь бы дальше было дно
И подольше не зияло.
Только полные болваны,
Совершенные профаны
Любят мелкие стаканы.
Могут только недоумки
Восторгаться формой рюмки.
По моим святым законам
Кубок славится не звоном.
Эти рюмки хороши ли,
Если явно их душили,
Чтоб они народ смешили?
Не в обиду эта чашка
Лишь тому, кто болен тяжко.
Ни бокалы,
Ни фиалы
Не годятся для пирушки:
Это — детские игрушки,
Безделушки, цацки бренные,
Но, чтоб ценность их повысить,
Им футляры современные
Покупают флорентинки,—
Я хочу сказать, не дамы,
Вовсе нет, простолюдинки.
Лишь бездонные, что омуты, стаканища —
Граций пляшущих любимые пристанища.
Лей полнее, пей полнее,
Что вкуснее — мне виднее.
И красотку Ариадну не случайно
В мой стакан прошу налить монтепульчано,
Потому что для стакана это манна,
Потому что эта влага — сердцу благо.
Я не знаю благороднее лозы,
Невозможно удержаться от слезы.
О, без этого напитка
Жизнь была б не жизнь, а пытка!
Все, кто с Либером знакомы,
Все, кто чтут его законы
И умеют пить до дна,
Знайте: Бахус пьет монтепульчано,
Лучше он не пробовал вина!

КАРЛО МАРИЯ МАДЖИ

* * *

Возможно ли, чтоб мысленно не звали
Тебя родные берега в полет,
Пернатый узник, если нот печали
Среди веселых не услышать нот?

А что твоя супруга? Не она ли,
Скорбя, о вдовьей участи поет?
Не ты взмываешь в голубые дали,
И не тебя в гнезде подруга ждет.

Но, словно вольной ты не помнишь доли,
Ты сладостно поешь — и не избыть
Хозяину притом щемящей боли.

Не месть ли это? Очень может быть:
Тому, кто держит пленника в неволе,
Ты не даешь любовный плен забыть.

* * *

Беспечно предается забытью
Италия, которой страх не ведом,
Хотя идет за тучей туча следом
И гром грохочет. Спят в родном краю.

А если и готовит кто ладью,
Он дорожит собою, не соседом.
Кто рад чужим невыносимым бедам?
Кто в них не может разгадать свою.

На утлых лодках мачту и кормило
Сломает ветер — и во тьму пучин
Челны повергнет яростная сила.

Италия, Италия, твой сын
В отчаянье! Ты веру в нем убила:
Не сможет порознь выжить ни один.

ФРАНЧЕСКО ДЕ ЛЕМЕНЕ

СОЛОВЕЙ

Любовной боли
таить нет силы
у соловья-бедняжки.
Полет на воле
сулит он милой
и множит вздохи тяжки.
Но тщетно плачет, тщетно множит стоны.
Вот образ твой, о юноша влюбленный!

Хоть час полдневный,
для птиц урочный,
уймет певца лесного,
но плач напевный
в тиши полночной
польется в небо снова,
и встретит зорю плач неугомонный.
Вот образ твой, о юноша влюбленный!

ПРОЩАНИЕ

Я бегу, а ты,
ты, Надежда, как решишь?
Остаешься? Убежишь?

Коль для бегства нету силы,
в сердце ты вольна остаться.
Но разверстый зев могилы
мне велит с тобою распрощаться.
Я сжигаю к счастию мосты.
Я бегу, а ты,
ты, Надежда, как решишь?
Остаешься? Убежишь?

Только ты способна сладить
с горькой мукой расставанья,
боль из памяти изгладить.
Не оставь меня из состраданья!

К счастию не сожжены мосты.
Я бегу, а ты,
ты, Надежда, как решишь?
Остаешься? Убежишь?

СКРОМНАЯ ЛЮБОВЬ

Сердитесь,
до зла охочи,
милые очи,
оборонитесь
насмешкой своевольной!
Но дайте вас любить — и мне довольно.

Язвите
стрелами раны,
глаза-колчаны,
мне измените —
не будет сердцу больно.
Но дайте вас любить — и мне довольно.

ВИНЧЕНЦО ДА ФИЛИКАЙЯ

К ИТАЛИИ

О ты, кому судьбина дар злосчастный —
Чарующую красоту дала,
Отметила чело печатью зла
И муке обрекла тебя безгласной,

Италия, когда б не столь прекрасной
Или хотя бы ты сильней была,
Чтоб тот, кому сегодня ты мила,
Любовь к тебе считал небезопасной,

Сегодня не спускались бы сюда
Потоком рати по альпийским скатам,
Из По не пили галльские стада;

И не дралась бы ты чужим булатом
В чужой борьбе за то, чтобы всегда
Служить не тем, так этим супостатам!

* * *

А вот уже и этот год — старик:
Покрыты плечи пеной ледяною,
Морщины ужасают глубиною,
И борода преобразила лик.

И страшно мне, но сдерживаю крик,
Я понимаю — очередь за мною:
И голова покрыта сединою,
И чувствую, что духом я поник.

И трудно от вопроса удержаться,
Который скорой смерти верный знак:
Зачем живу? Как в этом разобраться?

И сердце — звуку радостному враг:
По-разному возможно ошибаться,
Но шаг неверный есть неверный шаг.

БЕНЕДЕТТО МЕНДЗИНИ

* * *

Повадился на вертоград и лозной
Плод травит и побег, козел душной!
Чтоб и забыл, как трясть там бородой,
Покрепче двинь-ка по башке стервозной.

Не то заметит Вакх его — и грозной
Упряжке тигров тотчас крикнет: «Стой!»
Ох, гневен бог, ну просто сам не свой,
Когда творят бесчестье влаге гроздной.

Гони его, Елпин: что ж, дрянь такая,
Поганым зубом губит лозной прут
И гроздий вязь, их бога искушая.

Козла — богам уж точно принесут;
Ты Вакха бойся — на козла серчая,
На пастуха б не перенес он суд.

* * *

Послушай: в камышах зашлась квакуха —
Примета верная, что дождь польет;
Все ниже, ниже ласточек полет;
Вороний грай все тягостней для слуха;

На бугорке тревожится пеструха
И раздувает ноздри — наперед
Учуяла, что досыта попьет;
Взгляни: соломки и комочки пуха

Кружат; и ходит вихрь косым винтом —
То здесь, то там: мила ему свобода;
И вьется легкий прах веретеном.

Мой Рестаньон, спеши из огорода
Скорей под кров, пока не грянул гром, —
Вещает Небо: близко непогода.

ЯКОБ КАТС

ПОХВАЛА ЦЫГАНСКОЙ ЖИЗНИ

Мы доброй жизни суть постичь стремимся честно:
Что — телу надобно, а что — душе уместно.
Мы истину смогли узнать уже не раз,
Что ничего беречь не стоит про запас.
Немногим суждено прожить в таком покое,
Когда и не влечет и не страшит мирское.
Считать привыкли мы, что счастье таково:
Ничем не обладать, не жаждать ничего.
Трудом и хитростью имений мы не множим,
Зато спокойно спать в любое время можем.
Мотыга нам чужда, неведом вовсе плуг,
Но пропитанье мы всегда найдем вокруг.
Пусть ты богаче нас, но счастлив ли при этом?
Мы, как цветы в полях, живем росой и светом.
Хоть пусто в кошельке, но жребий наш неплох:
Как птицы, мы живем, и нам довольно крох.
В саду чужом плодов мы соберем немного,
За рыбу из реки не платим мы налога,
И на чужую дичь присвоили права,—
Огонь в кресале есть, и есть в лесу дрова.
Проводим время мы в веселье беззаботном,
Мы стряпаем и спим, где в голову взбредет нам.
Как не завидовать, скажи, судьбе такой?
Нам наплевать на все, у нас в душе покой.
Для нас ничто — зимы зловещие угрозы,
Легко дается нам перетерпеть морозы,

Ни в хладе, ни в жаре — ни в чем урона нет,
Не в тягость даже нам само теченье лет.
Пускай войну ведут великие державы,
Не все ли нам равно? На нас-то нет управы.
Пусть войско победит или падет в бою —
Мы не хотим менять благую жизнь свою.
Перед владыками склоняться мы не склонны,
Ничьи веления над нами не законны,
Пред силою во прах нам не угодно пасть —
Тщеславью мы чужды, для нас ничтожна власть.
Наш разум отрешен возвышенных материй,
Для нас неприменим общественный критерий,
Нас не касаются житейские дела —
Хвала не тронет нас, и обойдет хула.
Угроза страшная над берегом нависла —
Пираты! Но для нас — бояться нету смысла.
Равно и в чаще мы — как бы в родном дому —
Лесных разбойников бояться ни к чему.
Для нас угрозою смертельной не чреваты
Ни ветер северный, ни грозный вал девятый,—
Что паводок, пожар? Мы рады повторять:
Коль нет имущества — то нечего терять.
Пусть платят все кругом оброки и налоги —
На этот счет у нас ни малой нет тревоги.
Подушной подати в казну не платим мы —
Как наложить налог на вольные умы?
Ужаснее, чем наш, как видно, нет народа:
Нас не гнетет ни принц, ни князь, ни воевода,
Мы родину найдем везде, в любой стране,
Где солнца диск златой сверкает в вышине.
Мы где хотим, живем — как знатные вельможи,
Свободны мы прийти — уйти свободны тоже.
Для счастья нашего на свете нет помех —
Мы в мире всех бедней, но мы богаче всех!

О ТАБАКЕ

Говорит курильщик:

И сало, и бекон, и вырезку говяжью
Я обозвать решусь дурманящею блажью.
Иное блюдо есть, и я им сыт вполне:
В кисете, в рукаве — оно всегда при мне.

На пир я пригласить готов любого парня,
Мой рот и мой язык — суть повар и поварня,
Жестянка с табаком — нет лучшей кладовой,
Запасов к трапезе достанет мне с лихвой.
Табачного листа — жаркого! — алчут губы,
А две моих ноздри — как дымовые трубы!
Дым — это выпивка, она хмельней вина,
Веселие мое могу испить до дна!
Мне даже не нужна за трапезой салфетка —
Такую благодать увидеть можно редко.
Что ж, позавидуйте! Я благостен и рад,
Имея минимум финансовых затрат.

О СОЛИ

Соль — это чудный дар, что нам дала природа:
Соль не позволит сгнить припасам морехода,
Все то, что человек несет к себе на стол —
Всему потребна соль, или хотя б рассол.
Стряпуха прекратит работу поневоле,
Когда на кухне нет рассола либо соли,
И если соли кто к столу не подает —
Обязанность свою забыл постыдно тот.
Уместна к мясу соль, уместна к рыбе тоже,
Коль соли нет — она златых монет дороже,
Но солью надобно хозяйствовать хитро —
Коль меру позабыть, то станет злом добро!

О ВИНЕ

О властное вино! О сладость винограда!
Тебе, как ничему другому, сердце радо!
Ты гонишь страхи прочь,— и робкий, не стыдясь,
Беседует с любым — король то будь иль князь.
Тебя испивший — худ, себе же мнится — тучен,
Невиданно силен — хотя вконец измучен,
Премудрым станет тот, кто изопьет вина:
Хмельная голова империи равна.
Младая женщина прильнет к тебе однажды,
Чем больше будет пить — тем больше будет жажды,

Когда ж она тобой упьется допьяна —
О муже собственном забудет вмиг она.
Ты душу темную повергнуть в блеск способно,
И смутный ум возжечь поэмой бесподобной,—
Властитель не один, испив тебя, порой
Не в силах был собрать бродящих мыслей строй.
Воздействие твое стремительно и грозно,
Различных ты людей преображаешь розно:
Один, испив тебя,— ленивая овца,
Макаке стал другой подобен до конца.
Он будет пить — пускай ему брести далёко,
Затем болтать начнет, как скверная сорока,
Чтоб в образе свиньи позор принять сполна.
О юность нежная, взгляни на власть вина!

ПОХВАЛА ГОЛЛАНДСКОМУ МАСЛУ

Все, что написано о масле было прежде —
Рекомендую я перечитать невежде:
Известно ли кому в моей родной стране,
Что масло здешнее — везде в большой цене?
Молочный сей продукт не ценят зачастую,
Но возношу ему хвалу я не впустую;
Ведь масло доброе, сбивален наших дар,
Признаньем мировым прославленный нектар!
Готов поспорить я: подобного вовеки
Не знали римляне и не вкушали греки!
Голландия, тебе для блага дал господь
Продукт, что радует и укрепляет плоть!

САМЮЭЛ КОСТЕР

ПОХВАЛА СЕЛЬСКОЙ ЖИЗНИ

Блажен, кто нынче может,
Покинув град, бежать к зеленым нивам,
Алчба его не гложет
Среди полей, в труде неторопливом;
За годом год
Его влечет

Прочь от корыстных целей
Раздолье луга
И полная округа
Птичьих трелей.

Он кров не променяет
Убогий— на высокие палаты,
Где удержу не знает,
Всяк лжет и грабит, не боясь расплаты:
Сколь ни желай,
Не виден край!
Презрев сии заботы,
Богам кто внемлет,
Тот радостно приемлет
Их щедроты.

Когда к греху мы склонны,
На что нам благородное обличье,
Сверкание короны
И даже королевское величье?
Грех всякий раз
Марает нас.
О нет. Куда как сложно
Среди придворных
Жить без грехов позорных!
Да разве можно?

ДАНИЭЛ ХЕЙНСИЙ

* * *

Блажен боец в бою, в слепом водовороте
Ожесточенных душ и иссеченной плоти,—
С мечей бегут ручьи и шелк знамен багрят,
И каждый, кто падет на поле брани,— свят.
Увы! меня страшит сражение иное:
Пошел я на свою любимую войною,
Она мой лютый враг и лакомый трофей;
Сердечко — бастион, одетый в медь грудей.
Дамаск ее лица горит, как гибель, хладно,
Смола кипящих слов черна и беспощадна,
Две тучи стрел из глаз отточенно остры,
А в гордом замке жгут для пленников костры.

О, крепость без любви! о, каменная глыба!
Возлюбленный палач! пленительная дыба!
Опустоши меня, мечта моих скорбей!
Тоске моей ответь и страсть мою — убей!

DOMINAE SERVITIUM, LIBERTATIS SUMMA EST[1]

Вы, завистники мои,
Ненавистники мои,
Знайте: никакой навет
Мне не страшен; в мире нет
Сил могущественней той,
Что отныне мне судьбой
Во владение дана,
Как великая страна.
Ни владыки, ни князья
Не богаты столь, как я,
Обойдите целый свет —
Богачей подобных нет,
В самой дальней стороне
Не найдете равных мне!
Стал давно, в полночный час,
Я рабом прекрасных глаз.
Не о злате я мечтал,
Не о власти помышлял,—
Самой высшей из наград
Мне был этот милый взгляд.
Прямо в сердце, как Эрот,
Ранит сладкий женский рот,—
Словно двери в свой чертог
Отворяет юный бог —
Рдяны двери, как коралл,
В глубине — Эрота зал,—
Вот уже который год
Сердце там мое живет.
Отдаю его,— владей,
Милый вор души моей;
Самой острою из стрел
Ты сразить меня сумел.

[1] Служение госпоже — высшая свобода *(лат.)*.

Боль любви в строках моих,
Сам творец замыслил их
В миг блаженства средь светил
И в уста мои вложил,—
Опьяняющий нектар,
Дар земли и неба дар,
В храме том я только жрец,
Там свобод моих венец.

ГОСПОДИНУ ПОСЛУ ЯКОБУ ВАН ДЕЙКУ

О радостях любви, о юношеском счастье,
О чарах наших чувств и чуде чистой страсти
Я пел. Но будет мне! Киприду прогоню
И сердце закую в жестокую броню,
Дабы меня стрела слепая не задела.
Пора приняться мне за истинное дело!
Пора воспеть того, кто духом тверд и прям,
Как Евой пренебречь решившийся Адам.
Цирцеей греческой зовет любая дама
Скорей на лоно пасть.— Увы, не Авраама! —
Плоть совращает дух. Она, скажу всерьез,—
И сводня, и клиент, и шлюха, и матрос.
Плоть — худшая из бездн. Плоть — воплощенье ада.
И как жалка, кратка, как низменна награда,
Которою одной живет и дышит плоть...
Тебя воистину благословил господь,
О мой посол ван Дейк, муж подлинно достойный,
И с дамой и с врагом подчеркнуто спокойный,
Снискавший похвалу страны и короля...
Родит таких, как ты, раз в триста лет земля!

ЮСТУС ДЕ ХАРДЕЙН

* * *

Ни пенящихся волн, чье имя — легион,
Ни северных ветров, ни злого снегопада,
Ни страшного дубам и древним липам града,
Ни стрел Юпитера, которым нет препон;

Ни Пса, всходящего ночами в небосклон,
Ни псов, что на земле страшней исчадий ада,
Ни Марса — пусть ему неведома пощада,
Пусть кровью Фландрии омыт по локоть он;

Ни пули, ни копья, ни шпаги, ни кинжала,
Ни ножниц грозных прях, ни огненного жала,
Ни пасти Цербера, ни клювов Стимфалид

Я не боюсь,— но нет мучительнее казни,
Чем смех презрительный и холод неприязни,
Что Розамонда мне взамен любви сулит.

* * *

Ни белокурый блеск зачесанных волос,
Ни ясное чело, ни правильные брови,
Ни профиль, коему всечасно в каждом слове
Из уст поклонников звучит апофеоз;

Ни губы, что алей порфирородных роз,
В которых и шипы и нектар наготове,
Ни добродетель, что возжаждавшим любови
Остаться ни при чем, увы, грозит всерьез;

Ни ласковый багрец, украсивший ланиты,
Ни перлов ровный ряд, что между губ сокрыты,
Ни речь, разумная, но сладкая, как мед,—

К совсем иному я влекусь не без опаски,
Тревожит сердце мне, волнует и гнетет
Не что иное, нет, как только ваши глазки.

* * *

О липа, гордая своей листвой чудесной,
Меня и госпожу видала ты не раз,
Бродивших близ тебя,— и ты от зноя нас
Всегда звала прийти под твой шатер древесный.

Расти же, возноси к обители небесной
То имя, что коре твоей дарю сейчас,
Пускай живет оно, когда замрет мой глас,
И не воздаст хвалы насмешнице прелестной.

Прости, кору твою ножом я надорвал
И Розамонду здесь по имени назвал —
Но в сердце у меня зарубки те же ныне.

Сколь родственна теперь у нас с тобой судьба:
Израненная, ты печальна и слаба,
А я стрелой пронзен и обречен кончине.

* * *

Слепец, отягощен своей шарманкой старой,
Ты по дворам бредешь, прося гроши на хлеб.
Несчастен твой удел, печален и нелеп,
Страшней, чем слепота, не может быть удара.

Подобная меня, увы, настигла кара,
Ужасный жребий мой не менее свиреп,
Не ведает никто о том, что я ослеп,
Что навсегда лишен божественного дара.

Еще страшней ущерб мне ныне рок нанес:
По улицам тебя водить приучен пес,
А мне слепой божок лишь бездорожье прочит,—

Я так же, как и ты, скитаться принужден:
Ты голоден, а я любовью изможден,
Но ни тебе, ни мне помочь никто не хочет.

* * *

Меня оставил сон! Бессонница на ложе
Ко мне взошла, и я не сплю уже давно.
Забвенья не дают ни отдых, ни вино,
И бденье вечное на сущий ад похоже.

Опять гнетущий страх, опять мороз по коже;
Ни на единый миг забвенья не дано.
Лишь обрету покой — пусть это мудрено,—
Как вновь забота мне твердит одно и то же.

Полуночной порой я числю каждый час,
Стенаю и мечусь, надеюсь всякий раз,
Что, может быть, усну — но скоро нет надежды.

Сгубили мой покой заботы бытия,
Целительного сна уже не встречу я,
Пока последний сон не ляжет мне на вежды.

* * *

Грешник сетует:

Мирского не хочу я доле длить веселья,
О нет,— отныне я глубóко в лес уйду,
Чтоб волю дать слезам и тайному стыду,
Чтоб домом стала мне заброшенная келья.

Там, в сумраке чащоб, где скалы да ущелья,
Я сердца возожгу погасшую звезду,
Там ужас и тоска заменят мне еду,
А слезы — питие,— нет в мире горше зелья.

Накину рубище на скорбные плеча,
И, в сумраке лесов печально жизнь влача,
Весь вероломный Мир презрением унижу;

И, гордый дух сковав надеждою одной,
Увижу облик свой, греховный и больной,
И совесть бедную со стороны увижу.

ГУГО ГРОЦИЙ

ВЕЧЕРНЯЯ МОЛИТВА

Господь, Ты зиждешь свет и тьму!
Ночь по веленью твоему
Простерлась властными крылами.
Простри же длань в сей грозный час,
И твой покой объемлет нас
Со всеми нашими делами.

Враги несметною гурьбой
Чинят насилье и разбой,—
Укрой же стадо от напасти,
Чтоб снова были мы вольны,
От всех забот упасены
Блаженной сенью отчей власти.

Всем, кто в неволе изнемог,
Кто страждет, болен и убог,
Дай от забот освободиться;
Когда наш бег свой круг замкнет,
Пошли нам радость в свой черед
Для жизни вечной возродиться.

КАСПАР ВАН БАРЛЕ

НА ВЗЯТИЕ БРЕДЫ

Я ль не игрушкой служу Судьбе и ареною Марсу,
Ровной палестрой для игр — войнолюбивым князьям?
Трижды Нассау сдалась и трижды досталась Филиппу —
Лакомым кусом была я для обеих сторон.
Нам не хватало Атридов и с разумом хитрым Синона,
Все же наградой в бою быть мне, несчастной, пришлось.
Ты не впускала врага, о Судьба, и ты же впускала,
Ты мне велела цвести — ты же развеяла в прах.
Тиром зовут меня бельги и кличут лигуры Сагунтом.
Голод и Марсов меч жребием стали моим.
Коль победитель решит изваянье победы воздвигнуть,
Марс да поможет ему замысел в явь обратить!
Многажды побеждена, я непобежденной осталась,
Ибо кто многое снес, сгинуть не может вовек.

ПРОКЛЯТЬЕ КОМАРАМ

О крыши старые, о лары Мёйдена,
О щедрый дом Баместры новосозданной,
Зачем досаду комарами многими
Вы ночью стихотворцам причиняете?
Их писк от спящих гонит сновидения,
Их писк рождает в самых добрых ненависть —
Хор всадников Пегаса воет в ужасе,

Отряды Феба злобны и неистовы.
Царит меж комаров согласье стройное —
Крылатых крошек главное отличие.
Красноречивый Мёйден, злее твой комар,
Чем баместрийский, твой комар кусачее,
Твоих ретивцев хоботки двуострые
Язвят, как нож, а жала баместрийские,
Тупей тупых, буравят кожу с нежностью,
Но чрева баместрийцев пообъемистей —
Вмещают больше крови образованной.
У мёйденских мощнее лапки тонкие
И горлышки звучнее — их свистение
Сравнится разве что с вытьем Реемстрия.
Воспитанники Мёйдена укусами
Сладчайшими язвят в ночи и вечером
И сатанеют при восходе Фосфора.
О страшный бич ночей, толпа тлетворная,
Толпа болтливая, толпа незримая,
Проклятие священного спокойствия,
Твой писк бессовестный не знает устали,
Укусы без конца язвят лицо мое.
Подите прочь, зоилов писком мучайте,
Разлитье желчи, право, не в новинку им,
Их нрав и так не знает благодушия!
А Мёйден и Баместра щедрым откупом
Вас наделят — подите прочь, мучители!
А нет — так вас прогонит Нот воинственный,
Дожди помехой станут вашим выходкам,
И осень вас погубит окончательно!

СИМОН ВАН БОМОНТ

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ОДА ПОЭТЕССЕ АННЕ РУМЕР НА ЕЕ ПЕРЕЕЗД В ЗЕЛАНДИЮ ЛЕТА 1622

Вели волнам, Нептун, морей властитель,
На отмелях покоиться с утра,
Утишь ветра — поскольку ей пора
Сегодня в путь, в Зеландию; хранитель

Богатств морских, всемудрый повелитель
Богов подводных, длань твоя щедра,—
Убереги жемчужину Добра,
Доставь ее в Зеландскую обитель.

Сладчайшим гимном, знаю наперед,
Она тебя восславит, кесарь вод,
Получит новый блеск твоя корона.

Употреби всевластие твое,
Пошли Дельфина, он спасет ее!
Земля не сможет жить без Ариона.

* * *

И целомудрие, и твердость воли,
И нежный голос, плавный, как поток,
Весны созданье, царственный цветок,
Сама Учтивость, Искренность... Что боле,

Какой еще желать на свете доли!
Все дал, Принцесса, Вам всевидец-бог.
Рабом желаний Ваших и тревог
Я быть хочу, не ведая неволи.

Вы женственность свою, о Госпожа,
Ни разу не утратили, держа
Свой жезл нелегкий тонкими перстами.

Я с чистым сердцем Вам хвалу пою:
Как благодать, люблю печаль свою,
В награду мне ниспосланную Вами.

* * *

Зачем, скажи, в чужих краях скитаться,
Здоровье тратить, деньги и года?
Все то, что ищешь, можно без труда
В Голландии сыскать, коль постараться.

Ты по-испански ловок изъясняться,
Английский знаешь... Но была ль нужда
С чужбины привозить жену, когда
Так много дев в Голландии томятся?

Твоих сограждан искушает весть,
Что всюду, где ты был, голландцы есть,
Развязна речь твоя, в ней сто обличий,

Тридцатилетний лицедей-мудрец...
Останемся же дома наконец,
Чтоб свой закон блюсти и свой обычай.

ДИРК РАФАЭЛИСОН КАМПХЁЙЗЕН

* * *

Днесь преисподней миру быть,
Днесь огненному пиру быть,
Убиту командиру быть,
Солдату злу и сиру быть,
Песку от крови сыру быть,
В моленьях тщетных клиру быть —
И лишь назавтра миру быть.

ЖАЛОБА НА ТЩЕТУ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ПОЗНАНИЙ

Нам сумму знаний хочется постигнуть!
Увы! в самих себя никак не вникнуть.
В пучинах ищем мы и на вершинах,
А ближнее — подчас недостижимо.
Во всей природе разобраться разом
Пытается, презрев себя, наш разум.
Вперед и ввысь стремятся человеки —
До сердца не дойдет черед вовеки.
Мы внемлем, зрим, мнем, нюхаем, вкушаем,
Читаем, пишем, голову ломаем —
Познанья всеобъемлющего ради.
Но все равно со смертью мы не сладим.
В последний миг на ум приходит всем
Вопрос один-единственный: зачем?
В неведенье, ничтожном и премногом,
Любой из нас предстанет перед богом.

СУЕТА СУЕТ

1

Мир! как ты летуч!
Беглое виденье!
Словно зыбких туч
Видоизмененье!
Как туман морской!
Как беседы с эхом!
Счастье сменится тоской,
Слезы — смехом.
Есть в покое страх — и лютый,
В наслаждении — покой;
И мгновенья и минуты
Одержимы суетой!

2

Вот цветет цветок
И пчелу дурманит,
Но его росток
Вскорости завянет.
Вот лиса в лесу
Носится беспечно;
Но затравят и лису
Бессердечно.
Нам отсчитанное счастье
Быстротечно, как свеча:
Угасает в одночасье
Все, что вспыхнет сгоряча.

3

Вот земная власть.
Как она державна!
Суждено ей пасть
Низко и бесславно.
Тот, кто был велик,
Станет жалким нищим;
Усыпальницы владык —
Пепелищем.

Те, кто шли путем дерзаний
Ради счастья всех вокруг,
Ожидают приказаний
От своих недавних слуг!

4

Ах! Душа глупа —
Не хитра, вернее.
И стоит толпа
Злобная над нею.
Сердце хочет мук
И высокой боли.
Мне на раны враг и друг
Сыплют соли:
«Если неблагополучье —
Твой священный идеал,
Получай венец колючий
О котором ты мечтал!»

5

Я брожу сейчас
Брошен и оставлен,
Но на этот раз
От забот избавлен:
Не принадлежит
Мне ничто на свете;
Пусть другой посторожит
Клады эти.
Суету сует отринув
И томление земли,
Я господних паладинов
Вижу, веруя, вдали.

6

Боже! моего
Зренья врачеватель!
Мира торжество
Ты явил, Создатель!

В вихрях суеты
И всемирной фальши
Показал, Спаситель, ты,
Как жить дальше.
Слышу ангельские хоры!
Вижу горний свет в раю!
Но увы! потупя взоры,
Вижу родину мою.

ЯКОБ РЕВИЙ

САМСОН ПОБЕЖДАЕТ ЛЬВА

И в день седьмой Самсон сказал своей жене:
Я вижу, что открыть загадку должно мне,
Хотя упреками и плачем непрестанным
Ты вред несешь себе и всем филистимлянам.
Я жалобам твоим внимать уже устал:
«Ядущий стал ядом, и сладок сильный стал».

Вблизи Фимнафы лев, чудовищный и дикий.
Уже давно блуждал, и вред чинил великий,
Живущих иль губя, иль ужасом гоня —
Но довелось ему наткнуться на меня.
Возрыкал грозно он окровавленной пастью —
Но безоружен я в ту пору был, к несчастью.
Мне истребить Господь велел сию чуму —
Я льва узрел — и вот противостал ему.
Тогда взъярился лев, познав мою отвагу,
Тогда постиг, что я не уступлю ни шагу,
Победа — он считал — за ним наверняка,
Он распаленно стал хлестать хвостом бока,
Он поднял голову — надменно, горделиво,—
Натужился хребет, восстала дыбом грива.
Порой бывает так: несильный древодел
Согнул тяжелый прут, однако не сумел
Скрепить его концы — и тотчас прут упругий
Со свистом прочь летит, презревши все потуги.
Так точно взвился лев, себе же на беду
Признавши плоть мою за добрую еду.

Я шуйцей плащ ему, летящему, подставил,
Десницу я вознес, я свой удар направил
Промеж его ушей, и лев, силен, свиреп,
Стал на мгновенье глух, а купно с этим — слеп.
Никак не чаявший приветствия такого,
Он снова поднялся, и он возрыкал снова,
Не столь, как прежде, нагл, не столь, как прежде, яр:
Не много сил ему оставил мой удар.
Он прыгнуть вновь хотел, воспомня свой обычай,
Но тотчас же моей содеялся добычей:
Я на него упал, чтоб он воспрять не мог,
Всей тяжестью своей я вмял его в песок,
Я был безмерно рад подобной схватке доброй!
Трещал его хребет, хрустя, ломались ребра,
Я знаю, был в тот час со мной Господень дух!
Я льва убил! Порой так юноша-пастух,
Когда его нутро тяжелый голод гложет,
Козленка разорвать двумя руками может.

Немного дней прошло,— я, шедши налегке,
Нашел пчелиный рой во львином костяке,
Я соты преломил, разъяв костяк блестящий,
И ел чудесный мед,— а что бывает слаще?
Теперь, ты видишь, я загадку разгадал:
«Ядущий стал ядом, и сладок сильный стал».

ЯН ЯНСОН СТАРТЕР

СОЛДАТСКИЕ ЛЮБОВНЫЕ И ПЬЯНСТВЕННЫЕ ПЕСНИ

ИСПАНЦЫ

Беса ме, беса, моя плутовка!
Поберегись красотка моя!
Смелее в бой! Экипировка
Готова — от шомпола до ружья.
В поход, в поход супротив мужичья!
Фортуна вновь показала зад...
Хоть гра́нде ви́но — горька судьбина,
Но лос эспаньолес от страсти горят!

ИТАЛЬЯНЦЫ

О белла донна, моя дорожетта!
Нет на свете равной тебе ни одной!
Что вижу я? Ты еще одета?
Займись-ка, прелесть, любовью со мной!
Нужно развлечься перед войной!
Бене винетто мы тоже не прочь!
Соблюдем для приличий итальянский обычай —
Призовем поселянок в эту славную ночь!

ФРАНЦУЗЫ

Бон выпивон! Шансон горланить!
Наливай, мон шер, и пей до дна!
Будем топать и хлопать, вопить и буянить!
Вив ля гер! Наступает война!
Эй, веселее! Еще вина!
Пьем! На войне, так уж как на войне!
Мужичье отлупим, выпивки купим —
Никто помешать не посмеет мне!

АНГЛИЧАНЕ

Благородные инглиш джентльмены!
Каждому — леди, энд вери вел!
Ваши услуги весьма бесценны
В веденье голландских военных дел!
Берись за дело, коли умел —
Энд кис ее, кис — лови момент!
Смелее тыкай тяжелою пикой!
Не оставляй ржаветь инструмент!

НЕМЦЫ

Моя сокровищ, давай не груститься!
Война имеет начаться ведь!
Шорт побери! Мушичьё поучиться
От меня имеет порядок иметь!
Долшен и деньги в карман звенеть!
Я никогда не упустит моё!
Выдершим стойко добрый попойка!
За всё имеет платить мушичьё!

НИДЕРЛАНДЦЫ

Вы, нидерландские матросы,
Бойцы на земле и в стихии морской!
Вам надоели пашни, покосы —
Вы берете оружье крепкой рукой —
Началась война — кончен покой!
Поскольку исхода мирного нет,
Испанские орды получат твердый
И недвусмысленный ответ!

ФРИЗЫ

Проасти, невеста, проасти, милоашка,
Жениться, увы, никак не моагу.
Печальноа, грустноа, скорбноа, тяжкоа.
А будешь плоакать — проасто сбегу.
Милоашка, да где ж я воазьму деньгу?
Воайна! Вербоавщики — с разных стороан!
Хвоативши лишку, бегу вприпрыжку —
Мне оабещали тысячу кроан!

ЛАТИНИСТЫ

Вос, студиозис, народ особый,
Вы, что привыкли с давних пор
Деньгибус тратить не для учебы,
А на танцыбус эт случайный амор,
Продавайте книги, бросайте вздор,
Чем пер платеас шляться, вконец охмелев,
Кончайте драки, ступайте, вояки,
На мужикибус выместить гнев!

* * *

Сколько я не спал ночей
В тщетной, пламенной надежде!
Пусть мольбы все горячей —
Ты безжалостна, как прежде!
В мире нет страшней суда!
Полюби сейчас же, полюби сейчас же, полюби сейчас же —
Или никогда.

Встретил я твой нежный лик,
Белоснежный, безгреховный,
И в груди моей возник,
Воспылал пожар любовный!
Сколь горька моя беда!
Полюби сейчас же, полюби сейчас же, полюби сейчас же —
Или никогда.

Повели мне умереть,
Коль тебе сие приятно —
Я возьмусь за дело впредь,
И умру, неоднократно,
Не жалеючи труда!
Полюби сейчас же, полюби сейчас же, полюби сейчас же —
Или никогда.

Сколь давно тебе служу —
Счет годам утрачу вскоре!
Места я не нахожу
Для себя в подобном горе!
Тягостна моя нужда —
Полюби сейчас же, полюби сейчас же, полюби сейчас же —
Или никогда.

О Богиня, я вполне
Изучил твои повадки,—
Что ж, прикажешь сгинуть мне
От любовной лихорадки?
Хоть зардейся со стыда!
Полюби сейчас же, полюби сейчас же, полюби сейчас же —
Или никогда.

* * *

День, или месяц, иль, может быть, год
Счастье давалось нам полною чашей —
Час или два у Фортуны уйдет
На истребление радости нашей!
Юность, красота и власть
Нас должны покинуть,
Все обречено пропасть,
Неприметно сгинуть.

Как вода, в никуда
Исчезает слава,
Тяжек рок, близок срок,
Коротка расправа.

Скуден итог от работы дневной,
Счастье, придя, удалиться готово.
Горькой заплатите, люди, ценой
За предпочтенье блаженства земного!
В океан мирских забот
Струйка счастья канет,
Юность нынче зацветет,
А назавтра — свянет.
И не рад, кто богат
В золотом жилище,
Ископи числя дни,
Как монетки — нищий.

Новое время больно слепотой,
Высшим кумиром поставя богатство.
Как не воспомнить мне век золотой,
Век отдаленный свободы и братства!
Не велик, но и не мал
Был в доходах каждый,
И никто не голодал,
Не страдал от жажды.
Процвело всюду зло,
Подло все и лживо —
Не к добру, что в миру
Царствует нажива!

УХАЖИВАНИЕ ЗА МЕННОНИТКОЙ

Приволокнулся я за юной меннониткой.
Лишь первый поцелуй сумел сорвать я прытко,
Она сказала мне: «То было или нет,
Но удалиться прочь примите мой совет!

Ведь от иной сестры схватил бы оплеуху,
Пожалуй, даже наш священный брат по духу!»
Стеня, к ее ногам я попытался пасть,
Я тщетно сообщал, что к ней питаю страсть.

Но холодна к мольбам она была, как рыба.
Я рек: известны ль ей слова какие-либо
В Писанье — кто клеймил влюбленных и когда?
Я тут же принужден сгореть был со стыда.

Ярился Моисей, текли псалмы Давида,
Из слов апостолов воздвиглась пирамида,
Пророки древние смешались в суп густой...
(Здесь вряд ли мог помочь и Валентин Святой.)

И глянуть на меня не думала, паршивка!
Не то цветист камзол, не то пышна завивка,
Просторны ли штаны, лазорев ли крахмал,
Велик ли воротник — я думал — или мал,

Иль на моем плаще излишне много складок?
Короче говоря, я грешен был и гадок.
«До встречи»,— я сказал, увидев наш контраст.
«Ступайте, господин, ступайте! Бог подаст».

Я через короткий срок пришел для новой встречи,
И платье изменив, и переделав речи.
Я волосы прижал к вискам по волоску
И выбрал воротник, похожий на доску.

Ни лишнего шнурка, ни золотой заплаты!
Из уст моих текли священные цитаты!
«Мир дому!» — возвестил я набожной сестре,
Зеницы возводя, как надобно, горé.

Я обращался к ней «сестра», а не иначе,
Покуда не берясь за сложные задачи.
Откуда-то главу прочел ей наизусть
(Пусть лишний раз речам святым внимает, пусть...)

И делу послужил напор богослужебный:
В ее очах огонь затеплился целебный.
«Кляпусь, что будет так!» — я рек, яря свой пыл,
И сочный поцелуй по-фризски ей влепил.

Она зарделась (но, мне кажется, притворно),
«Помилуйте,— рекла,— молва людская вздорна»,
Но я поклялся ей, что тоже не дурак,
И лучше станет нам, когда наступит мрак.

«Да, свечи потушить я требую сурово,
Не то нарушите вы клятвенное слово!» —
Она произнесла,— вот свечи я задул,
Затем впотьмах с трудом нашел какой-то стул,

Привлек ее к себе, пристроился удобно,
И прошептал: «Сие мгновенье бесподобно».
«Воистину ли так? — промолвила она.—
Я, право, признаюсь: я не была должна...

Но клятва... Ваших просьб могла бы я не слушать,
Но клятву мы могли, к прискорбию, нарушить».
«Так будет ли финал?» — я вопросил. «О да,
Но не давайте клятв столь дерзких никогда!»

* * *

Юные нимфы, любимицы нег,
Сладостней всех, миловидней и краше!
Что ж, ваши песни умолкли навек?
Может быть, радости кончились ваши?
Что же не слышно кругом ни словца,
И неужель отцвели до конца
Юные ваши сердца?

Солнце еще не спешит на закат,
Будем смеяться, дурачиться будем!
Пусть от веселья вокруг задрожат
Горы, на зависть скучающим людям!
Эх, собиралось ли в мире хоть раз
Общество, славное столь, как у нас —
Музыка, пение, пляс!

Старости скоро наступит черед —
Пусть и не завтра, но все-таки скоро.
Счастье развеется, радость пройдет —
Это ли жребий для юного взора,
Нежных ланит и прелестнейших рук?
Милое общество добрых подруг!
Встанем же, встанем же в круг!

Что ж не поете вы — что за дела?
Что оставляете смех напоследок?
Вспомнить, что жизнь хороша и светла,
Я призываю ближайших соседок!
Стыдно? Не прячьте-ка ручку свою!
Песню и сам я, пожалуй, спою:
Слава земному житью!

КОНСТАНТЕЙН ХЁЙГЕНС

НИЩИЙ

Он — ветвь неплодная; бродячая звезда;
Издольщик улицы; стервятник без гнезда;
Чернец без клобука; архиерей без храма;
Он нищей наготой почти затмил Адама;
Последыш роскоши; ползучий паразит;
О пище вопия, он просит и грозит;
Нахлебник страждущих, мятущийся несыто;
Беспанцирная желвь; безрогая улита;
Обрубок прошлого; теплоподатель вшей;
Безродный выродок, пинаемый взашей
От каждой лестницы; клочок зловонной шерсти;
Жалчайший на земле отщипок жалкой персти;
Скудельный черепок; беспламенная пещь;
Укор для христиан; наивреднейший клещ;
Гнилого гноища наибеднейший житель;
Корзина черствых крох; гроша казнохранитель.

Лишь языком трудясь, промыслит он обед;
Где бесполезна речь — он шрамом вопиет,
Глаголает культёй, увещевает палкой —
Чтоб сострадателю предстать руиной жалкой.
И пусть бренчал Орфей на лире золотой —
Шарманкой пользуясь иль дудкою простой,
Он львов поукрощать и днесь весьма не промах
(Хоть львы — на медяках, ему в кошель несомых).
Он вечно празднствует, и, статься бы могло,
Я мог бы возлюбить такое ремесло.
Зрит жизнь во церкви он, зрит смерть в градоначальне;
Заемщика в миру не сыщется бахвальней,

Чем он, сулящий рай за каждый медный грош;
Он вспомнит о зиме, лишь станет невтерпеж,
Когда уже кругом поляжет слой снежинок —
Ошметки собирать пойдет на торфный рынок;
Он мерзнет на жаре и греется в мороз,
И ни на что притом не сетует всерьез;
Одежда есть — добро, а нет — так и не надо:
Ползноя Богу он вернет, полснегопада;
Он не завидует владетелям ничуть.
И все же, Господи, его не позабудь!

КОМЕДИАНТ

Он всюду, он везде, он встречный-поперечный;
Шпагоносящий смерд; нужды скиталец вечный;
Господень попугай; всегда смешлив на вид,
Он полон глупости, но в ней мастеровит,
Искусный плаватель в ее морях безбрежных;
Живое зеркало мгновений быстробежных;
Потешный Аристип; во храме смеха страж;
Тень воплощенная; болтающий мираж.

Да, каждый должен бы сиять в искусстве этом!
Он всякий раз иной — в согласии с сюжетом.
Когда, по действию, он попадет на трон,
Готов облечься он хоть в дюжину корон,
Когда же в нищету повергнут он по роли —
Решишь, что он вовек иной не ведал доли.
Под маску спрятавшись, то вверх, то вниз скользя,
Стоит на месте он: проста его стезя.

Мир лицедействует перед очами Бога:
Иному роль нужна, в которой реплик много,
Иной бегом бежит, иной лежмя лежит,
Тот златом дорожит — а тот не дорожит;
Но счастлив только тот, кто на златой средине
Гордыней не влеком ни к бездне, ни к вершине,
Разумно радуясь и не боясь невзгод,
Решает: «Есть, что есть, а завтра — Бог пошлет».

АМСТЕРДАМ

Прибереги восторг, о незнакомый друг,
По поводу чудес, простершихся вокруг:
Что стоят все слова о царствах небывалых —
Пред роскошью, что здесь отражена в каналах!
Гармония воды и звонких мостовых,
Магнит для ценностей и кладезь таковых;
Вдвойне Венеция; дворец тысячестенный;
Торф, ставший золотом! Немотствуй, гость почтенный:
Рекут: роскошен Рим; кричат: красив Каир —
Но Амстердаму честь воздаст в молчанье мир!

НА СМЕРТЬ ЗВЕЗДЫ

Зашла ли ты, Звезда, высокое светило?
Я вижу: да, зашла. А мимо без следа
Не просто день, а дни влачатся, как года.
Зачем, о Небо, ты Звезду во мрак сокрыло?

Вещало Небо мне, просящему уныло:
В священных областях теперь твоя Звезда,
Всегда пред ней Господь, она пред Ним всегда;
И Небесам смешно земное горе было.

О Смерть, о мой исход из утлого жилья,
Из мира бренного — за гробовые плиты,
Туда, где вечна жизнь,— твоей прошу защиты:

Освободи меня от скверны бытия,
И да увижу я, что воедино слиты
Спасение, Любовь, Господь, Звезда и я.

СТРАСТНАЯ ПЯТНИЦА

Что ж солнце не взойдет радеть о вышнем благе?
И звезды в небесах зачем не зажжены?
Куда уходишь ты, просторный диск луны —
Не к морю ли спешишь испить студеной влаги?

Нет, вижу: просто ты лишаешься отваги,
Узрев позорище священнейшей страны,
Где женщины стоят, жарой опалены,
И страшной вести ждут, и сетуют, бедняги.

Простишь ли, Господи, слова такие мне?
Моих грехов тебе не искупить вполне,
Когда не истребишь меня, кто ввергнут в тленье,

Когда душе моей Ты не пошлешь веленье
И жизнь, и плоть, и страсть, и дом, и суету
Всечасно пригвождать к такому же кресту!

В МОЙ ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

И вот опять сентябрь, четвертый день опять —
Не мчится время вспять!
Сколь много сентябрей и дней четвертых тоже
Еще пошлешь мне, Боже?
Пожив достаточно, уже могу уснуть:
Не краток был мой путь,
Я тысячи шагов прошел от колыбели
И вот плетусь доселе;
Я падал, Господи, я сызнова вставал,
Но вечно уповал,
Что радость горести должна прийти на смену:
Я знаю жизни цену.
Я бытия не длить уже могу ни дня —
О Господи, меня,
Взываю, отпусти: восторги и печали
Как сны, давно промчали;
Что было — то ушло, а что произойдет —
Так то уже не в счет,
Все будет только тень минувшего, былого,
Чему не сбыться снова.
Зачем же дней земных не кину череду?
Я, Боже, зова жду,
Подай лишь перед тем, как я засну в покое,
Прощанье мне такое,
Чтоб каждый, о своей помысливши судьбе,
Его желал себе.

МИЗОГАМ, ИЛИ ХУЛИТЕЛЬ БРАКА

(Сатира)

Свадьбы злосчастный день и злосчастная ночь для мужчины,
Я вас не знаю и знать не хочу! — «Что ж, тебе не по нраву
Дом, угодья, стада — все приданое?» — Так, но при этом
Ты нас избавь от жены и докуки законного ложа!
О, драгоценнее всех драгоценностей дар, что ниспослан
Нам, батавам, чтоб мы гордились именем этим,
Дочь бессмертных и цель, желанная смертным,— свобода!
Кто согласится за мзду лишиться тебя и прогонит
С отчих пашен навек, от тебя добровольно отрекшись?

Боги! жену себе взять — удовольствие не из дешевых!
Свадьба — еще не конец. Чуть наступит день после первой
Ночи твоей, Гименей,— вас зову я в свидетели, девы
(Вы-то чуть не бегом спешите к свадьбе желанной!):
Тот, кто сердился вчера, что распрячь коней своих медлит
Солнце и тянет часы вечерние Геспер ленивый,
Разве бывает наутро таким, каким был накануне?
Пусть новобрачный хохочет, ликует, дарит поцелуи
Больше, чем милому их дарила Неэра, и больше,
Чем поэт получить от возлюбленной Лесбии жаждал,—
Разве не видели мы, как поют веселую песню,
Хоть и тоска за горло берет, как смеется на людях
Тот, кому плакать велит над отцовской могилой природа,
Так что притворство его достойно искусства Бафилла.
Праздник вчерашний, увы, обернулся комедией нынче:
Зрители-гости идут, и, взаправду вчера ликовавший,
Муж, личину надев, разыграть старается радость.
Стонет в душе, а губам дрожащим велит улыбаться,
Кубки подносит гостям, чтобы Вакх им глаза затуманил,
Учит, как может, роль, хохотать и шутить через силу
Сам принуждает себя, хоть в груди сжимается сердце
И покаянный псалом затянуть готова утроба.
Факел свой черный гаси, Гименей! Из Дионина дома,
Мальчик с колчаном, беги: ваш триумф совершился — и полно!
Ядом безумящим вы еще одного загубили.

Время настало узнать перемены внезапной причину.
Что за столбняк? Тут надо в тайник природы проникнуть!
За ночь одну открылись глаза, с ночной темнотою
Скрылись дурман идалийский и льстивые чары Морфея.
Вот в чем тут дело: ведь все, что стоит на самой вершине,

Близко к паденью всегда; между тем запрещает природа
Быть недвижным тому, чему она жить приказала.
Тем, чем хотел, овладел ты — и тут погибает надежда,
Тут и гневу конец, и любви, и рвенью, и страсти.
Вот отчего и душа на себя самое непохожа
Вдруг становится, вот отчего мы любим, надеясь,
А получив, ненавидим, твердим: «Без этого лучше!»
Дива тут нет: ведь порыв наш вершины достиг, за которой
Нет ничего, и ум говорит, что дальше — паденье.

Верно, Юпитер пылал и желал Юнону, покуда,
Страстным поддавшись мольбам, она не пала в объятья.
Но, едва удалось насладиться, едва лишь супругой
Стала сестра,— о родитель богов и людей повелитель,
Что ты творишь? Ты томишься уже, ты боишься затворов
Новой тюрьмы, ты не хочешь того, что стало навеки?
Дочь Сатурна, теперь берегись! Уж не спрячет Данаю
Медная башня: дождем соблазнитель проникнет сквозь кровлю,
Стражу минуя. Телец увезет Агенорову дочку,
Чтобы преступную страсть преспокойно насытить на Крите.
Лебедь обманет жену, из чьего яйца, как цыплята,
Выйдут два близнеца, Тиндаридами ложно рекомых.
Новая птица прижмет к Астерии клюв крючковатый,
Дочку Никтея сатир проведет, пастух — Мнемозину,
А подложный супруг — скромнейшую мать Геркулеса.
Энносигей, и тебя, ненадежных вод колебатель,
Разве видать не пришлось Амфитрите быком и дельфином
И убедиться, что ты от законных сбегаешь объятий,
Что уж давно в кандалы превратились брачные узы?
И у богов не цепится то, что всегда под рукою!
Первая ночь есть конец любви. Мужья, сознавайтесь:
Нерасторжимый союз счастливыми многих ли сделал?
Впрочем, колодок каких не заставит надеть и в какую
Нас не загонит тюрьму барыша заманчивый запах?
Пусть не по нраву жена, но по нраву и дом, и шкатулка,
И сундуки, и добро: ради них мы бываем несчастны,
Но уж в неволю идем, взвалив ярмо не задаром!

Стыдно! Неужто и впрямь достойно честных батавов
Быть у богатства рабом? Пресмыкаться перед металлом,
Хоть под ногами лежать он самой предназначен природой?
Вот он, ценою прельщен, поклоняется женским уборам,—
Тот, кто поставлен судьей над землей и над морем. Послушай,
Женщина, пусть хоть тебе удалось урвать себе много

И под золотом скрыть большие темные пятна?
Есть благородная страсть и стремленье высокое духа,
Можно богатство не чтить! Ведь легко с добром расстаются
Те, кто отважен, и мудр, и над всем стоит от рожденья.
Славься, доблесть мужей! Тот, кому самого себя хватит,
Нужды не знает ни в чем. Пусть кузнец я по воле фортуны,—
Буду и тем богат, что есть дело в руках, и вдобавок
Буду своих трудов господином, свободным и вольным,
Сам на своем челноке и гребец, и кормчий, и мачта.
Мантию даст мне судьба — значит, суд мне даст подопечных;
А уж иной и не нужно толпы: любой, кто разумен,
Жилой ее золотой назовет. Чего еще нужно?
Руки ль усердны, язык ли — сидеть без дела не буду
И не придется ни праздно хиреть, ни денно и нощно
Мыкать заботы. К тому ж холостяк — над собою хозяин:
Мне ль бояться бровей насупленных, ругани, криков,
А иногда и туфли жены? Мне ль таскать за собою,
Где б ни бродил я, потомство мое — недоносков-уродцев?
Ночью украдкой мой раб не трясет ли постели служанки,
Не наградит ли мой дом, всем на смех, внезапным приплодом,
Дела мне нет. И еще (хоть и колет горькая правда
Людям глаза, я скажу обо всем) не придется мне втайне
Мучиться, вдруг обнаружив, что тихо стоит под окошком
Сводник: ведь любит всегда жена потемки ночные,
Кинфии свет для нее дороже Фебова света.
Да, я не буду без сна ворочаться в потной постели,
Соображая в уме, какой ее смял соблазнитель,
Кто семенами своими успел мое поле засеять,
Подозревая не зря, что, едва отлучусь я, к приезду
Амфитрионов убор меня ждет — ветвистые рожки.

Полно! Уж я накормил сатирой досыта сатиров!
Что это, боги?! Ужель у меня на лбу зачесалось?

ИЕРЕМИАС ДЕ ДЕККЕР

МОЙ ПЕРВЫЙ ДЕНЬ

Тебе ли посвятить начало песнопений,
О первое звено в цепи моих мгновений?
Ты первым — первый день — явил мне божий свет,
И я твоим лучом впервые был согрет.

Увы! и в том луче мучение лучилось,
Которое с тех пор со мной не разлучилось;
Ты даровал мне жизнь, но это спорный дар:
Смех утром, слезы днем, а вечером — кошмар.

Ты даровал мне жизнь, но я ее растрачу
Скорее, чем пойму, что́ в этой жизни значу,
Зачем она дана, зачем я отдан ей
И как мне с нею быть, ступив в юдоль скорбей.

Печалуюсь хожу в любую годовщину.
Печалуюсь хожу, но лишь наполовину:
Чем больше годовщин, тем ближе мой конец,—
И следующий дар готовит мне творец.

МОЙ ПОСЛЕДНИЙ ДЕНЬ

День черный, день черней, чем ночь, черней, чем тьма,
Слепой, безглазый, беспросветный, непроглядный;
Умолкнет голос мой, ненужный и надсадный,
И полетит молва, заразна, как чума,

О том, что я исчез, блажь слабого ума,
Что я, забыт людьми, лежу в могиле хладной,
Что выпал навсегда мне жребий беспощадный
И все мои дела, как нищая сума,

Ничтожны... Черный день, я знаю, ты в дороге.
Куда же ты спешишь, о дьявол быстроногий?
Помедли хоть чуть-чуть! Присядь передохнуть!

А я живу, как жил,— с расчетом лишь на вечность,—
Люблю свои стихи, люблю свою беспечность
И, день, тебя не жду — хоть завтрашним ты будь.

ПАМЯТИ БРАТА МОЕГО ОТЦА

Несчитано потерь пришлось на этот год!
Не в плакальщики ль мне присяжные наняться?
Да и моей душе не время ли подняться,
За близкими вослед, в печальнейший полет?

Но не был никогда столь тягостен уход,
Но не было потерь, что с этою сравнятся;
Когда и кровь одна, и души породнятся,
Разлука тяжелей и смерть вдвойне гнетет.

Ты, смерть, видна во всем: и в этих жестких складках
В углах немого рта, и в этих, ныне гладких,
Расчесанных навек, кудрявых волосах.

Я вижу мертвеца на этой страшной тризне,
Я вижу мертвеца, что мне дороже жизни,
И смерть свою ищу в стихах и в зеркалах.

ЕЕ СМЕРТЬ

И, будет вам, глаза,— иль вытечете сами!
Плотиной тяжких век перегородите путь
Потоку черных слез на щеки и на грудь,
Простившись навсегда с прекрасными очами,

В которых мрак был днем и ясный свет ночами,
В которых боль моя любила утонуть,
В которых мой восторг обрел святую суть,
В которых доброта зажгла живое пламя.

О! неужели та, что мой унылый взгляд
Умела отвратить от бедствий и утрат,
Сама решила стать моею вечной мукой?

Нет! я прочел в ее мертвеющих очах:
«Не плачь, мой бедный друг, теряя жалкий прах.
Душа моя с тобой — Христос тому порукой!»

ВИЛЛЕМ ГОДСХАЛК ВАН ФОККЕНБРОХ

* * *

Предположить, что мной благой удел заслужен,
Что ночь души моей — зарей освещена,
Что в карточной игре с темна и до темна
Выигрываю я дукатов сотни дюжин;

Понять, что кошелек деньгами перегружен,
Что кредиторам я долги вернул сполна,
Что много в погребе французского вина
И можно звать друзей, когда хочу, на ужин;

Спешить, как некогда, побыть наедине
С божественной Климен, не изменявшей мне,—
О чем по временам я думаю со вздохом,—

Иль, благосклонности добившись у Катрин,
Забыться в радости хотя на миг один —
Вот все, чего вовек не будет с Фоккенброхом.

* * *

Вы, исполинские громады пирамид,
Гробницы гордые, немые саркофаги,
Свидетельствуете верней любой присяги:
Сама природа здесь колени преклонит.

Палаццо римские, чей величавый вид
Был неизменен в дни, когда сменялись флаги,
Когда народ в пылу бессмысленной отваги
Ждал, что его другой, враждебный, истребит.

Истерлись навсегда минувшей славы знаки,
К былым дворцам идут справлять нужду собаки,
Грязней свинарников чертоги сделал рок,—

Что ж, если мрамор столь безжалостно потрепан,
Зачем дивиться мне тому, что мой шлафрок,
Носимый третий год, на рукавах заштопан?

SPES MEA FUMUS EST[1]

У очага сижу и, стало быть, курю,
Понуря голову, печально в пол смотрю,
Хочу решить вопрос,— хоть это невозможно,—
Зачем так плохо мне, так грустно и тревожно.

[1] Моя надежда — это дым *(лат.)*.

Надежда (несмотря на то что отродясь
Не мог дождаться я, чтоб хоть одна сбылась)
Мне говорит, что все легко и достижимо,
И делает меня важней владыки Рима.

Но трубка догорит в короткий срок дотла,
И жизнь течет опять, как до сих пор текла,
Воспоминания расплывчаты и хрупки.

Как видно, бытиё сродни куренью трубки,
И в чем различие — мне, право, невдомек:
Одно — лишь ветерок, другое — лишь дымок.

К КЛОРИМЕН

Когда — вы помните — являлась мне охота
Твердить вам, что без вас моя душа мертва;
Когда не ведал я иного божества
Помимо вас одной да разве что Эрота;

Когда владела мной всего одна забота —
Вложить свою любовь в изящные слова;
Когда тончайшие сплетали кружева
Перо прозаика и стилос рифмоплета,—

Тогда, толику слез излив из ясных глаз,
Довольно многого я смел просить у вас,
Любовь казалась вам достаточной причиной.

О Клоримен, я вам покаюсь всей душой,
Не смея умолчать, как подлинный мужчина:
Я дурой вас считал, притом весьма большой.

* * *

На каменной горе, незыблемой твердыне,
Воздвигнутой вдали земных забот и зол,
С которой кажется мышонком — крупный вол,
Клюкою странника — огромный дуб в долине;

То Господу гора противостанет ныне,
Чтоб не дерзал вершить свой вышний произвол,
То, покарать решив ни в чем невинный дол,
Вдруг уподобится начавшей таять льдине,—

То пламя разметет на восемьдесят миль,—
Порою только дым да огненная пыль
Летят из кратера со злобой безграничной,—

Да, на горé, чей пик почти незрим для глаз
(Того же хочешь ты, как человек приличный),
Я и живу теперь, и это — мой Парнас.

РАЗМЫШЛЕНИЯ В МОЕЙ КОМНАТЕ

Здесь, в отрешенной тишине,
Скрываюсь я от жизни шумной
С раздумьями наедине;
И мир, нелепый и безумный,
Отсюда ясно виден мне.

Здесь я страстям подвел итог,
Они, как сновиденья, хрупки,—
Здесь я постигнуть ныне смог,
Посасывая кончик трубки,
Что счастье — это лишь дымок.

Сие и сердцу и уму
Открылось по любым приметам;
Взгляну — и сразу все пойму
И удовольствуюсь ответом,
Что все на свете — ни к чему.

Мне позволяет мой досуг
Глядеть на мир лукавым оком:
Известен плут как общий друг,
Невежда числится пророком,—
Сплошная видимость вокруг.

Я вижу: на столе, меж книг,
Забыты мною флейта, скрипка;
Ведь звук еще едва возник,

А уж в пространстве тает зыбко
И гаснет в следующий миг.

Гляжу без горечи и зла
На мир, когда-то столь любезный,—
И безразлична и светла
Мне память жизни бесполезной,—
А жизнь тем временем прошла.

Дряхлеет плоть в потоке лет,
Нет рвенья, нет былой отваги,—
Большой потери тоже нет:
Едва просохнет капля влаги —
К концу подходит наш расцвет.

Гляжу на символы герба,
Такого гордого когда-то,
Но кровь дворян во мне слаба:
Мне чужд удел аристократа,
Зато понятен смех раба.

Король британский со стены
Глядит на все без интереса,
И в этом смысле мы равны:
Поскольку жизнь — всего лишь пьеса,
А люди в ней играть должны.

Один — по действию — богат,
Другой — несчастен и ничтожен,
Но одинаков результат:
Тому, кто в гроб уже уложен,
Ничем различья не грозят.

Где предки, коих я не знал,
Почтенные мужи и дамы?
Не странен ли такой финал:
Пусть копия глядит из рамы —
Давно в гробу оригинал.

Смерть ждет и женщин и мужчин,
С ее приходом в вечность канет
Равно и раб и господин.
Кто прахом был — тот прахом станет,
Ее закон для всех един.

Здесь, в комнате, забрезжил свет
Для моего земного взгляда,
Здесь понял я, что цели нет,
Что ничего желать не надо,
Что все — лишь суета сует.

РАЗМЫШЛЕНИЯ

Изменчив ли круговорот
Всего, что мир образовало?
То радость, то беда грядет,—
Каким бы ни было начало,
Все под конец наоборот.

За счастьем следует беда,
Вслед за удачей — неудачи,
Царит то дружба, то вражда,—
Все станет под конец иначе,
Чем было в прежние года.

Бесчестием сменится честь,
А честь найти в паденье можно;
Любовью обернется месть,—
Что отойдет — то станет ложно.
Ничто не будет тем, что есть.

Чередованье зла, добра,
Приход прилива и отлива —
Все это жизнь, а не игра.
Ничто — и это справедливо —
Не будет завтра, как вчера.

Нам удержать не суждено
Ни будущего, ни былого;
Ни в чем опоры не дано:
У здания слаба основа,
Все рухнет, что возведено.

При сем возможно дать совет
Не слишком убиваться в горе:
Такой беды не видел свет,
Что не изгладилась бы вскоре,—
Ни в чем устойчивости нет.

Возносит нас по временам
Полет Фортуны, но тем паче
Сродни мгновенья счастья — снам;
К финалу все — совсем иначе,
Чем поначалу мнится нам.

И нищие и короли
Лишь смену счастья и позора
От века в мире обрели,—
И лишь Господь для нас — опора
Среди превратностей земли.

РАЗМЫШЛЕНИЯ О НЕПОСТОЯНСТВЕ СЧАСТЬЯ

Насколько радость мира неверна!
Вот сладость — но уже горчит она,
И счастья нет, и вновь душа больна,
И труд бесплоден.

Удачи ты негаданно достиг,
Ты весело шагаешь напрямик,
Увы! От легкой доли через миг
Ты стал свободен.

Сегодня Иром стал вчерашний Крез,
Пал в бездну вознесенный до небес,
Надежды светоч навсегда исчез
Во тьме кромешной.

Кто уберечь сумеет свой успех?
Равно паденья тягостны для всех.
Лишь колесо Фортуны без помех
Летит поспешно.

О счастье на земле, бесплодный вздор!
Тебе сопутствует Господень взор,
Он зрит, что прах ты и никчемный сор,
И он рассудит:

Восстать из персти не успеешь ты,
Когда тебя Вершитель Доброты
Сотрет во прах и оботрет персты.
И так да будет.

ХВАЛЕБНАЯ ОДА В ЧЕСТЬ ЗАРТЬЕ ЯНС, ВЯЗАЛЬЩИЦЫ ЧУЛОК В БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОМ СИРОТСКОМ ПРИЮТЕ АМСТЕРДАМА; НАПИСАНА НА ЕЕ КНИЖЕЧКЕ СТИХОВ «ПРОБУЖДЕНИЕ ОТ ЛЮБВИ»

О ты, что, натрудивши руки,
Воздвиглась ныне на Парнас,
Ты, что радеешь каждый час
О поэтической науке,
О Зара Янс, воспеть повволь.
Искусно ты владеешь сколь
Секретами стиховязания —
Опричь вязания чулок;
Неповторим твой дивный слог,
Не выдержит никто с тобою состязания.

Добротна каждая строка,
И я признаюсь поневоле,
Что проживет она подоле
Наипрочнейшего чулка,—
Покинь же дом сиротский, дай нам
Искусства приобщиться тайнам,
Перо послушное держи,
Пусть не проворство спиц вязальных
Тебя в краях прославит дальных,
А звонкие стихи летят чрез рубежи.

Один молодчик с Геликона
Вчера влетел ко мне, крича,
Что у Кастальского ключа
Приказ прочитан Аполлона
(Поскольку должный час настал,
Чтоб был прославлен капитал,
Тот, что твоим талантом нажит),—
Бог соизволил повелеть
Для всех, творить дерзнувших впредь,
Что пишущий стихи — пусть их отныне вяжет.

ЭПИТАФИЯ ФОККЕНБРОХУ

Здесь Фоккенброх почиет на века,
Прокурен и продымлен до предела.
Людская жизнь сопоставима смело
С дымком, легко летящим в облака;
Да, как дымок, его душа взлетела,
Но на земле лежать осталось тело,
Как отгоревший пепел табака.

ХЕЙМАН ДЮЛЛАРТ

МОЕЙ ДОГОРАЮЩЕЙ СВЕЧЕ

Свеча моя, пускай твой пламень быстротечный
Подспорьем станет мне, дабы мой ум постиг
Те знанья, что извлечь из груды мудрых книг
Очам людским дано, в пытливости извечной.

Мне книгой будь сама, чтоб жизни краткой суть
Я мог уразуметь в свой срок недолговечный,—
Благорассудный смысл, простой и человечный,
Ученья, что найдет от сердца к сердцу путь.

Фитиль чадящий твой,— прообраз жизни бренной,—
В кромешной тьме потух, но мне, сквозь смертный мрак,
Неугасимый свет, как вечной жизни знак,
Сияет в небесах красой своей нетленной.

ВЕЯЛЬЩИК — ВЕТРАМ

Я жертвую фиалки, лилии,
Охапки ярко-красных роз
И пурпурных цветов обилие,
В жемчужном блеске свежих рос,

Чтоб эти рдяные, лилейные
Цветы на ваш алтарь легли.
Вы побратались, тиховейные,
Со всеми странами земли,

Когда над сенью густолистою
Плывя в лазури наобум,
Вы, зелень всколыхнув душистую,
В ней пробуждали свист и шум.

Не оставляйте, ветры, милостью
Мое озимое зерно,
Чтоб росы пагубною гнилостью
Не отравили мне гумно.

ТРЕМ ВОЛХВАМ С ВОСТОКА

Для вас лазурь небес в ночи испещрена
Предначертаньями, где множество загадок;
И вам дано читать златые письмена
Про возвышенье царств земных, про их упадок.

Какою силой вы гонимы в дальний путь —
Надеждой пламенной, внезапным ли наитьем?
Или порыв сердец, влекущихся к открытьям,
Велел с востока вам к полудню повернуть?

Святые мудрецы, вам этот путь не в тягость!
Пока вы мерили очами небеса,
Душе открылось их величье и краса.

Звезды таинственной она прозрела благость.
И,— веры алчущим,— свой путеводный свет
Явила вам звезда, и вы пошли ей вслед.

РАСКАЯВШИЙСЯ РАЗБОЙНИК

Скитаясь по земле, он путника с коварством
Подстерегал, стремясь врасплох его застичь.
Но, пригвожден, узрел Всевышнего и царством
Небесным был пленен, как вспугнутая дичь.

Он руки окунал в ручей, в лесной глуши:
Чужая кровь их жгла проклятия печатью.
Христова смыла кровь своею благодатью
Ее с греховных рук, и тела, и души.

Злодейству обречен, служитель тьмы усердный,
Внезапно веры свет увидел милосердный,
Хоть в меркнущих зрачках природный свет угас.

Злодей, в Страстную ночь судим за преступленья,
Познал блаженства день и праздник искупленья.
Мертвец при жизни, он живым стал в смертный час.

ЯН ЛЁЙКЕН

ВИДИМОСТЬ

Сну подобно бытие —
Мчится, как вода в ручье.
Кто возропщет на сие,
Чей могучий гений?
Люди тратят годы, дни
На восторги, но взгляни —
Что приобрели они,
Кроме сновидений?
Счастья не было и нет
У того, кто стар и сед,—
    День ли, час ли —
    Глянь, погасли,
Унеслись в потоке лет.
Плоть, вместилище ума —
Лишь непрочная тюрьма,
    Все для взора
    Меркнет скоро,
Впереди — одна лишь тьма.

НАПРАСНО ПРОПОВЕДУЮТ ГЛУХИМ

Взгляни, Любовь, на свой позорный вид:
Раскаяние, слезы, горький стыд,
Обман, измены, тысячи обид
    Разнообразных.

Не хочешь слышать о десятках бед,
О том, что страсти учиняют вред,
О том, что людям погрязать не след
    В твоих соблазнах.

Приличий не желаешь ты блюсти,
Стараешься в трясину завести,
И все надежды на своем пути
Спешишь разрушить.

Ты почитаешь истину за ложь,
Простую робость трусостью зовешь,
Советчика подалее пошлешь —
Не хочешь слушать.

Твердят тебе упреки без конца —
Твердящего ты числишь за глупца,
И все морочишь бедные сердца,
Творишь напасти —

Зачем я столько тут болтал, ответь?
Ступай-ка ты своей дорогой впредь,
Я кончу проповедь и буду петь
О сладкой страсти.

ЛЮЦЕЛЛА

В час предутренний, когда
Петушок споет заране
И к рассвету поселяне
Пробудятся для труда,
Ведаю, что ты, Люцелла,
За цветами в сад пошла,
Где к нектару мчится смело
Прихотливая пчела.

Как нежна твоя краса,
Несравненная, живая,—
Ты богиня полевая!
Ах, ланиты! Очеса!
О Люцелла! Несомненно,
Совершенна ты вполне!
Страсть к цветам, прошу смиренно,
Измени на страсть ко мне!

В сад любви со мною ты
Хоть разок вступить попробуй;
Запах там струят особый
Благородные цветы,

Благовонием прекрасным
Там точится каждый плод
И утехам сладострастным
Вкус нежнейший придает.

Сад любви — как цитадель!
Не страшна ему осада,
Не страшны потоки града
И свирепая метель!
Шквал ненастья бессердечен —
Но лови же миг, лови!
День весенний быстротечен,
Вечен только цвет любви.

МОЯ ЛЮБИМАЯ — МОЯ РАДОСТЬ

Ах, Лелиана! Ах, мой свет!
Что ж тебя так долго нет?
Душу лечит,
Стрелы мечет
Твой необычайный взор —
И пылает, словно костер!

Что ж ты прячешься в саду?
Утешение найду
В нежной власти,
В сладкой сласти
Уст, на коих, о, чудеса,
Как на розах, спит роса!

Солнце мне подает пример,
Веселясь на свой манер,
Указуя
Поцелуя
Не откладывать,— и с небес
Нежно лобзает листву древес.

Что ж ты скрылась нынче с глаз?
Промедление сейчас,
Ох, чревато:
Маловато
Будет шейки мне одной —
Заплатишь ты иною ценой!

Но все равно отыскать готов
Я тебя среди кустов!
Злюсь до дрожи:
Для чего же
Должен я сгорать в огне?
Я клянусь, ты заплатишь мне!

Не успокоят ни за что
Меня поцелуев даже сто,
Даже двести,—
Алчу мести:
Требую, моя красота,
Шейку, щечку и уста!

ПОЛЕВИК

На волнах Рейна полный лик луны
Был отражен, и юный Полевик
Невдалеке от водной быстрины
Сел на траву и к дудочке приник.
Ручьи журчали посреди дерев;
Пел Полевик, и звонок был напев:

«О гордый вяз, о красная сосна,
О ива, что склонилась над рекой,
И ты, ольха, что на скале видна,
И ты, скала, что поросла ольхой,
И виноград, что смотрится в родник,—
Но лишь Диану любит Полевик.

Рачительный крестьянин гонит скот
На луг, хозяйским рвением горя,
На маслобойню молоко везет,
Чтоб масло сбить,— вот так и я не зря
С моей Дианой долго бился всласть,
И крепко сбил в ее сердечке страсть.

Мольба и лесть в былые времена
Служили мне, но на слова мои
Она была бесчувственней бревна,
Жесточе камня, горше спорыньи,—
Да, как змея, она бывала зла —
И жизнь моя все тягостней текла.

Теперь она зовет меня «дружок»,
Всегда к любви подать готова знак;
Мы падаем на скошенный лужок,
Затем (о, если б чаще было так!)
Мне без корсажа предстает она,
И плоть моя желаньем зажжена.

Прелестная Диана прочих дев
Настолько же красою превзошла,
Насколько выше дуб — иных деревь,
Насколько выше трав земных — ветла,
Она нежней, чем даже Рейн златой,
И превосходит Эйсел быстротой.

Волшебнее отрад на свете всех —
Отрада с ней побыть наедине,—
Издалека мне слышен звонкий смех,
Она уже подмигивает мне,
И вскорости (о, это неспроста!)
К ее устам прильнут мои уста!»

Но вот заря забрезжила вдали,
Прозрачен воздух летний, даль тиха,—
И парень весело вскочил с земли,
Едва заслышал пенье петуха,
В котомку сунул дудочку свою
И через поле зашагал к жилью.

ПРИХОД РАССВЕТА

Тебе, прекрасному, привет,
Златых палат посол, Рассвет,
Что постучался в ставни;
Не медли, друг мой, за окном,
Войди, благослови мой дом,
Ты мой знакомец давний.

Ты приглашения не ждешь,
Легко и весело грядешь,
Пришелец издалече,—
Покуда в сумраке стою —
Стучишься в комнату мою
И радуешься встрече.

Тебе во всем подобен тот,
Кто водворил на небосвод
Главнейшее светило,—
Кто ждет в предутренней тиши
Пред ставнями моей души,
Не угашая пыла.

Кто я такой? О, скорбь, о, страх —
В гнилом дому червивый прах,
И мною ад заслужен,—
Но ждет Господь у этих стен,
Не мыслит он, что я презрен,
Что я ему не нужен.

Войди же нынче, как вчера,
Посланник вечного добра,
Столь робкий поначалу —
Неси благую весть сюда,
Что все заблудшие суда
Ты приведешь к причалу.

ДУША СОЗЕРЦАЕТ ТВОРЦА В ЕГО ТВОРЕНИЯХ

Узрев красу вещей и каждого предмета,
Я рек: «Прекрасны вы и радуете глаз!»
«Мы таковы, но Тот, Кто даровал нам это,
Стократ прекраснее и сладостнее нас».
Я верю, Господи, и выразить не смею,
Сколь велика Тебе земная похвала!
Возможно ли сыскать белейшую лилею,
Что в белизне с Тобой сравниться бы могла?
И если роза есть, земных цветов царица,
У коей на листах — росистый маргарит,
Ее ли пурпуру с Твоим дано сравниться?
И коль фиалка все вокруг животворит,
Свой чудный дух струя, что бесконечно славен
Среди садов земных, и сладостен, и густ,—
Так неужели он благоуханью равен,
Что льется из Твоих всемилостивых уст?
И Солнце, что грядет в сиянии великом
На небосвод, весь мир лаская и любя,—
Неужто же оно с Твоим сравнимо ликом?
О Господи благой, да узрю я Тебя!

ДУША РАССКАЗЫВАЕТ О СВОЕЙ СУЩНОСТИ, О ТОМ, КАКОЙ ЕЕ СОЗДАЛ БОГ И КАКИМ ПУТЕМ ОНА МОГЛА БЫ ВОЗВРАТИТЬСЯ В ЕЕ ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ

Хрустальный водоем, где даже ряби нет,
Где отражен всегда один лишь солнца свет,
Такой сотворена душа была сначала,
И Божий промысел собою увенчала.
Живое зеркало, яснее всех зеркал,
В котором Божий лик, непреломлен, сверкал,
В котором обретал Тот, перед Кем едины
И высота, и ширь, и вечные глубины,—
Да, знанье обретал, в зерцало глянув, Он,
Что цель достигнута и Образ воплощен.
Зерцало сделалось объято страстью ложной,
Повергнуто во прах напастью всевозможной,
Основа чистая ушла в пучину зла
И Образ благостный во прахе погребла.
Что совершить теперь? Держась пути какого,
Возможно воротить былое благо снова?
У Духа вечного оружье — Воля — есть,
Природу низкую сумеет он низвесть
И возвратить себе начальное блаженство —
Пускай унижен он, но жаждет совершенства.
Страданье претерпеть — удел весьма благой:
В терпенье — путь один и в гибели — другой.

ЙОАН ВАН БРУКХЁЙЗЕН

МЫСЛИ

Наперсницы моих бесчисленных желаний,
Нагие мысли,— их бессчетно в формы льешь;
Не напастись на них пристойных одеяний,
И нет покоя днем, и ночью не уснешь.

И сон, и даже сон, сметающий оковы,
Чарующий, ужель и он у них в руках?
Я слышу день и ночь их приговор суровый,
И день и ночь в душе не утихает страх.

Лихие вестницы, глухие к обхожденью,
Бродячая семья, пришедшая ко мне,
В бесстыдной тишине, где места нет сомненью,
Что́ снится наяву, то длится въявь во сне.

В ВЕРХОВЬЯХ РЕЙНА

Под чуждым кровом, дням давно теряя счет,
В печальной тишине, беззвездными ночами,
Я уношусь, в снегах, за лунными лучами,
За вздохом вздох, туда, где Амстел мой течет.

Лампада теплится, весна моя влечет
Возок свой мастерить, унылыми речами
Свой плод растить, с тоскою за плечами
Всю вереницу дней пройти наперечет.

Но светоч, страсть моя, душа моя живая,
Как мне, полету без узды себя вверяя,
Капризно горечь длить, что Вашу милость злит,

Коль властны Вы опять взметнуть меня из праха!
Ресниц довольно Ваших сладостного взмаха —
И вся земля в цвету, и в сердце мир разлит.

УТРЕННЯЯ ПЕСНЯ

Свой первый луч, жемчужный, алый,
Заря бросает на чело
Младенца-дня; чуть рассвело,
В росинках — золото, кораллы.

Почти прозрачная луна
Повисла призрачною тенью,
Ночь близится к исчезновенью,
Лишь кое-где звезда видна.

Из голубого океана
Лучится огненный поток,
Пчела уже спешит в леток
С дарами розы и тимьяна.

Владыка-лев повсюду жуть
Своим рычаньем вызывает,
Могучей гривой помавает
И пышно расправляет грудь.

Умерь свой грозный рык, властитель,—
Разбуженный Эндимион
Стремглав бежит из чащи вон,
Покинувши свою обитель.

А лев к свирепой госпоже
Идет в привольные дубравы;
Кабаньи туши там кровавы
Ждут, освежеваны уже.

Вон девица с отарой зыбкой
Проходит лугом; день за днем
Заря, окрасив окоем,
Встречает их своей улыбкой.

Как травка юная полей,
Барашек ластится к пастушке,
Сродни плясунье и резвушке,
Он скачет, радуется ей.

Весь лес — как бы орган огромный,
Где в золоте и серебре
Звучит, рождаясь на заре,
Пернатых гомон неуемный.

Они поют в такую рань!
О, что за чудный дар Фортуны!
О, боже мой, какие струны
Осилят слабую гортань?

Крестьянин возится с волами,
Он ладит плуг, крепит ремни.
Мой зайчик, ну повремени,
Еще управишься с делами.

Но запоет веретено —
И, крадучись, уходит дрема,
И, словно свежая солома,
Сияет золотом окно.

Спросонья паж себя терзает:
Он только что с Клориной был
И не успел растратить пыл,
А греза мигом ускользает.

Кузнец по наковальне бьет —
И раскаленная подкова
Шипит в чану с водой, и снова
Он тяжкий млат пускает в ход.

Вставай, мой ангел, еле-еле
Мигает огонек свечи,
Стыдясь зари; ее лучи
Коснулись пурпуром постели.

Вставай, моя любовь, манит
Лилей и роз хитросплетенье
В садах, но краше их — цветенье
Твоих, столь сладостных, ланит.

ДАНИЭЛЬ НАБОРОВСКИЙ

ЯНУ КОХАНОВСКОМУ, ПОЭТУ ПОЛЬСКОМУ, ЭПИТАФИЯ

Почил тут, кто почил тут, ты ж не по надгробью
Суди его, прохожий, но по бесподобью
Всех доблестей. Сей Фебу ревностный радетель
Непревзойден есть в слоге, стих тому свидетель.

OMNIA SI PERDAS FAMAM ETC.[1]

Слава малого значит, коль денег не будет,
Как ни бедствуй, а ближний полушкой не ссудит.
Perdas [2] — словцо худое, надобно servare [3],
Дабы не побираться Христа ради встаре.
Omnia [4] сам утратив, всяк свое хлопочет
И — где там! — на подмогу поспешать не хочет.
О, memento, memento [5], бедствий человеки,
О тебе помышляя, не знали б вовеки.
Эх, несчастье, несчастье, будь ты кмет сермяжный,
Драть тебя на конюшне стал бы я в день кажный.

---

[1] Начало пословицы: «Потерявший славу все теряет» *(лат.)*.
[2] Потеряешь *(лат.)*.
[3] Беречь *(лат.)*.
[4] Всё *(лат.)*.
[5] О, помни, помни *(лат.)* [начало пословицы «Помни о смерти»].

НА ОЧИ КОРОЛЕВНЫ АГЛИЦКОЙ, КОЯ БЫЛА ЗА ФРЫДЕРИКОМ, ФАЛЬЦГРАФОМ РЕНСКИМ, ЗВАННЫМ В КОРОЛИ ЧЕШСКИЕ

Дочь славного монарха, очи твои, право,
Покуда правит миром Купидона право,
Не очи, но светильни две неумолимых,
Сжигатели до пепла сердец неутолимых.
Не светильни, но звезды, коих ясны зори
Незапным ветром молят шумливое море.
Не звезды, ино солнца, блещущи вельможно,
Свет коих смертным оком и понять не можно.
Не солнца, ино тверди, ибо тож подвижны,
И цветом лучезарным небесам сподвижны.
Не тверди, ино боги, силою велики,
Пред коими земные клонятся владыки.
Не боги, ибо разве ж бессмертные боги
К сердцам людским бывают столь грозны и строги?
Не тверди, тверди кругом одинаким ходят.
Не солнца, солнца токмо всходят и заходят.
Не звезды, эти меркнут, тая пред утрами.
Не светильни, тем только б совладать с ветрами.
Твои же, королевна, очи суть в итоге
Светильни, звезды, солнца, небеса и боги.

МЫСЛЬ: CALANDO POGGIANDO[1] ТО ВНИЗ, ТО ВВЕРХ

Мир — море, человек же — в бурном море судно,
Несчастья — скрыты рифы, счастье — солнце скудно.
Где ясна мысль — кормило, где разум не дремлет,
Буссоль где — добродетель, там бедствий не емлют!
То вниз, то вверх, то в боки судно волны скважит,
Так пользуясь погодой, как море укажет.
Все в мире преходяще, ибо хоть велики
Со светочем Титана месяц мутноликий,
Но всходят и заходят с твердью сообразно —
Что ж человек, коль небо пребывает разно!

---

[1] Опускаясь и возносясь *(итал.)*.

ИЕРОНИМ (ЯРОШ) МОРШТЫН

(АЛЬЦЕСТА, ЖЕНА ДОБРОДЕТЕЛЬНАЯ, ЗА МУЖА СМЕРТЬ ПРИНЯВШАЯ)
ТАК У ЛЮДЕЙ, У НАС ЖЕ ВОТ КАК

У язычников женки мерли вслед за мужем,
Ныне ж над свежим гробом пляшем и не тужим.
Не то чтобы за мужа здравия лишится
Иная, но его же здравье скрасть схитрится.
Один испустит душу — с другим пред налоем.
Нынче свадьба, а завтра — вздохнем и зароем.

СОНЕТ

Девки, музыка, брашно — и унынье не страшно
Меланхоликам; то-то разгрустится забота.
Какова тебе дудка, такова и погудка.
Так что в танец пускайся, удручаться закайся.

Кто поет в доброй воле, тот нальет мне поболе.
Сушит душу забота, вот и выпить охота.
Ну-ка, парни, девицы, начинайте резвиться.
У кого ус отвислый, тот сиди себе кислый.

Панны любят стоячий и дадут — не иначе —
В дар тому бел-платочек и тугой перстенечек.
Так что, чада, в работу — Зосю или Дороту

В круг влеки! Там цимбалы горячи и удалы.
Чары две налил ежли, мне одну двигай,— нежли
Пить сам-друг их, мы сдвинем чаши и опрокинем.

НА ДИВНУЮ РУКУ ОДНОЙ ГОСПОЖИ

Руки прекрасней люди не видали,
И в целом мире сыщется едва ли,
Что б с ней сравнилось. Снег не столь блистает,
Воск не прелестней, хоть теплея тает.

На палец вздетый адамант колючий,
Запястья вкруг злат-обруч самолучший —
Всё суть безделки! Право, мнится сделкой
Союз красы с драгою, но безделкой.
Ведь столько власти та рука имеет,
Что в хвори мнимой воскрешать умеет;
Спасет от судорг; ежли полужива
Коснется тела. Сила особлива
Враз со здоровьем телу прибывает.
Она ж и в росте сильно пособляет.
Счастливо тело и член каждый — оный
Ее касаньем к жизни воскрешенный.
Лишь бы подоле воскрешать хотела.
А что в руке, то и в ногах имела.

САМУЭЛЬ ТВАРДОВСКИЙ ИЗ СКШИПНЫ

ДАФНА, В ЛАВРОВО ДЕРЕВО ОБРАТИВШАЯСЯ СЦЕНИЧЕСКИЙ ПРОЛОГ

Четыре Зефира, южных ветерка, привечают Зорьку.

1

Первый Зефир

О ночь, поддайся, развейтеся, мраки!
Сгпньте, туманы и тени ужасны!
Являет Зорька румяные знаки,
Лучи светила предвосхитив ясны.
Тварь водяная и пернатый всякий,
Все славословьте ее согласны.
Она проснулась, ждет природа Феба,
Печальны тучи утекают с неба.

2

Второй Зефир

Воспойте! Борзых день коней впрягает
В свою лучисту и быстру повозку!
Тебе, Денница, тебе позлащает
Венера, движась вспять в землю Пафосску,
Чело благое. Гимны посвящают
На Геликоне Музы. Отголоску
Внемли их. Что ж, и вы воспойте пуще,
Всяк на водáх и над водáми сущий!

3

Третий Зефир

Ты, вшед раненько в окошко светлицы,
Луч розоватый зыблешь на постеле,
Когда на персях у души-девицы
Уснет дружочек, усладясь доселе;
Ты овеваешь прозрачны криницы,
Сребристой пены прикасаясь еле,
Пока, исполнясь грезы и надежды,
Напеи сушат влажные одежды.

4

Четвертый Зефир

Ты в тяжком зное житу иссушенну
Даришь прохладу и жемчужны росы.
Ты божьим пташкам, изгнездившим крону,
Даешь с рассветом свист сладкоголосый;
Они щебечут все без угомону,
Меж тем выходит Феб златоволосый,
Внемля им. Что ж, и вы воспойте пуще,
Всяк на водáх и над водáми сущий!

5

Зорька

Себя зачем я не восславлю тоже
Или не подпою вам в гимнах оных?
Юпитер, вожжи мне вручив, погоже
Украсил мною свод небес просонных.

В мой час веселый, рады и пригожи,
Цветут и травы во садах зеленых,
И что́ тюльпанов дивные наряды
Без росных капель и моей прохлады!

6

На розу гляньте — стоит мне явиться,
Росу она впивает с юным пылом.
Чуть вспыхнет в небе утра багряница,
Цветок вплетают девы в кудри милым.
Ужо увянет! Ужо истомится,
С полденным жаром встретившись унылым.
Рви ж поутру ее! Не то увянет!
И, лепестки осыпав, не приманит!

7

В лугах цветут мне травы ароматны,
Оттоль венки, рукою свиты ладной,
Мне дарят девы и парни приятны,
Укрыты в майской зелени прохладной;
А коль, как Веспер выйду предзакатный,
Жнецы усталы песнью славят складной.
Стада играют, пастухи смеются,
Зефиры, будто малы дети, вьются.

8

Пою, меж тем как Феб золотогривый
Огнь из ноздрей пускает в нетерпенье.
Прочь с неба, звезды! Ну как торопливый
Бич Фаэтонов сгонит вас в мгновенье!
Ему, чей натиск столь нетерпеливый,
Мы все, умолкши и закончив пенье,
Вручаем скипетр. Он теперь хозяин!
Пусть правит миром, сколь тот ни бескраен!

ШИМОН ЗИМОРОВИЧ

ИЗ СБОРНИКА «РОКСОЛАНКИ, ТО БИШЬ РУССКИЕ ПАННЫ»

ИЗ ПЕРВОГО ХОРА ДЕВУШЕК

ПЕСНЯ КОРОНЕЛЛЫ

Ангел прелестный, Дух бестелесный
В плоти человечьей,
Плотью приятной, Видом изрядной,
Дух сумел облечь ей!
Дарит без счета Божья щедрота
Облик твой красами.
Все обольщенья Дивна творенья
Зрим в тебе и сами.
Ведь человеку Так уж от веку
В младые лета
Мир сокровенный Твой несравненный
Только-то и света!
Чело весельем Отметил вельим
Всякому на зависть,
И очевидна Вовсе не стыдна
Мужеская завязь.
Сквозь очи чисты Зори лучисты
Радостью сияют.
Сии пыланья В наши желанья
Силы излияют.
Сердце твое же В пылкой надёже
Чары наколдует.
Тайное пламя Властной над нами
Любови раздует.
Твои ланиты Румянцем скрыты,
Точно яблок рая.
Из уст сладимых Слов несчислимых
Ток бежит играя.
Плеща крылами, С тобой над нами
Слава честна реет,
Любовь неложна Сколько возможно
Нежит и лелеет.
А для меня ты, Божок крылатый,
И тут, и в небе
Был Купидоном, Тайным полоном,
Но ангел не был.

ИЗ ВТОРОГО ХОРА ЮНОШЕЙ

ПЕСНЯ ИППОЛИТА

Розина померанцем меня угощала,
А после и веночек дать пообещала.
Покуда ж я водил с ней развеселый танец,
Во уголь превратился оный померанец.
В сем яблоке такое полымя затлело,
Что, бедну душу сжегши, спалило и тело.
Розина! Ты мой пламень! То-то истомлюся
Иль от плода златого в пепел я спалюся.
Познал теперь любовь я! Вовсе не Венера,
А во пустыне мать ей хищная пантера.
Ее кровава пардус в гибель человекам
Бешеным на Кавказе выкормила млеком.

ИЗ ТРЕТЬЕГО ХОРА ДЕВУШЕК

ПЕСНЯ БОГИМНИИ

Глянь, чуть небесны огни их коснутся,
В борзые реки снеги перельются.
Где по льду сани конь волок впряженный,
Там проплывают комеги груженны.

Росой ночною насытясь, дуброва
Опять власами зеленеть готова.
И соловей вон в проснувшейся сени
Горлушком ранним славит дни весенни.

Вон и кукуха в рощице кукует,
Корой стесненны дерева ликуют,
Сплошь и фиалки по земле теснятся,
Красным денечкам с прогалин дивятся.

Тот же, кто камню неживу подобен,
Сменить заботы в радость неспособен,
И особливо во время, в котором
Вельми причины ко свадебкам скорым.

Так поспешай же, любезный мой, где ты?
Тебе едину берегу обеты.
Коли мне встречу не подаришь скору,
Нету мне счастья в счастливейшу пору.

КШИШТОФ ОПАЛИНСКИЙ

ИЗ САТИРЫ «НА ТЯГОСТИ И УТЕСНЕНИЯ ХОЛОПЕЙ В ПОЛЬШЕ»

Господь — я полагаю — горше, чем неволей,—
Расплатой потяжеле взыщет за холопей
С нас, неблагоразумных. Разве же холоп наш
Не ближний нам и разве не человек он вовсе?
Мороз пойдет по коже, сердце обмирает
При мысли о неволе, хуже бусурманской.
Помилуй Бог, поляки, нешто вы сдурели!
Добро ведь и достаток, скот и урожаи —
Всё вам через холопей. Их руки вас кормят.
В какую же вы силу с ними так жестоки?
Верблюд и тот, по слухам, не в подъем не тащит,
Но, будучи навьючен, коль чрезмерну ношу
Почует на закорках, тут же ляжет наземь
И встать не хощет. Вот бы и у нас так! Свыше
Земных и божьих правил кмет стерпеть обязан,
Что господа́ на спину ему взгромождают.
Проповедник стращает, корит исповедник,
Пеклом грозя,— чего там! — сам тебе епископ
Суд через эконома вершит и прелата —
А то и через высших. Шляхтич худородный
Деет то же, примеру следуя знатнейших.
. . . . . .
О, расплата небесна, коей свет не видел!
Так жать и гнесть нещадно холопа, который
Ксендзу, двору, жолнеру, Речи Посполитой,
Чиновникам и стряпчим, пану, слугам панским,
Гайдукам и казакам, чадам своим, женке
Исхитриться наробить на прокорм обязан.
Дерут с него и город, двор, корчма да церковь,
По три шкуры сдирают,— нешто обернешься!
Господа́-то, мой Боже, что хошь вытворяют
И, словно со скотиной, обходятся с кметом;
Мол, пану так угодно, пана надо слушать!
И вот вам осложненья времен стародавних,
Чуть лишь алчную Рыксу изгнали и с сыном
Казимиром, тотчас же все, какие были,
Взбунтовалися смерды на своих хозяев.
Пришлось поразбежаться да в глуши укрыться,

В скитах да в дебрях разных равно иереям,
Так и каштелянам, тож и воеводам,
Когда их чернь искала, мстя за свои кривды.
А Павлюков напасти, Мух да Наливаек —
Бунтовщиков, ведь тоже принесли кроваву
Войну и поношенье отчизне, чего там —
Чуть не погибель вовсе, когда сей flagellum [1]
Господь послал чрез смердов, гетманов карая
По-перву пораженьем, по-втору острогом,
Потом же некрасивым и тайным побегом,
А после ложным миром, постыдным отчизне,
Per quae... ибо peccat, per eadem также
Punitur [2] мы познали, как еще познали!
Закончу, как и начал. Господь всех тяжеле
С нас взыщет за холопей и взыскивать будет,
Ежли только ты, Польша, за ум не возьмешься.

ЯН АНДЖЕЙ МОРШТЫН

КО ПСАМ

О вы, собачки, бдящие в покоях,
Где спит хозяйка, моськи, из-за коих
Нам не сойтиться с нею без огласки,
Ни материнской обмануть опаски,
Ни объегорить мамку-пустомелку,
Ни подглядеть в замочную гляделку,
Ни девок сенных подкупить дарами,
Чтобы язык держали за зубами.
Усните, что ли! Поумерьте ражу,
Пока ни то я малость попрокажу.
Пес вот небесный, в поднебесье вышед,
За вас, покуда спите, все дослышит.
Спать, псы! Сей сторож уж куда как чуток!
Все доглядит он в темну пору суток.
Ах, не хотите! Просьбе не вонмёте!
Хрипя от лая, пасти разеёте!
Что ж, стану клясть вас! Пусть и вам оттоле
Жить приведется в горе и недоле.

[1] Бич *(лат.)*.
[2] Чем согрешит, тем и наказуется *(лат.)*.

Пусть взбеситесь вы в жарку летню пору,
Пускай гайдук в вас стрельнет пулю скору,
Звезда собачья блох вам пусть напустит,
Собачник шкуру на пергамент спустит,
Пускай вас, хоть вы верны были слуги,
За ваши лупят палкою услуги
И, чтя пустою службу беспорочну,
Влекут крюками во канаву сточну.

О СЕБЕ

Не столько зверя в Неполомской пуще,
Не столько злости в янычарской гуще,
Не столько ульев в украинских селах,
Не столько дворских дам сидит в гондолах,
Не столько в крымских ордах стрел каленых,
Не столько скрепов в грецких галеонах,
Не столько нитей на брабантских кроснах,
Не столько скрипу в жерновах сосновых,
Не столько сельди во полнощном море,
Не столько красок зажигают зори,
Не столько чёток щупают в Лорето,
Не столько в Вене кова и навета,
Не столько в Гданьске хлеба в складах порта,
Не столько книжек на торгах Франкфорта,
Не столь весною птиц, колосьев летом,
Обилья в осень и числа приметам,
Звезд в ясном небе, на брегу песчинок,
В метели снегу и в дожде дождинок,
Не столько в плавнях всяческой тростины,
Сколь у меня любви для Катарины.

САД ЛЮБВИ

Не все же луку быть вооружённу —
Порой прискучат стрелы Купидону,
И сей, в хозяйстве видя больше толку,
В садах Пафосских делает прополку.
Трава там всходит, где надежду сеют,
Бурьян — обеты, кои ветр развеет.

Симво́л страданья — ветвь мертво свисает,
А в лабиринте — свой пути не знает.
Цветки — утраты, ягодки — заботы,
Из слез горючих плещут водометы.
Зефир приятный — неутешны вздохи.
Силки — лукавство, сторожа — подвохи.
Первейши травки — позабудка, лжица,
Колюча изгородь клевет ежится.
Есть и прочнее огорожа — стены,
Где известь — плутни, а кирпич — измены.
Труждаюсь в саде том я наипаче:
Пришед с печалью, все кроплю во плаче,
Пашу скалисты Татры поневоле,
Хожу за Вислой и жну ветер в поле.

ОБЕТ ИЗ СЕНЕКИ ДЛЯ ЕГО МИЛОСТИ ГОСПОДИНА ХОРУНЖЕГО WXL

Stet cuicumque volet [1]

«Пусть, кто желает, станет с паном свойский,
Фаворов дворских топчет взгорок скользкий,
С меня довольно, восседая в сени
Утех домашних, мне б не знать и тени
Фортуны громкой, но, презрев мирское,
Свободу в сладком том вкушать покое.
Что ж, что тишком в своих пенатах сельских
Живу без сеймов и судов любельских,
Что королю я чужд, а знатных дружбе
Совсем не должен воздавать на службе.
Когда ж, всю пряжу изведя по чину,
Сует чураясь, встречу я кончину,
Проживший тихо, мыслю в ту же силу,
Старик уездный, я сойти в могилу.
Тому тяжка смерть, кто, свой путь кончая,
Был всем известен, сам себя не зная!»
Так молвил Тирсис, будто стоик новый,
Но лишь закончил свой глагол суровый,
Хвалы вельмож услышав, стал взыскати
Милостей, сеймов, выслуг и печати.

---

[1] Будет стоять за всякого и каждого *(лат.)*.

НА ЦВЕТИКИ

Цветики свежи, сорванные в саде,
Его для Каси вам покинуть стоит.
Вас не оставят внакладе —
И персей близко, и к власам пристроят.

Уж не корите капризну удачу,
Не сожалейте о росе да грядке.
Тут вам, когда вас оплáчу,
Росою — слёзы, а грядою — прядки.

В них, позлащенных, то-то оживитесь,
Но тверды будьте, сколь вас ни голубят.
Ее очей берегитесь —
Вас, солнцеродных, эти солнца сгубят.

Если ж такое случится, превратна
Судьба вам лестну гибель посылает;
Той ради гибнуть приятно,
Которой ради весь мир умирает.

К ДЕВЕ

Тверд адамант, никоим не дробимый млатом,
Твердо железо, кое нареченно булатом,
Тверд и дуб вековечный, с камнем лишь сравнимый,
Тверд камень, без успеха волнами точимый.
Ты же, дева, твердее, когда неуступна,
Чем адамант, железо, дуб и камень купно.

ПЧЕЛА В ЯНТАРЕ

Столь зримо скрыта в янтаре пречистом,
Пчела утопла в нем, как в меде чистом.
Ничтожна бывши в жизни своей бренной,
Она во гробе стала драгоценной.
За труд прилежный, видно, ей награда,
Какой была бы и сама же рада.
Пусть Клеопатра жизнью громогласней,
У мухи этой гроб куда прекрасней.

СТАРОМУ

Теснил Ядвигу Бартош седовласый,
Та не далася — стар был блудень ласый.
Он видит — девка старость не уважит,
И сивый чуб свой черной сажей мажет.
Так головою нов, а сам такой же
Стучится к ней же с надобностью той же.
Она ж, смекнувши, что не дюж по части
Он мужска дела, хоть и темной масти,
«Не наседай, мол, и ступай! — сказала.—
Отцу твому я тоже отказала!»

НОВОЕ СОЛНЦЕ

Когда ты рядом, о моя тревога,
Пылаю я, как в летний зной пожога.
Когда далече, делаюся стылым,
Кровь леденится, ходит хлад по жилам.
Я мыслю о тебе — не солнце ль это,
Дарующее зиму мне и лето?

НЕГЛУПАЯ

Врача спросила дева, тупя очи:
«Любиться лучше утром или к ночи?»
Тот вразумляет: «К ночи оно слаще.
С утра ж здоровью боле подходяще».
А панна: «Буду жить по слову мудру
Для вкуса — к ночи, для здоровья — к утру».

ЧУДЕСА ЛЮБВИ

Любовь питаю мыслей маетою,
Мысли — алчбою и воспоминаньем,
Алчбу — надеждой, плотским домоганьем,
Надежду — басней и мечтой пустою.

Питаю сердце спесью и тщетою,
Спесь — дерзостностью вкупе с ликованьем,
Дерзость — безумьем и всеотрицаньем,
Безумье — гневом и неправотою.

Кормлю я горе плачем и стенаньем,
Стон — пламенами, пламень — ветром в поле,
Ветр — тенью зыбкой, тень — лжеобещаньем.

О горшей в мире слыхано ли доле,
Когда, печалясь чьим-то голоданьем,
Я сам в застолье голоден всех боле?

ОТЪЕЗД

Еду, но без себя, раз без тебя; с собою
Вновь встречуся, представши опять пред тобою.
Еду, но половиной, другой — остаюся
С тобой я. Уезжая, надвое делюся.
Еду прочь, прихвативши часть наихудшу — тело,
Лучша — душа и сердце при тебе всецело.
Еду, располовинясь, и собой не буду,
Покуда за другою частью не прибуду.
Тогда, вновь съединенный, не то что дотоле,
Служить те стану цельный, не разъятый боле.

ЗБИГНЕВ МОРШТЫН

МЫСЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСКАЯ

Прореките же, драгие
Лютни струны мне тугие,
В каких уделах мира, нестреножна,
Сегодня бродит мысль моя тревожна.
Часто ж дома ее нету,—
Не иначе, как по свету,
На крыльях воспарив неуследимых,
Ширь облетает стран неисследимых.
Ей и ночка не отрада,
И рассвет ей не привада;

Так что, бывает, ищешь ее оком,
Словно бы гостя в распутье далеком.
Святый Боже! Вельми многа
Особливость в нас от Бога —
Разные, то бишь, Предвечного знаки,
И непостижны премудрости всяки.
Дивна, однако, всех боле —
Мысль, ибо несть ей неволи!
В мире греховном с ней, вольною, мы же
Ко совершенству становимся ближе.
Что ж под солнцем с ней сравнимо,
Мчащейся неукротимо?
Не столь и птица, и не так летяща
Стрела из лука, на лету свистяща.
Не так и пламень трепещет,
Не так и молонья блещет.
Ею же каждый во мгновенье ока,
Будь он хоть рядом, зри хоть издалёка,
Даже моргнуть не успеет,
Туда проникнуть сумеет,
Где за богатой Китаем-страною
Море восточно лижет брег волною,
Или же в западны страны,
Кои во счастье пространны,
Иль до Гренландов, отколь Аквилоны,
Или до мыса, что был нареченный
Доброй Надеждой, а он-то —
Сущий средь теплого Понта.
А, погостивши в столь далеких водах,
Вмиг побывает также в антиподах.
Так что в единое время
Всюду бывать ей не в бремя.
Притом не только на земном просторе
Есть вездесуща, но в бездонном море;
Знай, плывет в любые зыби,
Чешуйчатой сродна рыбе;
Или же солнца превыше ходяща
Взмоет она же, столь быстролетяща.
А оттуда — вниз, в краины
Мчит суровой Прозерпины.
Так что искать мы почнем понапрасну
Высь и пучину, мысли неподвластну.
Прореките же, драгие
Лютни струны мне тугие,

В каких уделах мира, нестреножна,
Сегодня бродит мысль моя тревожна.
Знать, во той сторонке ходит,
Солнце к нам отколь восходит;
Злой хотя ветр к нам оттуда несется,
Мной она доброй надеждой зовется.

ИЗ ЦИКЛА «СИМВО́ЛЫ»

СИМВОЛ 23

Возлюбленная теряет силы, тоскуя по Возлюбленному.
Начертано: Освежите меня яблоками, ибо я изнемогаю от любви *(Песн. П. 2.5)*

Бедное сердце стеснилось уныло,
Скорбью и горькой тягостью изныло;
Кормится токмо тоской да вздыханьем,
Их посылая вдогонку желаньям.
Руки остыли, в жилах кровь свернулась,
Будто я в темной могиле проснулась.
Очи не зрячи, ибо нет желанна
Солнышка ясна — друга долгожданна.
Я их, как видно, навеки смежаю —
Мила не видя, и впрямь умираю!
Дщери сионски, возлюбленны сестры,
Травы сбирайте, имеющи острый
Запах, и сердце больное целите,
Дымом кадильниц пахучим кадите.
Скорбь умалите вы сердца больного
Или верните мне друга мило́го!

СИМВОЛ 27

Возлюбленный учит ходить Возлюбленную свою.
Начертано: Утверди шаги мои на путях Твоих, да не колеблются стопы мои *(Пс. 16.5)*

Учи хожденью Ты меня. С Тобою
Твоею я идти учусь тропою
Кровавою, где крест и поруганье
Ты вынес — мне же, слабой, в назиданье.

Стопы направь мне, утверди колена,
Дабы доро́гой, что определенна
Златым повозкам, шумным вереницам
Слуг и упряжек, пышным колесницам,
В путь отправляться я не соблазнилась,
Но той стезею, коя не торилась
Ни кавалькадой пышной, ни возами,
А съединяет землю с небесами.
Трикраты счастлив тот, кому Ты, Боже,
Пути такие указал в подножье,
Кто с этих стежек мимо не ступает
И, крепкий в вере, во предел вступает,
Где Твой престол и где бессчетны рати
Тя восхваляют, Боже Благодати.

СИМВОЛ 34

Возлюбленная ищет с фонарем по городу Возлюбленного своего, но не находит.

Начертано: Встану же я, пойду по городу, по улицам и площадям, и буду искать того, которого любит душа моя; искала я его, и не нашла его *(Песн. П. 3.2)*

Эгей, куда же милый мой девался?
Как тень исчезнул, точно ветр умчался.
Печален день мой, ночь моя бессонна,
Изныло сердце, мукой угнетенно.
Хоть ночка тёмна, хоть и день настанет,
Тоской тесниться сердце не устанет,
Ибо Тобою во мирской пустыне
Возлюбленная позабыта ныне.
Ужели бросил Ты ее к сему же?
Ну что на свете статься может хуже?
Померкнет зорька, в тьму пущусь я мглисту,
Пущуся, свечку запалив лучисту,
По граду темну, по дворам, предместьям,
По закоулкам, стогнам, перекрестьям
Искать я стану друга дорогого;
Его сыщу я — иль сыщу такого,
Кто знает, где он. Люди, пособите!
Ко мне с известьем радостным придите!
Но где я, Боже? Что со мною сталось?
Надежда тщетна только и осталась.

Человек, взирая на буссоль, плачет.
Начертано: Не малы ли дни мои?
(Иов. 10.20)

Как не томиться, как не причитать мне,
Дней уходящих как же не считать мне,
Коль время гонит их быстротекуще,
Бегуща с меты скорохода пуще.
Кует кователь, плотник гроб сбивает,
По стогнам люди взад-вперед снуют,
Ползут, подобны мухам тороватым,—
Таможня сбилась с ног и с магистратом.
Куранты с башни бьют свое беспечно,
И скоротечно мчится время вечно.
Всходят и сходят луны столь различны,
Как ветр, как тучи; за свои привычны
Атропа злая ножницы берется,
Едва остаток пряжи допрядется.
Ты ж, Вековечный, Ты, что миллионы
Лет чтешь мгновеньем, век мой умаленный
Продли, Твоя ведь сила бесподобна,
Коль кру́ги солнца двигать вспять способна.
Как в годы оны, внемля слезной пени
Царя недужна, разогнал Ты тени,
Явивши милость, так мою кончину
Отдвинь сколь можно, впасть не дай в пучину
Жестокой смерти, я же дней придачу
Тебе во славу, Господи, потрачу.

ВАЦЛАВ ПОТОЦКИЙ

VETO[1], ИЛИ «НЕ ДОЗВОЛЮ!»

Толковал тебе как-то я, друг мой, про это —
Что в польском «не дозволю», на латыни veto.
Пусть иной это слово, как выше, толмачит,
Но vae [2] по-латински у нас «горе» значит.

[1] Запрещаю *(лат.)*.
[2] Горе *(лат.)*.

«Горе» то, я считаю, коль кто «не дозволит» —
И словечком отчизне распасться позволит.
Вето не для упрямцев, запомни же это,
Ибо, дурень, ответишь в свой час ты за вето.

КРАКОВ

Первый слог понапрасну заезжих пугает —
Не кражей вовсе Краков деньгу вытягает.
В дому без многой вещи можно обойтиться,
Зашед к торговцу,— многой можно обольститься.
Идучи по заулку, там, где лавки стары,
Между товаром протчим зрю я окуляры.
Пожелал их для зренья приобресть, и с тяжким
Кошелём подступился к полезным стекляшкам.
Расплатившись, сколь надо, за них и с футляром,
Вижу карты — в Бобовой худо с сим товаром.
Взял их несколько дюжин. Вдруг съедутся гости,
Обыграю их, может. Из слоновой кости
Нож себе покупаю, жене ж из коралла
С золотою насечкой, чтоб снедь ковыряла.
Стыден нож на пиру-то из буйволина рога —
На что ж люди и робят, отделив для бога?
Себе еще топорик, жене веретенце,
Коробочек для гребня заметил в оконце;
Он ведь нужен, к тому же искусно и вышит.
Платит слуга, кошель же боками уж дышит.
Еще перчатки римски да чулки для женки,
Детишкам то да это в смысле одежонки.
Все же навроде нужно, что ни видят бельма.
А француз зазывает, предлагает, шельма.
Напоследок купивши шляпу и булавки,
Весь потратясь, иду я наконец из лавки.
Тут дождь. «А не купить ли верхней одежонки?»
Слуга же: «Ваша милость, кончились деньжонки!»
Иду, значит, и мокну, иззябнув спиною,
Рассчитались безделки с моею мошною.
Шел и очень смеялся над собой за эту
Растранжиренну впусте немалу монету.
Жил ведь и жить без оных вещиц мог и дольше.
Пусть же в Кракове всякий очи жмурит больше.

ШУТКА НА ШУТКУ, И ЗНАТНАЯ

Вчера шутил воевода некий надо мною,
Мол, с кустом Моисея сходен я бородою.
Хоть бы и так — мне это не во вред в итоге —
На вас же вижу, сударь, пророковы роги.

ПОЛОТНО

Хвасталась как-то дама перед ветрогоном,
Десять тыщ, мол, имею в полотне беленом.
Ферт в ответ заявляет: «Мне б на том не стало —
За то, что́ в нем имею, сто тыщ будет мало!»

НЕГЛУПЫЕ ОТВЕТЫ

Что всех старше в мире средь велика и мала?
Бог. Почему? Известно. Сей есть без начала.
Что прекрасней? Мир божий. Где краса́ты пуще?
Всё, что зовем прекрасным, в мире присносуще.
Что мудрее всех? Время. Ибо все науки,
Рук дела́ и рассудка в вечны емлет руки.
Что поместительней? Место. Творенье любое
Или предмет вмещает, сколь нужно, собою.
Что всех быстрее? Мысль есть. Мгновенья ей хватит —
Небо, море и землю вдаль и вширь охватит.
Что всех сильней на свете? Смерть — с ней не схватиться.
Что всех страшней на свете? Смерть — всяк убоится.
Что надежней на свете? Смерть — повсюду вхожа.
Что ненадежней в свете? Смерть — в дружбу негожа.
Что желанней на свете? Смерть — утоляет муки,
На себя из-за коих налагают руки.

НА СВОИ СТИХИ

Всяк стихи мои хвалит, кто только ни слышит,
Исключая поэтов, они ж сами пишут.
Те ругают, но что мне от ругни иль попрека!
О поварне не мыслю, раз гость в яствах дока.

НЕУМЕСТНАЯ ЦЕРЕМОНИЯ

Жаждя испить, травивший круль Казимеж зверя,
К шляхтичу небогату постучался в двери.
Обрадовался хозяин монаршью приходу
И, нацедив остатки из бочонка меду,
Гостю чинно подносит, а король вещает:
«По обычаю, прежде монарх угощает!»
Отпил шляхтич и снова с поклоном подносит,
«Допивайте до дна уж!» — король его просит.
Выпил шляхтич, король же: «Сейчас бы и мне-то!»
Бедный шляхтич смешался: «Государь мой, нету!
Оторвал бы от сердца, хоть бы он из злата
Был тот мед, но увы мне — хата небогата!»
Государь же на это: «Обычай не каждый
Чтить в Мазовии нужно, коль мучишься жаждой!»

ХОТЕЛ СТАРИК ОБЖЕНИТЬСЯ

Март месяц уж стучался,
Февраль кончался хмурый,
Старик один собрался
К панне — строить куры.
Лишь взыграли цимбалы,—
Позабывши опаску,
Хоть в берцах и стреляло,
Старый пустился в пляску.
Стал сперва заручаться
Сговорённостью устной,
К масленой чтобы венчаться
Во канун мясопустный.
Тут и контракт составил
Старец седобородый,
А как строгих был правил
Старинныя моды —
Шлет людей в Краков-город
По сахар и свечи.
Ну а смерть хвать за ворот —
Не тщись, человече!
Вместо свадебна цуга —
Похоронна упряжка.
Март — он месяц-хитрюга,
Не скачи, старикашка.

ПРОПОВЕДЬ О ВЕЛИКУЮ ПЯТНИЦУ

Пил в Четверток Великий викарий с плебаном,
Допились до рассвета, уж и к прихожанам
Им пора, а плебан вдруг викарию: «Отче!
Жаль Христа Иисуса мне очень и очень.
Слезы в горле мешают. Так что, милый пане,
Вы уж людям глаголите о скорбном преданье!»
А подпитый викарий в ответ: «Между прочим,
Жаль и мне — он ведь тоже, Христос, мне не отчим!»
И ксендзы, ко мирянам не явившись в пору,
Вместо Ерусалима спать пошли в камору.

К ПАНАМ

Близко ордынец, ждут нас утраты,
Король под Львовом сбирает отряды.
Чего мы ждем-то! Гей, сарматы рьяны,
Неужто ж резне уготованы паны?
Кто храбр — по коням! А в Рим — кто трусливый,
Или ж — до Гданьска, кто торопливый!
Первый в застолье иль паче на сходе —
Вижу, от войска далече он вроде.
Лично сражаться — дурацкая мода!
Нет, пане маршал, пане воевода!

ВОДУ ВАРИТЬ — ВОДА И БУДЕТ
ПРО ТО ЖЕ В ШЕСТОЙ РАЗ

Что-то нынче поэты ох дёшевы стали —
Пишут все, даже дети и те бы писали.
Хоть она и не главна забота поляков —
Лишь поэзии учат бакалавры жаков.
Тут вино не поможет — кто чужд сей науке,
К стихотворчеству тщетно прикладывать руки.
Особливо же к польску, строку несогласну
Исхитряет порою иной понапрасну.
И напрасно гордыня из нас так и пышет,
Ничего, что́ бы ново, сегодня не пишут.

Без понятья толмачим латынцев и греков
И, присвоив их строки, дурим человеков.
Правда, те, кто латынский хоть малость да знают,
Говно с померанцем никак не равняют.
Да и каждая с каждой субстанция розна —
Что в той речи приятно, в другой пренавозно.
Особливо же в польской цветочки сникают,
Каковые в латыни столь благоухают.
Так что многи истории сколь ни читаешь,
Точно к носу безвонну траву подтыкаешь.
Уж не лучше ли сказку слагать, небылицу,
Словно няньки детишкам, про царя да царицу.

ВЕСПАЗИАН КОХОВСКИЙ

НАДГРОБЬЕ ХРАБРЫМ ВОИНАМ, НА БАТОЖСКИХ ПОЛЯХ ПОЛЕГШИМ И С ГЕТМАНОМ М. КАЛИНОВСКИМ, ВОЕВОДОЙ ЧЕРНИГОВСКИМ

Не в гробнице Мавзольской
И не в саркофаге —
Спишь на равнине польской,
Изрядный в отваге.
О храбрый и сердечный,
Тебя земля польска
Дарит славой вечной
В окруженье войска.
Идут полки казацки
Вероломные драться,
Тебе же долг солдатский
Велит не сдаваться.
Валит Орда озверело,
«Алла!» дико воя,
Метки пуская стрелы
Каждой тетивою.
Смерть не спугнет рубаку,
Ратна рана тоже,
Ибо слава поляку
И жизни дороже.

Несчислимой ватаге
Уступая в силе,
Леониду в отваге
Подобны вы были.
Польски рати разбиты
Сим сонмом несметным,
Срамотою покрыты —
Позором бессмертным.
Сей позор всех славнее,
Сей есть подвиг ратный,
Живота не жалея,
Рок принять превратный.
Что же, души святые,
Покойтеся в Боге,
Коих орды лихие
Посекли на Батоге.
Помня доблести ваши,
На безымянном гробе,
Насыпали руки наши
Это вам надгробье.

О СИИХ СТИХАХ

Как на дворах господских, хоть рожденны разно,
Слуги ходят одеты все однообразно,
Будь то словаки, шведы, венгерцы иль немцы —
Все друг дружке подобны, хотя иноземцы.
Так и я — у кого-то стишок прочитаю,
Приукрашу и сразу за свой почитаю.

ВАСНЁВСКИЕ ПОЖЕЛАНИЯ

Смирения набравшись, пивопийца некий
Усердно бога просит, молясь в кои веки,
Вздыхает и взывает: «Боже, ежли б ты бы
Моря наполнил пивом, а мы были б рыбы.
Настали б дни прекрасны душе и утробе —
Там жили б, умирали б и спали б в том гробе».

ТИТУЛОВАННОМУ PRAETEREAQUE NIHIL[1]

В корчме бахвал хвалился, хоть и худородный,
Своей титулатурой, вельми разнородной.
Спросил жолнер захожий: «Как зоветесь, пане?»
А тот: «Я Гипербольский haeres[2] Глухомани,
Marchio[3] Зазадворский, comes de[4] Сохаты,
Baro de[5] Шишка, там, где три двора, две хаты».
А жолнер замечает на это любезно:
«Стольким титулам, пане, в корчме чтой-то тесно!»

ИЗ «ПСАЛМОДИИ ПОЛЬСКОЙ»

ПСАЛОМ XXIV

Venite exultemus domino[6]. (Пс. 94)
Воспоминание о подмоге, оказанной Вене в лето Господне 1683 сентября 13 дня.

1. Приидите, возрадуемтесь Господу, воспоем Богу Избавителю нашему, предстанем лицу его с благодарением, в песнях и гимнах восславим неизреченную милость Его.
2. Ибо Господь есть Бог великий, сотворивший все из ничего; и Царь Всемогущий, который из глубины неизреченной заблудших спасти может.
3. Он же тебя, отчаявшаяся Вена, вырвет из руки великана, за горло тебя держащего, и поразит зверя кровавого, пасть на тебя разевающего.
4. Который Константина утвердил в знаке креста о победе, тот и тебе некое знамение дает, что в том же знаке скорого достигнешь избавления.
5. Вознеси глаза свои ко взгорьям и узришь там знамена несметные, с тем знамением на помощь тебе идущие.
6. Озри взглядом, сколь охватишь, поднебесные деревами покрытые крутизны, с которых на всем скаку вылетают орлы неустрашимые во избавление твое.

---

[1] Ничего сверх того *(лат.)*.
[2] Наследник *(лат.)*.
[3] Маркиз *(лат.)*.
[4] Граф *(лат.)*.
[5] Барон *(лат.)*.
[6] Придите, воспоем Господу *(лат.)*

7. Вот, вот уже, Кара Мустафа, льва афрического детеныш, завидя крест, тревожиться собой начинает; и сие сатанинской гордыни исполненное сердце велит шатры снимать.
8. Отцепил уже он от чалмы драгой султан, в путь ли готовится, голову ли облегчает, по которую вскорости царьградские ярлыки придут.
9. Пашей и воевод гордых страх пронзил, скорей-де в дорогу, где уже бессчетные обозы в сильном замешательстве прочь повлеклись.
10. Пушки и мортиры не грохочут, но воют, а выброшенная камуфлетами земля на них же летит, тщась погресть еще живущих.
11. Так поспешайте со всех ног, осажденные, и упадите перед престолом Господним, возблагодарите Господа, который вас сотворил, и возлюбите его, который вам сейчас снова избавление дает.
12. Ныне же голос помощь несущих услышите, не утверждайте страхом сердец ваших, но, благодарные спасению, к небесам руки вознесите.
13. Нападайте, кто молод и оружие нести может, на объятого страхом неприятеля, а кто стар, с людом небранным на зубцах стен победный гимн запевайте.
14. И клич веселый возгласите, как после выигранной битвы, и пусть народной радости огнями башня Стефанова засияет.
15. Так, как во дни Солиманового от Вены отступления, где тако и отцы ваши узнали помощь от Бога Сил.

Слава Отцу, и Сыну, и Святому Духу!

СТАНИСЛАВ ГЕРАКЛИУШ ЛЮБОМИРСКИЙ

СОНЕТ В ПОХВАЛУ ТАЦИТУ

Люди и царства, римски сны и были,
Прахом скудельным от нас погребенны,
Доблести мёртвы, тобой возрожденны,
Тебя, бессмертна, нам, смертным, явили.

Доблестней всех, кто великими были,
Увековечив деянья их бренны,
Лавром победным года незабвенны
Ты от забвенья спасаешь и пыли.

Кесарям римским ты равной есть меры,
Они с живых, ты — с умерших взыскуешь,
Нам представляя велики примеры.

И, хоть о лаврах чужих повествуешь,
Можешь бессмертных сподобиться сферы,
Тем, что себя же лавром коронуешь.

ACCIPITE ET MANDUCATE HOC EST CORPUS MEUM[1]

Постигнул я, мой Боже, в чем сии секреты,
Что стал пресуществляться в хлебе и вине Ты.
Сперва к Себе тянул Ты в небо человека,
Но тот не соглашался, строптивый от века.
Ты ж поступил согласно Милосердью Божью —
Плоть отдал на съеденье нашему безбожью.
Поскольку людям ближе хлеб, чем мысль о небе,
Быть жаждя в человеке, стал Ты сущим в хлебе.

STABAT PETRUS IN ATRIO PRINCIPIS ET ITERUM NEGAVIT[2]

Двор учит лицемерью: чья нога там будет,
Тот и про добродетель сей же час забудет.
Примером Петр; однажды войти не остерегся
В дворцову дверь — и трижды от Бога отрекся.
Хоть постоял в сенях он, вера в нем смутилась.
А ежли бы — в передней, что б тогда случилось?

---

[1] Примите и ядите, се есть тело мое! *(лат.)*
[2] Стал Петр во дворе первосвященника и вторично отрекся *(лат.)*.

ФРАНСИСКО РОДРИГЕС ЛОБО

* * *

Чего ищу? Чего желаю страстно?
Любовью иль пустой мечтой томим?
Что я утратил? Кем я был любим?
Кто враг мой? С кем сражаюсь ежечасно?

Желанье, расточенное напрасно,
ушло. И радость вслед ушла за ним...
В любви узрел я мир, что был незрим,
с тех пор я слеп: мне темен полдень ясный.

Но вновь мне, то ль во сне, то ль наяву,
упрямое дарит воображенье
лик красоты неведомой, иной...

И пусть она — химера, тень, виденье,—
из-за нее в страданьях я живу,
и смерть лишь разлучит ее со мной.

* * *

О счастье — наш слепой и лютый враг,
с личиною угодливой и льстивой,
враг вероломный, злобный и спесивый,
с кем не поладить никому, никак.

Ты наш любой неосторожный шаг
устережешь, охотясь за поживой,
ты — алчный скряга, ты — тихоня лживый,
беспутный мот, завистливый дурак.

Без цели, смысла жадною рукою
отъемлешь все ты: жизнь, именье, честь,
ничем твое не сыто самовластье...

Убей меня или оставь в покое,
забудь, что я на белом свете есть!
Но то, о чем прошу,— не это ль счастье?..

ФРАНСИСКО МАНУЭЛ ДЕ МЕЛО

СОНЕТ, В КОЕМ ИСПРАШИВАЕТСЯ ПРОЩЕНИЕ У НЕБЕС ЗА ЛЮБОВНОЕ БЕЗУМИЕ

Ужель для своего лишь торжества,
господь, ты сотворил и нежность стана,
и чудо глаз, от коих в сердце рана,
и все, что прославляет в ней молва?

Зачем ты в грудь мою вложил слова,
невнятные для грубого профана
и полные высокого обмана,
без коего любовь, увы, мертва?

Зачем красавице своим расцветом
дано затмить богинь, чтобы их всех
снедала зависть к редкостному дару?

Ты удостоишь ли меня ответом?
И если да — отпустишь ли мой грех
или мою увековечишь кару?

НЕКОЙ ВЕСЬМА КРАСИВОЙ СЕНЬОРЕ, КОТОРАЯ СТАЛА ТЕЩЕЙ

Не причиняют годы вам вреда,
и, как всегда, прекрасны вы, сеньора,
коль мне глаза не лгут, не будет спора
меж временем и вами никогда.

В девические юные года
вы были розой для любого взора,—
и, веря в справедливость приговора,
в саду краснели розы от стыда.

В замужестве остались вы прелестной,
цвели, цветам на зависть и в укор.
Лишь красоты прибавили вам дети.

Вы стали тещей, и хоть всем известно:
все тещи — пугала, как на подбор,
но вы и ваша красота — в расцвете.

ДИАЛОГ ЖИЗНИ С ВРЕМЕНЕМ

Ж. Кто там, внутри меня, ко мне взывает? — *В.* Время.
Ж. Без спросу ты вошло? — *В.* Пусть просит, кто привык.
Ж. Что хочешь ты? — *В.* Чтоб ты услышала мой крик.
Ж. Я слышу, не кричи, держи слова за стремя.

В. С дороги сбилась ты.— *Ж.* А ты дней множишь бремя.
В. Но мой удел таков.— *Ж.* Ты бренности двойник.
В. Ты баба вздорная! — *Ж.* Злокозненный старик!
В. Нет от меня вреда.— *Ж.* Ты сеешь злое семя.

В. Я? — *Ж.* Рождена тобой мирская суета.
В. Но ты погрязла в ней, в тщеславье утопая.
Ж. Ты воздух, пустота! — *В.* Ты Времени расход!

Ж. В тебе — безвременье. — *В.* В тебе — тлен и тщета.
Ж. Лети, безумное! — *В.* А ты броди, слепая!
Вот так со Временем в раздоре Жизнь течет.

ГЛОССА

Прекрасны ваши стан и взгляд,
но, коль о том вы знать хотите,
о вас так в свете говорят:
как солнце, вы сейчас в зените,
но солнца близится закат.

ЖЕРОНИМО БАЙА

ЖЕСТОКОЙ ЛИ́СИ

Комета, стены крепости, скала,—
Их недоступность все же не посмела
Достичь недостижимого предела,
Который ваша гордость превзошла.

Вы — роза, перл, вы — солнце! Так хвала
Вас по заслугам называть велела...
Явились вы — и солнце побледнело,
Перл потускнел, а роза отцвела.

Небесный луч, сирена, чудо-птица
(Стихиям я для гнева повод дал!)
Не могут с вашей красотой сравниться...

Роз, перлов, солнца — краше я не знал,
Но и не знал,— пусть дерзость мне простится,—
Столь недоступных стен, комет и скал.

ВИОЛАНТЕ ДО СЕУ

ДЕСИМЫ

О сердце! Есть предел печали,
предел страданьям должен быть...
Обид, что мы с тобой познали,
не в силах боле я сносить.
Довольно мук мы испытали:
давно уж пыткой стала страсть...
Не дай же вновь мне в плен попасть
к меня презревшему тирану,
и душу вновь предать обману,
а жизнь любви предать во власть.

От сей угрозы спасена,
как я свободе буду рада!
Любовь — не дар и не награда,
страшней, чем казнь, для нас она.

О сердце, без тебя, одна,
не справлюсь я с такой напастью:
и пусть, не совладав со страстью,
меня ты ввергнуло в беду,
я знаю, что всегда найду
в тебе я друга по несчастью.

Он стал холодным изваяньем,
тот, с кем меня связало ты:
сменились клятвы и мечты
презреньем, скукой и молчаньем.
О, положи конец страданьям,
иль нас они убьют с тобой...
Но, коль мне суждено судьбой
моей любовью быть убитой,
пусть женщиной умру забытой,
а не презренною рабой!

БЕРНАРДО ВИЕЙРА РАВАСКО

ГЛОССА НА ТЕМУ СОНЕТА

Надежды тяжкий грыз меня недуг,
И лишь любви всесильная отвага
Дерзала облегчать груз горьких мук,
Твердя, что для любви страданье — благо.
Но я не мнил, что выскользнет из рук
Так скоро счастье, о надежда-скряга!
Не ведаю, кто был тому виной,
Но счастье смыто, как песок волной.

Воображенье пылко рисовало
Мне радости любви, волнуя кровь...
Но у любви с мечтою сходства мало:
Вот истина для тех, кто знал любовь.
И все ж не мнил я, что любви начало
Столь близко от конца ее и вновь
Не суждено ее вернуться дару
И что в любви найду я злую кару.

Нет, я не мнил, что счастья благодать
Несчастьем обернется и отныне
Я обречен о счастье вспоминать,
Как вспоминают о воде в пустыне...
Не уставая память проклинать,
Забвения прошу как благостыни,
Но длится столько лет мой ад земной:
Увы, любовь не разлучить со мной.

Не мнил я скорой для себя угрозы,
Не знал, что счастья луч, мелькнув, погас:
С тех пор тоски неутолимой слезы
Все льются из моих усталых глаз...
Но кто столь горестной метаморфозы
Мог ожидать в блаженнейший свой час?
Когда любви я предавался жару,
Могла ль душа готовой быть к удару?

Я мнил: не будет у любви конца;
Не зная, сколь близка моя утрата,
Сиянием любимого лица
Я ослеплен был... Тяжела расплата,
Что стережет влюбленного слепца!
Но слепота прозрением чревата:
И, на песке воздвигнутые мной,
Все замки смыты разума волной.

ГРЕГОРИО ДЕ МАТОС ГЕРРА

ПРОЩАНИЕ С ГОРОДОМ БАЙЯ ПО СЛУЧАЮ ОТПЛЫТИЯ В АНГОЛУ

Прощай, Баия, бог с тобою!
Скажи еще спасибо мне,—
Тебя препоручаю богу,
А мог послать бы к сатане.

Мы призываем божью милость
На тех, кто во грехах погряз;
Боюсь, господне милосердье
Не вызволит на этот раз.

Прощайте, жители Баии!
Не говорю «народ честной»,—
Ведь столь бесчестного отребья
Еще не видел мир земной.

Кто честен, тот повсюду честен,
При свете честен и во тьме,
Но у плутов закоренелых
Всегда лишь плутни на уме.

Баия, мерзким городишкой
Я поделом тебя зову,
Одним ты можешь похвалиться:
Что первый ты по плутовству.

Тут можно воровать открыто,
Пока имперский наш орел
Когтить мошенника не начал,
Свой зрак на вора не навел.

Всех покупая, продавая,
Ты в грязь не ударяй лицом —
И выйдешь в главные пройдохи,
Великим станешь подлецом.

Про совесть позабудь: бесстыдство
Приравнивают здесь к уму.
Бери все в долг, платить не надо.
Жениться хочешь? Ни к чему.

Бедны все честные девицы,
От них — скорее наутек:
Ведь добродетель невесома,
Весом — набитый кошелек.

Везде хвали красу любимой
И древность своего герба:
Для ловли женщин нет приемов
Верней, чем лесть и похвальба.

Потешника и балагура
Стяжав сомнительную честь,
Ходи на званые обеды,
Где можно даром пить и есть.

А коль столкнешься там с красоткой,
Не жалующей прихлебал,
Будь начеку — для этой дамы
Цветистых не жалей похвал.

Коль дружбу заведешь с богатым,
Будь вместе с ним всегда, везде,—
Не забывай, есть прилипалы
На суше так же, как в воде.

Но с этой важною персоной
Держась на дружеской ноге,
Запомни — ты ему не ровня,
А ровня ты его слуге.

Превозноси его заслуги,
И ум его, и знатный род,—
Уважь! Тебя ведь не убудет,
А он кем жил, тем и помрет.

К знакомым езди в их поместья
И говори, что, мол, спешишь:
Удерживать, быть может, станут,
И ты с недельку погостишь.

Страна богатая, грешно ли
Пограбить жителей ее?
И португальским проходимцам
Здесь развеселое житье.

А если сам разбогатеешь,
То нажитого не спусти:
Тут щедрого не уважают,
Зато прижимистый в чести.

В Бразилии нигде не встретим
Мы знати голубых кровей,
А впрочем, рассуждая здраво,
Откуда бы и взяться ей?

Кто почитается вельможей?
Разбогатевший скопидом.
Он копит деньги и не знает,
Что с ними станется потом.

Потом деньжонки растранжирят,
Скупца умело обобрав,
Плутяги, из которых каждый,
Коль верить им,— не принц, так граф.

Допустим, что разбогател ты
И выбрать порешил жену,—
Бери любую: ведь папаши
Клюют на толстую мошну.

Но только для чего жениться?
Коль втридорога тут зятья,
То будь для всех возможным зятем —
Весьма доходная статья.

Прощай, Баия! В целом свете
Скверней не видел я дыры,
Не нынче-завтра ты, конечно,
Провалишься в тартарары.

С лица земли, как я надеюсь,
Баия будет сметена...
Иль (даже боязно подумать!)
Всем городам одна цена?

РАЗМЫШЛЕНИЯ О СУДНОМ ДНЕ И КОНЦЕ ВСЕГО СУЩЕГО

Настанет день — под знаменьем печали,
Настанет ночь — без сна и тишины,
И горестно померкнет лик Луны,
И Солнце встанет в траурной вуали.

О, что с тобою, мир? Земные дали
Стенаньем толп людских оглашены.
Небытие иль бытие — равны:
Последние мгновенья их сравняли.

Звучит призыв архангельской трубы,
Развеивая сон, сон непробудный,
И настежь открываются гробы,

А для живых путь кончен многотрудный.
Все в страхе ждут решения судьбы,—
Зане настал великий день — день Судный.

МАНУЭЛ БОТЕЛЬО ДЕ ОЛИВЕЙРА

ЗЕМЛЯ ПРИЛИВОВ

Продолговатой полосой вдали,
Средь волн морских лежит клочок земли:
Нептун — морей хозяин полновластный,
Влечется к той земле любовью страстной,
В глубь острова вторгается волной,
С землей желая слиться островной.

Столь море землю стережет ревниво
И к острову спешит в часы прилива,
Что он Землей Приливов наречен:
Так образ моря в нем запечатлен.

Землей в объятья принято любовно,
Обласканное, море дышит ровно,
Но вновь к земле влечет его порыв,
И землю нежит сладостный прилив...
Когда ж их разлучат часы отлива,
Ждет море встречи с ней нетерпеливо.

Земля Приливов издали скромна,
И взоров не влечет к себе она,
Но высадись на острове, и глазу
Всю красоту ее откроешь сразу.
Так раковина, грубая на вид,
Жемчужину редчайшую таит.

ФРАНСУА ДЕ МАЛЕРБ

УТЕШЕНИЕ ГОСПОДИНУ ДЮПЕРЬЕ

(Фрагменты)

Доколе, Дюперье, скорбеть не перестанешь?
Ужели вновь и вновь
Упорной думою терзать ты не устанешь
В душе своей любовь?

И эта смерть, удел, для смертных непреложный,
И сумрак гробовой,—
Ужели лабиринт, где кружится тревожный,
Заблудший разум твой?

Была она тебе отрадой, утешеньем —
С тем спорить не хочу
И память светлую небрежным обхожденьем,
Поверь, не омрачу.

Увы! Все лучшее испепеляют грозы,
Куда ни посмотрю;
И роза нежная жила не дольше розы —
Всего одну зарю.

Но если б не теперь взяла ее могила,
Когда б, как ты хотел,
Она на склоне лет седая опочила,—
Чем лучше сей удел?

Не мнишь ли, что она чем ста́рей, тем любимей
Была б на небесах,
Что в старости укол червя неощутимей,
Земной не давит прах?

О нет! Когда душа коснется крайней меты
И Парки нить прервут,
Исчезнут и лета, едва достигнув Леты,
За нею не пойдут.

. . . . . .

Напрасны жалобы и сетованья эти,
Смири тоску души,
Люби отныне тень, и о потухшем свете
Ты память потуши.

Людской обычай благ, я признаю́, не споря,—
Слезами боль лечить,
Через плотину глаз излить всю тяжесть горя
И сердце облегчить.

Тот, кто любовь свою оплакать не способен,
Чью боль не выдаст стон,
Бесчувственной душой тот варвару подобен
Иль вправь души лишен.

Но — раб отчаянья, отвергнув утешенье,
Ты возомнил, скорбя,
Что ближних возлюбил в надменном сокрушенье
Сильнее, чем себя.

. . . . . .

Я дважды, Дюперье, той молнией летучей
Сражен был наповал,
И дважды разум мой, целитель мой могучий,
Забвения мне дал.

Не потому, что мне легко забыть любимых,
Что стоек я в беде,
Но если нет лекарств от ран неисцелимых —
Их не ищу нигде.

Безжалостная смерть не знает снисхожденья,
Не тронется мольбой —
Она, жестокая, от воплей и моленья
Слух отвращает свой.

Ничтожнейший бедняк, чья хижина убога,
Ярмо ее несет,
И стража от нее у Луврского порога
Монарха не спасет.

Перед ее лицом нет места возмущенью,
Напрасен ропот твой.
Есть мудрость высшая — покорность провиденью:
Для нас лишь в ней покой.

МОЛИТВА ЗА КОРОЛЯ, ОТБЫВАЮЩЕГО В ЛИМУЗЕН

Стансы

О Боже праведный, ты, внемля нашим стонам,
Встречаешь время смут с оружьем обнаженным,
Чтоб дерзость отрезвить, бесчинства покарать,
Незавершенное твоей противно Славе,
Она твой труд вершит на благо всей державе,
Целительную нам дарует благодать.

Наш нынешний король, разумный и великий,
Учился ревностно премудростям владыки,
Искусству управлять, вести отважных в бой,
Вели он замолчать — мы покоримся власти,
Он ограждает нас от всяческой напасти,
И нет нужды тебя обременять мольбой.

Любой, кто слышит гром и видит, как над нами
Потоки льют с небес и вспыхивает пламя
От столкновенья двух враждующих сторон,
Хоть в этом не узрел божественного знака,
Но чудо явлено, и он поймет, однако,
Сколь мощная рука хранит нас, как заслон.

Ну что бы мог свершить король в борьбе со скверной
При всем старании и доблести безмерной,
При всей своей любви к величью твоему,
Как уберег бы нас во тьме ночей беззвездных
Среди подводных скал, неразличимых в безднах,
Когда бы разум твой не помогал ему?

Неведомое зло среди людей блуждает,
Внушает им вражду, спокойствия лишает:
Доверишься словам — и попадешь впросак.
Всеобщая беда, увы, иным во благо,
Их козням счету нет, и посему отвага
Присуща лишь тому, в ком здравый смысл иссяк.

Но в злополучный час надежда не иссякла,
Мы верим, что добру присуща мощь Геракла,
Что приняла твой меч достойная рука,
И если бы мятеж стал гидрою стоглавой,
И если бы весь мир восстал кипящей лавой,
Рассеял бы король несметные войска.

Дай нашим помыслам исполниться, Всевышний,
Избавь от лютых бед, от горечи излишней,
Печальной памяти сотри глубокий след.
Смиряя ураган, наш вождь на поле боя
Отвагу проявил и мужество героя,
Яви же, Господи, благоразумья свет.

Не уповал король на мощь огромной рати,
Он знал: число — ничто, оно пьянит некстати
И, застилая взор, лишь умножает мрак.
Нет, помощи земной не ждал он ниоткуда,
Так пособи ж ему, и совершит он чудо,
Все чаянья затмит и даст нам столько благ.

Разбитым полчищам не избежать расплаты,
Найти убежище не смогут супостаты,
Не скроют беглецов глухие дебри гор,
Их тайные дела однажды станут явны,
Их извлечет на свет властитель достославный
И злобным происка немедля даст отпор.

При помощи своих установлений строгих
Он кротких защитит и оградит убогих,
Он праведным вернет и право и покой,
Он дерзости лишит разбой и святотатство
И, не беря в расчет ни знатность, ни богатство,
Любого устрашит карающей рукой.

Пред грозным именем склонятся замки в страхе,
И стены и врата окажутся во прахе,
Посты сойдут с бойниц, тревожный минет час,
Оралом станет меч — такая роль достойней,

Народ, измученный жестокой долгой бойней,
Заслыша барабан, пойдет беспечно в пляс.

Распутство и грехи в эпохе новой сгинут,
И сластолюбие и праздность нас покинут,
Немало из-за них мы претерпели бед.
Король достойнейших вознаградит по праву,
Всем доблестным вернет заслуженную славу,
Искусства возродит, лелея их расцвет.

Он сохранил в душе наследье веры старой,
Любовь к тебе и страх перед твоею карой,
Он жаждой благости и святости томим.
Служение тебе всех благ ему дороже,
Он сам возвысится в твоем сиянье, Боже,
Желая одного: быть подданным твоим.

Развеешь ты печаль, развеешь все невзгоды
И отдалишь от нас те роковые годы,
Когда счастливые узнали вкус беды.
Ты семьи одаришь, достаток умножая,
Работу дашь серпам порою урожая,
Цветенье дашь весне, а осени — плоды.

Страданиям конец придет и лихолетьям,
С какою радостью мы это чудо встретим!
О Господи, твой мир — вместилище тревог:
Несчастия, увы, таят угрозу счастью,
Так сохрани же нам своей верховной властью
Того, кто в трудный час народ свой уберег.

Беспечным королем пренебрегают принцы,
При нем одни льстецы в правителях провинций,
А сам проводит он в попойках день за днем,
Не видя происков и плутней хитрых бестий.
А прихвостни его — могу сказать по чести —
Когда такой умрет, не загрустят о нем.

Но, к счастью, не таков наш бравый повелитель,
Заступник ревностный и ангел наш хранитель,
Чья милость укротит и зависть и порок.
О, сколько на земле ты жить ему позволишь?
Мы, слуги верные, желаем одного лишь:
Продли, о Господи, его царенья срок!

Отродья деспотов безумны и ретивы,
Им невтерпеж таить бунтарские порывы,
Советы нам дают, но всё, увы, во вред.
Мы видим их насквозь и счет ведем особый,
И пусть они идут на поводу у злобы,
Нас бережет король, иной защиты нет.

Пусть благодетель наш подольше нами правит,
Пусть подданных своих от ужасов избавит,
И, удивляя мир блистательной судьбой,
Пускай он близится вседневно к высшей цели,
И славою своей, невиданной доселе,
Пускай затмит он всех, увенчанных тобой.

Его наследнику даруй до срока зрелость,
Чтоб юноша обрел отцовский ум и смелость,
Чтоб чести следовал всегда и доброте,
Чтоб в летопись вписал достойные деянья,
Чтоб солнцем одарил тех, кто не знал сиянья,
Чтоб светом озарил живущих в темноте.

Пускай он отомстит соседям в полной мере,
Дабы Испания узнала боль потери
Среди горящих нив и крепостных руин,
И если наш позор был следствием раздора
И доблестный отец не мог настигнуть вора,
Враждебную страну накажет славный сын.

ПОДРАЖАНИЕ ПСАЛМУ CXLV

Не уповай, душа, отринь посулы мира,
Чей свет — лишь блеск стекла, чья слава — плеск зефира
На пенистой волне: мелькнет — не уследить.
Бесцельна суета, тщеславие напрасно,
Лишь Богу жизнь подвластна,
Лишь Бога нам любить.

К никчемному стремясь, мы лезем вон из кожи,
Снуем вокруг владык, хотим попасть в вельможи,
На брюхе ползаем и не встаем с колен,
А сами короли — на что они способны?
Ведь нам во всем подобны
И превратятся в тлен.

Едва испустят дух, все жалким прахом станет,
Угаснет слава их, величие увянет,
Чей светоч полыхал перед вселенной всей,
В гробницах обретут последнее жилище,
Став лакомою пищей
Прожорливых червей.

Забыты имена правителей покойных,
Вершителей судеб, воителей достойных,
Смолкают похвалы, едва исчезла власть.
В крушенье роковом с властителями вместе
И выкормышам лести,
Их слугам, также пасть.

ПЕСНЯ

Пробудитесь, я жду вас, красавица!
Рощи новой листвою кудрявятся,
И природа с искусством затеяла спор,
Расстелив на лугах пестроцветный ковер.

Веет сладостными ароматами
Над полями, покоем объятыми;
Нет, не миру светить вышел Феб-Аполлон,
Но спешит на свиданье любовное он.

Ореолом лучей коронованный,
Древней страстью своей околдованный,
Не мечтает ли он, что настигнет теперь,
В это дивное утро, Пенееву дщерь?

Все живущее тянется к радости,
Наслаждайтесь утехами младости,
Вы поверьте, и так слишком рано придет
Время горьких морщин, бремя тяжких забот.

А в жару полуденную томную
Мы укроемся в рощу укромную,
И, всецело отдавшись фиалкам лесным,
Позабудем курильниц мы приторный дым.

С ветки падуба или шиповника
Торжествующей песнью любовника
Будет тешить нам слух чаровник-соловей,
И, внимая певцу, смолкнет шумный ручей.

А потом, пробираясь опушкою,
Пастуха мы увидим с пастушкою,
Поглядим, как, устами друг к другу припав,
Двое негу вкушают на ложе из трав.

Вечно юный Амур без усталости
Там творит свои милые шалости,
И в помине там скучных условностей нет,
В коих так погрязает изысканный свет.

Вдруг и я это счастье изведаю,
Наслажусь долгожданной победою,
Вдруг страданья мои, моя преданность вам
Побудят уступить неотступным мольбам!

Вы притворства ужель не приметили
В гимнах скромности и добродетели?
Но всесильна природы и разума власть,
И ответите — верю! — вы страстью на страсть.

ОНОРА ДЕ РАКАН

ОДА

Вы, что смеетесь надо мной,
Желая, чтоб мой путь земной
Всегда был орошен слезами,
Взгляните, сколько горьких мук
На долю выпало мне вдруг
С тех пор, как разлучен я с вами.

Досталось, видно, неспроста
Мне все, что может нищета
Прибавить к своему проклятью:
Я нахожусь в жилье пустом,
Где служит грязный пол столом,
Скамьей, буфетом и кроватью.

Хозяин наш, в недобрый час
Приняв за гугенотов нас,
Вдруг вылетел быстрее пули.
По грязи мчался он, чуть жив,
Детей в корзину посадив
И унося свои кастрюли.

Растерян и глупей, чем гусь,
Я в этом доме нахожусь,
Где даже нет, по крайней мере,
Того, что привлекло б воров,
Поскольку этот жалкий кров
Остался без окон и двери.

Дождь льется, гром гремит вдали,
И у причалов корабли
Подпрыгивают, как собаки.
Слуга мой с ветром в спор вступил
И мне из шапки смастерил
Фонарь, мерцающий во мраке.

Свой страх преодолев с трудом,
Хозяин наш вернулся в дом
В довольно скверном экипаже.
Он не причесан, не умыт,
Притом такой имеет вид,
Как будто уличил нас в краже.

Однако старец этот вдруг
Стал уверять, что нам он друг,
И старомодно поклонился.
При этом нос его кривой,
Как шея черепахи злой,
Наморщился и удлинился.

В лохмотьях несколько солдат,
Томясь от голода, лежат
Со мною рядом на соломе
И принимаются опять
Свои победы вспоминать
И толковать о де Бапоме.

Вот так беседу мы ведем,
И вроде все нам нипочем,

Хотя душа тоской объята.
Болтают все наперебой:
Один — как брал Патэ, другой —
Как осаждал Фужер когда-то.

Хозяин, видя, что у нас
Еще остались в этот час
Надежды смутные на ужин,
Заводит речь о том, что он,
Увы, последнего лишен
И, в довершение, недужен.

А я, кто обречен судьбой
Все время видеть пред собой
И всякий сброд, и мрак невзгоды,
Я вам стихи пишу, как встарь,
Покуда не потух фонарь
Под завыванье непогоды.

Мой ангел, свет моей души,
Когда прочтете вы в тиши
Послание из тьмы осенней,
И если, голову склоня,
Не пожалеете меня,
Мне нет надежды на спасенье.

СТАНСЫ

Тирсис, пора и нам подумать о покое:
Полжизни прожито, и что еще другое,
Как не могильный холм, в конце пути нас ждет?
Мы много видели; неведомая сила
По морю бурному корабль наш носила,
Для тихой гавани настал теперь черед.

На милости судьбы рассчитывать не стоит:
Кто верит в них — тот слеп, дом на песке он строит,
Вознесся высоко — к паденью будь готов.
Деревьям гром грозит — тем, чьи вершины выше,
И бешенство ветров скорей разрушит крыши
Дворцов властителей, чем кровли пастухов.

О, счастлив тот, кто смог изгнать желанье славы
Из сердца своего, кто избежал отравы
Стремлений суетных, безрадостных забот,
Кто временем своим распоряжаться волен,
Имеет скромный дом, судьбой своей доволен
И невозможного не хочет и не ждет.

Возделывает он то поле, на котором
Трудился дед его, он равнодушен к спорам,
Что власть имущие ведут между собой,
Не тщится разгадать причины непогоды
И за одним следит: чтоб не погибли всходы,
Когда грозит бедой им ветер грозовой.

Страстей своих король, он знает, чем гордиться:
Межа его земли — империи граница,
Дом — Фонтенбло и Лувр, закрытый для чужих;
Он не завидует ни пышности, ни славе
Земных властителей, себя считая вправе
Не видеть их самих, а лишь портреты их.

Он видит, что нужды его семья не знает,
Он видит, как в полях колосья серп срезает,
Как виноградари срывают виноград,
И кажется ему, что влажные долины,
Холмы зеленые, просторные равнины
Дары осенние вручить ему спешат.

Порой преследует оленя он по следу
В лесах, где солнца луч не празднует победу
Над вечной полумглой, спускающейся с крон;
Порою лай собак ведет его к поляне:
Там заяц, что бежал с такою прытью ране,
Находит смерть свою в местах, где был рожден.

Порою бродит он недалеко от дома
И смотрит, как ручьи бегут из водоема,
Как серебро блестит средь золота снопов.
Порой с пастушками он вместе отдыхает
На ложе травяном, которое не знает
Иных завес, чем тень от сросшихся кустов.

Он старости своей печальное соседство
Встречает без тоски под кровлею, где детство

Он раннее провел, где набирался сил;
Ведет он счет годам по урожаям снятым,
По листьям, что шуршат своим опавшим златом,
Стареет он, как лес, что сам же насадил.

На быстром корабле, ветрам и волнам внемля,
Не будет мчаться он в неведомые земли,
Чтоб там отыскивать сокровищ скрытых след;
Не жаждет славы он, о лаврах не хлопочет
И встретить смерть свою он в той постели хочет,
В которой умерли его отец и дед.

В порту взирает он, как ветер, дуя рьяно
И предвещая нам начало урагана,
Желанья буйные зажег в людских сердцах,
Но также видит он, что́ смертных ожидает:
В то время, как один на небо попадает,
Другой, растерзанный, толпою втоптан в прах.

Пусть не владеет он роскошными дворцами,
С их капителями, колоннами, коврами,
Пусть роскошь не вошла в приют его простой,—
Он видит, как зима сменяется весною,
Ковер живых цветов он видит пред собою
И наслаждается живою красотой.

Поверь мне, час настал, когда расстаться надо
С цепями рабскими, что носят за оградой
Сверкающих дворцов, где стережет беда:
Близ дуба мощного кустам расти не мило,
От солнца прочь бегут все прочие светила,
Страшась в его лучах исчезнуть навсегда.

Так долго тщетные надежды мы питали!
Так долго милостей напрасно ожидали!
А зависть в миг один разбила все мечты;
Они — всего лишь дым, они — посев, чьи всходы
Всегда подвержены причудам непогоды
И не зерно дают, а чахлые цветы.

Глушь, сердцу милая! Вдали от жизни шумной,
Вдали от суеты, от роскоши безумной
Я начал забывать страданья прошлых дней.
Долины тихие, ручьи, лесные тени,
Вам видеть довелось души моей смятенье,
Теперь свидетели вы радости моей.

ФРАНСУА ДЕ МЕНАР

ПРЕКРАСНАЯ ВДОВА

Клориса, я всегда тебе служил послушно,
Всю жизнь свою давно поверг к ногам твоим,
Зачем отказывать мне в счастье равнодушно,
Коль я считаю дни моих последних зим?

Должно ль твое лицо скрываться под вуалью
И траурный наряд помехой быть любви?
Пора быть радостной, расстанься же с печалью,
Сиянье глаз твоих мне наконец яви.

Где твой веселый нрав, твое благоразумье?
Что сделалось с твоей холодной головой?
Быть верной мертвому ревнивцу — вот безумье,
Ужель охвачен им и светлый разум твой?

Ты не дала обет жизнь доживать вдовою,
Никто не стоит жертв, будь хоть сам Цезарь он,
Покинул муж твой дом — ты быть должна живою,
Но плачешь ты, и в скорбь я снова погружен...

Пусть горести мои превысят радость втрое,
Пускай сменяются династьи королей,
Пусть Гектор вновь падет, пускай пылает Троя,
Но все ж я не смирюсь с суровостью твоей!

Я не сегодня стал твоим рабом смиренным,
Почти что сорок лет прошло уже с тех пор,
Но с обожанием я вижу неизменным
Средь темных локонов серебряный пробор.

Я перед девочкой склонялся, пламенея,
Пленили навсегда меня твои черты,
Но в руки ты взяла светильник Гименея —
Скрыл в сердце я любовь, так пожелала ты.

Я слова данного вовеки не нарушу,
Признаньями в любви не стану тешить свет,
И если иногда я открываю душу,
Наперсники мои не выдают секрет.

Тоскуя, ухожу я в дикие дубравы,
Им исповедуюсь и жалуюсь скале,
И утешенья мне нашептывают травы,
Когда в тени густой лежу я на земле.

Я от тебя бежал в тоске в чужие страны,
Я именем твоим будил лесную даль,
Италии моря не врачевали раны,
И флердоранжа цвет не исцелял печаль.

Вниманья не дарил я берегам старинным,
Что сам Нептун почтил присутствием своим,
Я грезы предпочел хожденью по руинам,
И видел я твой лик, осматривая Рим.

Клориса, страсть моя сильнее год от года,
И все века земли не знают равной ей,
С улыбкой нежною любуется природа
Огнем моей любви, огнем твоих очей.

Ты славилась красой чудесной с колыбели,
И так же, как рассвет, прекрасен твой закат,
И щеки свежие ничуть не побледнели,
Как будто бы года твое лицо щадят.

Без страха наблюдай конец всего земного,
И лучше на себя ты в зеркало взгляни;
Ты лилии белей, румяней розы снова,
Зима тебе опять весны приносит дни.

И хоть уже стою я на краю могилы,
Седеет голова, и остывает кровь,
Немеет разум мой, и угасают силы,
Но теплится во мне пока еще любовь.

Положит скоро смерть конец моим страданьям,
И Парка оборвет существованья нить.
Как будешь ты внимать отчаянным стенаньям
Той тени, что могла так долго ты томить!

Клориса, сможешь ты забыть мою кончину?
Молчать, коль обо мне с тобой заговорят?
Иль ты раскаешься, когда я мир покину,
Захочешь наконец снять траурный наряд?

Ведь если б мне пришлось тебя оплакать вскоре,
Ничто в беде моей мне не могло б помочь,
Я бы ослеп от слез, я б обезумел в горе,
Но предавался бы любви я день и ночь.

ОДА ШАРЛЮ ДЕ МЕНАРУ

(Фрагмент)

Обидно мне и жаль до слез,
Что честолюбию в угоду
Ты венценосцам в дар принес
Свой пыл, и юность, и свободу.

Все эти пышные дома
Владык с их свитою лукавой
Не что иное, как тюрьма
Для горемык, покрытых славой.

Тот, кто вознесся высоко,
Там в тайном страхе пребывает,
Надежды призрак там легко
Благоразумным управляет.

Там обещанья — звук пустой,
Мудрец там не дождется ласки,
И, окруженный мишурой,
Не лица видит он, а маски.

Мой сын, желанья королей
Законы преступают смело,
И зло порою им милей
Чем добродетельное дело.

Блажен, кто в тихом уголке
Живет в безвестности великой,
От сильных мира вдалеке.
Вдали от свиты их безликой.

Мой сын, так смеет говорить
С тобою царедворец бывший,
Ума набравшийся и жить
В уединении решивший.

ПРОЩАЙ, ПАРИЖ

Прощай, Париж, прощай! Ты видишь, я устал
Поддерживать огонь на алтаре Удачи.
Хочу я видеть вновь мой край лесов и скал,
Где все мне по душе и где живут иначе.

Ни за богатством там не надо гнаться мне,
Ни жалких почестей не надо домогаться;
Что бедность при дворе, то в сельской тишине
Могло бы, как и встарь, достатком называться.

С тех пор, как понял я, что век наш развращен
И что достоинство ни в грош не ставит он,
Одно мне дорого — мое уединенье.

В нем жизни каждый миг, и радости, и боль
Лишь мне принадлежат... Жить в рабском подчиненье
Постыдно для того, кто сам себе король!

МЕСТА ПУСТЫННЫЕ

Места пустынные, где я так мирно жил,
Мой одинокий дом в тени высоких сосен,
Нас королевский двор уж год как разлучил,
Но к вам я возвращусь: двор для меня несносен.

Достоинство и честь встречают здесь враждой,
Здесь во дворцах живет невежество и чванство,
И стыдно мне, что я, усталый и седой,
Питал надежды здесь и верил в постоянство.

Смешной слепец, я мнил опору обрести
В краю, где все обман, где все ведут пути
К ловушке золотой, к великому паденью.

О сосны, я хочу увидеть вас опять
И под чудовищно прекрасной вашей сенью
Наперекор судьбе о смерти размышлять.

ЭПИГРАММА

В сапожном деле отличиться
Пьер в годы юности сумел;
Хотя он прошлого стыдится,
Зато изрядно преуспел.

Теперь, торговец сапогами,
Завел он в парке у себя
Фонтаны, гроты, пруд с мостами —
Не хуже, чем у короля.

И, продолжая в том же роде,
Он приказал прорыть канал,
Чьей ширине и многоводью
Мог удивиться б кардинал.

Не ограниченный запретом,
Опустошить он мир готов,
Чтоб стол его зимой и летом
Был полон лакомых кусков.

И дом его похож на чудо,
В лепных узорах потолок,
Из золота его посуда,
Из серебра ночной горшок.

Что я глупец, мне ясно ныне:
Ведь сколько я потратил дней,
Чтобы устроить склад латыни
В несчастной голове моей!

Отец мой шел не в ногу с веком,
И, не предвидя мой провал,
Он к древним римлянам и грекам
Меня на выучку послал.

О Музы! Что мне делать с вами?
Простите, но пора кончать:
В наш век нельзя прожить стихами,
Уж лучше сапоги тачать.

Писатель редкий, ты бы мог
Обогатить свое семейство
Не хуже, чем любой налог
Обогащает казначейство.

Но только не в цене теперь
Стихи у нас: закрыта дверь
У власть имущих для поэта.

И вот я думаю подчас:
В наш век куда нас мчит Пегас?
Увы! К воротам лазарета.

ЭПИГРАММА

Все то, что создано тобой,
Покрыто словно пеленою;
Твои творенья — мрак ночной,
Не озаряемый луною.

Мой друг, гони ты эту тьму!
Ведь тут нужны жрецы и маги,
Чтоб объяснить нам, почему
И что доверил ты бумаге.

А если что-то утаить
Тебя преследует желанье,
Зачем так много говорить?
Куда верней хранить молчанье.

МАТЮРЕН РЕНЬЕ

САТИРА II

(Фрагменты)

Когда на улице столкнется некто с вами
В разбитой обуви, с протертыми штанами,
Чьи брыжи и камзол не блещут чистотой,
Лицо болезненно, карман всегда пустой,—
Вы можете сказать о человеке этом:
Поэт он или тот, кто хочеть быть поэтом.

. . . . . .

О Муза, расскажи об этих пилигримах,
О бастрюках своих, о стихотворцах мнимых,
Что, бормоча стихи, день целый месят грязь,
И на кого глядят прохожие, смеясь,
О тех, что норовят хлебнуть из вашей кружки
И, словно воробьи, рвут пищу друг у дружки.

Одеты кое-как, похожие на тень,
С глазами дикими, с мозгами набекрень,
Они подходят к вам и вместо «добрый вечер»,—
«Месье, я автор книг,— вам говорят при встрече,—
Их продают в Палэ. Для знающих людей
С вниманьем их читать — занятья нет милей».
Так, прицепившись к вам, они идут за вами,
Вгоняют вас в тоску, вас мучают стихами,
О славе речь ведут и о деньгах больших,
О том, что получить при жизни надо их,
Но что они живут в неблагодарном веке:
Таланта он не чтит в достойном человеке;
Что жил Ронсар не так, поскольку был богат,
И что король не прав, лишая их наград.
Затем, проникнув в дом, они без приглашенья
Садятся к вам за стол без всякого смущенья
И, рот набив едой, перестают болтать,
Хоть видно по глазам, как трудно им молчать.

В зубах поковыряв и пошептав молитву,
Они вас просят пить, с едой окончив битву,
И снова речь ведут: теперь в их болтовне
Все время слышится: «Что вы дадите мне?»
Такой рефрен всегда имеет их баллада.
Мне после этих встреч лекарство выпить надо:
Я болен, у меня кружится голова,
Весь искалеченный, я двигаюсь едва.

Один такой болтун — сердитый меланхолик.
Гримасничает он, как бы томясь от колик,
Потеет, кашляет, плюется — просто страх.
Так тонко речь ведет, что смысла нет в словах.

Другой — честолюбив, и за свои творенья
Принять высокий сан готов без промедленья;
Сонет обдумывая, видит пред собой
Аббатство, что ему назначено судьбой.
Кто так же, как и я, труды их в грош не ставит,—
Тупица, неуч, лжец! Его сужденьем правит

Лишь зависть черная к достоинствам других,
Хотя молва давно талант признала их,
И только он один их умаляет славу;
В восторге дамы все, так им пришлись по нраву
Их дивные стихи, и даже по ночам
Они находятся у изголовья дам;
И в церковь их берут с собою не напрасно:
Стихи написаны божественно прекрасно.

О жителях небес тут, видно, речь идет:
Любой из них вино с богами рядом пьет,
Любой с Минервою знаком, он — светоч знанья,
И ждет от Франции почета и признанья.

Ронсар и те, о ком здесь умолчали мы!
Как можете терпеть вы, светлые умы,
Чтоб эта мошкара свое равняла пенье
С тем, что вы создали, и, словно в исступленье,
Пятнала царственные ваши имена?
Все вырождается в иные времена!
Бесстыдством окружен, чей разум, чье сознанье
Сумеет отличить невежество от знанья?
Подделку от того, что подлинно? Чей взгляд
Узрит любимца Муз, лишенного наград?

Зову в свидетели потомков! Ваше зренье
Сумеет разглядеть бессмертное творенье,
А справедливость, ум и вкус, присущий вам,
Откроют блеск его соседним племенам.
Вы твердо скажете, кто лебедь Аполлона,
А кто бессовестная дерзкая ворона,
В чьем наглом карканье нетрудно угадать
Желанье лаврами бессмертья обладать.

САТИРА III

(Фрагмент)

Маркизу де Кевр

Маркиз, что делать мне с такой неразберихой?
Предаться, кинув свет, ученью в келье тихой,
И с Аристотелем, с Гомером на столе
Колосья подбирать на греческой земле —

Остатки жатвы той, что собрана недаром
В свои хранилища Депортом и Ронсаром,
И честь им принесла, и славу, чтоб они
Гигантам прошлого равнялись в наши дни.
Что делать? Иль служить и при дворе остаться,
Чтобы несбыточной надеждою питаться,
Быть воплощенною немилостью, скучать,
В опале жить мечтой и в бешенстве молчать,
Но и мечтать устав, больным, в душевной смуте,
Издохнуть на тряпье в каком-нибудь приюте.
В Тоскане ль будет он, в Савойе — все равно.
Мне с богом воевать до гроба суждено!
Молчишь маркиз, но мне ответ заране ясен.
Как с ураганом спор, с судьбою спор напрасен:
На ощупь мы живем — так этот мир идет,—
Кто честно трудится, тот чахнет от забот.
Двуногой сволочью разгневанные боги
Нам благо шлют ценой труда, нужды, тревоги.
Мир — сумасшедший дом, мы кружим вместе с ним.
Ты мнил, что выиграл, ан проигрался в дым.
Все лотерея в нем, все случай, все неверность,
Ты выбирал, искал, а вышла та же скверность.
Зависишь от судьбы, а ей ты ни к чему.
Швыряет блага в мир и не глядит кому.
Но если уж нельзя бороться с этой силой,
Не тщись ниспровергать закон, тебе постылый,
Пускай он слеп, молчи, он слеп равно для всех.
Кто с Небом согрешил — избрал почетный грех.
И мыслить не дерзай, мысль — это сон, не боле,
Свобода лишь во сне дана земной юдоли.
Свободы в мире нет — барон ли, князь ли, граф,
А кто-то выше есть, и высший — он и прав.
Пока живешь, ты раб — до гробовой минуты,
У всех один покрой, различны только путы:
Из золота — одним, железные — другим,
Но стариков не тронь, оставь забаву им:
Их философию, их споры, школы, книги.
Всем этим словесам не снять с умов вериги!
Давно мы родились, но не рожден вовек
Не знающий цепей свободный человек.
Я тщетно заперся, тащил ученья ношу,
Мечтая, что ярмо тупого рабства сброшу,
Но, раб желания узнать, понять, постичь,
Лишь долг на долг сменил, и вышла та же дичь.

Таков закон вещей, природой не дано нам
Противиться ее возвышенным законам.
Что смертным от того, просвещены ль умы,
Учены ли, маркиз, иль не учены мы.
Науку бедную — что может быть ужасней! —
Осмеивает двор, народ считает басней.
Глупцу смешна латынь, и доктор, дружный с ней,
Хотя б достиг он всех возможных степеней,
Хоть фабри он усы, завейся весь бараном,
Хоть пыль пускай в глаза невиданным султаном,
Коверкай наш язык,— и умник и дурак
Таков уж век! — вскричат: ишь заучился как!
Любимцы наших дней, счастливцы в нашем стане
Приучены держать судьбу в своем кармане,
Им вера, им почет — в наследство от отца.
Что ни начнут они — доводят до конца.
Ты скажешь: «А тогда хватай удачу с тыла,
Тебя-то ведь судьба частенько обходила,
Днюй в Лувре и ночуй, забудь и спать и есть,
Угодничай и льсти, чтоб в кабалу залезть.
Где надо, снагличай, ничто не будет втуне,
Бесстыдство в наши дни способствует фортуне».
Ты прав, маркиз, и все ж, господь оборони,
Чтоб в рабство угодить, на это тратить дни,
Опять искать свой путь и новым капитаном
Потрепанный корабль вести к безвестным странам,
Но, чувствуя в душе то мужество, то страх,
Надежду потопить в неведомых морях.
Меж звезд и титулов наш долг, по их закону,
Меняться что ни час под стать хамелеону,
Там человечностью закон похвастать рад,
Но разницу забыв возмездий и наград,
За те же промахи, привычке верен старой,
Одних он милует, других встречает карой.
Богат ли, знатен ли, силен ли, с кем знаком —
Вот что руководит в решениях судом.
Я этим короля не оскорбил нимало:
Король — податель благ, они его зерцало,
По добродетелям, по сердцу, по уму
Он словно сам Господь и следует ему.
Но твой совет, маркиз, придворным нарядиться
С моим характером, ну право, не годится,
Тут знания нужны, притворство, хитрость, ум,
Я часть открыл тебе моих жестоких дум,

Но нрав мой не таков, ведь я меланхоличен,
Не вкрадчив, к болтовне салонной не привычен,
Я добряком слыву, и в этом есть упрек,
Но я не так умен, чтоб злым считаться мог.
Я не умею быть угодливым и льстивым,
Уж видно, слеплен так, что стал вольнолюбивым,
И, как простой мужик, не знаю, где смолчать,
А где поддакивать, чтоб власть не возмущать,
Как с фаворитами играть в лакейской роли,
Их предков восхвалять и бой под Серизолли,
И день, в который тот, кем славен чей-то род,
И титул получил, и землю, и доход.
Нет, не пригоден я к вранью такого рода,
Холуйствовать, юлить не даст моя природа,
Ужель из рабских чувств, себя же обокрав,
Как платье, каждый день менять и вкус и нрав.
Не стану выступать в суде как лжесвидетель,
Не стану выдавать порок за добродетель,
Быть щедрым на словах, сгибаться, как дуга,
Твердить: черт побери! месье, я ваш слуга.
Кричать: о, как я рад! — при виде всякой швали,
Иль на одной ноге стоять, как цапля, в зале,
Иль слушать болтовню, когда спесивый фат
В ослином раже все покрасить серым рад,
Иль попугайничать в одежде разноцветной,
Прельщать салонных дам прической несусветной,
Иль, чертом изгилясь и покидая зал,
Вскричать: «Салют, друзья!» — как и входя сказал.
Не знаю, как летят кометы иль планеты,
Как жен или мужей разгадывать секреты,
Как видеть добрый взгляд и думать, что душа,
Над внешностью глумясь, не так уж хороша.
Записочки носить — о нет, помилуй боже! —
Я ловкости лишен и красноречья тоже.
От веры отбивать, прельщать потоком фраз
Иль тем, что, мол, закон для сердца не указ,
Девицу совращать,— от мамы по секрету
Пропеть ей песенку про Жана и Пакетту,
И, совесть потеряв, рассказывать при том,
Что где царит Амур, там добр и полон дом,
Там благолепие, довольство и приятность,
И к девушке простой, глядишь, приходит знатность,
Что всё — балет, стихи,— всё для прекрасных глаз,
Что будет почта к ней на дню по десять раз,

Что к славе, к почестям дорога ей открыта,
Что воздыхателей потянется к ней свита,
Скучнейших прихвостней, короче говоря,
Вельможе уступив, себя продаст не зря.
Я не могу внушать — мне это омерзело,—
Что уловлять мужчин совсем простое дело,
Что к ней с вопросами не будут в душу лезть,
Когда дукаты есть и бабье тело есть;
Что станет девушкой, коль деньги заблестели,
Хотя б с ней переспал весь лагерь Ла-Рошели,
А честь — какая чушь! — забава прежних лет,
Обломок идола, в который веры нет.

. . . . . .

Так что же надо знать, чтоб знаньем было знанье?
Вкус нужен, мой маркиз, и нужно пониманье
И виденье глубин, какие в жизни есть.
Что философия! Ей не понять, не счесть
Все тонкости души, все скрепы человека.
А значит, нужен Ум! Ты помнишь басню Грека,
Как львицу встретил волк, какую речь повел
И как решил их спор вмешавшийся осел.

. . . . . .

САТИРА XII

РЕНЬЕ В ЗАЩИТУ САМОГО СЕБЯ

М. Фреминэ

В былые времена художники охотно
На посторонний суд несли свои полотна
И, трезво рассудив, чей правилен совет,
Меняли на холсте где линию, где цвет.
Но то была пора, когда стыдились лести,
Корысти, зависти, когда чуждались мести
И за свои слова ручались головой,
А истина была желанною сестрой.

Ну что же делать нам? Ну как найти управу
На тех, кто нас хулит и славит не по праву,
Когда молва ведет бесчестную игру,
А правда при дворе, увы, не ко двору,

Когда важней всего прическа да манеры,
Когда, чтоб сытно есть, владыкам льстят без меры
В час предобеденный, в обед и до тех пор,
Пока насытится весь королевский двор...
При всем ничтожестве столь наглы эти лица!
Что ж, даже с этим я согласен примириться,
Но эти господа для красного словца,
Увы, не пощадят ни друга, ни отца.

С избытком этого иному бы хватило,
Чтоб в страхе пред молвой душа его остыла,
Чтоб трепетный талант, боясь потерь, зачах.
Нет, я совсем другой, смешон мне этот страх
И души робкие, не знающие риска,
Пред чернью посему я не склоняюсь низко,
Не стану слушать я любую дребедень,
Когда мой стих бранят, костят кому ни лень,
Когда любой профан мне не дает поблажек,
Твердя, что стих мой сух, что слог мой слишком тяжек,
Что, не в пример уму, и юмор мой тяжел,
Что я, конечно, мил, как мил бездумный вол.

Отвечу не спеша на злобный град нападок,
Что доброе вино содержит и осадок,
Что в мире нынешнем различных зол не счесть,
Что раз я человек — и недостатки есть,
Что злобный критик мой мне виден без забрала,
Что и мое лицо скрывать мне не пристало.

Ты знаешь, Фреминэ, гонителей моих,
Чьи темные дела изобличил мой стих,
Кого тщеславие и поздней ночью гложет,
Чей скудоумный дух забыться сном не может,
Кто грешный замысел вынашивает впрок,
Кто бога позабыл и тешит свой порок,
Кто из-за ревности блуждает мрачной тенью,
Кто похотью влеком к бесчестью, к преступленью,
Кто ради алчности присвоить все готов,
Кто не щадит сирот и горемычных вдов?

Такие вот бегут всем скопом бестолковым
Вслед за поэтами, крича, подобно совам.
Их жены скажут вам: «Да это ж клеветник!
В его остротах яд, колюч его язык,
Его сатиры все являют злобный норов,
Друзья и те бегут от желчных наговоров.

Такой свое возьмет...» Ну что ж, помилуй бог!
(За этим должен быть какой-то скрыт предлог.)
Ах, дамам туфли жмут! Иначе для чего бы
Им тратить столько сил и корчиться от злобы?

Вращаясь при дворе, им надо всякий раз
Что-либо утаить от посторонних глаз,
Но прихоти свои скрывать порою трудно,
К тому же страсть всегда бывает безрассудна
И увлекает их в тенета без труда,
Что честью высшею им кажется всегда.

Но честь своих мужей хранят не слишком жены,
У них на этот счет имеются резоны:
Мол, деньги, что они успели промотать,
По их же милости вернутся в дом опять.

Так вот что за труды мне будет воздаяньем!
Вот какова теперь цена людским деяньям,
Когда награды всем дают, куда ни глянь,
А высшая из них — презрение и брань.

Что делать мне, мой друг! Спасаясь от навета,
Насмешкой отвечать я вынужден на это.
Отец мой толковал, что людям не грешно
Учиться у других всему, в чем есть зерно,
И что прилежные, чей ум пытлив и гибок,
Уроки извлекут, чтоб избежать ошибок.
Еще он говорил: «Распознавай людей:
К примеру, тот — ленив, а этот — блудодей
И все имущество свое раздарит шлюхам,
Один честолюбив, другие верят слухам,
Пьер, добрая душа, остался на бобах,
И Жана-простака постиг недавно крах,
А Клода разорит любимая соседка».
Так мой отец глаза мне раскрывал нередко
На стоящих людей и на людей пустых,
Чтоб я одних искал, чтоб избегал других,
Чтоб все перенимал, что мудро или ценно,
И так добро и зло постиг я постепенно.

Представь, с тех пор во мне тот голос не умолк,
Он стойкость мне дарит, внушает сердцу долг,
Подсказывает мне, как в этом царстве скверны
Избрать достойный путь, единственный и верный.

Больной, узнав о том, что умер вдруг сосед,
В испуге, что и сам умрет во цвете лет,
Согласен принимать во имя излеченья
Лекарства горькие, готов просить прощенья.

Пример смирения в такие дни берет
У самых кротких душ строптивый сумасброд,
И порицания ему тогда во благо,
Они предохранят от пагубного шага.

Что я ни делал бы, я кое-что сберег,
Хотя с годами все и растерять бы мог
При помощи друзей, их вечных наставлений,
А тут еще и мой рассудок, добрый гений...
Ну что поделаешь? Не в силах человек
Прожить, как хочется, как должно, бренный век
В юдоли, где святых и ангелов не видно,
Где жизнь смиренная — и та уже завидна,
Когда поистине хвалы достоин тот,
Кто склонен к доброте, кто праведно живет.

Когда я прихожу в себя в конце болезни,
С собой наедине (что может быть полезней?)
Люблю я размышлять о смысле бытия
И о призвании; пытаюсь вникнуть я
В природу разных душ; и вот на лист широкий
Ложатся под пером моей сатиры строки,
Где намечает вмиг мой беспощадный глаз
Весь мир неназванный, но зримый без прикрас.

Таков мой главный грех, ни мало и ни много.
Но отпускать грехи, известно, дело бога,
Пускай и взыщет он с меня за этот грех;
К тому ж, писанье — блажь, доступная для всех.

Перо как ремесло прекрасно, как забава,
Им поражать врага мы все имеем право,
Сражаться кое с кем захочется — изволь,
Подобную дуэль не запрещал король.
Уж биться — так вовсю, не требуя пощады,
А то ведь ловкачи без боя сдаться рады.

Но это говорит сатирик, острослов.
Я ж на своем стою и утверждать готов:
Зубастые бойцы! Ведь не щадят усилий!
Злодея бьет злодей, а про дела забыли...

ВСЕ НЕ ВОВРЕМЯ

Мой первый муж, когда, к несчастью,
Была я чересчур юна,
Ко мне пылал и в полдень страстью,
И в полночь не давал мне сна.
Теперь я для любви созрела,
Полна желаний и огня,
Но нет второму мужу дела
Ни днем, ни ночью до меня.
Мой первый муж такой был нежный!
А что второй? Бревну сродни.
Амур! Верни мне возраст прежний
Иль мужа прежнего верни.

АВТОЭПИТАФИЯ

Послушный прихотям природы,
Вкушал я мирно дни и годы
В беспечной праздности своей.
Меня немало удивило,
Что смерть прийти не позабыла
К тому, кто позабыл о ней.

ПЬЕР МОТЕН

ДИАЛОГ ЖАКМАРА И САМАРИТЯНКИ НОВОГО МОСТА

Он

О гордость Нового Моста, Самаритянка!
Ваш верный друг Жакмар в стихах вам шлет поклон
И заверяет вас, прелестная смуглянка,
Что вот уже два дня он страстно в вас влюблен.

Она

Любезный мой Жакмар, властитель башни старой,
Где духи прячутся и где вам не до сна,—
Жакмар, пусть назовут нас все влюбленной парой!
Коль вправду любите, я тоже влюблена.

Он

Кудрявый ветерок, покинув берег Сены,
О вашей красоте поведал мне в тиши.
С тех пор моей души страданья неизменны,
Поскольку я влюблен, а вы так хороши.

Она

Дня три тому назад знакомая ворона,
Из тех, что на руки садятся к вам порой,
Мне описала вас: честь ваша непреклонна...
И я, узнав о том, утратила покой.

Он

Есть у меня для вас гнездо, в котором птица
Все лето прожила, а завтра улетит.
Она клевать свой корм нисколько не боится,
Усевшись близ меня: приятен ей мой вид.

Она

Я рукавицы вам преподнесу в подарок,
Чтоб руки отогреть, державшие металл,
А если летний день чрезмерно будет жарок,
Смогу вам заменить прохладу опахал.

Он

Хочу, чтоб утреннее ваше пробужденье
Всегда приветствовал крик сов и лай дворняг,
И серенадою пусть кажется вам пенье
Крылатых демонов, что населяют мрак.

Она

Печальной музыки вам только внятны звуки:
Зов черных воронов, протяжный волчий вой.
А я... я слышу свист томящихся от скуки
Юнцов, что трудятся в лавчонках день-деньской.

Он

Я только в колокол звоню здесь то и дело,
А должен бы водить в сраженье батальон.
Но если б нам судьба быть рядом повелела,
То не такой бы я сумел поднять трезвон.

Она

Какое мужество! Такое лишь в театре
Порою встретится. Ах, крылья б мне иметь!
Или иметь корабль, подобно Клеопатре,
Чтоб мой Антоний мог вблизи меня узреть.

Он

Хоть небо против нас и хочет без ответа
Оставить наш призыв, на хитрость я пущусь:
Подобно королям, чья гордость мной задета,
Через посредника я с вами обручусь.

Она

Достойнейший Жакмар, тогда чего вы ждете?
Вам надо действовать, иного нет пути.
И если девственной меня вы не найдете,
То значит, девственниц в Париже не найти.

ОТ ЖАННЫ Я УШЕЛ

От Жанны я ушел в час поздний, как обычно.
Я под дождем шагал, и вдруг из-за угла
Навстречу мне патруль. Ночь темная была,
И в этой темноте я крик услышал зычный:

«Стой! Кто идет?» Стою. Тогда, рукой привычной
Мне обыск учинив, сказали: «Ну, дела!
Он мокрый, он продрог, еще спалит со зла
И королевский двор, и город наш столичный».

Сказал я: «Господа, в чем дело, не пойму.
Школяр я...» — «Черт возьми, в тюрьму его, в тюрьму!
Как! Ночью... под дождем... слоняться? Очень странно!»

И тут я, вырвавшись, пустился наутек.
Что это? Бунт? О нет! Но я насквозь промок,
И ведь меня в плену и так уж держит Жанна.

ЖАН ОВРЭ

КТО ОН?

Кто он, бунтующий и гордый человек?
Увы, всего лишь дым, и ветер им играет.
Нет, он не дым — цветок: его недолог век,
В час утренний расцвел, а к ночи умирает.

Итак, цветок... О нет! Поток бурлящий он,
Ждет бездна черная его исчезновенья.
Так, значит, он поток? Нет, он скорее сон,
Вернее, только тень ночного сновиденья!

Но может хоть на миг тень неподвижной стать,—
В движенье человек, покуда сердце живо;
Сон может истину порою предсказать,
А наша жизнь всегда обманчива и лжива.

В потоке новая начнет журчать вода,
Что из источника не иссякая льется;
Коль умер человек — он умер навсегда,
Подмостки бытия покинув, не вернется.

Хотя цветок и мертв, растенье не мертво:
Весной украсится опять оно цветами;
Но умер человек,— страшны цветы его
И называются могильными червями.

Едва утих порыв шального ветерка,
Срастаются клочки разорванного дыма;
Но душу оторвать от тела на века
Не стоит ничего, а смерть неотразима.

Так кто ж он, человек, столь чтимый иногда?
Ничто! Сравненья все, увы, не к нашей чести.
А если нечто он, так суть его тогда —
Дым, сон, поток, цветок... тень.— И ничто все вместе.

Я ВПАЛ В ЭКСТАЗ

Я впал в экстаз и вот почувствовал, как вдруг
Меня, бесчувственного, сила чьих-то рук
От самого себя отторгла и нежданно
На гору вознесла таинственно и странно.
Была чудовищной гора, и на нее,
Зловеще каркая, слеталось воронье
И разлагавшиеся трупы там терзало.
Там были виселицы, плахи, кровь стекала
На землю чахлую; там только смерть была,
Смерть и гниение, кошмары, ужас, мгла.

И чтоб моя душа в испуге онемела,
Пред нею крест предстал: висело чье-то тело
На том кресте, что был недавно возведен;
Распятый человек казался страшным: он
Так окровавлен был, так грязен, изувечен,
Такими ранами и язвами отмечен,
Что человек с трудом угадывался в нем.
Из тысяч ран его хлестала кровь ручьем,
Кровь залила глаза, стекая ручейками,
И было все лицо осквернено плевками,
На чреслах и руках пылали синяки;
Страданье жгучее, вонзая в плоть клыки,
Взбиралось по кресту подобием пожара
И, кости поломав, осколками их яро
Прошило кожу всю, свело гримасой рот;
Как бы без внутренностей, высохший живот
К хребту разбитому прилип, и крепче стали
Шипы терновника до мозга проникали.
Виднелись на лице следы кровавых слез,
На лоб спадала прядь свалявшихся волос,
Истерзанная плоть, утратив форму тела,
Распространяя смрад, лохмотьями висела.
И словно те, кто был проказою убит,
Распятый на кресте, являя страшный вид,
Покрыт был язвами, и язвы обнажили
Его артерии, суставы, сухожилья;
Не стоило труда все кости сосчитать:
Был предо мной скелет или, верней сказать,
Какой-то призрак был, ужасное виденье,
Не мертвый человек — ночное привиденье,
Когда бы не глаза с кровавой пеленой:
Сквозь эту пелену струился свет живой
И так прекрасен был, что тот мертвец, казалось,
Не умер... Или жизнь со смертью в нем сливалась.

В ДВИЖЕНИИ ЭТОГО МИРА

...Нет, нет, для нас искать опоры в этом мире
Есть то же, что поймать орла в небесной шири,
Что в утлой лодочке пуститься в океан,
Висеть на волоске, бежать по скользкой льдине,
Цепляться за траву, ловить мираж в пустыне
И удержать в сетях клубящийся туман.

За тучу черную садится солнце славы,
И в ласках сладостных есть горечи приправа,
Нередко за спиной Фортуна прячет нож;
Нет в мире никогда покоя без мучений,
Нет розы без шипов, нет дерева без тени,
Без темной стороны медали не найдешь...

ЭТЬЕН ДЮРАН

СТАНСЫ НЕПОСТОЯНСТВУ

Душа возвышенной души, Непостоянство,
Эол тебя зачал, могучий царь ветров.
Прими, владычица подлунного пространства,
Венок из этих строк для твоего убранства,
Как принял некогда всем сердцем я твой зов.

Богиня, что нигде и всюду обитает,
Ты, нам даруя день, к могиле нас ведешь,
Благодаря тебе желанье расцветает
И вянет в тот же миг, и небосвод вращает
По кругу сонмы звезд, чей отблеск так хорош.

Коль держится земля на прочном основанье,—
Движенье атомов опору ей дает;
Начертан на спине Нептуна знак признанья
Величья твоего: для тела мирозданья
Одна твоя душа — поддержка и оплот.

Наш разум с ветром схож, и то, что думал ране,
Что ясным полагал, то завтра — словно ночь;
Все переменчиво, все как на поле брани,
Прошедшее — ничто, грядущее — в тумане,
А наступивший миг — мелькнул и скрылся прочь.

Я мысль запечатлеть желал бы, но бескрыло
Мое желание: покуда мыслю я,
Мысль изменяется, и все, что в прошлом было,
То настоящее своим потоком смыло,
Мой разум стал другим, а с ним — и мысль моя.

С тех пор как приобщен я к твоему величью,
Дана защита мне от унижений злых,

И я смеюсь над тем, кто хлыст и долю бычью
Свободе предпочел, кто покорился кличу
Сил тиранических, чтоб числиться в живых.

Среди снегов и льдин я раздуваю пламя,
Средь вспышек радости заботою объят,
И счел бы я за грех, коль самой лучшей даме
Принадлежать бы стал я сердцем и мечтами
Чуть дольше, чем на ней мой задержался взгляд.

О дева воздуха в чудесном оперенье,
Чья власть меня спасла от рабства и цепей!
Дарю тебе следы моих былых крушений,
Изменчивость любви, ее опустошенье
И эту ветреницу, ставшую моей.

Дарю всю красочность картины фантастичной,
Где страсть любовная с игрой переплелась,
Где есть забвение, надежда, и привычный
Угар желания, и жар меланхоличный,
И ветра с женщиной разгаданная связь.

Гроза, морской песок, разорванные тучи,
Потоки воздуха над гулкой пустотой,
Сверканье молнии, слеза звезды падучей,
Никем не виданные пропасти и кручи
Служили красками мне для картины той.

Мою любовницу я дам тебе, чтоб всюду
В ней видели твой храм без купола и стен,
И сердце дам ее, чтобы причастный чуду
Был у тебя алтарь; твоим жрецом я буду
И стану прославлять бессмертье перемен.

ТЕОФИЛЬ ДЕ ВИО

ЛЮБОВНОЕ ОТЧАЯНИЕ

Моя душа мертва, в ней живо лишь страданье,
С тех пор как должен быть я вдалеке от вас,
И если б я не жил надеждой на свиданье,
Уже давно б настал моей кончины час.

Пускай земная твердь лишится небосвода,
Пусть солнце навсегда покинет небеса,
Пусть перепутает все атомы природа,
Но пусть позволят мне вновь вам глядеть в глаза.

Ни с болью дерева, разбитого грозою,
Ни с мукой жителей, чей город сдан врагу,
Ни с горем крепости, разрушенной войною,
Ни с чем отъезда боль сравнить я не могу.

Сегодня ваш Дамон уже почти что призрак,
Я стал похож на тень, и речь едва слышна,
И жалобы мои — последний жизни признак,
Нет больше чувств, нет сил, осталась боль одна.

Моя душа в тисках, огонь течет по венам,
Терзает сердце гриф, и змей клубок в груди,
Но память я храню о счастье незабвенном,—
Страданья худшего на свете не найти.

Два месяца пути — как бесконечно долго!
Меня любовь и честь ведут по городам:
Быть с принцем и служить ему — веленье долга,
Веление любви — скорей вернуться к вам.

И даже если вдруг средь горестных скитаний
Дарили боги мне крупицы красоты,
Я только ощущал сильнее гнет страданий,
В прекрасном я искал опять твои черты.

На все вокруг смотрю глазами я твоими...
Куда ни занесен безжалостной судьбой,
Какими ни брожу краями я чужими,
Везде моя душа полна одной тобой.

Я словно онемел, утратил слух и зренье,
Не может излечить меня ничей совет,
Лишь мысли о тебе приносят утешенье,
Прекрасный образ твой мне заслоняет свет.

Прошу, в разлуке будь суровой и печальной,
Бери с меня пример, и позабудь про двор,
Прогулок избегай, катаний, залы бальной,
Одна любовь для нас священна с этих пор.

Религия моя — твоя любовь отныне.
Часовней стал мой дом, иконой — твой портрет,
Я всей душой служу теперь одной святыне,
Слова любых молитв мне заменил сонет.

Я мрачен и угрюм среди хлопот военных,
Как будто одержим завоеваньем стран,—
На самом деле я лишь в грезах неизменных,
И быть всегда с тобой — вот мой военный план.

ВИСЕЛИЦА

Страх смерти потрясти и самых стойких может;
И сон бежит от глаз,
Когда отчаянье всю ночь не спит и гложет
Того, чей пробил час.

Как ни была б душа закалена судьбою,
Как ни была б сильна,—
Погибель верную увидев пред собою,
Она потрясена...

Пока для узника еще не стало ясно,
Что все предрешено,
Скрежещущих оков влачит он груз ужасный
С надеждой заодно.

Когда же приговор кровавый и суровый
Порвет надежды нить,
Когда войдет палач, чтоб узника оковы
Веревкой заменить,

Тогда до капли кровь в его застынет жилах,
Застынет в горле крик,
Виденье виселицы он теперь не в силах
Забыть хотя б на миг.

Всем существом своим он неразлучен с нею:
Сводя его с ума,
Она встает пред ним, и вид ее страшнее,
Чем яд или чума.

Своим отчаяньем родных он заражает,
Поит он допьяна
Своей бедой толпу, что на него взирает,
От мук его бледна.

А с Гревской площади подземным веет чадом,
Глядит на Сену он —
И видит Ахерон, и каждый, кто с ним рядом,
Не человек — Харон.

Слов утешения монаха он не слышит,
И в глухоте своей,
Хотя еще живой, хотя еще он дышит,
Он мертвеца мертвей.

Все чувства умерли, черты лица сместились,
В глазах застыла тьма...
Безумьем было бы, когда бы сохранились
В нем проблески ума.

Всё уничтожили в нем ужас и страданье;
Сквозь тысячу смертей
Прошел он... И удар, что оборвал дыханье,
Был всех других слабей.

ОДА

Ворон каркает зловеще,
Мрак сгустился предо мной,
Пересек мне зверь лесной
Путь-дорогу, конь трепещет,
Спотыкается мой конь,
Грянул гром, сверкнул огонь,
Мой слуга исчез в тумане...
Смутный призрак вдруг возник,
Слышу я Харона крик,
Вижу бездну под ногами.

Вспять потоки потекли,
Лезет бык на шпиль церковный,
Кровь бежит струей неровной
Из расщелины земли.
Над высокой башней мгла,
Там змея грызет орла;
В глыбе льда огонь пылает;
Месяц ветром унесло,
Солнце черное взошло,
Лес округу покидает.

СУЩЕСТВА В ОБЛИЧЬЕ СТРАННОМ

Существа в обличье странном
У природы не в чести:
Редки встречи с великаном,
Трудно карлика найти.

Мало женщин как Елена,
Нет как Нестор мудрецов,
Крепче пьяницы Силена
Мало в мире молодцов.

Мало псов, как Цербер, грозных,
Нет реки как Ахерон,
Нет ночей совсем беззвездных,
Не всегда в ладье Харон.

Нет синей небесной сини,
Лучше нет, когда весна,
Горче нет, чем сок полыни,
Ничего нет слаще сна.

Громче грома редки крики,
Мало гор как Пелион,
Редкий зверь, ручной иль дикий,
Львиной силой наделен.

Редко высшее блаженство,
Редок час великих мук,
И так мало совершенства
В том, что видим мы вокруг.

ПИСЬМО К БРАТУ

(Фрагменты)

Мой брат, последний мой оплот,
Ты, кто один на белом свете,
Находишь нестерпимым гнет,
Который лег на плечи эти;
Друг верный, пылкий и прямой,
Готовый следовать за мной,

Чтобы в беде мне быть опорой,
Спаси в последний раз меня:
Пусть мне позволят жить, коль скоро,
Измученный, не умер я.

Когда надежды свет нельзя
Узреть за черной пеленою,
Когда и судьи и друзья
Захлопнут двери пред тобою,
Когда устанешь ты просить,
Когда устанешь слезы лить,
Взирая на мои мученья,—
Моли судьбу, чтобы гроза
Гнала корабль мой в порт спасенья
Или закрыла мне глаза.

Кто может о грядущем знать?
У наших бед свое теченье,
И не дано нам разгадать
Истоки их и назначенье.
Лишь богу ведомо о том,
Что ждет нас, а своим умом
Не можем мы осмыслить это,
Не можем знать путей своих,
Как нам не разгадать секрета
Морских течений, волн морских...

Но изменения всегда
И миром правят и природой.
Изменит и моя звезда
Свой путь, отмеченный невзгодой.
Бедой мой разум иссушен,
Слезами взор мой замутнен,
Кровь стынет от тоски и боли.
Но после ночи — свет в окне,
И беспросветный мрак неволи
Свободу предвещает мне.

Какие бы силки опять
Враги ни расставляли всюду,
Надежды мне не потерять,
Что я в Буссэре снова буду.
Придет пора — и бог дневной
Заблещет светом предо мной

Над нашим родовым именьем,
Чтоб снова я увидеть мог,
Как он, пылая прежним рвеньем,
Лучами золотит песок.

Зеленый лес увижу я,
В котором ждет меня прохлада,
Увижу, как, траву жуя,
Мычащее пасется стадо,
И с каждой новою зарей
Вновь зарастает луг травой;
Увижу тропы к водопою,
Услышу жалобы песка
И эхо, что ворчит порою
В ответ на ругань рыбака.

Всю ночь на берегу готов
Рыбак от холода томиться,
Считая, что его улов
С морским уловом не сравнится.
Но, хоть добыча велика,
Ничтожна прибыль рыбака:
Порою даже рвутся сети,
Так много рыбы из воды
Он извлекает здесь, но эти
Не окупаются труды...

Увижу, как цветут луга,
Увижу, как траву срезают
И как, сложив ее в стога,
На них крестьяне отдыхают.
Поскольку в климате таком
И виноградом и вином
Всегда бывал наш край обилен,
То я, когда настанет срок,
Увижу, как во мгле давилен
Струится пенящийся сок.

Там, как ведется с давних пор,
Бельгард наш устали не знает:
На все свой обращая взор,
Доходы он преумножает.
Он скажет, много ли стогов
Удастся вывезти с лугов

И сколько шерсти даст нам стадо,
И лучше стариков-крестьян
Решит он, что́ посеять надо
И есть ли в чем-нибудь изъян.

Как и в былые времена,
Все поровну делить мы будем:
Из наших мест устранена
Вражда, что жить мешает людям.
И, братья, сестры, дети их,
Во власти помыслов одних
Благословим мы край прекрасный,
Где все в избытке мы найдем.
Войны бы только гром ужасный
Не сотрясал наш тихий дом.

Когда б такая благодать
Остаток дней моих венчала,
Другие радости искать
Моя б душа не помышляла.
Свобода наконец должна
Мне счастье возвратить сполна.
И я не сделаю ни шагу,
Чтоб Лувр увидеть... А потом
Спокойно в ту же землю лягу,
Где предки спят последним сном.

Вот те права, что край родной
Имеет на меня с рожденья,—
И коль во Франции со мной
Сочтется смерть — мне нет прощенья.
Как ни было б коварно зло,
Но от Гаронны и от Ло
Не отделить моей могилы.
И где б ни довелось мне жить,—
Вдали от мест, что сердцу милы,
Нельзя мне голову сложить.

Надежда от меня бежит,
Мои невзгоды — непрестанны,
Труд незаконченным лежит,—
Пора мне дать покой желанный.
Как был безжалостно суров
Гнев этих яростных умов!

Как был гоним я злобой черной!
Не выдержав, я низко пал:
Невинный, каялся притворно
Я в том, чего не совершал.

О! Страждущего без вины
Напрасно крики раздаются:
Сердца железные страшны,
Они на крик не отзовутся.
Уж год пылает ярость их,
И нет на свете слов таких,
Чтоб загасить ее пыланье.
Кто справедливей всех, и тот
Считает за благодеянье,
Коль раны мне не нанесет.

Но что бы я ни перенес,
Мои убийцы непреклонны.
К чему же было столько слез,
К чему смирение и стоны?
Чтобы лишиться света дня?
Лишиться воздуха, огня?
И стены каменного ада
В тоске безмолвной созерцать?
Или меня изжарить надо,
Чтоб лютый голод их унять?

Лишь ты — последний мой оплот,
Лишь ты, один на белом свете,
Находишь нестерпимым гнет,
Который лег на плечи эти;
Брат верный, пылкий и прямой,
Готовый следовать за мной,
Чтобы в беде мне быть опорой,
Спаси в последний раз меня:
Пусть мне позволят жить, коль скоро,
Измученный, не умер я.

АПОЛЛОН

Я тот, чьи алтари чтут всюду во Вселенной,
Чьи стрелы гибельны, чей взгляд светлей огня;
Я тот, кто и богов страшит в грозе военной!
Борьба со смертными достойна ли меня?

Но дерзость их мою природу исказила,
Завидующих мне карать я принужден.
Всему живущему давал я жизнь и силы,
Теперь невольно смерть приносит Аполлон.

Все алтари мои навек освобожу я
От нечестивцев злых, сразив их тучей стрел.
К моим оракулам, лишь истины взыскуя,
Все смертные придут провидеть свой удел.

Могу я повелеть, чтоб ветры онемели,
А мрамор мертвенный обрел живую речь.
Мной предначертаны царям пути и цели,
Могу я музыку из дерева извлечь.

Дохну — и чаши роз полны огня живого,
Лилейной белизне я блеск живой даю,
Замерзнувшим полям жизнь возвращаю снова,
И мне воскресший мир несет хвалу свою.

Но только скроюсь я, везде иссякнет пища,
Наступят ужас, мрак; покроет землю лед,
Цветущие сады он превратит в кладбища,
И лишь сомкну глаза, весь мир живой умрет.

СОНЕТ ТЕОФИЛЯ НА ЕГО ИЗГНАНИЕ

Любимцы короля, льстецы и острословы,
Вы при дворе нашли гостеприимный кров,
Карающий закон к вам вовсе не суров,
От вас и небеса свои отводят ковы;

Должно быть, с легкостью вы осудить готовы
Потоки этих слез и горечь этих слов,—
Спросите же у скал, у сумрачных лесов,
Простерших надо мной сочувственно покровы,

И вы узнаете — нет горше бед моих!
Рассудка доводы не облегчают их —
Ужель средь стольких зол останусь хладнокровен?

Надежду приступом теснят со всех сторон;
И мне ль надеяться, что буду я прощен?
Увы — прощенья нет тому, кто невиновен!

ЭПИГРАММА

Я полностью согласен с Вами в этом —
Лишь сумасшедший может быть поэтом.
Но, видя Вас, оговорюсь: о нет!
Не всякий сумасшедший есть поэт.

* * *

Недавно, пламенем божественным объятый,
Я в храм вошел, где все дышало тишиной,
И, с грешною своей беседуя душой,
Раскаяньем томим, вздыхал я виновато.

Но, всех богов моля отсрочить час расплаты,
Увидел я Филлис. Пред красотой такой
Я крикнул: «Для меня все боги — в ней одной,
Лишь ей принадлежат алтарь и храм богатый!»

Тут боги впали в гнев и за любовь меня
Задумали лишить навеки света дня;
Но что мне месть богов и пламень их небесный?

О, если, смерть, решишь ко мне ты заглянуть,
Я с радостью пройду страдальческий свой путь,
Чтоб умереть за ту, чьи взоры столь чудесны!

СТАНСЫ

Люблю — и в этом честь моя;
Никто из смертных, знаю я,
Не испытал подобной страсти,
И чем бы ни грозил мне рок —
Смерть не страшна мне, видит бог:
Ведь жизнь моя — лишь в Вашей власти!

Смиреннейшие из людей,
Склонясь во прах у алтарей,
Ища богов благоволенье,
Сжигают только фимиам;

А я, верша служенье Вам,
Решаюсь... на самосожженье!

Монархи — баловни судьбы:
Сеньоры наши — им рабы,
Стихии им подвластны тоже,
Весь мир — их замок родовой;
А я владею — лишь тюрьмой,
И мне она всего дороже...

АНТУАН ДЕ СЕНТ-АМАН

УЕДИНЕНИЕ

(Фрагменты)

Как я люблю уединенье!
Как этот край, чей свят покой,
Вдали от суеты мирской
Мне по душе в моем смятенье!
О, боже! Как я видеть рад
Леса, что на заре Вселенной
Надели из листвы наряд
И красотой своей нетленной,
Как и столетия назад,
К себе приковывают взгляд.

Среди листвы зефир-повеса
Играть без устали готов,
И только высота стволов
Изобличает возраст леса.
Сюда со свитой поспешил
Укрыться Пан в былые годы,
Когда Юпитер порешил
На мир с небес обрушить воды,
И, спрятавшись в ветвях густых,
Пан ждал, чтобы потоп утих.

Как воскрешает филомела
Былые сны в душе моей,
Когда она среди ветвей
Свой голос пробует несмело!

Как любо мне величье гор!
Хотя к их безднам и обрывам
Влекло недаром с давних пор
Тех, кто был слишком несчастливым
И кто в отчаянье искал
Со смертью встречи среди скал.

Как по душе мне буйство это
Потоков, падающих с гор
И скачущих во весь опор
В долину, где бушует лето!
Затем, как змеи в гуще трав,
Они ползут, ища прохлады;
Средь зарослей ручьями став,
Они приютом для наяды
Становятся, и возведен
Там для нее хрустальный трон.

Как радуют меня болота
С боярышником по краям!
Растет ольха и верба там,
И вечно длится их дремота.
Приходят нимфы в те места
И, прячась от жары, срывают
Тростник.болотный: их уста
Его в свирель преображают;
Страшась какой-нибудь беды,
Глядят лягушки из воды.

Там водоплавающей птице
Вольготно жить, поскольку ей
Дурных охотничьих затей
Не надо никогда страшиться.
Одна из птиц погожим днем
Всё чистит перья, а другая
В любовном трепете своем
Бьет крыльями, в воде играя;
И всем им лоно этих вод
И радость и приют дает.

Ни летом, ни порой холодной
Там не услышишь никогда,
Как за кормой журчит вода,
Как скачет конь близ глади водной.

Там путник алчущий не пьет
Струю холодную с ладони,
Там загнанных косуль не ждет
Смерть после яростной погони,
И рыб не тащит на песок
Стальной предательский крючок.

Люблю смотреть на запустенье
Старинных замков, чьих руин
Не пощадил поток годин
В своем извечном исступленье.
Там правят шабаш колдуны,
Там злые духи обитают
И, дикой резвости полны,
Нас по ночам с пути сбивают;
Найдя в расщелинах приют,
Ужи и совы там живут.

Орлан во мраке смерть пророчит,
Зловещий испуская крик,
И домовой, проснувшись вмиг,
В ответ и пляшет и хохочет.
Скрипя, качается скелет,
Свисая с балки прокопченной;
Повесился во цвете лет
Там некогда один влюбленный
Из-за пастушки злой; она
Была с ним слишком холодна.
. . . . . .
В моем причудливом творенье,
Я думаю, заметишь ты
Хотя бы отблеск красоты,
Пленяющей воображенье.
Порой смеясь, порой грустя,
Как вдохновенье повелело,
В согласье с тем, что вижу я,
Слова из сердца рвутся смело,
Свободы не лишив меж тем
Тот дух, что остается нем.

Как я люблю уединенье!
Искусство Аполлона там
Я, предающийся мечтам,
Сумел постичь в одно мгновенье.

Еще из-за тебя люблю
Уединенье, ибо вижу,
К нему, мой друг, любовь твою,
За что его я ненавижу:
Ему легко меня лишить
Возможности тебе служить.

ТРУБКА

Поближе к очагу присев на связку дров,
Я с трубкою в руке задумался глубоко
О горестях моих, о власти злого рока,
О том, что чересчур со мною он суров.

Но теплится в душе надежда, и готов
Я верить, что судьба, по истеченье срока,
Изменит жизнь мою, я вознесусь высоко
И в славе превзойду властителей миров.

Но стоит табаку в горсть пепла превратиться,
Как мне с моих высот приходится спуститься,
Сойдя в низину бед, чей мрак непобедим.

Нет! Что ни говори, различие большое
Никак нельзя найти меж трубкой и душою:
Надежда иль табак, то и другое — дым.

КУТИЛЫ

Лежать в разгар зимы втроем в одной постели,
Поставленной в чулан, где ни огня, ни свеч,
И слышать злых котов готическую речь,
И видеть их зрачков светящиеся щели;

Забыть, когда и где в последний раз мы ели,
Для изголовия полено приберечь,
Скрести под мышками, чтобы себя развлечь,
Мечтать, гримасничать, болтать без всякой цели;

И шляпу до ушей, а не ночной колпак
Натягивать, ворча, и думать, что никак
Не может рваный плащ сравниться с одеялом;

Постичь трактирщика дурное естество,
Когда отказывает он и в самом малом,—
Вот до чего порой доводит мотовство.

АЛЬПИЙСКАЯ ЗИМА

Повсюду огненные атомы сверкают,
Восточной роскоши печать лежит на всем:
Искрится золотом зима и хрусталем,
И космы белые ей ветры развевают.

Одежду хлопковую горы надевают,
Дороги водные прозрачны подо льдом,
Морозный воздух чист, царит покой кругом,
И, видя это все, глаза мои сияют.

Мне холод по душе, зиме всегда я рад;
Ее сверкающий и девственный наряд
Скрыть преступления земли на время может.

Не потому ли Зевс так благосклонен к ней?
Не потому ль щадит он ясность этих дней
И в гневе никогда их громом не тревожит?

ПОПОЙКА

Полно, други, рифмы плесть!
Поумней забавы есть.
Вакх зовет нас благодатный
К жизни более приятной.
Бросим к дьяволу союз
Девяти курносых муз
С Фебом, дядькой их суровым,
Скрипачом пустоголовым.
Что́ нам в их кистях, в смычке,
Что в священном ручейке,

В поэтическом паренье,
Этом диком исступленье?
А Пегас? Ей-ей, Лаваль,
Он лишь лошадь, и едва ль
У того ума палата,
Кем скотина чтится свято.

Виден ливень из окна;
Пусть же льется дождь вина
В наши глотки неустанно:
Эта влага нам желанна.
Скорби и заботы прочь!
Проведем шумнее ночь,
Чтоб алеющей Авроры
На хмельных упали взоры.
Не проспим и полчаса,—
Спать успеем, Буасса;
Смерть своей рукой постылой
Всех уложит нас в могилу,
И тогда в глубокий сон
Будет каждый погружен.
Нынче насладиться надо
Дивным соком винограда.
С одобрением глядим
На Фаре: он полон им.

Будь к нам благ, о Вакх пригожий!
На моей ты видишь роже
Благородный образ твой,
Мазан винною струей.
Этим образом священным,
Скипетром твоим нетленным —
Тирсом, что всегда подъят,—
Воплем яростных менад,
Роскошью хмельного бреда,
Вечною твоей победой
Над ордою злых забот,
Милой вольностью острот
За наполненною чашей,
Верною любовью нашей
К многошумным кабакам,
Радостью, царящей там,
Песнопеньем пьяных оргий,
Выражающим восторги

Слуг твоих, о господин,
Искрометным цветом вин,
Гулом масленой недели,
Запахом твоей купели,
Звоном кубков на столе,
Пьяным старцем на осле,
Благостью твоих мистерий,
Где для всех открыты двери,
Соком виноградных лоз,
Ароматом свежих роз,
Бешеных сатиров пляской,
Этой вкусною колбаской,
Пряно пахнущим жарким,
Над которым вьется дым,
Воскурением табачным
И приютом этим злачным,
Прелестью хмельных утех,
Возносящих к небу смех,
Окорока дивным жиром,
Старым и червивым сыром,
Наших чоканий чредой,
Презирающей покой,
Мной вкушаемой маслиной,
Этой коркой апельсина
И — уж коль на то пошло —
Рожей пьяного Жилло
Все тебя мы заклинаем:
Будет пусть неисчерпаем
Кубок наш,— мы все хотим
Братством стать, о Вакх, твоим.

ЛЕНИВЕЦ

Заворожен тоской и ленью, сердцу милой,
Лежу в постели я, как заяц без костей,
Глубоким спящий сном в паштете для гостей,
Иль словно Дон-Кихот с его мечтой унылой.

Шуми в Италии война с двойною силой,
В борьбе за власть пфальцграф пади иль одолей,—
Слагаю светлый гимн я праздности своей,
Чьей ласкою душа объята, как могилой.

Мое безделие настолько сладко мне,
Что думаю: всех благ достигну я во сне —
Недаром от него я раздобрел немало.

Так ненавижу труд, что просто мочи нет
На краткий миг с руки откинуть одеяло,
Чтоб этот записать, о Бодуэн, сонет.

АРИОН

Когда до берега дельфин домчал поэта,
Счастливый Арион принес богам обеты —
И видит: стаи рыб, мелькая там и тут,
За голосом его божественным плывут.
Они из ясных вод взлетают ввысь мгновенно,
Но, чтоб избегнуть мук гармонии блаженной,
В глухую глубину они уходят вдруг,
И по воде скользит за кругом зыбкий круг,
Возникнув, ширится, чтобы пропасть, блистая,
И вновь перед певцом синеет гладь морская.

ВИДЕНИЯ

Терзаем день и ночь злосчастною судьбой
И позабыв давно услады и покой,
Я, весь дрожа, вхожу в мир сказок и видений,
Где шабаш ведьм, где стон, как в огненной геенне;
Блуждаю я в аду, всхожу на небосвод;
Тень предка моего передо мной встает;
Вот шагом медленным, глядя во тьму печально,
Навек закутанный в свой саван погребальный,
Он легким призраком проходит в тишине,
И бледен я лежу, и стынет кровь во мне;
От страха мой колпак вздымается невольно,
И что-то тяжкое сжимает сердце больно.
Хочу я закричать, но издаю лишь стон:
Рукой холодной рот мне зажимает он;
И нудно в воздухе пророчит помертвелом
Несчастья страшные, и, медленно шепча
Слова зловещие над неподвижным телом,
Он слабо моего касается плеча.

Бродячие огни я вижу непрестанно;
В ушах немолчный шум, и вновь в сетях обмана
Мильоны смутных чувств — плод призрачной игры...
Когда пьянят наш мозг туманные пары,
Тогда фантазии витают надо мною,
Преображая все в безумие ночное.

ШАРЛЬ ВИОН Д'АЛИБРЕ

БОЛЬШОЙ И ТОЛСТЫЙ

Большой и толстый, я с трудом
Вмещаюсь в тесном кабинете,
Где о тщеславии людском
Пишу сонет при тусклом свете.

К чему просторы, если там
Из виду близких мы теряем?
Не лучше ли заняться нам
Пространством, где мы проживаем?

Я в тесноте своей постиг,
Что не был бы я так велик,
Владея царственным чертогом:

В каморку втиснутый судьбой,
Заполнив всю ее собой,
Я стал здесь вездесущим богом.

ТЫ СМЕРТЕН, ЧЕЛОВЕК

Ты смертен, человек, так помни, помни это!
Строй планы дерзкие, верши свои дела,
Но пролетят века, развеется зола,
И был иль не был ты, никто не даст ответа.

Где Александр-царь? Где Цезарь, чья комета
Мелькнула, причинив народам столько зла?
Ушли в небытие, где нет ни тьмы, ни света
И где исчезло все, сгорело все дотла.

Так пусть же участь их тебе примером служит,
Пусть голову твою тщеславие не кружит,
Ведь все равно не знать тебе таких побед.

Но от деяний их, от всех чудес, что были
Когда-то свершены, какой остался след?
Для слуха — легкий шум, для ветра — горстка пыли.

О СУДЬБЕ

Словами «рок», «судьба», «удача»
Мы склонны злоупотреблять:
Случись беда у нас — и плача
Судьбу мы будем обвинять.

А если в чем-то преуспели
И хорошо идут дела,
При чем тут разум, в самом деле?
Судьба нам, видишь, помогла.

И также мы к судьбе взываем,
Когда исхода дел не знаем,—
Хорош он будет или плох.

Судьбу мы превратили в бога,
И это, рассуждая строго,
Знак верный, что она не бог.

ПЫШНЫЕ ПОХОРОНЫ

Какие толпы у дверей!
Швейцаров сколько тут на страже!
Войти хотите поскорей?
И близко не подпустят даже!

Но я вошел, хвала богам,
Хоть прав имел на это мало...
Был всюду черный бархат там,
И всюду золото сверкало;

И, словно в воздухе паря,
Там столько свеч горело зря
В угоду знатным иностранцам!

Там был покойник, наконец:
В не меньшей степени мертвец,
Чем тот, кто умер голодранцем.

* * *

Мой друг, послушайся совета:
Покинем общество глупцов,
Толкующих — как скучно это! —
Про флот уж несколько часов.

Число фрегатов и корветов,
Число их пушек, парусов
Не превзойдет в устах поэтов
Числа бокалов и глотков.

Что нам известность? Что нам слава?
Все это, рассуждая здраво,
Лишь дым, лишь суета сует.

Кабатчику воскликнем: «Браво!»
Бочонок полный лучше, право,
Пустой могилы... Разве нет?

КЛОД ДЕ БЛО

КАТОЛИК ТЫ ИЛЬ ГУГЕНОТ

Католик ты, иль гугенот,
Иль почитаешь Магомета,
Иль в той же секте, что твой кот,
Ты состоишь — не важно это.
Влюбляйся в женщин, пей вино,
Не обижай людей напрасно,
И кто б ты ни был, все равно
Твоя религия прекрасна.

ТОТ СВЕТ — ХИМЕРА

Тот свет — химера. Этот свет
Хитросплетенье всяких бед.
Так пей, люби, не бойся смерти.
Сам позаботься о себе,
И да поможет бог тебе,
Пока тебя не взяли черти.

ЖАН-ОЖЕ ДЕ ГОМБО

Я С ВАМИ РАЗЛУЧЕН

Я с вами разлучен, леса, долины, горы,
Где я увидел свет и счастлив был подчас;
Я с вами разлучен и словно мертв без вас:
Меня лишили вы поддержки и опоры.

Напрасно я стремлюсь, к вам обращая взоры,
Покинуть край чужой, где сердцем я угас,
Напрасно на судьбу ропщу в недобрый час:
Мне вас не возвратят ни ропот, ни укоры.

Вы мной потеряны — и я мертвец живой.
Не здесь ты, родина моя! Но предо мной
Пример Спасителя, о нем я помнить буду;

Нет, я не изменюсь, пока живым слыву,—
Он места не имел, где приклонить главу,
А я, куда б ни шел, я чужестранец всюду.

ХАРИТА ПРОЧЬ УШЛА

Харита прочь ушла из края, где когда-то
Два солнца глаз ее смотрелись в гладь озер.
Зефир, чтоб ей внимать, на травяной ковер
Ложился у воды, смолкая виновато.

Вот лес, чьи гордые вершины в час заката,
Казалось, опалял мерцающий костер.
Но этих мест краса, что так пленяла взор,
Оставив все как есть, исчезла вдруг куда-то.

О радость дней моих, какой удел нас ждет?
Подобна ты цветку: лишь утро он живет.
Уходит радость прочь — печаль подъемлет знамя...

Но, счастьем притворясь, печаль здесь не одна:
Пустынный полон край прелестными тенями,
И где Хариты нет — вновь предо мной она.

ПО МОРЮ Я ПЛЫВУ

По морю я плыву, взирая боязливо,
Как самый ясный день грозу в себе таит:
Благоразумие мое не победит
Ее внезапного свирепого порыва.

Волнам доверившись, я знал, как прихотлива
Бегущая волна: ее обманчив вид;
Здесь все опасностью великою грозит,
А берег — это смерть, что ждет нас молчаливо.

Мир с морем схож, где я, чтоб скуки избежать,
В минуты зыбкого затишья мог внимать
Коварным голосам, когда сирены пели.

И страх меня томит, поскольку вижу я
Гряду подводных скал, предательские мели
И бездну черную, куда швырнут меня.

* * *

— О мысли праздные, за радостью былою
Зачем бежите вы? Ее не удержать.
— Хотим мы, чтобы вновь любовь была с тобою
И сердцу твоему вернула благодать.

— Химеры глупые, вы знаете, с какою
Печалью нам дано о прошлом вспоминать?
— Надежда верная, как любящая мать,
Нам душу исцелит, не знавшую покоя.

— Ах, разве я могу надеяться и ждать,
Что милая моя ко мне придет опять?
— Причуды верности любовной очень странны.

Ты женщин не кляни. Развей душевный мрак.
Ведь их отказ — ответ оракула туманный:
Предскажет вам одно, а выйдет все не так.

* * *

Ее не видел я, она мне не знакома...
Зачем влюбиться в тень велел мне тайный рок?
По слухам, воплотил в ней совершенство бог,—
И страстью к ней одной душа моя влекома.

Померкнет ум, когда увижу я фантома!
Так в бурю гибнет бриг, хоть берег недалек.
Жизнь, смерть ли принесет мне встречи нашей срок?
В одном лишь имени — надежда, страх, истома...

Любовью к призраку кто долго проживет?
На слухах основать возможно ли, Эрот,
И всю мою печаль, и всю мою отраду?

Я больше не хочу внимать молве о ней!
Поверю лишь себе! Ее мне видеть надо,
Чтоб или разлюбить — иль полюбить сильней!

* * *

Ты, усомнившийся в могуществе небес,
Ты, почитающий природу вместо бога,
Скажи нам, кто зажег все звезды,— их так много! —
В движенье их привел, исчислил путь и вес?

Каким ты одержим желаньем? Или бес,
Вселившийся в тебя, рад всякому предлогу,
Чтоб разум твой мутить, и, потеряв дорогу,
Бредешь ты, как слепой, сквозь заблуждений лес?

Как можно отрицать, что все творцу подвластно?
И жизнь и смерть людей являют ежечасно,
Что Провиденье есть... Есть, к твоему стыду.

Коль эти знаменья твой ум не удивили,
И небо и земля тебя не вразумили,—
О грешник, обо всем узнаешь ты в аду.

ЭПИГРАММЫ

РАЗГЛАШЕННОЕ БЛАГОДЕЯНИЕ

Он оказал услугу мне
И так о ней распространялся,
Что мы с ним квиты: он вполне
Сам за нее и рассчитался.

ВЫНУЖДЕННЫЙ ВИЗИТ

Ко мне он ходит раз в году,
А после я к нему иду;
Томится он, и я в томленье,
Платя стесненьем за стесненье.

ЛЮДИ

В людских сообществах, столь шумных,
Возник закон во время оно.
Лишь у зверей благоразумных
Нет разума и нет закона.

ЖИЗНЬ ГИЙОМА

О нем никто не скажет слова
Ни доброго и ни дурного:
Не враждовал он, не дружил;
То сидя сиднем, то в движенье
Он прожил жизнь и в довершенье,
Хотя и помер, но не жил.

ЭПИГРАММА

В чем эпиграммы суть и что в ней наконец,
При всех достоинствах ее, всего милее?
Да то, что на нее обидится глупец
И не обидится... тот, кто еще глупее.

МАЛЕРБ

Дней наших Аполлон, Малерб здесь погребен.
Жил долго. Труд его оплачивался плохо.
Он умер в бедности. Такая уж эпоха,
В которой и живу я так, как умер он.

ЛИЗИМЕНА

Белила, мушки, ожерелья,
Брильянты, серьги, ленты, перья,
Косынки, кружево платков,—
Вас выставляют неизменно,
Дурачат вами простаков
И называют: Лизимена.

СРЕДСТВО ИЗБАВЛЕНИЯ

Когда хотите всей душою,
Чтоб вам не докучал знакомый человек,
Рискните суммой небольшою:
Как? Дайте в долг ему — исчезнет он навек.

ЖАК ВАЛЛЕ ДЕ БАРРО

В МОГИЛЕ САРАЗЭН

В могиле Саразэн, и Вуатюр в могиле,
И старый друг мой Бло, что был мне дорог так.
Увы, их всех троих в земле похоронили...
Кто встречи избежит с тобой, загробный мрак?

Я, слабый, воздаю хвалу небесной силе,
За то, что жив еще, за то, что столько благ
Природа мне дает, покуда не скосили
Меня болезнь и смерть и тверд еще мой шаг.

Земные радости влекут меня так властно,
И солнце я люблю, и пышность розы красной,
И как мне не грустить, что их утрачу я?

Беспечно встретить смерть? Нет, все-таки поверьте,
Совсем не хочется мне стать добычей смерти,
Но и дрожать за жизнь постыдно для меня.

ВСЕВЫШНИЙ, ТЫ ВЕЛИК

Всевышний, ты велик, и добр, и справедлив,
И нам являешь ты свое благоволенье,
Но столько я грешил, что добрый твой порыв
Со справедливостью пришел бы в столкновенье.

Тебе, познавшему, как был я нечестив,
Осталось только казнь придумать мне в отмщенье,
Ты видишь свой ущерб в том, что еще я жив,
А если радуюсь — исполнен отвращенья.

Ну что ж, насыть свой гнев, тебя прославит он,
И пусть не трогает тебя мой скорбный стон,
Бей, грохочи, ответь мне на войну войною —

Тебе лишь воздадут хвалу мои уста...
Но где б ни пал твой гром, летящий вслед за мною,
Он упадет туда, где всё — в крови Христа.

СОН

Все в мире предстает в обманчивом обличье,
Не мудрость, а судьба нас за собой ведет,
Паденье тягостно, но тягостен и взлет,
При всех усилиях — лишь пустота в наличье.

Ты, славивший любовь во всем ее величье,
Ты говорил, что смерть, когда она придет,
Подобна будет сну... Но есть иной расчет:
Сон больше с жизнью схож, не велико различье.

Как снятся ночью сны, так снится, что живешь,
Надеешься, дрожишь, хоть беспричинна дрожь,
Одни желания сменяются другими,

Труды безрадостны, ничтожен их итог...
Так что такое жизнь? Какое дать ей имя?
Скажу вам, смертные: я сном ее нарек.

ТЫ ОТВРАТИТЕЛЬНА, О СМЕРТЬ

Ты отвратительна, о смерть! Без сожаленья
Ты косишь род людской ужасною косой,
А после прячешь в ров или во мгле морской
Останки жалкие великого крушенья.

Неумолима смерть, и от ее решенья
Не откупиться нам слезами и тоской;
В постели, за столом, средь суеты мирской —
Она везде найдет, и нет нам утешенья.

Ни мудрость от нее, ни смелость не спасет,
Она то прямо бьет, то сзади нападет,
Бессильны перед ней и молодость и старость.

Порой мне говорят: не сокрушайся так,
От смерти средства нет, не сладить с ней никак...
И это, черт возьми, меня приводит в ярость.

* * *

Не рваться ни в мужья, ни в судьи, ни в аббаты,
От мэтров и мэтресс покой оберегать
И не в учености ханжей витиеватой,
А в счастье находить земную благодать,

На платье да на стол расходовать деньжата,
Встречать лишь невзначай и короля и знать,
Жить верою своей, пускай и небогато,
Ни в чем не отходить от правды ни на пядь,

Лишь совести внимать, не создавать кумира,
В тиши благоговеть перед загадкой мира,
Бесплодной суеты презревши круговерть,

Лишь настоящим жить, не умирать заране,
В грядущее смотреть без глупых упований —
Исполни сей завет, чтоб ждать спокойно смерть!

ФРАНСУА ТРИСТАН ЛЕРМИТ

МЕСТО ПРОГУЛКИ ДВУХ ВЛЮБЛЕННЫХ

Ода

У этой сумрачной пещеры,
Где воздух чист, где даль нежна,
Здесь с галькой борется волна,
А с тенью — свет голубо-серый.

Устав бороться до заката,
Зыбь умиряется в садке,
Где умер, лежа на песке,
Изнеженный Нарцисс когда-то.

И в гладь зеркальную у грота
Сам Фавн внимательно смотрел
И увидал, как пожелтел,
Стрелою раненный Эрота.

Купырь в тиши завороженной,
Камыш, поникший над водой,
Здесь кажутся подчас мечтой
Воды, в дремоту погруженной.

Природы благотворной сила,
Плодотворящая миры,
В те изумрудные ковры
Цветы пурпурные вкрапила.

Ни разу роща и поляна
Не посещались турачом.
Будила тишину кругом,
Трубя в рожок, одна Диана.

Священен Дуб для поколений:
Надрежь кору, и вместо смол
Кровь потечет. Застонет ствол,
И скорбные услышишь пени.

Воспоминаньем горе множит
В зеленой роще Соловей.
Он, боль излив души своей,
Печаль на музыку положит.

В своем искусстве несравненный,
Возобновляя перелив,
Он стонет где-то в кущах ив,
Согретых солнцем в час блаженный.

На Вязе том в самозабвенье
Две Горлицы заводят спор
И разрешают свой раздор
В минутном, страстном объясненье.

Анхиз с Кипридой в вечер вешний
Блуждали как-то под горой,
И два Амура меж собой
Повздорили из-за черешни.

Среди дорог в лесах дремучих
Поют и пляшут Нимфы там,
Позволив розовым кустам
Весь век цвести без игл колючих.

Ни разу не взмущали леса
Ни ветр, ни молния, ни гром.
Я вижу: разлито на всем
Благоволение Зевеса.

Смотри, Климена! Все смеется!
Покуда вечер не прошел,
Сойдем с тобою в дивный дол
И сядем около колодца.

Послушай, как Зефир в ракитах
Вздыхает о своей любви!
Горит огонь в его крови,
И розы рдеют на ланитах.

Его уста благоуханны.
Он дышит всюду, где стоим,
С дыханьем амбровым твоим
Мешая дух жасмина пряный.

Нагнись над зыбью — и в сапфире
Вод затемненных узришь ты
Твой облик, полный красоты,
Очаровательнейший в мире!

И ты постигнешь над волною,
Зачем, пытая гладь струи,
Я называл глаза твои
Царями, звездами, судьбою.

Верь, если б ты перерядилась
В мужчину, как ни холодна,
И ты была бы влюблена,
Сама бы ты в себя влюбилась...

КОРАБЛЬ

Я, Древо пышное, плавучим судном стало,
В горах возросшее, мчусь ныне по волнам;
Когда-то я приют отрядам птиц давало,
Теперь солдат везу к далеким берегам.

Плеск весел заменил веселый шум ветвей,
Листва зеленая сменилась парусами;
С Кибелой разлучась, я чту богов морей,
Как встарь соседствуя вершиной с небесами.

Но прихоти свои есть у судьбы слепой,
Я у нее в руках, она играет мной,
Гнев четырех стихий сулит мне участь злую:

Нередко ураган мой преграждает путь,
Волна, обрушившись, мне разрывает грудь,
И я боюсь огня, но больше — твердь земную.

УВИДЕВ БЕЛЫЙ СВЕТ

Увидев белый свет, бессильным быть вначале,
Почти не двигаться и только есть и спать;
Потом от строгости взыскательной страдать,
Чтоб знанья наконец твой разум увенчали.

Затем влюбиться вдруг, и чтоб тебя встречали
Не слишком холодно, забыть былую стать,
Склоняясь перед той, чье сердце не понять
И кто не радости приносит, а печали.

Лукавить при дворе, а после, став седым,
Бежать от шума прочь, к местам своим родным,
И старческую хворь влачить в уединенье,—

Вот светлая судьба! О, беспросветный мрак!
Неужто это все столь важно, чтоб в смятенье
Так жизнью дорожить, бояться смерти так?

КОНЧАЕТСЯ МОЙ ДЕНЬ

Кончается мой день. И на закате дня
Приметы старости я узнаю с тоскою,
И вот уж смерть сама, чтоб выманить меня,
Стучится в дверь мою дрожащею рукою.

Как солнце в небесах медлительно плывет,
А завершает путь стремительным паденьем,
Так завершается и времени полет,
Так дни последние нам кажутся мгновеньем.

Пора нам погасить огонь страстей былых,
Пора нам позабыть о радостях земных,
Суливших некогда нам столько наслаждений.

Отвергнем жизни сон, что мог еще вчера
Нас удержать в плену обманчивых видений:
Нам к сну последнему готовиться пора.

ПРЕКРАСНАЯ НИЩЕНКА

Мадригал

Ее лица очарованье,
Ее прелестные черты —
Просящей речи отрицанье,
Опроверженье нищеты.

И пусть для полноты картины
Тяжел и груб ее наряд,—
Чуть приоткрыты губ рубины,
Зубов жемчужины блестят.

Ее глаза — как два сапфира,
И выше всех сокровищ мира
Венец из золотых кудрей.

Зачем же ремесло такое?
Чтоб золото лилось рекою,
Лишь наклониться надо ей.

ГИЙОМ КОЛЬТЕ

* * *

Ласкает все мой взор, на все глядеть я рад:
Великолепен двор веселый за оградой,
Величественны львы под строгой колоннадой,
И нежным кажется их разъяренный взгляд.

Под тихим ветерком деревья шелестят,
На шорох соловей ответствует руладой,
Цветы напоены магической усладой:
Не звезды ль у небес похитил этот сад?

Аллея милая с нежданным раздвоеньем,
Не оскверненная пустой толпы вторженьем,
Еще хранит, Ронсар, твоих шагов печать.

Увы, тщеславное желанье вечной славы!
Мой след я на песке могу с твоим смешать,
Но где в моих стихах твой гений величавый?

* * *

Вы брали прелести во всех углах вселенной,
Природа и Олимп расщедрились для вас.
У солнца взяли вы свет ваших чудных глаз,
У розы вами взят румянец щек бесценный,

У Геры — стройный стан, а голос — у сирены,
Аврора вам дала лилейных рук атлас,
Фетида — властный шаг, словесный жар — Пегас,
А вашей славы блеск взят у моей Камены.

Но расплатиться вы должны когда-нибудь!
Придется свет очей светилу дня вернуть;
Вы Гере грацию должны вернуть по праву,

Авроре — нежность рук, а свежесть щек — цветам,
Фетиде — властный шаг, моим катренам — славу!..
Спесивость — это все, что остается вам!

ПОЭТИЧЕСКАЯ ЖАЛОБА

Я много написал, и от стихов моих
Богаче стал язык, а я еще беднее,
Земля запущенней, под крышей холоднее,
И пусто в кладовой, где писк мышей утих.

Растратою души оплачен каждый стих!
Чем совершеннее поэты, тем виднее
Их сумасшествие, и тем еще сильнее,
Им расточая лесть, осмеивают их.

Трудясь так радостно над книгой бесконечной,
Я убивал себя во имя жизни вечной,
Я истощал свой ум, чтобы других развлечь,

Чтоб славу обрести, чей гул наскучит скоро,
Чтоб высоко взлететь — и не иметь опоры,
Чтоб с Музою дружить — и счастья не сберечь.

ОСМЕЯННЫЕ МУЗЫ

Какой изъян в мозгах быть должен с юных лет,
Чтоб с Музами водить знакомство год из году!
Посадят, подлые, они на хлеб и воду
Того, кто разгадать надумал их секрет.

С тех пор как я пишу, мне все идет во вред,
Фортуна прочь бежит, а я терплю невзгоду,
Забрался на Парнас — и в скверную погоду
Там пью из родника и в рубище одет.

О Музы, это вы причина невезенья!
Однако с возрастом пришло ко мне прозренье,
И больше вам в игру не заманить меня.

Я буду пить вино, а воду пейте сами,
Замечу щель в окне — заткну ее стихами,
И брошу лавры в печь, чтоб греться у огня.

ВРЕМЯ И ЛЮБОВЬ

Всесильным временем, что миром управляет,
Был превращен пейзаж, так радовавший взор,
В приют уныния, где смолкнул птичий хор
И где опавший лес печаль свою являет.

Так время все, что есть, на гибель обрекает,
Оно империи сметает, словно сор,
Меняет склад умов, привычки, разговор
И ярость мирного народа распаляет.

Оно смывает блеск и славу прошлых лет,
Имен прославленных оно стирает след,
Забвенью предает и радости и горе,

Сулит один конец и стонам и хвальбе...
Оно и красоту твою погубит вскоре,
Но не сгубить ему любви моей к тебе.

РОЗА

Юлии д' Анженн

1

Когда б чрезмерный пыл вы строго не изгнали,
Сердечный, страстный пыл, что дан любви одной,
Моя краса при вас затмилась бы в печали,—
Живу я только день в палящий летний зной.
Но счастлив жребий мой, я взыскана судьбою,
Вам даже время власть вручило над собою —
Очарование творит с ним чудеса:
Желанной милости добилась я мгновенно,
И на лице у вас, где царствует краса,
Я стала наконец нетленной.

2

Я басне возражу без гнева:
Не Аматонта-королева
Цвет изменила мой или игру теней,—
Нет, если в белизне вдруг краски запылали,
Так это от стыда, что Юлию признали
Из нас двоих, увы, прекрасней и свежей.

ВЕНСАН ВУАТЮР

СОНЕТ К УРАНИИ

Любовь к Урании навек мной овладела!
Ни бегство, ни года не могут мне помочь,
Ее нельзя забыть, нельзя уехать прочь,
Я ей принадлежу, нет до меня ей дела.

Ее владычество не ведает предела!
Но пусть я мучаюсь, пусть мне порой невмочь,
Мои страдания готов я день и ночь
Благословлять в душе, и гибель встретить смело.

Когда рассудок мой невнятно говорит,
Что должен я восстать, и помощь мне сулит,
К нему прислушаться пытаюсь я напрасно:

Ведь, говоря со мной, так робок он и тих!
Но восклицая вдруг: Урания прекрасна! —
Он убедительней бывает чувств моих.

РАНО ПРОСНУВШЕЙСЯ КРАСАВИЦЕ

Когда букеты роз влюбленная в Цефала
Бросала в небеса из утренних ворот,
Когда в раскрывшийся пред нею небосвод
Снопы сверкающих лучей она бросала,

Тогда божественная нимфа, чье зерцало
Являет красоты невиданный приход,
Возникла предо мной среди мирских забот,
И лишь она одна всю землю озаряла.

Спешило солнце ввысь, чтоб в небе напоказ
Пылать, соперничая с блеском этих глаз,
И олимпийскими лучами красоваться.

Но пусть весь мир пылал, исполненный огня,
Светило дня могло зарею лишь казаться:
Филиса в этот миг была светилом дня.

ДЕВИЦЕ, У КОТОРОЙ РУКАВА БЫЛИ ЗАСУЧЕНЫ И ГРЯЗНЫ

Вы, у кого из рукавов
Амуры вылететь готовы,
Вы предоставили им кров
Не очень чистый, хоть и новый.

Поклонников имея тьму,
Царя над их толпой покорной,
Вы вправе их загнать в тюрьму,
Но пусть она не будет черной.

Я отдал сердце вам, и вот
Оно страдает и томится:
Как узника, что казни ждет,
Вы держите его в темнице.

Пылая день и ночь в огне,
Не я ли был тому виною,
Что ваши рукава вполне
Сравнимы с дымовой трубою?

ПЕСНЯ

Один от ревности сгорает
И проклинает дни свои,
Другой от скуки умирает,
Я умираю от любви.

Сковали Прометею руки;
Орлом терзаем, весь в крови,
Не умер он от этой муки,—
Я умираю от любви.

Так говорил Тирсис, и сразу
Смолкали в рощах соловьи,
Когда произносил он фразу:
«Я умираю от любви».

У статуй сердце разрывалось,
И эхо грустное вдали
Среди деревьев откликалось:
«Я умираю от любви».

ПЕСНЯ

Везет девицам в наши дни —
Все при любовниках они.
Господни милости бескрайны —
Год урожайный!

Ведь прежде — шел за годом год —
Мужчины были точно лед.
Вдруг вспыхнули необычайно —
Год урожайный!

На них еще взлетит цена!
Да, хахаль в наши времена
Дешевле репы не случайно —
Год урожайный!

Все ближе солнце льнет к земле,
Любовь царит в его тепле
И кровь кипит... Но в чем здесь тайна?
Год урожайный!

АДАН БИЙО

ГОСПОДИНУ ДЕ М...

Покуда хорошо рубанком я владею
И этим жизнь свою способен поддержать,
Я больше во сто крат доволен буду ею,
Чем если б весь Восток мне стал принадлежать.
Пусть все, кому не лень, спешат в своей гордыне
Залезть на колесо незрячей той богини,
Что вводит нас в обман,— я в стороне стою:
Пилюлю горькую она позолотила,
У входа в тихий порт подводный камень скрыла,
Не мать, а мачеха — скрывает суть свою.

Я не хочу владеть известными правами
Тех, кто оспаривает друг у друга честь
Происхождения, как будто между нами
Не может быть родства, хоть общий предок есть.
Я не хочу скрывать, что родом из деревни
И что пасли овец, как пас их предок древний,
Мой дед и мой отец, свой покидая кров.
Но пусть отмечен я — и по родным и близким —
На языке людей происхожденьем низким,
Я говорить могу на языке богов.

Теченью лет моих уже не долго длиться.
Но если б вновь мой день исполнен был огня,
Видна для смертного последняя граница,
Коль быть или не быть не важно для меня.
Когда из этого ствола с его корнями
Уйдет моя душа, чтобы в зарытой яме
Плоть стала падалью, во власть червей попав,
То в тех местах, где дух найдет себе обитель,
Мне будет все равно, какой земной властитель
Воздвигнет свой алтарь, вселенную поправ.

Вельможе, если он взирает в изумленье,
Как я работаю рубанком — не пером,
Скажу, рассеивая знатных ослепленье,
Что не дано ему владеть своим добром.
Хотя не равным был раздел даров природы
И разные пути нас провели сквозь годы,
Пасует спесь его пред бедностью моей:
Я для сокровищей ларец ему строгаю,
А может быть, и гроб, и в нем, я полагаю,
Он будет выглядеть куда меня бедней.

Судьба, дарующая славу и величье,
Не обосновывает выбор свой и дар;
Какое б ни было им придано обличье,
Всему приходит срок, нежданный, как удар.
Был государь, чья власть до неба простиралась,
И слишком небольшой земля ему казалась,
Чтоб трон свой возвести, закон воздвигнуть свой.
Его наследнику пришлось настолько скверно,
Что, с голодом борясь и с нищетой безмерной,
Он так же, как и я, орудовал пилой.

Какие странности присущи переменам!
И не гласит ли речь священная о том,
Что тот, кто ангелом был самым совершенным,
Стал отвращение и страх внушать потом?
Не говори же мне о пышности и славе,
С осколками стекла их блеск сравнить мы вправе:
Едва приблизишься и поглядишь в упор —
Стекло уж не блестит, и прочь идет прохожий.
А звон моей пилы мне во сто крат дороже,
Чем весь придворный шум и королевский двор.

ИСТИННЫЙ ПЬЯНИЦА

Едва верхи холмов родимых
Блеснут вдали в лучах дневных,
Уж я в занятиях любимых,
Средь бочек, сердцу дорогих.
Отпив стакан до половины,
Я солнцу задаю вопрос:
Где, мол, видало ты рубины
Крупней усеявших мой нос?

Когда я пью — а пью всегда я,
Спокойный сохраняя вид,—
На свете сила никакая
Мое блаженство не смутит.
Услышу ль гром над головою:
Ага! я думаю, с небес
Увидел лик мой с перепою
И труса празднует Зевес.

Когда-нибудь, хватив как надо,
Вздремнув за рюмкою слегка,
Я вдруг неслышно в сумрак ада
Спущусь из мрака погребка.
А там, не тратя время праздно,
Переплывая Ахерон,
Я вновь напьюсь — и от соблазна
Со мной нарежется Харон.

Приобретя права гражданства,
С Плутоном в сделку я войду,
Открою погреб свой — и пьянство
И день и ночь пойдет в аду.
В честь Вакха песни в царстве смерти
Затянет дружно хор теней,—
А перепуганные черти
Напьются сами до чертей.

Не предаваясь воздыханьям,
Такие ж пьяницы, как я,
Придут обильным возлияньем
Почтить мой прах мои друзья.
Пусть в этот день пускают смело
Вин самых старых всех сортов

Сороковые бочки в дело
И выпьют сорок сороков.

С приличной делу простотою,
Чтоб не совсем пропал мой след,
Поставьте бочку над плитою
И в этой бочке мой портрет.
А чтоб почтил меня прохожий,
Пусть надпись скромная гласит:
«Под этой бочкой с пьяной рожей
Горчайший пьяница зарыт».

СИРАНО ДЕ БЕРЖЕРАК

МИНИСТР ДЕРЖАВЫ ПОГОРЕЛОЙ

(Фрагменты из бурлеска)

Меня замучил острый зуд
(Какой укушен я блохою?)
Немедля сочинить сей труд,
Чтоб в нем воспет был неуч, плут.
Я доблести его открою:
Его давно галеры ждут,
А в пьянке он — ни в зуб ногою!

Откуда эта страсть моя?!
Быть может, черти душу манят?
Всего лишь фехтовальщик я,
Так чем же разум пылкий занят?
Перо острее лезвий,
И уж оно-то не обманет!

Подай мне, паж, горшок чернил
Для сатирической затеи!
Узнает он, каков мой пыл,—
Тот, кого славили лакеи!
Чтоб сей дурак измаран был,
Нужны чернила почернее!

Чей голос шепчет мне тайком?
То Муза мне внушает ныне:

«Седлай Пегаса, мчись верхом,
Так, чтоб одическим стихом
В веках прославить Мазарини!»
Но конь при имени таком
Дрожит, подобно жалкой пснне.

Гоню коня: «Смелей, вперед!»
Но бесполезны все усилья.
Он тот Пегас или не тот?
Пришпорю — он назад идет,
Мой конь, не терпящий насилья.
Ведь кардинал все пустит в ход,
Чтобы связать Пегасу крылья.

Пегасу дать покой пора...
А вот мой паж несет чернила
Черней, чем сажа. Для пера
Нужна разящих рифм игра!
Потехи время наступило,
И злому демону Двора,
Как черту, я измажу рыло!

Вы, кардинал, попались мне,
Отчизны нашей дух лукавый,
Себя продавший Сатане!
Пост предписали вы стране
Для собственной мошны и славы.
Вас не повесят, но вполне
Я отомщу за суд неправый!

Не опускайте головы,
Министр, не отводите взгляда!
Нас короля лишали вы,
Для вас народ — тупое стадо.
На все, на все — вплоть до травы —
Вы вздули цены без пощады!

Виновны вы, чужак, мамон,
Что от коней — одни скелеты,
Что всюду мытарь иль шпион.
Вы, наплевав на наш закон,
Нас обобрали до монеты.
Что делать? Край наш разорен,
И люди босы и раздеты.

То вниз, то вверх ползет налог,
Но хватка ваша — тверже стали,
И наш пустеет кошелек.
Вы офицерам (вот урок!)
В прибавке жалкой отказали.
Они у входа в кабачок,
Как фонари, стоят в печали.

ПОЛЬ СКАРРОН

ТИФОН

(Фрагменты)

* * *

Он подобрал шары и кегли
И наобум швырнул их ввысь,
И кегли в небо понеслись,
Рукою посланы могучей,
Сквозь плотные, густые тучи
И, разорвав небесный кров,
Домчались до жилищ богов,
Которые беды не ждали
И дым от алтарей вдыхали.

* * *

Юпитер был со сна угрюм
И громко крикнул: «Что за шум?»
В ответ на крик его громовый
Никто не проронил ни слова.
В сердцах кричал богов отец:
«Что происходит, наконец?»
«Все как всегда»,— рекла Киприна.
«Молчите, милая б..дина!»
(Доселе говорили «б..дь»,
Чтоб слово зря не удлинять;
Кипридою звалась Киприна.
Но склонен наш язык старинный
Усовершенствовать слова,
И эта склонность в нас жива.)

Но скобку вовремя закроем.
Итак, с громоподобным воем
Венеру, лучшую из дам,
Назвал Юпитер... Экий срам!
Зарделся, как от оплеухи,
Лилейный лик прекрасной шлюхи;
Когда он белым стал опять,
От злости начал бог рычать,
И в словесах нецеремонных
Грозил побить богов и жен их,
И клялся, злобный, как тиран,
Длань возложивши на Коран
(Согласно древнему обряду);
Чтоб усмирить его, Паллада —
Палладу он всегда ценил —
Сказала: «Сир, удар сей был
Произведен машиной некой,
Послушной воле человека,
И это он разбил буфет».
Юпин завыл: «Хорош ответ!»
А Мом промямлил, рожи строя:
«Простая кегля пред тобою!»
В ответ Юпитер: «Царь шутов!
Ты видишь, драться я готов —
Не время в шутках изощряться!
В свой час положено смеяться!
А ныне я узнать хочу,
Кому из смертных по плечу
Тревожить трапезу Зевеса.
Ужели небо — не завеса
От наглых выходок людей?»

СТАНСЫ С ЗУБОЧИСТКОЙ

(Из комедии «Жодле, или Хозяин-слуга»)

Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Люблю я лук, люблю чеснок,
И если маменькин сынок,
Изнеженный молокососик
Спесиво свой наморщит носик
И поднесет к нему платок:

«Фи! Что за мерзкая вонища!» —
Ему я тотчас нос утру:
Мне по нутру простая пища,
Зато мне спесь не по нутру.
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Доволен я своей судьбой.
Живу, как человек простой,
Я по-простецки, без амбиций,
А ежели быть важной птицей —
Чуть что, поплатишься башкой.
Иду проторенной дорожкой
И счастлив оттого стократ,
Что родился я мелкой сошкой,
Что я не принц и не прелат.
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Когда в конце концов поймешь,
Что рано ль, поздно ли пойдешь
Ты на обед червям могильным
(Во рву ли, в склепе ли фамильном),
То эта мысль — как в сердце нож.
А если так, то неужели
Мне из-за пары оплеух,
Во имя чести на дуэли
Досрочно испустить свой дух?
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Когда невежа брадобрей
Мужицкой лапищей своей
Хватает важного вельможу
И мнет снятельную рожу,
Вельможа терпит, ей-же-ей.
Я человек не столь уж гордый,
Чтоб от пощечин в драку лезть.
Уж лучше жить с побитой мордой,
Чем лечь во гроб, спасая честь.
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Иного тешит целый день
Воинственная дребедень:
Ему до тонкости знакомы
Все фехтовальные приемы,
И метко он палит в мишень.

Мне дурни дуэлянты жалки,
К чему за оскорбленья мстить?
Раз в мире существуют палки —
Кому-то нужно битым быть.
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.
Ответьте на вопрос мне вы,
Неустрашимые, как львы,
Глупцы, влюбленные в дуэли:
Неужто вам и в самом деле
Щека дороже головы?
Не лезь в сраженья, жив покуда.
Пред тем как искушать судьбу,
Спросить покойников не худо:
Приятно ль им лежать в гробу?
Поковырять в зубах — мне первая отрада.
Когда зубов лишусь, и жизни мне не надо.

НАДГРОБЬЯ ПЫШНЫЕ

Надгробья пышные, громады пирамид,
Великолепные скульптуры и строенья,
Природы гордые соперники, чей вид —
Свидетельство труда, искусства и терпенья;

Старинные дворцы, одетые в гранит,
Все то, что создал Рим до своего паденья,
Безмолвный Колизей, чья тень еще хранит
Народов варварских кровавые виденья,—

Все времени поток в руины превратил
Или безжалостно развеял, поглотил,
Не пощадив ни стен, ни цоколя, ни свода...

Но если времени всесилен произвол,
То стоит ли скорбеть, что скверный мой камзол
Протерся на локтях в каких-нибудь два года?

ПАРИЖ

Везде на улицах навоз,
Везде прохожих вереницы,
Прилавки, грязь из-под колес,
Монастыри, дворцы, темницы,

Брюнеты, старцы без волос,
Ханжи, продажные девицы,
Кого-то тащат на допрос,
Измены, драки, злые лица,

Лакеи, франты без гроша,
Писак продажная душа,
Пажи, карманники, вельможи,

Нагромождение домов,
Кареты, кони, стук подков:
Вот вам Париж. Ну как, похоже?

КЛОД ЛЕ ПТИ

КОГДА ВЫ ВСТРЕТИТЕ

Когда вы встретите того, чей важен вид,
Кто в рваной обуви по улице шагает,
Чью шею сальная тряпица украшает
И кто с презрением на всех людей глядит;

Кто, как дикарь, зарос, нечесан и немыт,
Забрызган грязью весь и наготу скрывает
Разодранным плащом (чья шерсть не согревает)
И панталонами (забывшими про стыд);

Кто мерит каждого косым и диким взглядом,
Слова какие-то бормочет с вами рядом
И ногти на руке грызет, смотря вам вслед;

Так вот, когда с таким вы встретитесь, то смело
Вы можете сказать: французский он поэт!
И я вас поддержу: вы говорите дело.

ШОССОНА БОЛЬШЕ НЕТ

Шоссона больше нет, бедняга был сожжен...
Известный этот плут с курчавой головою
Явил геройский дух, погибнув смертью злою:
Никто не умирал отважней, чем Шоссон.

Отходную пропел с веселым видом он,
Рубашку, что была пропитана смолою,
Надел, не побледнев, и, стоя пред толпою,
Ни дымом, ни огнем он не был устрашен.

Напрасно духовник, держа в руке распятье,
Твердил ему о том, что вечное проклятье
И муки вечные душе его грозят,—

Он не покаялся... Когда ж огонь, пылая,
Стал побеждать его, упал он, умирая,
И небу показал свой обгоревший зад.

СМЕШНОЙ ПАРИЖ

(Фрагменты)

КЛАДБИЩЕ СЕН-ИНОСАН

Коль привела сюда дорога,
Помолимся за мертвецов.
Какое множество крестов!
И как покойников здесь много!
Но, невзирая на печаль,
Такую вывел я мораль:
Мы, люди, лезем вон из кожи,
Хлопочем ради пустяков...
Есть за оградой этой тоже
Голов немало без мозгов.

Все эти грозные вояки,
Царь Александр, Цезарь, Кир,
Все те, кто потрясали мир
И первыми считались в драке,—
Они, топча земную твердь,
Шли к славе, презирая смерть;
Но на чужбине иль в отчизне
И смерть не ставит их ни в грош...
Обидно уходить из жизни,
Не зная сам, куда идешь.

БАШНЯ НОТР-ДАМ

Ты будешь Музою дурною,
Коль из боязни высоты

Откажешься подняться ты
На башню Нотр-Дам со мною.
Согласна? Ну, тогда держись!
Вот мы почти и добрались.
Воспрянешь духом здесь мгновенно.
Мой бог! Какая благодать!
Ведь без очков конец Вселенной
Отсюда можно увидать.

А сколько диких сов и галок!
И гнезд не меньше, чем в лесу!
Вниз глянешь — человек внизу
Подобен мошке: мал и жалок.
Я вижу церкви и дома,
А флюгеров — так просто тьма,
Не сосчитаешь их на крышах...
И воздух здесь совсем иной,
И звери прячутся здесь в нишах,
Когда нисходит мрак ночной.

Поверить лишь теперь я смею,
Что так велик Париж, чей вид
Кого угодно удивит,
Клянусь чернильницей моею.
Неаполь, Лондон и Мадрид,
Рим, Вена, и Вальядолид,
И вся турецкая столица,
Да и другие города,
В его предместьях разместиться
Вполне могли бы без труда.

Но вниз пора: мой ум в тумане,
И сердце бьется — просто страсть!
Готов я в обморок упасть,
Не предусмотренный заране.
Но если бы решил творец,
Что должен мне прийти конец
На этом месте, столь высоком,—
То вышло б так, что в небо сам
Я лез... и умер ненароком
На полдороге к небесам.

Пожалуй, можно изловчиться,
Чтоб к небу ближе быть... Но нас

Ждет наша хроника сейчас,
И значит, вниз пора спуститься.
А смерть? Ее найдешь всегда.
Нет! Завершение труда
Нас ждет внизу. Так преумножим
Свои старания опять
И путешествие продолжим,
Чтоб слышать, видеть и писать.

МОСТ МЕНЯЛ

За этот белый мост приняться
Нам не пора ли? Ямб наш трезв.
А мост, хотя порой он резв,
Не может на ногах держаться.
Но знай, привязан я к тебе
В твоей изменчивой судьбе.
Хоть сделали тебя прескверно
И вечно чинят — не беда!
Мостом Менял ты назван верно:
Ведь ты меняешься всегда.

ПЬЕР КОРНЕЛЬ

СТАНСЫ К МАРКИЗЕ

Маркиза, я смешон пред Вами —
Старик в морщинах, в седине;
Но согласитесь, что с летами
Вы станете подобны мне.

Страшны времен метаморфозы,
Увянет все, что расцвело —
Поблекнут так же Ваши розы,
Как сморщилось мое чело.

Наш день уходит без возврата
Путем всеобщим бытия;
Таким, как Вы, я был когда-то,
Вы станете такой, как я.

Но уберег от разрушенья
Я некий дар — он не прейдет,
Мне с ним не страшно лет теченье,
Его и время не берет!

Да, Ваши чары несравненны,—
Но те, что мало ценит свет,
Одни пребудут неизменны,
Переживут и Ваш расцвет.

Они спасут, быть может, славу
Меня очаровавших глаз,
И через сотни лет по праву
Заставят говорить о Вас;

Среди грядущих поколений,
Где я признанье обрету,
Лишь из моих стихотворений
Узнают Вашу красоту.

И пусть морщины некрасивы,
Маркиза юная моя,
Но старцу угождать должны Вы —
Когда он сотворен, как я.

МОЛЬЕР

БЛАГОДАРНОСТЬ КОРОЛЮ

Довольно, Муза, я начну сердиться!
Вы, право, лени образец...
К монарху на поклон явиться
Давно пора вам наконец!
Извольте посетить дворец
С утра, немедля — вот мое веленье!
За августейшее благоволенье
Где ваша благодарность королю?
Скорее в Лувр! Но только, вас молю,
Свое переменить облаченье:
Не всяк вас любит в нем, как я люблю...
Увы нам! При дворе не ко двору Камена:
Ее простой наряд — иным укор...
Там ценят только то, что услаждает взор.

Свой облик изменить всенепременно
Вам надлежит; надев мужской убор,
Маркизом станьте, дерзко и надменно
Взирающим на ближних сверху вниз.
Вы помните, как выглядит маркиз?
Над париком, струящимся волнами
(Мотовки-моды дорогой каприз!),
Увенчанная перьев облаками,
Пусть шляпа выдается, словно мыс;
Пусть брыжей низвергаются каскады
На куцый донельзя камзол,
И, в довершенье маскарада,
Подкладкою плаща чаруйте взгляды,
Наружу вывернув его подол.
Теперь вы стали, изменив обличье
И нацепив всю эту ерунду,
Воистину персоной на виду...
Пройдите же, как здесь велит обычай,
Причесываясь на ходу,
Гвардейский зал от края и до края,
Показывая всем, что тут вы — свой,
Кому кивнув, кому махнув рукой,
По имени вельможных окликая,
Что придает, по мнению повес,
Им в свете обаяние и вес.
Не прячьте гребешок: он пригодится
В дверь спальни королевской поскрестись.
Что за толпа! Откуда все взялись?
Не протолкаться, не пробиться...
Вам остается только влезть
На подоконник с ловкостью завидной,
Так, чтоб любому стало видно,
Что вы и шляпа ваша тоже здесь.
Тут, сверху, как моряк, узревший брег,
Кричите: «Доложить, что прибыл Имярек!»
Не помогло? Тогда, как дьявол сущий,
Кидайтесь сквозь толпу к дверям, на абордаж!
Вонзайтесь топором в людскую гущу:
Быть всюду первым — козырь ваш!
И если даже грозный страж
Вас отпихнет, как стражам всем присуще,
Работайте, мой друг, локтями пуще,
Не отступая ни на шаг.
Заняв позицию, расположитесь так,

Чтоб тот, кто сей порог перешагнет по праву
И в королевский попадет покой,
Был вынужден и вас увлечь с собой,
По нраву то ему иль не по нраву.
Пробравшись, проскользнув ужом в дверную щель,
Вперед стремитесь вновь, как делали досель:
На лаврах почивать не время.
К монарху подойти поближе — ваша цель.
Но вьется вкруг него придворных карусель,
Любезных царедворцев племя.
Быть может, осáдить тихонечко назад
И, не сливаясь с этим хороводом,
Дождаться, чтоб король, пусть мимоходом
Остановив на Музе взгляд,
Ее признал пред всем народом,
Не обессудив за наряд?
Вот тут-то, не теряя ни мгновенья,
Пока бы государь на вас взирал,
Смогли бы вы в обширный мадригал
Облечь души своей благодаренье...
И прозвучали бы, как флейта и кимвал,
Слова признательности, клятвы, уверенья
В готовности его величеству служить,
Спл не щадя за все благодеянья,
Которыми решил он одарить
Столь недостойное таких щедрот созданье,
Чей разум, жизнь, искусство, дарованье
Отныне и навек ему посвящены,
Чтоб славу воспевать и чаровать досуги...
Превозносить свои грядущие заслуги,
Как Музы прочие, и вы уметь должны...
Но речи долгие не манят
Их слышащих сто раз на дню,
И слишком важными делами занят
Монарх, чтоб вникнуть в вашу болтовню.
Вам стоит лишь начать затейливую фразу,
Как существо ее он угадает сразу
И, вас прервав с чарующей сердца
Улыбкой мудрою и благосклонной,
Пройдет, блестящей свитой окруженный,
Оставив вас, не молвившей словца,
Не доигравшей роли до конца...
Ну что ж, сочтите речь произнесенной
И — удалитесь из дворца!

СОНЕТ

Господину Ламоту Ле-Вайе на смерть его сына

Дай горю своему слезами изойти!
Оправдывает их безмерное страданье...
Когда сгорает жизнь, что призвана цвести,
И мудрости самой не удержать рыданья.

Какие тщимся мы приличия блюсти,
Когда, предав земле любимое созданье,
Бесстрастно говорим последнее «прости»?..
Ведь это — лучших чувств жестокое попранье!

Ушедшего никто и никогда не смог
Слезами воскресить... И это ль не предлог
Их влагой омочить иссушенные вежды?

Сокровища ума и сердца своего
Унес с собой твой сын и все твои надежды...
Оплакивай же их, оплакивай его!

СЛАВА КУПОЛУ ВАЛЬ-ДЕ-ГРАС

(Фрагмент)

Двадцатилетний труд вершащая краса,
Величественный храм, вознесший в небеса
Державную главу, чтоб к солнцу быть поближе,
Ты, первый средь чудес, рассеянных в Париже,
Пришельцев и гостей притягиваешь взгляд!..
Недаром о тебе немолчно говорят.
Да светит сквозь века звездою путеводной
Благочестивый дар принцессы благородной,
Возвышенной души исполненный обет,
Что в мрамор воплощен и через сотни лет—
Обитель красоты, нетленная святыня —
Пленит сердца людей, как их пленяет ныне!
Но пуще всех богатств сокровищницы сей
Да сохранит господь от разрушенья дней,
От ржавчины времен венец сооруженья,
Вершину мастерства — художника творенье!

Ему лишь одному нет меры и цены
Среди всего, чем здесь глаза восхищены.
О, как же ты сумел, Миньяр, на радость нашу,
Наполнить купол сей — божественную чашу —
Плодами светлых дум, и знаний, и трудов,
Таланта, что возрос у тибрских берегов!
Кто подсказал тебе, какой нездешний гений
В многообразье форм, и в блеск изображений,
И в цвет, и в светотень облечь свои мечты?
Где черпаешь, в каком сосуде красоты
Все замыслы свои? Какой огонь священный
Твой озаряет путь, необщий и явленный
Из живописцев всех тебе лишь одному?
Кто крылья дал уму и дару твоему
И кисти наделил магическою силой
Вселенные творить из охры и белила,
Былые времена сегодня воскрешать,
Давать и камню жизнь, а дух — овеществлять?..
Но ты молчишь, Миньяр, нам не раскрыв секрета.
Художник неспроста его таит от света:
Делиться хочет он лишь с собственным холстом
Доставшимся ему великим мастерством —
Он за него платил безмерною ценою!
Но холст предаст тебя; своею же рукою
Волшебника на нем распишешься, Миньяр,
В том, что для всех людей открыт твой щедрый дар.
Так каменный шатер, простершийся над нами,
Стал школой мастерства, а мы — учениками,
И ты, наставник наш, читаешь нам урок
По книге, в коей нет ни букв, ни слов, ни строк,
Лишь образы, чей вид являет нам законы
Искусства твоего и все его каноны.

ЖАН ДЕ ЛАФОНТЕН

* * *

Жениться хорошо, да много и досады.
Я слова не скажу про женские наряды:
Кто мил, на том всегда приятен и убор;
Хоть правда, что при том и кошелек неспор.

Всего неспокоснее противные советы,
Упрямые слова и спорные ответы.
Пример нам показал недавно мужичок,
Которого жену в воде постигнул рок.
Он, к берегу пришед, увидел там соседа:
Не усмотрел ли он, спросил, утопшей следа.
Сосед советовал вниз берегом идти:
Что быстрина туда должна ее снести.
Но он ответствовал: «Я, братец, признаваюсь,
Что век она жила со мною вопреки:
То истинно теперь о том не сумневаюсь,
Что, потонув, она плыла против реки».

МЕЛЬНИК, ЕГО СЫН И ОСЕЛ

Послание г-ну де Мокруа

Эллада — мать искусств, за это ей хвала.
Из греческих земель и басня к нам пришла.
От басни многие кормились, но едва ли
Они до колоска всю ниву обобрали.
Доныне вымысел — свободная страна.
Не вся захвачена поэтами она.
Их бредни разные я вспоминать не стану.
Но слушай, что Малерб рассказывал Ракану.
Они, кого венчал Горациев венец,
Кого сам Феб учил и дал нам в образец,
Гуляли как-то раз одни в безлюдной роще,—
Друзьям наедине высказываться проще.
И говорил Ракан: «Мой друг, скажите мне,
Вы знаете людей, я верю вам вполне.
Вы испытали все, видали тронов смену,
И в вашем возрасте уж знают жизни цену.
Какой мне путь избрать? Подумайте о том.
Вы знаете мои способности, наш дом,
Родню, ну, словом, все, что нужно для сужденья.
В провинции ль засесть, где наши все владенья,
Идти ли в армию, держаться ли двора?
Добра без худа нет, как худа без добра.
В войне услады есть, а в браке — огорченья.
Когда б мой личный вкус мне диктовал решенья,

Мне цель была б ясна. Но двор, семья, друзья —
Всем надо угодить, в долгу пред всеми я».

И так сказал Малерб: «Вы просите совета?
Я баснею, мой друг, отвечу вам на это.

Мне довелось прочесть, что где-то на реке
Какой-то мельник жил в каком-то городке.
У мельника был сын — на возрасте детина,
И был у них осел — рабочая скотина.
Но вот случилось так, что продавать осла
Нужда на ярмарку обоих погнала.
Чтоб лучше выглядел и не устал с дороги,
Осла подвесили, жгутом опутав ноги.
Как люстру, подняли и дружно понесли,
Но люди со смеху сгибались до земли.
«Вот это зрелище! Вот это смех! Видали?
Осел совсем не тот, кого ослом считали!»
И понял мельник мой, что впрямь смешон их вид.
Осел развязан, спят и на земле стоит.
Войдя во вкус езды на человечьих спинах,
Он плачется на всех наречиях ослиных.
Напрасно: малый сел, старик идет пешком.
Навстречу три купца с откормленным брюшком.
Один кричит: «Эй, ты! Не стыд ли пред народом?
Сопляк! Обзавелся слугой седобородым,
Так пусть и едет он, шагать ты сам не хвор!»
Наш мельник не привык вступать с купцами в спор.
Он сыну слезть велит и на осла садится.
Как вдруг навстречу им смазливая девица.

Подружку тычет в бок с язвительным смешком:
«Такому молодцу да чтоб идти пешком!
А тот болван сидит, как на престоле папа!
Теленок на осле, а на теленке — шляпа!
И мнит себя орлом!» А мельник хмуро вслед:
«Ишь тёлка! Кто ж видал телка́, который сед?»
Но дальше — пуще! Все хохочут, и в досаде
Старик, чтоб их унять, сажает сына сзади.
Едва отъехали шагов на тридцать— глядь,
Идет компания, как видно погулять.
Один опять кричит: «Вы оба, видно, пьяны!
Не бейте вы его, он свалится, чурбаны!

Он отслужил свое, не так силен, как встарь.
Торопятся, скоты, чтоб эту божью тварь
Продать на ярмарке, спустить ее на шкуру!»
Мой мельник думает: «Нет, можно только сдуру
Стараться на земле со всеми быть в ладу.
А все ж на этот раз я способ уж найду.
Сойдем-ка оба мы, авось удастся проба!»
И, придержав осла, с него слезают оба.
Осел, освободясь, пустился чуть не в бег.
Идет навстречу им какой-то человек.
«Вот новость,— молвит он,— я не видал доселе,
Чтобы осел гулял, а мельники потели!
Кто должен груз тащить — хозяин иль осел?
Ты в раму вставил бы скотину, мукомол:
И польза в башмаках, и твой осел сохранней.
Николь — наоборот: недаром пел он Жанне,
Что сядет на осла. Да ты ведь сам осел!»
И молвил мельник мой: «Какой народ пошел!
Я, спору нет, осел, безмозглая скотина,
Но пусть меня хулят иль хвалят — все едино:
Я впредь решаю сам, что делать,— вот мой сказ»
Он сделал, как решил, и вышло в самый раз.

А вы — молитесь вы хоть Марсу, хоть Приапу,
Женитесь, ратуйте за короля иль папу,
Служите, странствуйте, постройте храм иль дом,—
За что вас порицать — найдут, ручаюсь в том».

ПОХОРОНЫ ЛЬВИЦЫ

Супруга Льва скончалась.
Все вдруг заволновалось, заметалось.
К царю летят со всех сторон
Слова любви и утешенья.
Весь двор в слезах от огорченья.
А царь — оповестить повелевает он
О том, что похороны вскоре.
В такой-то день и час быть всем, кто хочет, в сборе,
Чтоб видеть мог и стар и мал
Печальный церемониал.
Кто хочет? А зачем скрывать такое горе,
Когда сам царь ревет с зари и до зари,
Да так, что эхо у него внутри.

У львов ведь нет иного храма.
И следом семо и овамо
На всех наречиях придворные ревут.
Под словом «двор» я мыслю некий люд
Веселый, горестный, а впрочем, равнодушный
Ко всем и ко всему, зато царю послушный,
Любым готовый стать, каким монарх велит,
А если трудно стать, так хоть бы делать вид,
Свой цвет менять пред ним и обезьянить даже.
Придворные точь-в-точь рессоры в экипаже!
Но мы ушли от похорон.
Не плакал лишь Олень. А мог ли плакать он?
Нет, он был отомщен. Ведь вот какое дело:
Его жена и сын — их эта львица съела.
Так мог ли плакать он? И льстец один донес,
Что слышал смех его, но не заметил слез.
А гнев царя, еще и Льва к тому же,
Как Соломон сказал, всего на свете хуже.
Но ведь Олень читать-то не привык,
И что ему до чьих-то слов и книг!
И Лев ему рычит: «Презренный лесовик!
Смеешься? Плачут все, а ты затеял вздорить!
Не буду когти о тебя позорить.
Эй, Волки, все сюда, за королеву месть!
На тризне надлежит вам съесть
Изменника!» Тогда Олень в испуге:
«Но время слез прошло! Я плакать сам готов
О вашей, государь, достойнейшей супруге.
Но я видал ее на ложе из цветов,
И я узнал царицу сразу.
Я следую ее приказу.
«Мой друг!— она рекла.— Настал мой смертный час.
Боюсь, что призовут как плакальщика вас.
К чему? Когда я там, в блаженных кущах рая,
В Элизии живу, среди святых святая.
Но царь поплачет пусть. В блаженной вышине
Его слеза отрадна мне».
Весть мигом разнеслась повсюду.
Все в крик: апофеоз! Он был свидетель чуду!
Олень помилован, представлен к орденам.
Прельщайте лестью высших саном,
Сном позабавьте их, платите им обманом.
Немилость высшего страшна лишь дуракам.
Приманку проглотил — и другом станет вам.

АФРОДИТА КАЛЛИПИГА

Сюжет заимствован у Атенея

Когда-то задницы двух эллинок-сестер
У всех, кто видел их, снискали девам славу.
Вопрос был только в том, чтоб кончить важный спор:
Которой первенство принадлежит по праву?
Был призван юноша, в таких делах знаток,
Он долго сравнивал и все решить не мог,
Но выбрал наконец меньшу́ю по заслугам
И сердце отдал ей. Прошел недолгий срок,
И старшей — брат его счастливым стал супругом.
И столько радости взаимной было там,
Что, благодарные, воздвигли сестры храм
В честь их пособницы Киприды Дивнозадой,—
Кем строенный, когда — не знаю ничего,
Но и среди святынь, прославленных Элладой,
С благоговением входил бы я в него.

ДУНАЙСКИЙ КРЕСТЬЯНИН

Людей по внешности суди не больно шибко!
Совет хорош, хотя не нов.
Я всем рассказывать готов,
Как мой Мышонок влип и в чем его ошибка.
Так думаю не я один.
Со мной Сократ, Платон и некий селянин,
С Дуная прибывший, чей облик Марк Аврелий
Изобразил нельзя умелей.
Двух первых знают все, а третий — вот вам он,
Представленный со всех сторон:
Весь волосат и борода густая.
Он вышел, чащу покидая,
Точь-в-точь медведь, когда храпел он много дней
И плохо вылизан. Глаза из-под бровей
Глядят, как из кустов. Носатый, толстогубый.
Вкруг бедер — вервие, а плащ из шерсти грубой.
Такой был городов дунайских депутат,
А, как известно всем, в лихие годы эти
Угла бы не нашлось на свете,
Где, в жажде всем владеть, Рим не держал солдат.

И начал депутат пространнейшее слово:
«Ты, Рим, и ты, сенат, присутствующий здесь,
Сперва молю богов, да слышат глас мой днесь
И не дадут сказать мне ничего такого,
Что лучше не сказать. Без помощи богов
Нетрудно глупостью нажить себе врагов
И много натворить дурного.
Не призовешь богов — нарушишь их закон,
Тому свидетельство мы сами.
Рим доблестью своей немало вознесен,
Но больше — нашими грехами.
И к нам пришел Небес возмездьем он.
Но бойтесь, римляне, быть может, слезы наши
Вам отольются, час пробьет,
И Небо нам оружие вернет.
Тогда мы сбросим рабский гнет
И будет ваш черед испить из горькой чаши.
Ужель вы лучше всех? За что у ваших ног
Лежит и наш народ, и все другие?
Откуда взяли вы права такие?
Вы осквернили чистый наш порог,
Хоть мирно жили мы, возделывали нивы,
Искусством наслаждались и трудом.
А что германцам принесли вы?
Они воспитанны, но и храбры притом.
А будь нажива их кумиром
Иль будь, как вы, свирепа их орда,
Не вы — они бы управляли миром,
Но так бесчеловечно — никогда!
И, право, кто ж не устыдится,
Как римский претор, над людьми глумиться?
Величье ваших храмов — и оно
Позором ваших дел оскорблено.
Ведь боги видят вас и ваши преступленья.
Что показали вы? Презренье к богам!
Вы жадность довели до исступленья
И в лупанар преобразили храм.
Когда из Рима приезжает кто-то,
К нему уходит все — наш хлеб, земля, работа,
И он на все идет, чтоб этим овладеть.
Уйдите прочь! Мы не желаем впредь
Для вас возделывать полей своих просторы.
Из городов мы убегаем в горы,
Приходим к женам тайно, словно воры.

Медведя встретишь — хоть беседуй с ним!
Рождать рабов мы больше не хотим
И увеличивать для римлян населенье.
А тех детей, что мы успели народить,
Хотим от рабства оградить.
Ваш гнет толкает нас на преступленье.
Уйдите! Расслабленье и порок —
Вот то, что римский нам принес урок.
Германцы, угнетаемые вами,
Насиловать и грабить стали сами.
Другого не пришлось от римлян увидать.
Кто не сумеет золото вам дать
Иль пурпур, может милости не ждать,
Не ждать законности, не встретить снисхожденья
У прокураторов. Боюсь, что эта речь
Вас доведет до раздраженья.
Я кончил. Можете на смерть меня обречь
За искренние выраженья».
Так он сказал и смолк. Весь Рим был восхищен
Красноречивостью, умом, высоким духом
Туземца, так что вскоре он
Патрицием объявлен был,— по слухам,
За речь его в награду. А затем
Сенат указ направил всем,
Да, всем ораторам, такую речь навеки
Принять за образец и в памяти беречь.
Но Рим об этом человеке
Забыл, а с ним забыл и речь.

СОН МОНГОЛА

Один Монгол видал необъяснимый сон:
Пред ним сидел Визирь, в Элизий вознесен,
Где вечно жизнь души в блаженствах чистых длится;
Назавтра сон другой смутил покой сновидца:
Всходил Пустынник на костер.
Кто сам в беде, и тот слезу тайком бы стер.
Такие две судьбы — сюжет необычайный.
Случись так наяву, Миносу был бы срам.
Проснувшийся Монгол, дивясь подобным снам,
Решил, что пахнет здесь какой-то жуткой тайной.
Он рассказал об этом в чайной.

И пекий муж ему: «Ты страхи все забудь.
Когда в таких делах я смыслю что-нибудь —
А кое-что я видел в мире,—
Здесь умысел богов. Визирь твой много лет
В уединенье жил, покинув шумный свет,
А вот Пустынник твой обслуживал визирей».

Посмей я что-нибудь прибавить к тем словам,
Любовь бы я внушал к уединенью вам.
Его любителей буквально с каждым шагом
Питают Небеса чистейшим новым благом.
И я для скрытых нег весь душный свет отдам
За милые места, где знал души отраду,
За одиночество, за свежесть и прохладу.
Кто уведет меня в леса, в поля, туда,
Откуда далеки дворцы и города,
Где правят девять муз, достойных приобщая
К познанью светлых тел, чья сила неземная,
На небесах удел блуждающий избрав,
Нам предрешает все: дела, судьбу и нрав.
И если не рожден я для великой цели,
Пускай бы хоть ручьи свои мне песни пели,
Чтоб мог их берегам я стих мой посвятить.
Хоть Парка не вплетет в мой век златую нить
И я не буду спать в разубранном чертоге,
Но разве проигрыш я получу в итоге?
Там ближе к Истине, а меньше ль там услад?
Дабы в пустыне жить, я многим жертвам рад.
И, к мертвым нисходя, кончая с жизнью счеты,
Умру без горьких дум, как жил я без заботы.

ОЧКИ

Уже не раз давал я клятвенный обет
Оставить наконец монашенок в покое.
И впрямь, не странно ли пристрастие такое?
Всегда один типаж, всегда один сюжет!
Но Муза мне опять кладет клобук на столик.
А дальше что? Клобук. Тьфу, черт, опять клобук!
Клобук, да и клобук — всё клобуки вокруг.
Ну что поделаешь? Наскучило до колик.

Но ей, проказнице, такая блажь пришла:
Искать в монастырях амурные дела.
И знай пиши, поэт, хотя и без охоты!
А я вам поклянусь: на свете нет писца,
Который исчерпать сумел бы до конца
Все эти хитрости, уловки, изворотливости.
Я встарь и сам грешил, но вот... да что за счеты!
Писать так уж писать! Жаль, публика пуста:
Тотчас пойдет молва, что дело неспроста,
Что рыльце у него у самого в пушку, мол.
Но что досужий плут про нас бы ни придумал,
Положим болтовне, друзья мои, конец.
Перебираю вновь забытие страницы.

Однажды по весне какой-то молодец
Пробрался в монастырь во образе девицы.
Пострел наш от роду имел пятнадцать лет.
Усы не числились в ряду его примет.
В монастыре себя назвав сестрой Колет,
Не стал наш кавалер досуг терять без дела:
Сестра Агнесса в барыше!
Как в барыше? Да так: сестра недоглядела,
И вот вам грех на сестриной душе.
Сперва на поясе раздвинута застежка,
Потом на свет явился крошка,
В свидетели историю беру,
Похож как вылитый на юношу-сестру.

Неслыханный скандал! И это где — в аббатстве!
Пошли шушукаться, шептать со всех сторон:
«Откуда этот гриб? Вот смех! В каком ей братстве
Случилось подцепить подобный шампиньон?
Не зачала ль она, как пресвятая дева?»
Мать аббатиса вне себя от гнева.
Всему монастырю бесчестье и позор!
Преступную овцу сажают под надзор.
Теперь — найти отца! Где волк, смутивший стадо?
Как он проник сюда? Где притаился вор?
Перед стенами — ров, и стены все — что надо.
Ворота — крепкий дуб, на них двойной запор.
«Какой прохвост прикинулся сестрою? —
Вопит святая мать.— Не спит ли средь овец
Под видом женщины разнузданный самец?

Постой, блудливый волк, уж я тебя накрою!
Всех до одной раздеть! А я-то хороша!»
Так юный мой герой был пойман напоследок.
Напрасно вертит он мозгами так и эдак,
Увы, исхода нет, зацапали ерша!

Источник хитрости — всегда необходимость.
Он подвязал,— ну да? — он подвязал тогда,
Он подвязал,— да что? — ну где мне взять решимость
И как назвать пристойно, господа,
Ту вещь, которую он скрыл не без труда.
О, да поможет мне Венерина звезда
Найти название для этой хитрой штуки!
Когда-то, говорят, совсем уже давно,
Имелось в животе у каждого окно —
Удобство для врачей и польза для науки!
Раздень да посмотри и все прочтешь внутри.
Но это — в животе, а что ни говори,
Куда опасней сердце в этом смысле.
Проделайте окно в сердцах у наших дам —
Что будет, господи, не оберешься драм:
Ведь это все равно что понимать их мысли!
Так вот, Природа-мать — на то она и мать,—
Уразумев житейских бед причины,
Дала нам по шнурку, чтоб дырку закрывать
И женщины могли спокойно и мужчины.
Но женщины свой шнур — так рассудил Амур —
Должны затягивать немножко чересчур,
Всё потому, что сами сплоховали:
Зачем окно свое некрепко закрывали!
Доставшийся мужскому полу шнур,
Как выяснилось, вышел слишком длинным.
И тем еще придал нахальный вид мужчинам.
Ну, словом, как ни кинь, а каждый видит сам:
Он длинен у мужчин и короток у дам.
Итак, вы поняли — теперь я буду краток,—
Что́ подвязал догадливый юнец:
Машины главный штырь, неназванный придаток,
Коварного шнурка предательский конец.
Красавец нитками поддел его так ловко,
Так ровно подогнул, что все разгладил там.
Но есть ли на земле столь крепкая веревка,
Чтоб удержать глупца, когда — о, стыд и срам! —
Он нагло пыжится, почуяв близость дам.

Давайте всех святых, давайте серафимов —
Ей-богу, все они не стоят двух сантимов,
Коль постных душ не обратят в тела
Полсотни девушек, раздетых догола,
Причем любви богиня им дала
Все, чтоб заманивать мужское сердце в сети:
И прелесть юных форм, и кожи дивный цвет,—
Все то, что солнце жжет открыто в Новом Свете,
Но в темноте хранит ревнивый Старый Свет.

На нос игуменья напялила стекляшки,
Чтоб не судить об этом деле зря.
Кругом стоят раздетые монашки
В том одеянии, что, строго говоря,
Для них не мог бы сшить портной монастыря.
Лихой молодчик наш глядит, едва не плача,
Ему представилась хорошая задача!
Тела их, свежие, как снег среди зимы,
Их бедра, их грудей упругие холмы,
Ну, словом, тех округлостей пружины,
Которые нажать всегда готовы мы,
В движенье привели рычаг его машины,
И, нить порвав, она вскочила наконец —
Так буйно рвет узду взбешенный жеребец —
И в нос игуменью ударила так метко,
Что сбросила очки. Проклятая наседка,
Лишившись языка при виде сих примет —
Глядеть на них в упор ей доводилось редко,—
Как пень уставилась на роковой предмет.

Такой оказией взбешенная сверх меры,
Игуменья зовет старух-овец на суд,
К ней молодого волка волокут,
И оскорбленные мегеры
Выносят сообща суровый приговор:
Опять выходят все во двор,
И нарушитель мира посрамленный,
Вновь окружаемый свидетельниц кольцом,
Привязан к дереву, к стволу его лицом,
А к зрителю — спиной и продолженьем оной.
Уже не терпится старухам посмотреть,
Как по делам его проучен будет пленник:
Одна из кухни тащит свежий веник,
Другая — розги взять — бегом несется в клеть,

А третья гонит в кельи поскорее
Сестер, которые моложе и добрее,
Чтоб не пустил соблазн корней на той земле,
Но чуть, пособница неопытности смелой,
Судьба разогнала синклит осатанелый,
Вдруг едет мельник на своем осле —
Красавец, женолюб, но парень без подвоха,
Отличный кегельщик и славный выпивоха.
«Ба! — говорит,— ты что? Вот это так святой!
Да кто связал тебя и по какому праву?
Чем прогневил сестер? А ну, дружок, открой!
Или кобылку здесь нашел себе по нраву?
Бьюсь об заклад, на ней поездил ты на славу.
Нет, я уж понял все, мой нюх не подведет,
Ты парень хоть куда, пускай в кости и тонок,
Такому волю дай — испортит всех девчонок».
«Да что вы,— молвит тот,— совсем наоборот:
Лишь только потому я в затрудненье тяжком,
Что много раз в любви отказывал монашкам
И не связался бы, клянусь вам, ни с одной
За груду золота с меня величиной.
Ведь это страшный грех! Нет, против божьих правил
И сам король меня пойти бы не заставил».
Лишь хохоча в ответ на все, что он сказал,
Мальчишку мельник быстро отвязал
И молвил: «Идиот! Баранья добродетель!
Видали дурака? Да нет, господь свидетель,
Взять нашего кюре: хоть стар, а все удал.
А ты! Дай место мне! Я мастер в этом деле.
Неужто от тебя любви они хотели?
Привязывай меня да убирайся, брат,
Они получат все и, верь мне, будут рады,
А мне не надобно ни платы, ни награды,
Игра и без того пойдет у нас на лад.
Всех обработаю, не лопнул бы канат!»

Юнец послушался без повторенья просьбы,
Заботясь об одном: платиться не пришлось бы.
Он прикрутил его к стволу и был таков.
Вот мельник мой стоит, большой, широкоплечий,
Готовя для сестер прельстительные речи,
Стоит в чем родился и всех любить готов.
Но, словно конница, несется полк овечий.
Ликует каждая. В руках у них не свечи,

А розги и хлысты. Свою мужскую стать
Несчастный не успел им даже показать,
А розги уж свистят. «Прелестнейшие дамы! —
Взмолился он.— За что? Я женщинам не враг!
И зря вы сердитесь, я не такой упрямый
И уплачу вам все, что должен тот дурак.
Воспользуйтесь же мной, я покажу вам чудо!
Отрежьте уши мне, коль это выйдет худо!
Клянусь, я в ту игру всегда играть готов,
И я не заслужил ни розог, ни хлыстов».
Но от подобных клятв, как будто видя черта,
Лишь пуще бесится беззубая когорта.
Одна овца вопит: «Так ты не тот злодей,
Что к нам повадился плодить у нас детей!
Тем хуже: получай и за того бродягу!»
И сестры добрые нещадно бьют беднягу!
Надолго этот день запомнил мукомол.
Покуда молит он и, корчась, чуть не плачет,
Осел его, резвясь и травку щипля, скачет.
Не знаю, кто из них к чему и как пришел,
Что мельник делает, как здравствует осел,—
От этаких забот храни меня Создатель!
Но если б дюжина монашек вас звала,
За все их белые лилейные тела
Быть в шкуре мельника не стоит, мой читатель.

ГИМН НАСЛАЖДЕНИЮ

Мы с детских лет к тебе влечемся, Наслажденье.
Жизнь без тебя — что смерть: ничто в ней не манит.
Для всех живых существ ты радостный магнит,
Неодолимое для смертных притяженье.
Лишь соблазненные тобой,
Мы трудимся, вступаем в бой.
И воина и полководца
К тебе, услада, сердце рвется.
Муж государственный, король, простой мужик
К тебе стремятся каждый миг.
И если б в нас самих, творцах стихов и песен,
Не возникал напев, который так чудесен,
И властной музыкой своей не чаровал —
Стихов никто бы не слагал.

И слава громкая — высокая награда,
Что победителям дарит олимпиада —
Ты, Наслажденье, ты! Мы знаем: это так,
А радость наших чувств — не мелочь, не пустяк.
Не для тебя ль щедроты Флоры,
Лучи Заката и Авроры,
Помоны яства и вино,
Что добрым Вакхом нам дано,
Луга, ручей в дремучей чаще,
К раздумьям сладостным манящий?
И не тобой ли все искусства рождены?
И девы юные прелестны и нежны
Не для тебя ли, Наслажденье?
Да, в простоте своей я думаю, что тот,
Кто хочет подавить влеченье,—
И в этом радость обретет.
В былое время был поклонником Услады
Мудрейший из мужей Эллады.
Сойди же, дивная, ко мне, под скромный кров —
Ведь он принять тебя готов.
Я музыку люблю, игру, и страсть, и книги,
Деревню, город — все, я нахожу во всем
Причину быть твоим рабом.
Мне даже радостны сердечной грусти миги.
Приди, приди! Тебе, быть может, невдомек,—
Надолго ли тебя душа моя призвала?
Столетье полное — вот подходящий срок.
А тридцать лет мне слишком мало.

ПОСЛАНИЕ МАДАМ ДЕ ЛЯ САБЛИЭР

Теперь, когда я стар, и муза вслед за мной
Вот-вот перешагнет через рубеж земной,
И разум — факел мой — потушит ночь глухая,
Неужто дни терять, печалясь и вздыхая,
И жаловаться весь оставшийся мне срок
На то, что потерял все, чем владеть бы мог.
Коль Небо сохранит хоть искру для поэта
Огня, которым он блистал в былые лета,
Ее использовать он должен, помня то,
Что золотой закат — дорога в ночь, в Ничто.

Бегут, бегут года, ни сила, ни моленья,
Ни жертвы, ни посты — ничто не даст продленья.
Мы жадны до всего, что может нас развлечь,
И кто так мудр, как вы, чтоб этим пренебречь?
А коль найдется кто, я не из той породы!
Солидных радостей чураюсь от природы
И злоупотреблял я лучшими из благ.
Беседа ни о чем, затейливый пустяк,
Романы да игра, чума республик разных,
Где и сильнейший ум, споткнувшись на соблазнах,
Давай законы все и все права топтать,—
Короче, в тех страстях, что и глупцам под стать,
И молодость и жизнь я расточил небрежно,
Нет слов, любое злое отступит неизбежно,
Чуть благам подлинным предастся человек.
Но я для ложных благ впустую тратил век.
И мало ль нас таких? Кумир мы сделать рады
Из денег, почестей, из чувственной услады.
Танталов от роду, нас лишь запретный плод
С начала наших дней и до конца влечет.
Но вот уже ты стар, и страсти не по летам,
И каждый день и час тебе твердит об этом,
И ты последний раз упился б, если б мог,
Но как предугадать последний свой порог?
Он мал, остатний срок, хотя б он длился годы!
Когда б я мудрым был, но милостей природы
Хватает не на всех, увы, Ирис, увы!
О, если бы я мог разумным быть, как вы,
Уроки ваши я б использовал частично.
Сполна — никак нельзя! Но было бы отлично
Составить некий план, не трудный, чтоб с пути
Преступно не было при случае сойти.
Ах, выше сил моих — совсем не заблуждаться!
Но и за каждою приманкою кидаться,
Бежать, усердствовать,— нет, этим всем я сыт!
«Пора, пора кончать! — мне каждый говорит,—
Ты на себе пронес двенадцать пятилетий,
И трижды двадцать лет, что ты провел на свете,
Не видели, чтоб ты спокойно прожил час.
Но каждый разглядит, видав тебя хоть раз,
Твой нрав изменчивый и легкость в наслажденье.
Душой во всем ты гость и гость лишь на мгновенье,
В любви, в поэзии, в делах ли — все равно.
Об этом всем тебе мы скажем лишь одно:

Меняться ты горазд — в манере, жанре, стиле.
С утра Теренций ты, а к вечеру Вергилий,
Но совершенного не дал ты ничего.
Так стань на новый путь, испробуй и его.
Зови все девять муз, дерзай, любую мучай!
Сорвешься — не беда, другой найдется случай.
Не трогай лишь новелл,— как были хороши!»
И я готов, Ирис, признаюсь от души,
Совету следовать — умен, нельзя умнее!
Вы не сказали бы ни лучше, ни сильнее.
А может, это ваш, да, ваш совет опять?
Готов признать, что я — ну как бы вам сказать? —
Парнасский мотылек, пчела, которой свойства
Платон примеривал для нашего устройства.
Созданье легкое, порхаю много лет
Я на цветок с цветка, с предмета на предмет.
Не много славы в том, но много наслаждений.
В храм памяти — как знать?— и я б вошел как гений,
Когда б играл одно, других не щипля струн.
Но где мне! Я в стихах, как и в любви, летун
И свой пишу портрет без ложной подоплеки:
Не тщусь признанием свои прикрыть пороки.
Я лишь хочу сказать, без всяких ах! да ох! —
Чем темперамент мой хорош, а чем он плох.
Как только осветил мне жизнь и душу разум,
Я вспыхнул, я узнал влечение к проказам,
И не одна с тех пор пленительная страсть
Мне, как тиран, свою навязывала власть.
Недаром, говорят, рабом желаний праздных
Всю жизнь, как молодость, я загубил в соблазнах.
К чему шлифую здесь я каждый слог и стих?
Пожалуй, ни к чему: авось похвалят их?
Ведь я последовать бессилен их совету.
Кто начинает жить, уже завидев Лету?
И я не жил: я был двух деспотов слугой,
И первый — праздный шум, Амур — тиран другой.
Что значит жить, Ирис? Вам поучать не внове.
Я даже слышу вас, ответ ваш наготове:
Живи для высших благ, они к добру ведут.
Используй лишь для них и свой досуг и труд.
Чти Всемогущего, как деды почитали,
Заботься о душе, от всех Филид подале,
Гони дурман любви, бессильных клятв слова —
Ту гидру, что всегда в людских сердцах жива.

О ЖЕНИТЬБЕ

Жениться? Как не так! Что тягостней, чем брак?
На рабство променять свободной жизни благо!
Второй вступивший в брак уж верно был дурак,
А первый — что сказать?— был просто бедолага.

НА ЖЕНИТЬБУ СТАРИКА

Жениться он не стал в свои младые лета,
Когда, как говорят, умел он делать это.
Он взял жену на склоне дней;
Но что он будет делать с ней?

ЭПИТАФИЯ БОЛТУНУ

Пред тем как в мир уйти иной,
Немало напорол он чуши;
Теперь вкушает он покой —
И нам не беспокоит уши.

ЭПИТАФИЯ ЛЕНТЯЮ

Каков приход, таков был и уход.
Жан промотал наследство и доход,
К богатствам никогда и не стремился.
А жизнь устроить был он не дурак:
Разбил на две и разбазарил так:
Полжизни спал, полжизни проленился.

ЭПИГРАММА НА ВОСКЛИЦАНИЕ УМИРАВШЕГО СКАРРОНА

Скаррон, почувствовав, что кончен здешний путь,
Взмолился к Парке: «Погоди чуть-чуть,
Дай мне с моей сатирой расквитаться».
Но Клото молвит: «Кончишь *там*, не нудь!
Скорей, скорей! Нашел когда смеяться!»

ЖАН РАСИН

СТАНСЫ ПАРТЕНИЗЕ

Партениза! Смогу ль превозмочь твои чары!
Ты подобна богам этой властью большой.
И кто взглядов твоих переносит удары,
Тот, наверно, ослеп, или слеп он душой.

И во власть твою я вдруг отдался бездумно,
Беззащитен я был, и не вырвался стон,
Околдован тобой и влюбленный безумно,
Я всем сердцем приял Партенизы закон.

И хоть с волей моей мне пришлось распроститься,
Не жалею о ней и о ней не грущу.
Счастлив я: хоть я раб, только раб у царицы!..
От всего я отвык, ничего не хочу.

Я увидел, что ты среди всех вне сравненья,
И слепит мне глаза яркий блеск твоих глаз,
И пленило мне слух твое дивное пенье,
И сковали мне цепь завитки твоих влас.

Я увидел и то, что невидимо взгляду,
Я открыл в тебе клад потаенных красот,
Твое тело полно несказанной услады,
Достигает душа несказанных высот.

Ты — мила, ты любви оказалась достойной,
По достоинствам смог оценить я тебя.
Все рождает любовь к тебе, юной и стройной,
И любовь родилáсь — все забыл я любя.

И с тех пор как любви превзошел я искусство,
Вдохновения жив во мне пыл и подъем.
Никогда не умрет столь прекрасное чувство.
Партениза! Ты век будешь в сердце моем.

Ибо душу мою озарила не ты ли?
И ожег меня жар не твоих ли очей?
И лицо, и твой стан мое сердце пленили,
Мне не жить без любви животворных лучей.

Партенизу пусть вы никогда не видали,
О леса и поля, о хребты и ручьи,
Не забудьте стихи, что хвалу ей воздали,
И не меркни, любовь! Вековечно звучи!

ГИМН III

ЖАЛОБЫ ХРИСТИАНИНА, СТРАДАЮЩЕГО ОТ РАЗДОРА С САМИМ СОБОЙ

(Из Послания св. Павла к римлянам, гл. VII)

Господь! Как этот бой упорен!
В себе я ощущаю двух:
Один стремит к тебе мой дух,
В своем порыве непритворен;
Другой, строптив и непокорен,
Увы, к твоим законам глух.

Один — в нем истина святая,
Он к вечному добру влечет,
Чтоб я достиг твоих высот,
Все прочее пустым считая;
Другой, от неба отторгая,
К земле всей тяжестью гнетет.

Ну как, ведя войну такую,
Себя с собою примирю?
Не действую — лишь говорю,
Хочу — о, жалкий! — все впустую:
Стремлюсь к добру, со злом враждую,
Но не добро, а зло творю.

О, животворный свет вселенной!
Даруй мне мир, о Всеблагой!
Прикосновенья удостой,
Смири раздор души презренной,
Чтоб раб ничтожный плоти бренной
Стал преданным твоим слугой.

НИКОЛА БУАЛО-ДЕПРЕО

САТИРА ПЯТАЯ

Маркизу де Данжо

Высокий род, Данжо, не плод воображенья,
Коль тот, кто от богов ведет происхожденье,
Вступив на доблестный, достойный предков путь,
Постыдным для себя сочтет с него свернуть.

Но если пошлый фат, изнеженный и томный,
Заслугами отцов бахвалится нескромно,
Стяжать их почести желанье возымев,
То мне внушает он презрение и гнев.
Допустим, что его прославленные деды
Одерживали впрямь великие победы,
Что одному, кто был всех боле знаменит,
Капет пожаловал три лилии на щит,—
Былая слава их с венками обветшала,
И не причастен к ней он, как и мы, нимало,
Хоть и хранит ее в пергаментных листах,
Пока они еще не превратились в прах.
Да как бы ни был он велик и славен родом, —
В позорной праздности коснея год за годом,
Он прадедов и честь и гордость предает
И унижает свой высокочтимый род.
Но он столь горд собой, кичится столь надменно
Маститою родней до сотого колена,
Как если б не был сам из праха сотворен
И был над смертными высоко вознесен.
В самовлюбленности и глупом ослепленье
Он дерзко ждет, что все пред ним склонят колени!
Но я подобный тон не склонен выносить
И с полной прямотой хочу его спросить:

«Ответьте вы, чей ум и доблесть столь известны,
Среди животных кто уважен повсеместно?»
Вы скажете: скакун, могучий исполин,
Несущий всадника в лесах и средь долин,
Отважный друг в бою, в походе неустанный!
Вы правы: некогда Баярды и Альфаны
Являлись на турнир во всей своей красе.

Но век их миновал, они истлели все,
И вот потомки их живут совсем иначе —
Они таскают кладь, безропотные клячи!
А вы хотели бы, чтоб чтили вас равно
С героями, увы, почившими давно?
Тогда, не тщась сиять их потускневшим блеском,
Старайтесь к весу их не быть простым довеском
И, от героев род стремясь по праву весть,
Явите нам в себе их доблесть, долг и честь,
Их рвение в делах, их ненависть к порокам,
Бесстрашие в бою тяжелом и жестоком,
Умейте побеждать, не требуя наград,
И в поле ночевать, не сняв железных лат.
Коль вы таким себя покажете однажды,
Высокородным вас тотчас признает каждый;
Тогда вы сможете ввести в свой древний род
Любого короля, какой вам подойдет,
Взять из бездонного истории колодца
Ахилла, Цезаря — любого полководца,
И пусть вопит педант: «Мы вас разоблачим!»,—
Хоть вы не правнук их, по быть достойны им!
Но если предок ваш,— прямой, а не побочный!—
Хоть сам Геракл, а вы — ленивы и порочны,
То чем длинней ваш род — скажу вам без прикрас,—
Тем больше в нем прямых свидетельств против вас.
Вы в самомнении, сейчас, увы, нередком,
Наносите урон своим достойным предкам;
Ошибочно решив, что красят вас они,
Вы мирно дремлете в их благостной тени,
Пытаясь нацепить их пышные одежды...
Они вас не спасут, напрасные надежды,
Вы настоящего не скроете лица:
Я вижу труса в вас, злодея, подлеца,
Вы льстец, способный лишь на ложь и преступленье,
Здорового ствола гнилое ответвленье!

Быть может, ярости увлек меня порыв?
Быть может, слишком я горяч, нетерпелив?
Согласен. Я смягчусь. С великими так смело
Негоже говорить. Итак, вернемся к делу.
Известен ли ваш род и древен ли? — О да!
Я тридцать пять колен представлю без труда.
— Немало! — И притом прямых и безусловных!
Их титулы пестрят в древнейших родословных;

Столетий пыль щадит их негасимый свет.
— Но кто поручится, что в долгой цепи лет
Всем вашим пращурам, чьи налицо заслуги,
Хранили верность их примерные супруги,
Что никогда, нигде какой-нибудь нахал
Прямую линию коварно не прервал
И что за все века, от первого колена,
Кровь предков в вас чиста и неприкосновенна?

Ах, предки, титулы!.. Да будет проклят день,
Когда прокралась к нам вся эта дребедень!
Ведь были времена покоя и расцвета,
Когда никто еще и не слыхал про это,
Гордился каждый тем, что смел и честен он,
Всех ограждал равно один для всех закон;
Заслона не ища в родне, стоящей строем,
Герой был славен тем, что сам он был героем.
Но справедливости с годами вышел срок.
Честь стала не в чести, возвысился порок,
И гордецы, свое установив господство,
Ввели для избранных понятье «благородство».
Откуда ни возьмись, тотчас со всех сторон
Посыпались слова: маркиз, виконт, барон...
Отвагу, щедрость, ум с успехом заменили
Заслуги прадедов и давность их фамилий,
А некий геральдист для пущей похвальбы
Придумал вензеля, мудреные гербы
И тьму красивых слов: ламбели, контрпалы,—
Чтоб те, кому ума и знаний не хватало,
Могли употреблять, как некий свой язык,
Слова, к которым слух обычный не привык.
Тут все сошли с ума; у всех одна забота:
Поля, картьеры, львы, эмаль и позолота...
Не важен человек, коль есть гербовый щит,—
Он тем уже красив, и добр, и знаменит.

Но, чтобы подтвердить, что ты столь знатен родом,
Ты должен быть богат. Забудь же счет расходам,
Проматывай все то, что нажил твой отец,
Купи и разукрась роскошнейший дворец,
И знай, что свет тебя признает тем скорее,
Чем ярче и пышней у слуг твоих ливреи.
А те, кто победней, привыкли деньги в долг
Брать всюду, где дают; и, зная в этом толк,

Умеют с помощью уловок и запоров
Скрываться до поры от грубых кредиторов.
Но вот приходит час: разряженный юнец
Сел за долги в тюрьму. Он разорен вконец.
Пытаясь избежать скандала и позора,
Ведет он под венец дочь выскочки и вора
И, чтобы оплатить издержки по суду,
Весь род свой продает за денежную мзду.
Так сохраняет он отцовское поместье,
Спасая честь свою — увы! — ценой бесчестья.
Да что высокий сан без золота? — Пустяк!
Вы можете свой род хвалить и так и сяк,
Но если нет к нему еще монеты звонкой,—
Сочтут маньяком вас и обойдут сторонкой.
Зато богач всегда в почете и в цене.
Пусть был лакеем он, коль деньги есть в мошне,
Какой-нибудь Дозье, порывшись в книгах пыльных,
Найдет князей в его преданиях фамильных.

Ты не таков, Данжо, мой благородный друг!
Тебе тщеславиться другими недосуг.
Оказано тебе доверье и вниманье
Монархом, чья вся жизнь — прекрасное деянье.
Не славой прадедов король наш знаменит:
Высокий дух его с героями роднит.
Он презирает лень, изнеженность, наряды,
Он от судьбы не ждет дарованной награды,
А обладает тем, что завоюет сам,
И тем дает пример всем прочим королям.
Коль хочешь ты себя покрыть законной славой,
Будь для него во всем его рукою правой
И докажи, что есть в наш лицемерный век
Достойный короля и честный человек.

САТИРА ШЕСТАЯ

ПАРИЖСКИЕ НЕВЗГОДЫ

О господи, ну кто там поднял крик опять?
Или ложатся спать в Париже, чтоб не спать?
Какой нечистый дух сюда во мраке ночи
Сгоняет всех котов, вопящих что есть мочи?
С постели соскочив, я ужасом объят:
Спасенья нет от них, ночь превративших в ад!

Один рычит, как тигр, другой, чей голос тонок,
Кричит отчаянно и плачет, как ребенок.
Но мало этого! Чтоб доконать меня,
Звучит им в унисон мышей и крыс возня,
И по ночам она так мучит и тревожит,
Как сам аббат де Пюр днем досадить не может.
Хоть и не создан я для участи такой,
Всё словно в сговоре, чтоб мой сгубить покой:
Едва лишь петухов пронзительное пенье
Начнет испытывать мое долготерпенье,
Как слесарь, чье жилье, за то, что грешен я,
Господь расположил так близко от меня,—
Ужасный слесарь вдруг пускает в ход свой молот,
И хоть по жести бьет — мой череп им расколот.
Затем я слышу скрип колес и стук подков,
В соседней лавочке снят с грохотом засов,
Звонят колокола на сотне колоколен,
Чей похоронный звон, от коего я болен,
До самых туч летит и сотрясает их:
Вот так здесь мертвых чтят, вгоняя в гроб живых.
Когда б мне выпало терпеть лишь эти муки,
Я с благодарностью воздел бы к небу руки:
Хоть дома плохо мне и жизни я не рад,
Из дома выхожу — и хуже во сто крат.
Куда бы я ни шел, приходится толкаться
В толпе докучливой, и тут уж может статься,
Что кто-то в бок толкнет, нисколько не стыдясь,
И шапка с головы слетит нежданно в грязь;
А вот уже нельзя и перейти дорогу:
В гробу несут того, кто душу отдал богу.
Чуть дальше, на углу, сцепились двое слуг,
Ворчат прохожие, на них наткнувшись вдруг;
Я дальше путь держу, и снова остановка:
Мостильщики проход мне преграждают ловко.
Забрался кровельщик на крышу, и летят
Вниз черепиц куски, напоминая град.
Вдруг появляется телега, на которой,
Как бы предвестием великого затора,
Бревно качается, и этот груз большой
Шесть тянут лошадей по скользкой мостовой.
Карета катится навстречу. Столкновенье.
И вот уже лежит в грязи через мгновенье
С разбитым колесом карета, а за ней,
Желая сквозь затор пробиться поскорей,

Другая в грязь летит; движенье прекратилось,
Не меньше двадцати карет остановилось,
И в довершение, поскольку рок суров,
Пришли погонщики, гоня своих быков.
Все жаждут выбраться отсюда, всем неймется,
То вдруг мычание, то ругань раздается;
Сто конных, призванных порядок навести,
Теряются в толпе, порядок не в чести,
Царит сумятица, не ведая преграды,
Хоть время мирное — повсюду баррикады,
И крик стоит такой, что утонул бы в нем
С небес обрушенный на землю божий гром.
Поскольку я в пути встречаюсь то и дело
С подобной кутерьмой, а ждать мне надоело,
То я, не зная сам, что лучше предпринять,
Готов пойти на риск и путь свой продолжать.
И вот сквозь толчею пытаюсь я пробиться,
По лужам прыгаю, чтоб как-то уклониться
От яростных толчков, и, вырвавшись на свет,
Я грязью весь покрыт, живого места нет.
Путь продолжать нельзя: мой вид теперь отвратен.
В какой-то двор вбежав, от грязи и от пятен
Хочу избавиться. Но чтоб меня добить,
Разверзлись небеса, дождь начинает лить.
Для тех, кто улицу перебежать желает,
Доска лежит и мост она изображает.
Любого смельчака страшит подобный мост,
Настолько переход опасен и не прост.
Потоки хлещут с крыш, и под доской непрочной,
Бурля, течет река в канаве водосточной.
Но я иду вперед: грядущей ночи мрак,
В меня вселяя страх, мой ускоряет шаг.
Едва лишь сумерки в права свои вступают
И лавки запереть надежно заставляют,
Едва лишь мирные купцы, придя домой,
Начнут подсчитывать в тиши доход дневной,
Едва стихает шум и умолкают споры,
Как тотчас городом овладевают воры.
Глухой и мрачный лес с Парижем не сравнишь,
Затем что во сто крат опаснее Париж.
Беда тому, кто в ночь, гоним нежданным делом,
Попал на улицу: нельзя быть слишком смелым.
Бандиты тут как тут. «Стой! Жизнь иль кошелек!»
Сдавайтесь. Или нет, деритесь, чтобы смог

И вашу смерть вписать историк в длинный свиток,
Где уличных убийств и так уже избыток.
А что касается меня, то я в кровать,
Едва нисходит мрак, укладываюсь спать,
И в комнате своей тушу я свет поспешно.
Но вот закрыть глаза пытаюсь безуспешно.
Какой-то наглый сброд, забыв и страх и стыд,
Из пистолета вдруг в окно мое палит.
Я слышу, как вопят: «Спасите! Убивают!»
«Горит соседний дом!» — из темноты взывают.
Дрожа от ужаса, я мчусь из спальни прочь.
Забыв надеть камзол, я бегаю всю ночь
По нашей улице, и весь квартал порою
Напоминает мне пылающую Трою,
В которую смогли ворваться греки вдруг
И собираются разграбить все вокруг.
Но вот горящий дом под нашими баграми
На землю рушится, и затухает пламя.
Я, полотна белей, тащусь к себе домой.
Ночь подошла к концу, я вижу свет дневной,
Ложусь опять в постель, но на душе тревожно.
Лишь деньги уплатив, уснуть в Париже можно.
Как хорошо купить участок, а на нем
Вдали от улицы себе построить дом!
Париж для богача рисуется иначе:
Он в городе живет и вроде бы на даче,
Он видит пред собой всегда зеленый сад,
Деревья средь зимы весну ему сулят,
И, чувствуя ковер цветочный под ногами,
Он тешит сам себя приятными мечтами.
А я, кто не сумел добра себе нажить,
Живу как бог велит и там, где можно жить.

ПОСЛАНИЕ РАСИНУ

Расин, какой восторг даруешь ты сердцам,
Когда твои стихи актер читает нам!
Над Ифигенией, закланью обреченной,
Так не скорбели все в Авлиде омраченной,
Как наши зрители, рыдавшие над ней,
Увидев Шанмеле в трагедии твоей.

Но помни все-таки, что дивные творенья
Тебе всеобщего не сыщут одобренья:
Ведь возле гения, идущего путем,
Который был толпе доселе незнаком,
Безостановочно плетет интрига сети.
Его соперники, мигая в ярком свете,
Как стая воронья, кружат над головой...
Вернейшие друзья и те подъемлют вой.
И лишь у вырытой на кладбище могилы,
Когда безмолвствуют смущенные зоилы,
Все постигают вдруг, какой угас певец,
И возложить спешат ему на гроб венец.

Пока дощатый гроб и горсть земли печальной
Не скрыли навсегда Мольера прах опальный,
Его комедии, что все сегодня чтут,
С презреньем отвергал тупой и чванный шут.
Надев роскошные придворные одежды,
На представленье шли тупицы и невежды,
И пьеса новая, где каждый стих блистал,
Была обречена их кликой на провал.
Иного зрелища хотелось бы вельможе,
Графиня в ужасе бежала вон из ложи,
Маркиз, узнав ханже суровый приговор,
Готов был автора отправить на костер,
И не жалел виконт проклятий самых черных
За то, что осмеять поэт посмел придворных...
Но Парка ножницы безжалостно взяла,
И навсегда его от нас укрыла мгла.
Тогда признали все Мольера чудный гений.
Меж тем Комедия, простертая на сцене,
Давно немотствует, и некому помочь
Ей снова встать с колен и горе превозмочь.
Таков Комедии конец весьма бесславный.

Трагический поэт, Расин, Софоклу равный,
Единственный, кто нас утешить может в том,
Что старится Корнель и пламя гаснет в нем,—
Зачем дивишься ты, когда завистник бледный,
Исполнен ярости, бессонной и зловредной,
Тебя преследует жестокой клеветой?
Господень промысел, премудрый и святой,
О пользе смертного печется неуклонно:
На ложе почестей талант клонится сонно,

Но, от ленивых грез врагами пробужден,
К вершинам мастерства идет бесстрашно он,
Мужая с каждым днем наперекор обидам.
Был Цинна некогда рожден гонимым Сидом,
И, может быть, твой Бурр лишь потому хорош,
Что в Пирра критика вонзала острый нож.

Я, правда, получил лишь скромное признанье
И не привлек к себе завистников вниманье,
Но я в суждениях так прям и так суров,
Что смог приобрести полезнейших врагов:
Они мне помогли своей хулой надменной
Отшлифовать мой дар, убогий и смиренный.
Пытались столько раз меня поймать они,
Что издали теперь я вижу западни,
И тем старательней стихов шлифую строчки,
Что ищут недруги ошибок в каждой точке;
Они везде кричат о слабостях моих,—
Я слушаю их брань и тут же правлю стих;
Крупицу разума увидев в их сужденьях,
Я не упорствую нисколько в заблужденьях:
От злобной критики, где доля правды есть,
Я лучше становлюсь — изысканная месть.

Примеру моему ты следовать попробуй:
Когда тебя чернят и донимают злобой,
Насмешками ответь на неумолчный вой
И пользу извлеки из брани площадной.
Твой критик неумен, бессилен и ничтожен.
Парнас во Франции тобой облагорожен,
Тебя он защитит от козней и интриг,
И правнуки поймут, как был Расин велик.
Кто Федру зрел хоть раз, кто слышал стоны боли
Царицы горестной, преступной поневоле,
Тот, строгим мастерством поэта восхищен,
Благословит наш век за то, что видел он,
Как рос и расцветал твой несравненный гений,
Создавший дивный рой блистательных творений.
Так пусть себе ворчит и тщетно злится тот,
Кто полон горечи, испив Расина мед!
Не важно, что Перрен — всегдашний наш гонитель,
Что ненавидит нас «Ионы» сочинитель,
Что сердится Линьер, бездарнейший дурак,
И множество других посредственных писак;

Но важно, чтоб и впредь творенья нашей музы
Любил народ и двор и знали все французы,
Чтоб королю они понравиться могли,
Чтоб их читал Конде, гуляя в Шантильи,
Чтоб трогали они Ларошфуко, Вивона,
Ангьена строгого, Кольбера и Помпона,
Чтоб тысячи людей нашли порою в них
И мысли острые, и благородный стих...
А под конец хочу просить у провиденья,
Чтоб герцог Монтозье им вынес одобренье!

К таким читателям здесь обращаюсь я.
Но глупых критиков обширная семья,
Все почитатели посредственности пресной,—
Мне их суждение отнюдь не интересно:
Пускай спешат туда, где, ими вознесен,
Своей трагедией их угостит Прадон!

ПОЭТИЧЕСКОЕ ИСКУССТВО

(Фрагменты)

ИЗ ПЕСНИ ПЕРВОЙ

. . . . . .

Будь то в трагедии, в эклоге иль в балладе,
Но рифма не должна со смыслом жить в разладе;
Меж ними ссоры нет и не идет борьба:
Он — властелин ее, она — его раба.
Коль вы научитесь искать ее упорно,
На голос разума она придет покорно,
Охотно подчинясь привычному ярму,
Неся богатство в дар владыке своему.
Но чуть ей волю дать — восстанет против долга,
И разуму ловить ее придется долго.
Так пусть же будет смысл всего дороже вам,
Пусть блеск и красоту лишь он дает стихам!

Иной строчит стихи как бы охвачен бредом:
Ему порядок чужд и здравый смысл неведом.
Чудовищной строкой он доказать спешит,
Что думать так, как все, его душе претит.

Не следуйте ему. Оставим итальянцам
Пустую мишуру с ее фальшивым глянцем.
Всего важнее смысл; но, чтоб к нему прийти,
Придется одолеть преграды на пути,
Намеченной тропы придерживаться строго:
Порой у разума всего одна дорога.

Нередко пишущий так в свой предмет влюблен,
Что хочет показать его со всех сторон:
Похвалит красоту дворцового фасада;
Начнет меня водить по всем аллеям сада;
Вот башенка стоит, пленяет арка взгляд;
Сверкая золотом, балкончики висят;
На потолке лепном сочтет круги, овалы:
«Как много здесь гирлянд, какие астрагалы!»
Десятка два страниц перелистав подряд,
Я жажду одного — покинуть этот сад.

Остерегайтесь же пустых перечислений,
Ненужных мелочей и длинных отступлений!
Излишество в стихах и плоско и смешно:
Мы им пресыщены, нас тяготит оно.
Не обуздав себя, поэт писать не может.

Спасаясь от грехов, он их порою множит,
У вас был вялый стих, теперь он режет слух;
Нет у меня прикрас, но я безмерно сух;
Один избег длиннот и ясности лишился;
Другой, чтоб не ползти, в туманных высях скрылся.

Хотите, чтобы вас читать любили мы?
Однообразия бегите, как чумы!
Тягуче гладкие, размеренные строки
На всех читателей наводят сон глубокий.
Поэт, что без конца бубнит унылый стих,
Себе поклонников не обретет меж них.

Как счастлив тот поэт, чей стих, живой и гибкий,
Умеет воплотить и слезы и улыбки.
Любовью окружен такой поэт у нас:
Барбен его стихи распродает тотчас.

Бегите подлых слов и грубого уродства.
Пусть низкий слог хранит и строй и благородство.

Вначале всех привлек разнузданный бурлеск:
У нас в новинку был его несносный треск.
Поэтом звался тот, кто был в остротах ловок.
Заговорил Парнас на языке торговок.
Всяк рифмовал, как мог, не ведая препон,
И Табарену стал подобен Аполлон.
Всех заразил недуг, опасный и тлетворный,
Болел им буржуа, болел им и придворный,
За гения сходил ничтожнейший остряк,
И даже Ассуси хвалил иной чудак.
Потом, пресыщенный сим вздором сумасбродным,
Его отринул двор с презрением холодным;
Он шутку отличил от шутовских гримас,
И лишь в провинции «Тифон» в ходу сейчас.
Возьмите образцом стихи Маро с их блеском
И бойтесь запятнать поэзию бурлеском;
Пускай им тешится толпа зевак с Пон-Неф.

Но пусть не служит вам примером и Бребеф.
Поверьте, незачем в сраженье при Фарсале,
Чтоб «горы мертвых тел и раненых стенали».
С изящной простотой ведите свой рассказ
И научитесь быть приятным без прикрас.

ИЗ ПЕСНИ ЧЕТВЕРТОЙ

. . . . . .

Воспитанники муз! Пусть вас к себе влечет
Не золотой телец, а слава и почет.
Когда вы пишете и долго и упорно,
Доходы получать потом вам не зазорно,
Но как противен мне и ненавистен тот,
Кто, к славе охладев, одной наживы ждет!
Камену он служить издателю заставил
И вдохновение корыстью обесславил.

Когда, не зная слов, наш разум крепко спал,
Когда законов он еще не издавал,
Разъединенные, скитаясь по дубравам,
Людские племена считали силу правом,
И безнаказанно, не ведая тревог,
В то время человек убить другого мог.

Но вот пришла пора, и слово зазвучало,
Законам положив прекрасное начало,
Затерянных в лесах людей соединив,
Построив города среди цветущих нив,
Искусно возведя мосты и укрепленья
И наказанием осилив преступленья.
И этим, говорят, обязан мир стихам!
Должно быть, потому гласят преданья нам,
Что тигры Фракии смирялись и, робея,
Ложились возле ног поющего Орфея,
Что стены Фив росли под мелодичный звон,
Когда наигрывал на лире Амфион.

Да, дивные дела стихам на долю пали!
В стихах оракулы грядущее вещали,
И жрец трепещущий толпе, склоненной в прах,
Суровый Феба суд передавал в стихах.
Героев древних лет Гомер навек прославил
И к дивным подвигам сердца людей направил,
А Гесиод учил возделывать поля,
Чтобы рождала хлеб ленивая земля.
Так голос мудрости звучал в словах поэтов,
И люди слушались ее благих советов,
Что сладкозвучием приковывали слух,
Потом лились в сердца и покоряли дух.
За неусыпную заботливость опеки
Боготворили муз по всей Элладе греки
И храмы стройные в их воздвигали честь,
Дабы на пользу всем могли искусства цвесть.
Но век иной настал, печальный и голодный,
И утерял Парнас свой облик благородный.
Свирепая корысть — пороков грязных мать —
На души и стихи поставила печать,
И речи лживые для выгоды слагала,
И беззастенчиво словами торговала.

Вы презирать должны столь низменную страсть.
Но если золото взяло над вами власть,
Пермесскою волной прельщаться вам не стоит:
На берегах иных свой дом богатство строит.
Певцам и воинам дарует Аполлон
Лишь лавры да подчас бессмертие имен.
. . . . . .

НАЛОЙ

(Из ирои-комической поэмы)

Пою сражения и грозного прелата,
Что, духом рвения высокого объятый,
Стезею праведной ведя свой славный храм,
Налой на клиросе велел поставить там.
Вотще его оттоль псаломщик дерзновенный
Пытался удалить; прелатом неизменно
На место прежнее он водворяем был.
В конце концов налой скамью врага накрыл.
О муза, расскажи, как злое мести пламя
Между священными вдруг вспыхнуло мужами,
Сколь продолжительный их разделял разлад.
Ах, и у набожных в душе вскипает яд!
А ты, великий муж, чья мудрость поборола
На благо церкви зло растущего раскола,
Мой труд благослови и выслушай рассказ
О славных подвигах, от смеха удержась...

. . . . . .

...В укромной глубине безмолвного алькова
Кровать с периною из пуха дорогого
Роскошно высилась, завесой четверной
Закрытая, чтоб свет не проникал дневной.
Там, в сладостной тиши прохладной полутени,
Несокрушима власть вовек блаженной Лени.
И там-то, завтраком заправившись, прелат
Ждет в легком полусне обеденных услад.
Лицо его блестит, как некий самородок,
Двойной спускается на шею подбородок,
И тела мягкий груз, в подушки погружен,
Их нудит издавать порой тяжелый стон.
Накрытый видит стол вошедшая богиня
И восхищается церковной благостыней.
К прелату, спящему в тиши, она спешит
И, к изголовию склонившись, говорит:
«Ты спишь, прелат? Меж тем псаломщик дерзновенный
Там вздумал за тебя служить неприкровенно —
Молитвы возносить, процессы возглавлять,
Благословения потоком изливать.
Ты спишь? Иль ждешь, когда, от ужаса бледнея,
Увидишь и стихарь и митру на злодее?
Ах, ежели тебе всего милей покой,
То на епископский свой сан махни рукой».

Она умолкла: уст ее мирских дыханье
В прелате вызвало сутяжное алканье.
Он, весь дрожа, встает, но, несмотря на дрожь,
Богиню вещую благословляет все ж.
Как бык, ужаленный осою разъяренной
И роком за укус на гибель обреченный,
Страданием томим, от боли сам не свой,
Протяжный издает на всю округу вой,—
Так пламенный прелат, дрожа от сновиденья,
Прислугу верную ругает в исступленье
И, разжигая всласть свой справедливый гнев,
Решает в храм пойти, обеда не поев.
Напрасно Жилотен, сей капеллан примерный,
Его уговорить пытается усердно,
Что, в полдень из дому уйдя, огромный вред
Себе он нанесет: остынет весь обед.
«Какого,— молвит он,— безумия слепого
Вы стали жертвою? На кухне все готово.
Нельзя же забывать про свой высокий сан!
Он разве для того, чтобы работать, дан?
И к месту ли теперь святое ваше рвенье?
Довольно без того часов поста и бденья.
Придите же в себя и знайте, что обед
Не стоит ничего, когда он подогрет».
Так молвит Жилотен и, рассудив не глупо,
Тотчас велит подать на стол тарелку супа.
С священным трепетом прелат на суп глядит,
Как будто онемев: весь мир им позабыт.

ЭПИГРАММА НА СЕН-СОРЛЕНА

Заспорили Менаж с Биленом:
Был или нет (давным-давно)
Опубликован Сен-Сорленом
Труд в посрамление Арно?
Книгопродавец был, из старых,
В собранье,— он им дал ответ:
«Я издавал. В ста экземплярах.
Тому... позвольте... двадцать лет».
«Боюсь, издатель спрос превысил,—
Я молвил,— автор скучноват».
Был тон книгопродавца кисел:
«Все сто так в лавке и лежат».

ПО ПОВОДУ СОЧИНЕННОЙ АББАТОМ КОТЕНОМ ВЕСЬМА ДУРНОЙ САТИРЫ, КОТОРУЮ ОН РАСПРОСТРАНЯЛ ПОД МОИМ ИМЕНЕМ

Тьмы недругов старались многократно
Чернить мой слог,— и устно и печатно,—
Выискивая в нем ошибки и грехи;
Котен же особливо был коварен:
Чтоб свету показать, как я бездарен,
Мне приписал свои стихи.

НА ЛЕКАРЯ, ПРИНЯВШЕГО ДУХОВНЫЙ САН

(Подражание эпиграмме Марциала «Nuper erat medicus...») [1]

Врач, уложивший в гроб несчастных без числа
(Не столько сгинуло их от чумы и в войнах),
Приняв духовный сан, стал отпевать покойных.
Нет, не сменил он ремесла.

АНТУАНЕТТА ДЕЗУЛЬЕР

МОИМ ДЕТЯМ

Аллегорические стихи

Там, где зелен луг
Подле светлой речки,
Пусть, мои овечки,
Встретится вам друг.
Вся моя отрада —
Жизнь украсить вам.
Нежность моя рада
Стать для вас оградой.
Но к моим лугам
Враг пылает гневом
И отравой сам

[1] «Жил-был врач...» *(лат.)*

Напоил посевы,
Бросил вас волкам.
Вам ли, мое стадо,
Погибать во зле,
Вам, кто был в селе
Гордою наградой?
Как ваш образ мил!
За мои заботы
Бог свои щедроты
На меня излил.
Как мне вас ни жалко —
Надо уступить.
Где мой пес? Где палка?
Чем вас охранить?
Ах, фортуна злая
Трость взяла и пса.
Тщетно я терзаю
Воплем небеса.
Страхов не приемлют,
Жалобам не внемлют,
Держат посох мой,
Пса не шлют домой...
Если бы, счастливы,
Без моих забот
Легких дней черед
Провести могли вы,
Нежный мой народ!
Будь вам Пан защитой!
Слышал он не раз,
Как с душой открытой
Я молю о вас:
О благодеянье
Я для вас прошу,
Все мои страданья
К небу возношу.
Пусть леса в молчанье
Слышат мой обет:
Если б вас от бед
Бог пастушек мирных
Оградил и спас,
Сохранив для вас
Зелень пастбищ жирных,
Пана я, как мать,
Стала б воспевать,

Чтобы образ милый
В песенках моих
Славил каждый стих,
Чтобы дней светило
С ясных берегов
Мой приветный зов
К небу возносило.
Делит ночь и день,
Стелет свет и тень,
Одевая летом
Землю ярким цветом,
А зима придет,
Солнце устает
Землю греть лучами,
И, спустясь на дно,
У Фетиды пламя
Вновь берет оно.

ЭТЬЕН ПАВИЙОН

ЧУДЕСА ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РАЗУМА

Блеск царственных одежд из кокона извлечь,
Заставить красками заговорить полотна,
Поймать и удержать все то, что мимолетно,
Запечатлеть в строках и голоса и речь;

Влить в бронзовую плоть огонь души бесплотной,
Гул хаотический в мелодию облечь,
Исторгнуть из стекла лучи, что могут жечь,
И приручить зверей лесов и мглы болотной;

Сцепленьем атомов мир сотворить иной,
Все числа звездные постичь во тьме ночной
И солнце вновь создать в химической вселенной;

Ад подчинить себе, проникнуть в глубь времен,
Стихии укротить с их тайной сокровенной —
Вот человека цель! Ее достигнет он.

ДВОРЯНИН, ПРИЗВАННЫЙ НА ВОЙНУ

Далек от зависти, не зная злого лиха,
В деревне жил я скромно, тихо,
Жил в доме у себя, и ни один сосед
Враждебно не смотрел мне вслед.
Пастушки, луг, леса, распахнутые дали
Смягчали грусть мою, мне радость доставляли,
В Париже редко я бывал.
Зато Париж ко мне являлся сам порою:
Речь о друзьях идет. Я ждал их и не скрою,
Что всех радушно принимал;
Хоть не изысканной их потчевал едою,
Доволен был мой гость, когда ее вкушал.
И я с друзьями толковал
О радостях любви — не о войне кровавой.
Жалел я короля английского, но, право,
Не думал помогать ему,
Поскольку почести и слава
Мне просто были ни к чему.
Я славы избегал с завидным постоянством,
Гордясь лишь потому дворянством,
Что мог налоги не платить.
Но ныне не хочу я дворянином быть!
Со дня рождения украшен этим званьем,
По праву я теперь считаю наказаньем
Происхождение мое:
Увы, как дворянин, я призван под ружье.
О славный предок мой, чей прах лежит в могиле!
Чернила и аршин оружьем вашим были,
Не лезли в драку вы, покоем дорожа,
А я — потомок ваш, о робкий буржуа!
Как сыну вашему, а моему папаше,
Могло прийти на ум купить на деньги ваши
Дворянство, коему теперь обязан я
Тем, что воякою вдруг сделали меня?
Прощай, мой тихий сад, души моей отрада!
Прощай, фонтан! Прощай, тенистая прохлада!
Прощайте, ягоды, и дыни, и покой,
Холмы, долины, лес густой!
О! Чтобы облегчить моей печали бремя,
Пусть эхо здесь твердит все время:

«Хозяин этих мест, что был приветлив так
И так боялся ран, усталости и драк,
Уехал на войну, которой так страшится.
О, небо, пусть скорей домой он возвратится!»

ШАРЛЬ-ОГЮСТ ДЕ ЛА ФАР

ОДА

Не в радость мне ни ум, ни тело!
Недвижная, томится плоть,
А ум, педант закоренелый,
Тоски не в силах побороть.

Ты, превращающий в услады
Всё — даже капли горьких слез,
О чародей Амур, мне надо,
Чтоб ты печаль мою унес!

Вновь буду я в амурном войске
Служить тебе, чье знамя — страсть.
Я возвращаюсь, чтоб геройски
На поле битв любовных пасть!

На тайных празднествах Венеры
И на вакхических пирах
Прославлен буду я без меры,
Когда земля мой примет прах!

Амуры щекотать Силена
Так примутся, что, пьян и сыт,
Обжора жирный непременно,
Дурачась, брюхо обнажит.

И в память брюха де Ла Фара
До дна там будут пить вино
И петь средь пьяного угара
С веселым старцем заодно!

ГИЙОМ АМФРИ ДЕ ШОЛЬЕ

НА РЕВНОСТЬ

О Ревность, Купидона дочь,
С глазами зоркими и злыми!
Терзаешь души день и ночь.
Ты подозреньями своими.
Когда бы горестных сердец
Не отравляла ты жестоко,
Спокоен был бы твой отец:
Он слеп, а ты — тысячеока.

ШАРЛЬ ПЕРРО

ВЕК ЛЮДОВИКА ВЕЛИКОГО

(Фрагменты из поэмы)

Античность, спору нет, почтенна и прекрасна,
Но падать ниц пред ней привыкли мы напрасно:
Ведь даже древние великие умы —
Не жители небес, а люди, как и мы.
И век Людовика я с Августовым веком
Сравню, не будучи хвастливым человеком.
Хоть были римляне отважны и сильны,
В военном ремесле они превзойдены,
И, как Людовика, от первых войн начала,
Победа никого так быстро не венчала.
Коль кто-нибудь в наш век решился бы хоть раз
Предубеждения завесу сбросить с глаз
И глянуть в прошлое спокойным, трезвым взглядом,
То с совершенствами он бы увидел рядом
Немало слабостей,— и понял наконец,
Что не во всем для нас античность образец,
И сколько бы о ней нам в школах ни твердили,
Во многом древних мы давно опередили.
. . . . . .
Отец искусств, Гомер, ты мной безмерно чтим.
Могучий гений твой внушен тебе самим
Всесильным божеством, и ярче нет примера
Бессмертия стихов, чем жизнь поэм Гомера.

Художники всех стран в теченье сотен лет
Стремятся воплотить гомеровский сюжет;
Твоей фантазии прекрасные творенья
Для лучших мастеров — источник вдохновенья;
Все, что нам тешит взор в скульптуре и резьбе,
На полотне, в коврах — посвящено тебе.
Но если б отнесло благое провиденье
В наш век, во Францию, твое, Гомер, рожденье,—
Ты знал бы то, чего твой век еще не знал,
И заблуждений бы премногих избежал.

Так, твой герой, боец, сразить врага готовый,
Взмахнув мечом в пылу баталии суровой,
Не застывал бы вдруг с подъятою рукой,
Чтоб время дать тебе сказать, кто он такой;
Когда взволнованный читатель ждет исхода,—
Не до того ему, какого Гектор рода.
Воспетые тобой герои давних дней
Мудрее были бы, учтивей и скромней,
И чувство меры бы тебе не разрешило
Все сразу поместить на звонкий щит Ахилла,—
Хоть сам Вулкан его с усердием ковал,—
И солнце, и луну, и моря бурный вал,
И грозные войска троянцев и ахеян,
И их смертельный бой, что славою овеян,
В предсмертном ужасе ревущего быка,
И льва, что рвет ему безжалостно бока,
И юных пастушков, что у лесной опушки
Пустились в пляс вокруг красавицы пастушки,—
Короче говоря, так много, что и бог
Все на одном щите изобразить не мог.

Да, этот чудо-щит в наш век, что с мерой дружен,
Непредставляемым бы не был перегружен:
Ты на излишества не стал бы тратить сил
И только зримое на нем изобразил;
Извилистый полет фантазии природной
Сдержал бы разум твой своей уздой холодной,
И повода бы ты Горацию не дал
Тем извинять тебя, что ты, творя, дремал.

ЧЕШСКИЕ ПОЭТЫ

ШИМОН ЛОМНИЦКИЙ

* * *

Жизнь наша словно плывущий на судне:
Ночью и днем, в воскресенье и в будни,
Сидя, иль стоя, иль в сне беспробудном,
Хочет не хочет, он движется с судном.
Так же и мы — в многотрудной борьбе ли
Или в бездействии — движемся к цели,
Мы пролетаем, как искры, по свету —
Только что были, и вот уж нас нету.

ЗАВЕЩАНИЕ СКУПЦА

Все добро и деньги — другу,
Всем желающим — супругу,
Жбан и пиво — выпивохам,
А находчивость — пройдохам,
Мех, сукно и шубы — моли,
Кукиш с маслом — всякой голи,
Сено — овцам да коровам,
Хвори — сильным да здоровым,
Силу — немощным да слабым,

Кости — псам, а сплетни — бабам,
Реки — рыбам, хитрость — лисам,
Небо — птицам, подпол — крысам,
Танцы с драками — медведям,
Путь, что я прошел,— соседям,
Душу грешную — чертям,
Тело — гадам да червям.

МУДРОСТЬ

В обыкновение вошло
считать, что мудрость — ремесло,
что всякий, кто лишь ни захочет,
в того она сейчас и вскочит.
На самом деле то́ не так,
и научиться ей никак
нельзя в гимназии иль в школе,
еще не слыхано поколе,
что люди только те умны́,
что были в школах учены;
напротив, нам видать случалось,
что тьма ученых заблуждалась
иль просто-напросто впросак
умела попадать — да как!
Как неученым не случится.
Нет, мудрости не научиться
в гимназии из разных книг!
Кто думать иначе привык,
тот ошибается жестоко:
между людьми, по воле рока,
еще до школ она жила —
и школы людям создала;
но не они, да и не годы
ее дают: нет! дар природы
она в сем мире, дар богов,
дражайший всех иных даров.
А кто лишь фолианты роет —
ее вовеки не откроет,
коль с ним она не родила́сь.
Но для чего же учат нас?
Сызма́ла книгами обложат?
Затем, что в нас они умножат

дары природы, разовьют
наш ум и блеск ему дадут,
как грань искусная — алмазу.
Быть образованными сразу,
без книг, без всякого труда,
нельзя нам тоже никогда;
но должно всем иметь терпенье
умов возвышенных творенья
узнать, изведать, изучить
и, словно некий дар, хранить
для отдаленных поколений.
Что по себе оставил гений —
высокий, им свершенный труд
есть лучший мудрости сосуд,
и кто оттоле черпать любит,
природный дар свой усугубит
и будет, при закате дней,
и опытнее и умней.

МИКУЛАШ ДАЧИЦКИЙ ИЗ ГЕСЛОВА

О БОГЕМИИ!

Нет, конечно, ничего плохого
В том, что сына своего родного,
Даже и голодного, босого,
Чехия сильнее, чем чужого,
Манит, не произнося ни слова.
Но, увы, и недругов немало
Чехия кормить с годами стала.

В век еще языческий, старинный,
Чешская земля была пустынной,
Здесь, под сенью полога лесного,
Не светилось разума людского.
А когда же божьим изволеньем
Вся она славянским населеньем —
Чехом работящим — заселилась
И добра в ней много накопилось,
Тотчас же различные народы
Злобной и завистливой породы,

Те, что здесь не сеяли, не жали,
В Чехию стадами побежали,
Попирая все своей пятою,
Норовя отнять добро чужое,
Все отнять у чехов подчистую
И оставить им страну пустую,
Да еще чтоб было все в их воле,
Каждый хочет властвовать подоле,
Или так — урвать кусок поболе.
Словом, горше не придумать доли.

Жили чехи храбрые когда-то,
Жаль, теперь их нет на супостата,
Нынешние смотрят равнодушно,
Что велят, то делают послушно,
А иные с радостью готовы
Землякам своим ковать оковы —
Собственную гибель приближают,
Час пробьет, тогда они узнают!

Стал ты, чех, посмешищем, нет спору,
Не стремись же к большему позору!
Здесь приволье всяким чужестранцам,
Ты же остаешься голодранцем.
Дай, о боже, чеху вдоволь хлеба
И прими его с земли на небо.

ЯН АМОС КОМЕНСКИЙ

НАША ЖИЗНЬ ЕСТЬ СТРАНСТВИЕ

Жизнь мы видим только эту,
Только странствие по свету
В продолженье дней немногих,
Но унылых и убогих.

К бытию из бездн молчанья
Мы, как прочие созданья,
Подымаемся, и всякий
Изначально спит во мраке,

Скрыт у матери под сердцем.
К свету, к небесам отверстым,
Мы спешим, комочки праха,
И еще не знаем страха.

День за днем и год за годом
Мы бредем под небосводом,
В даль безвестную шагая,
Возрастая и мужая.

Наш удел до самой смерти
Суетиться в круговерти —
Вот и мечемся покуда,
Ибо все мы не отсюда.

Смерть же каждого находит,
И напрасно нас заботит —
Как там? Все равно там будем,
Легок путь туда иль труден.

А уж там, за той чертою,
Мы пойдем иной тропою.
Так отринь юдоль земную
И стремись в страну иную!

В час, когда обратно к богу
Дух отправится в дорогу,
Прах, истративший всю силу,
Ляжет отдохнуть в могилу.

А настанет воскрешенье,
Душу с телом в единенье
Снова приведет предвечный,
Всеблагий и бесконечный.

Так душа свои скитанья,
Посланные в испытанье,
Завершит, и все забудет,
И в покое век пребудет.

Здесь же мы лишь горстка персти,
Остья бед нам ранят сердце,
Кто — разумно, кто — как знает
Жизнь свою перемогает.

Господи, спаси нас, грешных,
Выведи из стран кромешных
И введи в свою обитель,
Наш небесный утешитель.

АДАМ МИХНА ИЗ ОТРАДОВИЦ

СМЕРТЬ — КОНЕЦ — БУБЕНЕЦ

Что есть смерть? Кто знать желает —
Стар иль млад — пускай внимает.
Что есть смерть? Всему конец.

Смерть богатства сокрушает,
В прах все клады обращает,
С ней — сокровищам конец.

С ней — приволью, и раздолью,
И веселью, и застолью,
И всем радостям конец.

С ней — всем почестям и службе,
Кровному родству, и дружбе,
И супружеству конец.

Королевскому величью,
Благородному обличью
И могуществу конец.

Силе, счастью, и здоровью,
И тому, что звать любовью,
И всему, всему конец.

Наступает бесконечность,
Век, который длится вечность,—
Смерть — их верный бубенец.

Звякнет он — повеет тленом,
И с земным невечным пленом
Распрощается душа.

Бубенец всегда на страже
И, чуть что, звенит тотчас же —
Так живите, не греша!

ВАЦЛАВ ФРАНТИШЕК КОЦМАНЕК

ОТЧЕ НАШ

Боже праведный! Хуже, чем нехристи турки,
Нас терзают солдаты, бездушные чурки.
Сколько всюду убийств, и насилий, и краж!
Отчего же, всесильный, ты им не воздашь?
«Отче наш!..»

Ведь солдаты — они, как и мы, христиане,
Мы ж от них принимаем такие страданья,
Наши вопли у них вызывают лишь смех,
Но мы верим: за муки ты примешь нас всех.
«...иже еси на небесех».

Чтобы выманить деньги, нас тащат на пытки,
А выдумывать пытки они очень прытки,
Как свиней, над огнем заставляют коптиться,
И притом этот сброд говорить не стыдится:
«Да святится...»

Или за ноги вешают в хлеве на жерди,
Чтоб подольше страдал в ожидании смерти,
И кричат: «Деньги где? Где добро ты припрятал свое?»
И ведь всё они знают: где скот, где тряпье!
«...имя твое».

Как уж тут промолчишь, коли мука такая!
Ну и все говоришь, ничего не скрывая.
Очень многие тут и кончают житье,
Уповая на славное имя твое,
«Да приидет царствие твое!»

Лупят палками тех, чьи пусты кладовые,
И они тебя молят, покуда живые,
И вздыхают: «О, господи, грешен-то я,
Так за что же страдает моя вся семья?»
«Да будет воля твоя!»

Кто пытался укрыться в лесу, а кого-то
На веревке, как скот, волокут из болота.
Бьют их с криком: «Что спрятал, скорее неси!
Бог тебе не поможет, проси не проси!»
«Яко на небеси...»

У немногих, сумевших спасти свои души,
Тех, что с семьями скрылись в горах, где поглуше,
Под метелку их жалкий припас подмели,
Все достали, проклятые, из-под земли
«...и на земли».

Кто что в ямах попрятал, тот думал: «Пусть рыщут,
Ничего, мол, бродяги теперь не отыщут!»
И напрасно: все выкопал сброд этот ушлый
И для жизни нам всем перво-наперво нужный
«Хлеб наш насущный...».

Среди тысяч нашелся едва ль хоть единый,
Что не сек нас лозой, не крушил нас дубиной.
Били все и кричали: «Тащи все, что есть!
Не забудь в тайничок за деньгами залезть!»
«...даждь нам днесь!»

А иной все уж отдал спасения ради
И с семьей на коленях молил о пощаде:
«Коль другие всё взяли, так что ж я отдам?»
Но никто не внимал тем мольбам и слезам.
«И остави нам...»

Да, проси не проси — это все труд напрасный.
И, взывая к Спасителю, плакал несчастный:
«И за что нам, о боже, столь горькая чаша?
Жизнь такая ведь адских мучений не краше!»
«...долги наша».

Чем же мы, горемыки, беду заслужили,
Все налоги на них мы исправно платили,
И теперь прозябаем средь горя и тьмы,
Все друзья и родные дошли до сумы.
«Яко же и мы...»

Если нет ничего, то крутись так и этак,
Все равно тебе нечем кормить своих деток.
Но не будем солдат осуждать — ведь мы знаем:
За грехи свои сами и мзду принимаем,
«...оставляем...»

Это нам, мужикам, поделом, подлым людям,
Пусть мы даже и хуже наказаны будем,
Раз без песен господскую ниву мы пашем,
На лугу их без радости косами машем.
«...должником нашим...»

Зло чинят нам солдаты, но всё мы теперь им,
Этим хищным зверям, мы прощаем: мы верим,
Что настанет тот час, и раздастся твой глас,
И воздашь им не раз, только, господи, нас,
«...не введи нас...»

В нищету еще большую, в большее горе,
Чтоб тебя не забыли мы, с бедами споря,
Чтоб нам в худшие, боже, не впасть прегрешения
И чтоб новые нам не изведать мучения,
«...во искушение...».

И не дай нам в своем милосердии божьем,
Чтоб терпели мы, слабые, больше, чем можем,
Вот и молим тебя со слезами сейчас:
Погаси ты войну, чтоб наш род не угас,
«...но избави нас...»

От врагов, что давно о тебе позабыли,—
Неужели они христианами были? —
От лица своего эту нечисть отринь,
Помоги избавленью наших святынь
«...от лукавого. Аминь».

ФЕЛИКС КАДЛИНСКИЙ

СЛАВЯЩИЙ СОЛОВЕЙ

(Фрагмент)

Невеста Христова прославляет своего милого нежным пением

Нет, не лилия речная,
Что, как первый снег, бела,
Ни лужайка в пору мая,
Что так пышно расцвела,

Ни весенняя денница
В ореоле золотом
Красотою не сравнится
С Иисусовым лицом.

Ясно мне: самой любовью
Так украшен мой жених.
Словно хмель, он вместе с кровью
Прямо в сердце мне проник.
Да, меня ты в сердце ранил,
Той стрелы не вырвать прочь,
И не трачу я стараний,
Чтоб беде своей помочь.

О, приди, мой ясноокий,
Или хоть во сне приснись!
Как жемчужины, на щеки
Слезы падают с ресниц.
Охлади, любовь, слезами
Стрелы жгучие свои,
Но чтоб сладостное пламя
Не залили их струи.

Хоть и слишком быстры стрелы,
Хоть сжигаешь ты дотла,
Все же я бы не хотела,
Чтобы ты меня не жгла.
Только пусть еще продлится
Драгоценный этот миг,
Эта яркая зарница,
Как его любимый лик.

О персты снегов белее,
Иисусовы персты,
Нежные, вы мне милее
Самой сладостной мечты.
Поскорей меня коснитесь,
Растопите сердце мне,
Иисус, прекрасный витязь,
Я сама как воск в огне.

В ожиданье истомилась,
У любви терпенья нет,
Приходи же, сделай милость,
Озари меня, мой свет.

Ах, когда ж тебя держать я
Буду на груди своей.
Приходи в мои объятья,
Прогони печаль скорей.

Лишь в тебе отдохновенье
Я найду, мой господин,
Только ты в любви забвенье
Всех скорбей даешь один.
Умереть в тебе за счастье
Почитаю для себя,
Прояви ко мне участье,
Я ведь так молю тебя!
Аминь.

БЕДРЖИХ БРИДЕЛЬ

ЧТО ЕСТЬ БОГ? ЧТО ЕСТЬ ЧЕЛОВЕК?

(Фрагмент)

Что я есть? Дурное семя,
Дым и пар, кривое древо,
Я исторгнут в мир на время
Женщиной из мрака чрева.
Ты же бездна зарожденья
Всех явлений и вещей.
Люди, черви и растенья —
Все они в руке твоей.

Слепленный тобой из глины,
Я, неверный и тупой,
Не могу свой век недлинный
Прошагать прямой тропой.
Ты и выси и глубины,
Ты оплот земли святой,
Дух извечный и единый,
Все и вся живет тобой.

Я ничтожная росинка,
Может быть, ничтожней всех,
Тоненькая паутинка,
Выгнивший пустой орех.

Ты же светишь беззакатно
И меня, сосуд земной,
Наполняешь многократно,
Умиляясь надо мной.

Жизнь моя на этом свете —
Лишь мгновение одно.
Для червей пригоршней снеди
Завтра стать мне суждено.
Ты же из росы и гнили
Перстенек души куешь
И ничтожной горстке пыли
Образ собственный даешь.

Я болотной тиной облит,
Я сто раз в грехе погряз,
Ты же золотом мой облик
Украшаешь каждый раз.
Что ты есть, творящий чудо?
И что есть любовь твоя?
Обратить к тебе отсюда
Вздох хотя бы смею ль я?

Я исчадие пороков,
Немощное естество,
Ты же есть исток истоков
Только доброго всего.
Ты мне даришь жемчуг слова,
Осиян небесной славой,
Я же вечный корень злого,
Ненадежный и лукавый.

Все, что есть, и все, что будет,
Ведомо тебе заране.
А моя душа забудет
Через миг о покаянье.
Ты безгрешная святыня,
Из тебя исходит благость,
Я же злобная гордыня,
Самому себе я в тягость.

Ты царишь над звездной бездной,
Я же малая пылинка,
Ты цветущий сад небесный,
Я же слабая былинка,

Светишь ты, не угасая,
Я же тусклые потемки,
Нет тебе конца и края,
Мой же век что век поденки.

ВАЦЛАВ ЯН РОСА

ПОВЕСТВОВАНИЕ ЛИПИРОНА, СИРЕЧЬ ПЕЧАЛЬНОГО КАВАЛЕРА, DE AMORE, ИЛИ О ЛЮБВИ

(Фрагмент)

О изменчивость людская,
Столь коварная и злая!
О поспешность превращенья,
Мерзкая до отвращенья!
Ты царишь на свете ныне,
Как горячий ветр в пустыне.
Сердце, что же ты грустишь —
Ветра ведь не укротишь!
Кто она? Под чьей же властью
Я, от мира прочь бегущий?
Как мне справиться с напастью?
Помоги, о всемогущий!
Я хожу, как неживой,
Угнетен своей тоской,
И не вижу ничего —
Хоть бы знать, из-за кого!
Не однажды развлеченья
Я искал в зеленых чащах
Средь достойных восхищенья
Скал и ручейков журчащих,
Но они душе забвенья
Не дают ни на мгновенье.
Даже музыка и пенье
Не приносят облегченья.
Даже дивный день весенний —
День, в который все созданья
От букашек до растений
Пребывают в ликованье,
А светило вверх стремится,
Все целуя на бегу,

И в ответ все веселится
И в лесу и на лугу.
Одержим извечной страстью,
В полумраке, средь ветвей,
Заливается от счастья
Влажной трелью соловей.
И, обласканный весной,
По траве зверек лесной
В упоенье скачет —
Тоже счастлив, значит.
Лес все больше оживает,
Покрывается листвой,
Солнцу весело кивает
Каждый цветик полевой,
И весь мир, ликуя,
Славит день прекрасный.
Только я тоскую,
Кавалер несчастный.
Отчего же мне на свете
Жить в печали суждено?
Чем терпеть страданья эти,
Лучше б умер я давно!
Боже, если я нарушу
Твой закон и сам собой
Выпущу из тела душу,
Будь не слишком строг со мной.
Что же я такого
Совершил плохого,
Раз меня такой
Ты казнишь тоской?
С высоты своей небесной
Ты хоть юность пожалей,
А не то конец известный
Положить придется ей.
Юность дорогая,
Ты уже без сил,
Громко я взываю —
Кто бы пособил?
Я брожу, стеная,
Слезы щеки мочат,
Отыскал врача я,
Врач лечить не хочет.
Раз никто в болезни
Мне помочь не может,

Значит, ждать полезней —
Смерть сама поможет.
Сердце от тоски
Рвется на куски.
Лучше жизни я лишусь,
Чем терпеть такую грусть!

СЛОВАЦКИЕ ПОЭТЫ

ЭЛИАШ ЛАНИ

* * *

Ох, беда мне, грешной,
Горе мне, сердешной,
Чьи мне обивать пороги,
Где искать подмоги?
Турок меня рубит,
Папа меня губит,
Кто ж меня, бедняжку, приголубит?
Плачу я, молю, вся в ранах:
Боже, покарай поганых!

Я как роза среди терний,
Мне грозит любой неверный,
А кто мог бы заступиться,—
Обобрать меня стремится.
Козни, ссоры
Да раздоры —
Нет надежной мне опоры!
Плачу я, молю, вся в ранах:
Боже, покарай поганых!

Я стремлюсь к тебе душою,
Нету от врагов покою,
Мне, несчастной и забитой,
Будь ты сам защитой!
Вкруг меня враги оравой,
Но избави, боже правый,
От купели их кровавой.
Плачу я, молю, вся в ранах:
Боже, покарай поганых!

* * *

Меня наказывает небо,
Но до конца не сокрушает,
Господь хоть мечет стрелы гнева,
Но милосердья не лишает,
Суров он взглядом,
Но добрым словом
Детей своих он утешает.
Так отчего же ныне
Ты в грусти и унынье,
О трепетный мой дух?
За тяжкий грех снести я счастлив
Господень гнев, чтоб через это
Познать, сколь грозен и участлив
В своем суде создатель света.
Я наказанье
Навек запомню,
И будет тем душа согрета.
Так отчего же ныне
Ты в грусти и унынье,
О трепетный мой дух?
Пусть я покинут буду всеми,
Лишь на тебя я уповаю,
Перед тобой, настанет время,
И я предстану, как мечтаю.
Взгляни, о боже,
Сюда, на землю,
К тебе я преданно взываю.
Так отчего же ныне
Ты в грусти и унынье,
О трепетный мой дух?
Прочь все, кто с совестью лукавит,
Кто в заблуждениях упорен,
Господь мне скоро милость явит,
Он плевы отделит от зерен,
Он опечалит,
Он и утешит,
И тех возвысит, кто покорен!
Так отчего же ныне
Ты в грусти и унынье,
О трепетный мой дух?

6 (63)

Почто пристегиваешь шпагу,
Какую выкажешь отвагу,
Коль сердцем не мужал в беде?
Почто немалое богатство
Употребляешь против братства
И смуту сеешь ты везде?
Большому пану не пристало,
Чтоб шпага попусту блистала,
Ее он должен обнажать
Лишь против недругов опасных,
А крепостных людей несчастных
Он должен ею защищать.

10 (84)

Тот, кто других судить берется,
А на себя не обернется,
Он как один звонарь, чудак,
Который, говорят, намедни
Исправно отзвонил к обедне,
А сам отправился в кабак.
Коль хочешь чистым быть, то ясно,
Что ловишь рыбу ты напрасно
Там, где водичка помутней.
А если угрожает ворог,
Всегда сухим держи свой порох
И доброе ружье имей.

12 (92)

Мне, говоря по чести, мнится,
Что заключение в темнице
Намного смерти тяжелей.
Что смерти может быть короче?
А тут страдай и дни и ночи
И об утраченном жалей.
Кто принял смерть,— мгновенье ока! —
И он уж от забот далеко,

Навек погас усталый ум.
А тут терзает наважденье —
Наступит ли освобожденье?
И избавленья нет от дум.

14 (101)

Справляя вольную работу,
Никто не пожалеет поту —
Всяк с радостью исполнит долг.
Слуга, издольщик или скотник,
Как и любой другой работник,
В труде за плату видит толк.
Кто сам себе постелит ложе,
Тому и спать на нем пригоже,
И сладок сон его, как мед.
Кому же довелось с рожденья
Испытывать лишь принужденье,
Тот весь свой век отраву пьет.

17 (118)

Нет, бедность вряд ли украшает
Тебя, и вряд ли возвышает
Твое достоинство она!
Будь, как Марк Туллий, ты отважен,
Зато мошной не больно важен —
Неважная тебе цена.
Презренье к бедняку простому
И кошельку его пустому
Естественно в стенах дворцов.
Но пуще всех в среде спесивых
Не жалуют вольнолюбивых
Поэтов и иных творцов.

23 (150)

Любовь слепа, и подтвержденья
Тому встречаю каждый день я.
Красавице вдруг мил урод,
Уродку полюбил красавец,

Юнец, стыда не опасаясь,
Старуху за себя берет.
Она дукатами поманит —
И тотчас же Дианой станет
И воссияет красотой.
Исток любовного недуга
В наш век в мошне, набитой туго,
А сердце нынче звук пустой.

ШТЕФАН ПИЛАРИК

SORS PILARIKIANA

СУДЬБА ПИЛАРИКА ШТЕФАНА, СЛУГИ БОЖЬЕГО

(Фрагмент)

Кто избегнет грозной божьей кары?
В месяц вресень, в третий день, татары
Коршуньем, кровавыми орлами,
Что кружат, чуть шевеля крылами,
В три часа, когда я распростился
С паствой и спокойно в путь пустился
К Бранчи со стенами крепостными,
Чтобы снова встретиться с родными,
С прихожанами, со всей прислугой,
С детками и милою супругой,
Коих я с напутствием любовным
Отослал, оставшись по церковным
Нуждам — чтобы для благословенья
Деток приводило населенье,—
Возле Сеницы, южней немного,
Где идет на Куново дорога,
На меня внезапно налетели
Хищной стаей, лаяли, свистели,
Что-то не по-нашему базлая,
Громким кликом страху нагоняя,
С луками тугими и плетями,
Со сверкающими палашами.
Палашом таким меня по шее
Бил татарин, силы не жалея.
Выпрягли коня, себе забрали,
А меня с двумя людьми связали —

С челядью вельможного Майтени,
Те от страха пали на колени,
Парень и посыльная — девица.
Нечему тут было и дивиться.
Я от страха обмер сам, не скрою,
Да еще все думал я с тоскою,
Что с женой, с детьми не попрощался
И что с ними навсегда расстался,
Что мне чаша горькая досталась
В рабстве, а не дома встретить старость.
Тронулись вперед, и в ту же пору
Столь печальный вид явился взору,
Что от горя стал мутиться разум:
Множество татар сошлось там разом,
Сеницких гоня, и все известных —
Женщин, и мужчин, и панн прелестных.
Надо мной рыдали прихожане,
Я — над ними. Что за наказанье
Бог на нас наслал в тот день ужасный!
И не мог несчастному несчастный,
Сознавая ужас положенья,
Молвить хоть словечко утешенья —
Зорко надзирали те над нами,
Били кулаками и кнутами.
Вот пошли поля, болота, кочки,
Узкие речушки, ручеечки,
И свалился конь со мной в трясину —
Больно нагрузили уж скотину!
Кабы не татарин, мне оттуда
Помогло бы вылезть только чудо.
И не чудо ль, что меня бучило
С грузом и конем не поглотило!
Вечером они остановились,
Развели костры и повалились.
Тут кривой татарин облаченье
Снял с меня в единое мгновенье,
Кинул мне какую-то сермягу,
Вырядил, как нищего бродягу.
Страх терзал, дождем всю ночь кропило,
Словом, не до сна той ночью было.
А кривой добрался до посыльной,
Грех творил над жертвою бессильной,
Плач, мольбы — ничто не помогало.
И такого делалось немало,

Видно, люди те зверей лютее —
Многих умертвили так злодеи.

Утром встали, сборы были скоры,
Впереди — дорога через горы.
Начали душить младенцев милых,
И швырять о землю что есть силы.
Если невредимое строенье
Видели в каком-нибудь селенье,
То огонь немедля разводили
И, спалив постройку, уходили.
В тот же день, по кочкам и болотам
Пробираясь, обливаясь потом,
Турок на пути мы повстречали.
«Поп, конец попу!» — они кричали
И, махая саблями, хотели
Зарубить меня и в самом деле.
К счастью, мой спаситель им сурово
Что-то крикнул, спасши жизнь мне снова.
Мы прошли их табор басурманский,
А потом валашский, христианский,
И на кочках над бурливым Вагом
Нам пришлось заночевать, беднягам,
Голодом и жаждой тяжко мучась.
Есть ли что страшней, чем пленных участь?
Конским путом ноги нам скрутили,
Разлеглись на нас, как на настиле,
И всю ночь колодами лежали,
Даже шевельнуться не давали.

Тем же, что взывали к состраданью,
Отвечали кулаком и бранью.
В середине ночи этой длинной
Стали пленных потчевать кониной,
Без кусочка хлеба, несоленой,
На костре дымящем испеченной.
Ясно, что такое угощенье
Вызвало во мне лишь отвращенье,
Грязь и та подобной пищи чище,
Предпочел я утра ждать без пищи,
Лишь воды попив из мутной лужи.
Что ж, Спасителю пришлось и хуже,
Ради нас великой муке крестной
Подвергался наш отец небесный.

ДАНИЭЛЬ ГОРЧИЧКА-СИНАПИУС

* * *

Мне нужна твоя поддержка,
Я устал, едва дышу,
Я прошу о дружбе дерзко,
Недостоин, но прошу.
Если ты мне в ней откажешь,
То в пути к воде закажешь.
Как я к твоему ручью
Припаду, воды попью?
Чем я освежу уста?
А она ведь так чиста,
Как небесный мед, сладка —
Мне б ее хоть два глотка!

СМЕРТЬ

Ей что бедный, что богатый,
Что красивый, что горбатый,
Все равны — берет любого,
Старого и молодого...
Так цветочек луговой
Для косы — одно с травой.
Мало радости на свете,
И раскидывают сети
Грусть, забота, суета,
Хлопоты и нищета.
И за труд свой неустанный
Только домик деревянный
Получаем мы однажды,
Да и то еще не каждый.
Кто проведает о том,
Скоро ль смерть его копьем
Поразит без сожаленья?
Кто провидит то мгновенье?

ГЕОРГ ШЕРНЙЕЛЬМ

ГЕРКУЛЕС

(Фрагменты)

Встал поутру Геркулес на рассвете юности ранней,
сонмом сомнений тесним — как жизни начало устроить,
дабы с летами снискать и славу, и честное имя.
Встречу ему, отягченному страхом и лютой тоскою,
с вежеством в лике жена, но с долей жеманства в повадках
вышла, одета пестро́, в многоцветно расшитое платье,
сканью блестя золотой, самоцветами, жемчугом скатным;
было прекрасным лицо, но виднелись сурьма и румяна,
словно раскрашенный снег, розовели прекрасные щеки,
дерзко сверкали глаза, и круглилось дородное тело,
златопряденные пряди украсили розы и перлы.
Похоть — вот имя ее, и известна она повсеместно.
Свита ступала за ней. Три дочери вместе держались
с братцем своим. Таковы одеяния их и повадки:
Первая нехотя шла, тяжелой и валкой походкой,
громко зевая со сна, своенравно вращая глазами,
в мятом, запачканном платье, нечесана и неумыта,
сонные травы и мак в неопрятном венке растрепались;
карты держала в руках, а под мышкой подстилку держала,
рыская, где бы прилечь; непрестанно со страстью чесалась.
Ленью звала ее мать еще от младенческой люльки.
Царственной статью на мать была похожа вторая,
с поступью гордой, смела, на устах — потайная усмешка,

глаз шаловливый прищур плепительной негою манит —
всюду, куда б ни пришла, влечет она взгляды мужские.
Тканей тончайших покров едва наготу прикрывает,
взбитые кудри мягки, бела лебединая шея,
грудей округлы холмы, и сосцы сочны и упруги —
тьму обещаний таят и всечасно к любви призывают.
Факел в руках у девицы вкупе с трутом и кресалом.
Страстью зовется она, любима, лелеема всеми.
Странного свойство лицо у самой младшей сестрицы:
слезы в левом глазу, а в правом — веселия искры.
Пухом парит и порхает и быстрою бабочкой вьется.
В платье французском она; бахромою и бархатом броским,
сканью на ткани слепит, серебристым, искристым батистом;
сорок оборок кругом, рукава в кружевах тонкотканных,
шлейфа шелка шелестят, пестрят побрякушки и рюшки.
С парусом барка в руках, кормила лишенная вовсе.
Глупость — вот имя ее, наши юноши любятся с нею.

Следом за нею идет опухший, опившийся братец,
грузный, кряхтя и пыхтя, уныло враскачку плетется,
розоворож, как свинья; блестят, будто бусинки, глазки.
В плотном венке сплетены мясистые шишечки хмеля
с множеством гроздей живых, сочащихся влагой бурливой.
Кубок в руках у него, вперекид — горящая пакля,
тюк тугой табака да несколько трубок под мышкой.
Брата родного девиц в этом увальне каждый призна́ет.
Пьянство — вот имя его, он приносит веселье в застолье.
(*Шалого* не было здесь, ибо вечно он занят ловитвой.)
Вот вам доподлинный вид и достоинства явленной свиты.
После учтивых поклонов, кивков и лобзания ручек
Похоть сладчайшую речь начала в таковых выраженьях:
«О достославный герой, Геркулес благородный и гордый!
В чем сомневается ум? Цветущая юность играет,
лик твой прекрасен, нежна твоя кожа и розовы щеки.
Силу очей испытай и власть красоты несравненной,
многожеланный для всех достойнейших девушек наших!
С толком используй дары, пока молоды́ твои ле́та,
силы с умом применяй, пока не стреножила старость!
Помни: не вечно ничто, и властительно непостоянство.
Искры, поток и стекло, цветок и трава луговая —
тлели, бурлили, блестели, цвели и ковром зеленели;
ныне — угасли, замолкли, разбились, завяли, засохли.
Жизнь человека — что дым, за миг развеваемый ветром.
Ныне здоров, невредим, силен, прекрасен и весел —
завтра застынут уста, каменея в недвижности мертвой.

Смерть обращает во прах все, что радостным блеском искрится.
Смерть погружает во мрак все, что в мире высоким зовется.
Смерть крошит и крушит все, что люди прекрасным считают.
Смерть громит и дробит все, что кажется сильным и стойким.
Смерть холодит, как лед, все, что жаркою жизнью дышало.
Смерть сминает, как гнет, все, что чтимо людьми и любимо.
Смерть — мировое Ничто и в ничтожество все повергает.
Радость уносит она. Если тело рассталось с душою,
что происходит с желаньем? Нет пищи для мертвого ока —
света оно лишено, и нет услады для слуха.
Где приютиться желанью, если душа отлетела?
Мрак и безмолвье безмерны.
Канут и чувства в ничто, если тело в ничто обратится.
Спят обоняние и вкус, ибо нет аромата и снеди.
В царстве вечного сна не знать сновидений отрадных.
Солнце заходит, и свет превращается в темень густую —
но засияет опять и утренним светом забрезжит.
Жизнь человека — не то! Однажды во тьму погрузившись,
там остается навек, в обители вечного мрака.
Помни об этом! Живи, пока ты жизнью владеешь!
Следуй за мною, герой! В веселье и в радости буйной
нет недостатка! Любых красавиц и братьев веселых,
яства, вино и игру, песнопенья и мягкое ложе
дам я тебе — наслаждайся в любое мгновение ока!»

. . . . . .

Вот уж готов Геркулес, ибо юность грешит неразумьем,
к первому шагу в пути, на который влекла его Похоть.
В это мгновенье явилась жена с обличием смертной,
но благородная стать богиню в ней изобличала.
С гордой осанкой ступала, плавной, степенной походкой,
в каждом движенье сквозили сдержанность и благородство.
Ликом смугла от лучей, подтянута и худощава;
свежего снега белей, серебром расшита одежда,
скромная, без ухищрений, доброго старого кроя.
Вот отомкнула уста и умную речь начинает:
«Гордый родством Геркулес, величья и чести избранник!
Это ли путь твой? Постой, образумься, не будь торопливым!
Знаешь ли ты, кто она, чьи речи столь вкрадчивы были,
чей сладкозвучный глагол мечты твои так взбудоражил?
Стоит ли слушать слова того, кто тебе неизвестен?
Та, что стоит пред тобой, кого ты считаешь богиней,
ада исчадье она, орудье и дочь преисподней.

Похоть — лишь кличка ее, а скрытое имя — Порочность.
Будят пороки желанье, желанье к разврату стремится —
стало быть, есть у нее основания Похотью зваться.
Что за советы дает! Опасайся участи этой!
Эта вещунья ведет путем и широким и ровным
к гибели верной тебя; сей путь скользит по наклонной
в бездну, в начале полóг, а в конце все круче и круче,
в яму торопит людей. Обуянный неистовством путник
бег убыстряет, чтоб пасть в кромешную тьму преисподней.
Там омерзенье и стыд, раскаянья скорбные стоны,
вопли и слезы отчаянья — вечные глина и пламень
пастью разверстой поглотят и в вечную муку повергнут.
Помни, мой друг,— таков конец этой гладкой дороги,
путь по которой она столь красочно живописала.
Этот ли путь — для тебя? Блаженства и радостей рая
так не достигнет никто: праздномыслие, игры и пьянство
жнут иные плоды; старательный труд и лишенья,
трезвость и ясность ума, постоянство, приверженность к чести —
вот что ведет по пути, где царствую я, Добродетель.

. . . . . .

Путь добродетели мнят слишком узким слепцы и ленивцы.
Эта стезя, хоть узка, освещается светом господним.
В чем состоит добродетель? Не в ней ли здоровие духа?
Знай: добродетель — любовь к творцу и законам творенья,
вера в добро и желанье, чтоб всем воздалось по заслугам,
чтоб не калечил никто ни честь, ни тело, ни душу;
противоборство насилью тупому, жестокости злобной,
стойкость пред натиском спеси, нечестья и высокомерья.
Руку протянет в беде и к несчастным придет добродетель.
Духом прекрасен, и трезв умом, и праведен в жизни,
честным обычаям верен тот, кто избрал добродетель.
Трезво на каждый вопрос всегда добродетель ответит:
что, когда, почему, для чего и с целью какою,—
каждый ответ с умом применить добродетель сумеет.
Случай бессилен пред ней: добродетель исправит случайность.
Умный советчик в чести: добродетель глупца презирает.
Где обретается ложь, добродетели нечего делать.
Праздные речи и лесть, вводящие ум в заблужденье,—
помни, чреваты они стыдом и позором для чести.
Щедро, ничуть не кичась, добродетель себя расточает,
блага умеет она и брать, и давать с благородством.
Злоба чужда добродетели, чýжды бесплодье и глупость.
Разум прекрасней всего — глупец да не будет в обиде!

Смерть под мечом палача предпочтет добродетель позору,
силою духа сильна, добродетель не ведает страха.
Горе, несчастье, вражда, бушеванье огня и потопа —
всё ей игрушки; она и смерть самоё обыграет!»

ЛАРС ВИВАЛЛИУС

ПЕСНЯ-ЖАЛОБА О НЫНЕШНЕЙ СУХОЙ И ХОЛОДНОЙ ВЕСНЕ

(Фрагменты)

Тепла не дала сухая весна.
Не выйдет ни рожь, ни пшеница.
Душе не мила, скучна, холодна.
Вели ей, боже, избыться!
Тепла дай, порадуй!
Ей-ей, она
дождливым летом грозится.

Дай дождичка нам, траву напитай.
Земля без влаги страдает.
Мороз по утрам, засушливый май
завязь нещадно сжигает.
О боже, за что же!
Давай спасай
тех, кто тебя почитает.

За что же цветам такая беда,
что жжешь их ветром холодным?
За что же гореть полям от стыда,
беспомощным и бесплодным?
О небо, дай хлеба!
Пусть никогда
мужик не будет голодным.

И пустится в пляс на радостях люд,
проснутся бабочки мая.
Пусть, радуя глаз, дождинки бегут,
в траве алмазно блистая.

Пусть вольно, раздольно
щеглы живут
и трясогузочья стая.

Пусть всходы взойдут, леса зашумят,
не надо мора и глада!
Пусть травы цветут — ведь их аромат,
сам знаешь,— наша отрада.
Веснянки, гулянки
пойдут подряд,
украсит гряды рассада.

Пускай без препон цветет ремесло,
не рыщет тать по дорогам,
чтоб с разных сторон купцов принесло
без счета к нашим порогам.
Дай розы, не слезы!
Придет тепло —
не станет места тревогам.

Скотину скорей пусти на простор,
пусть бродит лесом и лугом,
пусть будет за ней господень надзор,
и пахарь весел за плугом.
Пусть злачно и взрачно,
как на подбор,
стоят хлеба по округам!

Живем мы, грешa и души губя!
И как побороть искушенья?
Ведь гибнет душа, коль жить, не любя
твои благие внушенья.
Нам ясно — опасно
гневить тебя.
Прости же нам прегрешенья!

О боже, открой рабам, дуракам,
дорогу к горним вершинам!
Молю, всеблагой, мирволь мужикам,
свети их трапезам чинным!
Пошли ты защиты
худым рукам
с пустым надбитым кувшином.

ЛАССЕ ЛУСИДОР

* * *

Ревнители морали!
Вы истину проморгали:
от выпивки жажда злей!
Живете вы робко и нудно,
сосете надежд елей.
Тот счастлив, кто пьет беспробудно!

У вас казна в копилке,
у нас же она в бутылке,
точнее — в чреве казна.
Богатый живет суетливо,
у нас же забота одна:
забористей было бы пиво!

Лекарства пьют от болезней,
для здравия нам полезней
покрепче питье приймать.
Доставит к вершинам веселья,
заставит икать, дремать —
вот это целебное зелье!

Пусть праведники гневно
корят меня ежедневно,
что спьяну несу я гиль.
Дадим женихам женихаться,
а сами возьмем бутыль,
чтоб с горестями распрощаться.

Уж лучше вечно пьяным
плыть водочным океаном,
чем высохнуть от любви.
Вздыхатель, приходи в пивнуху
и вместе со мной плыви!
Забудешь любую присуху!

От пьянства околею,
прощусь я с душой своею,—
сображники и друзья
положат меня среди бочек,—
от жажды воскресну я
и, лежа, хлебну хоть глоточек.

САМУЭЛЬ КОЛУМБУС

ЛУСТВИН ТАНЦУЕТ ГАВОТ С ПЯТЬЮ ЧУВСТВАМИ

ЗРЕНИЕ

Людям ясно: что прекрасно, то по вкусу мне всегда.
Глаз пленили чаши лилий, нежит очи резеда,
лоб пригожий с нежной кожей,
зыбь походки у красотки,
дивы-птицы с чудо-статью,
и девицы в дивном платье.

СЛУХ

Все, что звучно и нескучно, то по вкусу мне всегда.
Тешат уши, греют души шутка, смех и коляда,
рев трубы и барабана,
зычный выкрик горлопана,
и не грустный, а веселый
рокот лютни и виолы.

ВКУС

Все, что сытно, аппетитно, то по вкусу мне всегда.
Радо нёбо до озноба, если вкусная еда.
От готовки, варки, жарки
рад язык принять подарки
да залить потоком винным,
выпитым глотком единым.

ОБОНЯНИЕ

Что приятно-ароматно, то по вкусу мне всегда.
Дух и разум крепнут разом, аромат вкусят когда.
Освежает дух алоэ
сундуки, ларцы, покои;
розовой воды потоки
холят руки, холят щеки.

ОСЯЗАНЬЕ

Неизбежно все, что нежно, все по вкусу мне всегда:
игр любовных, ласк бессловных сладостная чехарда.
Свист дрозда, орлиный клекот,
глухарипый стон и рокот,
этих звуков череда
меж двоих звучит всегда.

ЭПИГРАММЫ И ЭПИТАФИИ

МИР—НАШ ДОМ

Мир — тот же тесный дом; как ни длинна дорога —
вовек не перейдем черты его порога.

НЕЧЕСТИВЫЙ ПАСТОР

Он жить велит другим, как повелел господь,
меж тем как им самим повелевает плоть.

ЭПИТАФИЯ ЛАССЕ ЮХАНССОНУ, НАЗЫВАВШЕМУ СЕБЯ ЛУСИДОРОМ НЕСЧАСТНЫМ

Он предвестил себе беду, судьбы не веря в милость.
Он предвестил себе беду — беда к нему явилась.
Прохожий, не сочти за труд, читая надпись эту,
сказать погромче: «Суждено пророком быть поэту!»

ДОКТОР ФАУСТ

Как Фауст, душу запродать?— Меня не тянет что-то:
не прочь бы я про все узнать, да в пекло неохота.

ЖАЛО ЖАЛОСТИ

Не поверяй друзьям души своей печаль:
тот больно жалит нас, кому нас больно жаль.

ЭПИТАФИЯ

Прах Гёорга Шёрнйельма в этой могиле.
Наука и разум его не забыли.
В три четверти века, что дал ему бог,
проникнуться к веку почтеньем не смог.

Таланты его мне хвалить не пристало —
уж слишком их много, а сил моих мало.
Одно заявляю — тут спорить нельзя:
счастливой была его жизни стезя.

СКУГЕЧЕР БЕРГБУ

ИЗ ЦИКЛА «К ВЕ́НЕРИД»

СОНЕТ 22

Непостоянно все: меняясь непрестанно,
как сумерки и ветр — настанет и пройдет.
А дорогое нам и вовсе не живет.
Так перышко летит, и тает прядь тумана.

Что плакать! или петь! Не изменить ни грана
в составе времени. Все движется вперед,
и дорогое нам равно не знает льгот.
Непостоянна грусть, и явь непостоянна.

Смирись, душа! Прими законы мирозданья
и с бегом времени сверяй свои желанья.
Пусть молодость моя проходит без людей —

я верю, что не грусть, а радость — чародей:
забвенье нам дарит, воспоминанья будит.
И, верно, Ве́нерид моя душа забудет.

СОНЕТ 92

По берегу она с подругами бродила,
искала, где вода светла и холодна,
не взбаламучена, и чтоб была видна
любая впадинка, и не было бы ила;

там Меларен волна в цветущий берег била,
там розовый песок, тепло и тишина.
Одежды приподняв, все разом, как одна,
засомневались вдруг, но смелость победила.

Решились: платья прочь. Скорее охладиться!
Мелькают бедра их, как лилии белы.
Конечно, здесь никто не может появиться.

Я лесом шел тогда, и, прячась за стволы,
все, что по воле дам скрывалось до сих пор,
по милости судьбы я рассмотрел в упор.

ГУННО ДАЛЬШЕРНА

КОРОЛЕВСКИЙ СКАЛЬД

(Фрагменты)

Он превосходит всех. Достойный славных дедов,
Он ставит жизнь и кровь за честь своей страны;
Когда, нечистый пыл к ее красе изведав,
Ее пытались взять чужих земель сыны,
Он девственность ее оберегал для шведов,
Отбрасывал врагов от крепостной стены.
Он шествует в броне, прикрыт плащом оленьим,
И шлем на голове с орлиным опереньем.

По лестнице за ним свершает восхожденье
Второй, чей сан снискал доверье и почет,
Достопочтенный муж в суровом облаченье,
Проведший век вдали от суетных забот.
Со шляпою в руках, являет он смиренье
И распятого крест для Швеции несет.
Его глаза в слезах, его уста и руки
Хранят святой закон, завет поста и муки.

А третий корабли стремит по синей глади,
В бесстрашии своем не знает меры он,
И дальний путь всегда ведет его к награде:
Казна его полна даров со всех сторон,
Он в Азию плывет вознагражденья ради,
И лучшие шелка ему дарит Цейлон.
Он держит верный курс под солнцем и при звездах,
Покуда не взлетит его корабль на воздух.

Четвертый, наконец. Он выбрался из чащи.
Волос на голове — по пальцам можно счесть,
Однако в бороде они гораздо чаще.
Он в каждом деле сам таков, каков он есть,
В молитвах и постах досуги проводящий,
Чтоб чистый голос свой на небеса вознесть.
Доверена ему вся шведская скотина.
Он добывает снедь для пиршеств господина.

ЮХАН РУНИУС

ПОЕЗДКА РУНИУСА И ФРИСКА В ПЕРВЫЙ ДЕНЬ ПАСХИ 1712 ГОДА

(Фрагменты)

С зятем Баумана Фриском
мы неслись во весь опор,
но на расстоянье близком
оставались гребни гор:
умерять должны мы страсть,
чтобы не попасть
прямо морю в пасть.
Буйна младость!
Что за радость
на себя навлечь напасть?

Кобылица смоляная
слишком слабою была
и до цели нас, стеная,
лишь назавтра довезла.
Наш хозяин в этот час,
не дождавшись нас,
был в гостях как раз.
Но супруга
без испуга
сразу нами занялась.

Угощенье — не на шутку:
каждый был и пьян и сыт:
пища — праздники желудка —
и сладчайший аквавит.

Да, приплыли мы не зря:
водка под угря,
в нас огнем горя,
грела тело,
то и дело
чудеса в умах творя.

Ах, фру Лиза напекла
аппетитных булок сдобных!
Как была она мила
в обстоятельствах подобных!
Я, поев ее стряпни,
вспомнил детства дни —
как средь воркотни
было сладко
без остатка
булку съесть в кругу родни.

. . . . . .

Рассказать не хватит слов,
как ходили мы молиться,
слыша звон колоколов —
громкий зов святой седмицы,
как скакали до небес,
как ходили в лес
с милыми и без,
как мы пели
и галдели,
будто в нас вселился бес.

Кратко: там для игрока
были карты видов разных,
воз еды — для едока,
пруд питья — для пьяниц праздных,
глазки, чтобы впутать в грех,
множество потех,
игры без помех,
сутки кряду
до упаду
молодой здоровый смех.

Я четыре дня гулял
на гулянье лучшем в мире,
а спроси, так длился бал
разве что часа четыре.

Я вернулся в дом родной
с головой дурной,
руган был женой —
ручкой резвой,
речью трезвой
был развеян сон хмельной.

О ТЩЕТЕ МИРА

(Фрагменты)

В лихорадке
без оглядки
люди падки
на плоды пустых утех.
Но соблазны,
сколь ни разны,
дух мой праздный
не введут в постыдный грех.
Ум не зорок,
манит морок —
власть, богатство, слава, честь.
Морок минет — бед не счесть:
голы, нищи,
а жилище —
пепелище,
нечего ни пить, ни есть.
Хвори, вздохи,
денег — крохи.
Ох, суровые счета
предъявляет нам тщета!
Взял монету —
ах! и нету.
Канет в Лету
пустозвонная мечта.
Именитым,
родовитым
сибаритам
именем кичиться грех.
Хоть почтенно
знать отменно
все колена,
кровь Адама в нас во всех.

Кто в оправе,
в дутой славе
благородство усмотрел?
Благороден тот, кто смел.
Спесь — водица.
Что стыдиться,
коль лениться
твой родитель не умел?
Видишь — плиты,
мхом покрыты.
Речь умерших тщись понять.
Всем земля — родная мать.
Меч всесильный
в тьме могильной
посох пыльный
станет братом величать.

. . . . . .

С миром скверным,
лицемерным
и неверным
мы связали жизнь свою.
Скучен скряга!
Деньги — влага.
Щедрость — благо.
На достаток я плюю!
Все смеются:
«Отольются
эти песенки ему!
Ох, носить ему суму!»
Все осудят?
Будь что будет!
Песнь разбудит,
станет пищею уму.
Шут я? Что же,
у вельможи
при дворе шуты снуют.
Ну, а я — вселенский шут.
Пусть затравят!
Пусть ославят!
Мною правит
лишь вселенной строгий суд.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

ПРИСКОРБНОЕ НАПОМИНАНИЕ О ГОЛОДЕ

Добрым хлебом кормиться
Привык народ, а сейчас
Мы видим бледные лица
И блеск воспаленных глаз.

Огонь, что пылал на потребу
Душистому тесту вчера,
Теперь служит пойлу да хлебу,
Где только трава и кора.

Раскалив каменья — не солод
И не рожь на этом жару
Мы сушим, а сушит голод
Отбросы, ветви, кору.

Отмирают корни да сучья,
Когда с деревьев подряд
Сдирают в год злополучья
Кору — их природный наряд.

Голод, нужды приспешник,
Сосны раздеть норовит!
Без листьев оставшись, орешник
Являет плачевный вид.

Хочешь знать, отчего мы эту
Неизбывную терпим беду?
На перо мое не посетуй,
Если я причину найду.

Голод и гнет суровый,
Воле творца вопреки,
Изведали сироты, вдовы,
Горькие бедняки.

Там, где бездольный, голодный
Трудится в поте лица,
Бьется в нужде безысходной,
Мукам не видя конца,—

Там, золото бедных тратя,
Бездельем своим гордясь,
Богач утопает в разврате,
Убогие втоптаны в грязь.

НЕИЗВЕСТНЫЙ АВТОР

НАПОМИНАНИЕ О СВАДЕБНЫХ ХЛОПОТАХ

(Фрагменты)

Честью жениться — не грех, да бремя забот непомерных
Взвалишь на плечи себе в столь беспокойное время.
Свататься вздумал — дари юбки, кольцо да браслеты,
Серой масти коня с пу́рпурным, в розах, седельцем,
С чудно блестящей звездой — наборную, в бляшках, уздечку,
Туфли, обшитые бархатом, шапку соболью и муфту,
Пару чулок из Неаполя да башмаки и перчатки,
Жемчуг индийский на шею, безделок заморских побольше,—
В Нюрнберге их мастерят либо из Франции ввозят;
Чистого злата запястья, что славны чеканкой искусной.
Им красоты придают кораллы, янтарь, сердолики.
Вот почему произвол ювелиры чинят, обиралы!
Рад ли, не рад, а девице кульками подарки таскаешь,
Лишь бы снискать, получить и сохранить благосклонность!
Пусть без зазренья купцы набивают мошну чистоганом.
Если невестится дева и жениху приглянулась,
Сердце ее зафрахтовано! Медлить с оплатой не вздумай!
«Милый мой,— скажет она,— ступай, накупи мне нарядов,
Тканей добротных — парчи, бархата, плюша, атласа.
Колеры ты побогаче в тюках облюбуй и на полках!
Часть оплати чистоганом, в долг забери остальное.
Жалованье получив, расквитаться сумеешь с купцами!
Сам посуди, разве можно сделать покупки дешевле?
Хочешь скупиться — скупись! Пусть полюбуются люди!
Ты бы взглянул на того, кто знает лишь дратву да шило,
Кожи, колодки, смолу, кто в липкой от пота одёже
Ходит неделю, затем щеголяет в немецком тубине,
Цвета зеленой травы, да в сконской узорчатой ткани!
В церковь идет с ним супруга, блестя переливным атласом.
Пуговок сколько стеклянных на плюшевом пышном жакете!
Шапка соболья у ней из пушнины сибирской отменной.

Или ты хуже его? Кожи, колодок и жира
Нет на тебе отпечатка! Следует помнить об этом.
Тканей таких бесподобных, отец мой, купи нам обоим!
Щедрых даров не жалей, и заслужишь мою благосклонность:
К сердцу прижму тебя крепко, тысячу раз поцелую!»
Сладостные уверенья витают в купеческих лавках.
Бедный Пер Ерссон, теперь царить предоставь нареченной!
Твой кошелек не глубок: на дне его светится дебет.
Тканей накупишь — припрячь свои опасения вместе
С пряжками из серебра, с пуговками золотыми,
С кружевом узким, с двойным, с шитьем золотым, с галунами,
Где половина златых, половина серебряных нитей,
С лентами — ярко-зеленой, лазоревой, серой, вишневой,—
С шелком, тафтой, бомбазином, тесьмой и другой дребеденью.
Модный портной вам сошьет по самым последним фасонам:
Нечто кроится по кругу — пятеро там уместятся;
Нечто — и вовсе в обтяжку, так, что заходится сердце,—
С плойкой, с подбойкой, с тугими крючками и ловкой шнуровкой.
В погреб спеши да в аптеку — за рейнским, испанским,
бургундским,
За ярко-красным, в бутылках, голландским, что к свадьбе
привозят.
Деньги готовь — и найдешь в погребах фронтиньяк благородный;
Есть аликанте, и мед, и светло-прозачное момма.
Доброе пиво нам Росток и старое горькое — Любек
Шлют, но вкуснее всего превосходное шведское пиво!
Сыщешь анис, аквавиту, вермут и тминную водку.
Финики, фиги, миндаль купишь да свежих лимонов.
Не забывай про гвоздику, перец, имбирь и корицу.
В стойлах уже откормили жирных быков и овечек.
Уйму гусей запасли, множество уток, индеек,
Рябчиков, тетеревов, зайцев, косуль и оленей.
Время позвать мясника с ножом, топором и дубинкой.
Повара кликнуть пора, чтоб на кухне котлы закипели.
Пусть издалёка встречает гостей, приглашенных на свадьбу,
Чад сковород раскаленных и запах скворчащего жира.
Для украшенья покоев не обойтись без фламандских
Тканых обоев, что всюду ценятся женским сословьем.
Вымытый пол устилают ветвями еловыми, в окнах
Прибранных горниц для духу кладут пахучее зелье.
Повару быть накажи расторопней да меньше браниться!
Сбегаешь в погреб из кухни и сменишь у бочек затычки.
Нужно для пира кувшины да кружки в порядке расставить,
Вымыть стекло драгоценных бокалов и кубки до блеска.

Клады Нептуна, что скрыты в пучине морской, в изобилье,
Дань хлебородной Цереры, Помоны плоды наливные,
Флоры букет разнотравный, дичь быстроногой Дианы
Дóлжно доставить сюда, как требует алчный Апиций.
Все, чем Бахус владеет: испанской лозы и кандийской
Гроздья выжать в давильнях, чтоб глотку залить Филоксену.
Ну-ка, жених и невеста, прикиньте, во что это станет?
Лавки обегаешь в давке, покуда наполнятся блюда.
Бойтесь купцов-зазывал, обирал: не уступят, облупят!
Рыбники сплошь торгаши: грошú им душú дороже.
Виноторговцы тебе наливают — мошну набивают:
Этой подмоченной братье такое занятье по вкусу.
Груда еды уничтожена, убраны блюда пустые.
Кружкам, да кубкам, да гордым бокалам раздолье в застолье!
Будут размахивать ими, покуда рассвет не наступит.
Утром — опять за питье! Что толку, скажите на милость?
Тот нализался, и этот под мухой. Иной пустомеля
Всюду суется, дурит, зубоскалит, гостям на потеху.
Кто танцевать поволок девицу, да сам и отпрянул.
Кто помрачнел, осовел, голову дурью повесив.
Этот — настырностью пьяной в горнице всем надокучил.
Бахусов суп оплатив, тот помирает — и только!
Кто-то ревет в три ручья. Кому — ветчины подавайте!
Этому до потолка нынче приспичило прыгать.
Тот, разомлев от любви, мурлычет вполголоса песни.
Этот горланит, упившись, нет на него угомона.
В карты играет один, другой развалился на лавке.
Этот буянит, а тот, с пьяных глаз, не дает ему спуску.
После заката один биться задумал ножами.
На палашах поутру охота рубиться другому,
Иль по-испански, на шпагах, драться при факелах, ночью.
Славно и сидя в седле противнику выпалить в сердце!
Всякого можно наслушаться и наглядеться на свадьбе.
Диву от этого дашься да перетрусишь порядком.
Если веселью конец — время гостям восвояси.
Ищут пропажу — куда подевались ножи и перчатки?
Сбруя исчезла, а лошадь прочь ускакала с луга.
Как тут вину не свалить на хозяина и домочадцев?

. . . . . .

Вот и разъехались гости, на лестницах длинных безлюдье.
Всюду царит ералаш, пахнет пивным перегаром.
Стулья раскиданы в горнице, скатерти залиты пивом.
Нет ни подстилок, ни простынь, только солома в кроватях.

Вдребезги окна разбиты, изгадили пол выпивохи.
Корм ускакал с лошадьми, яства с гостьми укатили!
Сделались пеплом дрова, в погребе сухо и пусто.
Бочки стоят на дворе. Серебро и посуду, постели,—
Все, что с трудом превеликим взято взаймы у соседей,—
Вяжут поспешно в узлы, на телегах увозят из дома.
Всюду осколки стекла. В кроватях — сапог отпечатки.
Тут же отметины шпор оставили спавшие гости.
Где школяры ночевали — сущее там безобразье!
Не оберешься хлопот, сызнова мойка да сушка!
Шарь по углам со свечой либо с лучиной коптящей —
Нет ли вещей позабытых? То ли отыщутся поздно,
То ль никогда,— если в доме были, да сплыли с ворами!
Нынче жене молодой, чьи щеки слезами облиты,
Надобно мать и отца оставить, уйти из-под крова,
Где, без тревог и печалей, весело дни коротала,
Где не успело познать сердце любовных томлений,
Где духовитыми яствами стол для нее уставляли,—
Дóлжно уехать к себе да крепко умом пораскинуть,
Как ей удастся теперь окупить усадьбу и землю?
Выйдя вперед, раскошелиться — мужу черед наступает:
Надо поставить забор тесовый да каменный погреб;
Ждет на закате работник пищи и платы поденной;
Нужно еды, не скупясь, отсыпать служанке в передник.
Возишь на мельницу рожь — мельника ты удовольствуй:
Если пошлешь пироги — быстро дождешься помола.
С молодоженами так случается, хоть не со всеми:
Вдруг недостало еды ни господам, ни прислуге,
Солода и желудей вовремя не закупили.
Жажда — помощник худой! Живее, с тремя кругляшами,
Сбегай, кувшин захватив,— пусть пива трактирщик нацедит.
В долг попроси у него, если деньги твои на исходе.
Либо взаймы у соседа пива возьми или браги.
Утвари в доме нехватка или носильной одежды —
Бедному молодожену малость любая в досаду!
И у зажиточных тоже всякой заботы по горло.
Шутка сказать! Запасти для хозяйственного обихода
Грабли, каток, борону, серпы, топоры и мотыги,
Лéмех, и пилы, и вилы, клинья, лопаты, ухваты,
Сверла, напильники, гвозди, и молотки, и зубила,
Кади, решёта, и ведра, и кузовки из бересты,
Чаны, кастрюли, котлы, горшки, черпаки, сковородки,
Терки, решетки для жарки, ушаты, корчаги, кувшины,
Блюда из олова, камня, долбленные из древесины,

Тьму оловянных тарелок да деревянных подносов;
Не позабыть про столешницы со скатертями из тика,
И про обои фламандские, и про салфетки, подушки,
Пологи да полотенца, стулья, просторные скамьи,
Да про дверные замки, щеколды, крючки и затворы,
Втулки, затычки, воронки, бочки, бочонки, лохани;
Из виду не упустить хлебных корзин и кошелок.
Веялок, мельниц ручных, мялок, чесалок, трепалок.
Перечня нужд и потреб хозяйственных я не закончил:
Долго пришлось бы корпеть мне, холостому, над этим!

ПРИМЕЧАНИЯ

АЛБАНИЯ

Лек Матренга (1560—1615).— Родился в деревне возле Палермо, в Сицилии. Происходил из знатной албанской семьи; его предки переселились в Сицилию после смерти Скандербега (1468), когда страна попала под власть Османской империи. После окончания коллегии св. Афанасия в Риме Л. Матренга вернулся в родную деревню и до конца жизни служил там священником. Для нужд паствы, не знавшей итальянского языка, он перевел с латыни на диалект сицилийских арберешей катехизис испанского священника Ледесмы и издал его в Риме в 1592 г. Книга Матренги — один из первых памятников албанской письменности.

Стр. 31. Поминание.— Первый стихотворный текст на албанском языке. Опубликован в катехизисе Л. Матренги (Рим, 1592).

Пьетер Буди (ок. 1566—1623).— Родился в деревне. Самоучкой достиг больших знаний и стал одним из образованнейших людей своего времени. Двадцати одного года стал священником, в 1599 г. был назначен генеральным викарием Сербии, в 1621 г.— епископом в северные области Албании. Издал в Риме несколько книг, текст которых написан в основном по-албански: «Доктрина христианства» (1618), «Римский ритуал» (1621) и др. В его книгах переводы из Писания перемежаются десятками страниц оригинальной прозы, которая вобрала в себя лучшие достижения албанской общественной мысли. Образцом патриотизма во время турецкой тирании является богатое эпистолярное наследие П. Буди. Он принимал активное участие в социально-политической и религиозной борьбе своего времени. В 1616 и 1621 гг. он ездил в Рим, надеясь заручиться помощью Ватикана против турок. В своем меморандуме (1621) он сообщал, что албанцы готовы

предоставить 30-тысячное войско, если кто-либо из европейских монархов высадится в Албании с целью борьбы против турок. Папа и европейские государи не ответили, однако, на обращение албанцев. Незадолго до трагической и вряд ли случайной гибели в водах Дрина П. Буди выступил против влияния Ватикана и республики св. Марка в Албании. Крупнейший представитель албанской литературы XVII в., П. Буди переводил стихи на религиозные темы и создал обширную оригинальную поэзию барокко. В своих стихах он прибегал к традиционному восьмисложнику албанского фольклора. Он пользовался латинским алфавитом с тремя славянскими буквами, сохранившим значение на севере Албании до XIX в.

Стр. 31. Людская гордыня.— Отрывок из книги «Доктрина христианства» (Рим, 1618).

Стр. 35. О господи, благодаренье. — Отрывок из той же книги.

Зана — персонаж албанской мифологии. Заны — прекрасные девушки-волшебницы. Они помогают путникам, являются пастухам во время их полуденного отдыха и услаждают их пением и танцами. В некоторых сказках встречаются злые и мстительные заны.

Пьетер Богдани (ок. 1625—1689).— Родился в деревне недалеко от Призрена (ныне автономная область Косово в СФРЮ) в феодальной албанской семье. Начальное образование получил в Болгарии, среднее и высшее — в Италии, где в 1656 г. получил звания доктора теологии и философии. В том же году был назначен епископом Шкодры, одновременно с этим возглавив управление архиепископством Тивара, с 1677 г. стал архиепископом Скопле. В течение всей жизни выступал горячим защитником албанского народа, томившегося под османским игом. В своих многочисленных письмах в Ватикан П. Богдани говорил о тяжелом положении порабощенной Албании и просил папу помочь Албании освободиться от турецкого ига. В 1683 г., во время австро-турецкой войны, когда австрийские части достигли Сербии и приблизились к северной и северо-восточной Албании, возбудив у местного населения надежду на освобождение, П. Богдани в числе других патриотов покинул Скопле и с оружием в руках ушел в горы. В своем основном труде, «Жития святых» (Падуя, 1685), писатель рассматривает вопросы теологии, схоластики, физики, астрономии, географии, приводит интересные сведения из истории и быта албанцев. Типичный образец синкретической литературы того времени, «Жития святых» выделяются усилением чисто беллетристического начала. Большое внимание П. Богдани уделял разработке норм литературного языка и научной терминологии. В его переводной (с латыни, итальянского, греческого) и оригинальной поэзии наблюдалось присущее барокко соединение христианских тем с античной мифологией.

Стр. 36. Дельфийская сивилла.— Дельфы — город и религиозный центр в Древней Греции; славились храмом Аполлона Пифийского и находившимся при нем Дельфийским оракулом.

Сивилла — имя прорицательниц у древних греков, римлян и некоторых других народов. У античных авторов упоминается до двенадцати Сивилл. В католической церкви Сивиллы почитаются наравне со святыми. Согласно преданию, Дельфийская Сивилла предсказала рождение, события жизни и смерть Иисуса. Об этом предсказании здесь и говорится.

Парис — сын Приама, царя Трои, и Гекубы.

Люка Богдани (XVII в.).— Сведений о поэте не сохранилось.

Стр. 36. *Пьетеру Богдани, епископу Скопле, моему любимому двоюродному брату.* — Единственное известное стихотворение Люки Богдани; оно опубликовано во II томе книги Пьетера Богдани (см. выше) «Жития святых» в Падуе в 1685 г.

Гур — название деревни, где родился Пьетер Богдани.

Пештрик (Паштрик, Бештрик) — горный хребет на границе Северной Албании и Югославии.

Жены, юноши и девы // на него в поту лица // трудятся...— Здесь говорится о Пьетере Богдани.

Стр. 37. *Македонец строил рати...*— Имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.).

Саул — основатель Израильско-Иудейского царства (II в. до н. э.). Согласно библейской легенде, был злобным и самовластным правителем; пал в одном из сражений с филистимлянами.

Скандербег (Георгий Кастриот; ок. 1405—1468) — руководитель борьбы албанского народа против турецких поработителей, национальный герой Албании. Это первое упоминание имени Скандербега в албанской поэзии. Автор помещает Скандербега в ряду других известных ему крупных полководцев древности.

Олоферн — полководец Навуходоносора, упоминаемый в апокрифической книге «Юдифь» (II в. до н. э.). Был убит в городе Бетулии.

Шкодер (Шкодра), *Леж* — албанские города, *Задрима* — долина в Северо-Западной Албании.

Скопле — город в Югославии. В 1677 г. архиепископом Скопле был назначен Пьетер Богдани.

Царица Родопская.— Имеется в виду Родопа, жена фракийского царя; она известна во фракийской мифологии тем, что превратилась в гору, названную в ее честь.

...сын вардарских берегов. — Вардар — река в Югославии и Греции, впадает в Салоникский залив Эгейского моря.

Стр. 38. *Есть три города большие...*— Автор говорит о городах Шкодра, Призрен и Скопле.

Арберия — старое название Албании.

Николе Бранкати (1675—1741).— Родился в деревне, в Сицилии, в знатной албанской семье. Закончил итало-албанскую семинарию в Палермо. Впоследствии получил звание доктора теологии и служил священником в родной деревне. Перевел с латыни и итальянского много стихов религиозного содержания. В его оригинальной поэзии ярко выступают черты барокко, одним из последних представителей которого он являлся.

Т. Серкова

АНГЛИЯ

Томас Кэмпион (1567—1620).— Почти ровесник Шекспира, его восторженный почитатель и отчасти подражатель, Кэмпион был поэтом и музыкантом — сочетание в ту пору более чем естественное. Он изучал юриспруденцию и медицину, но преуспел лишь в поэзии. Начал писать он еще студентом; его ранние стихи широко ходили в рукописи, а некоторые из них были приписаны Филипу Сиднею и вошли в одно из «пиратских» изданий «Астрофеля и Стеллы» — знаменитого сиднеевского стихотворного цикла.

В 1595 г. Кэмпион опубликовал сборник латинских эпиграмм; в 1601 г. вышла его «Книга песен», в которой он был автором всех текстов и доброй половины нот. К тому времени Кэмпион прославился сольным пением под лютню. В 1602 г. был опубликован его трактат «Наблюдения над искусством английской поэзии», где он неожиданно выступил против рифмы и акцентного метра (будучи истинным мастером рифмованного стиха акцентной структуры). Возражал ему сам тогдашний законодатель вкусов Бен Джонсон.

В 1607 г. Кэмпион написал первую свою пьесу-«маску»; в 1613 г. к ней прибавились три новых. При его жизни вышли еще два стихотворных сборника: «Две книги песен» (1613) и «Третья и четвертая книги песен» (1617). Все стихи Кэмпиона были, таким образом, изначально снабжены музыкальным сопровождением: под стать ему их ритмика и лексика.

Кэмпион словно перепевает мотивы английского (и глубже — итальянского) Возрождения на новый лад: они у него становятся печальнее и задумчивее. Его своеобразные ритмические разработки общих, привычных и несколько застоявшихся стихотворных тем и сюжетов были началом того необходимого — и далеко не всегда удачного — обновления, которое поэтическому наследию английского Ренессанса суждено было пережить в XVII в.

Джон Донн (1572—1631).— Творчество Д. Донна — центральное и определяющее явление английской поэзии XVII в. В нем как бы предуказан и приуготован процесс поэтического развития до конца столетия, до нарочитого отталкивания от поэтики Донна и его эпигонов, провозглашенного Драйденом. Но и Драйден многим ему обязан. Донн окончательно освободил английское стихотворство из-под власти канонов и стереотипов, нередко чужеземных, и создал новую дисциплину стиха, своего рода поэтическую программу самоуглубления, самопознания с помощью искусства слова. Он, однако, отнюдь

не «уходил в себя», а обновлял и закреплял связи с миром и людьми, заново, «остраненно» переосмыслял их. Во многих отношениях Донн был достойным младшим современником Шекспира, его продолжателем — в области лирики.

Воспитанный матерью в строго католических понятиях, Донн до конца жизни писал и мыслил с оглядкой на них, даже когда стал лояльным англиканцем, настоятелем собора св. Павла, прославленным проповедником и полемистом. Эта четкость, незыблемость исходных нравственных и метафизических представлений многое объясняет в его поэзии — особенно поэзии последнего периода. Впрочем, поэзия Донна весьма целостна, и ее деление на эротическую и религиозную, на оптимистическую и пессимистическую совершенно не оправдано: перед нами вполне закономерная поэтическая эволюция, перекличка и трансформация тем и образов.

Начиная с 1590-х годов стихи Донна расходились в списках, но прочной прижизненной репутации поэта он не имел и к поэтической славе не стремился. Он был студентом Оксфордского и Кембриджского университетов, изучал право в корпорации Линкольнз-Инн и, не став ни законником, ни ученым, отплыл с лордом Эссексом в 1596 г. в военную экспедицию против испанцев. Донн вернулся через два года и стал секретарем своего военачальника, лорда-хранителя Большой печати Томаса Эджертона, но в 1601 г. потерял эту синекуру, уводом женившись на племяннице сэра Томаса. Около десяти лет прошло в нищете: Донн с семьей жил подаяниями меценатов, имена которых увековечены в его стихах. По личному настоянию короля Иакова I Донн принял наконец сан священника англиканской церкви. Проповеди его были центральным событием религиозной жизни Англии; в 1621 г. он стал настоятелем лондонского собора св. Павла; в 1630 г. стал бы епископом, но уже было ясно, что жизнь его на исходе.

Донн не публиковал своих стихов и горько сожалел о двух прорвавшихся в самые трудные годы публикациях («Годовщины» — 1611—1612, одна из которых, «Погребальная элегия», напечатана в нашем томе); перед рукоположением, в 1614 г., он замышлял обнародовать свои «грехи молодости», чтобы впоследствии ему их не вменяли в вину; но, судя по всему, это не осуществилось. Писать стихи он, однако, не переставал — от случая к случаю; давал и переписывать. Самые ранние сохранившиеся списки его стихов относятся ко второй четверти XVII в.; первое их собрание вышло посмертно — в 1633 г., и в 1669-м печаталось седьмым изданием.

Донн — ведущая фигура общеевропейского литературного маньеризма, но сближение его с такими поэтами, как Дж. Марино и Л. Гонгора, бесплодно. Он — глава английских «поэтов-метафизиков», как их окрестил через столетие доктор С. Джонсон, несправедливый к Донну и видевший в его стихах засилье поэтического хаоса. Общая идея «метафизической поэзии» — напряжение чувства под знаком разума, устремленного в безграничность и чающего откровения. Именно поэтому поэзия Донна по сути оптимистична: трагедия и безысходность снимаются, и возникает исполненная глубоко потаенного смысла драма человеческой жизни.

Стр. 56. Твикнамский сад.— В Твикнаме находилось поместье графини Бедфорд, где Донн бывал частым гостем.

...мандрагорой горестной...— Согласно народному поверью, волшебный корень мандрагоры издавал вопль, когда его вырывали из земли.

Стр. 58. Прощальная речь о слезах. — Стихотворение обращено к жене при отъезде Донна во Францию в 1612 г.

День св. Люси — 13 декабря, считался во времена Донна самым коротким в году. Стихотворение, видимо, написано в 1612 г., когда Люси, графиня Бедфорд, была опасно больна.

Стр. 63. *Аргус* — мифологическое стоокое существо, приставленное Герой стеречь ее жрицу Ио от посягательств Зевса.

Стр. 68. *Пленился Ксеркс...*— Согласно хронике Геродота, персидский царь Ксеркс, вступив с войском в Лидию, был поражен горделивой красотой придорожной чинары (платана) и приказал увешать ее золотыми украшениями и приставить к ней стражу.

Стр. 69. *Линкольнз-Инн* — лондонская юридическая корпорация (одна из четырех), где Донн в начале 1590-х годов изучал право.

Флора — в римской мифологии богиня цветов.

Стр. 71. *В человеке не только есть стадо свиней...*— Имеется в виду евангельский эпизод (от Луки, 8, 32—36), где изгнанные из одержимого бесы вселяются в стадо свиней, и ополоумевшее стадо низвергается с кручи в озеро.

Стр. 74. Анатомия мира — заглавие, под которым в 1612 г. были опубликованы три элегии на смерть пятнадцатилетней Элизабет, дочери сэра Роберта Друри. «Погребальная элегия» написана в год ее смерти (1610); другие две называются «Годовщины» и созданы в 1611 и 1612 гг.

Эскурьял (Эскуриал) — славившийся сказочной роскошью дворец испанского короля Филиппа II в тридцати километрах к северо-западу от Мадрида, выстроенный в 1563—1584 гг.

Стр. 75. *А Нигер в Африке...*— Географы XVI в. полагали, что Нигер берет начало как подземный отток Нила; у Донна, видимо, было смещенное представление, будто под землю уходит сам Нигер.

Лига — мера длины (статутная лига равна 4,83 км).

Стр. 76. *...с бальзамом вместо масла...*— Бальзам вместо масла со времен императора Константина наливался в церковные лампады на рождество; лампады, естественно, быстро гасли.

Стр. 77. Ты сотворил меня...— Это и четыре следующих стихотворения — III, V, X и XII — из цикла «Священные сонеты», выделенного в издании 1633 г. и впоследствии дополнявшегося.

Стр. 79. Эпитафия самому себе,— ко всем.— Вторая из двух донновских «Эпитафий самому себе». Первая обращена к графине Бедфорд.

Джордж Герберт (1593—1633).— Сочинения «поэта-метафизика» Джорджа Герберта английская критика обычно рассматривает либо в русле «заданий Донна», либо в отвлеченно-религиозном плане. Донна Герберт читал и любил, ему обязан многими поэтическими восторгами, но ни учеником его, ни последователем не был. У Герберта свой путь, и поэзия его — плод насилия религиозного чувства над сопротивляющимся религии сознанием. Его мучительное благочестие глубоко чуждо той благостной самоудовлетворенности, которую ему иной раз приписывают. Его так называемые «религиозные гимны» замечательны именно своей несхожестью с канонами славословия, с тем, что предписано испытывать в данном случае и по данному поводу. Современник Герберта назвал основным свойством его поэзии «пугающую простоту». Так оно и есть.

Жизнь Герберта текла гладко: уэстминстерская школа, кембриджский колледж св. Троицы, степень бакалавра (1612), магистра (1616), сан диакона; в 1630 г. он стал ректором Бемертона близ Сэйлсбери. Прихожане называли его «святым мистером Гербертом». Он любил и умел играть на лютне; вообще душа его была отдана прежде всего музыке.

Перед смертью он вспомнил об оставляемых — не очень многочисленных — стихах, свидетельствах тяжких борений, и завещал своему душеприказчику издать их, «если он полагает, что от того будет польза какой-нибудь заблудшей душе; если же нет, пусть сожжет их».

Сборник под названием «Храм» вышел вскоре после его смерти и поразил современников поэтическим «усилием веры». И совсем уж странной и неожиданной была «огненная четкость» его стиха, воспламенившая многих и многих подражателей. Особенно восхищали — и в XVII, и в XIX, и в XX вв.— гербертовские ритмы: ямб его необычайно разнообразен и гибок. У него происходит некая семантизация ритмики — видимо, самопроизвольная: она поныне составляет предмет тщательного академического изучения. Своеобразно его продолжение «метафизической» линии: Герберт как бы призывает задуматься над исходными посылками всякой поэзии, вдуматься в образы и приемы; и эти медитации вызвали к жизни самые отчаянно-искренние стихи его близких и дальних современников.

Стр. 83. Жемчужина.— Название стихотворения отсылает к Евангелию от Матфея (13, 45—46): «Еще: подобно Царство Небесное кущу, ищущему хороших жемчужин, // Который, найдя одну драгоценную жемчужину, пошел и продал все, что имел, и купил ее».

Роберт Геррик (1591—1674).— Преданнейший из «сынов Бена» — Бена Джонсона, признанного наставника в английской метрике, эллинистских изысках и античной строгости. В области лирической поэзии он превзошел самого Бена: тот предпочитал взваливать на учеников «бремена неудобоносимые» и придирчиво наблюдать, как те с ними справляются. Геррик же поистине принял в сердце античный искус и сумел вживе передать ощущение возрожденческого преображения мира, которое преображает и

автора. Это переселение чувств и помыслов в нездешний, блистающий золотыми яблоками сад Гесперид воссоздано у Геррика с изумительной естественностью: недаром его называли «чародеем стиха».

Геррик учился в Кембридже; в 1617 г. он стал бакалавром, в 1620-м — магистром. Годы 1620—1629 он провел в Лондоне, где привык к рассеянному образу жизни и стяжал репутацию «поэта-кавалера» — анакреонтического лирика и мастера эпиграммы (в античном понимании этого слова). Став священником, Геррик в 1629 г. получил приход в сельской глуши, на какое-то время приуныл, но затем (он славился легкостью характера) вполне примирился с уединенной жизнью на лоне природы, открывая в ней все новые прелести и описывая их в идиллически-пасторальных стихах. В 1640 г. объявлялось о предстоящей публикации его сборника стихов под заглавием «Тень возлюбленной»; но вышел он лишь в 1648 г., после того, как Геррик был изгнан из прихода пуританами, и назывался «Гесперидес: сочинения светские и божественные». Время было суровое (кончалась гражданская война), и сборник прошел незамеченным; однако многие стихи Геррика порознь разошлись по альманахам и песенникам.

В 1662 г., после реставрации Стюартов, Геррику был возвращен его приход, где он и прожил до скончания дней. «Гесперидес» остались единственным сборником Геррика; лишь его новонайденный шедевр «Прощание мистера Роберта Геррика с поэзией» свидетельствует о том, что и на склоне лет он не охладел к стихотворству. «Гесперидес» — причудливое и прихотливо-контрастное, на первый взгляд беспорядочное, а на самом деле вполне продуманное по композиции собрание стихов — как бы иллюстрация к стихотворению Геррика «Пленительность беспорядка».

Почти полтора столетия имя Геррика пребывало в забвении: его заново открыли в конце XVIII в.; в XIX в. он занял свое место среди классиков английской поэзии. В Уэбстеровском словаре издания 1949 г. «Гесперидес» Геррика названы среди ста книг, которые рекомендуется спасти в случае нового всемирного потопа. Это, может быть, и слишком: стихи Геррика не отличаются ни глубиной мысли, ни сложностью чувств; но «Гесперидес» — действительно одна из самых светлых и ярких, самозабвенно-поэтических книг английской литературы.

Стр. 91 *...властвует Роза...* (ср. также: *Час Розы* в стихотворении «Веселиться и верить прекрасным стихам»).— На ритуальных возлияниях в честь Вакха наступал момент, когда все пирующие надевали венки из роз в знак того, что пришло время стихов и песен.

Стр. 98 «*Алхимик*» — одна из лучших комедий Бена Джонсона, поставленная в 1610 г.

Стр. 103 *...За девять тех...*— Девять муз.

Мусей — легендарный греческий поэт.

Стр. 104. *Туллий* — Марк Туллий Цицерон (106—43 гг. до н. э.).

...на горе раздвоенной...— На Геликоне, обители муз.

Томас Кэрью (1595—1639).— Как и Роберт Геррик, тоже из «сынов Бена», тоже «поэт-кавалер», и ему это прозвание как раз по мерке. Ученье в Оксфорде впрок ему не пошло, степень бакалавра не пригодилась. Некоторое время он рассеянно изучал право, потом состоял при посольствах в Венеции, в Гааге, в Париже. Свое место в жизни он обрел, став мажордомом короля Карла I, в каковой должности и умер. О его ловкости, остроумии и донжуанстве ходили бесчисленные анекдоты; придворные были благодарными слушателями его элегантных и мелодичных, порой шутливых, изысканно-эротических, иногда изысканно-серьезных и всегда очаровательно гладких и плавных стихов.

Они — вполне в соответствии с наставлениями Бена Джонсона — загримированы под античность; в них царят условные чувства и отношения. Стихи о природе напоминают перечни драгоценных камней и металлов, любовная лирика изящнейшим образом орнаментирована. Кэрью бывает очень точен в описании эмоций, но в самой этой точности есть некая вымученность, что замечали и его современники, даже менее одаренные, чем он. Поэзию его, очень типичную для европейского XVII в., можно определить словами «куртуазное барокко».

Кэрью восторженно относился к Донну и неустанно воздавал ему устную и стихотворную хвалу; но пленяли его не «метафизический» настрой и не биение мысли, а донновское остроумие и изобретательность. Иногда он почти имитирует Донна, но имитация эта — на грани пародии.

Стихи Кэрью были собраны и опубликованы спустя год после его смерти, в 1640 г. Он написал также пьесу-«маску» «Британские небеса» (1633).

Стр. 107. Элегия на смерть доктора Донна.— Впервые опубликована в посмертном собрании стихотворений Донна (1633).

Ричард Крэшо (1612—1649).— По формальным признакам его относят к «поэтам-метафизикам», хотя ни донновской философской проникновенности, ни гербертовской душераздирающей диалектики в его стихах нет. Если поэзия Кэрью — барокко светское, то у Крэшо — барокко религиозное, типичным выражением которого был выспренний мистицизм (современники применяли к его поэзии слова «мистический пламень»).

Сын впавшего в пуританство англиканского священника, Крэшо с годами все больше отдалялся от яростного отцовского рационализма и, наконец, стал католиком. Он получил в Кембридже степень бакалавра в 1634 г. и вскоре после начала гражданской войны (в которой все его симпатии были на стороне роялистов) бежал на континент; там он, по-видимому, и обратился. В 1647 г. он был приближенным кардинала Палотто; умер папским бенефициарием при усыпальнице в Лоретто.

Первая книга Крэшо — латинские эпиграммы — вышла в 1634 г. Главное его создание — поэтический сборник «Ступени ко храму» (1648), оза-

главленный так вслед книге Герберта «Храм». Этот и посмертный сборник Крэшо «Песнь Господу Нашему» (1652) включают всю его англоязычную лирику, по большей части религиозную.

Стремление Крэшо не просто подражать, но прямо-таки уподобиться Герберту — тщетно: религиозные эмоции двух поэтов весьма различны по составу, а в поэтике их еще меньше общего. Крэшо пишет порывисто (иногда — до бессвязности), пышным и цветистым слогом. Подлинное родство у него — с итальянскими маринистами; правда, приема ради приема он чуждается. Патетика его неподдельна: и неуклюжие вычурности соседствуют в его стихах с поразительными поэтическими находками.

Стр. 112. ...*Сидни солнечный сонет*...— Имеется в виду, вероятно, пасторальный роман Филипа Сиднея «Аркадия» (1590), остававшийся и в XVII в. излюбленным чтением английских дам.

Стр. 113. Гимн во славу и во имя восхитительной святой Терезы...— Св. Тереза из Авилы (1515—1582) — испанская церковная деятельница и богослов-мистик. Ее автобиография была переведена на английский язык в 1642 г. под заглавием «Пылающее сердце».

Стр. 115. Пылающее сердце.— Последние тридцать четыре строки ставосьмистрочного стихотворения.

Генри Воэн (1622—1695).— Еще при жизни его обычно сопоставляли с Крэшо (у того — «мистический пламень», здесь — «мистический свет»). Он тоже «метафизик», тоже экстатический последователь Герберта; но именно экстаз — скорее даже натурфилософский, чем чисто религиозный — и отдаляет Воэна от его учителя, скрытые и не слишком скрытые цитаты из которого то и дело встречаются в его стихах.

Уроженец Уэльса (этим он очень гордился и даже подписывался «Силуриец»: Силурия — римское наименование Уэльса), Воэн учился в Оксфорде; отец хотел было сделать его правоведом, но помешала гражданская война. Он вернулся в родные места, занялся медициной и стал сельским врачом.

Первый сборник Воэна «Стихи» (1646) был целиком светского содержания. В 1650 и в 1655 гг. вышли две части его главной книги «Кремень искросыплющий» (Silex Scintillans) — сборника религиозной лирики, вдохновленной восторженным чтением «Храма» Герберта. Последние сорок лет своей жизни Воэн почти ничего не писал.

Мистицизм Воэна был опосредствованным выражением основной идеи его поэзии — гармонии жизни духа с жизнью природы. Условные, «метафизические» приемы стихотворства иногда просто мешают ему, иногда же превращаются во вселенские метафоры, надвременные и надпространственные. Воэн меньше многих современников определен своим временем и замкнут в нем; видимо, этим объясняется то живое и глубокое влияние, которое он оказал на мировосприятие Вордсворта.

Э н д р ь ю М а р в е л л (1621—1678).— Последний, едва ли не запоздалый «поэт-метафизик». Но из всей их плеяды он, пожалуй, ближе других стоит к Донну — то есть к исходным заданиям метафорического освоения мировых и вселенских связей, сближения «далековатых понятий», чувственно-рассудочного накала поэтического слова. Он пытался не снять, а обновить характерные, обыгранные у Донна, «метафизические» антиномии: «созерцание-действие», «природа-цивилизация», «власть-справедливость», «духовное-телесное» и т. д. Наградой за самостоятельный подход к делу была необычайная свежесть поэтического мировосприятия, особенно ярко сказавшаяся в натурфилософских медитациях Марвелла. Все это относится главным образом к его ранней лирике: индивидуальная поэтическая эволюция привела Марвелла от маньеризма к классицизму. Залогом такой эволюции было изначальное стремление Марвелла к упрощению стиха, экономии формальных средств; так, он почти неизменно пользуется смежной рифмой («героическим куплетом»); значение строфической организации стиха понижается.

Марвелл окончил школу в Гулле и Кембриджский университет; в 1639 г. получил степень бакалавра; служил клерком, затем был домашним учителем дочери генерала-республиканца Фэрфакса (многие его стихи о природе явно вдохновлены впечатлениями йоркширской усадьбы Фэрфаксов, славной своими роскошными садами). В 1657 г. он стал помощником Мильтона, тогдашнего латинского секретаря правительства Кромвеля; в 1659 г. был избран в парламент, членом которого остался и после реставрации Стюартов, до самой своей смерти — по некоторым данным, насильственной. Марвелл оставил немало хлестких злободневно-сатирических стихов, стяжавших ему славу опасного остроумца и непримиримого врага Карла II. Они интересны скорее как документ эпохи: хрестоматийно-поэтическая репутация Марвелла основана исключительно на его стихах 1640—1650-х годов. Собрание стихотворений Марвелла «Разные стихи» вышло посмертно, в 1681 г.

Стр. 128. *...на Хамберском песке...*— Хамбер — устье английских рек Аузы и Трента, впадающих в Северное море.

С э м ю э л Б а т л е р (1612—1680).— Крупнейший английский сатирический поэт времен Реставрации. Прочным основанием сатиры послужил обширный жизненный опыт Батлера, фермерского сына, эрудита-самоучки, перебравшего немало профессий (писец, судейский клерк, управляющий и т. д.) и выступившего с первой частью своего основного произведения — ирои-комической поэмы «Гудибрас» — пятидесяти с лишним лет от роду, в 1663 г.

В «Гудибрасе» Батлер огулом осмеивал пуританство и кромвелевские времена — и удостоился королевского одобрения и денежной награды. Однако, когда улеглись восторги перед остроумием автора, стало очевидно, что его желчный скепсис подрывает также и основы реставрированной монархии,

вообще — что автор очень мрачный и презрительный шутник, а презрение его не знает границ и не ведает авторитетов. Батлера приблизили ко двору и не понимали, что с ним делать: меценаты опасливо сторонились его. Придворное существование Батлера — это история лишений и разочарований. И саркастических размышлений, отразившихся в сатирах и сконцентрированных в «Разных мыслях» — собрании проникнутых вселенским скепсисом эпиграмм, полностью изданном лишь в 1759 г.

Поэзия Батлера носит своеобразный отпечаток влияния «метафизической школы»; отсюда причудливость и универсальность, гротескность его иронии. Его резкое — по мнению Вольтера, преизбыточное — остроумие, его жестокий, опредмечивающий смех во многом предвосхитили приемы стихотворной (и не только стихотворной) сатиры Свифта, настольной книгой которого был «Гудибрас».

Джон Драйден (1631—1700).— Творчество Джона Драйдена — поэта, драматурга и критика, литературного диктатора последней трети XVII в.— знаменует наступление в английской литературе эпохи классицизма. Однако сам Драйден — фигура переходная: он стремится не столько отойти от заветов Ренессанса и маньеризма, сколько упорядочить их наследие, по-новому использовать их достижения, особенно в области поэтической выразительности. Джонсон (с некоторой поправкой на Шекспира) оставался для него высшим авторитетом: Драйден объявлял позволительным и даже необходимым сочетание — правда, не смешение — трагического и комического, низкого и высокого, фантастического и обыденного, величественной образности и разговорной — правда, очищенно-разговорной — речи. Таким образом, он предвосхитил специфику английского классицизма, куда менее ригористически-нормативного, нежели французский.

Драйден окончил Кембридж и избрал литературную, по преимуществу драматургическую, карьеру с ее опасностями и превратностями — тем более бурными, что он был непременным участником всех литературных, политических и религиозных распрей. Из поклонника Кромвеля (может быть, и неискреннего) он стал одописцем Стюартов, из англиканца (чересчур, впрочем, ревностного) — католиком и в эпоху Реставрации достиг высших успехов: сделался первым английским поэтом-лауреатом, первым придворным драматургом, первым официальным историографом. Когда на престол в 1688 г. вступила ганноверская династия, Драйден отказался ее признать и последние десять лет жизни прожил в нужде, хотя литературного авторитета и не утратил.

Поэзия Драйдена отличается легкостью и изяществом версификации, мелодическим разнообразием. Нередко ей недостает напряженности: при повышении тона поэт то и дело сбивается на мелодекламацию, которая делает неудобочитаемыми его монументальные апологетические поэмы: «Авессалом и Ахитофель» (1682), «Лань и пантера» (1687) и другие — хотя и в них встречаются великолепные стихотворные пассажи.

Т.-С. Элиот назвал Драйдена «мастером презрения»; это его мастерство в полной мере сказалось в сатирической поэме «Мак-Флекно». Но разработка приемов стихотворной пародии — лишь частный, пусть и немаловажный, аспект поэтического мастерства Драйдена, придавшего английскому стиху «небывалую прежде гибкость и выразительность» (А. К. Дживелегов. История английской литературы, т. I, вып. 2, с. 245).

Стр. 140. *Мак-Флекно.*— Ричард Флекно (1600—1678) — плодовитый стихотворец и драматург, почти полвека служивший образчиком дурного вкуса и славившийся неимоверной глупостью: имя его стало почти нарицательным для обозначения рифмоплета. Издевался над ним и Э. Марвелл («Флекно, или Английский священник в Риме»); эхо его издевки звучит в стихах Драйдена.

Стр. 141. *Шедвелл.*— Томас Шедвелл (1642—1692) — поэт и драматург, избранный Драйденом мишенью для сатиры, вероятно, в ответ на злобный антидрайденовский пасквиль «Медаль Джона Бейза» (1682). Когда Драйден был лишен звания поэта-лауреата за свои политические убеждения, титул этот получил Томас Шедвелл.

...Шерли с Хейвудом...— Джеймс Шерли (1596—1666) и Томас Хейвуд (1574—1641) — драматурги, которых Драйден считал пустыми эпигонами елизаветинцев.

...Хуана Португальского...— Карл был женат на Катерине Браганцской, дочери португальского короля Хуана IV.

...На одеялах Эпсома...— Отсылка к злоключениям хлыща, воображающего себя поэтом, в пьесе Шедвелла «Виртуоз» (1676).

Арион — легендарный греческий поэт и песнопевец VIII в. до н. э. Здесь и ниже Драйден пародирует описание встречи Карла II и Хуана IV у поэта Э. Уоллера (1606—1687).

Стр. 142. *...твоей «Психеи».*— «Психея» (1675) — опера Шедвелла.

Завистник Синглетон.— Джон Синглетон (умер в 1686 г.) — придворный музыкант, исполнитель ролей в пьесах-операх Шедвелла.

...Виллериуса роль...— Виллериус — персонаж «героической трагедии» У. Давенанта (1606—1668) «Осада Родоса» (1656). В этом жанре писал сам Драйден и относился к нему крайне ревниво.

...воздвигнутых Августой...— Августа — древнее название Лондона.

Барбикен — внешнее укрепление города.

...но есть рассадник...— Имеется в виду актерская школа, основанная на средства леди Давенант в 1671 г.

Джонсон.— Бен Джонсон (1573—1637), всегда превозносившийся Драйденом.

Флетчер.— Джон Флетчер (1579—1625) — английский драматург, пьесы которого, созданные по большей части в соавторстве с Фрэнсисом Бомонтом (1584—1616), Драйден считал образцовыми по части слога.

...Лишь Симкину...— Симкин — имя шута, персонажа скабрезной буффонады.

Стр. 143. *«Скупец», «Лицемер»* — названия пьес Шедвелла.

...Но Реймондов семейство, Брюсов племя...— Реймонд — персонаж пьесы Шедвелла «Юристы»; Брюс — персонаж пьесы «Виртуоз».

Херингмен — издатель пьес Шедвелла.

Асканий (иначе Юлус) — сын Энея. Драйден пародирует строки «Энеиды» Вергилия (III, 682—684).

«Страна Любви» — «пасторальная трагикомедия» Р. Флекно (1664).

Стр. 144. *...Двенадцать сов...*— Совы — античный символ псевдомудрости.

«Виртуоз» — пьеса Шедвелла; автор хвастался, что положил на нее великие труды.

Джордж.— Сэр Джордж Этередж (1634—1691) — английский драматург; миссис *Ловейт* и *Доримант*, *Калли и Коквуд* — персонажи его цинически-галантных комедий.

Сэр Седли.— Чарльз Седли (1639—1701) — поэт и драматург, автор малоудачного пролога к пьесе Шедвелла «Эпсомские источники».

Формел — краснобай из пьесы Шедвелла «Виртуоз».

Стр. 145. *...к дяде Оглеби...*— Джон Оглби (1600—1676) — издатель, основатель дублинского театра и плодовитый переводчик; постоянная мишень насмешек Драйдена, изобличавшего его невежество и всеядность.

Принц Никандр — персонаж пьесы Шедвелла «Психея».

С пером твоим ирландским...— По рождению Шедвелл был ирландцем; впоследствии именно эта строка поэмы Драйдена вызвала его бурное негодование и протесты.

...анаграммой скромной.— Анаграммы и акростихи гневно осуждал Шедвелл.

Стр. 146. Гимн в честь св. Цецилии, 1687.— Написан Драйденом к ежегодному торжеству в честь дня покровительницы музыки (таковой она считалась с XVI в.), девственницы и мученицы III в. св. Цецилии — 22 ноября.

От раковины Иувала...— «Иувал... был отец всех играющих на гуслях и свирели» («Бытие», 4, 21).

Стр. 148. На смерть мистера Генри Перселла.— Генри Перселл умер 21 ноября 1695 г. и был похоронен у подножия органа в Вестминстерском аббатстве, где служил органистом с 1679 г.

Стр. 149. Строки о Мильтоне.— Были анонимной подписью под портретом поэта в издании «Потерянного Рая» 1688 г.

Эллин — Гомер.

Стр. 149. *Мощь Итальянца...*— Имеется в виду Данте.

Пир Александра...— Написан к празднеству св. Цецилии 22 ноября 1697 г.

Таис — афинская гетера, спутница Александра Македонского в его походах.

Искусник Тимофей.— Тимофей Милесский, знаменитый древнегреческий певец-композитор (умер в 357 г.). Приводя его на пир Александра Великого, Драйден допускает некоторый анахронизм: Тимофей умер за год до рождения Александра.

...К Олимпии проделал путь...— Олимпия — мать Александра, заявлявшая, что зачала его не от мужа — царя Филиппа, а от змея — посланца Олимпа.

Стр. 153. Портрет хорошего приходского священника... — Написанный по совету друга Драйдена и сторонника свергнутых Стюартов государственного деятеля Сэмюэля Пипписа (1633—1703) — пересказ Чосера сделан отчасти с целью подбодрить часть духовенства, не желавшую, подобно Драйдену, присягать новому королю. Драйден стремился «облагородить» язык Чосера, «вернуть» ценителям английской словесности ее хрестоматийные образцы в улучшенном виде.

Стр. 156. *Зеведеевы сыны* — апостолы Иаков и Иоанн, которым, согласно Евангелию от Марка (10, 44), было сказано: «И кто хочет быть первым между вами, да будем всем рабом».

...проделал то, что сатана // Над Иовом...— То есть всевышним попустительством вверг праведника в несчастья, дабы сломить его дух («Книга Иова»).

...был Ричард принужден...— За год до смерти Чосера, в 1399 г., Ричард II Плантагенет был принужден отречься, и королем стал его двоюродный брат Генрих IV Ланкастер, не имевший на престол формальных прав. Драйден намекает на современную ему политическую ситуацию: законным наследником престола он считает сына низложенного в 1689 г. короля Иакова II («А был бы сын — и право с ним опять...»).

Стр. 157. Похвальное слово... мистеру Конгриву...— Написано в 1693 г. и отправлено книгоиздателю в качестве рекомендательного предисловия ко второй пьесе У. Конгрива (1670—1729).

...Как Янус...— Одно из древнейших божеств римского пантеона; согласно Овидию («Фасты», I, 63), он обучил предков римлян земледелию.

...Наш Витрувий...— Витрувиус Поллион — знаменитый римский архитектор I в. н. э., перестроивший Рим при Августе, автор трактата об искусстве архитектуры.

Стр. 158. *Сазерн.*— Томас Сазерн (Саутерн) (1660—1746) — английский драматург, автор трагедий и романических инсценировок.

Уичерли.— Уильям Уичерли (1640—1716) — английский комедиограф эпохи Реставрации, в пьесах которого остроумие диалогов сочетается с крайней непристойностью положений.

Когда Эдвард отрекся...— Имеется в виду вынужденное отречение английского короля Эдварда II в 1327 г.; престол занял его сын Эдвард III, при котором началась Столетняя война и были одержаны блестящие победы над французами.

...За Томом первым...— В 1689 г. вместо Драйдена поэтом-лауреатом и придворным историографом стал осмеянный им Томас Шедвелл («Том первый»); по смерти Шедвелла в 1692 г. историографом был назначен Томас Раймер («Том второй»).

В. Муравьев

ВЕНГРИЯ

Миклош Зрини (1620—1664).— Крупнейший поэт венгерского барокко. Родился в Хорватии, в аристократической семье, служил на австрийской службе, был одним из организаторов военных походов против турок. Однако политика венского двора, который сдерживал наступательные военные действия, опасаясь роста сепаратистских настроений в Венгрии, сделала М. Зрини противником Габсбургов; в последние годы жизни поэт пропагандировал идею создания национального венгерского войска и самостоятельного венгерского королевства.

Стр. 161. Сигетское бедствие.— Прадед поэта, тоже Миклош Зрини, оборонял крепость Сигет против турок. Этому и посвящена поэма «Сигетское бедствие» (опубликована в 1651 г.).

Фаркашича уж нет.— Петер Фаркашич — один из военачальников М. Зрини-старшего. Погиб при защите Сигета.

Иштван Дёндеши (1629—1704).— Популярный в свое время поэт венгерского барокко. Был вице-губернатором трансильванского комитата (области) Дёмер.

Стр. 162. *Янош Кемень* — венгерский князь, правитель Трансильвании в 1660—1662 гг.; сражался с татарами.

Бронт — имя одного из циклопов.

Стр. 163. *Эу́ры* — сильные юго-восточные ветры.

ИЗ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

Стр. 164. Песня Якаба Буги (а также песни «Куруц в изгнании» и «Палко Чином»).— Песни, слагавшиеся куруцами, участниками народных антигабсбургских движений в Венгрии второй половины XVII — начала XVIII вв. Авторами песен были нередко рядовые повстанцы; многим из них после поражения восстания Имре Тёкели (1657—1705), а затем национально-освободительной войны Ференца Ракоци II (1676—1735) пришлось на долгие годы покинуть родину.

Стр. 167. *Альфельд* — Большая Венгерская низменность.

Стр. 168. Жена каменщика Келемена (а также «Анна Молнар» и «Ката Кадар»).— Возникновение этих народных баллад принято относить к XVI — началу XVIII вв.

Дэва.— Название крепости вымышлено; мотив постройки исторически связан с сооружением противотурецких оборонительных укреплений.

Стр. 171. Ката Кадар.— Как установлено недавно венгерской фольклористикой (труды Ласло Боты), в основе этой баллады лежит действительная трагедия, которая разыгралась в одном знатном семействе в XVI в. (имя Ката Кадар героиня баллады получила в начале XVIII столетия).

О. Россиянов

ГЕРМАНИЯ

Стр. 175. Неизвестный автор. Вечность.— Впервые напечатано в католическом «Кельнском песеннике» (1625). Начиная с этого стихотворения, тема «вечность и время», представление о вечности как о замкнутом круге (эмблемой вечности служило изображение змеи, кусающей свой хвост) или полом шаре, становится одной из «сквозных» тем лирики немецкого барокко, для которой характерно варьирование одних и тех же мотивов. Умение создать искусную вариацию на известную тему высоко ценилось в те времена. Поэт сознательно опирался на заимствованные образы, метафоры, эпитеты, используя их по-своему. Ср. стихотворения Иоганна Риста «Вечность» (с. 214) и Ганса Асмана Абшатца «Время и вечность» (с. 275).

Георг Рудольф Векерлин (1584—1653).— Родился в Штутгарте. Был секретарем и придворным поэтом герцога Вюртембергского. В 1620 г. уехал в Англию, где стал чиновником высокого ранга и одним из ближайших сотрудников английского поэта и государственного деятеля Джона Мильтона. В 1617—1619 гг. выпустил два тома поэтического сборника «Оды и песни». Независимо от Опица ратовал за упорядочение немецкого стихосложения, был большим почитателем французской поэзии и стремился подражать поэтам Плеяды. Вместе с тем Векерлин выступал против засилья латыни в поэзии и отстаивал права родного языка. Писал также на швабском диалекте. Умер в Лондоне.

Стр. 177. На раннюю смерть Анны Августы, маркграфини Баденской. — Лейтмотивом стихотворения служит мысль о бренности всего сущего, типичная для поэзии эпохи; хотя само слово «бренность» ни разу не упоминается, ощущение бренности создается длинным перечислением всего, что недолговечно и преходяще («Зачем же ты уходишь прочь, // как дождь, как снег, как день, как ночь...» и т. д.). Такого рода

перечисления, как правило состоявшие из одних существительных, «цепи сравнений», служившие цели всеобъемлющего охвата явлений природы и человеческой жизни, были весьма распространенным художественным средством поэзии немецкого барокко.

Стр. 179. *Валленштейн* (Вальдштейн) Альбрехт Венцель Евсевий, герцог Фридланд — полководец Тридцатилетней войны, главнокомандующий имперских войск. Дважды отстранялся от командования по подозрению в сговоре с врагами империи. Убит в Эгере в 1634 г.

Стр. 180. *Когда б в Штральзунде, в Ла-Рошели...*— Штральзунд — приморский город в Померании, который в 1628 г. выдержал трехмесячную осаду имперских войск. Ла-Рошель — город и крепость во Франции, на берегу Атлантического океана; во время религиозных войн XVI в. была оплотом гугенотов. После Ла-Рошельского мира 1573 г. продолжала оставаться центром протестантской оппозиции. В 1628 г., после тринадцатимесячной осады, была взята войсками кардинала Ришелье.

Фридрих Шпее фон Лангенфельд (1591—1635).— Иезуитский священник, активный деятель контрреформации. По обязанности сопровождал на казнь приговоренных к сожжению «ведьм». Позднее (в 1631 г.) опубликовал анонимный латинский трактат «Cautio criminalis» («Предосторожность касательно преступлений»), в котором выражал свое убеждение в невиновности осужденных: «Созналась она или не созналась — все едино; ежели созналась, дело ясно, и ее предают смерти, потом уж опровергать бесполезно; а не созналась — ее пытают второй, третий и четвертый раз... Но стоит ей только, не выдержав нестерпимых мучений, ложно показать на себя, как начинается самое ужасное... ибо обвиняемая должна сообщить и о других, не знает ли о них чего-либо дурного... тех тогда тоже принимаются пытать, они же бывают вынуждены назвать третьих, а те — четвертых, и так без конца...» Лирика Шпее проникнута экстатическим восторгом перед совершенством и красотой творения, чувством единения с богом.

Стр. 181. Ксаверий — Франциск Ксаверий, иезуитский миссионер, проповедовавший христианство в Восточной Азии. Умер в 1552 г. от лихорадки и был как мученик канонизирован католической церковью.

Юлиус Вильгельм Цинкгреф (1591—1635).— Родился в Гейдельберге, где изучал в университете юриспруденцию. Выступив вначале как ученый неолатинский поэт, горячо приветствовал новую поэзию на немецком языке. Писал любовные стихи по канонам петраркизма. В 1619 г. издал сборник эмблем с остроумными стихотворными подписями, в 1622 г.— книжку стихов «Призыв к храбрости, или Похвальба солдата», где требовал от своих соотечественников большего мужества в борьбе с врагами. В 1626—1631 гг. выпустил сборник пословиц «Остроумные изречения немцев», который принес ему особенно широкую известность. Умер от чумы.

Мартин Опиц (1597—1639).— Выдающийся немецкий поэт, теоретик и реформатор стиха, вдохновитель группы поэтов, получившей название Первой силезской школы. Родился в Силезии, в г. Бунцлау (Болеславец). Учился в Бытомской гимназии. Атмосфера гимназии, где в то время нашли прибежище сторонники различных религиозных ересей, главным образом ариане, не признававшие божественной природы Иисуса Христа, оказала большое влияние на мировоззрение будущего поэта, способствовала формированию у него радикальных демократических взглядов. В 1617 г. Опиц издал латинский трактат под названием «Аристарх против презрения к немецкому языку» («Aristarchus sive contemptu linguae teutonicae»), в котором призывал отказаться от латыни, языка развращенных властителей Рима, и вернуться к нравственно чистому языку германских предков. Он предостерегал против бездумного подражания иностранным образцам и доказывал, что и на немецком языке может быть создана оригинальная поэзия, не уступающая в изяществе французской. В 1619 г. Опиц начал посещать Гейдельбергский университет, где вокруг него сложился кружок молодых поэтов. Здесь Опиц написал ряд лирических стихотворений, которые сразу принесли ему известность. Превратности военных лет заставили его на некоторое время покинуть Германию, он жил в Голландии, где познакомился с творчеством Хейнсия и с самим поэтом, и в Дании. В 1624 г. вышли сборник стихотворений Опица «Немецкие поэмы» и «Книга о немецком стихотворстве» — первая и самая знаменитая из многочисленных поэтик XVII в., на полтора столетия вперед определившая пути развития немецкой поэзии. Отталкиваясь от поэтических теорий Ронсара и Скалигера, Опиц различал в поэзии три стиля, — высокий, средний и низкий, в соответствии с сословным сознанием феодального общества. Опиц требовал от поэтов простоты и естественности языка, предостерегал от чрезмерно усложненных грамматических конструкций, от «темноты» и непонятности, рекомендовал заимствовать у древних фигуры и тропы и пользоваться звукописью. Новой для немецкой поэзии была разработанная Опицем метрика. Стихи, согласно его теории, могут быть ямбическими или трохеическими, в них должно строго соблюдаться чередование ударных и безударных слогов. Таким образом, Опиц узаконил в немецкой поэзии силлабо-тонику, в отличие от господствовавшего в XV—XVI вв. акцентного стиха, так называемого Knittelvers'a. На первый план Опиц выдвигал «героический» размер — александрийский стих, а из поэтических жанров отдавал предпочтение сонету и оде. Созданная Опицем поэтическая теория способствовала развитию национальной немецкой поэзии и оттеснила на второй план поэзию неолатинскую. Существенную роль Опиц сыграл и в развитии немецкой драматургии — его перевод трагедии Сенеки «Троянки» стал образцом немецкой классицистской драмы. Перу Опица принадлежит также одна из первых в немецкой литературе пасторалей — «Пастораль о нимфе Герцинии» (1630). Опиц пользовался при жизни громкой славой и занимал высокие дипломатические и придворные посты. Умер в Данциге от чумы.

Стр. 189. Sta viator. — Фрагмент «Пасторали о нимфе Герцинии».

Стр. 189. Зерцало мира (а также Везувий). — Фрагменты дидактической поэмы «Везувий».

Стр. 195. Слово утешения средь бедствий войны.— Фрагмент одноименной поэмы, в которой Опиц, близкий по своим взглядам к философии стоицизма, описывал ужасы войны, призывая соотечественников возвыситься разумом над хаосом и мерзостью жизни.

Роберт Робертин (1600—1648).— Родился в Заальфельде, был домашним учителем, судейским чиновником в Кенигсберге. Входил в Кенигсбергский поэтический кружок — один из многочисленных поэтических кружков, или «орденов», того времени,— собиравшийся у церковного органиста и композитора Генриха Альберта. Поэты кружка варьировали в своих стихах тему быстротечности жизни и называли себя «Ревнителями бренности» («Sterblichkeit beflissene»). Подобно членам других поэтических «орденов», кенигсбергцы брали себе условные пастушеские имена.

Фридрих Логау (1604—1655).— Родился в имении Брокхут близ Стрелена в Силезии, посещал гимназию в Бриге, во Франкфурте-на-Одере изучал право; был герцогским советником в Бриге. Умер в Лигнице. Выдающийся поэт-сатирик, принадлежащий к Первой силезской школе. Был также членом «Плодоносного общества», основанного в Веймаре в 1617 г. (впоследствии называлось «Орденом пальмы»). В 1638 г. издал «Двести рифмованных немецких изречений»; в 1654 г. вышло его основное произведение: «Три тысячи немецких эпиграмм». В поэзии Логау получили острокритическое отражение события и нравы его времени; он обличал религиозную нетерпимость, повлекшую за собой жестокие бедствия для народа, паразитизм аристократии, лицемерие придворных; задолго до Гриммельсгаузена с его «Гимном крестьянству» изображал крестьянина как основного подателя земных благ. Произведения Логау были высоко оценены и извлечены из забвения Лессингом, который писал, что поэтическая речь Логау «выразительна и сильна, когда он поучает; патетична и громозвучна, когда он бичует; нежна, вкрадчива, мелодична, когда он говорит о любви; весела и наивна, когда он шутит; забавна и игрива, когда он просто хочет заставить людей смеяться» (цит. по кн.: Б. Пуришев. Очерки немецкой литературы. М., 1955).

Симон Дах (1605—1659).— Родился в Мемеле, изучал богословие, затем философию и литературу в Кенигсберге; был домашним учителем, позднее — профессором поэзии в Кенигсбергском университете. Наиболее значительный поэт и глава уже упоминавшегося Кенигсбергского кружка; был также талантливым скрипачом. Стесненный в средствах, писал множество стихотворений на случай, по заказам разных лиц. Стихи Даха, как правило,

более простые по мысли и языку, чем стихи других поэтов барокко, пользовались большой популярностью; многие из них были положены на музыку его другом Генрихом Альбертом. Написал ряд духовных песен, близких по умонастроению к песням Пауля Гергардта.

Стр. 200. Анке из Тарау.— Стихотворение, положенное на музыку Альбертом и ставшее народной песней. В последнее время принадлежность его Даху оспаривается: возможно, что текст песни написал также Альберт.

Даниэль Чепко фон Рейгерсфельд (1605—1660).— Родился в имении невдалеке от Лигница, в Силезии; в Лейпциге изучал медицину, затем юриспруденцию в Страсбурге. В 1625 г. обосновался в Швейднице, где был сначала домашним учителем, позднее видным чиновником. Наряду с мистическими и философскими писал также политические и сатирические стихи, в которых обличал тиранию власть имущих, бесчеловечность религиозных распрей, воспевал мирный труд землепашца. В своей философской лирике, для которой он избрал форму рифмованных александрийских двустиший, Чепко, близкий к теософии, провозглашал единство микро- и макрокосма, бога и человека, времени и вечности. Оказал значительное влияние на творчество Ангелуса Силезиуса.

Пауль Гергардт (1607—1676).— Родился в городке Грефенхайнихен (Саксония), был дьяконом церкви св. Николая в Берлине, последние годы жизни провел в Люббене. Знаменитый автор протестантских духовных песен, которые по силе своего воздействия на слушателей сравнивались с песнями Лютера. Многие из них положены на музыку И.-С. Бахом. Хотя Гергардт руководствовался положениями Опицевой поэтики и в своих стихах использовал некоторые приемы барочной поэзии — анафоры, цепи сравнений и т. п., его поэтический язык более прост, близок к народному, а образы — более реалистичны, что, вероятно, и обеспечило его песням такую долгую жизнь.

Стр. 206. *...Пусть мне будет, как Давиду, // Послан мой Ионафан.*— Сын израильского царя Саула Ионафан был другом Давида и оказывал ему помощь и поддержку в то время, когда Саул, убоявшись его возвышения, начал его преследовать (Библия, Первая книга царств, 19).

Стр. 208. Перед распятием (1655).— Обработка латинского гимна XIII века «Salve caput cruentatum» («К окровавленной голове Христа»).

Иоганн Рист (1607—1667).— Родился в Оттензене (Голштиния), в семье пастора. Изучал в Ростоке богословие, юриспруденцию и другие науки. В 1628 г. бежал из Ростока от солдат Валленштейна и поселился в Веделе, где был домашним учителем и пастором. По окончании войны стяжал себе громкую славу как поэт и был возведен в дворянство. В 1656 г. основал поэти-

ческий «Орден Эльбских лебедей»; был также членом «Пегницкого цветочного и пастушьего ордена» и «Плодоносного общества». Рист был одним из образованнейших людей своего времени. Писал светские и духовные стихи, ученые диалоги и драмы.

Стр. 215. Христианским князьям и властителям Германии...— Рист применяет здесь излюбленные приемы поэзии барокко, заимствованные ею из риторики,— анафору и амплификацию. Начальные строки стихотворения состоят из параллельных синтаксических конструкций — вопросительных предложений, открывающихся одним и тем же словом «когда». Таким образом создается высокое эмоциональное напряжение.

Георг Филипп Гарсдёрфер (1607—1658).— Сын богатого нюрнбергского патриция, получил хорошее образование, много путешествовал по Германии, Швейцарии, Франции, был в Англии и Италии. Позднее был чиновником Нюрнбергского магистрата. Плодовитый автор, выступавший во многих жанрах, Гарсдёрфер возглавлял основанное им в 1644 г. вместе с Иоганном Клаем литературное общество «Пегницкий цветочный и пастуший орден». Больше всего прославился своим сочинением «Поэтическая воронка, немецким поэтическим и рифмовальным искусством за шесть часов наполняемая без надобности в латинском языке» — поэтикой в трех частях, изданной в 1647—1653 гг.

Пауль Флеминг (1609—1640).— Сын пастора, в Лейпциге учился в латинской школе св. Фомы, затем изучал медицину. Участвовал в миссии Олеария, совершившей путешествие в Россию и Персию в 1633—1634 гг. В 1636—1639 гг. жил в Ревеле. Умер в Гамбурге. В 1631 г. опубликовал сборник любовных стихотворений на латинском языке, в духе Петрарки. Немецкие стихи Флеминга были опубликованы Олеарием и Нигус лишь после его смерти, в 1641—1642 гг. В своей любовной лирике Флеминг преодолевает условную схему петраркизма. Любовная жалоба у него нередко завершается выражением надежды. Патриотические стихи Флеминга посвящены горестной судьбе родины в годы войны. Поэт упрекал и высмеивал немцев за недостаток мужества, призывал к подвигам во имя Германии. Писал также духовные песни с мистическим оттенком. Свои путевые впечатления отразил в ряде стихотворений, являющихся своеобразной поэтической хроникой.

Исайя Ромплер фон Левенгальт.— Точные даты жизни неизвестны. Родился в Австрии ок. 1610 г. Жил в Страсбурге. В 1647 г. издал поэтический сборник — «Первый куст рифмованных стихотворений».

Андреас Чернинг (1611—1659).— Родственник и друг Опица, находившийся под его влиянием. Преподавал поэзию в Ростокском университете. Его произведения представляют собой в основном парафразы и обра-

ботки уже известных текстов. В стихах Чернинга нашли отражение бедствия Тридцатилетней войны. Занимался переводом арабской поэзии. В 1658 г. издал собственную поэтику.

Юстус Георг Шоттель (1612—1676).— Родился вблизи Ганновера, в семье пастора. Учился в гимназии в Гамбурге, изучал юриспруденцию в Лейдене, Лейпциге и Виттенберге. Служил при дворе герцога Брауншвейгского, позднее был советником консистории в Вольфенбюттеле. Ученый и поэт, Шоттель входил в состав «Плодоносного общества» и «Пегницкого цветочного и пастушьего ордена». Ему принадлежит «Подробная работа о ведущем немецком языке» (1663) — первая попытка исторической грамматики и этимологии немецкого языка. Написал аллегорическую пьесу «Победа мира» (издана в 1648 г.).

Иоганн Клай (1616—1656).— Родился в Мейсене, был учителем в Нюрнберге, потом пастором в Кицингене. Один из основателей «Пегницкого цветочного и пастушьего ордена». Свою поэтическую деятельность начал как автор текстов для ораторий, где мог блеснуть присущим ему искусством звукописи. Стихи Клая отличает виртуозная поэтическая техника.

Андреас Грифиус (1616—1664).— Родился в Глогау (Силезия), в семье пастора. Как Гриммельсгаузен, в детские годы был свидетелем ужасов войны. Учился в гимназии в Данциге, был домашним учителем; в Лейденском университете изучал языки (знал десять языков). Путешествовал в Париж и Рим, в последние годы жизни был синдиком в Глогау. Грифиус — выдающийся немецкий поэт, создатель проникновенной лирики, запечатлевшей трагическое мироощущение человека эпохи Тридцатилетней войны; автор замечательнейших трагедий немецкого барокко. Тема бренности, суетности жизни, представление о человеке как игрушке в руках судьбы, как догорающей свече пронизывает всю лирику Грифиуса («Гость на земле, из всех гостей // Ты, человек, всех тленней...»). Ранние стихи были написаны поэтом на латинском языке. В 1637 г. вышел первый сборник сонетов Грифиуса на немецком языке, где помещено его знаменитое стихотворение «Слезы отечества, год 1636». (В наше время немецкий поэт Иоганнес Роберт Бехер озаглавил свой цикл сонетов, посвященный бедствиям Германии в годы фашизма, «Слезы отечества, год 1937»). В 1639 г. Грифиус выпустил второй сборник сонетов, где он варьирует библейские мотивы. В 1643 г. вышла первая из четырех книг его «Од». Оды Грифиуса пронизаны одним чувством — надеждой на избавление от земных скорбей в вечной жизни. Поэзии Грифиуса присущ стоический пафос. При всей скорбности тона, его лирике чужды слезливые жалобы, она исполнена гордого достоинства. Грифиус в совершенстве владеет стихом, виртуозно играет ритмами. Переводил польских, голландских поэтов. Из драм Грифиуса наибольшей известностью пользуются «Лев Армянин», «Екатерина Грузинская», «Карденио и Целинда».

Христиан Гофман фон Гофмансвальдау (1617—1679).— Родился в Бреславле; так же, как Грифиус, учился в данцигской гимназии и Лейденском университете, путешествовал, жил в Италии. Первыми литературными опытами были переводы из итальянских поэтов, в частности — перевод «Верного пастуха» Гварини. Основные произведения Гофмансвальдау изданы посмертно. Современник и друг Грифиуса, признанный глава Второй силезской школы, Гофмансвальдау представляет совершенно другую линию в поэзии немецкого барокко — прециозную поэзию в духе Марино. Писал эротические оды, подчас весьма фривольного характера; искусные эпиграммы. В 1679 г. вышли его «Героические письма», состоящие из четырнадцати любовных новелл, в которых выступают известные персонажи немецкой истории. Отталкиваясь от «Героид» Овидия, Гофмансвальдау стремится доказать всевластие любви. Был искусным версификатором. Исследователи подсчитали, что в лирике Гофмансвальдау встречается более шестидесяти метрических и строфических схем.

Филипп фон Цезен (1619—1689).— Родился в Дессау, учился в Виттенберге, почти всю жизнь разъезжал по разным городам и странам, последние свои годы провел в Гамбурге. Оставил большое литературное наследие, включающее лирику, романы, поэтику, политические сочинения. Создал первую после Опицевой поэтику — «Немецкий Геликон», в которой, следом за своим предшественником, развивал теорию стиха. За свои попытки реформировать грамматику и совершенно избавить немецкий язык от иностранных слов получил от современников прозвище «Дон-Кихот немецкого языка». Лирика Цезена отличается большим ритмическим и звуковым богатством, которое, однако, иногда становится самоцелью.

Иоганн Георг Грефлингер (1620 — ок. 1677).— Поэт с почти «симплицианской» биографией (см. ниже о Гриммельсгаузене). В детстве пас овец недалеко от Регенсбурга; во время нападения мародеров потерял родителей; вел скитальческую жизнь, был солдатом, писцом, музыкантом. Под конец обосновался в Гамбурге, где примкнул к «Ордену эльбских лебедей» и принял поэтическое имя «Селадон». Издал сборник стихов «Светские песни Селадона» (1651). Оставил также поэтическую хронику «Тридцатилетняя война немцев» (1657). Лирика Грефлингера, почти свободная от мифологических и петраркистских реминисценций, близка к народной поэзии.

Ганс Якоб Кристофель Гриммельсгаузен (1625—1676).— Автор знаменитого, в значительной мере автобиографического романа «Приключения Симплициссимуса» (в русском переводе — «Затейливый Симплициссимус». БВЛ, т. 46) — своего рода художественной энциклопедии XVII в., в которой получили отражение события и тяготы Тридцатилетней войны, жизнь различных слоев тогдашнего общества, состояние его духовной культуры.

Стр. 259. Гимн крестьянству. — Стихотворение из III главы Первой книги «Симплициссимуса».

Ангелус Силезиус (наст. имя — Иоганнес Шеффлер; 1624—1677).— Родился в Бреславле, изучал медицину в Страсбурге, Лейдене и Падуе; вернувшись в Бреславль, перешел в 1653 г. в католицизм и принял имя Ангелус (в честь испанского мистика Иоанна Ангелуса), после чего стал подписывать свои сочинения «Ангелус Силезиус». Ангелус Силезиус — крупнейший религиозный поэт Германии XVII в. Близкая по своим идеям к мистическим учениям Мастера Экгарта (1260—1327) и Якоба Бёме (1575—1624), поэзия Ангелуса Силезиуса отличается высоким совершенством формы. Ее основной жанр — изречения, рифмованные александрийские двустишия, собранные в книге «Херувимский странник» (1674). Многообразно варьируя сравнительно узкий круг тем — единение человека с богом, возвращение к богу (unio mystica), поэт использует обычные приемы поэтики барокко — множественность перспективы, антитетику, пуэнту.

Зигмунд фон Биркен (1626—1681).— После смерти Гарсдёрфера стал «старшим пастухом» Пегницкого ордена, где носил имя Флоридан. Как и многие другие поэты своего времени (Клай, Грифиус), откликнулся восторженной одой на заключение Вестфальского мира 1648 г. Лирику Биркена отличает высокое мастерство звукописи, особенно свойственное Пегницкому кружку, но у него переходящее в чисто формальную игру. Был также автором пасторального романа; в 1679 г. издал свое «Краткое руководство по немецкой поэзии».

Катарина Регина фон Грейфенберг (1633—1694).— Родилась в Зейссенэгге (Австрия), в 1674 г. вместе с родными переселилась в Нюрнберг из-за преследований, которым в Австрии подвергались протестанты. От поэтов Нюрнбергского кружка, к которым она примкнула, Грейфенберг отличалась более искренним лиризмом, непосредственностью тона. Создала более двухсот «Духовных сонетов» (1662).

Даниэль Каспер Лоэнштейн (1635—1683).— Родился в городе Нимпч, в Силезии, окончил гимназию в Бреславле; в Лейпциге и Тюбингене изучал юриспруденцию; много путешествовал, был адвокатом, городским чиновником, послом в Вене. Умер в Бреславле. Наряду с Андреасом Грифиусом, видный драматург Германии XVII в. В трагедиях Лоэнштейна «Клеопатра», «Агриппина» и др. действуют люди сильных страстей, которым противопоставляются стоически-смиренные герои. Был также автором барочного роман «Арминий и Туснельда» (опубл. в 1689—1690). Как лирик, примыкал ко Второй силезской школе. Писал прециозные любовные стихи, полные вычурных метафор.

Даниэль Георг Морхоф (1639—1691).— Родился в Висмаре, был профессором в Ростоке и Киле. В «Полигисторе» (опубл. в 1688—1692) дал первую научно обоснованную теорию литературы. «Преподавание немецкого языка и литературы» содержит попытку создать историческую грамматику немецкого языка. Стихи писал главным образом на латинском языке.

Христиан Вейзе (1642—1708).— Родился в Циттау; сын учителя, изучал в Лейпциге богословие, философию, право; позднее читал лекции о поэтике и риторике, был домашним учителем, профессором гимназии. Писал драмы для школьного театра, морализующие романы, в которых утверждал трезво-буржуазный взгляд на мир, и был в известной степени предшественником литературы Просвещения. Лирика Вейзе написана главным образом в «низком» стиле,— это студенческие, застольные, свадебные песни.

Абрагам а Санта Клара (наст. имя — Иоганн Ульрих Мегерле; 1644—1709).— Родился в деревне под Баденом, сын трактирщика. Воспитывался у иезуитов, изучал богословие в Праге и Ферраре; с 1668 г. священник в Вене. Прославился своими проповедями; знаменитая проповедь, произнесенная им в 1683 г., во время осады Вены турками,— «Восстаньте, христиане!» была использована Шиллером в прологе к «Валленштейну» (проповедь капуцина). Написал сатирический роман «Иуда-архиплут» и ряд дидактических стихотворений. Сочная народная речь Абрагама а Санта Клара изукрашена риторическими фигурами и пышными метафорами в стиле барокко.

Гапс Асман Абшатц (1646—1699).— Родился в Силезии, в имении Вюрбитц. Посещал гимназию в Лигнице, изучал право в Страсбурге и Лейдене. Путешествовал по Франции и Италии; вернулся в Лигниц, где сделался крупным чиновником. Приобрел известность прежде всего как переводчик «Верного пастуха» Гварини. Стихотворения Абшатца были опубликованы посмертно, в 1704 г. Любовная лирика Абшатца, подобно поэзии Гофмансвальдау, носит прециозно-галантный характер, в ней уже сглажена резкость контрастов, свойственная поэзии барокко, что приближает ее к аристократически-салонной литературе рококо. Абшатц писал и политические стихи, в которых выступал за объединение Германии и напоминал своим соотечественникам их героическое прошлое.

Квиринус Кульман (1651—1689).— Родился в Бреславле, сын ремесленника; изучал юриспруденцию в Эрфурте, Иене и Лейпциге; увлекся учением Якоба Бёме и написал книгу «Новоодухотворенный Бёме», изданную в 1674 г. Считал себя «избранником божьим» и пропагандировал собственную религиозную теорию — «кульманизм». Неустанно разъезжал по свету, стремясь установить на земле царство божье. В Турции пытался обратить султана в христианство, но подвергся преследованиям и бежал. Отправился в Москву, рассчитывая найти единомышленников в Немецкой

слободе, но по доносу пастора был схвачен как еретик и сожжен. В 1684—1686 гг. вышел его «Псалтырь» («Kühlpsalter»), содержащий сто пятьдесят псалмов, в которых Кульман, объявляя себя сыном сына божьего, развивал мистические идеи Якоба Бёме. «Некоторые стихотворения в этой книге представляются нам сегодня вполне экспрессионистскими... Крики, бормотанье, мольбы, угрозы он доводит до небывалого в те времена fortissimo»,— пишет о псалмах Кульмана исследователь поэзии немецкого барокко Мариан Широцкий.

Готфрид Арнольд (1666—1714).— Родился в Аннаберге; сын учителя; окончил школу в Иене; был домашним учителем, корректором в типографии; позднее стал священником. Умер в Перлеберге. Написал «Непредвзятую историю церкви и ересей» (опубл. в 1699—1715). Создатель мистических духовных песен.

Иоганн Христиан Гюнтер (1695—1723).— Родом из Штригау; сын врача. Изучал медицину в Виттенберге, где начал писать стихи; увлекшись поэзией, стал пренебрегать занятиями и вести разгульную жизнь, за что был проклят отцом и навсегда лишен его материальной поддержки. Бедствуя, скитался по разным городам, жил стихами на случай, вскоре заболел и умер. Поэт исключительно яркого и рано проявившегося дарования, Гюнтер успел за свою короткую жизнь создать проникновенную лирику, поражающую силой и непосредственностью чувства, в которой ощутима лишь внешняя связь с канонами поэзии барокко. Это позволило исследователям объявить Гюнтера «последним поэтом эпохи барокко и первым поэтом нового, XVIII века».

С. Шлапоберская

ДАЛМАЦИЯ

Паское Примович (ок. 1565—1619).— Один из первых представителей литературного барокко в Далмации. Родился в Дубровнике, в семье потомственных служащих городского управления, и, подобно своим предкам, провел жизнь на сравнительно скромных должностях в канцеляриях Республики. Постоянно бедствовал, безуспешно пытаясь выбиться из нужды. Рано потерял единственного сына, на котором оборвался род Примовичей.

У современников поэзия П. Примовича пользовалась большим успехом, однако значительная часть его поэтического наследия осталась в рукописи, в том числе его вдохновенные и легкие, пронизанные озорством лирические стихотворения на злобу дня, а также острые, вдохновленные дубровницким патриотизмом сатиры против соседей Дубровника —жителей острова Корчула и городка Котор. Выступал также с поэтическими переложениями церковных гимнов и молитв. П. Примович был создателем своеобразного жанра шуточных

лирических стихотворений, так называемых фиок. Происхождение слова «фиока» не вполне ясно. По мнению одних исследователей, оно восходит к жаргонному дубровницкому выражению — шутить, насмехаться, по мнению других, оно произошло от обязательного акростиха, заложенного в них (см. помещенные в томе переводы) и содержащего сокращенное женское имя от Филомена. Непринужденные и изящные фиоки П. Примовича вдохновлены дубровницкой повседневностью; в них много жаргонных словечек, локализмов, они хорошо отражают живой говор улицы той поры.

Стр. 289. *Ускок.*— Так в XVII в. называли людей, бежавших из занятых османами югославянских областей в Далмацию и отсюда, под покровительством Австрии или Венеции, продолжавших борьбу с завоевателями. При этом ускоки нередко нападали также и на корабли и имущество независимой Дубровницкой республики, вызывая ответные карательные меры. Интонация всего стихотворения П. Примовича весьма иронична по отношению к вооруженному кораблику и его экипажу, ибо опыт показывал, что с малыми силами ускоков не победить. В то же время автор, видимо, и сам не очень был склонен осуждать «разбойников»-ускоков, видя в них борцов за свободу.

Лопуд — остров и городок близ Дубровника, жители которого в XV—XVII вв. считались самыми богатыми в пределах Республики.

Вратник — горный перевал в массиве Велебит на пути из Приморья в глубь страны.

Вилы — мифические существа югославянского фольклора, прекрасные девы лесов, вод и полей. Поэты Дубровника традиционно называли вилами своих возлюбленных.

Хорацие (Орацио) Мажибрадич (1566—1641).— Внебрачный сын известного дубровницкого поэта Марое Мажибрадича (1525—1591; см. сб. «Поэты Далмации эпохи Возрождения XV—XVI веков». М., 1959). Родился в Венеции, учился в Дубровнике, был подмастерьем в дубровницкой торговой колонии в Софии, затем жил в имении отца в Мочичах. Сложно и драматически сложилась личная жизнь поэта, рано овдовевшего и во втором браке имевшего тринадцать человек детей. В архивах дубровницкого Сената сохранилось множество его просьб о денежной помощи. Человек веселый и общительный, Мажибрадич имел много друзей (в их числе был поэт Иван Гундулич), к которым он часто обращался со стихотворными посланиями, где живописал тяготы своего существования. В этих эпистолах он касается широкого круга этических, религиозных, философских, общественных проблем, благодаря чему они являются, пожалуй, самой значительной и важной частью его поэтического наследия. Легкая и искренняя любовная лирика Мажибрадича представляет собой определенный этап на пути от петраркизма к маринизму в Далмации. Постоянно бедствуя, поэт в течение почти пяти десятилетий служил в отдаленной и пустынной дубровницкой провинции, вдали от литературной и общественной жизни Дубровника, и умер в городке Цавтат.

Стр. 291. «Как без сердца с жизнью слажу?..» — Первые буквы начальных строк каждой строфы образуют акростих — Кате.

Стр. 291. С острова Млет.— С 1595 по 1604 г. поэт жил на малонаселенном адриатическом острове Млет, ведя скудное и во всех отношениях убогое существование, чем и объясняются его элегические настроения. Дом Х. Мажибрадича в селе Бабинополе стоял на самом берегу моря. Нечетные строки образуют акростих — Орацио.

Стр. 292. На смерть почтенного отца моего...— Поэт перечисляет друзей и современников своего отца. *Бурина* — поэт XVI в. Франо Лукаревич Бурина. *Ранина* — Динко Ранина (1536—1607), дубровницкий поэт-лирик, прекрасный версификатор. *Андрия* — поэт Андрия Чубранович (1-я пол. XVI в.), автор известной поэмы «Цыганка», считающейся одной из вершин дубровницкой поэзии Возрождения. *Джоре* — Джоре Држич (1461—1501), известный поэт-лирик (см. т. БВЛ «Европейские поэты Возрождения»).

Стиепо Джюрджевич (Джорджич) (1579—1632).— Происходил из старинного рода дубровницких аристократов. Учился в Дубровнике, где в конце XVI в. обитали известные итальянские гуманисты Камилло Камилли и Виктор Бесальи. Обладал ветреным и вздорным характером, часто вступал в конфликты с законом, нередко попадая в тюрьму. В 1612 г. был изгнан из города за помощь заговорщикам против Республики. Несколько лет провел в Неаполе, бывшем тогда центром маринизма, где, вполне вероятно, познакомился и с основателем этого направления Дж. Марино (чьи сонеты переводил). Затем, видимо, попал в Испанию. По возвращении в Дубровник состоял на государственной службе. Из любовной лирики С. Джюрджевича, активно поддержавшего маринизм в Дубровнике, до нас дошло очень немного. Наибольшую известность поэту принесла сатирическая поэма «Дервиш», остроумная и злая пародия на каноны обветшавшего петраркизма, а также, в известной мере, на традиции любовной боснийской лирики альхамьядо (см. ниже). Колоритная по языку, изобилующему турцизмами, в значительной степени построенная на игре слов, поэма «Дервиш» является одним из высших достижений старой хорватской литературы. В дальнейшем у С. Джюрджевича наметился поворот к религиозной лирике; он переводил также «Покаянные псалмы царя Давида», соперничая в мастерстве с И. Гундуличем.

Стр. 292. Благословение женщине...— Поэт преследовал своей любовью одну из дубровницких дам, пытаясь с помощью данного стихотворения добиться ее взаимности.

Из поэзии альхамьядо.— Во 2-й пол. XVI—XVIII вв. в Боснии и Далмации широкое распространение получила так называемая поэзия альхамьядо. Этим восходящим к арабскому словом первоначально обозна-

чали литературу на испанском языке, записанную арабскими или еврейскими буквами. В Боснии, которая была в 1463 г. включена в состав Османской империи, так называли литературу мусульман, создаваемую на сербскохорватском языке, но записанную арабскими письменами. «Наряду с католической религиозно-дидактической литературой это была единственная письменная литература в турецкой Боснии на нашем языке»,— писал поэт и историк хорватской поэзии Иван Сламниг, включивший, подобно многим другим исследователям, образцы поэзии альхамьядо в свою «Антологию хорватской поэзии от древнейших записей до конца XIX века» (Загреб, 1960). Тесно связанная с традициями как христианской, так и мусульманской народной лирики, поэзия альхамьядо была популярна не только в областях, населенных преимущественно мусульманами, но и в Далмации, в частности в Дубровнике, чьи купцы, как известно, поддерживали традиционную торговлю с Боснией. «Не исключено,— пишет И. Сламниг,— что мусульманские поэты имели контакты с приморской базой тогдашней хорватской литературы». Косвенным доказательством устойчивости канонов альхамьядо является и сатирическая поэма «Дервиш» С. Джюрджевича.

Одним из лучших (и одновременно старейших) примеров поэзии альхамьядо является публикуемая в нашем томе «Хорватская песня» Мехмеда из Эрделя, относящаяся к 1588—1589 гг. По-видимому, Мехмед был славянином, принявшим мусульманство. Крупным представителем поэзии альхамьядо был и Мухаммед Хеваи Ускюфи (1601/1602 — после 1651 г.), автор многочисленных «иляхи» — религиозных стихотворений, а также одного из первых сербскохорватско-турецких словарей.

Наряду с иляхи в альхамьядо культивировались различные поэтические жанры: касыды — любовные стихи, хикяе — религиозные легенды, мазары — своеобразные коллективные обращения народа к властям и т. д. Особенностью поэзии альхамьядо было широкое использование моноримов (стихотворений на одну рифму), а также повторение и варьирование одного стиха в каждой строфе, что придавало стихотворению и легкость, и своеобразную формальную изощренность. Первым европейским исследователем, еще в середине XIX в. обратившим внимание на поэзию альхамьядо, был известный русский славист А. Ф. Гильфердинг. Образцы поэзии альхамьядо представлены в сборнике современного боснийского писателя и ученого Алии Исаковича «Жемчуга», Загреб, 1972.

Переводы этой поэзии на русский язык публикуются впервые.

Иван (Дживо) Гундулич (1589—1638).— По традиции, считается центральной и, может быть, наиболее яркой фигурой дубровницкой литературы периода барокко. Родился в Дубровнике, в древнем и прославленном аристократическом семействе. В Дубровнике же без всяких потрясений и жизненных конфликтов прошла и вся жизнь поэта, «смиренно, набожно, невесело», как пишет один из современных исследователей, М. Пантич. Рано стал популярен благодаря любовной, маринистской лирике, вполне в духе

барокко, со всеми ее особенностями, которую, однако, на склоне дней почти целиком уничтожил, раскаиваясь в грехах молодости. И. Гундулич — автор десяти возвышенно-платонических и помпезных мелодрам на античные (через итальянские источники) сюжеты, из которых до нас дошли лишь четыре («Ариадна», «Похищенная Прозерпина», «Диана», «Армида»). В 1622 г. написал лиро-эпическую поэму «Слезы блудного сына», целиком и полностью в традициях барокко, представляющую с точки зрения стихотворной техники вершину его творчества. Поэма неоднократно переиздавалась в XVII—XVIII вв., и по одному из ее изданий с дубровницкой литературой и со славянским стихосложением знакомился, в частности, В. К. Тредиаковский, упомянувший об И. Гундуличе в одной из своих работ. В 1628 г. была поставлена пастораль «Дубравка», где воспевалась вольность Дубровника, этого «гнезда сладкого свободы любезной», и в то же время в аллегорической форме содержались критические, даже сатирические суждения поэта о своих современниках. Творением всей жизни поэта является историко-романтический эпос «Осман», отражающий его раздумья над прошлым, настоящим и будущим славянства, его роли в истории. «Осман» интересен своими лирическими отступлениями, также носящими философско-моралистический характер. И. Гундулич — автор нескольких поэтически слабых и надуманных од: «О величии божьем» и «Во славу Фердинанда II», а также переводов «Покаянных псалмов царя Давида».

Изучением творчества И. Гундулича в течение многих лет занимался советский славист В. К. Зайцев, в 1969 г. выпустивший свой перевод поэмы «Осман» на русский язык (Минск, изд-во «Наука и техника»).

Стр. 295. Д у б р а в к а.— В настоящий том включены отрывки из первого и третьего актов пасторали, героями которой являются влюбленные друг в друга пастух Миленко и вила Дубравка.

...радостно в дубравах...— Имеется в виду Дубровник.

Стр. 296. О с м а н.— Из этой поэмы для настоящего тома взяты фрагменты первой, второй и восьмой песен.

Стр. 298. *Чадо буйное Османов...*— Имеется в виду главный герой поэмы, султан Осман II (1604—1622), свергнутый и убитый во время заговора янычаров.

И в а н (Дживо) Б у н и ч (Вучич) (1591—1658).— Крупнейший поэт-лирик далматинского барокко, чья поэзия с течением времени приобретает более углубленное звучание и новый смысл. Родился в знатной семье дубровницких патрициев, получил всестороннее образование, занимал видные должности в Республике — пять раз избирался ее князем, заседал в Сенате. Удачно выступал и на коммерческом поприще, считаясь одним из богатейших дубровницких горожан. К поэзии относился как к делу второстепенному, сугубо личному, писал стихи исподволь и без спешки, стремясь «к приятности». Лучшая и, видимо, бóльшая часть лирики И. Бунича (около ста сти-

хотворений) собрана в сб. «Безделки», отмеченном благозвучием и легкостью, местами в духе анакреонтической поэзии. Созданная в период расцвета барокко, лирика И. Бунича в общем лишена традиционной барочной пышности и эффектности, отличается искренней простотой и сдержанностью, емкостью поэтической формы. Выступал с элегантными пасторалями и эклогами. Во второй половине жизни в поэзии И. Бунича намечается очевидное влечение к философско-религиозной и дидактической лирике. Поэт скорбит по поводу бренности жизни, осуждает суету «человеков», устремляется «к небу». При жизни И. Бунича двумя изданиями (Анкона, 1630, 1638) выходила его эпическая поэма «Кающаяся Магдалина», для которой характерно своеобразное сочетание эротических и религиозных мотивов.

Стр. 304. *Помрачнение дня...* — 17 декабря 1631 года произошло солнечное затмение.

Юние (Джоно) Палмотич (1607—1657). — Принадлежал к знатному и родовитому аристократическому семейству, давшему Республике немало государственных и литературных деятелей. Воспитывался у иезуитов, получил прекрасное образование. Щеголь и кавалер, поклонник Тассо и Ариосто, широко черпавший из их наследия, он был, по существу, талантливым ремесленником в литературе, выступая с многочисленными произведениями самых различных жанров: от эпических религиозных поэм («Христиада») и эпиталам до похабных сатир. В 20—50-е годы XVII в. в Дубровнике пользовались чрезвычайной популярностью его мелодрамы, которые ставились различными театральными труппами. Незаурядный версификатор, Палмотич тщательно следил за языком своих сочинений, тяготея к сочному и богатому боснийскому наречию.

Владислав (Владж) Менчетич (1617—1666).— Родом из влиятельного, но обедневшего аристократического семейства. По профессии был военным, неоднократно возглавляя по приказу Сената воинские отряды, выступавшие против турок. Немногочисленная лирика В. Менчетича типична для дубровницкой поэзии XVII в. Был также автором эпической поэмы «Трубы славянские» (издана в Анконе в 1665 г.), воспевающей ратные подвиги хорватского полководца Петра Зриньского. До сих пор сохранила свое значение небольшая иронкомическая поэма В. Менчетича «Радоня», отмеченная неподдельной веселостью и сложенная отличным стихом.

Антун Гледжевич (1659—1728).— Происходил из небогатой буржуазной семьи, занимал скромные канцелярские должности. Сравнительно рано тяжело заболел и оставшуюся часть жизни прожил вне службы, испытывая немалые материальные затруднения. Будучи весьма плодовитым, выступал с любовной лирикой, переводил и обрабатывал итальянские мелодрамы — без особого, впрочем, успеха. Однако своеобразный талант А. Глед-

жевича проявился в сатире, острой, зрелой, касавшейся больных мест жизни общества. За свои сатирические стихотворения нередко подвергался различным «обидам и поношениям» со стороны городских властей. Поэтическое наследие А. Гледжевича до сих пор изучено недостаточно; многие сатирические стихотворения разных поэтов до сих пор приписываются ему — без достаточно убедительных оснований. В дубровницкой поэзии XVII в. А. Гледжевич, думается, представлял то народное, остросоциальное ее крыло, к которому в период Возрождения принадлежали такие крупнейшие мастера, как М. Кабога и М. Држич.

Стр. 307. *Игало* — местечко в Далмации к югу от Дубровника.

Город на Плаце — Дубровник. В стихотворении А. Гледжевича осуждаются современные ему модницы, любительницы легкой наживы, в результате своих похождений получившие «французскую» болезнь, то есть сифилис.

Неизвестный автор. — Поэт-сатирик 1-й пол. XVII в. В Дубровнике, как известно, наряду с «высокой» поэзией возвышенных чувств испокон веку существовала другая, богатейшая, народная, живая и непосредственная поэзия, нередко содержавшая в себе все элементы общественной сатиры. Стихотворения такого рода представляли немалую опасность для тогдашних властей, поэтому, как указывают современные исследователи, они в большинстве случаев оставались анонимными: если автора удавалось обнаружить, ему грозило строгое наказание, чаще всего тюрьма. Жители Дубровника по утрам нередко находили на стенах своих домов сатирические листки со стихами, в которых крепко доставалось отцам города. Полиция срывала их, безжалостно уничтожая такого рода сочинения. Поэтому так мало сохранилось до наших дней образцов народной дубровницкой сатиры, которая, вне всякого сомнения, представляла собой одну из важнейших сторон в развитии всей дубровницкой литературы.

Публикуемая небольшая поэма «Торговки-хлебницы», написанная на простонародном жаргоне, представляет собой одну из так называемых «маскерат», стихотворных пьес, которые на улицах и площадях города разыгрывали молодые люди, переодетые, как в данном случае, торговками. Для этой — впервые публикуемой по-русски — поэмы характерно точное воспроизведение деталей быта далматинского города, в ней упоминаются конкретные представители городских властей, которых народ награждал вполне выразительными и недвусмысленными прозвищами.

Игнят Джюрджевич (Джорджич) (1675—1737).— Считается последним крупнейшим поэтом дубровницкой литературы, как бы заключающим ее блистательное, более чем двухсотлетнее развитие. Принадлежал к влиятельному буржуазному семейству Дубровника, которое после землетрясения 1667 г. было причислено к сословию аристократов-патрициев.

Учился в Дубровнике у иезуитов, затем в течение нескольких лет преподавал в иезуитских коллегиях в Италии, а также занимал административные должности в дубровницкой провинции. В 1698 г. (приняв имя Игнят вместо прежнего Никола) вступил в орден иезуитов, из которого вышел спустя почти десять лет и перешел к бенедиктинцам. Занимал высшие церковные должности в бенедиктинских монастырях, конфликтуя время от времени и с духовными и со светскими властями. Неоднократно и подолгу живал в Италии, где были напечатаны его барочная поэма «Стенания кающейся Магдалины» (1728) и «Псалтырь славянский» (1729). Поэт славился своей образованностью и эрудицией.

Книга стихотворений «Песни различные» была создана поэтом преимущественно в молодые годы, однако он возвращался к ней на протяжении всей своей жизни. Это сверкающая, веселая и радостная, достигшая высокого уровня версификации поэзия, в которой отчетливо ощущается влияние и народной лирики, и античных писателей (в частности Овидия). Поэзия И. Джюрджевича очень быстро стала известна в Европе (Италии и Франции), где еще при его жизни появились первые переводы.

Стр. 312. Любовная история.— Это стихотворение под названием «Светляк» было впервые переведено прозой — при посредстве итальянского и французского переводов — русским филологом и переводчиком А. С. Шишковым (журн. «Северная Минерва». СПб., 1832, № 9), который, ссылаясь на мнение французов, назвал поэта «морлавским Анакреоном».

А. Романенко

ДАНИЯ И НОРВЕГИЯ

Поэзия этих двух стран объединена в один раздел потому, что в XVII в. Дания и Норвегия входили в одно государство и в литературе использовался один язык — датский. Объединение это было временным; и до и после этого периода стра́ны существовали отдельно.

Андерс Арребо (1587—1637).— Священник, поэт, родоначальник датской поэзии. Известен как переводчик псалмов, но главный труд Арребо — поэма «Гексамерон» (букв.— «шестоднев»; *греч.*) — вольное переложение поэмы французского поэта Дю Барта (1544—1590); многие части «Гексамерона» написаны самостоятельно. В поэме Арребо рассказывается о шести днях сотворения мира; помещаемый в нашем томе отрывок «Северный олень» взят из части «Шестой день». Поэма написана в стиле позднего Ренессанса — Арребо первым стал вводить в поэзию Дании элементы поэтики Возрождения. «Первый день» написан гекзаметром, остальные части — германским александрийским стихом, который здесь впервые зазвучал на датском языке.

Стр. 317. *Бло.*— Один бло равен семи норвежским милям, одна старая норвежская миля равна примерно 11,3 км.

Томас Кинго (1634—1703).— Крупнейший из датских поэтов XVII в. В его творчестве барочная поэзия достигла своей вершины. Основные произведения Томаса Кинго — псалмы, сборники которых выходили неоднократно при его жизни. «Сборник псалмов Томаса Кинго», изданный в 1699 г., долгое время был очень популярен в Дании. Псалмы Кинго имеют ярко выраженную личностную окраску; они говорят о стремлении мятущейся, страстной души смириться перед властью высших сил. Псалмы у Кинго исполнены волнения и живого чувства, контрастов жизни и смерти, взлетов и падений, сознания изменчивости земного существования. Псалом «Уставший от мира, взыскующий неба» — шедевр Томаса Кинго. Поэт писал также любовные стихи, стихи, адресованные членам королевской семьи и выдающимся людям своего времени.

Педер Дасс (1647—1708).— Первый крупный поэт Норвегии. Был пастором на севере теперешней Норвегии, хорошо знал народную жизнь, что и нашло отражение в его стихах, многие из которых стали народными песнями. Самое значительное произведение Дасса — поэма «Нурланнские трубы», где живо, реалистически, с теплым юмором рассказывается о жизни и природе Нурланна — крупной области, охватывающей северо-запад Норвегии и Лофотенские острова.

Лауридс Кок (1634—1691).— Священник, лингвист, поэт. Автор написанной на латыни грамматики «Introductio ad Lingvam Danicam» («Введение в датский язык»). Среди стихотворений Лауридса Кока большое место занимают стихи, написанные по мотивам датских хроник и преданий,— так называемые «героические песни», самая популярная из которых, о Тюре Данебод, стала первой национальной песней Дании.

Даневирке, о постройке которого идет речь в этой песне,— комплекс оборонительных сооружений на южной границе Дании; он состоял из нескольких укрепленных валов. Очевидно, самая древняя часть Даневирке построена около 808 г., при короле Гудфреде; впоследствии комплекс неоднократно достраивали и укрепляли. В качестве оборонительного сооружения в последний раз он послужил в войну 1864 г. Теперь остатки Даневирке длиной около восемнадцати километров охраняются как исторический памятник и служат объектом археологических изысканий.

Что же касается Тюре и ее участия в строительстве, этот факт исторически не установлен. Существовала королева Тюре, прозванная Данебод (букв.— «помощь» или «опора Дании»), но она была женой Йорма и умерла около 935 г.

Стр. 322. *Венды.*— Так германские народы называли западных славян, населявших некогда Восточную Германию. Остатки этих славян в наше время — лужицкие сербы.

Фюн, *Лолланн*, *Шелланн* (иначе Зеландия) — острова, на которых расположена Дания; *Юлланн* (иначе Ютландия) — полуостров.

Гедсер—город на острове Фальстер, входящем в состав Дании.

Стр. 323. *Гульдборг* — пролив между Лолланном и Фальстером.

Эресунн — пролив между островом Шелланном и Сконе.

Моратсет, *Сли*, *Холлингстед*, *Калегат* — пункты, между которыми возводили вал Даневирке.

Сконцы — жители Сконе, исторической области на юго-западе Швеции; Сконе была пограничной областью между Швецией и Данией и объектом их борьбы; в период раннего средневековья принадлежала Дании.

Стр. 324. *Фавн* — мера длины, около 1,9 метра.

Даневирке — букв.: «датское дело».

Анонимные произведения.— «Песня ночных сторожей» впервые была обнаружена в «Копенгагенском уставе 1683 года», она состояла из куплетов, охватывавших стражи с девяти вечера до четырех утра. В 1731 и 1748 годах к ней прибавились куплеты «Восемь часов» и «Пять часов».

И. Бочкарева

ИСЛАНДИЯ

Исландская поэзия стоит особняком в ряду европейских поэзий. Историческая и географическая изолированность страны и малочисленность населения отразились на ее языке и литературе. Исландский язык со времен заселения острова изменился так мало, что современный исландец без труда читает тексты XIII в. С другой стороны, население Исландии всегда было почти поголовно грамотным. И наконец, третье — едва ли не каждый исландец писал стихи. Таким образом, исландская поэзия издавна была в этом смысле слова народной, а также и в том, что издревле она была письменной, и эта письменная поэзия была достоянием всего населения страны.

Все это привело к поразительной развитости и устойчивости традиций стихосложения. Ни в одной стране Европы нет такого количества сложных застывших стихотворных форм, как в Исландии. В этом отношении поэзия Исландии избегала заметных влияний вплоть до XIX в. С XIV в. здесь распространился жанр баллады, по образцу датских средневековых баллад. В XVI в. появились лютеранские гимны и псалмы. Этим и ограничиваются жанровые заимствования в исландской поэзии к XVII в.

Стр. 329. Баллада о Тристраме.— Эта баллада дошла до нас в рукописи конца XVII — начала XVIII в. Она представляет собой переложение широко известной легенды о Тристане и Изольде. Написана одним из традиционных для исландской поэзии размеров.

Как с язычником-собакой в бою Тристрам...— Имеется в виду последний бой Тристана.

Тристрам, *Изота* — варианты имен «Тристан» и «Изольда».

...Изоты светлой... — то есть Белокурой.

Стр. 330. *...на древе вод...* — на корабле.

Черная Изота — жена Тристана, иначе называемая Изольда Черная.

Бьярни Йоунссон (1574/1575?—1655).— Крестьянин, первый выдающийся народный поэт XVII в. Известны его сатирические стихи и «нескладухи» («Öfugmaeli») — этот жанр широко распространен в Исландии.

Стр. 332. *Челн троллей*, *божественный мед*, *песенная лодка* — метафорические обозначения поэзии.

Хадльгримур Пьетурссон (ок. 1614—1674).— Выдающийся исландский поэт. Был священником. Основоположник исландской профессиональной поэзии. Писал эпиграммы, светские и сатирические стихи, стихи на темы из национальной истории, но особенно известен как автор псалмов, которые неоднократно переиздавались и переведены на несколько языков.

Стр. 333. Нравы века.— Самое знаменитое сатирическое стихотворение Пьетурссона.

Стр. 334. *Валькирии* — в германской мифологии воинственные девы, определявшие, кому из воинов предстоит пасть в битве, и уносившие павших в Вальгаллу — роскошный дворец, где пируют боги.

Стр. 335. *Конь троллей* — волк.

Стр. 339. О неправедном суде Пилата.— Этот псалом интересен не столько переложением евангельского эпизода, сколько чисто исландскими реалиями и отношением автора к современной ему жизни.

Стр. 340. *Ахан* — воин Иисуса Навина, укравший из добычи при взятии Иерихона золото, заповеданное богу (Книга Иисуса Навина).

Стр. 343. *Пивная песня* — жанр, традиционный для Исландии.

Стефаун Оулаффсон (ок. 1620—1688).— Священник и поэт. Перевел на исландский язык псалмы Т. Кинго (см. раздел поэзии Дании и Норвегии), но больше известен как автор лирических и сатирических стихов.

И. Бочкарева

Луис де Гóнгора-и-Арготе (1561—1627).— Один из крупнейших поэтов Испании. Родился и вырос в эпоху глубокого национального кризиса, ощущавшегося тем более остро, что всеобщий упадок последовал за эпохой расцвета испанской государственности и культуры. Гонгора первым откликнулся на вопросы, поставленные эпохой, и предложил свою реформу поэтического стиля, получившую название «гонгоризма». Под его непосредственным влиянием или в полемике с поэтической практикой и теорией Гонгоры протекала целая эпоха в развитии испаноязычной поэзии.

Студент Саламанкского университета, затем священник (с 1585 г.), он провел значительную часть жизни в родном городе Кордове. Первые его стихи были опубликованы в 1580 г.; современники хорошо знали творчество Гонгоры по многочисленным спискам произведений, ходившим по рукам. Первый сборник гонгоровских стихов—«Собрание в стихах испанского Гомера» — вышел в год смерти поэта, а полное собрание поэтических произведений осуществлено в 1633—1634 гг. Устоявшаяся точка зрения, согласно которой творчество поэта отчетливо делится на два периода — «ясного стиля» до 1610 г. и «темного стиля» позднее, была отвергнута в XX в., поскольку исследования показали, что сознательное смешение поэтических стилей, проблематизация собственного художественного решения, смелое увеличение словаря поэзии за счет латинизмов и неологизмов, решительное преобразование синтаксиса присущи поэзии Гонгоры на всех этапах, а его пристрастие к традиционным формам стиха — романсам, летрильям, сонетам — легко отметить и после 1616 г. Есть, правда, основания считать, что некое принципиальное изменение в творчестве Гонгоры связано с жанром большой поэмы («Полифем», «Уединения») и произошло в 1612—1613 гг.

Поэтический авторитет Гонгоры был очень велик. Среди его поклонников мы находим Сервантеса, который с похвалой отозвался о нем в «Галатее» (1584). Множество эпигонов разрабатывали провозглашенные Гонгорой принципы, доводя их порой до абсурда. Среди литературных его врагов мы находим Лопе де Вега и Франсиско Кеведо, которые, однако, и сами не вполне избежали влияния гонгоровской поэтики. Критика со стороны Лопе и Кеведо, а также вырождение гонгоризма привели к тому, что с начала XVIII в. Гонгору считали «темным», «заумным» поэтом элитарного толка, и влияние его преодолевалось в рамках испанского классицизма. Активный интерес к творчеству Гонгоры пробудился лишь в конце XIX в. во Франции, а в начале XX в.— и в Испании. Отмечая трехсотлетний юбилей со дня смерти поэта, испанские литераторы младшего поколения (Х. Диего, Ф. Гарсиа Лорка, Д. Алонсо) призвали к новому осмыслению опыта Гонгоры.

Стр. 346. «Ты, что целишься так метко...» — романс 1580 г.

...Мстишь за мать свою, богиню...— То есть богиню любви Венеру.

Стр. 347. *...Десять лучших лет ей отдал...*— Строка показывает, что романс — чисто литературное упражнение и никакой биографической основы не имеет, поскольку поэту в момент его создания было всего девятнадцать лет.

Башню в пустоте возвел я...— Намек на библейский миф о строительстве Вавилонской башни и последовавшем затем «смешении языков».

Стр. 347. «Г д е б а ш н я К о́ р д о в ы г о р д о й...» — Романс 1581 г.

Алкион влюбленный.— Имя «Алкион» выбрано поэтом, вероятно, в связи с тем, что оно означало чайку (или зимородка), которая в греческой мифологии считалась символом постоянства в любви.

Стр. 349. П а с х а д е в у ш к а м м и л а, д а п р о ш л а! — Романс 1581 г.

...словно гарпии, уносят // наши яства со стола — Гарпии — первоначально богини вихря в греческой мифологии; позднее их стали изображать в виде крылатых чудовищ, птиц с девичьими лицами — такими они являются в сказании об аргонавтах, где мучают слепого фракийского царя Финея, похищая и оскверняя его пищу.

Стр. 351. И с п а н е ц и з О р а н а.— Романс написан в 1585 г. и посвящен, наряду с другими произведениями Гонгоры, походам испанцев в район нынешнего Алжира. Там в 1509 г. ими был завоеван город Оран.

Стр. 352. *Вождь флотилии корсарской, // Мой отец погиб в сраженье...*— На протяжении всего XVI в. испанцам пришлось вести изнурительную борьбу с пиратами, основавшими при поддержке Турецкой империи несколько баз на побережье, откуда они совершали рейды на города Пиренейского полуострова.

Тлемсен — крупный торговый город неподалеку от Орана, в сорока шести километрах от побережья.

Мелионезцы.— Так называли население долины Мелиано между Тлемсеном и Ораном. Считалось, что жители Мелиано — потомки мавров, изгнанных из Испании во время Реконкисты.

Золотой стрелой во мне он...— Золотая стрела — обязательный атрибут Амура. От этих стрел не был защищен никто, даже боги *(римск. миф.)*.

Стр. 353. Р о м а н с о б А н х е л и к е и М е д о р о (1602).— Написан по мотивам известного эпизода о любви китайской принцессы Анжелики и пастуха Медоро из XXIII песни поэмы Ариосто «Неистовый Роланд». Фрагмент из этой же сцены позднее выбрал для перевода А. С. Пушкин.

Стр. 354. *...доняла алмаз Катая.*— То есть Анхелику; под именем «Катай» Китай был известен европейцам со времен Марко Поло.

Стр. 355. *...первой страсти Адониса // и второй тщеты Арея.*— Имеется в виду богиня любви и красоты Афродита (Венера).

Стр. 356. *...от Орландовой десницы!..*— То есть от гнева графа Роланда, влюбленного в Анжелику, который в поисках ее набрел на хижину и поляну, где обнаружил свидетельство взаимной страсти Анжелики и Медора.

Стр. 357. «П о е т А л к и н о й — и п л а ч е т...» — Романс написан в 1602 г.

Гвадиана — река в Андалусии.

Стр. 357. «Девица, и статью и ликом красна...»—Романс 1580 г.

Стр. 359. Фортуна.— Стихотворение написано в 1581 г. в жанре летрильи, то есть послания. Примыкает по теме к весьма давней традиции описания судьбы, ее изменчивости и превратностей.

Санбенито — в данном случае доска, которую инквизиторы выставляли подле храма; на ней писали имя грешника и присужденное ему наказание.

Стр. 363. Был бы в сытости живот... — Летрилья 1581 г.

Стр. 364. «Куль я видел у меня лы...» — Летрилья 1593 г.

Стр. 366. «Над рекой горянки пляшут...» — Романс 1603 г.

Стр. 368. «О влага светоносного ручья...» — Сонет написан в 1582 г. и считается подражанием Тассо.

...с трезубцем в длани мрачный властелин.— Имеется в виду античный бог морей Посейдон-Нептун.

Стр. 368. «Как зерна хрусталя на лепестках...» — Сонет написан в 1582 г.

Стр. 369. «От горьких вздохов и от слез смущенных...» — Сонет написан в 1582 г.

Алкид — Геракл; ему посвящены были олива, серебристый тополь (часто упоминается в стихах Гонгоры) и плющ.

Стр. 369. «Я пал к рукам хрустальным...» — Сонет написан в 1582 г. В одном из списков есть эпиграф: «Солнцу, потому что оно взошло, когда я был с дамой и мне трудно было ее оставить».

...за сыном вслед пусть небо с высоты // тебя низринет...— С небес па землю, по греческим мифам, был низринут Фаэтон, сын бога солнца Гелиоса; Фаэтон занял место отца в солнечной колеснице и повел ее столь близко к Земле, что угроза пожара заставила Зевса молнией поразить Фаэтона.

Стр. 370. «Пока руно волос твоих течет...» — Сонет написан в 1582 г. Тематическая параллель (недолговечность цветка и быстротечность человеческой жизни) сближает этот сонет с плодотворной традицией античной и средневековой поэзии. В Испании эта тема была особенно популярна в связи с влиянием Горация, и ее разрабатывали многие — как предшественники Гонгоры, так и позднейшие поэты.

Стр. 370. «В озерах, в небе и в ущельях гор...» — Написано в 1583 г. Считается, что здесь Гонгора переложил на испанский язык сонет итальянского поэта Луиджи Грото (1541—1585), слепого от рождения.

Стр. 371. «Кость Ганга, мрамор Пароса, блестящий...» — Сонет написан в 1583 г. и считается подражанием Ариосто.

Кость Ганга, мрамор Пароса...— То есть слоновая кость из Индии и мрамор особо высокого качества с острова Парос в Эгейском море.

Клори — поэтическое имя, которое фигурирует во многих стихах Гонгоры. Современники отождествляли Клори либо с доньей Каталиной де ла Серда, либо с доньей Бриандой де ла Серда.

...мой сладкий враг...— Строка из четверостишия итальянского поэта-импровизатора Серафино Аквилано (1466—1500), которое было также использовано Сервантесом в «Дон-Кихоте» (часть II, глава 38).

Стр. 371. «З о в у щ и х у с т, к о т о р ы х с л а щ е н е т...»— Вольный перевод сонета Тассо; написан в 1584 г.

Ганимед — мальчик, похищенный богами за необычайную красоту и взятый на небо, где он стал виночерпием Зевса-Юпитера.

Огонь пурпурных роз, благоуханье // их бисерной росы, что будто пала // с сосцов самой Авроры...— Сближение роз, росы и Авроры не случайно, поскольку богиня зари — свидетельница зарождения розы из пены Афродиты. Традиция часто изображала Аврору с сосудами для сбора росы.

...яблоки Тантала...— То есть плоды, которые, согласно греческому мифу, ускользали от рук Тантала, мучимого жаждой и голодом в подземном царстве; символ близости и недоступности желанной цели.

Стр. 372. «Н е с т о л ь с м я т е н н о о б о й т и у т е с...» — Сонет написан в 1584 г.

Стр. 372. «В ы, о д е р е в ь я, ч т о, н а д Ф а э т о н о м...» — Один из многих сонетов, посвященных Гонгорой белым тополям; написан в 1584 г. Здесь имеются в виду Гелиады, сестры Фаэтона, которые так горестно оплакивали гибель брата, что боги превратили их в тополи, а их слезы стали янтарем.

Стр. 373. «О К о́ р д о в а! С т о б а ш е н н ы й ч е р т о г!..»— Сонет, написанный в 1585 г., посвящен родному городу поэта.

...где средь чужого края // течет Хениль, руины омывая...— То есть в Гранаде, которая стоит на берегу реки Хениль и была сильно разрушена и запущена после изгнания арабов в 1492 г.

Стр. 373. «В е л и ч е с т в е н н ы е с л о н ы — в е л ь м о ж и...» — Сонет написан в 1588 г. Слоны упоминаются здесь потому, что в 1581 г. губернатор острова Явы прислал в дар Филиппу II слонов и носорога.

Стр. 374. Н а Х р и с т о в о р о ж д е н и е.— Сонет написан в 1600 г.

Стр. 374. Н а п о г р е б е н и е г е р ц о г и н и Л е р м с к о й.— Сонет написан в 1603 г. в связи со смертью супруги герцога де Лерма (ок. 1555—1625), бездарного государственного деятеля, корыстного фаворита Филиппа III; ему посвящено несколько стихотворений Гонгоры.

Феникс.— Имя этой сказочной птицы, по традиции, связывалось с Аравией, откуда, согласно мифу, она прилетала раз в пятьсот лет в Египет, место культа Феникса.

Стр. 375. «В а л ь я д о л и д. З а с т а в а. С у м а т о х а!..» — Сонет написан в 1603 г. и связан с перемещением в 1601 г., по настоянию герцога де Лерма, столицы Испании из Мадрида, где население роптало в связи

с расточительной и корыстной политикой двора, в Вальядолид. Через пять лет столица была возвращена в Мадрид.

Дон Дьего — Диего де Айала, чиновник, у которого обязаны были отмечаться все приезжавшие в то время в Вальядолид.

Чего здесь нет, в испанском Вавилоне... — Вавилон — символ греха и безнравственности, как часто в христианской традиции (ср. Апокалипсис, XVII).

Стр. 375. Послание Лопе де Вега.— Сонет приписывается Гонгоре и адресован великому поэту и драматургу Лопе де Вега. Этот сонет — один из многих образцов ожесточенной и безжалостной полемики между Гонгорой и его противниками в литературе. Упоминаемые произведения «Анхелика», «Аркадия» и «Драгонтея» принадлежат Лопе де Вега.

На четырех наречьях околé... // несешь ты... — Намек на сонет CXCV из сборника «Рифмы» Лопе де Вега, написанный на испанском, португальском, итальянском и латыни.

...шестнадцать книг... и озаглавил их «Иеруса... — Очень интересно здесь упоминание поэмы «Иерусалим» в шестнадцати книгах — таково было обещание Лопе в прологе к «Рифмам». Эта поэма вышла в 1609 г. и делилась на двадцать песен. Таким образом устанавливается приблизительная датировка этого сонета Гонгоры: 1604—1609 гг.

Стр. 376. «В могилы сирые и в мавзолеи...» — Сонет написан в 1612 г.

Стр. 376. Надпись на могилу Доменико Греко.— Сонет 1515 г. посвящен великому живописцу Доменико Теотокопулосу по прозвищу Эль Греко (ок. 1540—1614).

Ирида — богиня радуги, *Морфей* — бог сновидений, *Феб* (блистающий) — Аполлон, божество солнечного света, покровитель поэзии в греческой мифологии.

Древо савское — очевидно, ладанное дерево, привозимое из Аравии (местоположение легендарного Савского царства).

Стр. 377. «Сеньора тетя! Мы стоим на страже...» — Сонет написан в 1614 г. и связан с нападением арабов, осадивших в это время город Мамору в Андалусии.

Стр. 377. «Доверив кудри ветру, у ствола...» — Сонет написан в 1621 г.; в одном из вариантов он предварялся посвящением: «Даме, которую во время сна пчела ужалила в рот».

Стр. 378. О старческом изможденьи, когда близится конец, столь вожделенный для католика.— Сонет написан в 1623 г.

Стр. 378. Наисиятельнейшему графу-герцогу.— Сонет написан в 1623 г. незадолго до смерти, когда больной Гонгора остро переживал денежные затруднения (приняв священнический сан, поэт уступил права наследства младшему брату и с тех пор жил лишь на свое жалованье). Сонет

посвящен графу-герцогу Оливаресу (1587—1645), всесильному фавориту Филиппа IV (изображен на знаменитом портрете Веласкеса).

В часовне я, как смертник осужденный, // собрался в путь...— Намек на королевскую часовню, где Гонгора с 1617 г. был капелланом, и на твердое решение поэта оставить Мадрид и вернуться в родную Кордову.

Стр. 379. О д о л г о ж д а н н о й п е н с и и.— Как и предыдущий сонет, написан в 1623 г.

Стр. 379. Т щ е с л а в н а я р о з а.— Принадлежность этого сонета Гонгоре оспаривается, поскольку его нет ни в одной из рукописей поэта.

К р и с т о б а л ь д е М е с а (1561—1633).— Поэт, священник. Много путешествовал по Италии, где познакомился с Т. Тассо. Переводил античную поэзию (Вергилий, Гомер). В оригинальной его поэзии преобладают длинные поэмы на исторические темы — «Лас Навас де Толоса» (1594), «Восстановление Испании» (1607). Свои лирические стихотворения под общим названием «Рифмы» Меса опубликовал вместе с эпопеей «Покровитель Испании» в 1612 г.

Б а р т о л о м е Л е о н а р д о д е А р х е н с о л а (1562—1631).— Поэт, прозаик, гуманист, заслуживший у современников прозвище «испанского Горация». Учился в университетах Уэски, Сарагосы и Саламанки. Первые стихи опубликовал в 1578 г. В следующем году принял монашеский сан. В 1609 г. он написал прозой «Историю завоевания Молуккских островов». Через год вице-король Неаполя герцог де Лемос взял его к себе секретарем. В 1615 г. Архенсола перебрался в Рим, где получил от папы назначение в епископат Сарагосы. В 1618 г. опубликовал первую часть «Истории народных мятежей в Сарагосе в 1591 г.». На протяжении всей жизни писал лирические стихотворения и — наряду со своим братом, Луперсио Леонардо де Архенсола,— заслужил высокую похвалу Лопе де Вега.

Х у а н д е А р г и х о (1567—1622/23?).— Поэт севильской школы, меценат, занимал пост рехидера в Севилье. Автор блестящих сонетов, Аргихо выбирал для стихов преимущественно темы античности; подражал Горацию.

Стр. 383. *Покорная напевам Амфиона, // сама росла Троянская стена...*— Среди легендарных музыкантов древности Аргихо выбрал Амфиона, одного из Диоскуров; под звуки его кифары камни складывались в стену вокруг Фив *(греч. миф.)*. Троянская стена упоминается в данном сонете в контексте сближения разных мифов, поскольку Амфиону поэт приписывает подвиги иных героев-музыкантов, в частности — Орфея.

Р о д р и г о К а р о (1573—1647).— Гуманист, археолог и поэт севильской школы. Он учился в Осуне и, вероятно, в Севилье; принял сан священника и занимал высокие церковные посты. Среди его друзей было много писателей (Риоха, Кеведо и др.). Каро занимался археологией и изучением

древностей, ему принадлежит известный труд «Древности Севильи» (1634). Литературной славой обязан знаменитой поэме «Руинам Италики». После него осталось также собрание сонетов и переводы классиков.

Стр. 383. *...Италикой в иные времена, // колонией победной Сципиона...*— Италика — римская колония на юге Испании, основанная в 207 г. до н. э. Публием Корнелием Сципионом. Считалась родиной нескольких римских императоров — *Траяна*, *Адриана* и *Теодосия*. *Силий* Италик — римский поэт I в., автор эпопеи в духе Вергилия о II Пунической войне.

Стр. 384. *...все — жертва Немезидовой десницы...*— Немезида — богиня возмездия у греков; здесь символ неумолимого времени.

Стр. 385. *...и плод Минервы — мудрые Афины...*— Поэт использовал римское имя богини Афины, чтобы избежать тавтологии.

Геронсий — мученик I в., считался первым епископом Италики, его день в святцах — 25 августа, что, вероятно, указывает на приблизительную дату написания стихотворения.

Антонио Мира де Амескуа (или Мескуа) (между 1574 и 1578 —1640).— Поэт и драматург. Учился в университете Гранады каноническому праву; доктор теологии. Занимал различные государственные должности, служил в 1606—1616 гг. секретарем у вице-короля Неаполя герцога де Лемос, позднее стал капелланом у принца Фернандо Австрийского. Был известен прежде всего как автор многих комедий и ауто в стиле Лопе де Вега. Из его лирических стихотворений сохранились канцоны, сонеты, десимы, кинтильи, поэма «Актеон и Диана», басня «Стрекоза и Муравей». Под влиянием Мира де Амескуа написаны некоторые из драм Кальдерона.

Ортенсио Феликс Парависино-и-Алиага (1580—1633).— Проповедник, прозаик, драматург и поэт. Учился в иезуитском колледже Оканьи, потом в университетах Алькала-де-Энарес и Саламанки. В 1600 г. стал монахом ордена тринитариев. Его сочинения — характерный образец религиозного красноречия в эпоху барокко. Парависино цитировали Лопе де Вега и Кеведо, Кальдерон высмеивал его, Грасиан превозносил. Сохранился его портрет работы Эль Греко, которому Парависино посвятил четыре сонета. Тринитарии издали сочинения Парависино в 1641 г.— «Посмертные произведения, религиозные и светские». В позднейшем издании (1650) были опубликованы также комедия «Гридониа, или Небо отмщенной любви», а также лоа «Предложенная одной придворной дамой для праздника, устроенного королевой и ее фрейлинами».

Франсиско де Кеведо-и-Вильегас (1580—1645).— Крупнейший испанский сатирик XVII в. Принадлежал к знатному роду; после окончания университета в Вальядолиде находился при дворе, где прославился остроумием, ученостью и язвительными сатирическими стихами. В 1611 г. после дуэли вынужден был покинуть родину, участвовал в итальян-

ских походах. В Испанию он вернулся лишь после смерти Филиппа III, в 1621 г., а через два года получил почетный пост королевского секретаря, но в 1639 г. был обвинен в сочинении памфлета против короля и его любимцев, арестован и провел в тюрьме четыре года. Он вышел оттуда больным и вскоре умер.

Как поэт, Кеведо был яростным противником Гонгоры. Чтобы противодействовать популярности гонгоризма, он опубликовал собрания стихов поэтов «золотого века» (напоминая, очевидно, о классической норме поэзии) — Луиса де Леон и Франсиско де ла Торре. Кеведо трагически переживал упадок страны, всеобщее разложение нравов, царившие в обществе корыстолюбие и эгоизм. Его летрильи, романсы, сатирические сонеты окрашены резким чувством горечи и отвращения. Лишь любовные сонеты составляют исключение: в них Кеведо не беспощаден, а полон печали. Однако и в его любовной лирике образ смерти и разложения встречается весьма часто.

Стр. 392. *Леандром новым...*— Леандр каждую ночь переплывал пролив Геллеспонт, чтобы встретиться с возлюбленной *(греч. миф.)*.

Икар — сын легендарного строителя и художника Дедала, который изготовил ему крылья из перьев, скрепленных воском; в полете Икар слишком высоко поднялся — солнце растопило воск, и Икар упал в море.

Феникс — см. прим. к с. 374.

Мидас — фригийский царь, славившийся невероятным богатством *(греч. миф.)*.

Тантал — см. прим. к с. 371.

Стр. 396. *Актеон* — мифический охотник; увидел купающуюся Диану-Артемиду, богиню-деву; разгневанная Диана превратила его в оленя, и собаки Актеона растерзали его на части.

Эфесская охотница...— В Эфесе существовал знаменитый храм Артемиды-Дианы; в этом городе культ богини был особенно развит.

...когда знойный небосвод // на Пса направил солнечные жала...— То есть когда лучи солнца освещали созвездие Пса — в полдень.

Нарцисс — прекрасный юноша, увидевший, согласно греческому мифу, свое отражение в воде и влюбившийся в самого себя.

Стр. 397. *...пернатых струн // своим касаясь... плектром пьяным...*— Плектр (или плектрон) — пластинка из дерева, кости или металла, которой играющий на струнных греческих инструментах задевал за струны; в поэтическом языке — синоним вдохновения.

Стр. 398. *Ты не по консулам считаешь годы...*— В Древнем Риме консулов избирали сроком на один год, начиная с января.

Стр. 400. *Препоручи же зеркало Венере...*— Намек на модный в то время обычай стареющих красавиц посвящать свои зеркала Венере.

...чем воитель Сид в бою.— Сид — Родриго Руй Диас де Бивар, прозванный Воителем (ок. 1030—1099),— национальный герой Испании (см. 10-й т. БВЛ).

Луис Каррильо де Сотомайо́р (1585 или 1586—1610).— Поэт. Офицер галерного флота. Сын государственного деятеля при дворе Филиппа III; учился в Саламанке. В 1609 г. участвовал в операциях против восставших морисков. Его стихи были собраны братом поэта и изданы в 1611 г. Через два года семья снова опубликовала сочинения Каррильо де Сотомайора, исправив ошибки предыдущего издания. Кроме сонетов, романсов, песен и поэмы «Акид и Галатея», ему принадлежат переводы из Сенеки и Овидия, а также трактат «Книга о поэтической эрудиции», в котором — прежде Гонгоры — провозглашены важнейшие принципы «темной» поэзии. Один из них сформулирован так: «Поистине ошибается тот, кто думает, будто плоды Поэзии созревают для черни».

Стр. 403. *...кто Пегасом был во время оно...*— Пегас— крылатый конь в греческой мифологии.

Стр. 404. *Аргус* — см. прим. к с. 63.

Самсон — наделенный невероятной силой библейский герой, который совершил ряд подвигов в войне против филистимлян; предательница Далила узнала, что сила Самсона в его волосах, и, пока он спал, отрезала их. Самсон попал в плен к филистимлянам, и они присудили его к ослеплению.

Тот, что врата вознес на горный склон...— Имеется в виду один из подвигов Самсона по Библии (Книга Судей Израилевых, XVI).

Стр. 405. *Бетис* — древнее название реки Гвадалквивир в Андалусии.

Поющий у Леванта на груди...— В Испании Левантом называют юго-восточную часть страны, где протекает Гвадалквивир.

...царь с трезубцем (как и *царь седовласый* ниже) — Нептун, бог моря.

Стр. 406. *Эбро* — река, протекающая на северо-востоке Испании; уроженец Андалусии, поэт противопоставляет две реки — Эбро и Бетис-Гвадалквивир — и две области страны.

Тисба.— Имеется в виду античный миф о Пираме и Тисбе, обработанный Овидием; решив, что Тисба погибла, Пирам покончил с собой; увидев мертвого Пирама, Тисба умирает.

Хуан де Тассис-и-Перальта, граф Вильямедиана (1582—1622).— Поэт, драматург и солдат. Ученик гуманистов, восторженный последователь Гонгоры. После окончания курса в Саламанке служил при дворе, приобрел скандальную известность как карточный игрок, за что в 1608 г. был сослан. Участвовал в итальянских походах и вернулся в Испанию лишь в 1617 г., но за сатирические стихи против влиятельных при дворе лиц был снова сослан и опять вернулся ко двору в 1621 г. Через год при загадочных обстоятельствах поэт был убит в Мадриде. Его подражание Гонгоре ощущается больше в поэмах на мифологические сюжеты («Фаэтон», «Венера и Адонис»); в малых формах Тассис-и-Перальта самостоятельней.

Х у а н Мартинес д е Х а у р е г и (1583—1641).— Художник и поэт. Родился в Севилье, жил в Мадриде. Яростный противник Гонгоры («Противоядие от заразной поэзии Уединений», «Поэтический трактат»). Много занимался переводами («Фарсалия» Лукана, «Аминта» Т. Тассо). В своих поэмах, однако, не сумел избежать влияния гонгоризма — «Орфей» (1624).

Стр. 407. *...она познала жар // безбрежной страсти неба...*— Здесь поэт в духе мифологии отождествляет землю с женским началом, а небо — с мужским.

Стр. 408. *Эвр* — в греческой мифологии бог восточного ветра. *Нот* — бог южного ветра, приносивший туманы и дожди.

...сокровища индейских стран // в Иберию...— Имеются в виду сокровища, привозимые тогда из американских колоний в Испанию (Иберия — древнее название Пиренейского полуострова).

Ф р а н с и с к о д е Р и о х а (1583—1659).— Поэт севильской школы. Близкий друг графа-герцога Оливареса, он был в годы его правления библиотекарем Филиппа IV, хронистом Кастилии и чиновником инквизиции в Испании. В 1643 г. Риоха сопровождал Оливареса в изгнание и вернулся лишь после смерти покровителя (1654) в Севилью, а затем в Мадрид. Наиболее удачные из его стихотворений написаны в форме «сильвы» или сонета. Поэтический мир Риохи озарен тонким чувством природы, многие из его стихотворений посвящены теме времен года или обращены к растениям. Исследователи отмечают в лирике Риохи определенное влияние Горация.

Стр. 413. *Борей* — бог северного ветра у древних греков.

Гвадиамара — река в Андалусии.

Стр. 414. *...и пламенная кровь, что полнит вены // богини, из морской рожденной пены...*— В греческой мифологии роза сотворена из той же пены, из которой родилась Афродита, богиня любви.

Л у и с д е У л ь о а - и - П е р е й р а (1584—1647).— Поэт и прозаик; занимал пост коррехидора. Состоял в дружбе с графом-герцогом Оливаресом и дал ему приют у себя, когда фаворит попал в опалу. В прозе он написал интересные «Литературно-семейные воспоминания». Поэтические его произведения, изданные в 1674 г., включали любовные сонеты, песни, эклоги, а также сонеты, обращенные к Оливаресу. Целый раздел в книге отведен стихам на религиозные темы. Большой известностью пользовалась поэма Ульоа Перейры «Ракель» (1650), написанная «королевской октавой», о любви короля Альфонса VIII к еврейской красавице. В целом его творческие принципы были близки к поэтике гонгоризма.

П е д р о С о т о д е Р о х а с (1584—1658).— Поэт гранадской школы. Учился в университете Гранады, принял священнический сан. Жил некоторое время в Мадриде, где познакомился с Лопе де Вега и Гонгорой, и

в Севилье; был чиновником инквизиции; с 1616 г. стал каноником одной из церквей в родном городе — Гранаде. Первые стихи Сото де Рохаса стали известны в 1612 г., когда он участвовал в заседаниях одной из поэтических академий Мадрида. Там же он опубликовал «Трактат о поэтике», написанный в духе гонгоризма. Долгое время творчество Сото де Рохаса было забыто, но в начале XX в. его стал страстно популяризировать Ф. Гарсиа Лорка, который особенно хвалил поэму «Рай, закрытый для многих, сад, открытый для избранных» (1652), написанную в духе медитаций о созданиях природы и человека как символах красоты и величия бога, традиция которых восходит — через поэзию Луиса де Гранады — к неоплатонизму средневековья. Кроме того, Рохас написал поэму «Лучи Фаэтона» (1639) и «Стихи о разочаровании в любви» (1623), откуда взято приводимое стихотворение «Ад любви в сердце».

Эстебан Мануэль де Вильегас (1589—1669).— Поэт и гуманист. Учился в Саламанке. После женитьбы и рождения семерых детей жил бедно, вынужден был работать судебным писцом в провинции. В поэзии подражал Анакреонту и Катуллу (сб. стихов «Эротикас», 1618). Переводил Горация. Много работал над развитием метрики испанского стиха. За неосторожные высказывания по вопросам веры был арестован и судим инквизицией, которая приговорила поэта к четырем годам ссылки. Отбывая срок, Вильегас сделал один из лучших переводов на испанский язык трактата Боэция «О философском утешении». Вильегас, вероятно, единственный из поэтов XVII в., которому активно подражали в XVIII в.

Педро Кальдерон де ла Барка Энао де ла Баррера-и-Рианьо (1600—1681).— Поэт, драматург. Учился у иезуитов в Мадриде, потом в университетах Алькала-де-Энарес (1614), Саламанки (1615—1620). Первую комедию в стихах сочинил между 1623 и 1625 гг. Позднее воевал в Италии и Фландрии. Был посвящен в рыцари ордена Калатравы. В 1640—1642 гг. участвовал в военных действиях в Каталонии и проявил немалую храбрость. В 1651 г. принял монашеский сан, с 1653 г.— королевский капеллан в Толедо. По возрасту и творческим устремлениям он относится к поколению художников Веласкеса и Мурильо, которое так много значило в истории испанской культуры. Драматический поэт, Кальдерон оставил комедии, драмы, ауто. Стих его — емкий, необычайно гибкий (в традиции Лопе де Вега, у которого Кальдерон, несомненно, на первых порах учился) и всегда напряженный силой мысли. Философская лирика кальдероновских драм остается непревзойденной в испанской поэзии.

Стр. 417. «Нет, меня не веселит...» — Фрагмент из драмы «Стойкий принц» (д. I, явл. 3), которая написана в 1629 г. и впервые напечатана в 1640 г.

Стр. 417. Наставленья Педро Креспо сыну.— Фрагмент из драмы «Саламейский алькальд» (д. II, явл. 15); время ее создания оп-

ределяется приблизительно между 1640 и 1645 гг.; первая публикация в 1651 г. Это одна из самых демократичных по духу пьес Кальдерона. Приводимый фрагмент весьма напоминает наставления Дон-Кихота Санчо Пансе из романа Сервантеса.

Стр. 419. Слепец.— Фрагмент из драмы «Ересь в Англии», написанной около 1634 г. и впервые напечатанной в 1684 г.

Стр. 420. Щедрость.— Фрагмент из драмы «Знание добра и зла» (д. I, явл. 12); пьеса датируется между 1625 и 1627 гг., напечатана впервые в 1636 г.

Терпандр — древнегреческий поэт (VIII в. до н. э.).

Александр.— Имеется в виду Александр Македонский (356—323 гг. до н. э.). Анахронизм здесь объясняется тем, что Кальдерон опирался на легендарную традицию, для которой очень характерны диалоги типизированных «царя» и «мудреца», не имеющих прямого отношения к реальной истории.

Стр. 420. Презренье к славе.— Фрагмент из драмы «Ересь в Англии».

Стр. 421. Утешение.— Монолог Росауры из драмы «Жизнь есть сон» (д. I, явл. 3), которая написана в 1631—1632 гг. и впервые опубликована в 1636 г. Источником фрагмента обычно называют книгу Хуана Мануэля «Граф Луканор» (пример X), куда эта история могла попасть из многих средневековых источников. Однако более вероятно, что — наряду с книгой Хуана Мануэля — источником для Кальдерона послужил анекдот из жизнеописания Абд ал-Рахмана ибн Марван ал-Ансари ал-Канази ал-Куртуби (952/953—1013), знаменитого арабского мыслителя.

Стр. 422. Рассказ Фабьо о мартышках.— Фрагмент из драмы «По секрету вслух», написанной около 1642 г. и напечатанной в 1715 г.

Оран.— См. прим. к с. 351.

Тетуан — приморский город на территории нынешнего Марокко, основан в 1492 г. беглецами из отвоеванной испанцами Гранады.

Стр. 422. Рассказ Фабьо о блохе.— Фрагмент из той же драмы.

Стр. 423. К цветам.— Монолог Фернандо из драмы «Стойкий принц» (см. прим. к с. 417); написанный в форме сонета, этот монолог почти всегда включается в антологии испанской поэзии.

Стр. 424. «Рассыпанные по небу светила...»— Ответный монолог Феникс из драмы «Стойкий принц».

Хуан Перес де Монтальван (1602—1638).— Поэт, прозаик и драматург, автор около шестидесяти комедий. Страстный почитатель Лопе де Вега, он получил исключительное право на издание произведений великого драматурга. Учился в Алькала-де-Энарес; доктор теологии. В 1625 г. принял священнический сан. Сын придворного книгопродавца, Перес де Монтальван подвергался жестоким насмешкам за «аристократизацию» собственной фамилии (его отец был просто Пересом), за подражательность Лопе

и претенциозность. Среди насмешников самым жестоким был, конечно, Кеведо. Первое стихотворное произведение Монтальвана — «Орфей на испанском языке» (1624), поэма в четырех частях, авторство которой настойчиво приписывали Лопе де Вега, и великий драматург столь же настойчиво утверждал, что автором «Орфея» был Монтальван. В том же году вышел в свет сборник новелл Монтальвана «Случайности и чудеса любви», проданных с огромной по тем временам выгодой. Драмы и стихи Монтальвана издавались неоднократно с 1635 по 1638 г. Поэт умер, сойдя с ума, что было предречено ему Кеведо.

Стр. 425. «Идет Ревекка, ливнем золотым...» — Сонет написан на основе библейской истории о первой встрече и любви Ревекки и Исаака, одного из патриархов еврейского народа (Бытие, XII—XV).

Стр. 426. ...*младая Дина, изменив свой вид*...— Дина — дочь Иакова и Лии, героиня того эпизода Библии, где рассказано о соблазнении ее сыном царя в городе Сихем (Бытие, XXXIV).

Сальвадор Хасинто Поло де Медина (1603—1676).— Поэт и гуманист. Поло де Медина объявил себя противником гонгоризма, хотя влияние этого течения в его стихах вполне ощутимо. Как и многие из его современников — поэтов, он вступил в монашеский орден и занимал пост секретаря у епископа Луго. После него осталось довольно большое литературное наследство, которое включает множество сатирических стихотворений. Наибольшую славу ему принесло произведение «Нравственное руководство Лелию», нечто вроде трактата о практической морали, куда введены сонеты, завершающие, как правило, главы трактата.

Габриэль Боканхель-и-Унсуэта (1608?—1658).— Поэт и драматург. Служил библиотекарем во дворце кардинала-инфанта дона Фернандо, которому посвятил поэму «Лира муз» (1637). Учился в Алькала-де-Энарес, с 1637 г. занимал пост официального хрониста. Его поэтическое наследие полнее всего представлено в сборнике «Рифмы и проза, а также история Леандра и Геро» (1627), где явно влияние двух великих — и весьма разных — поэтов того времени: Гонгоры и Кеведо. Излюбленной формой стихов Боканхеля были сонет и романс.

Франсиско де Трильо-и-Фигероа (1615?—1665?).— Поэт и историк. Почти всю жизнь прожил в родном городе Ла-Корунья и в Гранаде. Молодым человеком принимал участие в итальянских походах. Его поэзия создавалась при серьезном влиянии Гонгоры. Помимо длинной исторической поэмы (весьма посредственного качества) «Неаполисеа», Трильо-и-Фигероа сочинил много лирических стихотворений, изданных в сборнике «Любовные, сатирические и героические стихотворения» (1651), где преобладают переводы из Анакреонта, стихи на библейские темы. В подражание Овидию он сочинил поэму «История Леандра».

Франсиско Лопес де Сарате (1580—1658).— Поэт-гонгорист, драматург. В юности был солдатом, позднее служил секретарем у Родриго де Кальдерона, одного из влиятельнейших министров Филиппа III. После казни Родриго де Кальдерона в 1621 г. Лопес де Сарате занимался исключительно поэзией. Он пользовался покровительством многих знатных вельмож и был очень популярен в литературных кругах, где ему присвоили прозвище «Рыцаря Розы», поскольку один из лучших его сонетов был посвящен этому цветку. Лопеса де Сарате хвалили в своих произведениях Лопе де Вега и Сервантес (за поэму «Изобретение креста»). Впервые его стихи были опубликованы в 1619 г., более полное издание — сборник «Любовные и героические рифмы» — вышло в 1625 г.

Бернардо де Бальбуэна (1562—1627).— Поэт и теолог. Родился в вице-королевстве Новая Испания и учился в Гвадалахаре (Мексика). Юношей отправился в Испанию, учился в университете Сигуэнсы и защитил там в 1607 г. диссертацию по теологии. Избрав церковную карьеру, Бальбуэна занимал высокие посты на Ямайке и в Пуэрто-Рико. Всю жизнь писал стихи; выше всего он ценил свои поэмы, которые содержат немало удачных фрагментов; но они не имели особенного успеха по причине невероятной длины. Из них очень известна (фрагментами всегда входит в антологии) поэма «Бернардо, или Победа при Ронсевале» (1624). Приводимый в данном томе отрывок взят из поэмы «Величие Мексики» (1604), написанной элегантными терцинами. Творчество Бальбуэны в равной степени принадлежит испанской и мексиканской литературам; его произведения — характерный пример того, как веяния и традиции метрополии реализовались в культурной жизни американских колоний Испании.

Хуан дель Валье-и-Кавьедес (1653?—1694).— Поэт и прозаик. Родился в Андалусии, в семье торговца, ребенком был перевезен в Перу. В возрасте двенадцати лет отец послал его в Испанию, где он пробыл три года и познакомился в Мадриде со многими знаменитостями культурного центра страны. Валье-и-Кавьедес дружил с Кальдероном и другими литераторами. Вернувшись в Перу, поэт очень скоро промотал отцовское наследство и умер опустившимся пьяницей. Современники считали его замечательным сатириком, продолжателем традиции Кеведо, у которого Валье-и-Кавьедес действительно учился мастерству. Валье-и-Кавьедес — один из самых ранних представителей новой перуанской литературы: тематика, тональность, словарный состав, интонация его стихов уже принципиально отличны от поэтической практики метрополии. В течение долгого времени стихи Валье-и-Кавьедеса не были напечатаны. Часть из них опубликовал под названием «Зуб Парнаса» Рикардо Пальма в 1899 г. Позднее были найдены рукописи поэта, среди которых обнаружено, помимо сатирических стихов, немало лирических и мистических произведений.

Хуана Инес де Ла Крус (наст. имя — Хуана де Асбахе-и-Рамирес де Сантильяна; 1651—1695).— Считается в испаноязычной литературе поэтом первой величины. Она родилась и прожила всю жизнь в вице-королевстве Новая Испания, поэтому ее чтут как родоначальницу мексиканской поэзии. Писать стихи она начала в шесть лет и проявила необычайные способности к наукам. Двадцати уроков латыни ей хватило, чтобы приступить к сочинению стихов на языке классической древности. Ореол чудо-ребенка сопровождал Хуану все детство и отрочество. Страсть к поэзии и наукам определила ее дальнейшую судьбу: шестнадцати лет поэтесса приняла монашеский обет в ордене босоногих кармелиток. С тех пор вся ее жизнь была посвящена делам монастыря, заботам о бедных и, главное, занятиям литературой. Инес де Ла Крус писала прозу, драмы и стихи. Ее поэтическое дарование легко и органично выразилось в традиционных жанрах: сонетах, десимах, редондильях, романсах. Школа гонгоризма, господствовавшая тогда в испаноязычной поэзии, определила главные черты стиля Хуаны Инес де Ла Крус. Философский склад ума, редкая эрудиция и богатство духовного опыта помогли поэтессе достигнуть исключительного своеобразия и глубины в любовной лирике — изысканных и лаконичных стихах. Большая часть сочинений Хуаны Инес де Ла Крус была издана тремя томами в Испании (1690—1700).

Стр. 433. Десима воину-сочинителю (из раздела «Литературных посланий»).— Написана и издана в 1692 г. Адресат этого стихотворения точно не известен. Наиболее вероятная фигура — капитан дон Алонсо Рамирес де Варгас, лауреат нескольких поэтических состязаний (1665, 1683).

Стр. 433. Сонет, в котором содержатся рассуждения о прихотях любви.— Напечатан в 1692 г. в разделе «О любви и сдержанности». Поэтесса при создании его опиралась на мощную стихотворную традицию аналогичных «споров» и «размышлений» у Боскана и других поэтов XVI в. (в ее наследии есть еще несколько сонетов того же рода).

Стр. 434. Сонет, в котором воображение тщится удержать уходящую любовь.— Напечатан в 1692 г. в разделе «О любви и сдержанности».

Виденье горького блаженства, стой!..— Вероятно, реминисценция из испанской поэзии «золотого века»; аналогичные начала стихов встречаются у Кальдерона («Самое страшное чудовище ревность») и Кеведо.

Как сталь магнитом... ты сердце притянул мое...— Сравнение страсти с магнитом введено в испанскую поэзию Кальдероном («Дом с двумя дверями»).

Стр. 434. Сонет, в котором содержится суждение о розе и созданиях, ей подобных.— Из раздела «Философско-моральных сонетов». Сонет впервые напечатан в 1692 г. Обычно начало его сравнивают с первыми строками кальдероновского сонета «Казались сада гордостью цветы...» (см. с. 423 наст. тома).

Стр. 435. Сонет, который утешает ревнивца, доказывая неизбежность любовного непостоянства.— Напечатан в 1692 г. в разделе «О любви и сдержанности». В подлиннике он обращен к Альсино — имя, заимствованное у Гарсиласо де ла Веги (эклога III).

Стр. 435. Сонет, в котором поэтесса опровергает восхваления, расточаемые ее портрету пристрастной лестью.— Из раздела «Философско-моральных сонетов». Напечатан в 1689 г.

Стр. 436. *...Здесь обнаружит призрак, тленье, прах.*— Аналогичные строки встречаются в финалах сонетов у Гонгоры и Кальдерона.

Стр. 436. Десимы, в которых благородные усилия разума противоборствуют тираническому игу страсти.— Из раздела «О любви и сдержанности». Напечатан в 1692 г.

А. Грибанов

ИТАЛИЯ

Джордано Бруно (1548—1600).— Филиппо по крещению, уже в 1563 г. он стал братом-доминиканцем с монашеским именем Джордано. В 1576 г. был начат первый процесс по обвинению Бруно в ереси, и он бежал из Неаполя в Рим, оттуда — на север Италии. Через несколько лет оставил родину, перебрался во Францию; скитался по Европе, бывал в Англии и Чехии, Швейцарии и Германии. В 1591 г. вернулся по приглашению некоего Дж. Мочениго в Венецию, преподавать последнему мнемотехнику — науку памяти; вскоре ученик донес на учителя в инквизицию; венецианская инквизиция выдала Бруно римской. Следствие велось восемь лет; Бруно отказался признать еретическими некоторые свои высказывания — как сделанные во время следствия, так и извлеченные из его сочинений; церковный суд передал нераскаявшегося еретика в руки суда гражданского, и Бруно был сожжен.

Философское творчество Бруно представляет собою последнюю фазу возрожденческого неоплатонизма, переросшего у Бруно в пантеизм, в котором властно заявляют о себе уже и материализм, и релятивизм, и монизм нового времени. И в том и в другом качестве — восприемника неоплатонического философствования мыслителей XV в. и героически-одинокого провозвестника построений века XIX — Бруно оказался противником всех и вся в своем собственном веке; его сочинения — яростная полемика с ортодоксией не только католической, но и различных протестантских исповеданий, со всяким, кто выдвигал или разделял истины и мнения, не согласующиеся с мнениями Бруно. Ученая и художественная литература нового времени, посвященная Бруно, огромна: Бруно стал символом неколебимой веры в собственную правоту как правоту новой науки перед лицом средневекового мракобесия. Эле-

мент художественности присутствует в большинстве произведений Бруно — писателя плодовитого и страстного. Уже самая полемичность почти всех его сочинений настоятельно требовала от него ораторски-проповеднической интонации, а нетерпимость к чужим воззрениям сделала его постоянным оружием сатиру. Основные произведения Бруно написаны в форме диалога — со времен Сократа и Платона формы художественно-философской. Сверх того Бруно — автор одной из лучших комедий итальянского Возрождения «Подсвечник» (1582), неоконченной антиклерикальной поэмы «Ноев ковчег», многочисленных философско-лирических стихотворений.

Стр. 438. «Любви своей неся высокий стяг...» — Этим сонетом открывается второй диалог книги «О героическом энтузиазме». Бруно предваряет его репликой одного из собеседников, неаполитанского поэта Л. Тансилло (1510—1568): «Теперь энтузиаст начинает выказывать свои чувства и раскрывать раны, обозначенные на теле и в субстанции, то есть в существе души». И далее поясняет диалектику сонета: «Не существует ничего чистого и без примеси... все вещи состоят из противоположностей; откуда следует, что результаты наших страстей, вследствие сложности вещей, никогда не имеют в себе некоей приятности без некоторой горечи... и вообще при исследовании всегда оказывается, что одна противоположность является причиной того, что другая противоположность очень желательна и нравится».

Стр. 438. «Даруя высшей истины прозренье...» — Этот сонет предпослан вместе с другими стихотворениями, итальянскими и латинскими, диалогу «О причине, начале и едином» (1584) и включен в первый диалог книги «О героическом энтузиазме» (1584). В последнем трактате Бруно пишет, что его сонет говорит о том, «что любовь сама по себе не слепа и не сама делает некоторых влюбленных слепыми, но лишь при посредстве низменных расположений субъекта; так бывает с ночными птицами, которые становятся слепыми при наличии солнца. Значит, сама по себе любовь освещает, проясняет, раскрывает интеллект, заставляет его проникать во всё и вызывает чудесные эффекты».

Стр. 439. *...В ее раю неистовствует ад.*— В подлиннике: «Он позволяет увидеть все, что есть на небе, на земле и в преисподней».

Томмазо Кампанелла (1568—1639).— Страшные испытания выпали на долю Джан Доменико Кампанеллы, в пятнадцать лет сменившего свое крестильное имя на монашеское — фра Томмазо. Четыре инквизиционных процесса между 1591 и 1597 гг.; обвинения сравнительно легкие, обвиняемый знакомится с пытками, отрекается от своих заблуждений и в конце концов по приговору возвращается в родную Калабрию, глухую и нищую, которую оставил восемь лет перед тем без дозволения орденского начальства, в погоне за знаниями и всемирной славой. На родине Кампанелла оказывается в центре большого заговора, долженствовавшего опрокинуть власть испанцев, владевших Южной Италией; заговор объединяет господ и крестьян, горожан, мо-

нахов, бандитов, обещана помощь турецких пиратов; но он раскрыт, и из множества схваченных предательство и клевета главным ответчиком делают Кампанеллу. Гражданское и церковное обвинение на этот раз одновременны; пытки; Кампанелла расписывается под смертным приговором в своей полной виновности и — знаток тогдашних уголовно-процессуальных обычаев — разыгрывает безумие, выдерживая роль даже под трехдневной пыткой; сошедшего с ума после вынесения приговора — казнить нельзя, жизнь спасена. Двадцать семь лет заключения. В 1626 г. Кампанеллу освобождает ходатайство Рима, а через месяц уже он попадает в руки римской инквизиции — на три года. Потом короткие годы особого благоволения папы Урбана VIII, но происки завистников и испанцев заставили Кампанеллу бежать во Францию, где он и умер.

В духовном облике Кампанеллы черты, роднящие его с людьми Возрождения, сильнее не определившихся еще примет человека нового времени. Его жизненная драма более сходна с судьбой Т. Тассо, родившегося слишком поздно, чтобы сродниться со своим веком, а не Г. Галилея, создателя будущего естественнонаучного миропонимания. Столкновения с инквизицией не обнаруживают в Кампанелле атеизма, подлинной ереси или антиклерикализма; недолгое время — когда он проповедовал восстание и в первые тюремные годы — Кампанелла склонен был к пантеизму и даже к богоборству, но, пережив религиозный кризис, он с неизбежной своею страстностью отдался служению грандиозной, как всё в его замыслах, цели — преобразования и всемирного распространения католической веры. Ее истины совпадали, по Кампанелле, с естественным законом природы, что делало, в его глазах, легким и неизбежным обращение всего человечества к истинной вере. Самый пафос борьбы с «далеким» знанием аристотелизма и защиты знания, основанного «на чувствах», разрешался у Кампанеллы в неоплатонизм, характерный для мыслителей уже минувшей эпохи Возрождения, равно с аристотелизмом отвергаемый Галилеем, Декартом и другими представителями новой науки и философии. Титаном Возрождения под стать и неколебимая вера в собственное великое предназначение: Кампанелла утверждал, что он «рожден от Разума и Софии» (поясняя: «Разум — вечный интеллект, София — сотворенная мудрость, проникающая всякое сущее»), и прямо называл себя Прометеем — похитителем «солнечного огня». И ненасытная всеохватность разума Кампанеллы, не сомневавшегося, что он сумеет свести воедино богословие и физиологию, астрономию и риторику, физику, логику и все прочие науки,— ставит его в ряд с Фичино, Пико, Леонардо. Самое разительное отличие его от предшественников — в отсутствии всякого почтения к классической древности. Разум, постигая сокровенную сущность всякой вещи, сливаясь с нею, приобщается непосредственно к мировой гармонии, учит Кампанелла.

Литературное наследие Кампанеллы огромно, нет отрасли науки, от рассмотрения которой он уклонился бы. И латинский его стиль, и итальянский отличаются дерзким — и не понятым в его время — пренебрежением к школьным нормам подражания древним. Это позволило Кампанелле вы-

лепить свое слово в необычном для той эпохи соответствии с каждым поворотом яростной мысли. Предела напряжения словесная ткань достигает в его поэзии. В произведениях, подчиненных классическому канону, слово всегда предстает в конечном счете носителем объективного, внеличностного смысла, и субъективизм, творческий произвол — у поэтов-маринистов, например,— оформляется лишь перестроением традиционных поэтических средств, так что центр творческого усилия обнаруживается в тематической новации. У Кампанеллы слово — даже тогда, когда он занят в стихотворении самыми отвлеченными метафизическими вопросами,— пропитывается волей и чувством, изменяет свою внутреннюю структуру, запечатлевая в себе полноту духовного и душевного изъявления личности в самый момент рождения каждого данного слова. Лирика маринистов обретает свой смысл в законченности произведения, где мгновенно вспыхнувшая метафора — «кончетто» — развертывается в картину. Лирика Кампанеллы — непрестанное извержение, в котором каждое слово — вполне самоценная картина, сиюсекундное творение автора. С одной стороны, таким образом, творчество Кампанеллы — новая фаза осуществления платонической поэтики, подразумевающей любовное, а значит, и лирически-взволнованное, проникновение в изображаемый предмет. Но, с другой стороны, лирическое изъявление у Кампанеллы ценно и значительно лишь постольку, поскольку оно индивидуально, как и у его современников — маринистов. Нарочитый, в одном случае, и неизбежно естественный, в другом, индивидуализм, рожденный потребностью овладеть неудержимо уносящимся временем, делает Кампанеллу и маринистов поэтами одного века, века барокко.

В 1606 г. Кампанелла упоминает о рукописном собрании своих стихотворений под названием «Кантика». В 1613 г. поклонник Кампанеллы Т. Адами «по своему разумению» выбрал из него восемьдесят девять стихотворений, к которым поэт написал «изъяснение», использованное и в наших примечаниях. Девять лет спустя эти произведения увидели свет — по-видимому, в Германии — под заглавием «Собрание некоторых философических стихотворений Сеттимонтано Сквиллы...» (то есть «Семишишечного Колокольчика» — «Семишишечным» называл себя Кампанелла, видевший особое предзнаменование в семи буграх своего черепа; «Сквилла», «колокольчик» — синоним слова «Кампанелла»). Изыскания ученых прибавили к этому семьдесят пять стихотворений; все прочее — утрачено.

Стр. 439. О с е б е.— Этот сонет выражает душевное торжество Кампанеллы, успешно выдержавшего в начале 1600 г. первые допросы и очные ставки.

...Взорлить над сонмом скал и бугорков!— К первым восьми строкам поэт сделал горделивое примечание: «Дивись, сколько противопоставлений в этом сонете!»

...В стране безмолвного всепониманья! — Примечание Кампанеллы («В Раю говорят только на языке понимания, смотри «Метафизику») отсылает

читателя к одной из глав его трактата, где автор строит предположения о языке ангелов.

Стр. 439. Бессмертная душа.— Для датировки сонета нет надежных оснований. Кампанелла писал: «В этом сонете говорит душа и познаёт самое себя бессмертной и бесконечной, поскольку никогда не насыщается знанием и желанием, откуда и знает, что происходит она не от элементов, но от бесконечного Бога...» Во многих своих философских и богословских сочинениях Кампанелла одним из основных доказательств в пользу бессмертия души приводит ее ненасытное стремление к познанию.

Стр. 440. *Прочла я Аристарха, Митродора...*— В своей «Метафизике» Кампанелла утверждал, что астрономия «лучше всех других наук обнаруживает божественность человека». Потому здесь и назван среди авторов прочитанных книг Аристарх Самосский (конец IV — начало III в. до н. э.), знаменитый авторитет древней астрономии. История сохранила сведения о нескольких Митродорах, но кого из них имеет в виду поэт — судить нет возможности.

Авторитет — рука чужая... Сорит — стрела...— Сорит — цепь силлогизмов. Кампанелла отвергает знание, основанное на силлогистическом рассуждении и авторитете — двух китах науки, античной и средневековой,— поскольку оно слишком «отдалено», опосредствованно. Идеал Кампанеллы — непосредственное знание, взаимопроникновение и слияние с предметом знания, каковым в конечном счете является божество. Такое отрицание наследия схоластики роднит Кампанеллу не с наукой нового времени, а с платонизирующей натурфилософией и мистикой Возрождения.

Стр. 440. О корнях великих зол вселенной.— Сонет написан, по-видимому, до духовного кризиса, пережитого поэтом-философом в «яме» Сант-Эльмо (см. ниже, прим. к с. 441). Кампанелла так пояснял его содержание: «...автор писал в «Метафизике» о трех первоначалах или пропринципах (и называет их так: Мощь, Мудрость и Любовь); и всякое зло мира происходит от тирании — лжевластия, и от софистики — лженауки, и от лицемерия — лжелюбви... «Троической ложью» здесь названы три зла, противостоящие метафизической и богословской Троице; и вредоноснее они бессилия, невежества и ненависти».

Стр. 440. О простом народе.— Крупнейший знаток биографии и творчества Кампанеллы, Л. Фирпо относит этот сонет к 1601 г. Возможно, сонет вызван к жизни теми поношениями, которые обрушились на философа после ареста в Калабрии. К сонету Кампанелла сделал такое примечание: «О звероподобности подлого народишки никто не писал с такой правдивостью и с таким искусством. И ведь, если кто ему говорит, в чем его благо, и показывает его силу, он оборачивается против того; вот уж «огромный пестрый зверь»...»

Стр. 441. Жалобная и пророческая мольба...— Канцона создана между июлем 1604 и мартом 1605 г., когда Кампанелла был ввержен в «яму» замка Сант-Эльмо. В самой страшной тюрьме Италии

это была самая страшная камера: двадцать три ступени вели в сырое, лишенное света подземелье; охраняли Кампанеллу пятьдесят солдат, которых он назвал в одном письме «леопардами». Условия в «яме» были столь ужасны, что даже для папских юристов, отнюдь не склонных в ту пору к прекраснодушию, она была «тюрьмой слишком жестокой», и уже тогда ее называли «ямой Кампанеллы». Как указывал сам поэт: «Эта канцона — извлечение из псалма «Господи боже спасения моего», и автор возносит ее к «Духу Святому». Названный псалом (Пс. 87) в мировой лирике — один из самых отчаянных воплей человеческого одиночества в крайних бедствиях.

Стр. 442. К в е ш н е м у С о л н ц у, у м о л я я о т е п л е.— Одна из трех «элегий, писанных латинской мерой», в качестве приложения завершающих «Собрание некоторых философических стихотворений...». Написана в тюрьме, к пасхе (как видно из текста) 1605, 1606 или 1607 гг.

Не к Янусу Двуликому...— Поэт, по предположению комментаторов, не хочет обращаться к Янусу, двуликому богу дверей (в подлиннике: «превратно принял мои слова Янус»), намекая тем самым на неосуществленную попытку побега из узилища в 1603 г.

...а к Фебу...— То есть к Солнцу, которое было жизненным центром натурфилософии Кампанеллы.

Стр. 443. *...хуже // ты мухи...*— «Говорят многие, будто муха благороднее солнца, потому что у нее есть душа. А автор говорит, что солнце — все смысл и жизнь, и дарит жизнь низшим существам» (п р и м. К а м п а н е л л ы).

Стр. 444. *...метни во мглу мою хоть проблеск света!*— «Он только хочет видеть солнечный свет, которого, ввержен в яму, не мог видеть вовсе. И говорит солнцу, чтобы оно, раз он не может, обратилось бы к Богу, Первому Разуму; и так обращается к Богу от солнца, и молит его даровать ему свой свет, в коем отказывают ему слуги лживой земной справедливости» (п р и м. К а м п а н е л л ы).

Г а б р и э л е К ь я б р е р а (1552—1638).— Один из знаменитейших литераторов своего времени, Кьябрера лирой сумел составить себе самое завидное положение в обществе, снискать расположение нескольких государей, выразившееся и в достаточных пенсионах. Скорый на руку, не раз подвергался преследованиям за самочинные расправы, но высокое покровительство непременно было на его стороне. Фундаментом всех успехов поэта были его эпические поэмы: «Готиада» (1582) с посвящением Карло-Эммануэле I, герцогу Савойскому, «Амедеида» (1582—1620), воспевающая подвиги одного из герцогов Савойских, «Флоренция» (год. неизв.), возносящая хвалы роду Медичи. Эти поэмы (как и объемистая театральная продукция Кьябреры) являют собою образцы блестящих риторических упражнений, весьма характерных для XVII в., но лишенных каких бы то ни было поэтических достоинств с точки зрения новоевропейского художественного вкуса. Более подлинного вдохновения и очарования современные критики находят в лирике Кьябреры. На переломе от Возрождения к барокко Кьябрера был самым одаренным и не-

зависимым из противников маринизма, господствующего направления в итальянской поэзии века (о творчестве Марино см. прим. к с. 456). Если другие антимаринисты ориентировались на Петрарку и возрожденческий петраркизм, то Кьябрера противопоставил Марино и его эпигонам подражание греческой классике (следуя примеру французской Плеяды). В героических одах образцом для Кьябреры был Пиндар, в канцонеттах — по-видимому, самых счастливых плодах его таланта — анакреонтика. Воспроизводя на родном языке строй древнегреческой лирики, Кьябрера провел и метрическую реформу, ставившую целью разработку соответствий метрике древних в рамках итальянского стихосложения. Отличительная черта лирики Кьябреры — редкостная музыкальность; многие его произведения были по самому замыслу мелическими (то есть предполагающими музыкальное сопровождение); Кьябрера сыграл заметную роль в этой отрасли европейской поэзии. Именно как мелический поэт он оказал большое влияние на поэтов «Аркадии».

Фульвио Тести (1593—1646).— С 1612 г. состоял на службе при дворе герцогов д'Эсте в Модене. В 1613 г. отпечатал в Венеции первое издание своих «Стихотворений», по большей части подражающих Марино. Во второе издание (1617) Тести включил несколько патриотических стихотворений, среди прочих — знаменитое обращение к Карло-Эммануэле I, герцогу Савойскому, с именем которого многие в Италии связывали надежды на освобождение от испанского владычества. Д'Эсте, опасаясь неудовольствия испанского вице-короля, изъял книгу и судил типографа; Тести вынужден был бежать. Тогда же он анонимно издал так называемый «Плач Италии»; в нем поэт горестно повествует о своих бедствиях и призывает герцога Савойского к борьбе. Красноречие и пафос этих стихов создали Тести славу одного из лучших поэтов-патриотов Италии. Однако его антииспанские настроения оказались преходящими: в 1619 г., после покаяния, он возвращается ко двору. Честолюбие заставляет его добиваться все более высоких должностей и милостей; особенно успешно выступает он на дипломатическом поприще (Вена, Рим, даже Мадрид). Но в 1646 г., уличенный в тайных сношениях с Францией, Тести попадает в крепость, где вскоре умирает, за несколько дней до освобождения.

Зрелый Тести под влиянием Кьябреры в предисловии к третьему (1627) изданию своих «Стихотворений» отрекается от своих ранних маринистских опытов. Вслед за Кьябрерой он ратует за возрождение античной оды Пиндара и Горация, требуя от литературы прославления нравственных добродетелей. Стихотворения Тести, ясные и пластичные, проникнуты моральным ригоризмом; основные темы его творчества — испорченность света, тоска по скромным прелестям частной жизни на лоне природы и т. п.; в интимной лирике поэт следует Тибуллу, Проперцию, в подражании которым видит спасение от изощренностей петраркизма и маринизма. Неудачны попытки Тести в эпическом и драматическом родах (три едва начатых поэмы, посредственная трагедия и начало трагикомедии). Напротив, большой исторический интерес представляет его огромная переписка.

Стр. 448. *Царица моря* — Венецианская республика.

Стр. 449. *Гесперия.*— Так древние греки называли Италию.

...Гидра новая... и далее.— Гидрой и Герионом («трехглавым тираном») Тести называет Испанию; Алкидом (то есть Гераклом, победившим Гидру и Гериона) — герцога Савойского.

Стр. 450. *...Что выродился в мирт — твой лавр...*— Мирт — символ любовной изнеженности, лавр — воинской доблести.

...ароматом... сабейских берегов...— То есть душистыми веществами Аравии.

...Хиосской влагой полны...— То есть знаменитым вином с острова Хиос.

...Струю Фалерно...— Фалернское вино — одно из самых прославленных вин Италии.

Нумидия — древнее название Северной Африки (современный Алжир).

...диктатор-пахарь...— Диктатор — выборная (в пору военной опасности) должность в республиканском Риме.

Стр. 451. *...Фракийца, Перса ли...*— В древности эти имена превратились в нарицательное обозначение варваров.

Томмазо Стильяни (1573—1651).— Поэт всю жизнь вынужден был искать себе место на службе у того или иного вельможного лица. В 1600 г. напечатал пасторальную поэму «Полифем», в 1617-м — большую поэму «Новый Свет» о великих географических открытиях. Отрывок этой поэмы о легендарной «человекорыбе», «иначе говоря, морском Кавалере» («Кавалер марино» в этимологизирующем фамилию поэта написании «марино» с маленькой буквы означает «морской кавалер»), Марино счел себе смертельным поношением; на попытку Стильяни выдать все за недоразумение Марино непримиримо отвечал: «Пишу Вашей Милости не ответа ради, но только дабы знали Вы, что я не намерен отвечать Вам кроме как печатно». И, по обычаю между литераторами эпохи, которой Марино и в этом плане был образцовым представителем, он постарался очернить Стильяни, как только мог. Уже после смерти Марино, в 1627 г., Стильяни опубликовал свой знаменитый разбор «Адониса» Марино — «Очки», одно из важнейших антимаринистских произведений. Незамедлительно на Стильяни обрушились маринисты; Стильяни был раздавлен, бежал из Пармы, где служил в то время. За вычетом личных выпадов (так, он готов был доказывать, будто «Адонис» списан с его «Нового Света») и общего тона, разбор Стильяни содержал много точных замечаний и принципиальных рассуждений о несоответствии поэтики «кончеттизма», фрагментарно-субъективистской по своей природе, грандиозному замыслу эпической поэмы Марино; это противоречие выбранных средств требованиям жанра привело к тому, справедливо объяснял Стильяни, что поэма Марино вышла бессюжетной, раздутой бесчисленными отступлениями, однообразной в своих персонажах и поэтических приемах, так что есть обидная правда в приговоре критика: это «пространнейший гигант, в теле которого — скелет карлика, или лягушка, расхаживающая на ходулях». В своей собст-

венной лирике Стильяни («Канцоньеро», 1605, второе, расширенное издание — 1623) пытался противопоставить маринизму образцы подражания Петрарке и петраркистам предшествующего века; но желанный поэту возврат к источнику чистоты и простоты поэзии не удался и ему самому: лучшие его произведения не среди холодных и безликих повторений прошлого, но там, где Стильяни на деле неотличим от изысканных тонкостей современного маринизма.

Чиро ди Перс (1593—1663).— Биография этого знатного дворянина мало похожа на обрывочные жизнеописания поэтов — его современников — и честолюбивых, строптивых, вольных нравом, и вынужденных слишком часто доискиваться расположения сильных мира сего. Изучал философию в Болонье, где сдружился с поэтами-маринистами Акиллини и Прети. Страстно любил даму своих стихов; жениться на ней он, однако, не мог; оставил родные края, вступил в мальтийский рыцарский орден, бился с турками. Последние годы жизни провел в родовом замке, занятый достойными трудами и перепиской с учеными литераторами. Не вовсе чуждый маринизму, Чиро, однако, не маринист; в его лирике живы и традиции прошлого, есть в ней и чисто индивидуальная неповторимость. Отличает Чиро крайняя человеческая серьезность поэтического слова; расхожая тема барочной версификации — быстротечность времени и всеобщая обреченность смерти — оборачивается у Чиро искренностью чувства, подлинностью жизненных наблюдений.

Стр. 453. *...Летучего врага не одолеешь.*— Имеется в виду неудержимость времени.

Стр. 454. *Все напрасно...*— В подлиннике здесь стоит словосочетание из двенадцати, по числу цифр на циферблате, букв; точная передача этой структуры (из-за отсутствия в русском языке неопределенно-личной формы от глагола «умирать») в переводе невозможна; смысл ее — «умирание непрерывно».

Джамбаттиста Марино (1569—1625).— Биография Марино пестра и в известном смысле блистательно-красноречива, как и его стихи. Отец выгнал его из дому за нежелание учиться праву и безудержное пристрастие к словесности. Десять лет прошли для Марино в постепенном и упорном продвижении к славе — службою влиятельным особам (с каждой переменой места все более и более значительным) и беспрестанными литературными упражнениями, готовившими триумф его первой книги. Дважды на его пути к цели вставала тюрьма: впервые (1598) Марино оказался за решеткой, когда умерла похищенная им девушка; другой раз (1600) — подделав официальные бумаги, чтобы спасти друга от смертной казни; покровители вызволили его из застенка. В 1602 г. первая книга «Стихотворений» Марино делает его знаменитостью; в результате — он приближенный могущественнейшего

кардинала, племянника папы. В 1608 г. (папа к тому времени уже умер) Марино сопровождает патрона ко двору герцога Савойского — и остается там, за панегирические стихи пожалованный кавалерским званием. Литературно-придворное соперничество с неким поэтом по имени Г. Муртола из обмена эпиграммами быстро перерастает в непримиримую вражду,— страсти Марино неукротимы, и он не брезгует самыми явными наветами, настолько оскорбительными, что Муртола на улице стреляет в обидчика. Но ранит другого человека; для Муртолы дело может обернуться смертной казнью; свободу возвращает ему заступничество Марино (в жесте которого исследователи усматривают немалую долю своекорыстного лицемерия). Вскоре негодование герцога — то ли на неблагородство Марино в полемике с Муртолой, то ли на тайные уколы пера, которыми поэт не обошел и своего повелителя — отправляет надолго в тюрьму вчерашнего фаворита. Теперь Марино уже так знаменит, что за него ходатайствуют и неаполитанский вице-король, и коннетабль Кастилии. Монаршая милость возвращена Марино; но поэт, верный своему бесконечному честолюбию, не упускает случая перебраться ко двору Людовика XIII. Изобретательный куритель фимиама, Марино в Париже добивается высших почестей, его литературная слава становится всеевропейской; в 1614—1623 гг. выходят в свет его главные произведения. За год до смерти Марино триумфатором возвращается на родину. В Неаполе хоронили его с княжеской помпой, и в трауре была вся Италия.

Марино был литератором весьма плодовитым; в прозе он оставил после себя «Слова на священные темы» (1614) и посмертное собрание «Писем» (1627). Из-под пера Марино, талантливого и легкого на руку версификатора, вышло множество произведений в «подносных» жанрах — эпиталам, панегириков и т. п. Написал он и небольшую поэму на священно-исторический сюжет — «Избиение младенцев» (1624, опубликована в 1637 г.). Среди его стихотворений в легком жанре выделяются восемьдесят издевательских сонетов — «свистков», составивших «Муртолеиду» (на них соперник отвечал «смешками» «Маринеиды»).

Славу Марино принесли его лирические стихотворения, собранные в выходившую частями с 1602 по 1614 г. «Лиру»; поэт распределил их в книге по жанрово-тематическим разделам: стихотворения любовные, морские, лесные, героические и т. д. Литературоведы достаточно внимательно изучили процесс подготовки маринизма в итальянской поэзии второй половины XVI в., влияние, оказанное на него поэзией поздней античности, и — ближайшим образом — так называемой придворной итальянской лирикой XV в. И все-таки новшества поэтики Марино, блеск его одаренности, убедительность его художественных достижений — явственны и несомненны. Равно как выражены в «Лире» Марино и все те черты барокко, которым суждено было стать предметом безжалостных насмешек уже современников; и подвергались они осмеянию не только в доведенном до карикатурности исполнении эпигонов, но и в обильных цитациях из самого законодателя. Разбросанные по различным произведениям и письмам, высказывания Марино о назначении поэзии вовсе

не сводимы к непременно вспоминаемой его формуле (извлеченной из одного сонета «Муртолеиды»): «Цель поэта — удивление; кто не умеет поражать, пусть чистит лошадей». Основное достоинство поэтики Марино (в отличие от многих его подражателей) — в том, что он удивляет, удивлялся сам, и упивается удивлением, претворением удивления в слово. Это поэзия чувственного наслаждения (его и называли «поэтом пяти чувств») жизнью и поэтическим словом. Прежде чем стать запечатленным риторическим приемом, метафорическое сближение самых далеких вещей («кончетто») хотя бы мгновенно переживается поэтом как обладание — в слове — предметом вдохновения. Таковы лучшие, пусть сравнительно немногочисленные, произведения или фрагменты произведений Марино; мы говорим — фрагменты, поскольку «кончетто», сопряжение,— по природе своей молниеносно. И риторическое развитие его — только школьное упражнение; потому-то лучшие и самые характерные произведения Марино обретаются в разделах «малых форм» его «Лиры»; в крупных сочинениях единство вдохновения выдержать ему не удается. Так, в собрании его мифологических и пасторальных идиллий «Волынка» (1620) поистине удачны только отрывки; то же можно сказать и об огромной поэме «Адонис» (1623, см. ниже). Наконец, нужно отметить еще одну книгу Марино — «Галерею» (1619), состоящую из стихотворных «подписей» к произведениям изобразительного искусства, страстным любителем и знатоком которого был Марино. И в ней есть знаменательная для века и для Марино особенность: в конечном счете ее сонеты оказались в значительной части своего рода панегириками, поскольку говорили о вельможах, чей облик отразили холсты, или об именитых мастерах эпохи, эти холсты создавших. Тем не менее «Галерея» Марино не только важнейший памятник вкуса эпохи, но чрезвычайное произведение поэзии барокко, с ее установкой на изобразительность, «картинность» слова.

Стр. 456. К своей даме, распустившей волосы на солнце.— Сонет из раздела «Любовные стихотворения» (I ч. «Лиры»).

Стр. 456. К сну.— Сонет из того же раздела «Лиры».

Стр. 457. *Оставь пещерный мрак твоих владений...*— В подлиннике поэт уподобляет мрак, в который повержена его душа, мраку Эреба и непроницаемых для солнечных лучей киммерийских (крымских) гротов, излюбленных обителей Сна.

Стр. 457. Приглашает свою нимфу в тень.— Сонет из раздела «Морские стихотворения» (I ч. «Лиры»).

Стр. 457. Описывает пение разных птиц...— Сонет из раздела «Лесные стихотворения» (I ч. «Лиры»).

...И Прокна отвечает соловью... и далее.— Прокна-ласточка отвечает Филомеле-соловью, своей сестре, опозоренной мужем Прокны, Тереем (греч. миф.).

Стр. 458. Поцелуи.— Юношеское произведение Марино; помещено во II ч. «Лиры», включающей «Мадригалы и канцоны».

Стр. 461. Родинка на лице прекрасной дамы.— Мадригал из II ч. «Лиры».

Стр. 462. Женщина с шитьем.— Мадригал из II ч. «Лиры».

Стр. 462. Рабыня.— Сонет из раздела «Влюбленности» (III ч. «Лиры»); из этого же раздела взяты и все последующие сонеты Марино, опубликованные в наст. томе, кроме последнего.

Ты родилась на солнечном просторе...— То есть в Африке.

Стр. 464. Мадонна Рафаэля из Урбино.— Сонет из «Галереи».

Стр. 465. Адонис.— Первоначально скромный идиллический замысел в течение лет развился в огромную поэму (более 40 000 строк); поэт надеялся, что его труд превзойдет все эпические поэмы древности и нового времени; он гордился не только собственно поэтическими достоинствами «Адониса», но и ее размерами, самодовольно высчитывая, во сколько раз она длиннее «Освобожденного Иерусалима» Торквато Тассо. Изложение фабулы поэмы (развернутое оглавление эпизодов) занимает несколько страниц печатного текста: основное сюжетное ядро, очень несложное — любовная история Венеры и Адониса,— тонет в многочисленных отступлениях, мифологических, идиллических, эротических, философских и т. д., каждое из которых могло бы выделиться в особое произведение. Появление «Адониса» было встречено маринистами восторженно; например, К. Акиллини (см. ниже) писал автору: «Я видел вашего «Адониса». Вкратце: прелестная звезда Венеры на этот раз растворила самое горнее облако своих сладчайших влияний; ее розы на земле раскрылись все; ее мирты плакали амброзией...» и т. д. Но вскоре раздались и протестующие голоса, подчас более чем трезвые (см., напр., выше отзыв Стильяни). Страсти вокруг «Адониса» бушевали долгие десятилетия и даже столетия, вплоть до XIX в. Первый из отобранных для нашего издания отрывков — 156-я — 160-я октавы III песни; второй отрывок — 26-я — 56-я октавы VII песни; это одна из песен, в которых описывается «сад наслаждений» разделенный на пять частей, каждая из которых соответствует одному из пяти человеческих чувств (зрение, слух и т. д.). В странствиях по саду Адониса сопровождает Меркурий.

Стр. 466. *...пернатая черница...*— Переводчик сохранил омонимию подлинника: итальянское «monachina» значит «монахиня» и «зуек» (название птицы).

Стр. 467. *...Чей крик предсмертный поражает всех...*— Лебедь, по распространенному поверью, встречает свою смерть прекрасной песней.

...Чье покрывало... небесное прелюбодейство скрыло... и далее.— Зевс, соблазняя Леду, принял вид лебедя; от их любви родилась Елена, из-за которой началась Троянская война *(пожар троянский)*.

Франческо Браччолини (1566—1645).— Стяжал прочную репутацию в долгой службе у виднейших князей церкви, в том числе у кардинала Маффео Барберини (папы Урбана VIII с 1623 г.), известного покровите-

ля искусств и поэта-дилетанта. Из-под пера Браччолини, литератора плодовитого, вышли произведения всех престижных в его время жанров: эпические поэмы «Вновь обретенный Крест» (в 35 песнях, 1611 г.), «Обращенная Болгария» (1637) и др.; ирои-комическая поэма «Поношение богов»; трагедии, пасторали. Но в этих опытах, неизбежных по канону эпохи для всякого, кто добивался литературного признания (а вслед за ним и соответствующего общественного положения), Браччолини не более чем эпигон, к тому же не блещущий особыми талантами. Напротив, в книге «Тосканских лирических стихотворений» (1639) он сумел выказать себя поэтом достаточно самостоятельным и в разработке основных тем барочной лирики.

Клаудио Акиллини (1574—1640).— Дворянин и доктор «обоих прав» (гражданского и церковного), Акиллини прожил жизнь трудолюбиво и успешно, в почтенных занятиях юриспруденцией, политикой и стихотворством. Читал лекции в университетах Болоньи, Феррары, Пармы. Участвовал в папских посольствах. Самое блестящее время его жизни — служба государственным советником и придворным поэтом у пармского герцога Одоардо Фарнезе (с 1624 по 1636). В эту пору (1628) он ставит и печатает галантно-театральные произведения «Тетис и Флора» и «Меркурий и Марс». Выступает одним из вдохновителей профранцузской политики некоторых итальянских государей, видевших в союзе с Францией Людовика XIII возможное средство к освобождению Италии из-под испанского господства. Тогда же (1632) он издает первое собрание своих стихотворений с посвящением владетельному покровителю. Последние четыре года жизни он провел в почетном отдохновении на собственной вилле неподалеку от Болоньи. Акиллини был блистательным членом многих итальянских академий — ученых и литературных сообществ, законодательниц моды и вкуса, собиравших в своих рядах все, что было именитого или талантливого в итальянской словесности того времени. Близкий друг Марино, Акиллини среди соотечественников считался тогда его первым по дару последователем; «Стихотворения» Акиллини отдельными изданиями перепечатывались в XVII в. по меньшей мере восемь раз. Замысловатость разработки первичных, задающих стихотворение метафор у Акиллини сочетается с блеском стиха и стиля, обычная для маринистов рассудочность построения образа — с естественностью интонации и неподдельной чувственностью.

Стр. 474. *...Пучину краше делает коралл // и звезды...*— Коралл (грудь) и звезды (глаза) — обычные метафоры у маринистов.

Джироламо Прети (ок. 1580—1626).— Начал придворную службу пажом Альфонсо II д'Эсте и всю жизнь провел в свитах и при дворах мелких итальянских государей и князей церкви; будучи секретарем кардинала Барберини, сопутствуя патрону в морском путешествии, заболел и умер в Барселоне. Один из самых пылких последователей Марино, которого

именовал «бессмертным пером», Прети изложил свои представления о поэтическом искусстве в орации, предпосланной поэме Р. Кампеджи «Слезы Девы Марии» (1618). Но в собственном творчестве поэт умел порою выйти из-под диктата общих мест маринистской эстетики; в его лирике чувственность иногда уступает место спиритуализации облика возлюбленной (эта традиция ведет начало от «нового сладостного стиля» Данте и его предшественников), и тем самым Прети предвосхищает некоторые черты поэтики «Аркадии».

Стр. 475. *...Вулкан и грозный брани властелин.*— Имеются в виду бог огня Вулкан и бог войны Марс, то есть пожары, нашествия чужеземцев и междуусобные войны.

Пьер Франческо Паоли (год рожд. неизвестен — умер между 1637 и 1642 гг.).— Бóльшую часть жизни провел в Риме, служа, как большинство литераторов своего времени, одному сиятельному семейству. Автор многочисленных произведений в «подносных» жанрах (особенно ценились его эпиталамы). Плодовитый поэт-маринист, Паоли неоднократно издавал — каждый раз в расширенном составе — свои «Стихотворения» (1609, 1619, 1637). В непременной у маринистов изощренности антитез и отождествлений Паоли не уступает блеском и самому законодателю вкуса и техники «кончетти» Марино, как видно из приводимых мадригалов на тему о «стреле-заносе». Но точно найденная игра строящих сюжет образов часто открывает в идиллиях и сонетах Паоли и подлинную глубину меланхолии, и драматическую напряженность чувства, и грустную усмешку на свой собственный счет (см., в частности, публикуемый в наст. томе сонет «Обучение азбуке»).

Марчелло Джованетти (1598—1631).— Блестящий римский юрист-практик и автор специальных трактатов по правоведению. В 1620 г. он издал сборник «Стихотворения», двумя годами позже — «Сонеты, канцоны, мадригалы»; в 1626 г. объединил оба сборника в один том. Среди общеобиходных маринистских пьес у Джованетти выделяется ряд стихотворений (примером которых может служить отобранный для настоящего тома сонет «Прекрасная дама наблюдает ужасающую картину публичной казни»), где барочное столкновение смысловых противоположностей доводится до последней крайности и где безнадежно совпадают самые Жизнь и Смерть. Здесь перед нами, по существу, яркий образец принципиальной для поэтики барокко установки на неадекватность образа предмета — самому предмету (характерны, например, заглавия других сонетов М. Джованетти: «Прекрасная куртизанка, наказанная кнутом», «Прекрасная дама, выдававшая себя за бедную служанку» и т. п.).

Стр. 477. *...закрыв мое Светило...*— То есть лицо красавицы.
Стр. 478. *...Горят зарницы...*— Имеются в виду глаза дамы.

Джован Леоне Семпронио (1603—1646).— Девятнадцатый век, не умевший понять своеобразия поэтики барокко — а тем самым и ее художественной ценности,— к изучению этой литературной эпохи относился пренебрежительно. Биографии и творчество мастеров других эпох выяснялись в мельчайших, подчас и вовсе к делу не относящихся подробностях, а из огромного по объему корпуса сочинений литераторов XVII в. было выбрано всего лишь несколько десятков стихотворений и отрывков, кочевавших из одной антологии в другую и приводимых, по преимуществу, как примеры «испорченного» вкуса. В принципе барочному стихотворству возвратил достоинство поэзии Бенедетто Кроче, в 1910 г. издавший антологию маринистов, которая предопределила всю работу XX в. по переоценке их творчества. Авторитетность этого собрания настолько, однако, оказалась велика, что многочисленные издательские предприятия последующих десятилетий в самом существенном только повторяют отбор и критические приговоры Кроче, возведенные в своего рода догму. А монографических исследований, посвященных тому либо другому из маринистов (за исключением самого Марино), практически нет. Изучается школа в целом — в ущерб исследованию творчества отдельных ее представителей (известное оправдание тому — в самом характере маринизма, с его массовым воспроизводством едва варьируемых «кончетти» и с очень распространенной среди маринистов склонностью к безудержному многописанию). Составители антологий, черпая материал друг у друга, не считают нужным сообщать более или менее определенных сведений (даже годов жизни) и индивидуализированных характеристик поэтов XVII в.; их примеру следуют и общие справочники по истории итальянской литературы. Этим обстоятельством объясняется скудость сведений о некоторых поэтах-маринистах, чьи стихотворения включены в итальянский раздел этого тома «Библиотеки всемирной литературы». В полной мере сказанное относится к Дж.-Л. Семпронио и к ряду других поэтов, представленных в этом разделе. Собрание его лирики — «Поэтическая смесь» — было издано дважды: 1633 г. и в 1648 г., посмертно. Посмертно напечатаны и его поэма «Боэмунд», подражающая «Освобожденному Иерусалиму» Т. Тассо и насыщенная реминисценциями из «Адониса» Дж. Марино, и трагедия «Граф Уголино». В творчестве этого мариниста исследователи охотно оговаривают предельную склонность к болезненно-контрастным «кончетти» (о чем говорят такие, например, заглавия его стихотворений, как «Хромая красавица» «Красавица карлица» и т. п.).

Стр. 481. *...забвенья воды...*—Имеются в виду воды мифологической реки Леты.

Джанфранческо Майя Матердона (1-я пол. XVII в.).— Священник. Автор популярных в XVII в. «Посланий о благих празднествах» (1624) и «Благотворного устрашения грешников» (1629). Первая книга его лирики — «Рыбацкие стихотворения» — увидела свет в 1628 г.; «Стихотворения» 1629 г. были незамедлительно перепечатаны в 1630 и 1632 гг.

Антонио Галеани (? — 1649).— Стихотворения этого доктора богословия не выходили отдельными изданиями; источником текста для современных перепечаток служат несколько антологических сборников XVII в.

Антон Мария Нардуччи (годы жизни неизвестны).— Юрист и литератор. Как и стихи Галеани, его произведения извлекаются из антологий. Сонет «Красавица, ищущая вшей», с его уподоблением вшей «животным из слоновой кости в золотом лесу» (даем буквальный перевод), у поздних критиков был излюбленным примером «дурного вкуса», которым попрекали барочных стихотворцев. На деле, однако, Нардуччи здесь использовал тему, которую часто обыгрывали и другие поэты, его современники, и которая в тот век отнюдь не представлялась «неэстетичной» (достаточно сказать, что блохоловка была долгое время непременным элементом щегольского наряда).

Джироламо Фонтанелла (ок. 1610 — ок. 1644).— Автор трех книг — «Оды» (1633), «Новые небеса» (1640) и «Элегии» (1645, посмертно), он оказался поэтом «забытым», как и называл его Б. Кроче, чьими трудами собраны скудные, не связывающиеся в единую биографию, исторические сведения о поэте; главная заслуга Кроче, однако, в том, что он сумел разглядеть и показать в поэте значительность и своеобразие дарования, выпавшие из кругозора современников и потомков Фонтанеллы; тем самым он воскресил поэта, с той поры представленного во всех антологиях итальянской лирики XVII в. Кроче писал: «В этом забытом стихотворце... гораздо лучше, чем во всех прочих, явлено соединение непрестанного изыскания и выставления напоказ «смелых кончетти»... с живым и свежим импрессионизмом,— столь живым и свежим, что читатель едва не ждет уже, не выльется ли он, рвя барочные путы, в любовное, взволнованное и нежное созерцание природы и красоты». В лучших своих произведениях Фонтанелла умеет не только дать прочувствованное описание предмета, но предстает перед читателем поэтом, которого волнует поэтическое проникновение в строй и связь предметов. В этом плане «Воображаемая любовь», включенная в нашу подборку (казалось бы, автоироничный приговор пению с чужого голоса), оборачивается утверждением силы поэтического слова, которое под пером чуткого к нему поэта способно передавать и чувства, самим поэтом не испытанные.

Стр. 485. *Прибоем эритрейским рождена...*— Эритрейское — одно из названий Красного моря.

...Ты из росы природой создана.— Народное поверие утверждает, что жемчужины родятся от инея, ложащегося на море и поедаемого моллюсками-перловицами.

Стр. 486. *Царица рощ* — то есть Диана, богиня Луны; часто в поэтическом обиходе Луна иносказательно означает Диану, и наоборот.

Стр. 487. *...И не даешь волнам... передышки...*— Поэт имеет в виду влияние Луны на морские приливы и отливы.

Бернардо Морандо (1589—1656).— Плодовитый литератор, автор двух сборников лирики («Поэтические фантазии» и «Стихотворения на темы священные и моральные», оба отпечатаны посмертно в 1662 г.), а также музыкально-драматических произведений «Похищение Елены» (1646) и «Геракл на Эриманте» (1651) и романа «Розалинда» (1650), пользовавшегося в свое время успехом.

Паоло Дзадзарони (годы жизни неизвестны).— Юрист, университетский товарищ Акиллини (см. выше); жил службой в городском совете Вероны, которой был уроженцем. Там же издал в 1641 г. свою книгу «Сад стихотворений, поделенный на Мирты, Фиалки, Лавры, Кипарисы, Колючки и выращенный Паоло Дзадзарони».

Леонардо Квирини (1-я пол. XVII в.).— Сведения об этом благородном венецианце более чем скудны. В 1612 г. издана его идиллия «Нарцисс», перепечатанная в составе основного сборника его стихотворений (1649). Высоко ценились за свою музыкальность его стихотворения, тематически связанные с венецианской жизнью. Один из комментаторов, Дж.-Дж. Ферреро, писал о балладе «Покойной ночи», включенной и в наст. том БВЛ: «Эта баллада, простонародная по тону и движению, хотя и торжественная по словарю, чужда, по сути дела, барочному вкусу и скорее предвещает мелику аркадцев...»

Джузеппе Баттиста (1610—1675).— Автор сборника латинских «Эпиграмм» (1653) и «Надгробных песен героям» (1667); его «Мелические стихотворения» в пяти книгах выходили в свет постепенно, с 1659 по 1670 г.; кроме того, перу Баттисты-прозаика принадлежат «Академический дневник» (1673), «Поэтика» (1676) и «Письма» (1678, оба посмертно). Виднейший представитель зрелого барокко, Дж. Баттиста писал: «Я, как догматам веры, послушен предписаниям наших великих, знавших более нас, но по своему разумению работаю над стилем. Я хочу, чтобы стиль был — только мой». Однако эта подчеркнутая индивидуалистическая установка в творчестве как самого Баттисты, так и его современников, могла осуществиться чем далее, тем менее: кодификация поэтики «кончеттизма» на всех уровнях — тематическом, образном, собственно стилистическом и т. д.— все более ограничивала возможности индивидуального «первооткрывательства», канонизирован был уже самый набор уподоблений — «кончетти», и легко предугадуемым становился исход каждого отдельного творческого усилия, разрешавшегося в перебор поэтических штампов. Как пример превращения барочной поэзии в холодную риторику и приводят обычно творчество Баттисты, с его выверенным стилистическим блеском и лирически не пережитой философичностью.

Стр. 492. *Пусть вверь ревней парфянца...*— Парфянские скакуны славились в древности скоростью бега.

Стр. 493. *Гирканский хищник.*— Гиркания — древнее название юго-восточного побережья Каспийского моря, изобиловавшего хищными зверями.

Джузеппе Артале (1628—1679).— Современники равно высоко ценили его перо и шпагу. Высшие солдатские почести Артале стяжал при защите Кандии от турок. Литературную известность обеспечили ему роман «Кордимарте» (1660), музыкальная драма «Пасифая, или Невозможное, ставшее возможным» (1661), трагедия «Война живых с мертвыми» (1679). Лирика Артале собрана в его «Поэтической энциклопедии» (полное издание — 1679 г.). Его творчество, как и творчество помещенных далее в итальянском разделе Лубрано, Менинни, Гаудьози, представляет собою поздний расцвет маринизма в Неаполе.

Джакомо Лубрано (1619—1692).— Иезуит, знаменитый в свое время церковный оратор, издавший несколько томов своих проповедей. Его итальянские (он писал стихи и на латыни) лирические опыты собраны в книге «Поэтические искры и стихотворения на священные и моральные темы» (1690). Редкостная прихотливость уподоблений-«кончетти» создала поэту репутацию «самого безумного стихотворца века, который назвали безумным». Исходный принцип барочной поэтики — сопряжение понятий по возможности «далековатых» (в предельном выражении — бесконечно большого с бесконечно малым, телесно-конкретного с абстрактным, прекрасного с безобразным, частного с общим и т. п.)— остается у Лубрано в силе; см., например, его характерное стихотворение «Моль». Но у поздних маринистов крайняя экстравагантность смысловых уподоблений все чаще обнаруживает не только своеобразную ущербность поэтического слуха и зрения, воспитанных на вслушивании и вглядывании в мировые противоречия и находящих в них болезненное удовлетворение, сменившее столь частую у поэтов начала века радость увлеченных первоокрывателей; на исходе поэтического века перенапряжение словесной и образной ткани стихов оказывается по преимуществу самодовлеющим творческим заданием, удачное выполнение которого должно доказать профессиональную умелость и виртуозность стихотворца. Поэзия обращается в особую отрасль риторики; платоновская поэтика Возрождения, влияние которой еще сказывалось в творчестве Марино и его первых соратников, теряет всякий кредит, место поэта-творца заступает поэт-исполнитель. Этот этап развития-изживания маринизма и засвидетельствован творчеством Артале, Лубрано, Менинни, Гаудьози, Дотти.

Стр. 496. *Она для распри расчищает поле...* и далее.— Моль, портя тексты великих мудрецов, делает неизбежными — и зачастую безысходными — филологические споры о правильном прочтении траченых мест этих текстов.

Федерико Менинни (1636—1712).— Неаполитанский врач и литератор, поздний маринист. Его «Стихотворения» вышли отдельной книгой в 1669 г. В 1677 г. издал теоретический «Очерк сонета и канцоны».

Томмазо Гаудьози (годы жизни неизвестны).— Биографических данных и об этом неаполитанском стихотворце нет. Известны его сочинения на историко-политические темы, трагедия «София, или Уязвленная Невинность» (1640). Собрание его лирики — «Поэтическая арфа», в шести частях — издано в 1671 г. Критики отмечают в его стихах особую напряженность религиозно-этических размышлений.

Бартоломео Дотти (1649—1713).— В предисловии к своим «Стихотворениям» (1689) поэт писал, что природа вложила в него склонность к поэзии, но даровала ему жизнь, «достойную романа». Безжалостная и неуемная язвительность сатирических выпадов Дотти доставила ему многочисленных врагов; он был брошен в тюрьму, откуда бежал в 1692 г. (см. включенное в наст. том стихотворение «Не намереваясь возвращаться на родину»). Найдя пристанище в Венеции, поэт стал солдатом на службе у этой республики, беспрестанно воевавшей с турками, и участвовал во многих походах. Но погиб Дотти от руки убийц, мстивших ему за стихотворные поношения. Собрание его «Сатир» было издано только посмертно, в 1790 г. Двадцатый век признал в нем и интересного лирика, одного из последних, но оригинальных представителей маринизма.

Стр. 499. *...Церера сходит, золотоволоса,— // И камни злато в белый снег мельчат.*— Церера — богиня плодородия и земледелия, в том числе хлебных злаков; жернова (камни) смалывают золотое зерно в белую муку.

Сальваторе Роза (1615—1673).— Многообразно одаренный художник: прежде всего живописец, но и знаменитый в свое время актер импровизационного театра масок, а также музыкант и поэт. Известен как автор шести сатир, писанных терцинами, над которыми он работал с 1640 г.; они напечатаны посмертно, в 1695 г. (седьмая, неоконченная сатира опубликована только в 1876 г.). Романтическая критика прошлого века представляла С. Розу одиноким и гордым обличителем пороков эпохи. Исследования XX в. на обширном документальном материале показали, что такое представление о моральном облике художника и о его произведениях — преувеличение и односторонняя предвзятость: все сатирические выпады и упреки (в самом деле острые и безжалостные) сатир Розы можно с полным основанием переадресовать и ему самому, человеку и артисту... В своих сатирах Роза бичевал распущенность придворной жизни (прежде всего — папского двора, что привело его к столкновению с инквизицией), тщеславие бездарных художников, их беззастенчивую погоню за доходными заказами; в сатире «Поэ-

вия» с убийственным сарказмом Роза говорит о вырождении маринизма в литературное штукарство — отдавая, однако, тут же и сам щедрую дань модным риторическим исхищрениям времени.

Алессандро Тассони (1565—1635).— Служил нескольким кардиналам — виднейшим князьям церкви его времени, а также Карло-Эммануэле I, герцогу Савойскому, и Франческо I, герцогу Моденскому. Обширное литературное наследие Тассони прекрасно отразило его противоречивый, неуемно-воинственный нрав; все произведения поэта представляют собою бесконечную полемику с авторитетами древности, давнего и недавнего прошлого и его собственной эпохи по самым разнообразным политическим, эстетическим, естественнонаучным вопросам; они переполнены острыми личными выпадами, литературными и нелитературными счетами. Таковы по преимуществу «Мысли» Тассони (1612), в которых он выступает страстным ниспровергателем схоластического аристотелизма, но заодно разносит учение Г. Галилея, развенчивает Гомера. В «Рассуждениях о стихах Петрарки» (1602, изданы в 1609 г.) Тассони ополчается против поздних петраркистов, «сушеных тыкв», но одновременно нападает и на самого Петрарку. К 1614—1615 гг. относятся его «Филиппики против испанцев», блестящие образцы барочной ораторской прозы, патриотический пафос которых был восторженно встречен современниками, тогда как сам Тассони публично отказывался от авторства (во времена тяжкого испанского господства признаваться в нем было достаточно опасно). Неоконченной осталась героическая эпопея Тассони «Океан», прославлявшая подвиги Колумба.

Шедевр Тассони — ирои-комическая поэма «Похищенное ведро» (написана в 1615—1618 гг.; мгновенно разошедшаяся в списках, напечатана впервые в 1622 гг.; окончательный текст, пересмотренный поэтом и папой Урбаном VIII, издан в 1630 г.). Своей поэмой Тассони продолжает традицию Л. Пульчи, Ф. Берни, Т. Фоленго. В основу сюжета поэт положил тщательно продуманное во всех анахронизмах переплетение эпизодов из средневековых итальянских междоусобиц. Заглавный эпизод — похищение во время одного из набегов моденцами «грошового ведра» у болонцев — имел место в 1325 г. (и это ведро по сю пору хранится в Модене!). «Автор «Ведра»,— писал Тассони в одном из предисловий к своему творению,— создал поэму смешанную, новую и согласную с законом художества; описав... единое событие, отчасти героическое, отчасти гражданское, основанное на истории, известной по преданию, ...в котором от его первоначала было более чудесного, нежели в самой Троянской войне». По поэме Тассони, болонцы вознамериваются вернуть себе бадью; в борьбу втянут император Фридрих II, его сын, другие государи и итальянские городские коммуны, даже олимпийские боги — как того требовала эпическая поэтика. Рядом с персонажами историческими упомянуты десятки современников поэта, врагов и друзей. История и злоба дня, веселый анекдот и безжалостная сатира, личная вражда и политическая страсть — все неразложимо сплавлено Тассони. Именно в этой гротескной органичности

мгновенных переходов от героического к комическому и обратно и как бы сосуществования одного в другом,— секрет успеха Тассони, оказавшего громадное влияние на развитие ирои-комического жанра в Европе. Сам поэт прекрасно и тонко сознавал основной принцип своей поэтики и писал в другом обращении к читателям: «Это сочинение... соткано так, что в нем налицо все части, которые потребны, с точки зрения содержания и стиля, совершенной высокой и бурлескной поэме. Это не ткань... в полоску... это материя переливчатая, в которой чудесно светятся оба цвета — и бурлеска, и возвышенного».

Стр. 502. ...*Неся известья в царские хоромы*...— Поэт в примечании указывал, что имел в виду необычайно распространившиеся в XVII в. в Италии печатные «листки новостей» — первые европейские газеты.

...*И вот Юпитер*...— Одни толкователи утверждают, что в образе Юпитера, другие —что в Образе Сатурна (см. ниже) Тассони вывел папу Павла V (1605—1621).

Князь Делоса — Аполлон, рожденный на острове Делос, общегреческом центре культа этого бога.

...*которая руном была подбита*...— Имеется в виду орден «Золотого руна», высший испанский знак отличия.

Стр. 503. ...*Любви богиня... и сын-красавец*...— Венера и Купидон; одни комментаторы утверждают, что поэт, говоря о Венере, имел в виду племянницу Павла V, Диану Веттори; другие считают, что она выведена в образе Дианы.

Богиня злаков — Церера.

Роптала мать... — Имеется в виду Кибела.

Старуха-мать — Латона.

Стр. 504. ...*В ее руках легко мелькали спицы*...— «Постарев и оставшись не у дел, потаскухи обычно занимаются подобного рода работами» (прим. Тассони).

Юнона просто мылась...— Юнона — супруга Зевса, то есть хозяйка дома. Тассони пояснял в примечании, что тут он «изображает кое-каких бешеных и нескладных жен, которые вечно устраивают все свои дела к досаде мужа. Когда в доме посторонние, им нужно взяться за стирку; когда пришло время есть, они идут к поздней обедне; если кто из них понадобится мужу, они идут мыть голову; другие принимаются чесать волосы не иначе, когда пора садиться за стол, чтобы заставить порядком подождать себя: пакостницы, нахалки, ханжи».

...*Мениппу в кухне помогали Парки*...— Менипп — персонаж из «Разговоров» Лукиана, обжора.

...*для слуг вино водицей разбавляя*.— В примечании Тассони говорит: «Любезный обычай, принятый при римских дворах,— разбавлять водой вино для слуг (когда им дают), с тем чтобы они не запьянели. Одно из непрошеных благодеяний, обычных в нынешней благотворительности».

Алкид — то есть Геракл.

Поскольку он от буйства своего...— Геракл неоднократно, в состоянии безумия, ниспосылаемого ему Герой, совершал непреднамеренные убийства *(греч. миф.)*.

...Швейцарца он напоминал...— Из швейцарцев набиралась папская гвардия, славившаяся своей грубостью.

...Меркурий шел с мешком... и далее.— В этом образе выведен так называемый «кардинал подписи», личный секретарь папы.

Франческо Реди (1626—1698).— Крупный естествоиспытатель, один из основоположников современной биологии, прославившийся безукоризненными с методологической точки зрения наблюдениями и экспериментами. Блестящий врач, теоретик и практик. Филолог, знаток древних и восточных языков, лексикограф, текстолог. Преподаватель «тосканского языка» (то есть языка отечественных классиков — Данте, Петрарки, Боккаччо) во Флоренции, у которого учились такие поэты, как Мендзини и Филикайя (см. ниже). Мастер научной прозы, и здесь, как и в философских и методологических предпосылках естественнонаучных изысканий, следовавший за Г. Галилеем. Один из первых членов аркадской Академии. Поэт-лирик; автор интересных воспоминаний, опубликованных, однако, только в XX в.

Поэтический шедевр Реди — дифирамб «Вакх в Тоскане», первый вариант которого относится к 1666 г., а полный и окончательный опубликован в 1685 г. Древнегреческий дифирамб был хоровой песнью в честь Диониса (Вакха), бога вина. В новой поэзии (у Лоренцо Медичи, Полициано, Кьябреры и Марино, которым следует Реди) дифирамб становится шутливой песнью во славу винопития и вина. По единодушному приговору, Реди превзошел всех своих предшественников и многочисленных подражателей. Сюжет дифирамба очень прост: Вакх, возвращаясь из покоренной Индии, останавливается с молодой женой Ариадной (к которой он постоянно обращается в приводимых отрывках) в Тоскане и учиняет дегустацию местным винам; постепенно бог пьянеет и свою песнь, превозносящую вино и проклинающую воду, завершает славой великим поэтам всех времен.

Стр. 505. *...мамелюкскому султану...*— Мамелюки (или мамлюки) — гвардия египетских султанов (XIII—XVI вв.)

Стр. 506. *Вивьяни* — знаменитый математик Винченцо Вивиани (1622—1703).

Пить кандьеро? Пить алошу?..— Кандьеро и алоша — сахаристые напитки.

Стр. 507. *...Снимем лодочку с прикола...*— Лодкой называет Вакх стакан: морское путешествие (на которое решается бог, почувствовав, что земля уходит у него из-под ног) оказывается развернутой метафорой выпивки.

В город тостов — // Путь я в Бриндизи держу...—Игра слов: Brindisi — город в Южной Италии, а brindisi по-итальянски — тост, здравица.

Мандола — щипковый инструмент, род лютни или мандолины.

Стр. 508. *Кукареку* — народная песня, в припеве воспроизводящая петушиный крик.

Виола — смычковый инструмент.

Стр. 509. *Монтепульчано* — сорт тосканского вина.

Либер — италийское божество плодородия и виноделия, с которым отождествился, в ходе слияния греческого пантеона с римским, Дионис-Вакх.

Карло Мария Маджи (1630—1699).— Проведя молодые годы в путешествиях по Италии, блестящий знаток древних языков и литератур, Маджи в 1664 г. занял профессорскую кафедру в Милане, а позже был профессором и долгие годы ректором Павийского университета. В его зрелом поэтическом творчестве явственно проступают уже черты торжествующего классицизма Аркадии (от ранних своих произведений поэт, в котором с течением времени восторжествовал морализм, заложенный воспитанием в иезуитской школе,— отказался). Стихи Маджи отличаются строгой чистотой языка, выверенной простотой формы и возвышенно-риторической интонацией. В его обширном наследии есть пасторальные и мифологические идиллии; значительная часть его произведений — религиозная лирика. Особое место в творчестве Маджи занимает патриотическая тема, образец разработки которой — публикуемый в наст. томе сонет «Беспечно предается забытью...». Маджи — плодовитый драматург, автор музыкальных мелодрам и религиозно-дидактических пьес. В последние годы жизни Маджи создал несколько комедий на миланском диалекте.

Франческо де Лемене (1634—1704).— Характерная фигура в итальянской поэзии переходного периода — от XVII в. к XVIII в. Развивая музыкально-мелодические устремления Кьябреры и Марино (которому де Лемене обязан своим основным представлением о поэзии: она должна услаждать и удивлять читателя), он прославился многочисленными стихотворениями-ариями, послужившими образцом для подражателей и продолжателей. Два раздела его канцоньере («Разные стихотворения», 1699) носят красноречивые названия: «Ариетты» и «Кантаты для одного голоса». В них поэт достигает необычайной музыкальности словесной фактуры, но содержание этих стихотворений принципиально малозначительно: мимолетное переживание, несложное чувство, взятые в ракурсе аркадско-пастушеской темы. Произведения высокой тематики (поэма «Бог» в семи песнях, высокопарно и скучно излагающая доктрину св. Фомы Аквинского, и «Четки Девы Марии», собрание стихотворений в расхожих формах светской любовной лирики, посвященных богородице) — за гранью художественного. В истории итальянской диалектальной литературы определенная ценность приписывается немногочисленным произведениям де Лемене на диалекте провинции Лоди.

Винченцо да Филикайя (1642—1707).— Знаменитейший в свое время представитель поэзии «высокого стиля», некоторые произведения которого ценил еще в XIX в. Леопарди; слава Филикайи, поэта-оратора, закатилась с торжеством романтизма. Одический строй его лирики полнее всего выразился в канцонах на осаду турками Вены (1683) и на снятие этой осады (1685) Яном Собесским, в цикле патриотических сонетов «К Италии» (один из которых публикуется в настоящем томе) и в ставших хрестоматийными стихотворениях на религиозные темы. Чистота стиля и стройность стиха, возвышенность интонации делают Филикайю образцовым поэтом-классицистом, одним из основоположников итальянского классицизма.

Бенедетто Мендзини (1646—1704).— Рожденный в крайней бедности, Мендзини, став священником, долгие годы бедствовал, перебиваясь уроками красноречия, пока на склоне жизни милость пап Иннокентия XII и Климента XI не доставила ему обеспеченности и почестей. «Лирические стихотворения» (1680), сделавшие широко известным имя Мендзини, принадлежат перу поэта, вполне и сознательно преодолевшего маринизм. Приговором вкусам и нормам предшествующей эпохи было и «Поэтическое искусство» Мендзини, стихотворный трактат в пяти книгах, излагавший теоретические предписания поэтики классицизма, согласно которым главная задача художника — «выражать глубокие истины в ясных и возвышенных формах». Мендзини выступает блюстителем наследия итальянских классиков. Образцами ему служат Т. Тассо и Г. Кьябрера, которым сам поэт неуклонно подражал и в лирике, и в эпике. Особое место в наследии Мендзини занимают сатиры, вопреки собственным требованиям, высказанным в «Поэтическом искусстве», насквозь пронизанные личными выпадами.

Н. Котрелев

НИДЕРЛАНДЫ

Якоб Катс (1577—1660).— Поэт и государственный деятель. Получил академическое образование в Лейдене. К поэзии обратился в возрасте сорока лет. Вплоть до середины XIX в. считался одним из крупнейших нидерландских поэтов, книги его служили как бы «второй библией» в голландских семьях.

Блестящий рассказчик, умудренный жизненным опытом, исключительно начитанный и для своего времени превосходно образованный, Катс, несмотря на свое аристократическое происхождение и высокое общественное положение, находил путь к умам и сердцам самого широкого круга читателей. Он отрицательно относился к латинизации нидерландского языка и внес большой вклад в выработку нидерландской литературной нормы.

Сильнейшее влияние на формирование мировоззренческих принципов Катса оказал величайший поэт нидерландского средневековья Якоб ван Марлант, для которого природа, общество и история не были объектом простого описания, но служили источником космических образов высших «скрытых сил».

К числу лучших поэтических произведений Я. Катса принадлежат книги «О браке» (1625), «Зерцало прежних и новых времен» (1632), «Прежние и новые времена» (1632), «Обручальное кольцо» (1637), автобиографическая книга «О старости...» (1657) и др.

Самюэл Костер (1579—1665).— Поэт, драматург, член камеры риторов «Эгелантир» («Шиповник»). Был врачом. Вместе с великими поэтами Хофтом и Бредеро (см. т. БВЛ «Европейские поэты Возрождения») вышел из этой группы и стал одним из основателей первой Нидерландской академии, с началом деятельности которой открываются первые страницы в истории нидерландской драматургии.

Одним из первых Костер стал широко применять в драматургии народный язык, что послужило причиной широкой популярности его пьес. К числу наиболее значительных произведений Костера относятся драмы «Ифигения» (1617), «Поликсена» (1619). Костер оставил после себя небольшое количество стихотворений, представляющих, однако, серьезный интерес.

Даниэл Хейнсий (1580—1655).— Южнонидерландский филолог-гуманист из семьи протестантов. Изучал греческий и латынь в Лейденском университете. Блестящий филолог и историограф, Хейнсий снискал известность как поэт европейского масштаба (главным образом благодаря серьезному влиянию, оказанному им на поэзию немецкого барокко, в частности, на Мартина Опица). Писал на нидерландском языке и на латыни. Хейнсий — первый нидерландский поэт-кальвинист. Хейнсия справедливо считают основателем нидерландского поэтического барокко; наиболее известна его книга «Воздаяние похвал Иисусу Христу» (1616).

Юстус де Хардёйн (де Хардювейн) (1582—1636).— Наиболее значительный фламандский поэт XVII в. Католический священник. Известен его юношеский сборник сонетов «Мирская любовь к розовоустой» (или же «Мирская любовь к Розамонде»), появившийся анонимно в 1613 г. Став священником, Хардёйн отказывается от этого сборника, и в 1620 г. появляется книга «Песен во славу божию», многие из которых своей чистотой и непосредственностью перекликаются с лучшими стихотворениями нидерландского средневековья. Широкую известность получила поэма Хардёйна «Падение и возрождение Давида» (1620).

Гуго Гроций (Хейг де Грот) (1583—1645).— Поэт, прозаик, юрист, ученый, государственный деятель. Изучал право в Лейдене и Орлеане. Практиковал как адвокат в Гааге. В 1619 г. во время Двенадцатилетнего

перемирия приговорен к пожизненному заключению по политическим мотивам. Через два года ему удается, спрятавшись в сундук для книг, бежать из тюрьмы. Некоторое время живет во Франции, с 1634 по 1644 г.— посол Швеции во Франции.

Гроций в юридической науке известен как основатель современного морского права. В литературу вошел главным образом как латинский драматург; европейскую известность получила его латинская драма «Адам в изгнании». Единственная книга его нидерландских стихотворений, «Христианские напевы», вышла в Дельфте в 1621 г. и представляет собой главным образом сборник переложений псалмов. Как нидерландский поэт Гроций испытал явное влияние Якоба Катса.

Каспар ван Барле (Барлей) (1584—1648).— Поэт и ученый, профессор логики Лейденского университета. Во время «чистки» университета в 1619 г. лишен места. В 1632 г.— профессор логики в Амстердаме. Принадлежал к числу близких друзей Константейна Хёйгенса. Ван Барле интересен своими латинскими стихотворениями, в частности неполным переводом на латынь «Обручального кольца» Катса. Стихи же его на нидерландском языке немногочисленны и перенасыщены ученостью. Несмотря на это, величайший из нидерландских поэтов Йост ван ден Вондел считал Каспара ван Барле значительным поэтом. Одна из латинских поэм ван Барле была издана на русском языке в конце XVIII в.

Стр. 525. На взятие Бреды.— Это стихотворение перекликается с одноименной картиной Веласкеса.

Атриды — сыновья Атрея — царь Спарты Менелай и царь Микен Агамемнон, возглавившие войско греков в Троянской войне (*греч. миф.*).

Синон — грек, убедивший троянцев втащить в город деревянного коня и тем погубивший Трою (*греч. миф.*).

Тир — древняя столица Финикии; был разрушен Навуходоносором в 586 г. до н. э.

Сагунт — город в Испании, в 218 г. до н. э. был взят и разрушен Ганнибалом.

Симон ван Бомонт (1574—1654).— Поэт и юрист. Изучал право в Лейдене. Служил в качестве городского адвоката в Миддельбурге и Роттердаме, был сторонником Яна ван Олденбарневелта (1547—1619), выдающегося борца за независимость Нидерландов, республиканца, казненного монархистами. Бомонт многократно возглавлял нидерландские дипломатические миссии в различных европейских странах.

Наиболее известен сборник Бомонта на нидерландском языке «Юность». Около половины произведений Бомонта написаны на латыни.

Дирк Рафаэлисон Кампхёйзен (1586—1627).— Поэт и теолог. Принадлежал к первому поколению поэтов «Золотого века». Учился живописи. С 1617 г.— ремонстрантский священник во Флётене. После событий 1618 г. обвинен в инакомыслии, через два года окончательно впал в немилость, скитался, перебиваясь случайными заработками.

Юношеские стихи на светские темы были им уничтожены. В поэзии Кампхёйзен выступает как религиозный миротворец, призывающий к безропотному подчинению божьей воле. Был необычайно популярен у современников благодаря простоте поэтической речи его стихотворений. Основной сборник стихотворений Кампхёйзена — «Назидательные рифмы» (1624).

Якоб Ревий (Рейфсен) (1586?—1658).— Теолог-протестант, историк, поэт. В поэзии — воинствующий кальвинист, испытавший, однако, сильнейшее влияние Ренессанса. Его поэзия уравновешенна и благочестива, проникнута глубоким личным чувством. В сборник «Оверейселские песни и стихи» (1630) поэт выступает как истинный патриот, преисполненный ненависти к испанским поработителям.

Ян Янсон Стартер (Джон Стартут) (1593—1626).— Поэт, сын лондонского эмигранта. С 1614 г.— книготорговец в Леувардене. Основал местную камеру риторов, чем вызвал ожесточенное недовольство кальвинистов. В 1620 г. вместе с семьей переселяется во Францию и поступает на юридический факультет. В 1621 г. уезжает в Амстердам и вступает в камеру риторов «Эгелантир» («Шиповник»). С 1625 г. посвящает себя изучению истории и переезжает в Германию, где и умирает (по другим данным, умер в Венгрии).

Стартер писал частью на нидерландском, частью на фризском языке. Как в поэзии, так и в драматургии творчески развивал принципы Бредеро; лирика и сатира Стартера принадлежит к числу лучших творений «Золотого века».

Стр. 536. *Меннониты* — последователи религиозной секты, основанной в начале XVI в. Менно-Симонисом.

Константейн Хёйгенс (Гюйгенс) (1596—1687).— Поэт, композитор, дипломат. Получил блестящее гуманитарное и музыкальное образование, был воспитан в строго кальвинистском духе. Окончил в 1617 г. юридический факультет лейденского университета. Писал на нидерландском, французском, итальянском языках, а также на латыни. Много путешествовал.

Суровые, трезвые строки его произведений резко отличны от всей предыдущей нидерландской поэзии. Если Катс хотел быть понятным, то Хёйгенс склонен к вдумчивому размышлению, его речь динамична, чужда использованию каждодневных выражений; автор создает новый поэтический язык, подчас трудный для непосредственного восприятия. «Василек» — так назвал

Хёйгенс один из своих сборников; васильком на ниве жизни называл он свое творчество.

В 1653 г. появилась пьеса Хёйгенса «Трейнтье Корнелис» — один из лучших реалистических клюхтов (фарсов) XVII в. Хёйгенс известен также как переводчик нидерландской поэзии на английский язык. Сыном Хёйгенса был великий математик Христиан Гюйгенс (Хёйгенс) (1629—1695).

Наиболее значительные произведения Хёйгенса — «Ценная ерунда» (1622), «Поучительные картинки» (1623), «Рутина» (1638), «Об игре на органе» (1641), «Услада глаз» (1647), «Хофвейк» (1653), «Дорога к морю» (1666), «Затворник» (1680).

Стр. 541. *Торф, ставший золотом...* — Амстердам стоит на торфяной почве.

Звезда. — Имеется в виду Сюзанна ван Барле, жена поэта (умерла в 1637 г.).

Иеремиас де Деккер (1609—1666). — Поэт, самый старший из группы учеников Вондела, у которого им были заимствованы форма и поэтический язык. Наибольшую известность Деккеру принесли его сонеты и эпиграммы. Основной сборник стихотворений — «Упражнения в рифме» (1659).

Виллем Годскалк ван Фоккенброх (1630 или 1635—1674 или 1675) — поэт и драматург, по профессии врач. Последователь П. Скаррона, Фоккенброх был первым из нидерландских поэтов, обратившихся к жанру бурлеска. Его стихи, подчас фривольные, на грани дозволенного, получили широкую известность. Пьеса Фоккенброха «Красотка в доме Лазаря» (1663), написанная по мотивам одной из пьес Лопе де Вега, долго не сходила со сцены. Неоднократно переиздавались его сборники стихотворений, и среди них — «Талия, или Игривая богиня песен». Отчаявшись в своей литературной карьере (поэта травили с одной стороны классицисты, с другой — последователи Катса), Фоккенброх завербовался в Нидерландскую Вест-Индскую компанию в качестве врача, уехал в Западную Африку, где и умер.

Ряд стихотворений Фоккенброха представляет собой вольный перевод стихов французских поэтов (в частности, Сент-Амана и Скаррона — см. с. 652 и 685).

Стр. 553. *Ир — Крез.* — Ир — нищий в доме Одиссея, служит в поэзии постоянной антитезой Крезу — легендарному царю Лидии.

Хейман Дюлларт (1636—1684). — Поэт и художник, один из талантливейших учеников Рембрандта. С 1671 г. — член Совета Валской церкви. Дюлларт был представителем последнего поколения поэтов «Золотого века». Его небольшое поэтическое наследие увидело свет лишь после его смерти, в 1719 г. (сб. «Стихотворения»). В поэзии Дюлларт является как бы

выразителем живописных идей Рембрандта, его религиозные стихи часто повторяют и сюжетно и образно картины последнего. Музыкальность стиха, утонченность и уравновешенность стиля позволили Дюлларту по праву занять место одного из самых тонких и при этом легко читаемых — с точки зрения современного читателя — поэтов XVII в.

Ян Лёйкен (1649—1712).— Поэт, гравер, художник. В 1671 г. вышла в свет его книга «Голландская лира»,— сборник стихотворений эротического содержания в духе Ренессанса. В 1675 г., став протестантским священником, Лёйкен собрал и уничтожил почти все экземпляры «Лиры». Сильнейшее влияние на формирование мировоззрения Лёйкена оказал немецкий мистик-протестант Якоб Бёме. Удалившись от мира, Лёйкен обосновывается сначала в Гарлеме, затем в предместье Хорна и, наконец, переезжает в Амстердам, где получает известность как гравер-иллюстратор Библии. Поздние поэтические сборники, которые поэт сам иллюстрировал, проникнуты духом мистического пантеизма.

Кроме «Голландской лиры», им написаны «Иисус и его душа» (1678), «Зерцало людской суеты» (1694), «Поучительные советы» (1711), «Рождение, Жизнь и Смерть человека» (1712).

Йоан ван Брукхёйзен (1649—1707).— Поэт и художник. Поэтическое наследие Брукхёйзена невелико и собрано в сборнике «Стихотворения» (1677; второе издание — 1712 г.). Бóльшая часть из его стихотворений написана в чисто буколическом жанре, меньшинство составляют сонеты и миниатюры. На творчество поэта решающее влияние оказал Хофт.

В. Белоусов

ПОЛЬША

Даниэль Наборовский (1573—1640).— Одним из первых в польской поэзии стал писать стихи в духе барокко, прибегать к изощренным поэтическим формам и пышным описаниям, демонстрировать обилие сравнений и аллегорий (хотя выступал и с произведениями простыми, непритязательными, обращенными к широкому читателю). Он был образованным человеком, побывал во многих европейских странах, изучал там медицину и право, выполнял ряд дипломатических поручений, состоя на службе у Радзивиллов, могущественных литовских магнатов; под конец жизни был судьей в Вильне. Наследие его, как и многих других авторов XVII в., долгое время оставалось в рукописном виде.

Стр. 567. *Ян Кохановский* (1530—1584).— Крупнейший польский поэт эпохи Возрождения, оказавший огромное влияние на поэтическую культуру своего времени.

Стр. 568. На очи королевны аглицкой...— Стихотворение является переделкой панегирика «На глаза герцогини де Бофор», написанного одним из французских поэтов конца XVI — начала XVII в., и посвящено дочери английского короля Иакова I, Елизавете, вышедшей в 1613 г. замуж за Фридриха V, курфюрста Пфальца, кальвиниста, предводителя немецких протестантов, избранного в 1619 г. в ходе антигабсбургского восстания чешским королем, а через год, после поражения на Белой Горе, лишившегося престола.

Иероним (Ярош) Морштын (ок. 1580 — до 1645).— Адресовал свои стихи (печатный сб. «Мирские прелести», 1606, и рукописный «Суммарий стихов») массовому читателю, перечисляя в них дарованные человеку жизненные утехи и создавая картины помещичьего быта и забав. Этого же читателя он развлекал стихотворными и прозаическими новеллами с описанием необычайных приключений (особенно знаменита «Забавная история о добродетельной королеве Банялюке из восточных краев»). О жизни Морштына известно мало: он вышел из арианской (протестантской) семьи, рано лишился родителей, учился в школе у иезуитов, служил при магнатских дворах, занимался хозяйством в деревне.

Стр. 569. (Альцеста, жена добродетельная...) — Приводимое здесь стихотворение является как бы комментарием к изложенной Морштыном в другом стихотворении истории героини древнегреческого мифа (он положен Еврипидом в основу одной из трагедий) Алкестиды, жены царя Адмета, решившейся добровольно сойти вместо мужа в царство Аида.

Самуэль Твардовский из Скшипны (между 1595 и 1600—1661).— Происходил из небогатой шляхты, образование получил в иезуитской школе, участвовал в ряде войн, состоял на службе у богатейших польских магнатов на Украине; под конец жизни поселился в деревне. Его «Дафна...» (1638; отрывок из нее см. в наст. томе), идиллическая поэма на сюжет из античной мифологии (использован Овидием), стала одним из самых изящных, тонких, мелодичных образцов поэзии барокко в Польше. Другая его поэма, «Пригожая Пасквалина» (1655), считается менее удачной, а рифмованные хроники («Владислав IV», «Внутренняя война с казаками, татарами, Москвой, потом со шведами и венграми» и т. д.) ценятся как исторические источники.

Стр. 571. *Напеи* — нимфы.

Шимон Зиморович (1608—1629).— Был львовским мещанином, учился в местных школах, затем поступил на службу. Цикл идиллий «Роксоланки» (изданы посмертно, 1654) он написал по случаю свадьбы брата Юзефа Бартломея, тоже поэта. Цикл этот, построенный как состязание девичьих

и юношеских хоров, соединяющий использование мифологических мотивов с обращением к фольклору, стал одним из лучших образцов старопольской любовной лирики. В настоящем томе из него приводятся отдельные песни.

Стр. 574. *Комеги* — суда для перевозки зерна.

Кшиштоф Опалинский (1608—1655).— Происходил из знатной и богатой магнатской семьи, учился за границей, принимал деятельное участие в политической жизни (был воеводой познанским), не ладил с королевским двором, в 1655 г. во время шведского нашествия сдал неприятелю Великопольшу. Цикл «Сатиры, или Предостережения ради исправления правления и нравов в Польше» (1650) состоит из пятидесяти одного произведения; особыми художественными достоинствами не отличается, но содержит множество интересных наблюдений над тогдашними порядками, суровую и проницательную критику пороков государственного строя Речи Посполитой, протест против бесправного положения крестьян.

Стр. 575. *...алчную Рыксу изгнали и с сыном // Казимиром...*— Речь идет о народном восстании, разразившемся в Польше в 1037 г., когда изгнана была жена короля Мешко II Рыкса (Ригеза) вместе с сыном, позднейшим польским князем в 1039—1058 гг.

Стр. 576. *Павлюк* (Павел Бут), *Муха*, Северин *Наливайко* — предводители крестьянско-казацких восстаний на Украине.

...Чуть не погибель вовсе...— Здесь и далее речь идет о поражениях, которые потерпели шляхетские войска в войне против восставшего украинского народа, предводительствуемого Богданом Хмельницким: о битве под Корсунем в 1648 г., когда в татарский плен попали гетманы Потоцкий и Калиновский, о битве под Пилавцами (1648) и о Зборовском мире 1649 г.

Ян Анджей Морштын (ок. 1620—1693).— Один из самых искусных и одаренных польских лириков XVII в. Его лучшим стихам присущи продуманность и изящество композиции, изысканность, обилие стилистических фигур. Обращаясь преимущественно к любовной теме, он широко использует образы и сюжеты античных и современных поэтов (особенно заметно влияние итальянца Марино), но умеет их своеобразно интерпретировать. Перу его принадлежат также переводы одной из идиллий Торквато Тассо и «Сида» Пьера Корнеля. Поэт родился в семье, поддерживавшей реформацию, в зрелом возрасте перешел в католичество, много бывал за границей, служил при магнатских дворах, затем при королевском дворе, сделал блестящую карьеру. Будучи сторонником Франции, он под конец жизни вынужден был, обвиненный в измене, бежать из страны и умер на чужбине. Лирика Морштына, в том числе основные сборники «Лютня» и «Каникула», долгое время оставалась в рукописи и увидела свет лишь в XIX—XX вв.

Стр. 577. *Неломская пуща* — место королевской охоты.

Лоретто — итальянский город в провинции Анкона, где, согласно легенде, был домик святой девы, якобы чудом перенесенный из Назарета, и куда направлялись толпы паломников.

Сады Пафосские — сады Венеры, особо почитавшейся в Пафосе на Кипре.

З б и г н е в М о р ш т ы н (ок. 1628—1689).— Был двоюродным братом Яна Анджея. Он участвовал в многочисленных войнах середины века, а затем вынужден был покинуть страну, так как принадлежал к радикальному крылу польской реформации — арианству (не только выступавшему против догматов католицизма, но отстаивавшему свободу мысли и совести и даже выдвигавшему социальные проблемы) и не отказался от своей веры даже после декрета об изгнании ариан. И впечатления походной жизни, и арианское свободомыслие, и горечь по поводу преследований отразились в богатой и разнообразной лирике Морштына (оставшиеся в рукописи сб. «Домашняя муза», «Песнь угнетенных» и др.). Его стихотворный цикл «Символы» (или «Эмблемы») основан на аллегорическом толковании Библии.

В а ц л а в П о т о ц к и й (1621—1696).— Состоятельный помещик, он всю жизнь прожил в своем имении, отрываясь от хозяйственных дел главным образом лишь ради литературных занятий. Он происходил из арианской семьи, но под угрозой изгнания и потери имущества перешел в католичество, сохранив при этом, однако (как видно по его стихам), многие из прежних убеждений. Образованность его была типично шляхетской, основывалась на чтении польских и латинских книг, не обнаруживая знакомства с новейшей зарубежной мыслью и культурой. Он создал много обширных стихотворных сочинений (переложение Евангелия, гербовник, повести и романы, выделяющаяся живостью батальных описаний хроника «Хотинская война» и т. д.), но наиболее интересны его небольшие стихотворения (элегии, эпиграммы-«фрашки», притчи-поучения и т. д.), вошедшие в сборники «Сад шуток» и «Моралия». Они интересны обилием метких бытовых зарисовок, живым патриотизмом, искренней обеспокоенностью судьбами страны, вниманием к жизни других сословий, осуждением вопиющих социальных противоречий. В художественном отношении они неровны: иногда автор просто ограничивается пересказом популярных в его время анекдотов, использованием банальных сюжетов. Обширное стихотворное наследие Потоцкого вплоть до нашего века большею своей частью оставалось в рукописи.

Стр. 585. V e t o, и л и «Н е д о з в о л ю!» — Имеется в виду действовавшее в сейме Речи Посполитой требование единогласия депутатов, позволявшее на практике сорвать принятие любого решения и фактически парализовавшее работу сейма.

Стр. 586. *Бобовая* — деревня, где жил поэт.

Стр. 587. Шутка на шутку, и знатная.— В стихотворении обыгрываются детали из Библии: о явлении бога Моисею в образе пылающего куста, о двух языках пламени, украшавших чело пророка (их в средние века ошибочно трактовали как рога).

Стр. 588. Неуместная церемония.— В стихотворении имеется в виду Ян-Казимеж, польский король в 1648—1668 гг.

Стр. 589. К панам.— Стихотворение связано с событиями 1672 г., когда в связи с угрозой турецкого нашествия многие магнаты укрывались в своих замках или выезжали на север страны, а также в чужие края.

Веспазиан Коховский (1633—1700).— Был весьма плодовитым поэтом, автором ряда исторических хроник. Его сочинения, проникнутые подчас фанатической религиозностью, убеждением в совершенстве феодальных порядков Речи Посполитой, верой в то, что бог не оставит ее как «форпост христианства»,— пример влияния на литературу официальной идеологии шляхетской Польши в пору ее кризиса. Коховский учился в Кракове, был участником ряда войн, а затем жил в деревне. Он написал ряд религиозных поэм; лирические свои стихи собрал в книге «Непраздный досуг» (1674). Оригинальным, интересным с точки зрения языка и образности сочинением является его «Псалмодия Польская», написанная поэтической, «библийной» прозой. Многое из сочинений Коховского использовал в своих исторических романах Г. Сенкевич.

Стр. 590. Надгробье храбрым воинам...— Написано по случаю поражения, которое потерпело в 1652 г. шляхетское войско в битве под Батогом против войск Богдана Хмельницкого.

Стр. 591. Васнёвские пожелания.— Васнёв — местечко в Сандомирском воеводстве, недалеко от родины поэта.

Стр. 592. Из «Псалмодии Польской».— Приводимый отрывок посвящен сражению 1683 г. под Веной, когда польские войска под командованием короля Яна III Собеского, вместе с австрийскими войсками, разгромили стотысячную турецкую армию, во главе которой стоял великий везир Кара Мустафа-паша.

...Константина утвердил...— Имеется в виду легенда о том, что римскому императору Константину Великому накануне битвы 312 г. у Мульвийского моста на Тибре якобы явился в облаках знак креста, предвещавший победу.

Стр. 593. *Башня Стефанова* — собор св. Стефана в Вене.

...во дни Солиманового от Вены отступления...— Имеется в виду безуспешная осада Вены в 1529 г. войсками турецкого султана Сулеймана I Кануни (Великолепного).

Станислав Гераклиуш Любомирский (1642—1702).— Происходил из знатного магнатского рода, был весьма образованным человеком, много путешествовал по Европе, занимал в Речи Посполитой высокие

государственные должности. Он писал комедии, стихами перелагал отдельные книги Библии, сочинял (по-польски и по-латыни) трактаты философского, политического и филологического содержания. В лирике его (при жизни не публиковавшейся) использование античных и библейских мотивов соединяется с размышлениями о жизни и о человеке. Примером могут служить два первых из приведенных здесь стихов, входящие в цикл «Стихи по случаю святого поста».

Б. Стахеев

ПОРТУГАЛИЯ

Франсиско Родригес Лобо (1580—1622).— Воспитанник Коимбрского университета, юрист; священник; обладая независимым состоянием, всю жизнь провел в родном городке Лейриа. Студентом издал «Романсы» (1596), почти все на испанском языке, в которых видно влияние Гонгоры. Славу ему принесла пасторальная трилогия: «Весна» (1601), «Пастух-странник» (1608), «Разочарованный» (1614). Сюжетное движение ее, как часто в пастушьей новелле, скорее лишь оправа лирическим стихотворениям, которым присуще свойственное португальской лирике Возрождения взаимопроникновение мифологии и литературной условности — и точнейшей предметности наблюдения; обыденной простоты пейзажа и ситуации — и замкнутости всех персонажей в мире возвышающей любовной страсти. Сходны с трилогией по моральной сосредоточенности, унаследованной Лобо от Миранды, его дидактические «Эклоги» (1605). Скучны и монотонны эпическая поэма Лобо «Коннетабль Португальский» (1610) и его испанские романсы, сухо описывающие придворные празднества в честь посещения Португалии испанским королем Филиппом III (1623). Выдающимся мастером прозы выказал себя Лобо в «Деревенской ассамблее, или Зимних вечерах» (1619), собрании бесед нескольких образованных людей, по примеру «Придворного» Б. Кастильоне обсуждающих, каким должен быть образцовый царедворец.

Франсиско Мануэл де Мело (1608—1666).— Знатный дворянин, Мело получил достойное своего звания и состояния воспитание; воинские труды, высокая политика и неустанные занятия словесностью сочетались в его неспокойной жизни неразрывно. Он воевал на суше и на море, с турками и протестантами. Принимал участие, как дипломат и политик, в междоусобицах Габсбургской империи, в борьбе за восстановление независимой Португалии, был с посольствами во многих европейских столицах. Несколько раз оказывался в тюрьме по политическим мотивам; в 1652 г. Мело был приговорен к пожизненному изгнанию в Бразилию. Однако уже в 1659 г. он вернулся на родину и снова стал блистательным царедворцем. Писал Мело по-португальски и по-испански; огромное количество его произведений не издано или утрачено. Материалом для его многочисленных исторических сочине-

ний послужили прежде всего личные воспоминания: Мело — классик португальской мемуаристики. Значительная часть наследия Мело — произведения на религиозные и моральные темы: книги о блаженном Августине (1648) и святом Франциске Ассизском (1647); весьма любопытное «Послание в наставление супругам», содержащее колоритные отступления. Крупнейший памятник эпистолярного жанра в Португалии — «Домашние письма» Мело (1664). Высшим достижением Мело-прозаика считаются «Диалогические апологи» (посмертно, 1721), барочные «разговоры вещей». Мело — автор лучшей (или, как часто говорят, единственной достойной упоминания) португальской комедии XVII в.— «Фидалго-ученик» (написана до 1644 г., издана в 1671 г.), возможно оказавшей влияние на замысел мольеровского «Мещанина во дворянстве». Поэзия Мело — вершина португальского барокко. Поэт сам собрал свои «Стихотворные сочинения» (1665; в 1649 г. была издана первая часть их, заключавшая в себе одни испаноязычные пьесы), расположив их в девяти разделах — по числу муз; только вторая часть, посвященная Каллиопе, Евтерпе и Талии, написана по-португальски.

Жеронимо Байя (1643—1688).— Придворный проповедник и поэт. Его стиль, сложившийся под определяющим влиянием гонгоризма (см. о Гонгоре в испанском разделе), отличается прихотливой и вызывающей замысловатостью. Тематика произведений этого монаха — придворная злоба дня, любовь и прелести дам, радости жизни. Писал он и на мифологические сюжеты: «Полифем и Галатея», «Дидона и Эней». В творчестве Баии сильна также бурлескная струя.

Виоланте до Сеу (1601—1693).— Поэтессе не было еще восемнадцати лет, когда к ней пришел первый литературный успех; ее комедия о св. Евгении была сыграна перед королем. В 1630 г. она приняла монашеский постриг, но и в монастыре прилежно занималась поэзией и музыкой (сестра Виоланте была знаменитой арфисткой); ее чествовали многие академии, ей благоволил двор. Писала поэтесса по-португальски и по-испански. Кроме упомянутой, она оставила еще две комедии: «Сын, Жених и Брат» и «Победа Крестом». При жизни поэтессы вышло несколько ее стихотворных сборников— «Разные ритмы...» (1646), «Романс к Христу Распятому», «Солилоквии к причастию и по причастии» (1668), «Размышления о мессе и сердечные приуготовления благочестивой души» (1693) и др. Посмертно, в 1773 г. было издано собрание ее поэзии (содержавшее и произведения на испанском): «Лузитанский Парнас божественных и человеческих стихотворений».

Стр. 598. *Десимы* — десятистрочные стихотворные строфы.

Бернардо Виейра Раваско (1617—1697).— Брат Антонио Виейры, знаменитого иезуита-проповедника, классика португальской прозы. Жил в Бразилии. Проявил отвагу в многочисленных схватках с голландцами, совершавшими постоянные набеги на португальскую колонию. Его произве-

дения — описание Бразилии, трактаты на современные политические темы и четырехтомные «Португальские и кастильские стихотворения» — остались в рукописи; часть из них утрачена.

Грегорио де Матос Герра (1633—1696).— Изучал право, служил на государственной службе в Португалии. Но в 1681 г. вернулся навсегда в Бразилию. Первые годы на родине были благоприятны поэту: он получил назначения на доходные церковные должности; но принять сан он отказался и остался не у дел. Богемный образ жизни, задиристость и не знавшая удержу страсть к сатирическому слову создали поэту самую дурную ренутацию; он был замешан в преступлении, не однажды скрывался бегством от гнева властей и оскорбленных его жгучими стихами лиц; в 1694 г. был выслан в Анголу и только через год получил свободу. Умер в Пернамбуко, где его принял под свое покровительство тамошний губернатор — с одним условием: не писать стихов. До XIX в. все произведения Матоса, прозванного «адской пастью», оставались неизданными, в том числе и любовная и религиозная лирика; но в рукописном виде они имели самое широкое хождение (и поныне не напечатаны, за их непристойностью, многочисленные эротические стихотворения поэта). Определяющее влияние на Матоса оказали Гонгора и Кеведо (см. испанский раздел наст. тома). Его творчество с равным правом можно рассматривать как в рамках истории португальской литературы, так и бразильской.

Мануэл Ботельо де Оливейра (1636—1711).— Бразилец по рождению; учился в Коимбре вместе с Г. де Матосом (см. выше). Всю жизнь занимался юридической практикой, давал деньги в рост. Писал на испанском, португальском, латинском и итальянском. Первый из бразильских поэтов, выпустивший прижизненную книгу стихов — «Парнасская музыка», 1705. Его поэзия отмечена сильным влиянием европейских образцов, в первую очередь, Гонгоры.

Н. Котрелев

ФРАНЦИЯ

Франсуа де Малерб (1555—1628).— Родился в г. Кане (Нормандия). В надежде сделать карьеру военного отправился в Прованс ко двору герцога Генриха Ангулемского, но, прослужив до 1586 г. секретарем герцога, так и не узнал военной славы. Зато слава Малерба-поэта, автора поэмы «Слезы святого Петра» (1587, поэма написана в подражание итальянскому поэту-маньеристу XVI в. Л. Тансилло) и особенно стансов «Утешение господину «Дюперье» (1598), оды «Королеве Марии Медичи» (1600), достигает Парижа и привлекает внимание приближенных короля Генриха IV. В 1605 г. поэт переезжает в Париж. Стансы «Молитва за короля, отбывающего в

Лимузен» (1605) снискали ему расположение монарха. По его протекции поэт поселяется в доме герцога Бельгарда. В скором времени Малерб завоевывает признание как реформатор французской поэзии и глава классицистической школы. Именно такую оценку дал его деятельности теоретик классицизма Н. Буало в своем «Поэтическом искусстве»:

... Но вот пришел Малерб и показал французам
Простой и стройный стих, во всем угодный музам,
Велел гармонии к ногам рассудка пасть
И, разместив слова, удвоил тем их власть.

... Его признали все, он до сих пор вожатый,
Любите стих его, отточенный и сжатый,
И ясность чистую всегда изящных строк,
И точные слова, и образцовый слог!

Перевод Э. Линецкой.

Стр. 605. Франсуа *Дюперье* — адвокат из Экса, один из близких друзей Малерба. Его дочь Маргарита умерла в 1598 г. пяти лет от роду.

Стр. 606. *...И Парки нить прервут...*— По греческому мифу, человеческая жизнь находится в руках трех парок — божеств подземного царства: парка Клото прядет нить жизни; Лахесис наматывает ее на веретено, а Атропа обрывает нить, кладя предел жизни человека.

Стр. 607. Молитва за короля, отбывающего в Лимузен.— В августе 1605 г. вспыхнул мятеж против Генриха IV в Керси, Лимузене и Перигоре. Генрих IV, возглавивший военную экспедицию в Лимож, подавил мятеж, несколько его участников были казнены. Стансы были сочинены Малербом по просьбе самого короля; они-то и обеспечили поэту, только что переехавшему в Париж, успех при дворе.

...Он ограждает нас от всяческой напасти...— Король Генрих IV положил конец гражданским («религиозным») войнам 1559—1598 гг. и значительно укрепил за годы своего правления (1589—1610) политическое единство Франции.

Стр. 610. *Его наследнику...*— То есть будущему королю Людовику XIII.

Пускай он отомстит...— В 90-е годы XVI в. в Северной Франции началась испанская интервенция, и в 1591 г. войска испанского короля Филиппа II при поддержке враждебной Генриху IV Католической лиги вошли в Париж. Мир с Испанией был заключен в 1598 г., но царствование Генриха IV отмечено заговорами феодальной знати, в большинстве своем инспирированными испанским двором.

Стр. 611. *Пенеева дщерь* — то есть нимфа Дафна, дочь речного бога Пенея, обратившаяся в лавр, когда ее преследовал влюбленный Аполлон.

Онора де Бюэй, маркиз де Ракан (1589—1670). — Родился в Турени в семье королевского военачальника. Рано потеряв родителей,

был взят на воспитание герцогом Бельгардом, который добился в 1605 г. для Ракана должности королевского пажа. В доме Бельгарда Ракан познакомился с Малербом и стал одним из любимых его учеников. Молодой поэт участвовал во многих военных походах Людовика XIII. В 1628 г. вышел в отставку и вернулся в Турень. Ракан был одним из первых членов Французской академии, основанной кардиналом Ришелье в 1635 г. Поэтическое творчество Ракана весьма разнообразно. Им написаны драматическая пастораль «Артениса» (более позднее название — «Пастушеские сцены»; поставлена в 1618 г., издана в 1625 г.), многочисленные оды, стансы, псалмы, сонеты и эпиграммы, печатавшиеся в коллективных поэтических сборниках XVII в., а также воспоминания о жизни его учителя Малерба (изданы в 1672 г.). Сборник его «Последних произведений и христианских стихов» вышел в 1660 г.

Стр. 614. *Патэ, Фужер* — старинные французские крепости.

Тирсис — одно из имен, традиционных для персонажей пасторальной и любовной поэзии XVII в. (В других стихотворениях французского раздела читателю встретятся имена Филиды, Ирис, Амариллис, Дамона, Сильвана, Климены и др.). Как правило, эти имена заимствованы из античных идиллий и эклог или из пасторалей эпохи Возрождения.

Стр. 615. *Фонтенбло* — парк и королевский дворец XVI в. Резиденция французских королей, начиная с Франциска I.

Франсуа де Менар (1582—1646).— Уроженец Тулузы. В молодости был секретарем Маргариты Валуа; в 1634 г. в свите герцога Ноайльского отправился в Италию. Ссора с герцогом навлекла на Менара немилость кардинала Ришелье. Поэт вынужден был покинуть Париж и жить в изгнании. Возвращение Менара в 1642 г. в Париж было непродолжительным, так как, вопреки своим ожиданиям, поэт уже не смог вернуть себе того влияния в литературных кругах, которым он пользовался до изгнания. Менар был, как и Ракан, членом Французской академии. Его многочисленные стихотворения (среди них значительную часть составляют эпиграммы) составили изданное им в последний год жизни отдельное «Собрание сочинений». По словам Малерба, Менар виртуозно владел поэтической техникой, но уступал в силе лирического чувства Ракану. «Из них двоих можно было бы составить одного великого поэта»,— заключал Малерб.

Стр. 618. *...И Парка оборвет...*— См. прим. к с. 606.

Стр. 619. *Шарль де Менар* — сын поэта.

Матюрен Ренье (1573—1613).— Родился в Шартре. Еще в ранней юности Ренье принял духовный сан. Это, однако, не мешало ему вести жизнь далеко не примерную и приобрести известность одного из самых смелых и язвительных поэтов-сатириков своего времени. Матюрен Ренье несколько лет прожил в Риме. С 1609 г. был настоятелем Шартрского собора.

Поэтические вкусы Ренье складывались под влиянием его дяди, крупного поэта конца XVI в. Филиппа Депорта (1546—1606). Многие стихи Ренье вошли в вольнодумно-эротический коллективный сборник «Сатирический кабинет» (1618). Но важнейшее место в его творчестве принадлежит сатирам, первый сборник которых появился в 1608 г. В дальнейшем поэт неоднократно переиздавал его с исправлениями и дополнениями.

Стр. 623. *Палэ* — старинное название парижского Дворца Правосудия, в те времена окруженного множеством торговых лавок.

Стр. 624. *...кто лебедь Аполлона...*— Поющий лебедь считался священной птицей Аполлона; согласно греч. мифу, семикратный лебединый крик возвестил о рождении этого бога.

Маркиз де Кевр.— Речь идет о Франсуа Аннибале Д'Эстре (умер в 1670 г.), французском после в Риме; в 1624 г. стал маршалом Франции.

Стр. 627 *...бой под Серизолли...*— Сражение в Италии, в котором Франциск I победил в 1544 г. Карла V.

Стр. 628. *Ла-Рошель* — самая сильная из гугенотских крепостей, имевшая большой гарнизон и сохранявшая до 1628 г. значительные политические и другие привилегии, предоставленные ей Генрихом IV.

...басню Грека...— Как отмечают некоторые комментаторы М. Ренье, поэт приписывает здесь греческому баснописцу басню, которую, видимо, читал в «Сборнике древних новелл» в Риме или в «Диалогах» Гуаццо. В рассказанной М. Ренье истории о львице, волке и осле соединились сюжеты двух басен (о льве, осле и лисице и волке и осле), принадлежащих Эзопу.

М. Фреминэ — Мартен Фреминэ (1567—1619), придворный художник Генриха IV, автор росписей часовни в Фонтенбло.

П ь е р М о т е н (1566(?)— 1610).— О жизни поэта почти ничего не известно. Он принадлежал к многочисленной группе представителей поэтического либертинажа, подражавших Матюрену Ренье и печатавшихся вместе с ним в сборниках «Сатирический кабинет», «Сатирический Парнас» и других собраниях вольнодумно-эротической поэзии. Мотен писал и одухотворенные любовные и религиозные стихи, меткие эпиграммы. Многие стихотворения Мотена получили одобрение Малерба и Ренье.

Стр. 632. *Новый мост* — возведенный в 1578—1607 гг. мост через Сену, застроенный в XVII—XVIII вв. лавками торговцев и увеселительными балаганами.

Самаритянка и Жакмар.— До начала XIX в. на Новом мосту была пристройка с насосом, подававшим воду в Лувр и Тюильри. Стены пристройки были украшены рельефным изображением Христа и Самаритянки — грешницы, доставшей Христу воды из колодца. Здание увенчивала башня с часами и фигуркой Жакмара — воина, отбивающего молоточком время.

Жан Оврэ (1590(?)— 1622).— Родился в Нормандии, был адвокатом, участвовал в состязаниях поэтов в Руане. Как отмечают исследователи (Ф. Лашевр, М. Аллем), атрибуция некоторых произведений, обычно приписываемых Оврэ, вызывает сомнения, поскольку в первой половине XVII в. в Нормандии были и другие поэты, носившие то же имя.

Этьен Дюран (1585—1618).— Родился в Париже. Мария Медичи сделала его своим придворным поэтом и поручала ему постановку дворцовых балетов. Дюран оказался замешанным в заговоре, инспирированном сторонниками Марии Медичи, и издал памфлет, содержание которого было оскорбительным для особы короля. Заговор был раскрыт, и Этьена Дюрана арестовали. Он был сожжен в Париже на Гревской площади.

Дюран — автор прециозного романа «Тернии любви» (1604) и стихотворных сборников «Книга любви» и «Размышления», посвященных его кузине Марии де Фурси.

Теофиль де Вио (1590—1626).— Глава французского либертинажа начала XVII в. Родился в Аженэ, в семье мелкого провинциального дворянина-гугенота. Приехав в 1610 г. в Париж, нашел себе покровителя в лице герцога Монморанси. Вольнодумные убеждения и богемный образ жизни молодого поэта стали причиной немилости к нему короля. В 1619 г. Теофиль де Вио был выслан из Франции и некоторое время прожил в Англии. По возвращении на родину принял католичество; однако в 1622 г. иезуиты организовали жестокую травлю поэта и добились его ареста, приписав ему переиздание сборника «Сатирический Парнас», хотя в нем содержались и стихи других поэтов-вольнодумцев. По обвинению в безнравственности и неверии в бога Теофиля де Вио приговаривают к публичному покаянию и сожжению. Еще два года он томится в тюрьме Консьержери в ожидании окончательного приговора, который был вынесен в 1625 г. и заменял смертную казнь вечной ссылкой. Преследования и тюрьма подорвали силы поэта. Он умер через год после своего освобождения.

Эстетическая программа Теофиля де Вио, не признававшего классицистической доктрины Малерба, изложена в стихотворении «Элегия одной даме» (1618) и в вводной главе «Фрагментов комической повести» (1623). Им созданы также «Трактат о бессмертии души» и трагедия «Пирам и Фисба» (1621). Однако полнее всего смелая мысль и яркий талант Теофиля де Вио проявились в его лирике.

Стр. 639. *Дамон.*— См. прим. к с. 614.

Стр. 641. *Ахерон* — в античной мифологии река в подземном царстве мертвых, через которую лодочник *Харон* перевозит души усопших.

Стр. 642. *Нестор* — согласно Гомеру, мудрый старец, опытный советчик в лагере греков, осаждавших Трою.

Силен — согласно античной мифологии, фригийское божество, вскормившее в младенчестве бога вина Диониса.

Цербер — трехголовый пес, охранявший выход из царства мертвых.

Пелион — высокая гора в Фессалии, которую, как гласит греческий миф, взбунтовавшиеся против Зевса титаны пытались взгромоздить на другую, стоявшую рядом гору, чтобы взобраться на небо.

Стр. 643. *Буссэр* — поместье Теофиля де Вио.

Антуан де Сент-Аман (1594—1661).— Родился в Руане. Поэт много путешествовал, сопровождая своих покровителей герцога Реца и графа д'Аркур в их военных походах и дипломатических миссиях. Гугенот от рождения, Сент-Аман в 1624 г. перешел в католичество. Живя в Париже, поэт одновременно посещал и аристократический литературный салон маркизы Рамбуйе, и вращался в кругу литературной богемы. В 50-е годы стал вести уединенную жизнь и обратился к религии.

Наиболее самобытна в художественном отношении лирика Сент-Амана 20-х годов (ода «Уединение», гимн «Виноградная лоза», сонеты, воспевающие жизнь богемы, каприччо «Видения»). Им создано также несколько бурлескных поэм. Написанная под влиянием Марино героическая идиллия «Спасенный Моисей» (1653) успеха не имела и вызвала критику со стороны Н. Буало.

Стр. 649. *Пан* — бог лесов и рощ, покровитель пастухов и охотников.

Филомела — поэтический синоним слова «соловей».

Стр. 654. *Лаваль.*— Имеется в виду маркиз де Лаваль, морской капитан, с которым поэт познакомился, видимо, во время своих путешествий в свите графа д'Аркура.

Буасса — то есть писатель Пьер де Буасса (1603—1662), один из первых членов Академии.

Фаре — друг Сент-Амана, Никола Фаре (1596—1646), писатель, автор сборника максим «Благородный человек, или Как понравиться при дворе» (1630) и предисловия к сочинениям Сент-Амана.

Тирс — увитый плющом посох бога вина Вакха.

Менады — жрицы, участвовавшие в мистериях в честь бога вина.

Стр. 655. *Жилло*, Жак (ок. 1550—1619) — писатель, один из авторов «Менипповой сатиры», «Французского Катона» и др.

Стр. 656. *Бодуэн.*— Имеется в виду Жан Бодуэн, поэт и переводчик, один из первых членов Французской академии.

Шарль-Вион д'Алибре (1600(?) — 1650(?).— Родился в Париже. В молодости был военным; оставив службу, занялся литературой и стал одним из убежденных приверженцев либертинажа. Вращаясь в богемной среде, сдружился с Сент-Аманом. На склоне лет в творчестве д'Алибре появляются назидательные и религиозные мотивы.

Клод де Бло (Клод де Шувиньи, барон де Бло л'Эглиз, 1605(?) — 1655).— Родился в Оверни. Был приближенным герцога Гастона Орлеанского, пользовался расположением Мазарини. Вел богемный образ жизни. Современники (Скаррон, г-жа де Севинье) дали этому поэту-вольнодумцу прозвище «Бло-острослов» («Бло — л'Эспри»).

Жан-Оже де Гомбо (1570(?) — 1666).— Сын обедневшего провинциального дворянина-гугенота, Гомбо сумел сделать карьеру при дворе, пользуясь покровительством Марии Медичи, Анны Австрийской и самого Ришелье. Плодовитый стихотворец (ему принадлежат прециозный роман «Эндимион», различные пьесы для сцены, лирические сборники «Гимны», «Нравственные послания», множество сонетов и эпиграмм), ученик Малерба, Гомбо был завсегдатаем салона маркизы Рамбуйе и одним из активных членов Французской академии.

Жак Валле де Барро (1599—1673).— Родился на Луаре, в местечке Шатонеф. В 1625 г. получил в Париже судейскую должность, но, не имея склонности к юриспруденции, вскоре оставил службу и разделил с представителями парижской богемы их богатое приключениями существование. Стихотворения Барро (элегии, стансы, сонеты) в большинстве своем посвящены его возлюбленной — знаменитой красавице Марион Делорм. Значительное место в его творчестве занимает и философская лирика. В конце жизни де Барро вернулся в провинцию и раскаялся в своем либертинаже.

Стр. 664. *Саразэн* — французский поэт Жан-Франсуа Саразэн (1603—1654).

Франсуа-Тристан Лермит (1601(?) — 1655).— Происходил из старинного дворянского рода. Некоторое время состоял пажом при Генрихе IV, но из-за дуэли был изгнан из Парижа. Юность Лермита, описанная им в романе «Опальный паж» (1643), прошла в скитаниях. Нигде подолгу не уживаясь из-за своего необузданного и независимого нрава, поэт побывал в Англии, в Шотландии, в Норвегии, жил в разных уголках Франции. Был ранен при осаде гугенотской крепости Ла-Рошель. В 1621 г. Лермит заслужил благосклонность Людовика XIII, написав оду в его честь, и вернулся в Париж. С этого времени, находясь на службе у близких королевскому дому особ, но по-прежнему дорожа своей духовной независимостью, Тристан Лермит много сил отдает литературе и становится одним из лучших лирических поэтов своей эпохи (сб. «Любовь Тристана», 1638; «Лира Тристана», 1641; «Героические стихи Тристана», 1648). Лермит много писал и для театра. Огромный успех, сравнимый лишь с успехом корнелевского «Сида», имела поставленная в 1637 г. трагедия «Марианна». В 1649 г. поэт был избран в Академию.

Стр. 668. *Анхиз* — возлюбленный Афродиты, отец Энея.

Гийом Кольте (1598—1659).— Родился и жил в Париже. В молодости служил в суде. Пользовался протекцией Ришелье, который включил Кольте в число «пятерки авторов», сочинявших стихи для драматургических набросков кардинала. В 1653 г. стал членом Академии. Кольте много писал по истории французской поэзии (его «Жизнь французских поэтов» содержит большой биографический материал о поэтах Плеяды) и по теории стихотворных жанров («Трактат о сонете» и другие исследования этого рода вошли в изданную в 1658 г. книгу Кольте «Поэтическое искусство»). Как поэт Кольте прославился своими сонетами и эпиграммами (сб. «Эпиграммы», 1653; «Различные стихи», 1656).

Стр. 671. *...Еще хранит, Ронсар...*— Кольте приобрел дом в Париже, принадлежавший прежде Ронсару. Этот дом и воспет в данном сонете.

Стр. 672. *Фетида* — старшая из дочерей морского бога Нерея, мать Ахилла.

Камена — покровительница искусств; в поэзии отождествляется с музой.

Стр. 674. *Юлия д'Анженн* — дочь маркизы Рамбуйе; ей и был посвящен рукописный, украшенный рисунками сборник «Гирлянда Жюли», над составлением которого трудились многие прециозные поэты, посещавшие салон Рамбуйе.

Венсан Вуатюр (1597—1648).— Сын зажиточного виноторговца из Амьена, он благодаря своим связям был представлен маркизе Рамбуйе и вскоре покорил посетителей ее салона любезным обхождением, остроумием, изяществом своих стихов. Вуатюр многие годы пользовался непререкаемым авторитетом среди законодателей аристократической литературы. Ловкий придворный, он умело пользовался расположением многих могущественных особ, получая от них завидные должности. В 1650 г. племянник поэта издал собрание его произведений. Особую известность в аристократической среде получили письма Вуатюра, предназначавшиеся им, согласно литературной моде того времени, для публичного чтения.

Стр. 675. *Цефал* — сын Гермеса и Герсы, прекрасный охотник, в которого влюбилась богиня утренней зари Эос.

Адан Бийо (или мэтр Адан; 1602(?) — 1662).— Родился в Невере, в семье ремесленника. Был столяром, читать и писать выучился сам. Стихи Бийо — эпиграммы, вакхические песни, стансы — нравились современникам, у поэта-самоучки появились знатные покровители. Сам кардинал Ришелье отнесся к Бийо благосклонно и назначил ему пособие. Однако Бийо не прижился в Париже, чувствуя себя чужим в аристократической литературной среде, давшей ему прозвище «Вергилий с рубанком». Он вернулся в свой Невер и до самой смерти не оставлял ремесла столяра. Стихотворения Бийо

объединены в сборники «Затычки» (1644) и «Коловорот» (вышел посмертно, в 1663 г.). Ему принадлежит также памфлет «Колотушка Фронды» (1651), направленный против Мазарини. «Вакхическая песня» Бийо (в русском переводе В. Курочкина — «Истинный пьяница», 1866) стала во Франции народной песней.

Стр. 677. *Г-н де М...*— аббат Жак Карпантье де Мариньи.

Стр. 678. *Был государь...*— Согласно Плутарху, последний из наследников Александра Великого был пленником привезен в Рим и здесь обнищал настолько, что вынужден был заняться ремеслом столяра.

Стр. 679. *Плутон* — брат Зевса, владевший подземным миром и царством мертвых (*греч. миф.*).

Жан-Савиньен де Сирано де Бержерак (1620—1655).— Один из крупнейших представителей вольномыслия периода Фронды. Родился в Перигоре, в небогатой дворянской семье. В 1639—1641 гг. состоял на военной службе, был ранен. Уйдя в отставку, сблизился с богемой. Сирано — мастер бурлеска (к этому жанру близок стихотворный памфлет «Министр державы погорелой», высмеивающий кардинала Мазарини). Но наибольшую славу принесли ему романы «Иной свет, или Государства и империи Луны» (1649—1650, изд. в 1669 г. См. 40-й т. БВЛ). Им написаны также комедия «Одураченный педант» (1647), главы неоконченного романа «Комическая история государств и империй Солнца» (опубл. в 1662 г.), трагедия «Смерть Агриппины» (опубл. в 1654 г.). Обстоятельства ранней смерти Сирано плохо известны. Яркий образ Сирано создан в трагикомедии Эдмона Ростана «Сирано де Бержерак» (1898).

Поль Скаррон (1610—1660).— Родился в Париже, в семье чиновника. В юности вел светский образ жизни, вращался в литературных кругах, но в 1633 г. покинул Париж, чтобы получить место каноника в небольшом городке Ле-Мане. В возрасте двадцати восьми лет жизнерадостный, любящий повеселиться аббат внезапно заболевает и превращается в разбитого параличом калеку. Тяжкий недуг не сломил, однако, его духа. Скаррон переезжает в Париж и с увлечением берется за литературный труд. Его дом становится блестящим литературным салоном, а в годы Фронды в нем собираются противники Мазарини и королевской власти. В 1652 г. Скаррон женится на внучке французского поэта-гугенота Агриппы д'Обинье.

Поэмы «Тифон, или Гигантомахия» (1647) и «Вергилий наизнанку» (1648—1652), стихотворный памфлет «Мазаринада» (1649) и книга стихов, вышедшая в 1643 г., закрепили за Скарроном славу непревзойденного мастера бурлескной поэзии. Скаррон был также автором реально-бытового «Комического романа» (две его части вышли в 1651 и 1657 гг.), «Трагикомических новелл» (изд. в 1661 г.), нескольких фарсов и комедий.

Стр. 682. *Тифон* — гигант, младший сын богини земли Геи, родившийся в глубинах подземного царства после победы Зевса над титанами; пытался бороться с олимпийцами и неоднократно причинял им различные неприятности.

Стр. 683. *Мом* — согласно греческой мифологии, олицетворение насмешки.

Стансы с зубочисткой.— Ковыряя перед зрителями в зубах, герой комедии «Жодле, или Хозяин-слуга» (изд. в 1645 г.) пародировал распространившуюся во времена Скаррона моду появляться в обществе с зубочисткой во рту.

Клод Ле Пти (1638(?) — 1662).— Родился в Нормандии. Учился в иезуитском коллеже, но, не кончив его, отправился в Париж. Поссорившись по дороге с одним монахом и убив его, бежал из Франции, долго странствовал по Италии и Испании. Затем возвратился в Париж и стал зарабатывать себе на жизнь литературным трудом. Он много писал в разных жанрах. Главное его произведение — поэма «Смешной Париж», отразившая вольнодумные взгляды поэта и распространявшаяся в рукописных копиях. По доносу Клод Ле Пти был арестован, обвинен в сочинении стихов, оскорбляющих нравственность, и сожжен публично на Гревской площади.

Стр. 689. *Мост Менял* — старинный мост, до 1639 г.— деревянный, с 1647 г.— каменный; неоднократно горел во время пожаров и рушился в дни наводнений.

Пьер Корнель (1606—1684).— Сын адвоката из Руана. Изучал право и сам был принят в руанскую корпорацию адвокатов. Первые его литературные опыты — галантные стихотворения, позднее вошедшие в сборник «Поэтическая смесь» (1632). В 1629 г., еще живя в Руане, Корнель обращается к театру. О его драматургии, ставшей одной из вершин французской литературы XVII в., подробнее см. в томе БВЛ: «Театр французского классицизма». В стихотворное наследие Корнеля входят, помимо стансов и сонетов светского содержания, религиозные гимны, псалмы, переводы христианских сочинений анонимных латинских авторов. Большинство этих произведений написано в 50-е годы, когда в творчестве Корнеля-драматурга наступил многолетний перерыв после провала трагедии «Пертарит» (1651, изд. в 1653 г.).

В 1647 г. Корнель стал членом Французской академии. Умер в Париже, в большой бедности, почти забытым.

Жан-Батист Поклен (1622—1673), взявший себе в 1643 г. псевдоним Мольер.— Родился и умер в Париже. Отец его, королевский обойщик и поставщик мебели, дал сыну хорошее образование. Вся жизнь Мольера связана с театром (см. 44-й т. БВЛ). Поэтическое творчество Мольера невелико. Известно, что Мольер переводил поэму Лукреция «О природе вещей», но этот перевод в настоящее время утрачен.

Стр. 690. Благодарность королю.— Поэма написана в 1663 г. по случаю получения пособия в тысячу ливров, пожалованного королем в самый разгар травли, которой Мольер подвергался после представления «Школы жен».

Стр. 693. *Г-н Ламот Ле-Вайе* — отец аббата Ле-Вайе, с которым были дружны Мольер и Буало.

Слава куполу Валь-де-Грас.— Поэма написана под впечатлением фресок, которыми известный живописец XVII в. Пьер Миньяр расписал в 1669 г. купол церкви Валь-де-Грас. Церковь была построена в 1645—1665 гг. Мансаром и Лемерсье, во исполнение обета, данного королевой Анной Австрийской перед появлением на свет ее сына, будущего Людовика XIV.

Жан де Лафонтен (1621—1695).— Родился в городке Шато-Тьерри в Шампани, в семье чиновника. По смерти отца Лафонтен унаследовал его должность «смотрителя вод и лесов». В 1657 г. Лафонтен, к тому времени уже автор имевшей успех переработки комедии Теренция «Евнух» (1654), поселяется в Париже. Ему покровительствует министр финансов Фуке. Лафонтен работает над прециозными поэмами «Адонис» (1658), «Сон в Во» (1658—1661), пишет эклогу «Климена», сочиняет мадригалы и баллады в галантном стиле. Элегия «К нимфам в Во» (1662) и ода «Королю в защиту Фуке» (1663), в которых выразилось сочувствие Лафонтена своему покровителю, арестованному Людовиком XIV, навлекли на поэта немилость короля и Кольбера. Лафонтен, высланный в Лимож после суда над Фуке, многие годы страдал от недоброжелательного отношения к нему монарха. Так, последний всячески препятствовал избранию Лафонтена в Академию. Поэт стал членом Академии лишь в 1684 г.

В Лиможе Лафонтен создает «Сказки и рассказы в стихах» (первые пять частей печатались в 1665—1685 гг. частично во Франции, частично в Голландии, так как Кольбер в 1674 г. запретил издание), повесть в стихах и прозе «Любовь Психеи и Купидона» (1669). В 1668, 1678 и 1694 гг. выходят двенадцать книг его «Басен», принесших Лафонтену мировую славу. В 60—80-е годы, уступая вкусам своих знатных покровителей (среди которых были сохранившие верность идеалам Фронды аристократки — герцогини Бульонская и Орлеанская и связанная с религиозной сектой янсенистов г-жа де ла Саблиер), Лафонтен пишет поэму «Святой Малх в плену» (1673), сочиняет стихи благочестивого содержания («Собрание христианских стихотворений», 1671). Из-под его пера выходят поэмы «Хина» (1682), «Филемон и Бавкида» (1685), немало эпиграмм и стихотворных посланий, среди которых представляет особую ценность «Послание епископу Суассонскому» (1687); в нем сформулирована позиция Лафонтена в разгоревшемся в 80-е годы споре «древних» и «новых» об отношении к традициям античной литературы.

Стр. 695. *Г-н де Мокруа* — аббат Франсуа де Мокруа (1619—1708), поэт, близкий друг Лафонтена.

Стр. 697. *Приап* — у древних греков бог садов, полей, а также чувственных наслаждений.

Стр. 699. *...как мой Мышонок влип...* — Имеется в виду басня Лафонтена «Петух, Кот и Мышонок».

Марк Аврелий — римский император (161—180 гг.), воевавший с германскими племенами. Лафонтен приписал ему словесное изображение древнего германца вслед за А. Геварой, автором «Жизни Марка Аврелия» (1529).

Стр. 700. *Претор* — сановник, назначавшийся для управления римскими провинциями.

Лупанар (л а т.) — публичный дом.

Стр. 701. *Прокуратор* — лицо, занимавшееся сбором доходов в казну императора; также — управляющий, поверенный в суде.

Минос — критский царь; мудрый и справедливый правитель, он после смерти стал судьей над душами умерших.

Стр. 708. *Флора* — италийская богиня цветов, юности и удовольствий.

Помона — римская богиня плодов.

...был поклонником Услады // мудрейший из мужей Эллады... — Подразумевается греческий философ Эпикур (341—271 гг. до н. э.).

Стр. 710. *Теренций* — римский комедиограф (ок. 195—159 гг. до н. э.).

Вергилий — римский поэт (70—19 гг. до н. э.), автор поэм «Энеида», «Георгики», сб. «Буколики» (см. 6-й т. БВЛ).

Жан Расин (1639—1699).— Родился в городке Ферте-Милон в Шампани, в семье судейского чиновника. Воспитанием его руководили янсенисты — последователи секты, требовавшей реформировать официальную католическую церковь. Подобно Корнелю и Мольеру, Расин посвятил всю свою жизнь театру. Об этой, главной стороне его творчества см. том БВЛ: «Театр французского классицизма». Но перу великого драматурга принадлежат также примечательные лирические стихотворения. Раннее лирическое творчество Расина представлено стихами о старинном аббатстве Пор-Рояль, в котором воспитывался юный поэт («Пейзаж»), переводами раннехристианских гимнов, «Стансами Партенизе», несколькими одами «на случай» («Нимфа Сены», «На выздоровление короля», «Воззвание к музам» и др.). На склоне лет Расин создает цикл из четырех гимнов благочестивого содержания — «Духовные гимны», предназначенные для воспитанниц благородного пансиона Сен-Сир. Современники Расина хорошо знали и язвительные эпиграммы, при помощи которых Расин расправлялся со своими недоброжелателями, пытавшимися воспрепятствовать успеху его трагедий.

Никола Буало-Депрео (1636—1711).— Родился в Париже. Сын судейского чиновника, Буало до 1657 г. служил в суде адвокатом. Бросив

после смерти отца свою должность, Буало на некоторое время подпадает под влияние вольнодумцев, вращается среди представителей богемы. В начале 60-х годов он сближается с Мольером, Расином и Лафонтеном. С 1660 г. начинают распространяться в списках сатиры Буало; в 1666 г. выходят отдельным изданием девять созданных им в эти годы сатир. В пародийном диалоге «Герои романов» (1665, изд. в 1701 г.) Буало выступает в роли литературного критика; он пишет стихотворные послания нравоучительного содержания, сочиняет ирои-комическую поэму «Налой» (1674—1683). Главное из произведений Буало — стихотворный трактат «Поэтическое искусство» — выходит в 1674 г.

В 1677 г. Буало получает при дворе должность королевского историографа. Литературная деятельность его возобновляется лишь в 90-е годы, когда Буало вступает в спор «древних» и «новых» на стороне защитников превосходства античных писателей над новейшими («Рассуждение об оде», 1693; «Критические размышления по поводу некоторых мест у ритора Лонгина», 1694). В 90-е годы создаются также новые сатиры. Первое полное собрание сочинений Буало вышло в свет в 1701 г.

Стр. 714. *Маркиз де Данжо* (1638—1720) — военачальник, приближенный Людовика XIV.

Капет. — Имеется в виду Гуго Капет (ок. 938—996), основатель королевской династии Капетингов.

Баярд — конь рыцаря Монтобана, героя рыцарских романов каролингского цикла.

Альфана—лошадь великана Градаса, героя романов Боярдо и Ариосто.

Стр. 717. *...Какой-нибудь Дозье...*— Имеются в виду Пьер д'Озье (1592—1660) и его сын Шарль-Рене, авторы генеалогических штудий и главные геральдисты Франции той эпохи.

Стр. 718. *Аббат* Мишель *де Пюр* — посредственный писатель, неоднократно высмеянный Буало.

Стр. 719. *Хоть время мирное, повсюду баррикады...*— В августе 1648 г., в разгар событий Фронды, в Париже строились баррикады.

Стр. 720. *...А я, кто не сумел...*— Буало жил в то время у своего брата, во дворе Палэ, под самой крышей.

Над Ифигенией, закланью обреченной...— Имеется в виду героиня трагедии Расина «Ифигения в Авлиде» (1674).

Шанмеле (Мари Демар; 1642—1698) — знаменитая трагическая актриса, игравшая, начиная с Гермионы в «Андромахе» (1677), все крупные женские роли в трагедиях Расина.

Стр. 721. *...Мольера прах опальный...*— Так как церковь отказалась хоронить автора «Тартюфа» и «Дон-Жуана», Мольер был погребен за кладбищенской оградой, причем его вдове с трудом удалось испросить у короля разрешение предать земле тело гениальнейшего комедиографа Франции.

...и пламя гаснет в нем...— Последняя трагедия Корнеля «Сурена» была поставлена в 1674 г.

...завистник бледный... // Тебя преследует жестокой клеветой...— Еще до постановки трагедии «Федра» (1667) недруги Расина, во главе с герцогом Неверским и племянницей кардинала Мазарини герцогиней Бульонской, организовали так называемый «заговор против «Федры». Завладев текстом трагедии Расина, они уговорили довольно посредственного драматурга Жака Прадона (1632—1698) написать и поставить трагедию «Ипполит» на сюжет «Федры». Одновременно знатные покровители Прадона клеветали на Расина, всячески интриговали, настраивая против него общественное мнение. И хотя их затея не смогла помешать успеху «Федры», Расин весьма болезненно пережил клеветнический «заговор» против его пьесы.

Стр. 722. *Цинна* — герой одноименной трагедии Корнеля (1640).

...гонимым Сидом...— Драма Корнеля «Сид» (1637) стала предметом «спора о «Сиде», инспирированного самим Ришелье и завершившегося осуждением «Сида» членами Французской академии.

Бурр — герой трагедии Расина «Британник» (1669).

...в Пирра критика вонзала острый нож.— Имеются в виду отрицательные отзывы о герое трагедии «Андромаха» (1667) — царе Пирре, который ряду критиков и влиятельных особ (в частности, принцу Конде) показался чересчур грубым и несдержанным для монарха.

Перрен.— Речь идет об аббате Пьере Перрене, малозначительном поэте, авторе либретто для опер «Люлли» и довольно слабого перевода «Энеиды».

...«Ионы» сочинитель...— Поэт и драматург Ж. Кора, автор эпопей на библейские и классические сюжеты. В 1668 г. выступил с сатирой на Буало; в 1674 г. вместе с Леклерком написал трагедию «Ифигения», надеясь поколебать успех трагедии Расина «Ифигения в Авлиде».

Линьер.— Имеется в виду Франсуа Пайо де Линьер (1628—1704), поэт-вольнодумец; Буало подверг его критике в своем «Поэтическом искусстве» (песнь 2).

Стр. 723. *Конде* — то есть принц Конде (1621—1686), родственник короля, военачальник, покровитель многих поэтов и художников. Буало и Расин бывали в его замке Шантильи.

Ларошфуко Франсуа (1613—1680) — один из наиболее значительных прозаиков XVII в., автор «Максим» (1665).

Вивон — то есть герцог де Мортемар и де Вивон (1636—1688), маршал Франции.

Ангьен, герцог (1643—1709) — сын принца Конде.

Кольбер Жан-Батист (1619—1683) — крупный государственный деятель, министр финансов при Людовике XIV.

Помпон — то есть маркиз Симон Арно де Помпон (1618—1699), племянник главы янсенистов А. Арно, дипломат, один из министров Людовика XIV.

Герцог Монтозье, Шарль де Сен-Мор — муж Юлии д'Анженн, дочери маркизы Рамбуйе.

Стр. 724. *Оставим итальянцам...*— По-видимому, имеется в виду поэзия в духе Марино — итальянского поэта (1569—1625), весьма популярного в кругах поклонников прециозного стиля.

Нередко пишущий так в свой предмет влюблен...— Имеется в виду драматург и поэт Жорж Скюдери (1601—1668), автор романов и поэм на исторические сюжеты, изобиловавших длинными описаниями.

Астрагалы — украшения в верхней части колонны.

Барбен — парижский книгопродавец.

Стр. 725. *Табарен* — прозвище актера, игравшего в 30-х годах XVII в. в Париже роль слуги-пройдохи в итальянской комедии масок.

Ассуси.— Имеется в виду Шарль д'Ассуси (1605—1674), автор бурлескных поэм «Веселый Овидий», «Похищение Прозерпины», «Суд Париса».

«*Тифон*» — бурлескная поэма «Тифон, или Гигантомахия» Поля Скаррона (см. с. 682—683 наст. тома).

Маро.— Речь идет о выдающемся французском поэте эпохи Возрождения Клемане Маро (1496—1544).

Бребеф Жорж (1618—1661) — французский поэт из окружения маркизы Рамбуйе, автор эпиграмм и пародийных поэм «Энеида наизнанку», «Лукан наизнанку».

...сраженье при Фарсале...— Сражение, окончившееся победой Цезаря над Помпеем (48 г. до н. э.). Поэма Лукана «Фарсалия», посвященная этому событию, и легла в основу бурлеска Бребефа «Лукан наизнанку».

Стр. 726. *Амфион* — сын Зевса, столь искусный в игре на кифаре, что ее звуки могли сдвинуть с места даже камни.

Гесиод — древнегреческий поэт VIII—VII вв. до н. э., автор дидактических поэм «Труды и дни» и «Теогония».

...Пермесскою волной...— Речь идет о реке Пермес, стекающей с горы Геликон и посвященной, как утверждают греческие мифы, Аполлону и музам.

Стр. 728. *Менаж* Жиль (1613—1692) — французский филолог, критик и поэт.

Билен Луи — парижский книгопродавец.

Сен-Сорлен — то есть Жан Демарэ де Сен-Сорлен (1595—1676), хвастливый, но посредственный литератор из окружения г-жи де Рамбуйе. Противник классицистической доктрины Буало. Автор ряда религиозных сочинений иезуитского толка.

Арно Антуан (Великий Арно, 1612—1694) — знаменитый французский теолог-янсенист, настоятель аббатства Пор-Рояль. Подвергался преследованиям со стороны иезуитов и официальной церкви. Был близок с Расином и Буало.

Стр. 729. *Марциал* (ок. 40 — ок. 104) — римский поэт-эпиграмматист.

Антуанетта Дезульер (1638(?) — 1664).— Антуанетта дю Лижье де ла Гард родилась в Париже. Дочь королевского дворецкого, она выросла в придворной среде, где выделялась незаурядной образованностью,

остроумием, изящным вкусом. Вместе со своим мужем, полковником Дезульером, который был участником Фронды, бежала из Франции и возвратилась на родину лишь после объявления амнистии фрондистам-эмигрантам. Как поэтесса Антуанетта Дезульер имела большой успех при дворе и в аристократических литературных салонах. Писала в традиционных для прециозной поэзии жанрах: ею созданы пасторали, идиллии, аллегории, эклоги, рондо. Из-под ее пера вышли также две трагедии.

Этьен Павийон (1632—1705).— Родился в Париже, в буржуазной семье. Поначалу готовился к духовной карьере и изучал теологию, но оставил ученье, получив место адвоката в Меце. В 1691 г. был избран во Французскую академию, позднее стал также членом Академии Надписей. Пользовался милостями Людовика XIV. Автор изящных, остроумных, хотя и неглубоких стихов, Павийон имел много почитателей. В нем видели второго Вуатюра. Стихотворения Павийона были изданы отдельным сборником в 1705 г., уже после его смерти.

Шарль-Огюст, маркиз де Ла Фар (1644—1712).— Начал свою карьеру при дворе; стал военным и участвовал в сражениях, но не добился высоких чинов и в возрасте тридцати трех лет подал в отставку. С этого момента жизнь его протекала в полной праздности, в игре и удовольствиях. Писать де Ла Фар начал довольно поздно, главным образом под влиянием своего друга, поэта Шолье. Де Ла Фар оставил несколько од (одной из них поэт дал красноречивое заглавие «Ода к лени»), мадригалов, посланий, лирическую трагедию «Пантея» и книгу «Воспоминаний», которая является лучшим его произведением.

Гийом Амфри де Шолье (1639—1720).— Сын нормандского дворянина, был аббатом. Шолье имел знатных покровителей, был богат и не отказывал себе в светских развлечениях. Его ближайшим другом стал де Ла Фар, эпикурейский образ жизни которого весьма импонировал аббату Шолье. Творчество Шолье и Ла Фара свидетельствует о появлении во французской поэзии конца века элементов рококо.

Шарль Перро (1628—1703).— Происходил из среды зажиточных парижских буржуа. Был адвокатом; в качестве чиновника строительного ведомства принимал участие в организации работ по отделке Версальского дворца. В юности вместе со своим братом Клодом Перро предпринял переработку шестой книги «Энеиды» в бурлескном духе («Стены Трои», 1653). В 1671 г. по протекции Кольбера стал членом Академии. В 1687 г. Шарль Перро прочитал на заседании Академии свою поэму «Век Людовика XIV», которая и побудила Н. Буало вступить в спор с Перро относительно значения античного литературного наследия. Полемику с Буало в вопросе о «древних» и «новых» Перро продолжил в диалогах «Параллели между древними и новыми»

(1688—1697) и в стихотворной сатире «Апология женщин» (1694). Перро был плодовитым поэтом. Он автор многих од, поэм, посланий. Главное же его произведение — сборник «Сказки моей матушки Гусыни» (1697); при переиздании его к восьми вошедшим в его состав прозаическим сказкам Перро добавил три стихотворных.

Стр. 734. *...И, как Людовика, ...// Победа никого так быстро не венчала.*— При Людовике XIV Франция одержала ряд важных побед в войнах с Испанией (в 1659, 1668, 1678 и 1684 гг.).

Стр. 735. *...И повода бы ты Горацию не дал...*— В «Науке поэзии» (ст. 358—360) Гораций говорит: «Но досадно, если и добрый наш старец Гомер иногда засыпает! // Впрочем, в столь длинном труде иногда не вздремнуть невозможно!» *(Перевод М. Дмитриева.)*

Е. Сапрыкина

ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ

ЧЕШСКИЕ ПОЭТЫ

Шимон Ломницкий из Будчи (1552—1623).— По происхождению крепостной, сын старосты в имении Рожемберков; получив образование, был служащим в имении, затем учительствовал, содержал заезжий двор; участвовал в антигабсбургском восстании, после его поражения у Белой горы впал в немилость у властей; умер в нищете.

Плодовитый и разносторонний поэт и прозаик, Ломницкий был автором двух сборников духовных песен, из которых один — «Новые песни» (1580) явился первым чешским католическим «канционалом» XVI в.; писал также драмы, много переводил. Способствовал жанровому и тематическому углублению чешской литературы своего времени.

Стр. 737. Мудрость.— Это стихотворение было в 1871 г. опубликовано на русском языке в переводе Н. Берга с биографической справкой, где о Ломницком говорилось как об одном из значительных чешских поэтов.

Микулаш Дачицкий из Геслова (1555—1626).— Богатый мещанин, получивший образование; знал латынь. В легендах, распространяемых вплоть до наших дней (был снят фильм о его жизни), Дачицкий выступает как человек без определенных занятий, авантюрист и дуэлянт. Но по его произведениям об авторе складывается впечатление как о человеке серьезном, горячем патриоте. Он написал «Дневник», где использовал записи семейной хроники, а в 1619—1620 гг.— сочинение в стихах под названием

«Простоправда», имея в виду безыскусную, чисто житейскую точку зрения на жизнь; в «Простоправде» (откуда взято стихотворение «О Богемия!») сильны выпады против католической церкви и мещанства. Произведения поэта были опубликованы лишь после его смерти.

Ян Амос Коменский (1592—1670).— Выдающийся чешский мыслитель, писатель, основатель современной педагогики, последний епископ общины «чешских братьев». В 1628 г., после белогорских событий, эмигрировал в Польшу, затем скитался по разным странам Европы, последние годы жизни провел в Амстердаме.

Наиболее значительные сочинения в области поэзии — духовные песни, перевод «Песни Песней» и псалмов, а также теоретическая работа «О чешской поэзии» (1620). Труды Коменского в области философии и педагогики, а также наиболее значительное произведение чешской художественной литературы XVII в.— «Лабиринт света и рай сердца» (1623) написаны на латыни. Стихи Коменский писал по-чешски.

Стр. 739. Наша жизнь есть странствие — из сб. «Евангельские песнопения» (1659).

Адам Вацлав Михна из Отрадовиц (ок. 1600 — ок. 1676).— Происходил из небогатой шляхетской семьи, органист, учитель пения и музыки в иезуитском колледже в Индржиховом Градце.

В своих стихах Михна опирался на добелогорские гуманистические культурные традиции; в то же время в его творчестве нашли отражение модные тогда увлечения идилликой, свойственной барокко.

Основные его сочинения — сборник «Чешская музыка, радостная и печальная, в честь Богородицы» (1647), «Лютня чешская» (1633), «Рождественская музыка» (1661). Образная выразительность языка (см., напр., «Майскую песню» — пейзажная зарисовка расцветающей природы и др.), близость его поэзии фольклору способствовали тому, что многие песни Михны стали народными (напр., колыбельная «Убаюкивая...»).

Вацлав Франтишек Коцманек (1607—1679).— Мещанин, получил университетское образование, учительствовал в провинции, затем в Праге, где был также регентом ряда католических храмов.

Коцманек сочинял пьесы, которые разыгрывались учениками на рождество и на масленицу, коляды, стихи на исторические темы. Произведения Коцманека интересны прежде всего как свидетельство современника о событиях того времени, они проникнуты сочувствием к угнетенным крестьянам, бедному люду. Язык произведений Коцманека насыщен элементами, свойственными народной поэзии,— сравнениями, поговорками, шутками.

Ему принадлежит первый известный так называемый чешский «сельский

отченаш» — парафраза молитвы «Отче наш», позже довольно распространенная форма стихотворения, в котором строки молитвы перемежаются со стихами критического содержания; поэт рисует произвол солдат, разорявших страну в период Тридцатилетней войны.

Феликс Кадлинский (1613—1675).— Доктор гуманитарных наук, член иезуитского ордена. Увлекался итальянской и испанской буколической поэзией. По мотивам немецких духовных песен Фридриха Шпее написал сборник духовной лирики «Славящий соловей» (1665) (фрагмент из этой книги см. в наст. томе), где, в отличие от Шпее, мистическое отношение к Христу трактуется как чисто светская эротика. Произведение Кадлинского пользовалось у современников большим успехом и находило подражателей вплоть до конца XVIII в.

Бедржих Бридель (1619—1680).— Наиболее известный представитель духовной контрреформистской поэзии в Чехии XVII в., прозаик, переводчик, миссионер.

В конце 50-х годов XVII в. издал сочинения в прозе и стихах о жизни св. Ивана (1657) и св. Прокопа (1662), сборник идиллических стихов — колядных песен «Ясли» (1658); тогда же создал наиболее интересное свое произведение, поэму «Что есть Бог? Что есть Человек?» (фрагмент из которой см. в томе), изданную анонимно в 1658 г.; в поэме отразилось типичное для поэзии барокко противопоставление величия бога и ничтожности человека. Поэма написана в традициях поэзии XVI века, ясным, близким народному языком.

Вацлав Ян Роса (ок. 1620—1689).— Доктор прав, адвокат, затем государственный чиновник — советник апелляционного суда; за заслуги на этом поприще был посвящен в рыцарство. Известен трудами в области филологии (грамматика чешского языка, словарь, работа о стихосложении). Его «Беседа пастухов о рождении Христа» — существенный вклад в достижения чешской поэзии XVII в. Публикуемый в наст. томе фрагмент из поэмы Вацлава Росы «Повествование Липирона, сиречь печального кавалера, de amore, или О любви» (1651) — образец модной галантной поэзии того времени.

Стр. 748. *Липирон* — имя образовано от греч. «печаль».

СЛОВАЦКИЕ ПОЭТЫ

Элиаш Лани (1570—1618).— Епископ евангелической церкви в Северной Словакии; один из наиболее тонких лириков в словацкой литературе той поры. Поэзия Э. Лани проникнута мистикой, фатализмом, но вся система строфики — глубоко народная, из народной поэзии он черпал и темы, образы. Как и другие словацкие авторы, представленные в томе, Э. Лани писал,

пользуясь чешской графикой (словацкий литературный язык сложился лишь в XIX в.) и под влиянием чешского языка.

До нас стихи Лани дошли в сб., изданном Д. Прибишем, вместе с «Катехизисом» Лютера в 1634 г.

Стр. 750. Ох, беда мне, грешной...— Монолог гонимой протестантской церкви.

Петер Беницкий (ок. 1603—1664).— Дворянин; служил в армии. Беницкий писал по-словацки — подготовленный им в 1652 г. сб. «Словацкие стихи» при жизни не публиковался,— и по-венгерски «Magyar rithmusok» («Венгерские стихи», 1664),— это была одна из наиболее читаемых книг (до XIX в. выдержала двадцать изданий).

Оба цикла созвучны, хотя и представляют собой разные сочинения; это стихи о жизни общества того времени, сентенции, почерпнутые из античных авторов, нравоучения, сатирические заметки и т. п.; в «Словацких стихах» ярко выражено критическое отношение к богатому дворянству, его привилегиям, и, с другой стороны,— сочувствие к крепостным. Публикуемые в наст. томе БВЛ стихотворения П. Беницкого взяты из его «Словацких стихов».

Штефан Пиларик (1615—1693).— Евангелический священник. Автор ряда религиозных и автобиографических сочинений. Наиболее популярное произведение поэта — реалистическая поэма о злоключениях в татаро-турецком плену и о счастливом освобождении — «Sors Pilarikiana. Судьба Пиларика Штефана, слуги господа» (1666), написанная на сильно словакизированном чешском языке. Спасаясь от религиозных преследований, Ш. Пиларик эмигрировал в Саксонию, где и умер.

Стр. 756. ...*табор... валашский*...— Валахия — княжество на нижнем Дунае; валахи принимали участие в турецких набегах.

Даниэль Горчичка-Синапиус (1640—1688).— Учитель, евангелический священник, проповедник; провел несколько лет в эмиграции в Польше. Талантливый поэт, филолог, призывавший словацких авторов «писать, как говорим», то есть по-словацки. Занимался исследованиями в области словацкого стиха, в своих собственных поэтических сочинениях придавал большое значение эвфонии, аллитерациям, словесной игре — подбирал этимологически близкие и созвучные слова.

В подготовленное им и дополненное издание протестантских духовных песен «Cithara Sanctorum» («Цитра святых», 1684) Горчичка включил около восьмидесяти своих песен и переводов; стихи Горчички публиковались также в сб. «Hortulus Animae piae» («Вертоград души набожной», Дрезден, 1676), откуда и взяты оба стихотворения, публикуемые в наст. томе.

И. Иванова

Георг Шернйельм (1598—1672).— «Отец шведской поэзии», Шернйельм был истинно ренессансной личностью. Он учился в Голландии и Германии, по образованию был философ и астроном, литературную деятельность начал как придворный поэт — писал тексты к балетам; занимал различные должности; изучал историю шведского языка — он автор незавершенного словаря «Кладовая древнего шведского и готского языка». С Шернйельмом в Швеции появилось новое отношение к профессии поэта и писание стихов перестало приравниваться к попрошайничеству. Благодаря Шернйельму в шведской поэзии появились новые формы (напр., сонет), размеры (гекзаметр, александрийский стих). Шернйельм писал лирические стихи, идиллии, эпиграммы; язык его изящен (и лишен при этом барочной вычурности), порою крепок, выразителен, свеж и близок к народному языку. Главное произведение Георга Шернйельма — поэма «Геркулес». Под античным облачением в поэме легко просматривается ее современное содержание. Геракл — молодой шведский дворянин XVII в., с типичным для этого рода людей мировоззрением и ходом мыслей. Он колеблется между двумя путями жизни, увлекаемый, с одной стороны, Удовольствием, с другой — Добродетелью. Добродетель же олицетворяет все лучшее, что было в старой Швеции, она указывает герою, что свои дарования и силы он должен поставить на службу стране. Идеал аскетизма был чужд Шернйельму: он призывал своего героя к такой деятельности, которая обогатила бы и других людей, и его самого как личность.

Ларс Вивалиус (1605—1669).— Сын крестьянина. Учился в Уппсальском университете, но закопченного образования не получил и не имел постоянного занятия. Вел бродяжническую жизнь и в конце концов вернулся в усадьбу своих предков — на хутор Вивалла.

Творчество Вивалиуса относится к первой половине века. Это — первый настоящий лирический поэт Швеции. Его стихам присущи непосредственность выражения чувств, естественность и простота. Особенно это относится к его стихам о природе, которую он умел увидеть по-своему и изобразить также по-своему, совершенно минуя те общие места, без которых не обходятся его стихи на другие темы. Стихи Вивалиуса о природе, о крестьянской жизни образовали целое направление в шведской поэзии, представленное в новое время такими поэтами, как Хейденстам, Фрёдинг, Карлфельдт.

Лассе Лусидор (псевдоним; наст. имя — Ларс Юханссон; 1638—1674).— Лусидор подхватил тему бражничества и бродяжничества у Вивалиуса, еще довольно неопределенную у этого последнего, и развил ее и как тему стихов, и как стиль жизни. От Лусидора она вошла как самостоятельная тема в шведскую поэзию, достигла зенита столетие спустя в творчестве Беллмана, получила развитие также в творчестве поэтов XIX в. Фрёдинга и

Карлфельдта и поэтов XX в. Нильса Ферлина и Дана Андерсона (см. соответственно тома БВЛ «Европейская поэзия XIX века» и «Западноевропейская поэзия XX века»). Творчество Лусидора весьма разнообразно; кроме шведского, он писал стихи на латыни, французском и английском языках; его перу принадлежат эпитафии, стихи свадебные, любовные, религиозные. Его застольные песни, которые сохранились в небольшом количестве,— своего рода шедевры шведской лирики. Язык его естествен и свободен, близок к повседневному. Стихотворения Лассе Лусидора были опубликованы посмертно в сб. «Цветы Геликона» (1689).

Самуэль Колумбус (1642—1697).— Ученик и друг Шернйельма (см. выше), под чьим влиянием написано его произведение «Odae Sveticae» («Шведские оды», 1674). Творчество Колумбуса разносторонне: кроме этих од, представляющих собой размышления в стихах, он писал свадебные стихи, эпитафии, создал стихотворный цикл «Библейский мир», издал в 1676 г. сб. стихов на разных языках.

В поэзии Колумбуса преобладают созерцательное отношение к жизни, элегические настроения, умиротворенность. От стихов современников стихи Колумбуса отличает стремление к благозвучию, к единству ритмической, образной и идейной сторон стиха.

Стр. 765. Лустивин танцует гавот...— Стихотворение публикуется не полностью.

Скугечер Бергбу.— Поэт, скрывавшийся под этим псевдонимом, до сих пор с точностью не определен. Основные произведения Бергбу — «Жалобы шведского языка» (опубликовано в 1658 г.), цикл сонетов «К Венериду» (1680) и «Сорок маленьких песенок» (1682). Два последние произведения появились в печати спустя тридцать лет после их написания.

Скугечер Бергбу — один из первых поэтов Швеции, обладавших ярко выраженным чувством формы. Новым было также и то, что с Бергбу в шведской поэзии проявилось влияние итальянской и отчасти античной лирики, выразившееся, среди прочего, в стремлении поэта создать особый пасторально-мифический мир. Новым было и отношение Бергбу к языку: он заговорил о том, что язык не просто средство общения, которое может рассматриваться лишь практически, но и источник красоты, что любовь к родному языку — свидетельство патриотизма и национального самосознания.

Сонеты Бергбу написаны под влиянием итальянских поэтов, в особенности — Петрарки. Есть предположение, что это самые первые сонеты на шведском языке; во всяком случае, это — первый цикл сонетов в шведской литературе. В этих сонетах любовь предстает по-новому: она резко индивидуализирована, свободна от ограничений протестантской морали. Сонеты, конечно, далеки от психологической поэзии в современном нам понимании, но в них впервые в шведской поэзии уже проявляется психология отдельного

человека. Почти все сто сонетов, входящих в цикл,— любовные, и хотя в них не отражены события из жизни автора — такой подход был еще не свойствен поэзии того времени,— все же в них отчетливо просматриваются черты, детали и ситуации реальной жизни.

Стр. 767. *Вёнерид* — возлюбленная поэта.

Мёларен — третье по величине озеро Швеции; на Меларене стоит Стокгольм.

Гунно Дальшерна (1661—1709).— Первая значительная литературная работа поэта — перевод итальянской драмы Гуарини «Верный пастух» (1696). В 1697 г. Дальшерна опубликовал поэму-плач «Королевский скальд» — на смерть Карла XI, отрывок из которой мы помещаем в томе. Поэма написана октавами, с тех пор распространившимися в шведской поэзии.

Юхан Руниус (1679—1713).— Творчество писателя было тесно связано с изменениями, происходившими в шведском обществе на рубеже XVII и XVIII вв., в том числе с ростом средних классов. Руниус — прежде всего поэт этих классов, представитель буржуазии в шведской поэзии. Герои его стихов — стокгольмцы самых разных профессий. В его стихах впервые стала описываться жизнь этих людей, их вкусы, нравы, быт. «Поездка Руниуса и Фриска в первый день пасхи 1712 года» — типичный образец такого рода поэзии. Это стихотворение, которое мы помещаем не полностью, а также «О тщете мира» — наиболее известные произведения поэта.

Стр. 774. Неизвестный автор. Напоминание о свадебных хлопотах.— До сих пор ведется спор об авторстве поэмы; некоторые литературоведы приписывают ее Георгу Шернйельму.

И. Бочкарева

К ИЛЛЮСТРАЦИЯМ

Настоящий том сопровождается репродукциями произведений живописи и графики художников Европы XVII в., который вошел в историю искусства как «золотой век живописи». И действительно, ведущие школы европейской живописи — голландская, фламандская, испанская, французская — дали миру такие великие имена, как Рембрандт, Рубенс, Веласкес, Пуссен.

Наибольшим количеством произведений представлена в томе голландская реалистическая школа искусства XVII в. Это, во-первых, два офорта Рембрандта. Великий живописец был также и выдающимся гравером. Офорт «Три дерева» (на суперобложке наст. тома) — одна из наиболее известных его гравюр. В ней с присущим Рембрандту драматизмом передано ощущение

стихийной мощи природы. Вдохновенность образов, созданных Рембрандтом в живописи, отличает его офорт «Фауст», где проникновенно передана сила и напряженность духовной жизни человека. Другой крупнейший голландский художник, Франс Хальс, известен как мастер портрета. В портрете «Цыганка» свободная, размашистая манера его живописи как нельзя более соответствует яркому, жизнерадостному образу девушки из народа.

В томе представлены и жанры реалистической живописи, получившие в Голландии преимущественное развитие: бытовой жанр, пейзаж, натюрморт. Картина выдающегося живописца Яна Вермеера «В мастерской художника» передает ощущение покоя и ясности человеческого бытия. Немалую роль в создании этого настроения играет освещение; Ян Вермеер был поистине волшебником света. Будничность мотива и в то же время одухотворенность в передаче жизни природы свойственна голландскому пейзажу XVII в., характерным образцом которого является картина Мейндерта Гоббемы «Две мельницы». В «Завтраке» Виллема Хеды, одного из выдающихся мастеров голландского натюрморта, воспевается красота материального мира в самых, казалось бы, будничных его проявлениях. Праздничное восприятие жизни, свойственное великому фламандскому живописцу Рубенсу, отличает и портрет Елены Фоурмен, жены художника, с сыном. Рубенс придает этой сцене материнства большую теплоту чувства и одухотворенность.

Большое влияние на развитие европейского искусства оказал крупнейший итальянский художник-реалист Караваджо, работавший на рубеже XVI—XVII вв. В созданной им картине «Лютнист» человек и окружающий его мир предстают особенно реально и осязаемо благодаря характерной для Караваджо светотени, подчеркивающей объемность фигур и предметов.

«Аркадские пастухи» Никола Пуссена — одно из наиболее замечательных произведений живописи французского классицизма, ведущего направления в искусстве Франции XVII в. В полных благородной гармонии образах из античности воспеваются возвышенные идеалы современной художнику эпохи. Полны достоинства и степенно величавы крестьяне в произведениях представителя реалистического направления во французской живописи XVII в.— Луи Ленена. В картине «Семейство молочницы» их фигуры объединены с окружающим пейзажем тонкой цветовой гаммой и световоздушной атмосферой, что сообщает образам крестьян мягкий лиризм и поэтичность. Реализм Жоржа де Латура, художника, вплоть до начала XX в. оставшегося неизвестным, иного плана. Его «Гадалка» поражает смелой откровенностью ярких и выразительных, порой грубоватых образов.

Великий испанский живописец Диего Веласкес представлен в томе «Конным портретом принца Бальтасара Карлоса», где богатство и красота живописи, праздничность колорита сочетаются с тонкой передачей естественной детской грации этого шестилетнего принца, ощущаемой несмотря на условность парадной позы. Сдержанная колористическая гамма соответствует правдивой жизненности образа в картине «Хромоножка» другого испанского художника, Хосе Риберы.

«Женский портрет» Питера Лели — образец искусства английского портрета, блестящий расцвет которого падает в основном на следующее столетие.

Немецкое искусство представлено рисунком одного из наиболее значительных живописцев Германии XVII в.— Адама Эльсхеймера. Аллегорическая композиция изображает художника, взывающего к гению живописи.

Чешский художник XVII в. Вацлав Холлар, работавший много в области документального пейзажа, представлен в томе офортом «Вид аббатства Роттендель».

«Портрет Людвики Каролины Радзивиллувны» неизвестного художника — образец раннего польского портрета, в изучении которого много сделано особенно в последнее время.

К. Панас

СОДЕРЖАНИЕ

Ю. Виппер. Поэзия барокко и классицизма 5

АЛБАНИЯ

Лек Матренга

Поминание. *Перевод Д. Самойлова* 31

Пьетер Буди

Перевод Д. Самойлова

Людская гордыня 31
О господи, благодаренье 35

Пьетер Богдани

Перевод Г. Ефремова

Дельфийская сивилла 36
Персидская сивилла 36

Люка Богдани

«Гур выходит ланью — Заной...» *Перевод Д. Самойлова* 36

Николе Бранкати

Текла та струйка. *Перевод Д. Самойлова* 38

Неизвестный автор

Робин-весельчак. *Перевод Г. Кружкова* 41

Томас Кэмпион

«Что из того, что день...» *Перевод Г. Русакова* 44
«Безгрешный человек...» *Перевод А. Сендыка* 44
«Когда сбежишь под землю, в мир теней...» *Перевод А. Сендыка* . 45
Джек и Джун. *Перевод А. Сендыка* 45
«Вглядись — и станет ясно...» *Перевод Г. Русакова* 46
Ночь, как день, богата. *Перевод Г. Кружкова* 47
«Опять идет зима...» *Перевод Г. Русакова* 47
«Навсегда отвергни брак...» *Перевод Г. Кружкова* 48
«Все сплетни собирай...» *Перевод Г. Кружкова* 49
«Трижды пепел размечи древесный...» *Перевод Г. Русакова* . . 49
«Я до спесивиц тощих...» *Перевод Г. Русакова* 50
К Лесбии. *Перевод Г. Кружкова* 50
«Ты не прекрасна, хоть лицом бела...» *Перевод Г. Кружкова* . . 51
«Взгляни, как верен я, и оцени...» *Перевод Г. Кружкова* 51
«Ждет Музыки мой изнуренный дух...» *Перевод Г. Кружкова* . . 52

Джон Донн

Песня («Падает звезда — поймай...») *Перевод В. Топорова* 52
К восходящему солнцу. *Перевод Г. Кружкова* 53
Канонизация. *Перевод Г. Русакова* 54
Бесконечность любви. *Перевод Э. Шустера* 55
Твикнамский сад. *Перевод Г. Кружкова* 56
Растущая любовь. *Перевод Г. Кружкова* 57
Прощальная речь о слезах. *Перевод А. Сендыка* 58
Ноктюрн в день святой Люси... *Перевод А. Сергеева* 58
Тень. *Перевод Э. Шустера* 60
Прощание, запрещающее печаль. *Перевод А. Шадрина* 60
Восторг. *Перевод А. Сергеева* 61
Завещание. *Перевод А. Сергеева* 63
Предостережение. *Перевод Г. Кружкова* 64
Возвращение. *Перевод Г. Кружкова* 65
Изменчивость. *Перевод Г. Андреевой* 66
Портрет. *Перевод Г. Кружкова* 67
Осенняя элегия. *Перевод А. Сергеева* 67
Эпиталама времен учебы в Линкольнз-Инн. *Перевод Г. Кружкова* 69
Эдварду Герберту. *Перевод Г. Андреевой* 71
Графине Бедфорд на Новый год. *Перевод Г. Андреевой* 72
Из «Анатомии мира». Погребальная элегия. *Перевод А. Сергеева* 74

Из «Священных сонетов»
I. «Ты сотворил меня—и дашь мне сгинуть?..» *Перевод А. Парина* 77
III. «О, если бы могли глаза и грудь...» *Перевод Г. Русакова* 77
V. «Я малый мир, создáнный как клубок...» *Перевод А. Парина* 77
X. «Смерть, не кичись, когда тебя зовут...» *Перевод Г. Кружкова* 78
XII. «Зачем вся тварь господня служит нам...» *Перевод А. Сендыка* 78
Эпитафия самому себе,— ко всем. *Перевод П. Грушко* 79

Джордж Герберт

Иордан. *Перевод В. Топорова* 79
Церковная молитва. *Перевод С. Бычкова* 80
Сущность. *Перевод С. Бычкова* 80
Труды. *Перевод С. Бычкова* 81
Человек. *Перевод С. Бычкова* 81
Жемчужина. *Перевод Г. Русакова* 83
Природа. *Перевод Г. Кружкова* 84
Любовь. *Перевод Г. Кружкова* 85
Смирение. *Перевод А. Шараповой* 85
Добродетель. *Перевод С. Бычкова* 86
Кругом грехи. *Перевод С. Бычкова* 87
«Неужто лишь сурьма да парики...» *Перевод Г. Русакова* . . . 87
Храмовое пение. *Перевод В. Топорова* 88
Мир. *Перевод В. Топорова* 88
Паломничество. *Перевод В. Топорова* 89

Роберт Геррик

Тема книги. *Перевод А. Сендыка* 90
Когда следует читать стихи. *Перевод А. Сендыка* 91
Пленительность беспорядка. *Перевод Г. Русакова* 91
Дианеме. *Перевод Э. Шустера* 91
Коринна встречает май. *Перевод А. Сендыка* 92
Веселиться и верить прекрасным стихам. *Перевод Е. Аксельрод* 93
Совет девушкам. *Перевод А. Сендыка* 95
Дивертисмент, или Конец. *Перевод А. Сендыка* 95
К иве. *Перевод А. Сендыка* 96
Госпоже его сердца, Антее. *Перевод Э. Шустера* 96
Господень воин. *Перевод А. Сендыка* 97
На мастера Бена Джонсона. *Перевод А. Сендыка* 97
Свобода. *Перевод А. Сендыка* 98

Песня безумной девы. *Перевод А. Сергеева* 98
Себе самому. *Перевод А. Шараповой* 99
Саван. *Перевод А. Шараповой* 100
Цветам садовых деревьев. *Перевод Э. Шустера* 101
К судьбе. *Перевод Г. Кружкова* 101
К своей совести. *Перевод Г. Кружкова* 102
Прощание мистера Роберта Геррика с поэзией. *Перевод А. Сергеева* 102

Томас Кэрью

Нетерпимость к обыденному. *Перевод А. Шараповой* 105
Песня («Не вопрошай, откуда нес...») *Перевод В. Левика* . . . 105
Неблагодарной красавице. *Перевод В. Левика* 106
Элегия на смерть доктора Донна. *Перевод В. Левика* 107
Весна. *Перевод А. Сергеева* 109

Ричард Крэшо

Пожелания *(К воображаемой возлюбленной). Перевод А. Спаль* . 110
Гимн во славу и во имя восхитительной святой Терезы... *Перевод Ш. Барим* 113
На подношение даме сердца книги Джорджа Герберта... *Перевод Ш. Барим* 114
Пастушья песнь Спасителю. *Перевод Д. Сильвестрова* 115
Пылающее сердце *(Над книгой и изображением святой Терезы). Перевод Г. Кружкова* 115

Генри Воэн

Птица. *Перевод Г. Кружкова* 116
Венок. *Перевод И. Могилевской* 117
Уход. *Перевод Г. Русакова* 118
Мир. *Перевод Э. Шапиро* 119
Водопад. *Перевод А. Сергеева* 121
Они ушли туда, где вечный свет. *Перевод А. Сергеева* 122

Эндрью Марвелл

Сад. *Перевод Э. Шустера* 123
Косарь — светлякам. *Перевод А. Сергеева* 125
Разговор между душой и телом. *Перевод Г. Кружкова* 126
Определение Любви. *Перевод А. Шадрина* 127
К стыдливой возлюбленной. *Перевод Г. Кружкова* 128
Бермуды. *Перевод А. Сендыка* 129
На смерть Оливера Кромвеля. *Перевод А. Сендыка* 130
Эпитафия («Довольно, остальное — славе...») *Перевод А. Сергеева* 131
Песня косаря. *Перевод В. Топорова* 131

Сэмюэл Батлер

Сатира в двух частях... *Перевод О. Чухонцева* 132
Сатира на дурного поэта. *Перевод Г. Кружкова* 135
«Каких интриг не видел свет!..» *Перевод Г. Симановича* 137
«Им все труднее год от года...» *Перевод Г. Симановича* 138
«Когда бы мир сумел решиться...» *Перевод Г. Симановича* . . . 139
«Лев — царь зверей...» *Перевод Г. Симановича* 139
«Нет в Англии тесней оков...» *Перевод Г. Симановича* 139
«У человека каждого во власти...» *Перевод Г. Кружкова* . . . 140
«Вождь мира — Предрассудок...» *Перевод Г. Кружкова* 140

Джон Драйден

Мак-Флекно. *Перевод Веры Потаповой* 140
Гимн в честь св. Цецилии, 1687. *Перевод Э. Шустера* 146
На смерть мистера Генри Перселла. *Перевод Г. Кружкова* . . . 148
Строки о Мильтоне. *Перевод Е. Аксельрод* 149
Пир Александра, или Всесильность Музыки. *Перевод Э. Шустера* 149
Прекрасная незнакомка. *Перевод Е. Аксельрод* 152
Песнь («К Аминте, юный друг, пойди...»). *Перевод Е. Аксельрод* 153
Портрет хорошего приходского священника... *Перевод Ю. Хазанова* 153
Похвальное слово моему дорогому другу, мистеру Конгриву... *Перевод М. Донского* 157

ВЕНГРИЯ

Миклош Зрини

Перевод Н. Чуковского

Время и слава 160
Сигетское бедствие (*Из поэмы*) 161

Иштван Дёндеши

Кузнецы *(Из поэмы «Памяти Яноша Кеменя»). Перевод Н. Чуковского* 162

Из народной поэзии

Песня Якаба Буги. *Перевод М. Исаковского* 164
Куруц в изгнании. *Перевод М. Исаковского* 165
Палко Чином. *Перевод М. Исаковского* 167
Жена каменщика Келемена. *Перевод М. Исаковского* 168
Анна Молнар. *Перевод С. Маршака* 170
Ката Кадар. *Перевод М. Исаковского* 171

ГЕРМАНИЯ

Перевод Л. Гинзбурга

Неизвестный автор

Вечность 175

Георг Рудольф Векерлин

К Германии . . . 176
Сон 177
На раннюю смерть Анны Августы, маркграфини Баденской . . 177
Пирушка 178

Фридрих Шпее

Ксаверий 181
Прошла угрюмая зима. . . . 182

Юлиус Цинкгреф

Об измене возлюбленной во время войны 184

Мартин Опиц

Песнь об отчизне 184
Безответная любовь . . . 185
К ночи и к звездам 187
Poeta 187
Образец сонета . . . 188
Пресыщение ученостью . . . 188
Sta viator . . . 189
Зерцало мира . . . 189
Свобода в любви 190
Песня 191
Средь множества скорбей . . 191
Жалоба 192
Везувий 193
Прогулка 194
Погибла Греция . . . 195
Слово утешения средь бедствий войны 195

Роберт Робертин

Весенняя песня . . . 196

Фридрих Логау

Изречения и эпиграммы
Знатное происхождение . . . 197
Отважная честность . . . 197
Деньги 197

Право и бесправье 198
Немецкая речь 198
Исполнение желаний 198
Стыдливый век 198
Дружба и вино 198
Власть 199
Война и мир 199
Наставление 199
Наши песни 199
Житейская мудрость 199
Служение музам 199
Победа над собой 200

Симон Дах

Анке из Тарау 200
Цена дружбы 201
Приглашение к веселью 201

Даниэль Чепко

Размышления
Одно — в другом 202
Предателю 202
Затяжная война 202
На погребение своего пера 202
Фрагмент 202

Пауль Гергардт

Летняя песнь 203
Вечерняя песнь 204
Моление о дружбе 205
Песнь утешения 206
Перед распятием 208
Ода в честь провозглашения мира 210

Иоганн Рист

На приход холодной зимней поры (Oda jambica) 212
Жалоба Германии 213
Вечность 214
Христианским князьям и властителям Германии... 215

Георг Филипп Гарсдёрфер

Дождь 216
Загадки
Нуль, или Зеро 217
Время 218
Латынь 218

Пауль Флеминг

К самому себе 218
Размышление о времени 218
Зачем я одержим... 219
Спор с самим собой 219
Озарение 220
Верное сердце 220
Как бы он хотел, чтобы его целовали 221
На ее отсутствие 222
Похвальба пехотинца 223
Новогодняя ода 1633 224
Великому городу Москве, в день расставания 225
На слияние Волги и Камы, в двадцати верстах от Самары . . . 225
На смерть господина Мартина Опица... 226
К Германии 226
Эпитафия господина Пауля Флеминга... 227

Исайя Ромплер фон Левенгальт

Взбесившаяся Германия *(Фрагмент)* 227

Андреас Чернинг

Девушке, выходящей замуж за старика 229
К отстуствующей 229

Юстус Георг Шоттель

Песня грома 230
Непрерывность страданий 231

Иоганн Клай

Анакреонтическая ода от лица Марии Магдалины 232
Праздничный фейерверк по случаю рождения мира 233

Андреас Грифиус

Слезы отечества, год 1636 233
Величие и ничтожество языка 234
Созерцание времени 235
Fortis ut mors dilectio 235
Мертвец говорит из своей могилы 236
К портрету Николая Коперника 238
Гибель города Фрейштадта 238
Невинно страдающему 240
Заблудшие 240
Сонет надежды 241

Все бренно... 241
Одиночество 242
Плач во дни великого голода 242
Гробница кесаря 244
К накрашенной 244
Свадьба зимой 245
К Евгении 245
На завершение года 1648 246
На завершение года 1650 246
Последний сонет 247

Христиан Гофмансвальдау

Исповедь гусиного пера 247
Утренняя песня 248
Портрет влюбленного 249
Радость 250
Сладострастье 250
На крушение храма святой Елизаветы 251
Предостережение 252
Земная жизнь 252
Размышления в день моего пятидесятилетия 253
Строки отчаяния 254

Филипп фон Цезен

Ода 256
К боготворимой, равных себе не имеющей Роземунде 257

Иоганн Георг Грефлингер

Праздник 258

Ганс Гриммельсгаузен

Гимн крестьянству 259

Ангелус Силезиус

Изречения 261

Зигмунд фон Биркен

Мир говорит 262
Осенняя песнь Флоридана 263

Катарина Регина фон Грейфенберг

О преследуемой и все же неодолимой добродетели 264
К почи 264

Даниэль Каспер Лоэнштейн

Лабиринт 265
Величие человеческого духа 266

Даниэль Георг Морхоф

Эпиграммы
Доктору Мартину Лютеру 268
Виноторговцу, утонувшему в реке 268
Скряга 268

Христиан Вейзе

Благие мысли при восхождении по лестнице 268
Неожиданные размышления о наступающей старости 269
Поэтам надобно влюбляться 270

Абрагам а Санта Клара

Эпитафия старухи 272
Война 272
Ночные музыканты 273

Ганс Асман Абшатц

Предостережение к Германии 274
Время и вечность 275

Квиринус Кульман

Изменчивая сущность бытия человеческого 276
Очертанье примет плоть 277

Готфрид Арнольд

Мир на земле 278

Иоганн Христиан Гюнтер

Студенческая песня 279
Проснувшаяся печаль 280
Ужель, прелестница младая... 281
Вечерняя песня 282
Терпимость, совестливость... 284
К отечеству 286
При вручении ей перстня с изображением черепа 288

ДАЛМАЦИЯ

Паское Примович

Перевод А. Ревича

«Фелуку послали ускокам навстречу...» 289
«Фигли строила ты двум молодцам в сутанах...» 289
«Фра Мáртин зазвонил в свои колокола...» 290

Хорацие Мажибрадич

Перевод А. Ревича

«Свет мой, сладостная вила...» 290
«Как без сердца с жизнью слажу?..» 291
С острова Млет 291
На смерть почтенного отца моего... 292

Стиепо Джюрджевич

Перевод В. Корчагина

Благословение женщине на супружескую измену 292
«Если вздохи мои и взгляды...» 293

Мехмед

Из поэзии альхамьядо
Хорватская песня. *Перевод В. Корчагина* 293

Мухаммед Хеваи Ускюфи

Перевод В. Корчагина

Из поэзии альхамьядо
«Господи, смиренно просим...» 294
«В путь мой заветный, в эту дорогу...» 295

Иван Гундулич

Из пасторали «Дубравка». *Перевод А. Ревича*
«В деревцах кудрявых ветры зашумели...» 295
«Цвет багряный на востоке...» 296
«Свобода! Чтó краше тебя и дороже?..» 296

Из поэмы «Османа». *Перевод В. Зайцева*
Песнь первая 296
Песнь вторая 297
Песнь восьмая 299

Иван Бунич
Перевод В. Корчагина

«Ах, не верь, моя Любица...» 300
Не отринь меня, хоть я и не молод 300
«Ах, если б вечно в очи эти...» 301
«О, глаза любимой...» 302
«Вила мне все перечит...» 302
Здравица 303
«Дорожи годами — мимолетно их бремя...» 303
«Господи мой боже, как мне тяжко, трудно!..» 304
Помрачение дня и все же просветление 17 декабря 1631 304

Юние Палмотич

Скольким каждый обязан родной земле. *Перевод Н. Стефановича* 304

Владислав Менчетич

Страсть всегда сильна обманом. *Перевод А. Ревича* 306
Вилам, которые не ведают любви. *Перевод Н. Стефановича* . . 307
«До тебя ей что за дело?..» *Перевод Н. Стефановича* 307

Антун Гледжевич
Перевод Н. Стефановича

Стихи о лопужанках 307
Говорят, что не пристало пожилой женщине заниматься любовью 308
Побасенка о тыкве и кипарисе 308

Неизвестный автор

Торговки-хлебницы. *Перевод В. Корчагина* 309

Игнят Джюрджевич
Перевод Н. Стефановича

Любовная история 312
В честь прихода весны 314
Слушайте слепого, дамы 314
Любимая солнцу подобна 315

ДАНИЯ И НОРВЕГИЯ

Андерс Арребо

Северный олень *(Из «Гексамерона»). Перевод А. Шараповой* . 316

Томас Кинго

Уставший от мира, взыскующий неба. *Перевод И. Бочкаревой* . . 317

Педер Дасс

Нурланнские трубы *(Фрагмент). Перевод И. Бочкаревой* . . . 320

Лауридс Кок

Песня о королеве Тюре Данебод. *Перевод И. Бочкаревой* . . . 322

Неизвестный автор

Из «Песни ночных сторожей». *Перевод Нат. Булгаковой*

9 часов вечера 325
10 часов вечера 325
3 часа ночи 325
5 часов утра 326

Неизвестный автор

Синяя фиалка. *Перевод Нат. Булгаковой* 326

ИСЛАНДИЯ

Перевод В. Тихомирова

Неизвестный автор

Баллада о Тристраме 329

Бьярни Йоунссон

Нескладухи 332

Хадльгримур Пьетурссон

Нравы века 333
Псалом XXXVI. О неправедном суде Пилата 339
Песня Сирен 341
Стихи о глиняном человеке 342
Пивная песня 343
Вечерние стихи 343

Стефаун Оулаффсон

Пивная песня 344
Вороний грай 345

Луис де Гонгора

«Ты, что целишься так метко...» *Перевод И. Чежеговой* 346
«Где башня Ко́рдовы гордой...» *Перевод С. Гончаренко* 347
Пасха девушкам мила, да прошла! *Перевод П. Грушко* 349
Испанец из Орана. *Перевод М. Донского* 351
Романс об Анхелике и Медоро. *Перевод П. Грушко* 353
«Поет Алкиной — и плачет...» *Перевод С. Гончаренко* 357
«Девица, и статью...» *Перевод П. Грушко* 357
Фортуна. *Перевод Г. Кружкова* 359
Летрилья *(Фрагмент)*. *Перевод П. Грушко* 360
«Рыдала девица...» *Перевод С. Гончаренко* 362
Был бы в сытости живот, а молва не в счет. *Перевод П. Грушко* . 363
«Куль я видел у менялы...» *Перевод С. Гончаренко* 364
«Над рекой горянки пляшут...» *Перевод П. Грушко* 366
«О влага светоносного ручья...» *Перевод С. Гончаренко* 368
«Как зерна хрусталя на лепестках...» *Перевод С. Гончаренко* . 368
«От горьких вздохов и от слез смущенных...» *Перевод П. Грушко* 369
«Я пал к рукам хрустальным; я склонился...» *Перевод В. Резниченко* 369
«Пока руно волос твоих течет...» *Перевод С. Гончаренко* 370
«В озерах, в небе и в ущельях гор...» *Перевод В. Резниченко* . . 370
«Кость Ганга, мрамор Пароса, блестящий...» *Перевод В. Резниченко* 371
«Зовущих уст, которых слаще нет...» *Перевод В. Резниченко* . . 371
«Не столь смятенно обойти утес...» *Перевод П. Грушко* 372
«Вы, о деревья, что, над Фаэтоном...» *Перевод В. Резниченко* . 372
«О Ко́рдова! Стобашенный чертог!..» *Перевод С. Гончаренко* . . . 373
«Величественные слоны — вельможи...» *Перевод М. Донского* . 373
На Христово рождение. *Перевод П. Грушко* 374
На погребение герцогини Лермской. *Перевод П. Грушко* 374
«Вальядолид. Застава. Суматоха!..» *Перевод С. Гончаренко* . . . 375
Послание Лопе де Вега. *Перевод С. Гончаренко* 375
«В могилы сирые и в мавзолеи...» *Перевод С. Гончаренко* . . . 376
Надпись на могилу Доменико Греко. *Перевод П. Грушко* . . . 376
«Сеньора тетя!..» *Перевод В. Резниченко* 377
«Доверив кудри ветру, у ствола...» *Перевод В. Резниченко* . . . 377
О старческом изможденнии, когда близится конец, столь вожделенный для католика. *Перевод П. Грушко* 378
Наисиятельнейшему графу-герцогу. *Перевод П. Грушко* . . . 378
О долгожданной пенсии. *Перевод П. Грушко* 379
Тщеславная роза. *Перевод И. Чежеговой* 379

Кристобаль де Меса

«Гонясь за счастьем, уделил я прежде...» *Перевод В. Резниченко* 380

Бартоломе Леонардо де Архенсола

Перевод П. Грушко

«Вот, Нуньо, двух философов портреты...» 380
«Сотри румяна, Ла́ис, непрестанно...» 381

Хуан де Аргихо . . . . . .

Времена года. *Перевод В. Резниченко* 381
«Карают боги гнусного Тантала...» *Перевод П. Грушко* 382
О Тесее и Ариадне. *Перевод П. Грушко* 382
«Покорная напевам Амфиона...» *Перевод П. Грушко* 383

Родриго Каро

Руинам Италики. *Перевод П. Грушко* 383

Антонио Мира де Амескуа

Песнь. *Перевод В. Резниченко* 386

Ортенсио Парависино

Послание черным очам. *Перевод М. Донского* 389

Франсиско де Кеведо

На того же Гонгору. *Перевод П. Грушко* 390
Реплика Кеведо дону Луису де Гонгоре. *Перевод П. Грушко* . . . 391
Эпиграмма на Гонгору. *Перевод П. Грушко* 391
Ликование души, плывущей по золотым волнам волос возлюбленной Ли́си. *Перевод П. Грушко* 392
Постоянство в любви после смерти. *Перевод А. Косс* 392
Пример того, как все вокруг говорит о смерти. *Перевод П. Грушко* 393
О всесилии времени и неумолимости смерти. *Перевод И. Чежеговой* 393
О деликатности, с коей приходит смерть... *Перевод П. Грушко* . 394
Обманная видимость и правдивая сущность. *Перевод П. Грушко* 394
Источая скорбные жалобы, влюбленный предостерегает Ли́си... *Перевод И. Чежеговой* 395
Пусть все узнают, сколь постоянна моя любовь. *Перевод И. Чежеговой* 395
Обреченный страдать без отдыха и срока. *Перевод И. Чежеговой* 396
Актеон и Диана. *Перевод П. Грушко* 396
«Слова твои, Херо́нимо,— обман!..» *Перевод В. Резниченко* . . 397
Сравнение любовной речи с речью ручья. *Перевод П. Грушко* . . 397
Другу, который, покинув двор юношей, вошел в преклонный возраст. *Перевод П. Грушко* 398

О краткости жизни... *Перевод П. Грушко* 398
О прелестях возлюбленной... *Перевод П. Грушко* 399
Мстительный сонет в форме совета красавице, утратившей былую прелесть. *Перевод С. Гончаренко* 399
Сатирический романс. *Перевод С. Гончаренко* 400
Лирическая летрилья. *Перевод С. Гончаренко* 402

Луис Каррильо де Сотомайóр

Перевод П. Грушко

Об останках дерева, испепеленного Юпитером 403
Пример того, как исчезает то, что было 403
О легкости времени и его утрате 404
О приговоре, вынесенном Самсону судьями 404
К Бетису, с просьбой помочь в плаванье 405
Мольба к Амуру о милосердии 405
Вязу, в утешение 406
«На побелевший Тисба смотрит лик...» 406

Хуан де Тассис-и-Перальта, граф Вильямедиана

Покидая придворную суету сует. *Перевод П. Грушко* 407

Хуан де Хауреги

О временах года. *Перевод В. Резниченко* 407
О разбитом судне, выброшенном на берег. *Перевод В. Резниченко* 408
Диалог природы, живописи и скульптуры... *(Фрагменты). Перевод П. Грушко* 408

Франсиско де Риоха

Перевод В. Резниченко

«Я полон самым чистым из огней...» 412
«В тюрьме моей, где в скорбной тишине...» 412
«Уже Борея гневные порывы...» 413
К розе 413

Луис де Ульоа-и-Перейра

Перевод И. Чежеговой

«Божественные очи!..» 414
Праху возлюбленного, помещенному вместо песка в песочные часы 415

Педро Сото де Рохас

Ад любви в сердце. *Перевод В. Резниченко* 415

Эстебан Мануэль де Вильегас

К Зефиру. *Сапфические строфы. Перевод М. Талова* 416

Педро Кальдерон

«Нет, меня не веселит...» *Перевод Б. Пастернака* 417
Наставленья Педро Креспо сыну из драмы «Саламейский алькальд». *Перевод Ф. Кельина* 417
Слепец. *Перевод Инны Тыняновой* 419
Щедрость. *Перевод Инны Тыняновой* 420
Презренье к славе. *Перевод Инны Тыняновой* 420
Утешение. *Перевод Инны Тыняновой* 421
Рассказ Фабьо о мартышках. *Перевод М. Донского* 422
Рассказ Фабьо о блохе. *Перевод М. Донского* 422
К цветам. *Перевод Б. Пастернака* 423
«Рассыпанные по́ небу светила...» *Перевод Б. Пастернака* . . 424
«Взглянув на кудри, коим ночь дала...» *Перевод М. Самаева* 424

Хуан Перес де Монтальван

Перевод П. Грушко

О раковине 425
«Идет Ревекка, ливнем золотым...» 425
«Не поборов сомненьями томленье...» 426

Сальвадор Хасинто Поло де Медина

Романс («Ах, как мчится по полянам...»). *Перевод А. Голембы* 426

Габриэль Бокапхель-и-Унсуэта

Размышления над масляной лампадкой, вделанной в часы. *Перевод П. Грушко* 428

Франсиско де Трильо-и-Фигероа

«Надежда, ты подвох и суета...» *Перевод П. Грушко* 428

Франсиско Лопес де Сарате

Перевод П. Грушко

«Уже она, попав под острый плуг...» 429
«Щедра на воду гордая река...» 429

Бернардо де Бальбуэна

Мексиканская весна. *Перевод И. Чежеговой* 430

Хуан дель Валье-и-Кавьедес

Перевод М. Донского

Сладостная Каталина 430
Преимущества бедняка. 431
О близкой моей смерти 432

Хуана Инес де Ла Крус
Перевод И. Чежеговой

Десима воину-сочинителю 433
Сонет, в котором содержатся рассуждения о прихотях любви 433
Сонет, в котором воображение тщится удержать уходящую любовь 434
Сонет, в котором содержится суждение о розе и созданиях, ей подобных 434
Сонет, который утешает ревнивца, доказывая неизбежность любовного непостоянства 435
Сонет, в котором поэтесса опровергает восхваления, расточаемые ее портрету пристрастной лестью 435
Десимы, в которых благородные усилия разума противоборствуют тираническому игу страсти 436

ИТАЛИЯ

Джордано Бруно
Перевод Г. Русакова

«Любви своей неся высокий стяг...» 438
«Даруя высшей истины прозренье...» 438

Томмазо Кампанелла

О себе. *Перевод А. Голембы* 439
Бессмертная душа. *Перевод А. Голембы* 439
О корнях великих зол вселенной. *Перевод С. Шервинского* . . . 440
О простом народе. *Перевод С. Шервинского* 440
«Горечь этого существованья...» *Перевод А. Голембы* 441
Жалобная, но и пророческая мольба... *Перевод А. Голембы* . . 441
К вешнему Солнцу, умоляя о тепле. *Перевод А. Голембы* . . . 442

Габриэле Кьябрера
Перевод С. Ошерова

Шутливые канцонетты
Сирена 444
Смех прекрасной дамы 445
Поэт восхваляет ланиты прекрасной дамы 446
Поэт защищается от Амура посредством лиры 447
Поэт не желает более любить прекрасную даму 447

Фульвио Тести
Перевод Н. Котрелева

Его высочеству Герцогу Савойскому 448
Графу Дж.-Б. Ронки. О том, что нынешний век развращен праздностью 449

Томмазо Стильяни
Перевод Е. Солоновича

Просьба к цыганке 451
Подаренный цветок 451
Ревность 452

Чиро ди Перс
Перевод Е. Солоновича

Красавица с ребенком на руках 452
Лидия, старея, хочет выглядеть молодой 453
Песочные часы 453
Колесные часы 454
Славит неустанные труды 454
Автор, коему исполнилось шестьдесят лет... 455
Охотник с аркебузой 455

Джамбаттиста Марино
Перевод Е. Солоновича

К своей даме, распустившей волосы на солнце 456
К сну 456
Приглашает свою нимфу в тень 457
Описывает пение разных птиц... 457
«Зачем, скажи, о Дафна...» 458
Поцелуи 458
Родинка на лице прекрасной дамы 461
Подвески в форме змей 461
Женщина с шитьем 462
Рабыня 462
Расставание 462
Дама, расчесывающая волосы 463
Ночное происшествие 463
Несовершенная радость 464
Мадонна Рафаэля из Урбино 464
Адонис (*Фрагменты*) 465

Франческо Браччолини
Перевод Е. Солоновича

О желании славы 472
Утренние колокола 473
Трудность и достоинство сонета 473

Клаудио Акиллини
Перевод Е. Солоновича

Белокурая женщина с распущенными волосами 474
Мина 475

Джироламо Прети
Перевод Е. Солоновича

Развалины Древнего Рима 475
В сельском уединении порицает двор 476

Пьер Франческо Паоли

Обучение азбуке. *Перевод Е. Солоновича* 476
Прекрасная испанка. *Перевод Е. Солоновича* 477
Заноза в пальце прекрасной дамы. *Перевод И. Котрелева* . . . 477
На тот же случай. *Перевод И. Котрелева* 477

Марчелло Джованетти
Перевод Е. Солоновича

Хвала черным кудрям 477
Прекрасная дама наблюдает ужасающую картину публичной казни 478
Прекрасная нимфа — утеха грубого пастуха 478

Джован Леоне Семпронио
Перевод Е. Солоновича

Танец селянок 479
Рыжие волосы прекрасной дамы 479
Накладные волосы коварной дамы 480
Quid est homo? 480
Прекрасная дева, умершая от оспы 481
Водяные часы, у латинян называвшиеся клепсидрой 481

Джанфранческо Майя Матердона
Перевод Е. Солоновича

Преподносит своей даме «Адониса» 482
Игра в снежки («Не чувствуя ладонью жаркой хлада...»). . 482

Красавица переплетчица 483
Фонтан на Понте Систо в Риме 483
Поцелуи немой дамы 484

Антонио Галеани

«Я столько раз взывал к тебе сквозь слезы...» *Перевод Е. Солоновича* 484

Антон Мария Нардуччи

Красавица, ищущая вшей. *Перевод А. Голембы* 485

Джироламо Фонтанелла

Перевод Е. Солоновича

К жемчужине 485
Воображаемая любовь 486
К луне 486

Бернардо Морандо

Перевод Е. Солоновича

Прекрасная купальщица 487
Красавица, играющая в трагедии 488
Обращение к друзьям в начале лета... 488

Паоло Дзадзарони

Перевод Е. Солоновича

Влюбленный, намеревающийся делить свою любовь между двумя женщинами 489
Эпитафия на могиле блохи 490
Эпитафия на могиле кота и пса 490

Леонардо Квирини

Перевод Е. Солоновича

Покойной ночи 490
Игра в снежки («Серебряные хлопья...»). 491

Джузеппе Баттиста

Обманщица. *Перевод Е. Солоновича* 492
Ружье. *Перевод Н. Котрелева* 492
Человеку должно быть мирным. *Перевод Е. Солоновича* 493
Осуждает сооружение роскошных зданий. *Перевод Е. Солоновича* 493

Джузеппе Артале

Перевод Е. Аксельрод

Блоха на груди прекрасной дамы 494
Мечта 494

Джакомо Лубрано

Перевод Е. Солоновича

Комару, мешавшему литературным занятиям автора 495
Фантастические бергамоты, в изобилии представленные в садах Реджо-ди-Калабрии 495
Моль 496

Федерико Меннинни

Перевод Е. Солоновича

Сущность бытия человеческого 496
Ложь, царица мира 497

Томмазо Гаудьози

Перевод Е. Солоновича

Употребление табака 497
Игра в карты 498
Смерть сглаживает все различия 498

Бартоломео Дотти

Перевод Е. Солоновича

Мельница 499
Муравьи 499
Бедный человек и могущественные враги 500
Не намереваясь возвращаться на родину 500
Дону Чезаре Пагани, сенатору Милана 501

Сальваторе Роза

Пророчество римскому Вавилону. *Перевод Э. Шапиро* 501

Алессандро Тассони

Похищенное ведро (*Фрагмент*). *Перевод А. Архипова* 502

Франческо Реди

Вакх в Тоскане (*Фрагменты*). *Перевод Е. Солоновича* 505

Карло Мария Маджи

Перевод Е. Солоновича

«Возможно ли, чтоб мысленно не звали...» 510
«Беспечно предается забытью...» 510

Франческо де Лемене

Перевод А. Парина

Соловей 511
Прощание 511
Скромная любовь 512

Винченцо де Филикайя

Перевод Е. Солоновича

К Италии 512
«А вот уже и этот год — старик...» 513

Бенедетто Мендзини

Перевод Н. Котрелева

«Повадился на вертоград и лозной...» 513
«Послушай: в камышах зашлась квакуха...» 514

НИДЕРЛАНДЫ

Якоб Катс

Перевод Е. Витковского

Похвала цыганской жизни 515
О табаке 516
О соли 517
О вине 517
Похвала голландскому маслу 518

Самюэл Костер

Похвала сельской жизни. *Перевод Д. Сильвестрова* 518

Даниэл Хейнсий

«Блажен боец в бою...» *Перевод В. Топорова* 519
Dominae servitium, libertatis summa est. *Перевод В. Вебера* . . 520
Господину послу Якобу ван Дейку. *Перевод В. Топорова* . . . 521

Юстус де Хардёйн

Перевод Е. Витковского

«Ни пенящихся волн, чье имя — легион...» 521
«Ни белокурый блеск зачесанных волос...» 522

«О липа, гордая своей листвой чудесной...» 522
«Слепец, отягощен своей шарманкой старой...» 523
«Меня оставил сон! Бессонница на ложе...» 523
«Мирского не хочу я доле длить веселья...» 524

Гуго Гроций

Вечерняя молитва. *Перевод Д. Сильвестрова* 524

Каспар ван Барле

Перевод с латинского А. Парина

На взятие Бреды 525
Проклятье комарам 525

Симон ван Бомонт

Перевод В. Вебера

Приветственная ода поэтессе Анне Румер... 526
«И целомудрие, и твердость воли...» 527
«Зачем, скажи, в чужих краях скитаться...» 527

Дирк Рафаэлисон Кампхёйзен

Перевод В. Топорова

«Днесь преисподней миру быть...» 528
Жалоба на тщету человеческих познаний 528
Суета сует 529

Якоб Ревий

Самсон побеждает льва. *Перевод Н. Мальцевой* 531

Ян Янсон Стартер

Перевод Е. Витковского

Солдатские любовные и пьянственные песни
Испанцы 532
Итальянцы 533
Французы 533
Англичане 533
Немцы 533
Нидерландцы 534
Фризы 534
Латинисты 534
«Сколько я не спал ночей...» 534
«День, иль месяц, иль, может быть, год...» 535
Ухаживание за меннонитской 536
«Юные нимфы, любимицы нег...» 538

Константейн Хёйгенс

Нищий. *Перевод Н. Мальцевой* 539
Комедиант. *Перевод Н. Мальцевой* 540
Амстердам. *Перевод Н. Мальцевой* 541
На смерть звезды. *Перевод Н. Мальцевой* 541
Страстная пятница. *Перевод Н. Мальцевой* 541
В мой день рождения. *Перевод Н. Мальцевой* 542
Мизогам, или Хулитель брака *(Сатира). Перевод с латинского С. Ошерова* 543

Иеремиас де Деккер

Перевод В. Топорова

Мой первый день 545
Мой последний день 546
Памяти брата моего отца 546
Ее смерть 547

Виллем Годскхалк ван Фоккенброх

Перевод Е. Витковского

«Предположить, что мной благой удел заслужен...» 547
«Вы, исполинские громады пирамид...» 548
Spes mea fumus est («У очага сижу и, стало быть, курю...») . . 548
К Клоримен («Когда, вы помните, являлась мне охота...») . . 549
«На каменной горе, незыблемой твердыне...» 549
Размышления в моей комнате 550
Размышления («Изменчив ли круговорот...») 552
Размышления о непостоянстве счастья 553
Хвалебная ода... 554
Эпитафия Фоккенброху 555

Хейман Дюлларт

Перевод Веры Потаповой

Моей догорающей свече 555
Веяльщик — ветрам 555
Трем волхвам с востока 556
Раскаявшийся разбойник 556

Ян Лёйкен

Перевод Е. Витковского

Видимость 557
Напрасно проповедуют глухим 557
Люцелла 558
Моя любимая — моя радость 559

Полевик 560
Приход рассвета 561
Душа созерцает творца в его творениях 562
Душа рассказывает о своей сущности... 563

Йоан ван Брукхёйзен

Перевод Д. Сильвестрова

Мысли 563
В верховьях Рейна 564
Утренняя песня 564

ПОЛЬША

Перевод А. Эппеля

Даниэль Наборовский

Яну Кохановскому, поэту польскому, эпитафия 567
Omnia si perdas famam etc. 567
На очи королевны аглицкой... 568
Мысль: Calando poggiardo 568

Иероним (Ярош) Морштын

(Альцеста, жена добродетельная...) 569
Сонет («Девки, музыка, брашно — и унынье не страшно...») . . 569
На дивную руку одной госпожи 569

Самуэль Твардовский из Скшипны

Дафна, в лаврово дерево обратившаяся 570

Шимон Зиморович

Из сборника «Роксоланки, то бишь русские панны»
Из первого хора девушек
Песня Коронеллы 573
Из второго хора юношей
Песня Ипполита 574
Из третьего хора девушек
Песня Богимнии 574

Кшиштоф Опалинский

Из сатиры «На тягости и угнетения холопей в Польше» 575

Ян Анджей Морштын

Ко псам 576
О себе 577
Сад любви 577

Обет из Сенеки для его милости господина хорунжего WXL . . 578
На цветики 579
К деве 579
Пчела в янтаре 579
Старому 580
Новое солнце 580
Неглупая 580
Чудеса любви 580
Отъезд 581

З б и г н е в М о р ш т ы н

Мысль человеческая 581
Из цикла «Симво́лы»
Символ 23 583
Символ 27 583
Символ 34 584
Символ 47 585

В а ц л а в П о т о ц к и й

Veto, или «Не дозволю!» 585
Краков 586
Шутка на шутку, и знатная 587
Полотно 587
Неглупые ответы 587
На свои стихи 587
Неуместная церемония 588
Хотел старик обжениться 588
Проповедь о великую пятницу 589
К панам 589
Воду варить — вода и будет. Про то же в шестой раз 589

В е с п а з и а н К о х о в с к и й

Надгробье храбрым воинам, на батожских полях... 590
О сиих стихах 591
Васнёвские пожелания 591
Титулованному praetereaque nihil 592
Из «Псалмодии Польской». Псалом XXIV... 592

С т а н и с л а в Г е р а к л и у ш Л ю б о м и р с к и й

Сонет в похвалу Тациту 593
Accipite et manducate... 594
Stabat Petrus... 594

ПОРТУГАЛИЯ

Франсиско Родригес Лобо

Перевод И. Чежеговой

«Чего ищу? Чего желаю страстно?..» 595
«О счастье — наш слепой и лютый враг...» 595

Франсиско Мануэл де Мело

Перевод И. Чежеговой

Сонет, в коем испрашивается прощение у небес за любовное безумие 596
Некой весьма красивой сеньоре, которая стала тещей 596
Диалог Жизни с Временем 597
Глосса 597

Жеронимо Байа

Жестокой Лйси. *Перевод И. Чежеговой* 598

Виоланте до Сеу

Десимы. *Перевод И. Чежеговой* 598

Бернардо Виейра Раваско

Глосса на тему сонета. *Перевод И. Чежеговой* 599

Грегорио де Матос Герра

Перевод М. Донского

Прощание с городом Байя по случаю отплытия в Анголу . . . 600
Размышления о Судном дне и конце всего сущего 603

Мануэл Ботельо де Оливейра

Земля Приливов. *Перевод И. Чежеговой* 604

ФРАНЦИЯ

Франсуа де Малерб

Утешение господину Дюперье *(Фрагменты). Перевод М. Квятковской* 605
Молитва за короля, отбывающего в Лимузен. *Стансы. Перевод А. Ревича* 607
Подражание псалму CXLV. *Перевод А. Ревича* 610
Песня («Пробудитесь, я жду вас, красавица!»). *Перевод М. Донского* 611

Онора де Ракан

Перевод М. Кудинова

Ода («Вы, что смеетесь надо мной...»). 612
Стансы («Тирсис, пора и нам подумать о покое...»). 614

Франсуа де Менар

Прекрасная вдова. *Перевод Н. Стрижевской* 617
Ода Шарлю де Менару *(Фрагмент). Перевод М. Кудинова* . . 619
Прощай, Париж. *Перевод М. Кудинова* 620
Места пустынные. *Перевод М. Кудинова* 620
Эпиграмма («В сапожном деле отличиться...»). *Перевод М. Кудинова* 621
Стихи, посвященные Малербу. *Перевод М. Кудинова* 622
Эпиграмма («Все то, что создано тобой...»). *Перевод М. Кудинова* 622

Матюрен Ренье

Сатира II *(Фрагменты). Перевод М. Кудинова* 622
Сатира III (*Фрагменты*). *Перевод В. Левика* 624
Сатира XII Ренье в защиту самого себя. *Перевод А. Ревича* . . 628
Все не вовремя. *Перевод В. Васильева* 632
Автоэпитафия. *Перевод В. Васильева* 632

Пьер Мотен

Перевод М. Кудинова

Диалог Жакмара и Самаритянки Нового Моста 632
От Жанны я ушел 634

Жан Оврэ

Кто он? *Перевод М. Кудинова* 634
Я впал в экстаз. *Перевод М. Кудинова* 635
В движении этого мира. *Перевод Э. Шапиро* 636

Этьен Дюран

Стансы Непостоянству. *Перевод М. Кудинова* 637

Теофиль де Вио

Любовное отчаянье. *Перевод Н. Стрижевской* 638
Виселица. *Перевод М. Кудинова* 640
Ода («Ворон каркает зловеще...»). *Перевод М. Кудинова* . . 641
Существа в обличье странном. *Перевод М. Кудинова* 642
Письмо к брату *(Фрагменты). Перевод М. Кудинова* 642
Аполлон. *Перевод Ю. Денисова* 646
Сонет Теофиля на его изгнание. *Перевод М. Квятковской* 647

Эпиграмма («Я полностью согласен с Вами в этом...»). *Перевод М. Квятковской* 648
«Недавно, пламенем божественным объятый...» *Перевод Э. Шапиро* 648
Стансы («Люблю — и в этом честь моя...»). *Перевод М. Квятковской* 648

Антуан де Сент-Аман

Уединение *(Фрагменты). Перевод М. Кудиновa* 649
Трубка. *Перевод М. Кудинова* 652
Кутилы. *Перевод М. Кудинова* 652
Альпийская зима. *Перевод М. Кудинова* 653
Попойка. *Перевод О. Румера* 653
Ленивец. *Перевод О. Румера* 655
Арион. *Перевод Ю. Денисова* 656
Видения. *Перевод Э. Шапиро* 656

Шарль Вион д'Алибре

Большой и толстый. *Перевод М. Кудинова* 657
Ты смертен, человек. *Перевод М. Кудинова* 657
О судьбе. *Перевод М. Кудинова* 658
Пышные похороны. *Перевод М. Кудинова* 658
«Мой друг, послушайся совета...» *Перевод В. Дмитриева* . . . 659

Клод де Бло

Перевод М. Кудинова

Католик ты иль гугенот 659
Тот свет — химера 660

Жан-Оже де Гомбо

Я с вами разлучен. *Перевод М. Кудинова* 660
Харита прочь ушла. *Перевод М. Кудинова* 660
По морю я плыву. *Перевод М. Кудинова* 661
«О мысли праздные, за радостью былою...» *Перевод Э. Шапиро* 661
«Ее не видел я, она мне не знакома...» *Перевод Ю. Денисова* . . 662
«Ты, усомнившийся в могуществе небес...» *Перевод В. Дмитриева* 662
Эпиграммы. *Перевод М. Кудинова*
Разглашенное благодеяние 663
Вынужденный визит. 663
Люди 663
Жизнь Гийома 663
Эпиграмма («В чем эпиграммы суть и что в ней наконец...») 664
Малерб 664
Лизимена 664
Средство избавления 664

Жак Валле де Барро

В могиле Саразэн. *Перевод М. Кудинова* 664
Всевышний, ты велик. *Перевод М. Кудинова* 665
Сон. *Перевод М. Кудинова* 665
Ты отвратительна, о смерть. *Перевод М. Кудинова* 666
«Не рваться ни в мужья, ни в судьи, ни в аббаты...» *Перевод Ю. Денисова* 666

Франсуа Тристан Лермит

Место прогулки двух влюбленных. *Ода. Перевод М. Талова* . . 667
Корабль. *Перевод М. Кудинова* 669
Увидев белый свет. *Перевод М. Кудинова* 670
Кончается мой день. *Перевод М. Кудинова* 670
Прекрасная нищенка. *Мадригал. Перевод М. Кудинова* 671

Гийом Кольте

«Ласкает все мой взор, на все глядеть я рад...» *Перевод М. Замаховской* 671
«Вы брали прелести во всех углах Вселенной...» *Перевод Ю. Денисова* 672
Поэтическая жалоба. *Перевод М. Кудинова* 672
Осмеянные музы. *Перевод М. Кудинова* 673
Время и любовь. *Перевод М. Кудинова* 673
Роза. *Перевод М. Замаховской* 674

Венсан Вуатюр

Сонет к Урании. *Перевод М. Кудинова* 674
Рано проснувшейся красавице. *Перевод М. Кудинова* 675
Девице, у которой рукава были засучены и грязны. *Перевод М. Кудинова* 675
Песня («Один от ревности сгорает...») *Перевод М. Кудинова* . . 676
Песня («Везет девицам в наши дни...») *Перевод Ю. Денисова* . . 676

Адан Бийо

Господину де М... *Перевод М. Кудинова* 677
Истинный пьяница. *Перевод В. Курочкина* 679

Сирано де Бержерак

Министр державы погорелой *(Фрагменты из бурлеска). Перевод Ю. Денисова* 680

Поль Скаррон

Тифон *(Фрагменты). Перевод А. Парина* 682
Стансы с зубочисткой. *Перевод М. Донского* 683
Надгробья пышные. *Перевод М. Кудинова* 685
Париж. *Перевод М. Кудинова* 685

Клод Ле Пти

Перевод М. Кудинова

Когда вы встретите 686
Шоссона больше нет 686
Смешной Париж *(Фрагменты)*
Кладбище Сен-Иносан 687
Башня Нотр-Дам 687
Мост Менял 689

Пьер Корнель

Стансы к маркизе. *Перевод М. Квятковской* 689

Мольер

Перевод А. Эфрон

Благодарность королю 690
Сонет 693
Слава куполу Валь-де-Грас *(Фрагмент)* 693

Жан де Лафонтен

«Жениться хорошо, да много и досады...» *Перевод М. Ломоносова* 694
Мельник, его сын и осел. *Перевод В. Левика* 695
Похороны львицы. *Перевод В. Левика* 697
Афродита Каллипига. *Перевод В. Левика* 699
Дунайский крестьянин. *Перевод В. Левика* 699
Сон Монгола. *Перевод В. Левика* 701
Очки. *Перевод В. Левика* 702
Гимн Наслаждению. *Перевод Н. Рыковой* 707
Послание мадам де ля Саблиэр. *Перевод В. Левика* 708
О женитьбе. *Перевод В. Левика* 711
На женитьбу старика. *Перевод М. Донского* 711
Эпитафия болтуну. *Перевод М. Донского* 711
Эпитафия лентяю. *Перевод В. Левика* 711
Эпиграмма на восклицание умиравшего Скаррона. *Перевод В. Левика* 711

Жан Расин

Стансы Партенизе. *Перевод Е. Гулыга* 712
Гимн III. Жалобы христианина, страдающего от раздора с самим собой. *Перевод А. Ревича* 713

Никола Буало-Депрео

Сатира пятая. *Перевод И. Шафаренко* 714
Сатира шестая. Парижские невзгоды. *Перевод М. Кудинова* . . . 717
Послание Расину. *Перевод Э. Линецкой* 720

Поэтическое искусство *(Фрагменты). Перевод Э. Линецкой*
Из песни первой 723
Из песни четвертой 725
Налой *(Из ирои-комической поэмы). Перевод О. Румера* . . . 727
Эпиграмма на Сен-Сорлена. *Перевод М. Донского* 728
По поводу сочиненной аббатом Котеном весьма дурной сатиры...
Перевод М. Донского 729
На лекаря, принявшего духовный сан. *Перевод М. Донского* . 729

Антуанетта Дезульер

Моим детям. *Аллегорические стихи. Перевод М. Замаховской* . 729

Этьен Павийон

Перевод М. Кудинова

Чудеса человеческого разума 731
Дворянин, призванный на войну. 732

Шарль Огюст де Ла Фар

Ода («Не в радость мне ни ум, ни тело!»). *Перевод Ю. Денисова* 733

Гийом Амфри де Шолье

На ревность. *Перевод В. Васильева* 734

Шарль Перро

Век Людовика Великого *(Фрагменты из поэмы). Перевод И. Шафаренко* 734

ЧЕХИЯ И СЛОВАКИЯ

ЧЕШСКИЕ ПОЭТЫ

Шимон Ломницкий

«Жизнь наша словно плывущий на судне...» *Перевод Ю. Вронского* 736
Завещание скупца. *Перевод Ю. Вронского* 736
Мудрость. *Перевод Н. Берга* 737

Микулаш Дачицкий из Геслова

О Богемия! *Перевод Ю. Вронского* 738

Ян Амос Коменский

Наша жизнь есть странствие. *Перевод Ю. Вронского* 739

Адам Михна из Отрадовиц

Смерть — конец — бубенец. *Перевод Ю. Вронского*. 741

Вацлав Франтишек Коцманек

Отче наш. *Перевод Ю. Вронского* 742

Феликс Кадлинский

Славящий соловей *(Фрагмент). Перевод Ю. Вронского* . . . 744

Бедржих Бридель

Что есть бог? Что есть человек? *Перевод Ю. Вронского* 746

Вацлав Ян Роса

«О изменчивость людская...» *Перевод Ю. Вронского* 748

СЛОВАЦКИЕ ПОЭТЫ

Перевод Ю. Вронского

Элиаш Лани

«Ох, беда мне, грешной...» 750
«Меня наказывает небо...» 751

Петер Беницкий

6 (63) «Почто пристегиваешь шпагу...» 752
10 (84) «Тот, кто других судить берется...» 752
12 (92) «Мне, говоря по чести, мнится...» 752
14 (101) «Справляя вольную работу...» 753
17 (118) «Нет, бедность вряд ли украшает...» 753
23 (150) «Любовь слепа...» 753

Штефан Пиларик

Судьба Пиларика Штефана, слуги божьего *(Фрагмент)* . . . 754

Даниэль Горчичка-Синапиус

«Мне нужна твоя поддержка...» 757
Смерть 757

ШВЕЦИЯ

Георг Шернйельм

Геркулес *(Фрагменты). Перевод А. Парина* 758

Ларс Вивалиус

Песня-жалоба о нынешней сухой и холодной весне. *Перевод И. Бочкаревой* 762

Лассе Лусидор

«Ревнители морали!..» *Перевод И. Бочкаревой* 764

Самуэль Колумбус

Лустин танцует гавот с пятью чувствами. *Перевод А. Парина* 765
Эпиграммы и эпитафии. *Перевод В. Автономова*
Мир — наш дом . . . 766
Нечестивый пастор . . . 766
Эпитафия Лассе Юханссону . . . 766
Доктор Фауст . . . 766
Жало жалости . . . 766
Эпитафия . . . 766

Скугечер Бергбу

Перевод И. Бочкаревой

Из цикла «К Вéнериду»
Сонет 22 . . . 767
Сонет 92 . . . 767

Гунно Дальшерна

Королевский скальд *(Фрагменты). Перевод А. Шараповой* . . 768

Юхан Руниус

Перевод А. Парина

Поездка Руниуса и Фриска в первый день пасхи 1712 года *(Фрагменты)* . . . 769
О тщете мира *(Фрагменты)* . . . 771

Неизвестный автор

Прискорбное напоминание о голоде. *Перевод Веры Потаповой* 773

Неизвестный автор

Напоминание о свадебных хлопотах *(Фрагменты). Перевод Веры Потаповой* . . . 774

Примечания *Т. Серковой, В. Муравьева, О. Россиянова, С. Шлапоберской, А. Романенко, И. Бочкаревой, А. Грибанова, Н. Котрелева, В. Белоусова, Б. Стахеева, Е. Сапрыкиной, И. Ивановой* . . . 781

К. Панас. К иллюстрациям . . . 890

БИБЛИОТЕКА ВСЕМИРНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
СЕРИЯ ПЕРВАЯ
Том 41

ЕВРОПЕЙСКАЯ ПОЭЗИЯ XVII ВЕКА

*

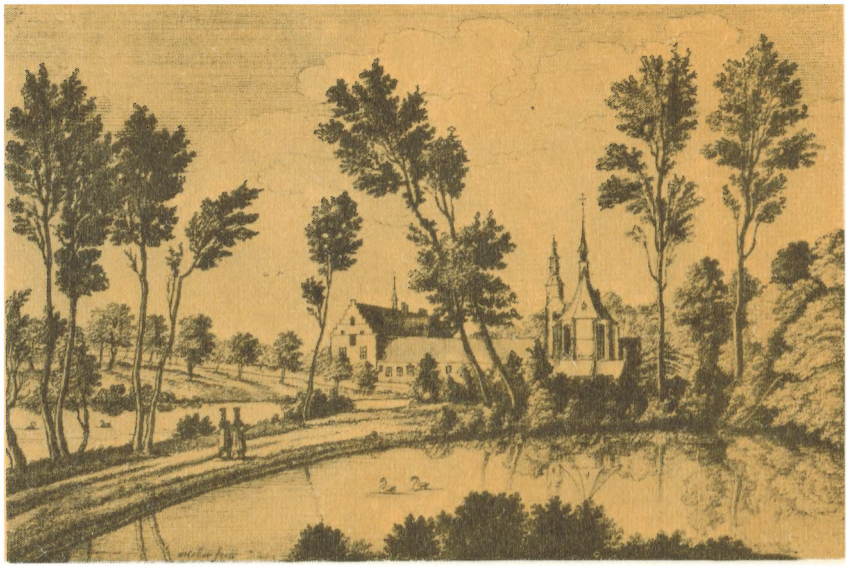
Редактор
М. Ваксмахер
Оформление «Библиотеки»
Д. Бисти
Художественный редактор
Л. Калитовская
Технический редактор
Л. Платонова
Корректоры
М. Пастер и М. Чупрова

Марка «Библиотеки
Всемирной литературы»
исполнена художником
В. Носковым

*

ИБ № 446
Сдано в набор 15/IV 1977 г. Подписано к печати 9/VIII 1977 г. Бумага типогр. № 1. Формат 60 × 84¹/₁₆. 58 печ. л. 54,114 усл. печ. л. 49,605 + 8 нак. = = 50,221 уч.-изд. л. Тираж 303 000 экз. 2-й завод (150 001—303 000)
Заказ 1434. Цена 5 р. 10 к.

Издательство
«Художественная литература»
Москва, Б-78, Ново-Басманная, 19

*

Ордена Октябрьской Революции
и ордена Трудового Красного Знамени
Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Союзполиграфпрома
при Государственном комитете
Совета Министров СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли.
Москва, М-54, Валовая, 28